

НОМО VIATOR

И повеле митрополит Пимен... писати
сего путешествования все, како поидоша, и
где что случися.

Хожение Игнатия Смольнянина

Ныне путешествуют не для того, чтобы
узнать и верно описать другие земли, но
чтобы иметь случай поговорить о себе

Н.М. Карамзин.

Едва ли есть что-нибудь в литературе
скучнее «путешествий». По крайней мере,
нет более действительного средства от
бессонницы, как иные записки о Париже
или о берегах Рейна, с преданиями о ры-
царских замках, каждому наизусть извест-
ными.

В.Г. Белинский

Я мог бы еще сотнями примеров дока-
зать пользу и значение путешествий, но не
хочу ломиться в открытую дверь.

А.Т. Аверченко

Казалось бы, каждый знает, что такое путешествие. Но, как это часто бывает с привычными и активно используемыми понятиями, достаточно попробовать дать его определение, чтобы почувствовать, насколько оно неоднозначно, изменчиво, многогранно. Отличается ли путешествие от поездки, странствия, похода, паломничества, экскурсии, экспедиции, или все это различные ипостаси одного и того же явления? Обязательно ли путешествие должно быть дальним и долгим? Если да, то что тогда понимать под дальностью и длительностью? Насколько значимы другие критерии, например, факт возвращения путешественника домой или наличие трудностей, которые ему пришлось преодолеть, чтобы достичь своей цели? Не будем спешить с ответом: у читателя, решившего познакомиться с матери-

алами сборника, есть возможность встретиться с разными видами путешествия и поразмышлять над определением самостоятельно.

И как практика, и как идея, образ, путешествие занимает важное место в культуре. По-видимому, во все эпохи люди пускались в путь с самыми разнообразными целями, а затем в той или иной форме рассказывали о том, что они увидели, узнали и испытали. Человечество за свою историю накопило невероятное количество таких рассказов – от путевых заметок до романов. Кроме того, мотив преодоления пути можно обнаружить в самых разных мифопоэтических и религиозных традициях, а примерам использования путешествия в качестве аллегории в философии, богословии, литературе, искусстве – несть числа. Универсальность путешествия как явления и многообразие связываемых с ним культурных смыслов делает его привлекательной и многообещающей темой для обсуждения в кругу гуманитариев. Авторы публикуемых в настоящем сборнике статей придерживаются разных подходов и по-разному трактуют понятие путешествия. Но при этом они – каждый по-своему – затрагивают принципиально важные аспекты интересующего нас феномена.

«Путешествовать» означает, как минимум, «перемещаться в пространстве». Пространство же является одной из фундаментальных категорий культуры. И потому рассуждения о путешествии в таком контексте невозможны вне исследовательской традиции, занимающейся историей пространственных представлений¹. Где перемещение в пространстве – там и пересечение границ. Не только географических или политических, но также (и может быть, в первую очередь) культурных. А это уже проблематика «образа Другого»: статус путешественника располагает и иногда даже вынуждает к вынесению суждений об увиденном (какой же ты путешественник, если тебе нечего рассказать о своих впечатлениях?). На характер этих суждений может влиять множество разных факторов, в том числе «домашние» установки автора и нередко встречающаяся склонность преподносить инцидент, свидетелем которого случайно оказался путешественник, как прецедент. Симптоматично, что путешествие запускает механизм рефлексии путешественника по поводу его собственной идентичности (в частности, национальной или цивилизационной/культурной)². Надо столкнуться с незнакомыми реалиями чужой жизни для того, чтобы по-новому взглянуть на себя. С другой стороны, разные люди, повстречавшись в пути, становятся «попутчиками», все они на какое-то время идентифицируют себя как «находящиеся в пути», «путешествующие», и дорога их всех объединяет, помогает преодолеть культурные границы.

В разные эпохи существовали разные представления о «типичном путешествии». Например, древние греки как «каноническое и основополагающее» (Ф. Артог) путешествие рассматривали возвращение Одиссея домой. Именно возвращение было для них одним из главных признаков путешествия вообще³. Для большинства средневековых сочинений о путеше-

ствиях характерно предпочтение ссылок на авторитеты повествованию о собственных впечатлениях автора. Средневековые путешественники стремились поразить читателя экзотикой, рассказами о чудесах далеких стран⁴. В раннее Новое время географические открытия и невиданное расширение границ мира способствовали превращению путешествия в важнейшее средство познания и образования. Путешествовать с познавательными целями стало просто необходимо (по крайней мере, для представителей благородного сословия: юноши отправлялись под присмотром гувернеров в заграничную поездку для завершения образования). Значение практики путешествия в эту эпоху подчеркивается между прочим появлением *ars apodemica*, «искусства путешествия», для приверженцев которого важнее всего были полнота и систематичность изложения объективных сведений⁵. В XVIII столетии характерной фигурой стал путешественник-литератор. Его записки были ценны именно благодаря субъективной позиции автора. Объективное же знание сосредоточивалось в дневниках исследователей и отчетах о научных экспедициях⁶. Для литературы о путешествиях XIX в. был типичен пафос исследования, открытия, заполнения «белых пятен» на карте и, конечно, приключения. Одновременно происходил и процесс коммерциализации путешествия. Оно постепенно превращалось в туризм, одна из характерных черт которого – массовость. Вероятно, именно туризм стоит рассматривать как наиболее типичную для нашего времени форму путешествия⁷.

Можно ли привести к общему знаменателю столь непохожие друг на друга и по-разному трактовавшиеся практики «перемещения в пространстве»? И стоит ли пытаться? Как бы то ни было, один более или менее универсальный критерий все же можно себе представить. Речь идет об изменении привычной, «домашней» реальности на реальность пути – незнакомую, необычную, возможно – манящую, а возможно – пугающую. Погружение в нее изменяет восприятие действительности, поскольку перестают работать многие «привычки сознания» (по словам М. Пришвина, путешествие есть «передвижение своего тела в новую среду»). Это может быть как субъективное ощущение путешественника, так и «эффект описания», вызываемый у читателя (слушателя) автором в процессе повествования о путешествии. Но даже в первом случае, т.е. в случае субъективного ощущения, это последнее может быть донесено до других людей исключительно посредством рассказа о путешествии. Следовательно, путешествие в конечном итоге есть то, что субъективно переживается либо описывается именно как таковое. Что для одного рутинная, обычная поездка, для другого – событие, новый опыт, новые впечатления, т.е. – путешествие

Путешествие создает эффект отстраненного наблюдателя. Взгляд путешественника – всегда взгляд чужака, который способен увидеть то, что слишком привычно для аборигенов и потому не замечается ими самими. С другой стороны, он свободнее в своих оценках (хотя, разумеется, свобода

оценок не означает беспристрастности) и может позволить себе быть неличеприятным. Поэтому образ внимательного и вдумчивого путешественника является весьма подходящей маской для критически настроенного автора. Описываемое путешествие отнюдь не должно совершаться в реальности, и рассказ о нем легко превращается в литературный прием, позволяющий вести полемику, излагать собственные взгляды, высмеивать язвы общества, к которому принадлежит автор (хрестоматийные примеры – Свифт, Радищев), и т.п.

Между прочим, похоже, именно отстранение в пространстве было первоначальной (если угодно, наиболее естественной) формой отстранения культурного и идеологического (утопия). С этой точки зрения, рассказ о путешествии генетически связан не только с сочинениями, критикующими нравственные и иные установления в обществе, но и, например, с научной фантастикой. Причем связь здесь очень глубокая: по словам литературоведа, специалиста по фантастике, Е.М. Неелова, «самый популярный научно-фантастический мотив путешествия в неведомое пришел из волшебной сказки, которая тоже строится как путешествие героя в неизвестный чудесный мир»⁸.

Прием рассказа о путешествии может использоваться и во вполне утилитарных целях. Так, в форме виртуального путешествия очень удобно представлять информацию, особенно – страноведческого характера (известно, например, что «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» было создано Сельмой Лагерлеф как школьное пособие по географии). Подобного рода популярные географо-этнографические описания в виде воображаемого путешествия по стране стали в XIX в. широко распространенным способом национальной репрезентации⁹.

Вообще, цели, с которыми создавались рассказы о путешествиях, могли быть самыми разными и притом отличными от целей самих путешествий. Существовали цели практические (географическое и топографическое описание земель для тех, кто снова двинется по тому же пути), познавательные (описать новые земли и чужие нравы), морализаторские, информационные (предоставить политическую и страноведческую информацию), меморативные (увечковечить славу похода/путешествия, рассказать о себе), учебные, развлекательные и др. В результате формировались самостоятельные жанры, рассчитанные на «своего» читателя и специфически отражающие реалии конкретных путешествий¹⁰.

Таким образом, текст о путешествии далеко не всегда совпадает с реальными событиями путешествия. Раскрытие стоящих за текстом авторских смыслов, с одной стороны, и реконструкция событий самого путешествия – с другой, это различные, хотя и тесно связанные друг с другом задачи. В разговоре о путешествиях историку то и дело приходится в очередной раз убеждаться в том, что «предельной» реальностью является именно реаль-

ность текста, обладающего собственным измерением, отличным от измерения «непосредственного опыта» рассказчика/автора повествования о совершенном путешествии.

Однако признание невозможности непосредственного соприкосновения с внетекстовой реальностью не означает отрицания последней и отказа от ее изучения. В этом отношении наша тема тоже представляет немалый интерес. В качестве одного из важнейших аспектов здесь стоит выделить исследование «путевой повседневности». Как обеспечивалась вся «индустрия», связанная с паломничеством, странничеством, «туризмом» эпохи Просвещения? Это и особая пища, питье, одежда, обувь, ночлег, транспорт, информация, обеспечение безопасности, переводчики и многое другое¹¹. Исторические практики решения этих проблем неисчерпаемы, но исследованы мало¹².

Другой существенный аспект связан с рассмотрением путешествия как специфического вида социальной практики. С этой точки зрения путешествия оказываются совершенно необходимыми в религиозной сфере (странничество, паломничество, миссионерство)¹³, в научной (экспедиции), в образовании¹⁴, для приобретения определенного символического капитала личности, ибо до недавнего прошлого, человек, много путешествовавший, считался как минимум интересной личностью («Что значит у нас человек, который не путешествовал?» – вопрошал знаменитый немецкий поэт XVII в. Пауль Флеминг).

Разумеется, публикуемые ниже тексты, разнообразные и по подходам, и по тематике, далеко не исчерпывают тему путешествий, которая оказалась весьма перспективной. Поэтому мы предполагаем продолжить обсуждение ее различных аспектов на страницах альманаха «Одиссей» и на сайте <http://www.odysseus.msk.ru/> и приглашаем всех желающих принять в этом участие.

¹ См. статью А.В. Подосонова в настоящем сборнике.

² См. статьи Г.П. Мельникова и Л.А. Пименовой.

³ Артог Ф. Возвращение Одиссея // *Одиссей*. Человек в истории. М., 1997. С. 71–95.

⁴ Лучицкая С.И. Путешествие // *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 397–400.

⁵ *Stagl, J. A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550–1800*. Chur, 1995. P. 49–94. См. также статью А.В. Лазарева в настоящем сборнике.

⁶ См. статью Л.А. Пименовой.

⁷ О туризме XIX–XX вв. как феномене культуры см., например: *Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Шнайден Й.И., Федупин А.А., Мазин К.А.* Советское зазеркалье: Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы: Учебное пособие. М., 2007; *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism* / Ed. by A.E. Gorsuch and D.P. Koenker. Ithaca, 2006; *The Business of Tourism: Place, Faith, and History* / Ed. by Ph. Scranton and J.F. Davidson. Philadelphia, 2007. О растущем интересе исследователей к этой проблематике свидетельствует также решение известного британского издательства «Routledge» начать в 2009 г. выпуск специализиро-

ванного журнала по истории туризма – «Journal of Tourism History»: <http://www.tandf.co.uk/journals/1755-182X>.

⁸ Неелов Е.М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск, 1987. С. 64.

⁹ См. статью М.В. Лескинен.

¹⁰ См. статьи Т.Н. Джаксон, Ф.Д. Прокофьева, О.И. Тогоевой, А.В. Толстикова и К.А. Левинсона.

¹¹ См. статью С.И. Лучицкой.

¹² Здесь, вероятно, будет нелишним напомнить о разделе, посвященном проблемам развития транспорта и путей сообщения в Новое время, в знаменитом труде Ф. Броделя: *Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1986. Т. 1. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. С. 440–457.*

¹³ Впрочем, именно в этой сфере не менее важным может быть, наоборот, отказ от путешествия (принцип *stabilitas loci*).

¹⁴ См. статьи А.В. Лазарева и С.Е. Федорова.

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ:
О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОПИСАНИЯ В «ХОРОГРАФИИ» ПОМПОНИЯ МЕЛЫ*

Прежде чем приступить к анализу географического описания мира у Мелы, я хотел бы остановиться на некоторых теоретических вопросах, связанных с античными пространственными представлениями.

Мне уже приходилось писать о принципиальной некартографичности античного восприятия географического пространства в связи с особенностями ориентации в пространстве человека Античности¹.

Если проблему восприятия человеком пространства взять в самом общем аспекте, то следует, по-видимому, говорить о существовании двух систем пространственной ориентации, исторически следующих одна за другой, но в различные конкретные периоды истории находящихся в довольно сложных взаимоотношениях.

Исторически первой формой ориентирования человека в пространстве можно считать ту, при которой субъект наблюдения полагает себя в центре наблюдаемого им мира, а все окружающие объекты воспринимает через призму их отношения к этой центральной точке (эгоцентрическое восприятие пространства).

Только таким, конкретно-чувственным восприятием пространства (от себя) может объясняться существование часто встречающихся в географической номенклатуре Античности и Средневековья терминов: Галлия Предальпийская и Заальпийская (*Cisalpina et Transalpina*), Испания, Азия, Индия – Ближние и Дальние (*Citerior et Ulterior*), страны по сию сторону Тавра (*citra Tauri juga*), Азия по сию сторону реки Галис, топонимические эпитеты: *trans- et cis-padanus*, *trans- et cis-montanus*, *trans- et cis-rhenanus*, *cistiberis et transtiberinus*, *transdanubianus* и многие другие².

В этих же терминах описывает ойкумену в своей «Космографии» Равеннский аноним (VII в. н.э.), последовательно перечисляющий народы, начиная с живущих у побережья «внешнего Океана» и доводя каждый раз до Равенны по одному из направлений розы ветров (в данном случае по часовым поясам, делящим всю окружность горизонта на 24 равные дуги). Географические объекты располагаются здесь нередко *ad frontem* или *post terga* относительно друг друга, если смотреть на них из Равенны³.

Речь в данном случае идет о такой позиции наблюдателя, при которой место его нахождения фиксировано в одной точке, чаще всего совпадаю-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 07-01-00058а.

при котором человек, полагая самого себя в центре наблюдаемого мира, устанавливает местоположение наблюдаемых и описываемых им географических объектов по ориентирам окружающей ландшафтно-географической природной среды. Думается, что эта система ориентации в пространстве характерна для большинства архаических культур Евразии. Условно я назвал такое видение мира *хорографическим*⁷. Вслед за мной разрабатывавший эту проблему итальянский историк Пьетро Янни называет эту систему *годологической*, т.е. основывающейся на представлении о пути (от греч. $\square\odot\omega\square\bowtie$ – «путь»)⁸.

С развитием географических познаний, с прогрессом естественнонаучных дисциплин, обеспечивших теоретико-астрономическое обоснование строения и формы Земли, а также с развитием картографической теории и практики происходило становление и развитие *вторичной системы ориентации*, в своем крайнем выражении прямо противоположной первичной, но в чистом виде встречающейся довольно редко.

Такую систему ориентации я назвал *картографической* (этот термин принимает и П. Янни⁹). Ее характерной чертой является несвязанность с конкретно-чувственной системой отсчета, большая степень абстрагирования при рассмотрении земной поверхности от местных географических ориентиров. Если первичное восприятие пространства можно представить как ментальную «карту пути», то здесь уже имеет место «карта-обозрение» – «одновременное единое представление системы различных пространственно размещенных и соотнесенных компонентов, образующих координированное пространственное единство»¹⁰.

Любопытно, что развитие пространственных представлений в архаических обществах четко коррелирует с тем, как ребенок осваивает окружающий его пространственный мир. Исследователи детской психологии отмечают, что, если сначала детское «перцептивное пространство неоднородно, обладает определенной централизацией», то в процессе эволюции мышления ребенка «происходит переход от общего эгоцентризма к интеллектуальной децентрации»¹¹.

По мнению психолога Ф.Н. Фримана, генетическое развитие ориентации в пространстве следует трем ступеням ориентации: 1. по отношению к самому себе как центру; 2. по отношению к другому объекту, чья локализация уже известна; 3. при помощи системы фиксированных направлений¹².

Выдающийся психолог XX столетия Ж. Пиаже, много сил отдавший исследованию представлений ребенка об окружающем его мире, отмечал, что ребенок сначала воспринимает так называемое «топологическое пространство», которое он осваивает шаг за шагом в результате познавательных операций. Следующий этап, когда ребенок может связать воедино все возможные проекции объекта, называется у Пиаже «проективным, или перспективным». При этом Пиаже отмечает, что «переход от эгоцентрического реализма к релятивной координации играет важную роль в формировании

идеи проективного пространства» и, в конечном итоге, в овладении евклидовым пространством¹³. Нетрудно увидеть корреляцию между терминами Пиаже («топологическое» и «проективное» пространство) и нашими («хорографическая», или «годологическая» и «картографическая» системы), отражающую корреляцию между явлениями палеопсихологии и развития детской психики¹⁴.

Для возникновения вторичной ориентационной системы нужна была, конечно, очень высокая степень развития отвлеченного геокартографического сознания, когда наблюдатель исключает из рассмотрения место своего пребывания как исходный пункт описания, как бы паря над землей и со стороны охватывая всю ее мысленным взором.

Сходную метаморфозу, определяемую воздействием вторичной системы ориентирования, претерпевала и картография: от примитивных круглых карт (таковы древневавилонские, древнеионийские, возможно, римские, большинство западноевропейских средневековых, некоторые арабские и другие карты мира¹⁵), как диктовала круглая линия горизонта (опять обусловленность первичной ориентацией!), с местом, где находился сам автор или был общепризнанный центр, в середине карты, ориентированных, как правило, на юг или на восток, до карт с отсутствующей фиксацией центра, повторяющих своей формой очертания населенной земли, с распределением ее в соответствии с параллелями и меридианами, установленными с помощью математико-астрономических расчетов и наблюдений. Главной особенностью вторичной ориентации является ее «картографичность», когда земля представляется в виде лежащей (или висящей) перед наблюдателем карты, на которой нет места для самого наблюдателя.

Классическим примером воплощения такой «картографической» ориентации в структуре географического текста может служить «Географическое руководство» Клавдия Птолемея (середина II в. н.э.), крупнейшего греческого географа, суммировавшего все достижения предшествующей геокартографической науки. Его описание земли представляет не что иное, как считывание с карты ее легенды, перечисление почти лишено признаков первичной ориентации, ориентирами служат координаты данной местности по сетке параллелей и меридианов и страны света.

Итак, «некартографическое» сознание античных авторов проявлялось в том, что основным принципом восприятия и презентации пространства был путь, который представлял пространство линейно, имел начало и конец, объединял собой некоторые пункты, мог пересекаться с другими путями, обладал определенной протяженностью.

Преобладание годологического (или хорографического) пространственного сознания над картографическим проявляется даже в самих античных картах. Так, например, знаменитая Певтингерова карта, восходящая к первым векам нашей эры, имеет все атрибуты, свойственные современным картам¹⁶. Однако главное содержание карты – это римская дорожная си-

стема, заполняющая все пространство карты в той ее части, где эта система функционировала. При этом на Певтингеровой карте ландшафт и сеть дорог нередко существуют сами по себе, что приводит к выводу о декоративном характере многих линий побережий, течений рек и расположения гор¹⁷.

От Античности сохранилась еще одна карта, так называемая карта из Дура Европос сер. III в. н.э. На ней приводится перечень городов, являвшихся стоянками римского флота на западном, северном и южном побережьях Черного моря. Так же как и на Певтингеровой карте, этот список совершенно не коррелирует с «картографическим» очертанием берега, зато полностью соответствует «годологическому» восприятию пространства, давая реальную последовательность станций в виде итинерария¹⁸.

Как уже говорилось, самый распространенный способ презентации географического пространства нашел свое отражение в таких жанрах античной географической литературы, как *перипл*, *парапл*, *анапл*, *ора маритима*, *итинерарий* (иногда также *перизгеза* и *период*, которые обычно относятся к страноведческому жанру). Все они представляют мир через описание пути – сухопутного, речного или морского. Популярность у древних греков перипла (напомню:) означает буквально «плавание вокруг [морского побережья]») была, несомненно, связана с ранним развитием у них мореплавания, вначале исключительно каботажного. Античный перипл строился в форме путешествия вдоль берегов Средиземного и других морей и описывал последовательно географические объекты – заливы и мысы, города и порты, горы и впадающие в море реки, а также направление морского побережья¹⁹.

Известны, хотя и не все дошли до нас, периплы Скилака, Филея Афинского, Дамаста Сигейского, карфагенян Ганнона и Гимилькона, Скимна, Неарха, Андросфена Фасосского, Патрокла, Псевдо-Скилака, Каллисфена Олинфского, Агатархида Книдского, Офела Киренского, Псевдо-Скимна, Эвдокса Родосского, Нимфодора Сиракузского, Мениппа Пергамского, Гиппала, неизвестного автора «Перипла Эритрейского моря», Дионисия Византийского, Мнасея Патарского, Артемидора Эфесского, Филемона, Арриана, Ксенофонта Лампсакского, Зенотемиса, Аполлонида, Тимагена, Андрона Теосского, Авиена, Маркиана, Псевдо-Арриана и др. Я специально утомляю читателя пространством, хотя и далеко не полным перечнем авторов, которые сочиняли периплы, чтобы показать, насколько популярен был этот жанр в Античности²⁰.

Простейший перипл (аналог современной лоции) представлял собой лишь обозначение станций на пути мореходов с указанием расстояний между ними. Но уже весьма рано (в эллинистический период) такой перипл развился в целый литературный жанр, в котором на сетку станций и расстояний стали накладываться другие географические данные, в том числе почерпнутые не только из аутопсии, но и из литературных источников. В

некоторых случаях периплический принцип становился структурой географического описания, которое ставило целью показать всю ойкумену. Такковы, например, многие географические части «Географии» Страбона и «Естественной истории» Плиния Старшего.

Однако самым ярким примером такого литературного применения периплического принципа является «Хорография» Помпония Мелы²¹. «Хорография» (*De chorographia*) представляет собой первое сохранившееся на латинском языке географическое произведение, написанное в Риме в середине I в.н.э. Неизвестный из других источников автор оставил географическое описание всего мира; при этом очевидно, что сам он вовсе не совершал путешествий²², но широко пользовался литературными источниками.

В начале своего труда Мела дает самое общее краткое изложение географии ойкумены, описание трех материков, их границ и народов, проживающих на них. Однако основное содержание «Хорографии» составляет подробный перипл всех побережий ойкумены. Начав свое повествование с Гибралтара, Мела последовательно представляет побережье Средиземного, Черного и Азовского морей (составлявших так называемое «Наше море») против часовой стрелки (Африка, средиземноморское и черноморское побережья Азии вплоть до Азовского моря, затем побережье Европы, омываемое Нашим морем), пока не возвращается к Гибралтару. После этого идет описание «внешних» побережий ойкумены – сначала Европы начиная с Гибралтара, затем Северной, Восточной и Южной Азии, наконец, Южной Африки. Заканчивается перипл у того же Гибралтара.

Произведение Мелы рассчитано на широкую публику и носит научно-популярный характер. В самом начале автор заявляет:

«Я приступаю к землеописанию²³ – это дело утомительное и совсем не располагающее к красноречию²⁴, ведь состоит оно почти исключительно из названий племен и местностей и их довольно запутанного порядка перечисления, проследить который представляется скорее скучным, нежели приятным занятием. Тем не менее, дело это весьма достойное изучения и уразумения, и для тех, кто его прилежно изучает, оно, если уж не благодаря таланту рассказчика, то благодаря самому рассмотрению предмета вполне оправдывает их усилия».

Итак, с одной стороны, Мела сознает, что предмет географии – скучная материя, поскольку состоит из длинных списков географических объектов, с другой – настаивает на важности изучения географии и скромно намекает, что постарается сделать этот предмет не таким утомительным, как это может быть или бывает. В результате мы имеем риторическую обработку географии мира в жанре научно-популярной литературы. Стремление сделать описание мира увлекательным, несмотря на сложность и скучность самого предмета, приводит Мелу к широкому использованию в повествовании рас-

сказов о местных мифологических, исторических и этнографических особенностях, а также риторических и стилистических приемов²⁵.

Одним из таких приемов является то, что «периплическая» часть «Хорографии», в отличие, скажем, от перипла Плиния, который регулярно пользуется теми же источниками, что и Мела, часто строится как описание путешествия, осуществляемого на корабле, движущемся вдоль побережья. Этим достигается эффект присутствия и соучастия читателя, живость повествования, иллюзия аутопсии автора.

Перед началом перипла Мела сам сообщает об этой особенности своего будущего повествования в таких выражениях:

«Теперь же я собираюсь подробнее описать побережья и местности, и удобнее всего будет начать с той стороны, откуда Наше море входит в сушу, и лучше всего с тех земель, которые лежат справа от входящего моря²⁶. Затем [я намерен] последовательно описать берега в том порядке, в котором они лежат, и, объехав все берега (*peragratisque omnibus [litoribus]*), которые прилегают к этому морю, проплыть (*legere*) вдоль берегов, которые омываются океаном, до тех пор, пока путешествие (*cursus*), предпринятое в этом труде, обогнув землю изнутри и извне, не приведет туда, откуда оно началось» (I, 24).

Жанр виртуального путешествия (подчеркнем, что в распоряжении Мелы были лишь периплы, состоявшие, по его словам, «почти исключительно из названий племен и местностей и их довольно запутанного порядка перечисления») проявляется в словах и выражениях, показывающих движение вдоль побережья воображаемого корабля (таковы глаголы: *egredi, exire, ingredi, introire, legere, (in)navigare, peragrare, pergere, praegredi, praetervehi, remeare, sequi, tendere* – почти все они относятся к плаванию вдоль морских берегов). Так, в I, 25 Мела пишет, что «для входящих (*pergentibus*) в Наше море Испания находится слева, справа – Мавретания». «На мысе находится город Кина, проплыв мимо которого, оказываешься в заливе (*quod praetervectos sinus excipit*)...» (I, 91). «Въезжающих в этом месте (путешественников – *hac ingressos*) встречает (*accipit* – «принимает») широко и далеко разлившееся озеро (= Азовское море)» (I, 113). «С правой стороны для возвращающихся (*remeantibus*) по этой реке (Танаису-Дону) к Меотиде (= Азовскому морю) находится Европа, а для входящих (*navigantium*) (в реку) она лежит по левую руку» (II, 1). «После него (мыса Тиристис) путешественников принимает второй угол (Эвксинского) Понта (*quod praetervectos alter Ponti angulus accipit*)» (II, 22). «Тот, кто плывет (*legentibus*) по этому пути и отправляется (*praevectis*) от Мастусии, сначала должен войти в залив...» (II, 27). «Если же плыть вдоль берегов (*cum litora leguntur*), то путь идет от (мыса) Сепиады через Деметрию, Халос, Птелей и Эхин к Пагасейскому заливу» (II, 44). «Направляющимся (*tendentibus*) оттуда к (мысу) Суний надо проплыть мимо следующих мест...» (II, 45). «...Плавающие в тех местах

(*per ea loca navigantibus*), где встречаются обе реки (Истр и Пад), могут посреди соленого моря черпать также и пресную воду» (II, 63). «Миновавшие эти места (*haec enim praegressos*) оказываются на побережье Пицены» (II, 65). «А если плыть вдоль побережья (*at si litora legas*), то поблизости находится скала» (II, 89). «Остров Гадес, который первым встречается выплывающим (*egressis*) из (Гибралтарского) пролива» (II, 97). «Выйдя (*egressos*) сюда (из Гибралтара) и следуя (*sequentes*) дальше (вдоль берега), который находится по правую руку для выплывающих (*exeuntibus*), оказываешься в Атлантическом море» (III, 3). «По правую руку для въезжающих (*ad introentium dextram*) (в Каспийское море) на побережье пролива живут скифы-номады» (III, 38). «Кармании расположены справа от входящих (*innavigantium dextera*) в этот (Персидский) залив» (III, 75; так же о входе в Аравийский залив: *introentibus dextra*).

Такое обилие выражений со значением движения вдоль побережья, не свойственное другим общегеографическим трудам Античности, показывает, что описание в виде путешествия было в этом произведении осознанным приемом. Надо заметить, что в периплах, которые описывали конкретные местности и были предназначены для мореходов и купцов, плывущих вдоль побережья, такие выражения естественны и оправданны, так как дают возможность лучше ориентироваться на местности. Ср. например, в «Перипле Эритрейского моря»:

«1. Из указанных на Эритрейском море бухт и рынков... первой является египетская гавань Миос Гормос; *если же после нее проплыть* приблизительно 1800 стадий, то *справа* [расположена] Берника... 36. *если же проплыть мимо* этого устья (Персидского) залива, то в шести переходах лежит другой рынок Персии, называемый Омана... *Для идущих из [открытого] моря* признаком непосредственного приближения к земле возле реки являются выплывающие навстречу змеи... 40. *Если корабли, по ошибке заплывающие в его начало* (залива Барака), отойдут немного назад, [а затем] в открытое море, то они избегнут опасности, те же, что заключены в глубине Бараки, - погибают: [там] очень велика и труднопреодолима волна, море же мелководное, бурное, и с водоворотами, и бурлящими течениями» (перев. М.Д. Бухарина).

Последний пассаж хорошо показывает практическую цель упоминания кораблей и их движения в «практических» периплах, каким, несомненно, является «Перипл Эритрейского моря»²⁷.

Иногда Мела как бы рисует пейзаж, видимый с корабля. Особенно это касается гор. Так, в перипле Италии посреди сухого перечня прибрежных городов Кампании (Сиррент, Геркуланум, Помпеи и Неаполь) появляется ремарка: *Vesuvii montis adspectus* – «вид на гору Везувий», который, вероятно, открывался плывущим на корабле по Неаполитанскому заливу. В перипле вдоль южного побережья Африки упоминается гора Теон Охема,

«которая полыхает постоянным огнем. За горой на большом расстоянии зеленеет холм, окруженный протяженными берегами, откуда видны (*visuntur*) равнины, тянущиеся гораздо дальше, чем можно увидеть (*perspici possint*)» (III, 94-95). Живые зарисовки прибрежного ландшафта представляют также описания Корикской пещеры, расположенной на высокой горе в Малой Азии (I, 73-76), и горы Атлас в Западной Африке (III, 101).

Воображаемое плавание оживляется и постоянно рисуемым Мелой образом взаимоотношений и даже борьбы суши и моря, которые наступают друг на друга, оттесняют, раздвигают, отодвигают, проникают внутрь, врываются, отступают, сужаются и т.д., создавая причудливую линию побережья. Так, Средиземное море, «сначала будучи узким (*angustum*) – не более десяти миль в ширину – раздвигает сушу и входит в нее (*aperit atque intrat*). Затем, разлившись (*diffusum*) в ширь и даль, оно раздвигает (*abigit*) далеко отступающие (*cedentia*) берега, а когда те, в свою очередь, почти сходятся (*coeuntibus*), оно становится таким узким, что ширина его оказывается меньше одной мили. Потом оно снова расширяется (*laxat*), но только умеренно, и снова сужается, становясь уже, чем было» (I, 6). Залив Сирт на побережье Африки имеет «в ширину около ста миль там, где он, открываясь, принимает (*accipit*) море» (I, 35); Передняя Азия «принимает (*accipit*) в себя большой (Иссейский) залив» (I, 68). Начиная с города Дардании в Малой Азии, «море становится узким и уже не омывает (*adluit*) земли, а, снова разделяя их, пробивает (*findit*) противоположный берег узким проливом Геллеспонта и делает так, что земли, мимо которых он течет, снова становятся его боками» (I, 96).

Отступление и наступление моря образуют полуострова, заливы и мысы: «Затем море наступает на сушу (*subit tum ripam mare*) и, постоянно следуя (*subsequens*) за отступающими (*refugientia*) берегами, доходит до места, откуда до Меотиды пять миль, и превращает (землю), которой владеют сатархи и таврийцы, в (Крымский) полуостров» (II, 4). «Сильно отступающий берег (*magno recessu litorum*) принимает (*acceptum*) в себя это (Адриатическое) море» (II, 55). «Лузитания... в том месте, где она обращена к Атлантическому морю, сначала резко уходит (*abit*) в открытое море, затем останавливается (*resistit*) и втягивается в себя (*se abducit*)... Там, где она выдается (*prominet*) (в море), она разделяется им, дважды в нее вторгающимся (*in semet recepto*), на три мыса» (III, 6-7). См. сходные выражения в III, 14 (*orae recedunt; spatia Hispaniae contrahunt*); 16 (*ora progressa in altum; in pelagus excedens; retro abscedit*); 23 (*terra procurrans in pelagus*); 31 (*mare accipitur gremio litorum*); 72 (*recedentes orae; mare impellit, it interius, inrumpit*); 73 (*terrae cedentes*); 75 (*sinus init penitus*).

Принцип перипла, примененный к описанию всей ойкумены, имел и свои недостатки: описание преимущественно побережий приводило у Мелы к тому, что география срединных земель оказалась отраженной или довольно поверхностно, или вообще никак. Иногда наоборот – одна страна

описывалась дважды, поскольку выходит своими сторонами к двум, отдельно описываемым морям (см., например, описание Галлии в II, 74-84 – со стороны Средиземного моря и III, 16-23 – со стороны Атлантического океана). Страна Сарматия (она же Скифия), которая находилась в Северном Причерноморье и при этом, по представлениям древних географов, простиралась до Северного океана (= Балтийского моря), также описывается дважды, сначала со стороны черноморского побережья (I, 112-117; II, 1-15), затем – со стороны Северного океана (III, 25, 33-37).

Таким образом, в произведении Мелы географическое описание в виде презентации пути, свойственное любой периплической литературе, приобретает черты виртуального путешествия, достигая тем самым высокой степени образности и занимательности. Недаром немецкий издатель и переводчик «Хорографии» Кай Бродерзен (1994) назвал ее «Kreuzfahrt durch die alte Welt» («Круиз по античному миру»).

¹ Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22-45; Он же. Ориентация по странам света в истории культур как объект историко-антропологического исследования // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. 1994. М., 1994. С. 37–53; Он же. Античная картография (факты и проблемы) // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 61–70; Он же. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 595-618; ср. сходное понимание проблемы в работах: Janni P. La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984 (Università di Macerata. Pubblicazioni della facoltà di lettere e filosofia. 19); Brodersen K. Terra Cognita. Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim; Zürich; New York, 1995 (Spudasmata. 59).

² См. об «orientation relative» в греческой и римской культурах: Nielsen K. Remarques sur les noms Grecs et Latins des vents et des régions du ciel // Classica et Mediaevalia. 7. Copenhagen, 1945. P. 65–72.

³ Подосинов А.В. «Космография» Равеннского Анонима // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII–IX вв.). М., 1995. С. 401–405; Он же. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 168-169.

⁴ Ср. точку зрения А. Леруа-Гурана, резко различающего эти два способа восприятия пространства: *динамический* – обход некоторой территории – и *статический* – человек в центре концентрического пространства, см.: Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidental. P., 1965. P. 155; см. попытку распределить два этих способа ориентации в пространстве исторически: Антонова Е.В. Очерки культуры ранних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 60–62.

⁵ Ярмоленко А.В. Роль речи в отражении пространства // Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. М., 1961. С. 69–70.

⁶ См., например: *Strabo* I, 3, 21; II, 5, 22; VI, 2, 14; VII, 1, 1; VII, 3, 15; XII, 3, 2; *Ovid. Trist.* I, 2, 84; 8, 36; II, 197; IV, 1, 60; 8, 42; 10, 98; V, 10, 14; *Ep. ex Pon.* II, 2, 2; IV, 9, 119; *Dionys. Perieg.* 541.

⁷ См.: *Подосинов А.В.* Картографический принцип... С. 34.

⁸ *Janni P.* *Op. cit.* P. 79–84.

⁹ *Ibidem.* P. 85.

¹⁰ *Ярмоленко А.В.* Указ. соч. С. 69.

¹¹ *Ахундов М.Д.* Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. С. 29; *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 90–93; ср. с. 90: «Осознание принципов организации эвклидова пространства начинается с четырех лет и занимает почти десять лет жизни. Постепенно ребенок научается различать метрические характеристики пространства, включая систему прямоугольных координат, определение расстояний, а также измерение меняющихся с удалением пропорций предметов. К концу периода формально-операционных действий ребенок полностью овладевает системой пространственной ориентации».

¹² *Freeman F.N.* *Psychology of the Common Branches.* Boston, 1916. P. 164.

¹³ *The Essential Piaget* // Ed. H.E. Gruber, J.J. Vonèche. L., 1977. P. 625–627.

¹⁴ Ср. также: *Lord F.E.* A Study of Spatial Orientation of Children // *Journal of Educational Research.* 34. Bloomington, 1941. P. 481f.

¹⁵ См., например: *Bagrow L.* *History of Cartography* / Revised and enlarged by R.A. Skelton. Chicago, 1985. P. 41–43.

¹⁶ См. ее репродукцию и исследование: *Подосинов А.В.* Восточная Европа. С. 287–378.

¹⁷ См., например: *Brodersen K.* *Op. cit.* S. 187; ср. *Talbert R.* *Peutinger's Roman Map: the Physical Landscape Framework* // *Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume in der Antike* / Hrsg. von M. Rathmann. Mainz, 2007. S. 221–241.

¹⁸ Подробнее см. *Подосинов А.В.* Восточная Европа... С. 82–85; 90–98; *Salway B.* *Roman Itinerary Literature* // *Space in the Roman World: Its Perception and Presentation* / Ed. R. Talbert, K. Brodersen. Münster, 2004. P. 92–95.

¹⁹ Эти принципы были унаследованы в Средние века портоланами, в Новое время – лотциями.

²⁰ См. о нем подробнее: *Nordenskiöld N.A.E.* *Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing-Directions.* Stockholm, 1897; *Gisinger F.* *Periplus* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* Stuttgart, 1937. Hlbd. 37. Col. 841–850; *Günther R.* *Die Küstenbeschreibung in der griechischen Literatur.* Münster, 1950 (*Orbis Antiquus.* 4).

²¹ Текст см.: *Pomponius Mela.* *Chorographie* / Texte établi, traduit et annoté par A. Silbermann. P., 1988 (Collection Budé).

²² Об этом свидетельствуют многочисленные ошибки в описании географических объектов, невозможные при личном знакомстве, а также устанавливаемые исследователями заимствования из предшествующей литературы.

²³ Предмет своего исследования Мела обозначил как *orbis situs* (букв. «расположение круга [земель]»), что соответствует понятию *chorographia* (букв. «описание земель»); ср. *orbis situs* в таком же значении у Плиния (*Plin.* NH, VI, 141) и Солина (*Solin.* Praef. 3).

²⁴ Сетование на трудность литературной (=риторической) обработки научных материалов – обычный *locus communis* в популярной и дидактической литературе (ср. *Plin.* NH, Praef. 12; *Cicer.* Att. II, 6, 1; *Solin.* Praef. 2–4; *Amm. Marc.* XV, 9, 7; XXII, 15, 25; подробнее см.: *Podossinov A.V.* Die antiken Geographen über sich selbst und ihre Schriften // *Antike Fachschriftsteller: Literarischer Diskurs und sozialer Kontext* / Hrsg. von M. Horster, Chr. Reitz. Stuttgart, 2003. S. 88–104).

²⁵ См. о стиле Мелы: *Oertel H.* Über den Sprachgebrauch des Pomponius Mela. Diss. Erlangen, 1898; *Folmer H.* Stilistiska studier öfver Pomponius Mela. Diss. Uppsala, 1920; *Gisinger F.* Pomponius Mela // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* Stuttgart, 1952. Bd. 21. T. 2. Col. 2407–2409.

²⁶ Такой порядок описания Средиземноморских стран и мира (начиная от Гибралтара сначала вдоль берегов Африки) был широко распространен в античной географии; так описывали мир Гекатей Милетский, Эфор, Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Страбон и др.

²⁷ См. также *Arrian.* *Periplus Ponti Euxini*, 32: «Почти против этого устья (Дуная), если плыть прямо в море с ветром апарктием, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, а другие – Бегом Ахилла, а третьи – по цвету – Белым» (перев. П.И. Прозорова), где образ плывущего корабля необходим для ориентации в пространстве.

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В «ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА»

Эрнест Ренан, назвавший «Плавание святого Брендана» «необычайнейшим плодом сочетания кельтского натурализма и христианского спиритуализма» (*«le produit le plus singulier de cette combinaison du naturalisme celtique avec le spiritualisme chrétien»*)¹, был далеко не единственным, кто обратил внимание на ювелирное сочетание кажущегося правдоподобия морского плавания и несколько утрированных описаний религиозных фрагментов текста.

На протяжении довольно долгого времени «Плавание святого Брендана» воспринималось в качестве некоей иносказательной головоломки, представляющей собой литературное искажение исторического путешествия или нескольких путешествий. Исследователей занимало, что могло бы стоять за теми или иными явлениями, с которыми столкнулись Брендан и его спутники, к каким источникам информации мог прибегать анонимный автор этой истории и где именно в Атлантическом океане располагаются упомянутые в ней острова. Самые разные эпизоды (с различной степенью убедительности) последовательно локализованы от Шотландии до Фарер, Исландии и Гренландии. В таком прочтении Остров Овец и Птичий Рай становятся Фарерами, Остров Кузнецов приравнен к Исландии, кристаллическая колонна – к айсбергу, а загустевшее море – к северному паковому льду, в то время как встречаемые Бренданом и его спутниками морские чудовища превращаются в китов, дельфинов, тюленей и так далее². Версия о документальном характере текста, которая, по сути, восходит к средневековым картам, локализующим остров Брендана в разных районах Атлантики³, в 1976 г. была подкреплена научно-исследовательским путешествием Тима Северина. Вместе с тремя своими товарищами на восстановленном по описанию «Плавания» кожаном судне, куррахе, он сумел достичь острова Ньюфаундленд и посетить Шотландию, Оркнейские, Шетландские, Фарерские острова, Исландию и Гренландию⁴.

Восприятие «Плавания» как источника, отражающего конкретные исторические события, естественно, не случайно. Текст содержит целый ряд деталей, тесно увязываемых с реалиями так называемого золотого века святых. Прежде всего, в его основе лежит практика *peregrinatio pro Dei amore*, характерного исключительно для Ирландии аскетического переосмысления пенитенциальной традиции изгнания⁵. Ряд черт вполне типичен для подобных «странствий ради Христа»: это и непереносимое разрешение настоятеля монастыря, и подробное описание строительства курраха, кожаного судна, ассоциирующегося в литературной традиции с покаянными

плаваниями⁶, и тщательная подготовка к путешествию. Кроме того, описание некоторых островов (например, Овечьего острова и Птичьего Рая, а также монашеских поселений на островах) действительно носят весьма реалистичный характер и напоминают отрывки из труда «*De Mensura Orbis Terrae*» ирландского географа Дикуила (VII §11-14)⁷, на основе которого мы можем утверждать, что в VII-VIII вв. ирландские монахи основывали постоянные или сезонные поселения на Фарерских островах и в Исландии⁸. Наконец, географическое пространство текста, как кажется, вполне соответствует ирландской средневековой картине мира, построенной на восходящей к Библии Т-образной карте и понимании океана как безграничной бездны⁹, где (к западу от Ирландии) располагаются разнообразные острова (так называемые «антиподы» Вергилия Зальцбургского¹⁰).

Лишь недавно гипертрофированное внимание к историчности плавания уступило место осознанию необходимости понять религиозные и литературные функции самого текста. Общепринятой считается точка зрения, согласно которой гораздо более убедительным является аллегорическое прочтение материала «Плавания» как метафоры монашеской жизни¹¹. Однако до сих пор не представлено всестороннее осмысление текста, и не выявлено значение всех элементов. В данной работе мне хотелось бы выделить функции, которые выполняют в тексте уровни реальности и аллегории, посмотреть на средства, используемые автором для достижения эффекта многоуровневости, и понять, какую роль призваны сыграть исторические детали в общем аллегорическом контексте.

Эсхатологическая структура

Сам текст, датируемый приблизительно концом VIII-первой третью IX века¹², дает нам гораздо более полную информацию не о путешественниках, но об авторе «*Navigatio*». По всей видимости, он либо принадлежал к аскетическому движению «клиентов Господа» (*céli Dé*)¹³ конца VIII-начала IX века, либо же имел некие контакты с монастырями, ставшими оплотами этого движения (например, Клонфертом¹⁴, патроном которого и был святой Брендан).

Движение «клиентов Господа» выступало против практики *peregrinatio*. Аскетические предпочтения в то время начинают связываться не с морскими путешествиями, характерными для VI-начала VIII-го столетий, но с идеей стабильности монашеской жизни, идеалами которой являлись полное отречение от мирских забот, регулярное совершение служб и соблюдение поста¹⁵. «*Navigatio*» причудливым способом совмещает две противоположные аскетические концепции, утверждая идею «*stabilitas in peregrinatione*»: повествование не акцентировано на событийном ряде, а его циклическая природа скорее отражает цикличность монашеского года и религиозной жизни в целом, жизни в *stabilitas*. В краткой форме подобный взгляд отражает так называемая «песнь отшельника» X века: «*M'óenúrán im aireclán/ sen duinén im gnáis/ robad inmuín ailethrán/ ré indul i ndáil mbáis*»¹⁶ [«Одинок

я в моей маленькой келье, / Нет никого рядом со мной, / Было бы дорого такое паломничество / Моему сердцу перед встречей со смертью»]. Исходя из такого прочтения и стоит анализировать структуру текста, которая, по общему признанию, носит явный хилиастический характер.

Хотя путешествие длится семь лет, описываются только три годовых цикла – два первых и последний, – обрамленных приготовлениями Брендана и возвращением.

Первый цикл задает маршрут плавания как пространственно, так и тематически. Уже в нем проявляется эсхатологическая тематика, когда один из братьев погибает после того, как бес заставляет его украсть серебряную уздечку (§6)¹⁷. В этом же цикле монахи сталкиваются с усыпляющим источником. Получив предупреждение об исходящей от него опасности, они поступают по-разному: кто-то пьет один раз, кто-то два или три, и засыпают на, соответственно, один, два или три дня. Таким образом, путники начинают осознавать неумолимость смерти и понимать ответственность за свои поступки, которую не снимает с них постоянно ощущаемое покровительство Всевышнего. Ведь как говорит им Брендан: «Господь дал нам пищу, но вы нанесли себе ею вред» (*Dominus dedit nobis pastum, et uos fecistis inde detrimendum*) (§13)¹⁸. В другом важнейшем эпизоде первого цикла, когда путники оказываются в застывшем море, Брендан призывает им убрать весла и предоставить судно воле Божьей (§14)¹⁹, что и помогает им уйти из опасного ареала. Соответственно, монахи предчувствуют приближение Судного дня, смерти (аллегорически выраженной в форме сна) и встречи с силами зла и одновременно учатся доверять свое судно (то есть жизнь) Господу и беспрекословно следовать советам своего наставника.

Второй цикл задает непрерывность, систематичность движения, усиливая тему монашеской жизни и стабильности.

В последнем цикле окончательно раскрывается эсхатологическая тематика «Плавания». Перед странниками проходят картины если не Страшного Суда, то некоего предчувствия оно. После стандартного начала на Острове Овец, Ясконии и в Птичьем Раю (§20) они пересекают прозрачное море (§21); видят кристаллическую колонну (§22), Остров Кузнецов (§23) и огненную гору (§24); встречают Иуду Искариота (§25), а также отшельника Павла (§26), ожидающего Судного Дня на своем острове. Наконец, отмечают Пасху и посещают Землю Обетованную.

Монахи пребывают в ожидании открытия им Обетованной Земли не посредством поступательного движения, но следуя литургическому году с его регулярным циклом и отмечая каждое из важнейших событий жизни Христа молитвой и церковной службой, то есть систематическим прекращением путешествия. Временной цикл находит свое отражение и в пространственных перемещениях: все праздники отмечаются в одних и тех же местах из года в год, на одном и том же острове или же – как в случае с Ясконием – в том же самом месте в океане. Монахи придерживаются определенного

маршрута из года в год, и, хотя повествование часто приводит их на незнакомые острова практически в каждом цикле, они постоянно возвращаются в те места, которые посетили в течение первого цикла и которые сами по себе стали неотъемлемой частью их праздничных служб. Рождество празднуется в монастыре святого Альбе. Великий Пост они проводят на острове заботливого юноши (*procurator*), пополняющего их запасы. Пасха отмечается на спине Яскония (*Iasconius*, образовано от ирл. *iasc* «рыба») – загадочного морского чудовища, которое в оригинале, возможно, называлось Касконием (*Casconius* – от ирл. *Casc* «Пасха»)²⁰. А период от Пасхи до Пятидесятницы монахи находятся на Острове Птиц. Литургический цикл также символизируют и рыбы, кусающие себя за хвост в 10-й и 21-й главах (§§10, 21)²¹.

Фактически монахи не совершают «странствия»: они следуют обетам послушания, существуя в мире монашеской *stabilitas* и *stasis* до тех пор, пока им не разрешается достигнуть высшего мира. Сама структура произведения практически отвергает любую попытку развития повествования, циклическое повторение которого, в конце концов, прерывается. Единственное объяснение тому, что путниками понадобилось именно семь лет для достижения Обетованной Земли, звучит в ответе юноши св. Брендану: «Ты не мог ее сразу обнаружить потому, что Господь желал открыть тебе множество тайн в великом океане» (*Ideo non potuisti statim [illam] inuenire quia Deus uoluit tibi ostendere diuersa sua secreta in oceano magno*) (§28)²². Странствия в океане подготавливают братьев к их предначертанию: они не страдают от холодных ветров и бурного моря, но сталкиваются с моральными испытаниями и видят картины рая, ада, смерти и посмертного воздаяния, проявляющегося в образе Иуды. Циклическое повторение утверждает откровение «последних вещей» в традиции апокалипсического видения.

Theoria u Praxis

Автор «Плавания» задумывал свое произведение для восприятия как бы на двух «уровнях»²³. Легко выделить четкое разграничение между двумя типами описываемых ситуаций: с одной стороны, стандартные эпизоды обычного морского путешествия, те, что являются близкими во времени, пространстве и, в целом, действительности к аудитории, а, с другой, те фрагменты, которые находятся за рамками привычного человеческого опыта, в корне отличные и незнакомые для слушателей данной истории. Исходя из этого, следует воспринимать «обычные» части как историческое повествование, прямо указывающее на реалии жизни аудитории и излагающее идеалы «*praxis*», а эпизоды, связанные с «чудесными» событиями, – в аллегорическом смысле, что помогает лучше понять высший мир, осознаваемый в созерцании («*theoria*»)²⁴.

Целый ряд признаков помогает читателю отличить уровни друг от друга. Во-первых, важнейшим признаком выступает присутствие литургии, основная цель которой заключается в освящении обычного времени и дея-

тельности. Именно литургия, всегда одновременно небесная и земная, становится звеном, объединяющим эти два мира: в важнейшие моменты литургического года миры как бы совмещаются на время празднований на чудесных островах. Тесно с литургией связаны и монашеские посты и диетическая практика в целом, которые выступают в тексте не просто как часть монашеской жизни, но являются важным, если не ключевым элементом повествования, ведь в тексте мы находим более 40 обращений к еде²⁵.

Во-вторых, заметны резкие контрасты между описаниями обыкновенных и «чудесных» частей истории. В некоторых фрагментах мы получаем точные указания, касающиеся направлений и продолжительности плавания, а события носят весьма обыденный характер. В фантастических же фрагментах странники преодолевают завесы тумана, путешествуют по кругу или вовсе теряют направление, тогда как ход времени замирает.

В-третьих, хотя библейские аллюзии и разбросаны по всему тексту, они распределены не равномерно. В «чудесных» местах – там, где необходимо использовать аллегорическое прочтение, – автор часто прибегает к реминисценциям образов и языка видений Ветхого и Нового Заветов²⁶.

Наконец, в тех фрагментах, где герои истории сталкиваются со злом, для аллегории просто нет места, ибо нравоучение здесь используется автором непосредственно согласно канонам этического толкования.

Позволю себе вкратце проиллюстрировать сказанное на примере вводного рассказа Баринда, который образует парадигму для всего текста.

Повествование начинается с генеалогии святого, которая несет важную смысловую нагрузку. При словах «святой Брендан, сын Финдлуга, потомок Алте из рода Эгонахтов, родился в Мунстере» (*Sanctus Brendanus, filius Finlocha, nepotis Althi de genere Eogeni, stagnili Mumensium ortus fuit*), читатель сразу же встречается со знакомыми ему персонажами и реалиями: история начинается в «настоящем» времени и пространстве. Здесь для автора важно подчеркнуть, что начальная точка истории находится где-то рядом, тогда как пункт назначения этого рассказа, как и жизни христианина, лежит далеко от этого мира. Именно в нашем мире, в Клонферте и живет Брендан, «муж великого воздержания, известный своими чудесными делами» (*uir magne abstinentie et in uirtutibus clarus*), с которым многие из аудитории могли похвастаться родством (§1)²⁷.

Мы узнаем родословную не только Брендана, но и Баринда²⁸, потомка Ниалля, аббата Друмкуллена и родственника Брендана (ум. 548-549). Кроме того, нам прекрасно известно, что они простые монахи, которые ежедневно молятся, выполняют обеты и терпят лишения ради веры, подвизаясь «*in suo certamine*» («добрым подвигом веры») христианина (1 Тим. 6:12, 2 Тим. 4:7). *Certamen* выступает важнейшей частью их жизни и свидетельствует о том, что, в отличие от многих монахов, не соблюдающих все предписания монашеских уставов, герои произведения живут так, как должно.

Именно в таком обычном монастыре монахам и открывается иной «чуждый» мир, так непохожий на окружающую их действительность. Движение к переходу из одного мира в другой, собственно, достаточно явно заложено уже в просьбе Брендана, ибо он не только хочет услышать об Океане (просто неизведанной области мира), но и о различных чудесах (*diuersis miraculis*), которые можно там увидеть, так как эти чудеса не являются частью мира земного. Более того, также называются и причины, по которым следует рассказать об этих чудесах: во-первых, они призваны открыть монахам Слово Божие (*Indica nobis uerbum Dei*) и тем самым стать средством божественного сообщения; во-вторых, их следует поведать для того, чтобы насытить души монахов (*refice animas nostras de diuersis miraculis que vidisti in oceano*) (§1)²⁹. То есть удовольствие от знакомства с чудесами океана нужно отождествлять с духовным просвещением, а не просто с развлечением, которое хороший рассказ дарит слушателям. Можно подумать, что сам автор через героя таким замысловатым способом объясняет сущность своего произведения, построенного, в том числе, и на отчетливом противопоставлении насыщения духовного (*divina refectio*) (§11)³⁰ и физического.

Далее Баринд начинает рассказ о своем путешествии. Сначала он отправляется в один из островных монастырей, который, хотя и назван Островом Радости (*Insula deliciosa*), определенно находится в физическом мире аудитории. Сообщается, что он лежит рядом со Шлив Лиг (*iuxta montem lapidis*) в графстве Донегол³¹ и точное расстояние до него от побережья Ирландии составляет ровно три дня пути на лодке. Это еще один, как и обитель Брендана, идеальный монастырь. Важно и то, что слушатель прекрасно знает его или, возможно, даже бывал в нем. Время на острове – это то же самое земное время в каждом из ирландских монастырей: сообщает, что Баринд переночевал там (*mihi autem pernactanti*), а так как рассказчик (сам Баринд) оглядывается назад и при этом не вносит каких-то корректив в соотношение времени на острове с привычным временем, то слушатель прекрасно понимает, сколько именно длилось пребывание героя. Кроме того, таким же способом автор показывает, что пространство острова это пространство, знакомое нам, ибо Баринд сумел обойти весь остров за то время, которое он там провел (*insulamque totam perambulanti*) (§1)³².

После посещения *Insula deliciosa* Баринд отправляется на запад и оказывается в пространстве, которое не следует, да и невозможно воспринимать буквально. Сразу же за знакомым островом путники попадают в туманную завесу (*ista caligo circuit illam insulam*), обозначающую границу между двумя измерениями действительности. После этого время и пространство находятся как бы вне непосредственного измерения: так, Баринд и Мернок кружат в тумане, фактически ничего не видя (*uix potuissimus puppim aut proram nauiculae aspicere* [«с трудом могли различить корму и нос корабля»]), а время перестает идти своим привычным образом, ибо продолжительность плавания составляет «как будто бы один час» (*quasi unius hora*).

Преодолев туман, они оказываются на острове, который незнаком аудитории из ее опыта. После того, как мы покинули наш мир и очутились в другой реальности, где божественное ближе и менее скрыто, все, с чем бы мы там ни столкнулись, следует объяснять расшифровывая, то есть воспринимая как аллегорию.

Земля, Святым Обетованная, на которой оказываются странники, удивительным образом соотносится с описанием «Нового Иерусалима, который нисходил с неба от Бога» в последнем видении Апокалипсиса (Откр. 21:10-22:5). Так, прежде всего, мы узнаем, что это «земля невероятно обильная травами и плодами» (*terra herbosa pomiferosaque ualde*), где путешественники, по словам Баринда, «не видели ни растений без цветов, ни деревьев без плодов» (*nihil herbe uidimus sine floribus et arborum sine fructu*). Все это очень напоминает «древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой», то есть также не затронутое сменой времен года (Откр. 22:2). Затем упоминается, что «камни же там только драгоценные» (*lapides enim ipsius preciosi generis sunt*), совсем как и Новый Иерусалим, который светится подобно драгоценному камню (Откр. 21:11) и «основания стен которого также украшены всякими драгоценными камнями» (Откр. 21:19-21). В-третьих, в центре острова путники обнаруживают реку, пересекающую остров с востока на запад («*Progo quintodecimo die inuenimus fluuium uergentem ab orientali parte ad occasum*» [«И вот на пятнадцатый день мы обнаружили реку, текущую с востока на запад»]) и напоминающую реку, которая протекает и через небесный город (Откр. 22:1). В-четвертых, на острове монахи не нуждаются ни в одежде, ни в еде и питье, то есть не испытывают всех тех потребностей, которые олицетворяют собой несовершенство и моральное разложение, последовавшие за грехом³³. В небесном же городе не может быть никаких знаков несовершенства и греха, ибо «не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи» (Откр. 21:27). В-пятых, к Баринду на острове приближается некая ангельская фигура, «муж в грандиозном сиянии» (*uir cum magno splendore*), обратившийся к нему и к его спутникам по именам и рассказавший об особенностях этого места. Совершенно так же и в Откровении (напр., 21:9) ангел, появившийся перед Иоанном, знает его имя и объясняет ему элементы его видения. Еще одной точкой соприкосновения между островом и небесным городом становится отсутствие какого-либо разделения суток на день и ночь. На острове, который не освещается материальным светилом, нет ночи (*Dies namque est semper*), что опять повторяет Апокалипсис: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их» (Откр. 22:5). На данном острове существующий свет подобен тому, что открывается Иоанну в городе Апокалипсиса: ему не требуется ни солнца, ни луны, ибо сам Господь (*Dominus noster Jhesus Christus lux ipsius est*) освещает его обитателей. Появление

в данном случае Христа легко объяснимо, ведь оно напрямую проистекает из фразы Откровения 21:23, где Агнец освещает весь город.

Самой общей чертой Земли, Обетованной Святым, выступает отсутствие каких-либо ограничений. Ярче всего это проявляется в лимитациях материального пространства и времени, то есть того пространства и времени, которые появились вместе с созданием всего сущего, как это рассказывается *historialiter* в Бытии. Пространство и время острова не соотносятся буквально с пространством и временем нашего мира. В отличие от всех других островов, именно на Обетованном Острове можно идти в течение пятнадцати дней и все же не обойти его целиком. Также обстоит дело и с проблемой времени: Баринд и сопровождающие его монахи думают, что провели на острове только пятнадцать дней по земному времени, но вскоре им сообщают, что это время является эквивалентным земному году. Само течение времени не воспринимается адекватно, ведь на острове всегда день, а потому нет различия между светом и тьмой, днем и ночью, а кроме того, путники избавлены от всех материальных ограничений (таких, как внутреннее ощущение времени, определяемое чувствами голода и жажды). То есть этот остров познаваем не с помощью обычных физических чувств, но через высшее мистическое знание, то знание, которое подается расшифровке только через аллегорию.

Оставив Обетованную Землю, странники опять должны преодолеть завесу тумана, отделяющего два измерения. Они снова оказываются в совершенном монастыре, но теперь уже знают о том, что очень близко к этому монастырю, то есть к любому другому (идеальному) монастырю Ирландии, находятся врата рая (*porta paradisi*).

Метафорическое и физическое путешествие

Посещение монахами Обетованной Земли описывается в первой и предпоследней (или последней, как считает Д. Орланди, называющий 29-ю главу поздней вставкой³⁴) главах текста. Между этими аллегорически воспринимаемыми фрагментами, собственно, и представлено плавание Брендана. Хотя оно и является метафорическим изображением монашеской жизни, это странствие происходит в нашей реальности, в мире, который не может восприниматься иначе, как *historialiter*. Это отчетливое противопоставление просматривается при анализе апокалипсических картин. Во фрагментах, описывающих непосредственное столкновение с силами, которые олицетворяют зло и моральный грех, нет места какому-либо аллегорическому прочтению. Все шесть глав рассказывают о событиях, происходящих в нашем времени и пространстве. Происшествие с монахом, крадущим серебряную уздечку (§7)³⁵, и встреча с Иудой (§25)³⁶ приключаются в одном и том же измерении, в котором находятся океан и острова у побережья Ирландии. Чудовища опять же изображаются существами из нашего мира или, вернее, близкого нам (по материалистичности). Точно так же и в главах, рассказывающих о встречах с демоническими силами (§23-24)³⁷,

ворота ада представлены как удивительная, но неотъемлемая часть сего мира. На основе текста «Плавания» создается впечатление, что между «*porta paradisi*» и адским вулканом, в котором оказывается один из спутников Брендана, нет прямой симметрии. Абстрактный вид и внешнее совершенство мест, отмеченных божественным присутствием, символизирует их духовную сущность и выделяет их на фоне фрагментов, посвященных столкновению со злом.

Тем самым, метафорическое странствие причудливым образом связывается с физическими перемещениями в мире, близком по своим характеристикам к миру аудитории, и неслучайно носит характер абсолютно достоверного (по средневековым меркам) исторического путешествия. Этот парадокс характерен не только для «Плавания святого Брендана», но и в целом для литературной традиции ранней Ирландии, тесно ассоциирующей метафору странствования и физическое путешествие.

Эта особенность отчетливо проявляется в отношении к феномену *peregrinatio* в раннесредневековой Ирландии. Тема хрупкости человеческого бытия, вечной неустойчивости и преходящей природы земной жизни, основывающаяся на словах апостола Павла об «устранении от Господа» (*peregrinamur a Domino*) (2 Кор. 5:1-2, 4, 6), присутствует во многих средневековых трактатах³⁸, но, пожалуй, только в ирландской монашеской культуре она тесным образом связывается с аскетическим подвигом «странствования». Так, один из самых известных ирландских *peregrini*, святой Колумбан, развивает этот тезис и сравнивает человеческую жизнь (*vita*) с дорогой (*via*), по которой христиане вынуждены брести в своем непрерывном странствии в качестве «гостей этого мира»: «Конец же дороги всегда был предметом надежд и желаний странников, и потому, так как все мы странники мира (*sumus mundi viatores et peregrini*), мы представим, будто конец пути, то есть нашей жизни, конец нашей дороги – это и есть наша родина (*de fine viae, id est, vitae nostrae semper cogitemus, viae enim finis nostrae patria nostra est*)... А потому пусть будет у нас принцип, что живем мы на дороге как странники, гости мира (*vivamus in via ut viatores, ut peregrini, ut hospites mundi*), никакими желаниями не преследуемые, никакими земными страстями не опутанные, но наполним наши души небесными и духовными формами, исполняя с мужеством и старанием «Когда отправлюсь и предстану перед ликом Господа моего?»³⁹. Именно поэтому, как указывает Колумбан, все должны стремиться на свою настоящую родину, ибо «наша отчизна там, где наш Отец» (*ibi enim patria ubi Pater noster est. Patriam ergo non habemus in terra, quia Pater noster in caelis est*)⁴⁰, не позволяя себе утратить свой родной дом из любви к самому пути.

Важно подчеркнуть, что при всей любви к возвышенному слогу Колумбан рассуждает о *peregrinatio* не только абстрактно, но и напрямую соединяет этот образ со странствием, с физическим отдалением от родины – например, когда он пишет о том, что «ради Христа спасителя, нашего обще-

го Повелителя и Господа, в тех землях странником прошел» (*ac pro Christo salvatore, communi domino ac Deo nostro, in has terras peregrinus processerim*)⁴¹, или призывает готовиться к физическим страданиям и невзгодам: «Да приготовим наши души не для радости, не для безопасности, как Мудрый скажет, но для соблазнов, и невзгод, для бед и трудов [на земле]»⁴². Также у Колумбана мы встречаем обыгрывание обоих мотивов. В одном из поучений⁴³ фраза «*in alienus habitamus*» совершенно определенно относится к земной *peregrinatio*, противопоставленной небесной *patria*. Однако одновременно с этим описываются земли, в которых в данный момент находятся Колумбан и его ученики. Та же самая идея встречается и в житии Колумбы, другого известнейшего «странника». Адомнан, повествуя о последних часах жизни святого, пишет: «До этого были последние слова нашего преподобного покровителя, отправляющегося из своего утомительного странствия к небесной родине (*de hac tedioli peregrinatione ad coelestem patriam transmeantis*), которые зафиксированы для изложения в этом кратком тексте» (III:23)⁴⁴. В данном случае мы опять же видим, как объединяются сразу две концепции *peregrinatio* – как духовного и как физического странствия. Таким образом, для ирландцев «физическая *peregrinatio* являет собой ясное и осязаемое изображение переходящей и чужеродной природы человеческой жизни на земле»⁴⁵.

Практически аналогичное прочтение мы видим и в «Плавании св. Брендана». Нужно отметить, что сам термин *peregrinatio* в Ирландии до конца VII в. не приобретает значения религиозной практики и употребляется в более широком смысле, которое близко его изначальному значению «странствования», «скитания», «путешествия», «пребывания в чужих краях» (*peregrinus* от *per*, «через» + *ager*, «страна, земля, территория, поле»), закрепленного в первых переводах Священного Писания на латынь. Складывается впечатление, что и автор «Плавания», называя странствие Брендана *peregrinatio*, имеет в виду не «паломничество», не *peregrinatio pro Dei amore*, но использует этот термин в значении, сопоставляющем физическое перемещение и иносказательное пребывание души вдали от небесной *patria*.

Как кажется, он намерено обыгрывает созвучие *via* и *vita* в последней главе своего труда, когда говорит о предсказывающем свою скорую смерть Брендане: «Тогда блаженный муж, возрадовавшись их любви, рассказал обо всем, что случилось в пути, и обо всех удивительных чудесах, которые Господь удостоил их видеть» (*narravit omnia que accidisse recordatus est in uia et quanta ei Dominus dignatus est miraculorum ostendere portenta*) (§29)⁴⁶. Та же самая тесная связь между жизнью и путешествием Брендана, а также его «пребыванием вдали от небесной родины» и странствием, осуществляемым в тексте «Плавания», заметна и в предшествующем этому фрагменте, где встречающий Брендана юноша предсказывает ему, что «приближается последний день твоего странствия, когда почишь ты вместе с отцами своими» (*appropinquant enim dies peregrinacionis tue ut dormias cum pa-*

tribus tuis) (§28)⁴⁷. Мы видим, как автор тонко обыгрывает популярность темы *peregrinatio pro Dei amore*, экстраполируя его на *peregrinatio* в более широком смысле, как странствие души в Новый Иерусалим. «Таким образом, подобно символической историографии... которая в событиях текущей земной истории усматривала раскрытие трансцендентного сущностного плана, божественного замысла, география этого периода также была прежде всего символической: она должна была указывать человеку путь, но путь не столько в иные страны и города, сколько духовный его путь – к спасению души. Поэтому странствие земное с легкостью превращалось в странствие в запредельных областях. ... География средневекового человека – это прежде всего топография его собственного внутреннего мира»⁴⁸.

Монашеская община

В центре подобного странствия, одновременно физического и метафизического, оказывается монастырь – не какое-то определенное место, но любая монашеская община, праведный образ жизни внутри которой, «подвиг веры», или *certamen*, и приближает «странников» к достижению небесной родины.

Весьма характерно при этом, что каждая из общин, встречаемых в тексте, словно оказывается в пограничном положении между нашим миром и миром высшим, находясь где-то неподалеку от ворот в Обетованную Землю. А законы существования на монашеских островах при всей их реальности несут отголосок божественности.

Например, автор подчеркивает, что обитатели монастыря Мернока⁴⁹ следуют традиционным богословским добродетелям (*erat enim habitatio eorum sparsa, sed tamen unanimiter illorum conuersacio in fide, spe et caritate*)⁵⁰ и соблюдают литургические часы, правила совместной трапезы (*una refectio, et ad opus Dei semper fuit coadunate*) и аскетического вегетарианского рациона (§1)⁵¹. Характерно, что особенное значение придается молитве, посту и литургии, а не физическому труду и ученым занятиям. «Созерцательную жизнь, приближающую человека к святости, теологи ставили выше деятельной, вследствие чего монахи занимали на лестнице восхождения к божеству более высокую ступень, чем все остальные люди»⁵². Последователи Альбе, изъясняющиеся жестами и использующие голос только для прославления Господа, пребывают на острове уже восемьдесят лет, но «ни старость, ни слабость не касается их членов» (*attamen senectus aut languor in membris nostris minime amplificatur*), и за это время «никто из них не пострадал от слабости плоти или духа, которые распространены среди рода человеческого» (*nullus ex nobis sustinuit infirmitatem carnis aut spirituum qui uagantur circa humanum genus*) (§12)⁵³.

Совершенство монашеской жизни, которая поражает существующим распорядком и абсолютным превосходством духа, аллегорически выражается в идеальном облике местной церкви, также сопоставимой с совершенством Нового Иерусалима. «Была она квадратной, и длина ее такая же, как

и ширина, и было там семь светильников: три перед алтарем, который был посередине, и по два перед двумя другими алтарями. Алтари же были сделаны из квадратного [куска] хрусталя, и также и все сосуды на них, а именно диски, потиры и чаши, и другие сосуды, которые необходимы для служения Господу, были сделаны из хрусталя. В церкви было двадцать четыре сидения, расположенных по кругу» (§12)⁵⁴. В данном описании проводятся весьма очевидные сопоставления с описанием города в Откровении (21:16): «Город расположен четверугольником, и длина его такая же, как и широта»⁵⁵, с двадцатью четырьмя сидениями, расположенными по кругу (4:4) и семью светильниками⁵⁶ (1:12).

И наконец, о неземном характере физических процессов говорит очень важный эпизод, рассказывающий, как эти самые светильники зажигались и затем горели духовным огнем (*spiritalis lumen*), подобным горящему кусту на Синае, который и стал предвестником достижения Земли Обетованной (§12)⁵⁷. Этот духовный огонь отчетливо противопоставлен наделенному земными характеристиками пламени адского вулкана.

Каждый раз, оказавшись на одном из монашеских островов, Брендан и его спутники восторгаются жизнью его обитателей и выражают желание остаться там (§§12, 17)⁵⁸. Но уже изначально мы знаем, что путникам суждено вернуться домой, в свой монастырь, ведь наследник Альбе уже в 12-ой главе говорит: «Тебе следует возвратиться в свою землю вместе с четырнадцатью братьями. Там Господь приготовил вам места для погребения» (§12)⁵⁹. Тем самым, достаточно очевидно утверждается мысль, что каждый монастырь, следующий утвержденным правилам и ведущий духовный образ жизни, и представляет собой земной рай или, как утверждает в своем житии Самтанн Клонбронейская, «из любой земли можешь ты достичь небесного царства» (*ab omni enim terra perueniri potest ad regnum celorum*) (§24)⁶⁰.

* * *

Остается отметить, что «Плавание св. Брендана», исходя из его церковного мировоззрения и доминирующего интереса к доктринам и практике аскетической жизни, в основе произведение монашеское – то есть, это история о монахах, рассказанная монахами и, по крайней мере в своем изначальном рукописном варианте, адресованная монахам. Это произведение должно рассматриваться не только как нарратив о чудесах Господа и как описание географических путешествий ирландского монашества, но прежде всего его нужно анализировать в контексте истории ирландской церкви VIII-IX вв., движения «клиентов Господа» и защищаемых ими аскетических норм. Как указывала Брэй, «история существует как на уровне *immram* (то есть истории о заморском плавании; ирл. термин *immram* синонимичен лат. *navigation*. – Ф.П.), так и на уровне христианской аллегории в рамках исторического контекста ирландского монашества, рисуя монашескую жизнь как

способ достижения совершенства жизни после смерти (*afterlife*)»⁶¹. «Плавание Брендана» несет монашеские идеалы стабильности и веры. Регулярность монашеских молитв, постов и службы спутников Брендана отражает созданный автором упорядоченный цикл монашеской жизни. А постоянное ободрение Бренданом своих учеников, его неслабеющая вера в защиту Господа против сил зла и поддержание духовного и материального существования монахов дает автору возможность нарисовать пример идеального аббата, одновременно отца и главы общины.

Можно утверждать, что присутствие исторических деталей не случайно. Замысел автора заключался в том, чтобы объединить два измерения, показав развитие одновременно в географической и литургической реальностях и представив путешествие из исторической плоскости в плоскость эсхатологическую. Эти плоскости могут быть совмещены в этом мире двумя путями: литургия и праведная жизнь. Где бы монахи ни оказались, что бы ни делали, они неизменно поют псалмы и соблюдают очередность ежегодных таинств. Сама монашеская жизнь представляет собой подготовку к следующей высшей жизни. Мораль «Плавания св. Брендана» фокусируется вокруг монастыря, не какого-то определенного места, но монастыря, представленного общиной и людьми ее составляющими: идеальный монастырь – это место, находящееся на стыке двух измерений, место, связанное с небесным миром и близкое к вратам рая. Таким образом, наличие множественных исторических деталей позволяет автору добиться изображения двухуровневой реальности и, с одной стороны, сделать свое наставление максимально предметным и однозначным, а с другой, противопоставить абстрактный мир «чудесного» миру физическому и грешному. Именно поэтому, пользуясь словами Д. Толкиена, относящимися к «Беовульф», можно отметить, что также и в «Плавании святого Брендана» «иллюзия исторической достоверности... в большей степени является художественным эффектом» (*«the illusion of historical truth and perspective... is largely the product of art»*)⁶².

¹ *Renan E.* La poésie des races celtiques // *Revue des deux mondes*. 1854. Vol. 24 (2nd ser., V). P. 473–506.

² Наиболее полную библиографию подобных работ см.: *Fingerhut E.R.* Who First Discovered America? A Critique of Writings on Pre-Columbian Voyages. Claremont, 1984. P. 11–29; *Idem.* Explorers of Pre-Columbian America? Claremont, 1994.

³ *Methewson K.* St Brendan's Mythical Isle and Toponymic Drift: from Iceland to Ecuador // *Atlantic Visions* / Ed. J. De Courcy Ireland and D. Sheehy. Dún Laoghaire, 1989. P. 51–60; *Johnson D.* Phantom Isles of the Atlantic. Fredericton, 1994. P. 175–206; *Manfredi V.* Le Isole Fortunate: topografia di un mito. Roma, 1996. P. 229.

⁴ Экспедиция была описана в книге: *Severin T.* The Brendan Voyage. London, 1978. См. рецензию, оспаривающую «научный» характер путешествия Северина и его

спутников: *O'Meara J.J.* In the Wake of the Saint // *Times Literary Supplement*. 1978. July 14th.

⁵ *Charles-Edwards T.M.* The Social Background to Irish *peregrinatio* // *Celtica*. 1976. Vol. 11. P. 43–59.

⁶ *Wooding J.M.* St Brendan's Boat: Dead Hides and the Living Sea in Columban and Related Hagiography // *Studies in Irish Hagiography* / Ed. J. Carey, M. Herbert and P. Ó Riain. Dublin, 2000. P. 77–92.

⁷ См., напр., сравнение с описаниями островов Дикиулом (*Diculi Liber de mensura orbis terrae* / Ed. J.J. Tierney, SLH 6. Dublin, 1967. P. 74–76), которое проделал Дж. Вудинг: *Wooding J.M.* Monastic Voyaging and the *Navigatio* // *The Otherworld Island* / Ed. J. Wooding. Dublin, 2000. P. 226–245.

⁸ В последние годы соответствующие исследования ведутся под руководством Барбары Кроуфорд в рамках St Andrews Papar Project (<http://www.rcahms.gov.uk/papar/introduction.html>). The Papar in the North Atlantic: Environment and History. The Proceedings of a Day Conference held on the 24th February 2001. The «Papar» Project vol. 1. Ed. by Barbara E. Crawford ([Fife]: St Andrews, 2002) (St John's House Papers № 10).

⁹ См., напр.: *O'Loughlin T.* Living in the Ocean // *Studies in the Cult of Saint Columba* / Ed. C. Bourke. Dublin, 1997. P. 11–23.

¹⁰ *Carey J.* Ireland and the Antipodes: the Heterodoxy of Virgil of Salzburg // *Speculum*. 1989. Vol. 64. P. 1–10.

¹¹ Такой подход, пусть и в достаточно схематичной форме, впервые был использован в работах: *Kenney F.J.* The Legend of St Brendan // *Transactions of the Royal Society of Canada* 3rd ser. 1920. Vol. 14. P. 51–67; *Bourgealt C.* The Monastic Archetype in the *Navigatio* of St Brendan // *Monastic Studies*. 1983. Vol. 14. P. 109–121; *Bray A.D.* A Note on the Life of St Brendan // *Cistercian Studies*. 1985. Vol. 20. P. 14–20. Более подробно плавание как метафора монашеской жизни анализируется в статьях: *Bray A.D.* Allegory in the *Navigatio Sancti Brendani* // *Viator*. 1995. Vol. 26. P. 1–10; *O'Loughlin T.* Distant islands: The Topography of Holiness in the *Navigatio Sancti Brendani* // *The Medieval Mystical tradition: England, Ireland and Wales* (Exeter Symposium vi) / Ed. M. Glasscoe. Woodbridge, 1999. P. 1–20. В русской историографии подобное прочтение предлагает А.Я. Гуревич в предисловии к работе Д. Райта (*Райт Д.* Географические представления в эпоху крестовых походов. Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1988. С. 5–6), где отмечает, что «Плавание святого Брендана» «принадлежит к распространенному в средние века жанру странствия в мир иной».

¹² Наиболее раннюю датировку (первая половина VIII в.) предлагает Д. Вудинг (*Wooding J.* The Latin Version // *The Voyage of St Brendan – Vernacular Versions in Translation* / Ed. W.R. Barron, and G.S. Burgess. Exeter, 2000. P. 18). Д. Дамвилль (*Dumville D.* Two Approaches to the Dating of *Navigatio sancti Brendani* // *Studi Medievali*. 1988. Vol. 29. P. 87–102) считает, что текст восходит к периоду до 786 года, а Д. Стифтер склоняется к времени около 825 года (*Stifter D.* *Philologica Latino Hibernica: Navigatio Sancti Brendani*, Thesis. Wien, 1997. P. 109–110).

¹³ *Céli Dé* представляли собой своего рода аристократическое движение, что подчеркивалось самим названием. В традиции западноевропейской христианской духовности это было стандартное обозначение для определения членов «свиты» (*dám*) Господа в качестве его «клиента». Также на духовную аристократичность

образа «калди» указывает и существование сходного термина *mog Dé* (см., напр., *Thesaurus Paleohibernicus* / Ed. and trans. W. Stokes and J. Strachan, 2 vols. Cambridge, 1903–1905. Vol. 1. P. 694. Vol. 2. P. 265.5), который можно воспринимать как прямое отражение социального и экономического классифицирования внутри светского общества между благородным (*sóer-chéle*) и неблагородным клиентами (*dóer-chéle*), а также рабами (*mog*). Таким образом, получается, что *céli Dé* выступают в качестве людей, обладающих за счет святости своей аскетической жизни и духовного богатства более высоким статусом среди всех тех, кто следует за Господом (*mog Dé*).

¹⁴ См. *Etchingam C. Church Organization in Ireland, A.D. 650 to 1000*. Maynooth, 1999. P. 248–261. В «*Tecosc Maile Ruain*» (§37) (*The Rule of Tallaght* / Ed. E. J. Gwynn // *Hermathena*. Dublin, 1927. Vol. 44, 2nd supplementary volume. P. 22–23) объяснение необходимости телесной чистоты изображено через взаимоотношения Маэльруана со своими учениками, включая сюда и глав основных монастырей, среди которых присутствует глава (*erenagh*) Клонферта, Мурьхертах мак Олхобарь (*Muirchertach mac Olcobhair*).

¹⁵ Д. Вудинг развивает эту идею, подчеркивая множество общих черт между текстом «*Nauigatio*» и программами, перечисляемыми в «*Tecosc Maile Ruain*» – учении Маэльруана (ум. 791) – и в своде правил *céli Dé* (*Wooding J.M. Fasting, flesh and the body in the St Brendan dossier // Celtic Hagiography and Saints' Cults* / Ed. J. Cartwright. Cardiff, 2003. P. 161–176).

¹⁶ *Murphy G. Early Irish Lyrics*. Oxford, 1956. P. 18.

¹⁷ *Nauigatio Sancti Brendani Abbatis* / Ed. C. Selmer. Notre Dame, 1959. P. 12–15. Для удобства я оперирую нумерацией, предусмотренной изданием Зелмера. В более ранних манускриптах деление на главы отсутствовало. Существует также русский перевод «Плавания»: Плавание святого Брендана. Средневековые предания о путешествиях, вечных странниках и появлении обитателей иных миров / Пер. Н. Горелова. СПб., 2002.

¹⁸ *Nauigatio*. P. 39.

¹⁹ *Ibid.* P. 39.

²⁰ См. подробнее о различиях между несколькими группами рукописей в *Bieler L. Casconius, the Monster of the Navigatio Brendani // Éigse*. 1945–47. Vol. 5. P. 139–140.

²¹ *Nauigatio*. P. 21, 58.

²² *Ibid.* P. 80.

²³ Наиболее развернутое объяснение такого видения представлено в работе: *O'Loughlin T. Distant Islands: The Topography of Holiness in the Navigatio sancti Brendani // The Medieval Mystical Tradition: England, Ireland and Wales (Exeter Symposium, VI)* / Ed. M. Glasscoe. Woodbridge, 1999. P. 1–20.

²⁴ Бинарное противопоставление *theoria/praxis*, повсеместно распространенное в ранней средневековой спиритуальности, иногда рассматривали как характерную ирландскую черту, и, хотя это невозможно документально доказать (см., напр., *Stancliffe C. Early «Irish» Biblical Exegesis // Studia Patristica*. 1975. Vol. 12. P. 361–370), все же можно утверждать, что автор «*Navigatio*» был знаком с этим различием и мог бы ожидать его адекватного понимания от своих слушателей.

- ²⁵ Напр., см. таблицу, составленную Дж. Вудингом: *Wooding J.M. Fasting, flesh and the body...* P. 171.
- ²⁶ См., напр., ссылки 7, 10, 47, 48, 59 и 85 в издании Зелмера (*Nauigatio*. P. 83, 88, 90).
- ²⁷ *Nauigatio*. P. 3.
- ²⁸ Существует и другое объяснение, идентифицирующее Баринда с морским божеством Мананнаном Мак Лиром, см. *Brown A.C.L. Barintus // Revue Celtique*. 1901. Vol. 22. P. 339–344.
- ²⁹ *Nauigatio*. P. 4.
- ³⁰ *Ibid*. P. 25.
- ³¹ Достаточно общее место в историографии – идентификация *Mons Lapidis* со Шлив Лиг, см.: *The Voyage of St Brendan / Trans. J.J. O'Meara*. P. XIX.
- ³² *Nauigatio*. P. 4–5.
- ³³ Как известно, все это воспринималось как часть наказания за грех Адама: одежда упоминается в Быт. 3:7 и 3:21, а необходимость трудиться для того, чтобы вырастить хлеб – Быт. 3:18, 19.
- ³⁴ *Orlandi G. Navigatio S. Brendani: I Introduzione*. Milan, 1968. P. 72–73.
- ³⁵ *Nauigatio*. P. 15–16.
- ³⁶ *Ibid*. P. 66–68.
- ³⁷ *Ibid*. P. 61–65.
- ³⁸ *Grégoire R. Saeculi actibus se facere alienum. Le «mépris du mondes» dans la littérature monastique latine médiévale // Rev. d'Ascétique et de Mystique*. 1965. T. 41. P. 251–287.
- ³⁹ *Columbanus. Instructio. VIII. 2 // Sancti Columbanus Opera / Ed. and tr. G.S.M. Walker (Sriptores Latini Hibernici. II)*. Dublin, 1957. P. 96.
- ⁴⁰ *Columbanus. Instructio. VIII. 1 // Sancti Columbanus Opera...* P. 94–96.
- ⁴¹ *Columbanus. Epistula II. 6 // Sancti Columbanus Opera...* P. 16.
- ⁴² *Columbanus. Instructio. IV. 2 // Sancti Columbanus Opera...* P. 80–82.
- ⁴³ *Columbanus. Instructio. X. 3 // Sancti Columbanus Opera...* P. 102.
- ⁴⁴ *Adomnan's Life of Columba / Ed. and trans. A.O. Anderson and M.O. Anderson*. London, 1961. P. 532.
- ⁴⁵ *Charles-Edwards T. The Social Background...* P. 102f. No. 38.
- ⁴⁶ *Nauigatio*. P. 81.
- ⁴⁷ *Ibid*. P. 80.
- ⁴⁸ *Гуревич А.Я. Предисловие // Райт Д. Географические представления в эпоху крестовых походов. Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе*. М., 1988. С. 9.
- ⁴⁹ См.: *Plummer C. Some New Light on the Brendan Legend // ZCP*. 1905. Vol. 3. S. 129, F. 1.
- ⁵⁰ Аллюзии на Фил. 3:20 («*nostra autem conuersatio in caelis est*») («наше же жителство на небесах») и 1 Кор. 13:13 («*nunc autem manet fides spes caritas tria haec maior autem his est caritas*») («а теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше»).
- ⁵¹ *Nauigatio*. P. 4–5.
- ⁵² *Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. М., 1980. С. 39.
- ⁵³ *Nauigatio*. P. 32.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ср. Иез. 48:16: «И вот размеры его: северная сторона четыре тысячи пятьсот и южная сторона четыре тысячи пятьсот, восточная сторона четыре тысячи пятьсот и западная сторона четыре тысячи пятьсот».

⁵⁶ Ср. Исх. 25:37: «И сделай к нему семь лампад, и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его». Числа 8:2: «Объяви Аарону и скажи ему: когда ты будешь зажигать лампы, то на передней стороне светильника должны гореть семь лампад».

⁵⁷ *Navigatio*. P. 28–37.

⁵⁸ Ibid. P.36, 52.

⁵⁹ Ibid. P. 36.

⁶⁰ *Vita Samthanne // Vitae Sanctorum Hiberniae* / Ed. C. Plummer. 2 vols. Oxford, 1910. Vol. 2. P. 260.

⁶¹ *Bray D.B. An Allegory in the Navigatio...* P. 185–186.

⁶² *Tolkien J.R.R. Beowulf, the Monsters and the Critics*. Oxford, 1937. P. 5.

ПРОСТРАНСТВО ПУТЕШЕСТВЕННИКА*

Сочинения средневековых путешественников справедливо считаются важными источниками по истории того или иного региона. Для Восточной Европы таким ценнейшим источником является сочинение Ибн Фадлана – первого (из известных нам) арабского путешественника, побывавшего на Средней Волге. То обстоятельство, что «Записка» (*Risalat*) – отчет Ибн Фадлана о путешествии – опиралась на личные впечатления автора, коренным образом повлияло на оценку достоверности приводимых им сведений. Начиная со ставшей классической работы выдающегося российского востоковеда и нумизмата академика Х.М. (Х.Д.) Френа¹, в многочисленных статьях и книгах неоднократно поднимались проблемы, связанные с выявлением источников отдельных сообщений Ибн Фадлана о народах Восточной Европы или анализом терминологии путешественника², но при этом исследователи не уделяли внимания выяснению особенностей того субъективного пространства, в котором перемещался путешественник и которое в конечном счете и отразилось в его «Записке».

О самом Ибн Фадлане известно немного. Его полное имя – Ахмад Ибн Фадлан Ибн 'Аббас Ибн Рашид Ибн Хаммад. В заголовке «Записки» Ибн Фадлана, а также в одной из ремарок Якута Ибн Фадлан назван «клиентом Мухаммада Ибн Сулаймана», отождествляемого с халифским полководцем, под руководством которого были совершены походы в Сирию и Египет в 905 г. Кроме того, из помет редактора Мешхедского сборника следует, что Ибн Фадлан имел нисбу «ал-Хашими», т.е. носил почетный титул «клиента халифа».

Ибн Фадлан посетил Волжскую Булгарию в составе посольства багдадского халифа. Сама поездка была предпринята по инициативе правителя Волжской Булгарии Алмуша, который, желая освободиться от власти хазар, решил искать помощи у халифа ал-Муктадира (908–932) и обещал принять ислам. Для этого он направил послов в Багдад, прибегнув к посредничеству среднеазиатских правителей Саманидов, поддерживавших устремления булгарского царя. Из Багдада в июне 921 г. отправилось ответное посольство, во главе которого стоял некий Сусан ар-Расси, а секретарем был не известный нам по другим источникам Ибн Фадлан. Посольство халифа двинулось из Багдада через Хамадан, Рей, Нишапур, Мерв, Бухару, далее по Амударье до Хорезма, а затем через плато Устурт, земли гузов и башкир в обход Хазарии добралось до Волжской Булгарии в мае 922 г. О датах и

* Работа выполнена при финансовом содействии РФНФ (проект № 07-01-00058а «Ментальные карты Восточной Европы: Сравнительный анализ дискурсивных практик»).

маршруте обратного пути посольства ничего не известно, поскольку заключительная часть «Записки» не сохранилась. О том же, что Ибн Фадлан довел свой рассказ до возвращения посольства в Багдад, мы знаем со слов арабского энциклопедиста первой трети XIII в. Йакута, в сочинении которого сохранилась одна из версий «Записки».

В Багдаде Ибн Фадлан составил отчет о поездке на Волгу. Посольство носило официальный характер, поэтому при написании отчета Ибн Фадлан должен был ориентироваться прежде всего на официальных лиц и придворные круги Багдада. Поскольку политические результаты посольства равнялись нулю, отчет о нем не привлек особого внимания в Багдаде. Ни один из мусульманских писателей X – начала XIII в. (то есть до ссылок на Ибн Фадлана в «Словаре» Йакута) не упоминает ни о посольстве халифа ал-Муктадира на север, ни об Ибн Фадлане и его сочинении. В связи с этим А.П. Ковалевский считал, что оригинал «Записки» «безвозвратно погиб», а дошедшие до нас рукописные материалы представляют собой сокращенные и отредактированные версии первоначального варианта отчета или его фрагментов³.

«Записка» Ибн Фадлана, быстро забытая в Багдаде, бытовала – в сокращениях и пересказах – в Средней Азии. По меньшей мере один экземпляр «Записки» попал в Бухару, где во второй половине X в. был включен в сборник географического содержания. Составителем сборника был какой-то бухарский вельможа, вероятно, вазир одного из саманидских эмиров, адресат двух посланий арабского путешественника X в. Абу Дулафа, помещенных в этом же сборнике⁴. До начала XIII в. этот сборник оставался в частной библиотеке и пользовался популярностью: по словам Йакута, он побывал «в руках у многих»⁵. Один экземпляр сборника из библиотеки некоей Хатун из Мерва пережил монгольское нашествие и уже в XVII в. попал в Мешхед, где и был обнаружен А.З.В. Тоганом в 20-х годах прошлого века.

А.П. Ковалевский, подготовивший комментированный перевод Мешхедской рукописи, пришел к заключению, что она представляет собой редакторскую переделку, в которой «налицо и пропуски и, может быть, даже нарушение первоначального плана»⁶. Редактор сборника сократил прежде всего то, что жителям Бухары было хорошо известно (в частности, описание пути посольства из Багдада до Бухары), а также те сведения, которые уже утратили актуальность в его время, прежде всего – историю посольства как такового. Именно Мешхедская рукопись, либо сборник, аналогичный Мешхедскому, послужил тем источником, откуда делал свои выписки Йакут. Как и редактора сборника, Йакута в тексте Ибн Фадлана мало занимало все, касавшееся посольства; сделанные им выписки посвящены описанию стран и народов, которые посетил Ибн Фадлан.

Сообщения, заимствованные – в сокращенном виде – из сочинения Ибн Фадлана, имеются у двух персидских авторов – Наджиба Хамадани (вторая половина XII в.), автора космографии «Диковинки творений», и Амина Рази

(конец XVI в.), составившего труд энциклопедического характера «Семь климатов». При этом оба они сами непосредственно сочинением Ибн Фадлана не пользовались, а обращались к какому-то промежуточному источнику, написанному не позднее середины XII в. и восходящему к более полной, чем Мешхедская, редакции «Записки» Ибн Фадлана⁷.

Таким образом, в настоящее время в распоряжении исследователей имеются несколько версий, с разной степенью полноты и точности передающих утраченный оригинал текста Ибн Фадлана: это, во-первых, «Записка», сохранившаяся в составе Мешхедской рукописи, во-вторых, выписки из нее, сделанные в начале XIII в. Йакутом, в-третьих, сообщения Наджиба Хамадани и Амина Рази, восходящие к более полной, чем Мешхедская, редакции сочинения Ибн Фадлана.

А.П. Ковалевский отмечал, что вопрос о принадлежности Ибн Фадлану тех или иных материалов, отсутствующих в Мешхедской рукописи, но приписываемых Ибн Фадлану Йакутом, очень непрост. В частности, в своем первом издании перевода он выражал сомнение в том, что Ибн Фадлан мог быть автором первой части приписываемого ему Йакутом рассказа о хазарах⁸, а во втором – оставил ее в тексте⁹. Дальнейшие исследования подтвердили сложность вопроса о соотношении двух основных версий текста Ибн Фадлана – по Мешхедской рукописи и «Словарю» Йакута. Так, С. ад-Даххан, издавший текст Мешхедской рукописи в 1959 г. в Дамаске, не стал включать в нее приписываемый Ибн Фадлану Йакутом рассказ о хазарах¹⁰. Д.Е. Мишин, детально рассмотревший все случаи употребления этнонима «сакалиба» в «Записке» Ибн Фадлана, также пришел к выводу, что в ряде случаев с определенностью утверждать, принадлежит ли спорный фрагмент Ибн Фадлану или Йакуту, весьма затруднительно¹¹.

Отсутствие оригинала «Записки» Ибн Фадлана оставляет открытым вопрос о том, насколько точно в дошедших до нас версиях сочинения соблюдена его первоначальная композиция и что послужило рабочей основой для создания текста. Хотя Ибн Фадлан об этом нигде не говорит, но само изложение, представляющее собой последовательную характеристику пройденных членами посольства населенных пунктов и описание непосредственных впечатлений Ибн Фадлана от увиденного, наводит на мысль о том, что по ходу путешествия могли делаться дневниковые записи. Венгерский исследователь Мешхедской рукописи К. Цегледи, сопоставляя порядок перечисления Ибн Фадланом гидронимов, с одной стороны, и сообщений о пребывании посольства у тех или иных народов – с другой, высказал предположение, что Ибн Фадлан одновременно вел два дневника: в одном он фиксировал – в хронологическом порядке – наименования всех географических объектов (городов, рек, гор), встречавшихся на пути следования посольства, а в другой заносил свои впечатления от увиденного и услышанного. При составлении в Багдаде отчета о путешествии он разделил маршрут на отдельные отрезки и соединил их с сообщениями о народах, не

заботясь о хронологическом порядке получившегося рассказа¹². По-видимому, редактор Мешхедской рукописи проделал обратную работу: он опустил – как не представлявшие интереса для своих земляков – почти все описания путевых впечатлений Ибн Фадлана на маршруте «Багдад – Бухара», в результате чего эта часть отчета приобрела вид обыкновенного дорожника. Таким образом, в «Записке» Ибн Фадлана сосуществуют два пространства – исламское, максимально «редуцированное» редактором, и «варварское», границы которого сильно раздвинуты по сравнению с первым за счет более или менее подробного описания чужих стран и народов.

Эти два пространства у Ибн Фадлана – исламское и неисламское – не изолированы друг от друга. Напротив, фрагменты «варварского» пространства, будучи воспринимаемы и описываемы мусульманином сквозь призму присущих ему культурно-религиозных установок, тем самым в какой-то мере сами становятся частью ментального исламского пространства.

В начале своей «Записки» Ибн Фадлан сообщает, что он опирался на личные впечатления и рассказывал о том, что он сам наблюдал в странах тюрок, хазар, русов, славян, башкир и других народов. Действительно, по характеру изложения видно, что Ибн Фадлан рассматривал эту поездку не столько как дипломатическое поручение, сколько как путешествие, позволяющее ему познакомиться с новыми странами и народами. Это не отчет о выполненном поручении, а прежде всего описание личных впечатлений, рассказ – порой очень детальный – об увиденном и услышанном. Характерно, что в отличие от многочисленных ссылок на личные наблюдения и рассказы своих спутников по путешествию и местных жителей, Ибн Фадлан ни разу не ссылается на какие-либо письменные источники, если не считать письмо Алмуша к халифу ал-Муктадиду, которое Ибн Фадлан либо сам читал, либо знал его содержание в пересказе Надира ал-Хурами – представителя халифа на переговорах с болгарским послом в Багдаде.

Ибн Фадлан, при том что он был весьма любознательным путешественником, «академического» интереса к странам и народам Восточной Европы не питал и вряд ли был знаком с арабской традицией описания этих народов. Ко времени путешествия Ибн Фадлана традиция была представлена так называемой «Анонимной запиской», которая была составлена в последней четверти IX в. и входила в состав не дошедших до нас арабских сочинений – полной редакции «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега и одноименного труда ал-Джайхани¹³. Непосредственность описаний Ибн Фадлана отражает впечатления человека, не обремененного какой-либо книжной информацией, с которой он мог бы – при желании – сопоставить увиденное. В сочинении Ибн Фадлана лишь однажды говорится, что ему довелось увидеть то, на что он уже давно хотел посмотреть: «Мне не раз говорили, что они (русы) делают со своими главарями при [их] смерти дела, из которых самое меньшее – сожжение, так что мне все время очень хотелось познакомиться с этим, пока не дошла до меня [вести] о смерти одного

выдающегося мужа из их числа»¹⁴. Во всех остальных случаях Ибн Фадлан просто описывает то, что у него перед глазами, либо то, что он услышал по ходу путешествия.

Такая внутренняя установка на фиксацию одних личных впечатлений придает повествованию Ибн Фадлана чрезвычайно живой, непосредственный вид, что обычно рассматривается исследователями как свидетельство достоверности сведений арабского путешественника. Однако любая «непосредственность» восприятия на деле весьма специфична, и текст Ибн Фадлана не является исключением в этом отношении.

В начале своей «Записки» Ибн Фадлан приводит перечень тем, имевших для него первостепенное значение, – различие вероучений этих народов, сведения об их царях и положение их дел¹⁵. А.П. Ковалевский полагал, что отмечаемая едва ли не всеми исследователями «Записки» наблюдательность Ибн Фадлана была не просто присущим ему личным качеством, но опиралась на его знакомство с тогдашней арабской литературой, посвященной путешествиям мусульман в разные страны, к примеру на широко известное в исламском мире описание путешествия Саллама ат-Тарджумана к стене Йаджуджа и Маджуджа¹⁶. Сопоставляя «Записку» Ибн Фадлана и разного рода сочинения о мусульманских путешествиях, А.П. Ковалевский выделил почти два десятка тем, общих для арабо-персидских авторов IX – первой половины X в. и сочинения Ибн Фадлана: качества различных народов; монеты; налоги и торговые пошлины; суд над мусульманами в неискламских странах; присутствие жены царя на официальной аудиенции; наказания за прелюбодеяние, воровство, разбой и гомосексуализм; похоронные обряды; застольные обычаи и пищевые привычки; личная гигиена; одежда; способы забоя животных; единорог и носорог и др.¹⁷. А.П. Ковалевский отмечал, что «если тематика и отчасти форма изложения Ибн Фадлана до некоторой степени определяется литературной средой (письменной и устной), то конкретное содержание своих рассказов он черпал непосредственно из окружающей его действительности»¹⁸. В развитие этой мысли А.П. Ковалевский детально проследил, как Ибн Фадлан пересказывает местные легенды, «вплетая в них мусульманские элементы»; таково описание северного сияния, народа великанов, живущего на крайнем севере у моря, а также единорога, обитавшего в стране «славян»¹⁹. Новейшие исследования этих сюжетов подтверждают выводы А.П. Ковалевского²⁰.

Таким образом, «общемусульманский» фон сообщений Ибн Фадлана во многом задает параметры тематическому пространству «Записки».

Еще одна особенность «Записки» хорошо видна при сравнении ее с сочинениями арабских географов IX – начала X вв. В тексте Ибн Фадлана практически нет терминов, отражающих субъективное восприятие пространства, крайне редки указания на расстояния между населенными пунктами. Каждый народ описан сам по себе, без каких бы то ни было авторских

заклучений о взаимном расположении стран и населенных пунктов. Описывая путь от Багдада до Булгара, Ибн Фадлан умудряется – за редким исключением – обойтись без указания на детали, связанные с самим процессом перемещения в пространстве. В центре внимания Ибн Фадлана неизменно оказывается то, что он видел и слышал в местах остановок. О встречах с разными людьми, о разговорах с ними Ибн Фадлан всегда говорит чрезвычайно подробно. Поэтому можно сказать, что пространство Ибн Фадлана – это прежде всего и главным образом пространство общения (со своими спутниками и представителями тех народов, по землям которых посольство проезжало).

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование пространства путешественника, были его лингвистические возможности. Ибн Фадлан был этническим арабом и, насколько можно заключить из его «Записки», какими-либо иными языками, кроме арабского, не владел. Непосредственно Ибн Фадлан говорил только с носителями арабского языка – своими попутчиками, а также жителями мусульманских стран, по которым проезжало посольство²¹. Во все же остальных случаях после отъезда посольства из Хорезма он пользовался услугами переводчиков.

Спутниками Ибн Фадлана по путешествию, с которыми он выехал из Багдада, были Абдаллах Ибн Башту ал-Хазари – посол Алмуша к халифу; Сусан ар-Расси²² – посол халифа к булгарам; не названный по имени свояк посла, не игравший в дальнейшем никакой роли; Такин ат-Турки; гулям, обретавшийся при дворе халифа, по имени Барис ас-Саклаби²³; факихи (знатоки мусульманского права) и му'аллимы (религиозные наставники), а также какие-то «отроки», выполнявшие функции слуг и охранников. Факихи, му'аллимы и отроки сопровождали посольство лишь до Джурджании (Старый Ургенч), а дальше не поехали. В Джурджании путешественники наняли проводника – местного жителя по имени Фалус.

Из всех этих лиц наиболее важной для Ибн Фадлана фигурой был Такин ат-Турки («Тюрок»). Он когда-то жил в Хорезме, был там кузнецом и по роду своих занятий был знаком «с продажей железа в стране неверных», т.е. тюрок²⁴. Кроме того, по данным Наджиба Хамадани, Такин некоторое время жил в Волжской Булгарии, где находился на службе у царя болгар²⁵. Такин знал тюркские наречия и выступал в качестве переводчика для Ибн Фадлана во время поездки из Джурджании в страну тюрок²⁶. Кроме Такина, Ибн Фадлан мог непосредственно общаться и с Барисом ас-Саклаби, который, по всей вероятности, владел арабским языком, поскольку был халифским гулямом. По предположению А.П. Ковалевского, Барис был этническим болгаринцем²⁷, что делает его одним из возможных информаторов Ибн Фадлана о народах Восточной Европы, прежде всего – о булгарах. В самой Булгарии у Ибн Фадлана был еще один собеседник, с которым он сам мог свободно разговаривать, – живший у царя «славян» портной, выходец из Багдада²⁸.

Рассказ Ибн Фадлана пестрит упоминаниями о том, что после отъезда посольства из Джурджании он пользовался услугами переводчиков. С помощью переводчика он общался с гузами²⁹, и в частности – с командующим их войском Этрэком³⁰, с башкирами³¹, с булгарами («саклабами»), в том числе с их царем³², с русами³³.

В своей «Записке» Ибн Фадлан неоднократно приводит свои оценочные суждения относительно языков, на которых говорили те или иные народы, встречавшиеся им по пути следования на Волгу. Так, по его словам, хорезмийцы «самые дикие люди и по разговору и по природным качествам; их разговор похож на то, как кричат скворцы»³⁴; речь жителей поселения Ардакуа, расположенного в одном дне пути от Джурджании, «похожа на кваканье лягушек»³⁵; русы, по словам Ибн Фадлана, говорили «речью, для меня непонятной»³⁶.

В этой связи А.П. Ковалевский отметил решающее преобладание зрительного восприятия в тексте Ибн Фадлана³⁷. Даже там, где Ибн Фадлан сообщает об услышанном им, он нередко пишет об этом как о зрительном ощущении: «Я видел, как тюрки рассказывали (об Этрэке, начальнике войска у огузов), что он у них самый ловкий наездник»³⁸; «я видел, что они (булгары) считают очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собак, радуются ему и говорят о годе изобилия, благословения и благополучия»³⁹ и т.п.

Наряду с многочисленными сообщениями, опирающимися на непосредственные визуальные впечатления Ибн Фадлана, в его сочинении есть довольно много данных, источниками которых являлись, по словам самого Ибн Фадлана, рассказы третьих лиц. Такие случаи Ибн Фадлан добросовестно отмечает, делая ссылки на свои источники. К примеру, во время многомесячного пребывания в Хорезме Ибн Фадлан и его спутники подружились с некоторыми из местных жителей и именно от них он услышал рассказы о том, как там однажды от холода замерзли верблюды⁴⁰. На рассказы местных жителей Ибн Фадлан ссылается и при описании религиозных представлений башкир⁴¹, народа вису⁴², истории некоего синдийца, оказавшегося в Булгарии⁴³, великана⁴⁴, единорога⁴⁵, погребальных обычаев русов⁴⁶.

Кроме того, в «Записке» встречаются сюжеты обобщающего характера – такие, как сообщения об организации власти, титулатуре и придворных обычаях. Источники этой информации Ибн Фадлан никак не раскрывает. Можно предполагать, что для изложения этих сюжетов при описании огузов или булгар Ибн Фадлан мог раздобыть информацию на месте – визуально или путем расспросов, тем более что как секретарь посольства он имел возможность личного контакта с представителями властной элиты этих стран.

Относительно же характеристики русов и хазар этого утверждать нельзя. Ибн Фадлан видел в Булгарии, но в замке у царя русов не был. Кроме того, из рассказа Ибн Фадлана следует, что он лично видел русов всего

дважды: сначала, «когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Итиль»⁴⁷, а также когда он стал свидетелем заключительной сцены похорон руса⁴⁸. Вся остальная его информация о русах происходит из устных источников. Хазарию же посольство вообще объездало стороной. Остается признать, что часть данных о русах и все сведения о хазарах были собраны Ибн Фадланом во время пребывания в Булгарии. Одним из возможных его информантов был посол Алмуша к халифу Абдаллах Ибн Башту ал-Хазари, который являлся, судя по его нисбе, этническим хазарином, но принявшим ислам и перебравшимся в Булгарию.

Об отсутствии у Ибн Фадлана интереса к самостоятельной оценке информации говорит, в частности, употребление им терминов «сакалиба» и «булгар». Узнав в Багдаде, что посольство направляется к «правителю сакалиба», Ибн Фадлан по прибытии в Булгарию обнаружил, что «правитель сакалиба» в хутбе, провозглашаемой от его имени, именуется «царем булгар»⁴⁹. Он даже не стал выяснять этот вопрос, хотя постоянно во время пребывания в Булгарии сталкивался с тем, как ему именовать подданных царя – «булгарами» или «сакалиба». В результате Ибн Фадлан, как правило, описывает жителей Булгарии при помощи местоимения «они» или «жители его (Алмуша) царства» и ни разу не говорит – по аналогии с описаниями других народов, – что он «видел» «сакалиба» или «булгар».

Таким образом, на примере сочинения Ибн Фадлана хорошо видно, что описываемое им пространство – это пространство субъективное, на формирование которого оказал влияние целый ряд факторов: от личных возможностей самого путешественника до целей посольства, секретарем которого он являлся.

¹ Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit / Text und Übersetzung von C.M. Frähn. St. Petersburg, 1823.

² Обзоры историографии см.: *Арапов Д.Ю.* Исследователи «Записки» Ибн Фадлана в России (К 60-летию издания «Путешествия Ибн Фадлана на Волгу») // *Славяноведение*. 1999. № 3. С. 3–14; *Гараева Н.А.* Ибн Фадлан // *История татар с древнейших времен в семи томах*. Казань, 2006. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. С. 714–715.

³ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 49.

⁴ Там же. С. 46–47.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 40–41.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / [Пер. и коммент. А.П. Ковалевского] Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 22.

⁹ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана. С. 148.

¹⁰ Рисалат Ибн Фадлан / С. ад-Даххан. Дамаск, 1959. С. 172.

- ¹¹Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 29–33.
- ¹²Czeglédy K. Zur Mescheder Handschrift von Ibn Fadlans Reisebericht // Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. 1952. Т. I. Fasc. 2–3. S. 217–242. P. 221.
- ¹³Об «Анонимной записке» см.: Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. Т. II. Cz. 2. S. 11–17.
- ¹⁴Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана. С. 143.
- ¹⁵Там же. С. 121.
- ¹⁶Там же. С. 49.
- ¹⁷Там же. С. 49–50.
- ¹⁸Там же. С. 51–52.
- ¹⁹Там же. С. 52–67.
- ²⁰Калинина Т.М. «Царь славян» Ибн Фадлана // ВЕДС. 1994. С. 15–16; Калинина Т.М. Термин «люди дома» («ахл ал-байт») у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов // ДГ. 1992–1993 г. М., 1995. С.134–139; Warmind M.L. Ibn Fadlan in the Context of his Age // The Ship as Symbol in Prehistoric and medieval Scandinavia / Ed. Ole Crumlin-Pedersen and Birgitte Munch Thye. Copenhagen, 1995. P. 131–137; Большаков О.Г. Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // ДГ. 1998 г. М., 2000. С. 62; Калинина Т.М. «Великан» Ибн Фадлана и легенды о гигантах // ВЕДС. 2002. С. 91–96; Montgomery J.E. Spectral Armies, Snakes, and a Giant from Gog and Magog // The Medieval History Journal. 2006. Vol. 9. N. 1. P. 63–87.
- ²¹Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана. С. 122–125.
- ²²О личности Сусана ар-Расси см.: Большаков О.Г. Уточнения. С. 60.
- ²³О нем см.: Там же. С. 60–61.
- ²⁴Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана. С. 123.
- ²⁵Там же. С. 221. Комментарий. 588.
- ²⁶Там же. С. 125.
- ²⁷Там же. С.14.
- ²⁸Там же. С. 135.
- ²⁹Там же. С. 126.
- ³⁰Там же. С. 129.
- ³¹Там же. С. 131.
- ³²Там же. С. 132–134.
- ³³Там же. С. 144–145.
- ³⁴Там же. С. 123.
- ³⁵Там же.
- ³⁶Там же. С. 143–144.
- ³⁷Там же. С. 115.
- ³⁸Там же. С. 129.
- ³⁹Там же. С. 135.
- ⁴⁰Там же. С. 124.
- ⁴¹Там же. С. 131.
- ⁴²Там же. С. 135.
- ⁴³Там же. С. 137.
- ⁴⁴Там же. С. 138.
- ⁴⁵Там же. С. 139–140.

⁴⁶ Там же. С. 143.

⁴⁷ Там же. С. 141.

⁴⁸ Там же. С. 144–145.

⁴⁹ Там же. С. 132–133.

СОКРАЩЕНИЯ:

ВЕДС– Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Тезисы докладов (Материалы конференции). М.

ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО*

Дорога вдаль и вдаль ведет,
Под солнцем или под луной,
Но голос сердца позовет –
И возвращаешься домой.

(Дж. Р.Р. Толкин. Хобит ...)

Вторая часть названия этой статьи позаимствована мною у оксфордского профессора, филолога-германиста, Дж.Р.Р. Толкина, в чьем романе «Хоббит, или Туда и обратно»¹ рассказывается о *путешествии* хоббита Бильбо Бэггинса к пещере Одинокой горы за сокровищами гномов, захваченными драконом Смогом, и назад домой. Первая же часть названия – существительное *Hólmgarðsfari*, нередко встречающееся в исландских сагах для обозначения торговых людей (*kaupmenn*), плавающих в *Hólmgarðr* (Новгород), и даже чаще выступающее в качестве прозвища этих купцов. Так, к примеру, в «Круге земном» говорится, что скальд Сигват, интересуясь судьбой находившегося на Руси Магнуса, сына Олава Святого, «часто спрашивал, когда он встречал купцов, *хольмгардсфару*, что они могли сказать ему о Магнусе»², а «Сага о фарёрецах» рассказывает о человеке по имени Равн, который «постоянно ездил в Хольмгард, а потому его называли *Хольмгардсфару*», и на корабле у которого находились купцы³.

Hólmgarðsfari состоит из *Hólmgarðs* (Р.п. от *Hólmgarðr*) и *fari* «путешественник» (сущ. м.р. от глагола *fara* «ехать, ездить, идти, путешествовать»)⁴. Мне доводилось встречать это прозвище в переводе «Ездок в Хольмгард»⁵ и «пловец в Хольмгард»⁶; я перевожу его как «путешественник в Хольмгард», отдавая себе отчет в том, что ни один из этих переводов не передает в полной мере значения древнеисландского слова. Дело в том, что «путник» (равно как и «всадник») – устаревшие значения слова *ездок*; его основное значение в современном русском языке – «умеющий ездить», большей частью применительно к езде верхом и на велосипеде; *пловец* в нынешнем словоупотреблении – «человек, умеющий плавать, либо человек, занимающийся плаванием как спортом»; его третье значение «мореплаватель» устарело; *путешественник* – это «человек, совершающий путешествие»⁷, и правомерность / неправомерность использования этого последнего термина определяется значением слова *путешествие*. Приве-

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 07-01-00058а).

ду его по словарю Д.Н. Ушакова: «поездка (реже – передвижение пешком), обычно куда-нибудь далеко за пределы родной местности, постоянного местопребывания»⁸. И хотя синонимами *путешествия* выступают *путь*, *шествие*, *странствие*, *поездка*, *хождение*, *паломничество*, *пилигримство*, *вояж*, *экскурсия*⁹, все же в нашем сегодняшнем сознании *путешествие* – нечто либо познавательное, либо развлекательное, но никак не торговое и не военное.

Хочу также обратить внимание на то, что *Hólmgarðsfari* – не единственный термин, построенный по модели *X-fari*. Известно еще несколько подобных композитов: *Jórsala-fari*, «паломник в Иерусалим»¹⁰, *Dyflinnar-fari*, «дублинский купец»¹¹, *Englands-fari*, «английский мореход», *Hlymreks-fari* «плававший в Лимерик»¹². Перевод второго компонента в этих словах зависит от того контекста, в котором термины употребляются в сагах, а вовсе не от значения составляющей *-fari*, поскольку соответствующего слова, вбирающего в себя все необходимые значения, универсального как, скажем, английское *travel*, в современном русском языке просто нет.

Все это долгое предисловие неслучайно – я пытаюсь с его помощью ответить на замечание, высказанное С.Е. Федоровым по моему докладу во время Круглого стола «Путешествие как историко-культурный феномен». Суть замечания заключалась в том, что не ко всем *перемещениям* средневековых скандинавов в *пространстве* можно, по мнению моего оппонента, применить термин «путешествие», как его применяю я, и что, по крайней мере, викингская активность и торговая деятельность – основа жизни скандинавов в IX–XI вв. – с помощью этого термина обозначены быть не могут. Мне же представляется, что описанное выше состояние словарного состава русского языка вынуждает нас прибегать к условностям и договариваться о терминах. То, о чем пойдет речь в этой статье, удобнее всего было бы обозначить английским *travel / traveling*. Мое повторное уже упоминание английского термина связано с тем, что в последние годы эта проблематика (впервые в саговедении столь детально) разрабатывается эстонской исследовательницей Кристель Цильмер, пишущей по-английски и исследующей в исландских сагах *the motive of traveling, representations of travel connections, the narrative tradition of travelogue* и т.п.¹³. Однако в русскоязычной статье я считаю возможным использовать термин «путешествие». Я буду ниже говорить о «путешествии» в широком смысле этого слова и использовать термин как обозначение *движения, перемещения в (географическом и социальном) пространстве*.

Путешествие, в какой бы форме оно ни проходило и в какие бы дальние края ни приводило, воспринимается современным человеком как нечто само собой разумеющееся, но в Средние века оно было неизбежным (*sine qua non*) условием жизни, главной ее составляющей. Естественно, не вы-

зывает сомнения, что было немало людей, которые родились, провели всю жизнь и умерли в одном и том же месте, однако в средневековом обществе существовали определенные группы людей, которые путешествовали и делали это весьма успешно, а порой и очень далеко. Торговцы, воины, ловцы удачи, миссионеры, послы и многие-многие другие перемещались с места на место, торгуя, воюя, выполняя разнообразные поручения. Эти люди как бы соединяли своими передвижениями отдаленные уголки мира. Путешествие в жизни средневекового скандинава могло быть вынужденным (к примеру, в результате объявления кого-то вне закона), а могло совершаться и по собственному желанию человека (скажем, исландский скальд решает отправиться ко двору норвежского конунга). Путешествие могло быть разной протяженности – это могло быть перемещение внутри одной страны (Исландии, Норвегии), могло совершаться между странами (теми же Исландией и Норвегией), а могло вести и далеко вовне (хорошо известна широта горизонтов эпохи викингов, которые плавали по всей Атлантике и достигли Америки, по Средиземному морю, по Балтийскому морю и рекам Восточной Европы). Путешествие могло быть организовано с различными целями: освоение новых земель, грабительское нападение, война, торговля, встреча, посещение кого-то или чего-то, сватовство, свадьба, необходимость разрешить конфликт, назначить встречу, узнать или передать новости и т.д., и т.п.

Исландские саги наполнены рассказами о плаваниях, поездках, военных походах, торговых предприятиях, перемещениях самого разного рода, о подготовке к этим путешествиям и об их последствиях. С одной стороны, эти рассказы выступают отражением реальной жизни, с другой – они являются следствием специфики жанра саги. Исландские саги как жанр – это признано всеми исследователями – отличает «объективность»¹⁴. Суть этой «объективности» в том, что автор как бы ничего не знает о мыслях, чувствах, переживаниях, планах своих персонажей, он как бы регистрирует только факты. В сагах «переживания ... сами по себе не были объектом изображения»¹⁵. Это мнимое отсутствие «авторского вмешательства» (*writer intrusion*) есть умышленный литературный прием¹⁶. Но в силу его автор «знает» и говорит только о том, что может быть подтверждено свидетельством очевидцев. Как следствие этого, действительность представлена в сагах своим событийным планом. «Объектом изображения в сагах были всегда *те или иные события*, представлявшие интерес для людей того времени»¹⁷. Соответственно, *одно из основных событий в сагах – движение (поездка, плавание) сагового персонажа из одного места в другое. Мотив путешествия чрезвычайно характерен и важен для саг. Путешествие – т.е. перемещение в пространстве – можно назвать составляющей саг. Ни одна сага, естественно, не задумана и не создана для того лишь, чтобы служить чьим-то персональным итинерарием (я говорю «естественно»,*

потому что у саг как у жанра другие задачи и цели, другие эстетические и идеологические установки), но при этом темы, связанные с путешествием, настолько многочисленны в сагах, что можно даже назвать путешествие *ключевым элементом саг*.

Отношение к путешествию в век саг – предельно уважительное. В обществе господствует представление о том, что человек *должен* путешествовать, чтобы стать человеком, чтобы приобрести знания, чтобы научиться разбираться в человеческих взаимоотношениях¹⁸. Вот, к примеру, 18-я строфа «Речей Высокого» из «Старшей Эдды»: «Знает лишь тот, / кто много земель / объездил и видел, – / коль сам он умен – / что на уме / у каждого мужа»¹⁹. (Надо отметить, что «Речи Высокого», т.е. Одина, – это признанный свод житейской мудрости, а к тому же и древнейшая часть «Старшей Эдды»). А вот ситуация из «Саги о людях из Лососьей Долины»: Болли, сын Торлейка, объявляет, что намеревается поехать за море; Снорри Годи пытается его отговорить, на что Болли отвечает весьма примечательными словами: «Я думаю, что мало умножает свои знания тот, кто знаком только с тем, что есть здесь, в Исландии»²⁰. Таких примеров можно встретить в сагах немало²¹.

С самого начала эпохи народовластия в Исландии так повелось, что сыновья богатых бондов отправлялись на службу к норвежскому конунгу. Поездка в Норвегию, а может быть, также в Данию и в Англию, была для молодого исландца школой жизни. Нередко молодой исландец отправлялся в путешествие через Атлантику с целью посетить норвежского конунга и как бы «померяться с ним силами». В рамках жанра саги даже сформировался особый вид текстов – «пряди о поездках из страны» – более тридцати историй, прославляющих достойных и удачливых исландцев²².

Герои саг рано отправляются в путешествия – они чувствуют в себе силы для этого и стремятся показать себя. Будущие норвежские конунги, согласно «Кругу земному», восходят на корабль и пускаются в военные предприятия, когда им едва сравнялось двенадцать лет. «Сага о Харальде Прекрасноволосом» рассказывает об Эйрике Харальдссоне, будущем норвежском конунге Эйрике Кровавая Секира:

Эйрик был на воспитании у херсира Торира Хроальдссона во Фьордах. Его конунг Харальд любил больше, чем остальных сыновей, и ценил его более всех. И когда Эйрику было двенадцать лет, дал ему конунг Харальд пять боевых кораблей, и отправился он в военный поход, сначала в Аустрвег, а затем на юг в Данмарк и во Фрисланд и Саксланд, и пробыл в этом походе четыре года. После этого отправился он на запад за море и воевал в Скотланде и Бретланде, Ирланде и Валланде, и провел там другие четыре года. После этого отправился он на север в Финмарк и вплоть до

Бьярмаланда, и была у него там большая битва, и [он] победил²³.

Обратим внимание на то, что, согласно этому сообщению Снорри Стурлусона, юный Эйрик ведет боевые действия во всех четырех сторонах света. Сыновья Эйрика Кровавая Секира, о которых говорится в «Саге о Хаконе Добром», тоже мужают очень рано:

Некоторые из сыновей Эйрика ходили в военные походы, как только они стали достаточно взрослыми, и добывали себе богатства, воевали по Аустрвегу. Они рано стали мужами красивыми и скорее выдающимися по силе и доблести, чем по числу лет²⁴.

Олав Трюггвасон начал странствия то ли в утробе матери, то ли в возрасте трех лет (в источниках нет единодушия относительно того, когда матери Олава пришлось бежать из Норвегии, спасаясь от козней врагов своего убитого уже к этому времени мужа). К двенадцати годам Олав побывал в эстонском плену, попал на Русь и убил человека²⁵. В «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда говорится следующее:

А когда ему было 12 лет, то спрашивает он конунга, нет ли какой-нибудь городов или округов, тех, которые были под его властью и были отняты у него язычниками, присвоившими себе его владения и честь. Конунг отвечает и говорит, что, конечно, были некоторые города и деревни, те, которые принадлежали ему, а другие отвоевали от его владений и присоединили теперь к своему государству. Олав сказал тогда: «Дай мне тогда какой-нибудь отряд в распоряжение и корабли, и посмотрим, смогу ли я вернуть назад то государство, которое потеряно, потому что я очень хочу воевать и биться с теми, которые вас обесчестили; хочу я положить в этом на ваше счастье и твою собственную удачу. И будет либо так, что я их убью, либо что они побегут от моей силы». Конунг принял это хорошо и дал ему такой отряд, какой он просил. Вот обнаружилось то, о чем говорилось раньше, каким искусным он был во всяком рыцарском деле и военном снаряжении; и мог он так умело вести строй, как будто он всегда это делал. Вот он отправляется с этим войском, и было у него много битв, и одержал он большую победу над своими недругами. Вернул он назад все города и крепости, те которые раньше находились под властью конунга Гардов. И много иноземных народов подчинил он власти конунга Вальдамара. А осенью вернулся он назад со славной победой и прекрасной добычей...²⁶

А вот как описывает Снорри Стурлусон первый военный поход Олава Святого:

Олаву Харальдссону было двенадцать лет, когда он впервые взшел на боевой корабль²⁷.

Снорри недвусмысленно указывает на то, что участие конунгов в поездках является основой их успешного правления. Говоря о Харальде Прекрасноволосом, он подчеркивает, что к восьмидесяти годам тот «стал тяжел на подъем» и, соответственно, «ему стало трудно ездить по стране и править ею»²⁸.

Путешествия в сагах не только являются частью действия, но также помогают охарактеризовать героев; демонстрируют, как они взрослеют и мужают. Мотив путешествия сам по себе является важной частью характеристики индивида, о котором идет речь. Яркий пример находим в «Саге о Магнусе Голоногим» (по «Гнилой коже», «Красивой коже», «Кругу земному» и «Хульде»), где в посмертной характеристике конунга Хакона Воспитанника Торира (1093–1094) без какой-либо связи с предшествующим повествованием и сюжетно неоправданно упоминается поездка конунга в *Бьярмаланд*, приведшая к сражению и одержанной в сражении победе:

Теперь был признан конунгом в Норвегии Магнус, сын конунга Олава. Он был на востоке страны. А трэнды объявили конунгом Хакона, сына Магнуса Харальдссона – того, что сначала был на воспитании у Стейнки Стейнарссона на востоке в Вике, а затем у Стейгаторири. И этого Хакона звали Воспитанником Торира. Он был более других любим бондами. *Хакон ездил [однажды] в Бьярмаланд, и сражался там, и одержал победу*²⁹.

Скорее всего, путешествие в эти отдаленные земли на берегах Белого моря расценивалось авторами саг и, вероятно, их аудиторией как проявление героизма, а потому могло выступать в сагах как элемент положительной характеристики конунга или ярла. Параллелью и подтверждением этой мысли могут служить слова исландского скальда Глума Гейрасона из его «Gráfeldardrápa» (975 г.), относящиеся к походу Харальда Серая Шкура против бьярмов (об этом походе уже говорилось выше): «Примиритель мужей снискал себе добрую славу в этом походе»³⁰.

Упоминания о путешествиях помогают вводить в повествование и представлять новых персонажей. Нередко путешествия какого-то героя упоминаются в его вводной характеристике. Вот, скажем, как в «Саге о Кнютлингах» начинается рассказ об одном купце из прибалтийских земель, которого позднее Кнут Лавард отправит на Русь сватать ему в жены Мальмфрид

Мстиславну:

Человека звали Видгаут; он был родом из Самланда; он был язычником в то время; он был купцом и очень богатым, и хорошо образованным во многих отношениях; он всегда был готов отправиться в торговую поездку в Аустрвег³¹.

Как отмечает К. Цильмер, в такого рода характеристиках участие в путешествиях, далеких плаваниях выступает как естественная часть человеческой карьеры, жизни, как нечто, определяющее личные свойства этого человека³².

Многие саговые персонажи (и их реальные прототипы) носят соответствующие прозвища. Об одной группе прозвищ, *X-fari*, речь уже выше шла. Самый яркий пример здесь – широко известное прозвище норвежского конунга Сигурда Магнуссона – *Jórsalafari*³³. В рукописи *Póðarþók* «Книги о заселении страны» о некоем Бьёрне сообщается, что «он был великим путешественником [*farmaðr*] (Хольмгардсфари [*Hólmgarðsfari*]) и купцом. Он часто плавал по Восточному пути и привозил лучшую пушнину, чем многие другие купцы [*kaupmenn*]]»³⁴. В двух других рукописях (*Sturlubók* и *Hauksbók*) «Книги о заселении страны» содержится предельно краткая, но очень информативная формулировка: «... Бьёрн, который прозывался Меховой Бьёрн (*Skinna-Björn*), так как он был Хольмгардсфари»³⁵, – тем самым поездка в Новгород и меховая торговля поставлены в прямую связь.

Купцы, плавающие на Русь, носят в сагах прозвище «Гардский» (*gerzkr*), образованное от наименования Руси *Garðar*³⁶. В «Саге о людях из Лососьей Долины» фигурирует Гилли Гардский, которого «называли самым богатым из торговых людей»³⁷, в «Круге земном» – Гудлейк Гардский:

Одного человека звали Гудлейк Гардский. Он был родом из Агдира. Он был великим мореходом и купцом, богатым человеком, и совершал торговые поездки в разные страны. Он часто плавал на восток в Гардарики, и был он по этой причине прозван Гудлейк Гардский³⁸.

Нередки в сагах прозвища типа *askmaðr* «Корабельщик», *skútaðar* «Корабельщик», *farmaðr* «Путешественник, Мореход», *kaupmaðr* «Купец», *viðförla* «Путешественник». Можно упомянуть протагонистов «Саги об Ингваре Путешественнике» (*Yngvars saga víðförla*) и «Пряди о Торвальде Путешественнике» (*Þorvalds þáttur víðförla*), а также одного персонажа «Саги об Олаве Святом»:

Олав, сын Харальда из Гренланда, рос у своей матери Асты в доме своего отчима Сигурда Свиньи. У Асты служил тогда Храни

Путешественник (*Hrani inn víðförli*). Он воспитывал Олава, сына Харальда³⁹.

Весьма выразительны прозвища двух персонажей «Саги об Эгиле»:

Жили два брата по имени Сигтрюгг Быстрый Путешественник (*Sigtryggr snarfari*) и Халльвард Суровый Путешественник (*Hallvarð harðfari*)⁴⁰.

Значение этих прозвищ раскрывается в той же главе саги, где сообщается, что Сигтрюгг и Халльвард выполняли все поручения конунга Харальда как внутри страны, так и за ее пределами, как они много раз бывали в опасных поездках, убивая людей или отбирая у них имущество по приказу конунга, а также рассказывается об очередном поручении конунга, за которое братья берутся «с готовностью»: они *быстро* догоняют плывущего вдоль берега на север Торгильса и *сурово* отбирают у него корабль и все, что было куплено им во время плавания в Англию.

Из различных способов описания путешествия в сагах я хочу остановиться лишь на том, когда описание, собственно говоря, элиминировано. *Síðan fóru / riðu / sneru þeir... ok léttu eigi fyrr en þeir kómu... «Вскоре они отправились... и не останавливались до тех пор, пока не приехали...»*, – эта стереотипная формула широко распространена в сагах для описания путешествия, о котором либо нет сведений, либо сведения не представляют никакого интереса. Существует несколько иной вариант «путевой формулы»: *ok er ekki sagt frá ferð þeira, fyrr en þeir komu... «и ничего не говорится об их поездке, пока они не приехали...»*. Можно привести бесчисленное множество примеров, но вот, скажем, небольшая ремарка из «Саги о Хрольве Пешеходе»:

После этого собрались Хрольв и его люди домой и держали путь прочь из Гардарики, и не останавливались, пока не добрались до Орхуса в Дании⁴¹.

Не вызывает сомнения, что плавание из Руси (даже из крайней ее точки – Ладоги, а не из Новгорода) в Орхус в Дании не могло быть безостановочным. Но для автора саги пространство между этими двумя точками ничем не заполнено. В ситуации с упомянутым выше купцом Видгаутом, всегда готовым отправиться в торговую поездку по Восточному пути (*в Аустрвег*), дело обстоит несколько иначе: в восточноприбалтийских землях «высвечивается» область – *Курланд*, земля куршей, где сагового персонажа подстерегает опасность:

Так случилось одним летом, когда он плыл с востока и направ-

лялся домой, что он задержался [на востоке]; и когда он приплыл с востока в Курланд, окружили его куры на военных кораблях и тотчас напали на него, и хотели его убить, а добро его забрать себе. И поскольку он был на одном корабле, а у тех куров было большое войско, то понял он, что не может им противостоять, и хочет он бежать [от них] и плыть домой в Самланд. А куры поплыли тотчас за ним, и прогнали его из той земли, и очень стремились лишить его жизни и имущества⁴².

Следующей «точкой» на пути Видгаута оказывается та же Дания, поскольку спасают Видгаута от войска куршей люди Кнута Лаварда и привозят к нему в Данию. А вот в рассказе монаха Одда об Олаве Трюггвасоне на том же пути «с востока» обозначается другая восточноприбалтийская область, а именно земля вендов, где Олав задерживается на три года, женившись на дочери местного правителя:

И была у него тогда большая дружина, он воевал тогда с языческим народами и всегда побеждал, ездил он повсюду в Аустрвеге и подчинял там себе народ. А когда ему наскучило это занятие, то приближалась зима. Захотел он тогда вернуться домой в Гарды. И тогда подул им навстречу ветер, и сильный, и встречный, и помешало это его поездке в этот раз. Повернул он тогда к Виндланду со своим войском и поставил свои корабли на якорь⁴³.

Я воспринимаю использование авторами саг «путевой формулы» как следствие «точечности» пространства⁴⁴, причем – что очень существенно – «точечность» эта – тематическая, событийная: на каком-то отрезке пути отсутствуют события, интересующие автора и его аудиторию. В этом смысле в сагах сближаются пространство и время, поскольку нередко в них можно встретить утверждение типа: «прошло три года, за которые ничего не произошло» (см. в «Пряди об Эймунде»: «Прошли лето и зима, ничего не случилось»⁴⁵; см. в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне»: «Вот прошло время, и все было спокойно», или «Прошла зима, и ничего не произошло»⁴⁶). Я бы назвала эту прерывистость времени «временной формулой». И в том, и в другом случае (и в пространстве, и во времени) автору просто не о чем рассказывать, просто «ничего не произошло», не случилось ничего, достойного описания или даже упоминания. Саге далеко в этом смысле до эпоса с его «хронотопом», до эпоса, в котором наличествуют «разные пространственно-временные единства»⁴⁷, однако выделяемые нами «формулы» есть не что иное, как следствие отмечаемого исследователями промежуточного положения саги между фольклором и литературой.

Естественно в данной связи задаться вопросом, правомерно ли приме-

нение при анализе саг термина «формула»? Так сказать, в чистом виде термин этот используется для обозначения такой единицы членения в стихотворных разновидностях фольклора (в устной поэтической [!] традиции), которая определяется М. Пэрри как «группа слов, регулярно используемая в одних и тех же метрических условиях для выражения данной основной мысли»⁴⁸. «Во-первых, главное свойство формулы – *полезность*: в отличие от поэта литературной традиции, сказитель устной традиции нуждается в формуле для непрерывного исполнения песни. Во-вторых, в отличие от авторской поэзии, устная традиция не стремится к оригинальности ни в плане содержания, ни даже в плане выражения. Вследствие этого формулы являются *инвентарными единицами* данной фольклорной традиции»⁴⁹. Саги – безусловная проза, проза, противопоставленная поэзии – тем скальдическим вкраплениям, которые присутствуют в ней и для того тоже, чтобы подчеркнуть красоту этой прозы. И в этой прозе так называемая «путевая формула» тем не менее *полезна* и вполне может восприниматься как *инвентарная единица*. Она обладает *регулярностью* (по определению Пэрри / Лорда) и постоянным *значением* (*underlying meaning*): это – стереотипная формула относительно безостановочного пути, которая применялась в сагах в тех случаях, когда автор не располагал сведениями о каких-либо событиях во время пути.

Приведу один пример применения «путевой формулы». В «Пряди об Эймунде» так рассказывается о путешествии на Русь Эймунда Хрингссона и Рагнара Агнарссона:

Эймунд со своими людьми не останавливаются теперь в пути, пока не приходят на восток в Хольмгард (Новгород. – *Т.Д.*) к конунгу Ярицлейву (Ярославу. – *Т.Д.*). Отправляются они сначала к конунгу Ярицлейву, как предложил Рагнар. Конунг Ярицлейв был в свойстве с Олавом, конунгом свеев. Он был женат на его дочери, Ингигерд. И когда конунг узнает об их прибытии туда в страну, посылает он мужей к ним с тем поручением, чтобы дать им мир и [пригласить их] к конунгу на хороший пир, и они охотно соглашались⁵⁰.

Мне здесь видится в тексте явное противоречие. Начинается рассказ со стереотипной формулы: *þeir Eymundr létta nú eigi fyrr sinni ferð en þeir kóma austr í Hólmgarðr* «Эймунд со своими людьми не останавливаются теперь в пути, пока не приходят на восток в Хольмгард...»⁵¹. Но через три фразы выясняется, что остановиться путешественникам, скорее всего, пришлось, – ведь только после того как Ярослав узнал об их приезде, он послал им «мир», т.е. право на проезд по его земле⁵². Похоже, что, вопреки стереотипному рассказу, в тексте отразились реальные черты – невозможность

для знатных скандинавов беспрепятственно добраться до Новгорода и вероятная их остановка в Ладого. «Путевая формула» применялась, при отсутствии сведений о каких-либо событиях во время пути, регулярно и почти автоматически. Если бы автор дошедшей до нас в составе «Книги с Плоского острова» редакции «Пряди об Эймунде» сознательно вносил в сагу информацию о «мире», данном путешественникам Ярославом, он должен был бы, как мне кажется, опустить «путевую формулу». Скорее, он просто не придавал значения рассказу о «мире», который присутствовал в более раннем тексте, и потому описал маршрут Эймунда еще и традиционным образом.

Особый интерес представляет характеристика того «локуса», в который прибывает саговый персонаж после «бессобытийного» пути. Можно, к примеру, продолжить только что процитированный фрагмент «Пряди об Эймунде»:

И когда они сидят на пиру, оба они, конунг и княгиня, *подробно расспрашивают их о новостях* из Норвегии о конунге Олаве Харальдссоне⁵³.

А вот пример из другой королевской саги:

Бьёрн [Окольничий] быстро собрался в путь и взял с собой несколько человек, двинулся он затем день и ночь, то на лошадях, когда это было возможно, то на корабле, если это было необходимо, и не останавливались они в своей поездке, пока не прибыли зимой на йоль в Гардарики к конунгу Олаву [Харальдссону], и был конунг очень рад, когда Бьёрн его нашел. *Конунг тогда узнал многие новости с севера из Норвегии.*⁵⁴

Это была королевская сага, а можно посмотреть на родовую сагу, сагу о древних временах или прядь об исландцах:

После этого Квельдульв дал Торгильсу хорошо оснащенное гребное судно, а также шатры и съестные припасы – все, что им нужно было в пути. Они отправились и не останавливались до тех пор, пока не приехали на север к Торольву. *Они рассказали ему обо всем случившемся*⁵⁵.

Вот они снимаются с якоря и плывут, пока не прибывают домой, *и рассказывают Стюрлаугу, что произошло*⁵⁶.

Теперь надо рассказать о том, что Торлейв отправился в об-

ратный путь на юг, в Данию... Он нигде не останавливался, пока не прибыл к конунгу Свейну. Тот принял его с распростертыми объятиями и спросил о поездке. Тогда *Торлейв* рассказал обо всем, что произошло⁵⁷.

Результат во всех разновидностях саг оказывается одним и тем же, а именно: путешествие приводит не к месту, а к человеку, к встрече, к разговору, к передаче новостей, к обмену новостями, которые, с одной стороны, воспринимаются как событие, достойное упоминания, а с другой – оказываются в конечном итоге стимулом/поводом к дальнейшим действиям и новым событиям. К. Цильмер говорит о том, что в изображении саг путешествия (*traveling*) и передача информации (*communication*) представляют собой две стороны одной монеты: первое как бы приравнивается ко второму⁵⁸. У меня в сознании в этой связи возникает образ «паутины» маршрутов путешествий, тождественной соединяющей людей «паутине» современного Интернета.

Саги, с их бесконечными рассказами о поездках и плаваниях персонажей, можно рассматривать как собрание личных трэвелогов⁵⁹, которые в совокупности подчеркивают значимость путешествий, с одной стороны, и указывают на вполне реальный факт существования в древнескандинавском обществе традиции рассказывания / записи историй о предпринятых путешествиях – с другой. В природе человека – путешествовать. И в природе человека – рассказывать об этом. Рассказ путешественников об их поездках – общее место в сагах. Можно привести многочисленные примеры из саг, где персонаж путешествует, останавливается у кого-то на постой и тут же бывает спрошен о путешествии, и рассказывает о нем. Даже если сам рассказ для нас не повторяется (не приводится), он все же является составляющим элементом трэвелога. Иначе говоря, сначала человек путешествует, а затем рассказывает о своем путешествии, чтобы о нем знали и другие (и как бы приняли в нем участие). Иногда даже саги сообщают о том, как герой саги пытается сохранить традицию о своих путешествиях – таков рассказ Асгрима в «Саге о Ньяле» о Торкеле Дерзком, который, вернувшись в Исландию, увековечил рассказ о своих поездках и подвигах:

Торкель Дерзкий уезжал из Исландии и отличился в чужих странах. Он убил разбойника на востоке, в лесу Ямтаског. Затем он отправился на восток, в Швецию, и присоединился к Сёрквиру Старику, и они ходили походом в восточные страны. А восточнее побережья Балагардссыды Торкель однажды вечером отправился за водой для своих. Там он встретил морское чудище и долго бился с ним. Дело кончилось тем, что он убил чудище. Оттуда он поехал на восток, в Адальсюслу. Там он убил летающего дракона.

Затем он вернулся обратно в Швецию, оттуда – в Норвегию, а потом поехал в Исландию. Он велел вырезать эти подвиги над своей постелью и перед своим почетным сиденьем⁶⁰.

Большое количество соответствующих примеров в саговых текстах позволяет заключить, как важны были устные рассказы о путешествиях. Для самого путешественника было важно, чтобы о его странствиях говорили. Тем самым, в связи с путешествиями в Исландии развивалась особая повествовательная культура – поначалу устная, а в более позднее время – и устная, и письменная. Зафиксированные в сагах рассказы о многочисленных плаваниях, поездках, военных походах, торговых предприятиях и проч. позволяют рассматривать путешествие (в широком смысле этого слова) не просто как ключевой элемент саг, а, вне всякого сомнения, – как главную составляющую жизни средневековых скандинавов, как основу их бытия.

¹ Tolkien J.R.R. *The Hobbit, or There and Back Again*. L., 1937.

² Snorri Sturluson. *Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson // Íslenzk fornrit* (далее – ÍF). В. XXVIII. Reykjavík, 1951. Bls. 18.

³ Flateyjarbók / S. Nordal et al. Akranes, 1944. В. I. Bls. 141.

⁴ «Sea-farer, voyager, traveller» (см.: *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary*. Oxford, 1957. P. 143–144, *Zoëga G.T. A Concise Dictionary of Old Icelandic*. 1910 P. 128). Синоним существительного *fari – farmaðr*.

⁵ Сага о Фарерцах // Исландские саги / Пер. с древнеисл. языка, общая редакция и комментарии А.В. Циммерлинга. М., 2004. Т. 2. С. 150.

⁶ Так переводит Г.В. Глазырина в кн.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 5: Древнескандинавские источники. Ч. IX. Примеч. 14 (в печати).

⁷ Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.

⁸ Там же.

⁹ Переферкович Н.А. [Абрамов Н.] Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : ок. 5 000 синоним. рядов, более 20 000 синонимов. 8-е изд., стер. М., 2006.

¹⁰ Таково прозвище норвежского конунга Сигурда Магнуссона, или как его называют русские переводы – Сигурда Крестоносца (1103–1130).

¹¹ Ср.: «Ярл Хакон ... велел ему поехать в торговую поездку в Дублин, как многие тогда ездили» (Snorri Sturluson. *Heimskringla // ÍF*. В. XXVI. 1941. Bls. 291).

¹² См.: *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. Op. cit.* P. 144.

¹³ См., например: Zilmer K. 'He drowned in Holmr's sea – his cargo ship drifted to the sea-bottom, only three came out alive': Records and representations of Baltic traffic in the Viking Age and the Early Middle Ages in early Nordic sources // *Nordistica Tartuensia*. XII. Tartu, 2005; *Eadem*. The Motive of Travelling in Saga Narrative // *Dialogues with Tradition: Studying the Nordic Saga Heritage (Nordistica Tartuensia 14)*. Tartu, 2005. P. 64–92.

¹⁴ «Объективность повествовательной прозы исландских саг» – термин

А.Я. Гуревича из предисловия к «Старшей Эдде» // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 17.

¹⁵ *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Л., 1971. С. 70.

¹⁶ Подробнее об этом приеме см.: *Джаксон Т.Н.* О творческой активности автора «Хеймскринглы» (Проблема авторского присутствия в повествовании) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 г. М., 1983. С. 147–174.

¹⁷ *Стеблин-Каменский М.И.* Указ. соч. С. 71 (курсив мой. – Т.Д.).

¹⁸ См.: *Hastrup K.* Culture and History in Medieval Iceland. Oxford, 1985. P. 223; *Meulengracht Sørensen P.* Fortælling og ære. Studier i islændingesagaerne. Aarhus, 1993. S. 224–226; *Vésteinn Ólason.* Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of the Icelanders. Reykjavík, 1998. P. 223; *Zilmer K.* Representations of Intercultural Communications in the sagas of Icelanders // Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages. Papers of The 12th International Saga Conference. Bonn, 2003. P. 549.

¹⁹ Старшая Эдда / Пер. А.И. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах... С. 191.

²⁰ Saga о людях из Лососьей Долины / Пер. В.Г. Адмони и Т.И. Сильман // Исландские саги. Т. I. СПб., 1999. С. 395.

²¹ Ср. современную исландскую пословицу: *Heimskt er heima alið barn* «Глупо дитя, дома возросшее».

²² *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах». М., 2004.

²³ *Snorri Sturluson.* Heimskringla // ÍF. B. XXVI. Bls. 134–135.

²⁴ *Ibidem.* Bls. 162.

²⁵ Подробнее см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. Глава 5: «Сага об Олаве Трюггвасоне».

²⁶ *Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jónsson.* København, 1932. S. 28–29.

²⁷ *Snorri Sturluson.* Heimskringla // ÍF. B. XXVII. 1945. Bls. 4.

²⁸ *Ibidem.* B. XXVI. Bls. 146.

²⁹ *Morkinskinna / Finnur Jónsson* // [Skripter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur (далее – SUGNL). B. LIII. København, 1932. S. 297 (курсив мой. – Т.Д.).

³⁰ *Finnur Jónsson.* Den Norsk-Islandske Skjaldedigting, A – Text efter håndskrifterne. København, 1967. B. I: 800–1200. S. 76–77.

³¹ *Knyttlinga saga // Sögur Danakonunga / C. af Petersen og E. Olson (SUGNL. B. XLVI).* København, 1919–1925. S. 200.

³² *Zilmer K.* Icelandic Sagas and the Narrative Tradition of Travelogue // The Thirteenth International saga Conference. Durham and York, 6–12 August 2006. Pre-prints of Conference Papers (<http://www.dur.ac.uk/medieval.www/sagaconf/zilmer.htm>). P. 5.

³³ См. выше примеч. 10.

³⁴ *Landnámabók / Jakob Benediktsson* // ÍF. B. 1. 1968. Bls. 212. Not. 2.

³⁵ Ibidem. Bls. 212, 213.

³⁶ В древнеисландском языке существовали два весьма схожих прилагательных – *gerzkr*, образованное от наименования Руси *Garðar*, т.е. «русский» и *girskr*, возникшее путем метатезы из ототнотимического прилагательного *grikskr* «греческий» (*Richard Cleasby, G. Vigfusson*. Op. cit. P. 197, 201, 215). В силу фонетического и графического сходства эти две формы стали восприниматься как варианты одного имени, так что словари даже фиксируют «греческий» в качестве второго значения прилагательного *gerzkr* и, соответственно, «русский» – для *girskr*. О вариативности *gerzkr/girzkr* см.: *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 317–326.

³⁷ Saga о людях из Лососей Долины. С. 233.

³⁸ ÍF. V. XXVII. Bls. 269.

³⁹ Ibidem. Bls. 3.

⁴⁰ Saga об Эгиле / пер. С.С. Масловой-Лашанской // *Исландские саги*. Т. I. С. 51 (с моими уточнениями).

⁴¹ *Göngu-Hrólfs saga* // *Fornaldarsögur Norðurlanda / Guðni Jónsson og Bjarni Vilhjálmsson*. В. II. Reykjavík, 1943. К. 34.

⁴² *Knytiinga saga*. S. 200–203.

⁴³ *Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr*. S. 30.

⁴⁴ Ср.: Д.Н. Замятин говорит о «представлении географического пространства как пространства отдельных точек (локусов)», о «незаполненности «промежуточного» пространства» (*Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // *Новое литературное обозрение*. 2000. № 46); Е.А. Мельникова использует термин «локусность» (*Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998. С. 14).

⁴⁵ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1994. С. 101–115.

⁴⁶ *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 158сл., 160сл.

⁴⁷ См.: *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 115–135: «Хронотоп» «Песни о Нибелунгах».

⁴⁸ Цит. по: *Лорд А.Б.* Сказитель. М., 1994. С. 42.

⁴⁹ *Клейнер Ю.А.* Поэтический язык как язык // *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 16. Секция общего языкознания. СПб., 1999. Ч. 1. С. 22–25.

⁵⁰ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги... С. 93–107.

⁵¹ Традиционность формулы *þeir létu eigi fyrr ferð sinni en þeir kómu...* «они не останавливались в своей поездке (они не прерывали своей поездки), пока не приехали...» отмечается в: *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson*. Op. cit. P. 385.

⁵² Подробнее об этом институте и об отражении его в сагах см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские саги о роли Ладоги и Ладожской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. СПб., 1999. С. 20–25.

⁵³ *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги... С. 93–107.

⁵⁴ ÍF. V. XXVII. Bls. 338.

⁵⁵ Сага об Эгиле. С. 53.

⁵⁶ Глазырина Г.В. Указ. соч. С. 164сл.

⁵⁷ О Торлейве Ярловом Скальде / Пер. Е.А. Гуревич // Исландские саги. Т. 2. СПб., 1999. С. 453.

⁵⁸ Zilmer K. Representations of Intercultural Communications... P. 551.

⁵⁹ Zilmer K. Icelandic Sagas and the Narrative Tradition of Travelogue...

⁶⁰ Сага о Ньяле / Пер. В.П. Беркова // Исландские саги... Т. 2. С. 255–256.

ОСТАНОВКА В ПУТИ: РОМАНСКИЕ ЦЕРКВИ НА ПАЛОМНИЧЕСКИХ ДОРОГАХ В САНТЬЯГО-ДА-КОМПОСТЕЛА

Путешествие к гробнице апостола Иакова в северной Испании было одним из самых известных паломнических предприятий, существовавших в средневековой Европе. После обретения мощей апостола в начале IX века его культ в Галисии развивался быстрыми темпами и к XII веку достиг пика популярности. Паломники стекались в Компостелу из всех частей христианской Европы; но особенно важной эта традиция оказалась для Франции. Значительная часть путей, ведущих в Сантьяго-да-Компостела, проходила по французским территориям. На пути паломников оказывалось множество местных почитаемых святынь, служивших объектом локальных паломничеств. Путешествие к могиле апостола и посещение святых мест во Франции довольно скоро слились в единую парадигму, где принципиальную важность обретал сам путь; его этапы, каждый из которых завершался у могилы какого-нибудь святого, представляли ступенями восхождения к главной святыне.

Каждое святое место – это прежде всего храм. В «Путеводителе паломника»¹ XII века (документе, который не только осмысливает эту традицию, но и задает многие ее параметры) путешествие предстает серией переходов между церквями, заканчиваясь собором Святого Иакова, который там подробнейшим образом описан. Церкви были важны для паломника во многих отношениях. Они содержали святыни, с чудотворной силой которых паломник жаждал соприкоснуться; они были местом молитвы и, как следствие, постоянным напоминанием паломнику о целях его пути; храмы были красивы: их декор и убранство сами по себе служили духовной пищей для путешественников; наконец, церкви заботились и о насущных нуждах паломников: давали им приют и убежище, где статус святого места служил гарантией безопасности; в больницах при храмах им оказывали врачебную помощь и нередко хоронили их на церковных кладбищах. Огромную важность паломническая традиция имела и для самих церквей. Отдавали себе в этом отчет люди, ими управлявшие, или нет, но «святость» места всегда была прямо пропорциональна его посещаемости.

В современном восприятии средневековые церкви – прежде всего архитектурные памятники, и изучение их происходит преимущественно в рамках искусствознания. Вопрос о влиянии паломнических дорог на архитектурные и скульптурные формы впервые был поставлен в начале XX века в работе А. Кингсли-Портера² и подхвачен многими исследователями средневекового искусства. Паломнические дороги рассматривались как пути миграции

художественных форм и иконографических сюжетов. Такой взгляд оправдан целями искусствоведческого исследования; однако очевидно, что при этом роль паломничества в бытовании церкви – да и в самом складывании ее художественного облика, который вряд ли отделим от бытования – охватывается далеко не полностью. Средневековая церковь была центром сложного организма, средоточием разного рода связей: родовых, экономических, социальных и т. д. Паломничества – важная составляющая их бытования. При этом то, как локальная роль церкви (которая могла быть городским собором, аббатским или коллегиальным храмом, приходской церковью) сочеталась с ее ролью паломнического центра, зависело от множества факторов, и каждый отдельный случай представляет в этом отношении исключительно самобытную картину.

Два примера, которые я далее разберу, дают, на мой взгляд, наглядное представление о том, насколько по-разному жизнь церковью могла вписываться в паломническую традицию; о том, сколь разной могла быть для них роль этой традиции; и о том, как это могло сказаться на их внешнем облике. Многообразие ситуаций отнюдь не сводится к этим двум примерам, но присущие им черты не уникальны.

Речь пойдет о церквях в Ольнэ и в Муассак; я расскажу немного об истории этих церквей и их связи с паломнической традицией, и остановлюсь на некоторых аспектах декора их фасадов. Вообще скульптура фасада больше какой-либо иной детали рассчитана на взгляд пришельца: будучи вынесенной вовне, она продуманно привлекает к себе внимание, особенно того человека, который видит ее впервые.

Церковь Сен-Пьер в Муассак – главный храм аббатства, которое было основано в VII веке, то есть задолго до возникновения традиции путешествий в Компостелу. Монастырь был выстроен в пустынном месте, в стороне от римских дорог, но имел удобное сообщение по водным путям, т. к. стоял на берегу реки Тарн. Из ведущих к нему сухопутных путей наиболее значимыми были два: дороги в Каор (центр диоцеза и столицу графства) и в Тулузу (монастырь до XI века находился под патронатом графов Тулузских). Согласно «Путеводителю», Муассак расположен на Пюийской дороге (*Via Podiensis*) и является следующим этапом после посещения монастыря Сент-Фуа в Конке. Но в действительности путешественники попадали туда и через Каор, и через Тулузу, и через Бордо – поскольку удобных подходов (как сухопутных, так и водных) к нему было несколько. Древность монастыря и легенда, связывающая его основание с королем Хлодвигом, привлекала к нему паломников задолго до складывания маршрутов в Компостелу. В монастыре не было почитаемых мощей, но из хроники известно, что в нем существовал источник, якобы излечивавший от проказы. Среди путешественников, приходивших в Муассак, были не только паломники, но и торговцы. Вокруг монастыря к XI веку вырос город, и торговля и прием паломников были главными составляющими его жизни³.

В середине XI века Муассак был присоединен к конгрегации Ключни. С этого момента роль аббатства как на местном уровне, так и в истории паломничеств начинает сильно меняться. Значительно расширяются его владения в регионе – этот рост осуществлялся не только за счет дарений, но и путем реформирования других монастырей, происходившего под эгидой Ключни и нередко осуществлявшегося насильственным путем. Среди владений Муассака появляются церкви и монастыри, расположенные на паломнических путях к Сантьяго, в том числе и в Испании. Само отношение к паломникам обретает черты осознанной стратегии: в начале XII века аббат Рожер приказывает замуровать целительный источник, и в то же время приобретает для монастыря мощи нескольких известных раннехристианских святых. Такое решение в хронике объясняется прагматически: аббат опасался эпидемии проказы в монастыре; но нельзя не отметить также, что замена чудотворного источника на чудотворные мощи несколько меняло ориентацию монастыря как паломнического центра, вписывая его в традицию путешествий в Компостелу, когда главной «встрече» с апостолом предшествовала серия «встреч» с другими святыми. В «Путеводителе паломника» нет упоминания об этих святых (вероятно, на момент его составления мощи еще не были перенесены или, по крайней мере, вокруг них не успела сложиться устойчивая традиция почитания). Тем не менее, Муассак отмечен как святыня, которую необходимо посетить. В это же время (20–40-е годы XII века) происходит реконструкция здания храма, в ходе которой главный фасад был перенесен с западной на южную сторону входной башни и украшен скульптурным порталом. Перенос главного входа обычно объясняется требованиями фортификации: западный вход почти упирался в крепостную стену и оказывался плохо защищен в случае нападения; но, кроме того, будучи перенесенным на южную стену, портал становился открытым для широкого обзора и при этом выходил на главную улицу, через которую путешественники попадали в город.

Портал Муассака относится к наиболее ранним образцам портала так называемого «ключийского типа», главным элементом которого является большой тимпан с фигурой Христа-Вседержителя в центре. Примерно в то же время подобный портал появляется в Бургундии, в монастыре Сент-Мадлен в Везлее, обозначенного в «Путеводителе» как начальный этап Лиможской дороги (*Via Lemovicensis*). Популярность этого монастыря как паломнического центра была тесно связана с активностью Ключни, а реликвии святой Магдалены там появились именно после присоединения монастыря к конгрегации, что весьма напоминает ситуацию в Муассаке.

Таким образом, в паломнической истории Муассака можно выделить два периода: во-первых, стихийно сложившаяся местная традиция паломничеств (до XI века), во-вторых, целенаправленное развитие его как «этапа» большого паломничества в Сантьяго-да-Компостела, происходившее под эгидой Ключни. Создание знаменитого портала Муассака, который и сам

по себе притягивал паломников (по сообщению хрониста, «многие считали его скорее божественным творением, чем произведением рук человеческих»⁴), было частью этой программы, и, скорее всего, его авторами стали не местные скульпторы, а клюнийские мастера.

Совершенно иную картину представляет собой следующий пример, т.е. церковь Сен-Пьер в Ольнэ. Это провинциальный храм, расположенный вблизи небольшого бурга (Ольнэ). Неизвестно, кем и как была основана церковь, но до XI века она находилась в частном владении местных сеньоров. Ее расположение вне городских стен и существующие вокруг нее захоронения, самые ранние из которых относятся еще к галло-римской эпохе, говорят о том, что изначально это был, скорее всего, погребальный храм. Находясь в удалении от бурга, церковь расположена вплотную к дороге, и ее главный (западный) фасад выходит на нее. Эта дорога – один из главных паломнических путей, *Via Turonensis*, идущая через Тур, Пуатье, Сэнт и Бордо. В «Путеводителе» XII века упоминания об этой церкви нет; однако в более поздних источниках (XIV-XV вв.) она уже маркирована как паломнический «этап» для путешествующих в Сантьяго-да-Компостелу. С XIII века в земельных кадастрах встречаются упоминания странноприимного дома рядом с церковью. Большой крест XIV века, стоящий на кладбище – между фасадом церкви и дорогой – исследователь паломнических дорог Р. де ля Кост-Мессейер отмечает как характерный знак, ориентирующий паломников на пути⁵.

В церкви никогда не было мощей сколько-нибудь знаменитых святых, и в ее истории нет ничего, что могло бы составить ее репутацию как паломнического центра. Главным преимуществом, привлекавшим к ней паломников, было, по всей видимости, удобство ее расположения. Церковь находится на участке дороги, ведущей из Пуатье в Сэнт. Маршрут, указанный в «Путеводителе» как *Via Turonensis*, на деле редко строго соблюдался паломниками: от него существовало множество ответвлений, ведущих к окрестным монастырям. Но за несколько километров до Ольнэ четыре дороги (от монастыря Сен-Максен, от Лузиньяна и от Рома) сходятся в одну; следующая развилка – к монастырю Сен-Жан д-Анжели и прямая дорога в Сэнт – находится сразу после Ольнэ. На этом небольшом участке дороги курсирование паломников было особенно интенсивным: практически всякий, кто путешествовал этим маршрутом, должен был по нему пройти.

В XII веке церковь была перестроена, и два момента относительно того, как это было сделано, следует упомянуть: во-первых, здание церкви оказалось сдвинутым ближе к дороге по сравнению с первоначальным расположением; во-вторых, западный фасад, выходящий на дорогу, был богато декорирован, и самым крупным изображением на нем была фигура всадника в арке верхнего яруса (на данный момент, она, к сожалению, утрачена, и о ее внешнем виде мы можем судить только по рисунку XVIII века).

Мотив всадника распространен в регионе Пуату, и относительно трактовки этой фигуры, традиционно именуемой «святым Константином» существует множество версий. По одной из них, высказанной исследователем пуатевинских памятников Юбером Леру⁶ (и которую я разделяю) она могла быть опосредованной персонификацией (через фигуру святого) заказчика или донатора церкви; еще вернее – того, кто желал после смерти упокоиться в ней. Существуют дарственные хартии, где донатор уточняет, что он хочет быть похороненным именно под изображением святого Константина⁷. В самом здании церкви остались следы захоронений, принадлежавшие, по всей видимости, мирянам.

Интересен тот факт, что в церкви Сент-Илер в Мелле, расположенной на том же маршруте и находящейся в сходной ситуации, изображение всадника вынесено не на западный, а на боковой фасад – и именно вдоль этого фасада проходит паломническая дорога⁸. Всадник, как всякое памятное изображение, должен был быть видимым, выставленным напоказ. Фасад церкви в Ольнэ – и особенно фигура всадника – настойчиво обращали на себя внимание путешественников; стоит отметить, что странноприимный дом был расположен ровно напротив здания церкви, по другую сторону дороги, все время оставляя церковь в поле зрения остановившихся там паломников.

Таким образом, в становлении этой церкви как паломнического центра главную роль сыграли, во-первых, ее удобное топографическое положение; во-вторых, весьма вероятное желание местных светских сеньоров – донаторов и заказчиков церкви – извлечь из этого обстоятельства личную выгоду, сделав свое собственное захоронение столь же посещаемым, как и могилы знаменитых святых.

Рассмотренные мною примеры настолько различны, что довольно трудно обозначить ту общую базу, на основе которой их можно было бы сравнить. Вернее сказать, она будет заключаться лишь в том, что в обоих случаях речь идет о церквях, так или иначе посещавшихся паломниками. Существует негласное убеждение в том, что если церковь расположена на путях паломничества в Сантьяго-да-Комостела и служила местом остановки паломников, этот факт сам по себе многое объясняет и в бытовании этой церкви, и в системе ее декора. На самом же деле, как мне пришлось убедиться, занимаясь исследованием двух вышеупомянутых храмов, он не столько что-либо объясняет, сколько задает целый ряд новых вопросов.

¹ Le codex de Saint-Jaques-de-Compostelle (Liber de miraculis Sancti Jacobi). Livre IV / éd. P.F. Fita, J. Vinson. P., 1882.

² Porter A.K. Romanesque Sculpture of the Pilgrimage Roads. Repr. ed. N.Y., Hacker Art Books, [1923] 1985. 3 vols.

³ См. *Rupin E.* L'abbaye et les cloîtres de Moissac. P., 1897. P. 44 (в приведенном документе светского аббата Муассака Госбера оговариваются права и свободы горожан и пришельцев).

⁴ ...Qui quidem lapis fontis marmoreus et lapis medius portalis, inter ceteros lapides harum precium, reputantur pulcherrima magnitudine et subtili artificio fuisse constructi, et cum magnis sumptibus asportati et labore: ymo pocius extimatur miraculose ibidem fuisse [constructi], quod opere hominis (Aumery de Peirac, Chronique. Цит. по: *Rupin E.*, P. 66. Кроме центрального рельефа портала здесь упомянуты еще скульптуры фонтана, не сохранившиеся до наших дней).

⁵ *Coste-Messelière R.* de la. Chemins et sanctuaries médiévaux, region d'Aulnay // Bulletin de la société des Antiquaires de l'Ouest. N7 Poitiers, 1964. P. 388–392

⁶ *Le Roux H.* Figures équestres et personnages du nom Constantin au XI et XII siècles // Bulletin de la société des antiquaires de l'Ouest et des musées de Poitiers. Poitiers, 1974. IV sér. P. 379–394.

⁷ ...Conventionis hujus est intersignum, quod peccit, ut sub Constantino de Roma, qui locus est ad dexteram partem ecclesiae, tumularetur (Cartulaire de l'abbaye royale de Notre-Dame de Saintes, de l'ordre de St-Benoit // Cartulaires inédits de la Saintonge. Niort, 1871. T. II. P. 43–44).

⁸ *Le Roux H.* Les origines de Saint-Hilaire de Melle // Bulletin de la société des antiquaires de l'Ouest et des musées de Poitiers. Poitiers, 1969. IV sér. P. 119–138.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII-XIII ВВ.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Вначале попытаюсь дать самое общее универсальное определение путешествия. Под путешествием я понимаю перемещение в географическом пространстве на значительные расстояния к еще не изведанным и малоизвестным путникам целям (странам, местностям, географическим пунктам и пр.). Путешествие – явление внеповседневное, оно означает прерывание повседневности, пресечение культурной границы, выход за пределы собственного мира и столкновение с иным и чужим.

Мотивы путешествия могут быть разные – познавательные, научные, благочестивые, практические. Речь может идти о научной экспедиции, религиозной миссии, торговой поездке, военном походе, поездке с образовательной целью или с целью отдыха и развлечений. Путешествие может быть различным по продолжительности времени, но, безусловно, оно всегда предполагает возвращение. По мнению Ф. Артога, автора исследования о каноническом путешествии Одиссея, невозможно разделить путешествие и возвращение¹.

Ниже речь пойдет прежде всего о средневековых путешествиях. В Средние века виды путешествий были самыми разнообразными: торговые поездки, военные походы, поездки средневековых правителей по своим владениям и пр., но все же наиболее популярной и уважаемой формой путешествия в то время были паломничества к христианским святыням. Главным мотивом таких путешествий было удаление от грешных мест к святым. В Средние века всякое перемещение в географическом пространстве было отмечено религиозно-нравственными представлениями. В соответствии с этими представлениями и путешествие рассматривалось как перемещение по «карте» морально-религиозных координат². Соответственно оно могло привести к увеличению святости (в случае посещения святых мест), но могло быть и сомнительным в религиозном и моральном смысле (в случае посещения нехристианских земель) – тогда путешествие рассматривалось как своеобразное антипаломничество.

Символическое восприятие пространства разрушается и заменяется представлением о нейтральной географической протяженности лишь с течением времени. В позднее Средневековье характер путешествия определялся уже не столько спиритуальными, сколько прагматическими ценностями, а также стремлением к познанию мира, жаждой новых знаний и впечатлений³.

В настоящей статье я предполагаю сосредоточиться на повседневной жизни путешественников. Ведь помимо познавательного аспекта практика

путешествия подразумевает и другой: во время странствий путнику приходится каждодневно налаживать свой быт, преодолевать различные препятствия, материальные и прочие трудности. Вот об этой банальной стороне средневекового путешествия мне и хотелось бы рассказать в настоящей статье.

Изучая средневековые путешествия, я обращаюсь к истории крестовых походов, главным образом к путешествиям в Святую Землю в XII-XIII вв. Как мне представляется, именно эта эпоха реализовала идею *Homo Viator*⁴. Во время крестовых походов вся латинская Европа была захвачена идеей движения, перемещения. Огромное число людей выходят за границы знакомого мира, стабильное средневековое общество развивает значительную мобильность, осваивая доселе незнакомые пространства. Какие испытания и препятствия подстерегали средневековых людей на этом пути? Какие материальные трудности они испытывали во время путешествий? Как они воспринимали пространство и какими практическими способами его осваивали? – Вот те вопросы, которые предполагается рассмотреть в этой работе.

Для освещения этой темы мы можем воспользоваться записками паломников XII-XIII вв. – Теодорика, Зевульфа, Иоанна Вюрцбургского и др., итинерариями и описаниями Святой Земли⁵. Правда, в этих источниках описаны прежде всего морские путешествия в Святую Землю, и к тому же мы находим в них лишь перечисление географических пунктов — названия греческих островов, городов Ближнего Востока или же рассказы о центрах паломничества в Палестине – Иерусалиме, Вифлееме и Назарете – с описанием находящихся там христианских святынь⁶. К сожалению, среди опубликованных источников почти нет таких, в которых бы сообщалось, как именно шли к Святой Земле путешественники, будь то отдельные паломники или группы пилигримов. Но зато пути массовых паломничеств в Святую Землю, а скорее пути вооруженных паломников, описаны достаточно подробно в хорошо известных источниках – хрониках крестовых походов⁷. Конечно, они не являются записками путешественников в собственном смысле слова, но все же содержат немало ценных сведений о том, как средневековые люди преодолевали пространство на пути к Гробу Господню⁸. Французский исследователь Э. Мартен писал о том, что хроники в большей степени подвержены стереотипам в сравнении с путешественниками, оставившими живые и точные описания стран, через которые они проходили⁹. Но особенность хроник крестовых походов (и прежде всего тех, которые написаны очевидцами) как раз в том и состоит, что они находятся на грани разных жанров — хроник и описаний путешествий¹⁰. Для освещения избранной нами темы мы располагаем еще одним типом источников — т.н. «директориями» (*directoria*), или «маршрутами», описывающими переход через Средиземное море (*passagium*). В частности, мы можем обратиться к псевдо-Брокару¹¹, который путешествовал по Азии и Африке и в

1332 г. представил Филиппу Красивому проект крестового похода в трактате под названием «Directorium ad passagium faciendum».

Реконструируя повседневную жизнь крестоносцев XII-XIII вв. по хроникам и запискам путешественников, мы будем иметь в виду, что их описания окрашены социокультурными представлениями. Они видели и фиксировали в своих сочинениях преимущественно то, что им подсказывала их культура. Поэтому речь пойдет не столько о реалиях повседневной жизни путников, сколько о восприятии этих реалий средневековыми людьми¹².

Итак, обратимся к рассказам хронистов и паломников. Благодаря их сочинениям мы можем с некоторой точностью восстановить перипетии их путешествия, особенно их передвижения по Балканам¹³. Паломники идут вдоль Дуная к Константинополю, через страны Центральной Европы, и далее продолжают путь по Малой Азии – к Антиохии и Иерусалиму. Путешествие в Святую Землю воспринимается ими как долгое, трудное и опасное. «Многие не выдерживали тягот пути (*labore recusato*), – рассказывает хронист Фульхерий Шартрский, – и на разных этапах: из Рима, Апулии, Венгрии, Далмации – возвращались домой; многие заболели в дороге и прощались с жизнью, и повсюду – в полях, лесах, рощах – видны были могилы наших паломников»¹⁴. Раймунд Ажилский говорит о «больших трудностях пути» (*multam difficultatem itineris*), которые крестоносцы при этом «старательно взвешивали»¹⁵. Тяготы пути отождествляются средневековыми писателями с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Зима 1096-1097 гг., когда первые крестоносцы отправились в путь, была особенно суровой. По словам Раймунда Ажилского, крестоносцы вошли в Далмацию, «претерпев тяготы пути, главным образом, из-за зимы»¹⁶. На протяжении всего похода крестоносцы находились в непривычной для них природной среде, страдали от холода и жары, испытывали на себе действие необычных атмосферных явлений. Многие из этих явлений навсегда остались в их памяти. Восстанавливая по хроникам и устным рассказам подробности перехода паломников через Венгрию, Гийом Тирский позже написал: «Эта земля покрыта ручейками, реками и болотами, и иногда из-за этого поднимается такая влажность, облака до того пропитываются этими испарениями, что можно задохнуться»¹⁷. В пути их часто подстерегали дожди и туманы, которые они воспринимали не без чувства паники. Во время 40-дневного марша по Далмации участников Первого крестового похода «атмосфера была проникнута такими туманами и такими почти осязаемыми потемками, – рассказывал Гийом Тирский, – что те, кто следовали по пятам, едва могли узнать следы тех, кто шел впереди, и в свою очередь не могли различить предмет в пределах расстояния броска камня»¹⁸. Очевидец похода Раймунд Ажилский сообщает, что туманы были столь густы, что путники «могли все это время дотрагиваться до них и отодвигать от себя движением рук»¹⁹. Нам не дано знать, насколько реалистичными были эти описания природных явлений. Ясно одно – природа и климат неизвестных им

стран воспринимались путешественниками субъективно и нередко вызывали страх.

В пути паломников часто застигали дожди, которые иногда превращались в настоящее бедствие. Описавший события Второго крестового похода Одо Дейльский рассказывает примечательный эпизод: немецкие рыцари, пройдя долгий путь через Болгарию и оказавшись во Фракии, решили остановиться на ночной привал в городе Сестос, на берегу пролива Дарданеллы, с тем, чтобы утром переправиться на другой берег. Но ночью пошел такой сильный ливень, что мощные потоки воды снесли все их палатки вместе с содержимым и унесли к морю и утопили тысячу человек²⁰.

Скорость передвижения войска зависела, несомненно, от состояния дорог и средств транспорта. Об этом можно найти немало рассказов в хрониках крестовых походов. Проблема транспортных средств – одна из главных трудностей, которую, судя по хроникам и запискам паломников, приходилось преодолевать путешественникам. Хороших дорог было мало, еще меньше мостов. При переправе через реки крестоносцы испытывали недостаток в лодках и судах. Навигация была слабо развита даже на больших реках, и рыцари Христовы должны были постоянно изыскивать способы переправиться через водные потоки. Так, во время Первого крестового похода воины Готфрида Бульонского, оказавшись в Венгрии, пересекли реку Драву на плотках, которые они тут же соорудили из ивовых прутьев²¹. Точно так же через Саву часть рыцарей из многочисленного крестоносного войска переправилась на трех барках, найденных на берегу, остальные же вновь должны были сооружать плоты из ивовых ветвей²².

Когда крестоносцы пересекли Балканы и Болгарию и продолжили путь по Греции, они столкнулись с теми же проблемами, пересекая горные потоки. При этом трудности пути часто воспринимались ими символически, как наказание за проступки. По пути от Филадельфии к Деметрии, – рассказывает Одо Дейльский, – рыцарям приходилось многократно переходить вброд бурный и стремительный горный поток, который так набухал при слабейшем дожде, что «никто из нас не мог пройти ни вперед, ни назад, и каждый из нас прощался с жизнью, оплакивая прежние грехи»²³. Судя по многочисленным свидетельствам Одо Дейльского, горные потоки часто встречались на пути рыцарей, и если при этом выпадал дождь или снег, то «не было никакой возможности перейти их ни пешком, ни на лошадей»²⁴.

Позже во времена Второго крестового похода в Венгрии благодаря работам германского императора было построено много мостов, тем не менее нередко паломникам приходилось переходить реки вброд, в том числе ту же самую Драву²⁵. Во время переправы тяжело вооруженные немецкие рыцари не заметили, что один берег Дравы пологий, а другой крутой, и жестоко расплатились за свою неосмотрительность – большая часть их потонула. Последовавшие же за ними более осторожные крестоносцы из войска

французского короля Людовика VII переплыли реку на своих маленьких лодках, но с трудом переправили через коварную реку лошадей²⁶.

С другой стороны, когда в распоряжении войска оказывались мосты и средства переправы, крестоносцы становились жертвой своей алчности. Так случилось с французскими рыцарями во время Второго крестового похода. Около Регенсбурга все они перешли Дунай по прекрасному мосту и на другом берегу обнаружили большое количество судов. На этих лодках рыцари перевезли свой скарб и переправили войско к берегам Болгарии. Но некоторые, – рассказывает французский хронист Одо Дейльский, – поместили на суда повозки, запряженные двумя (биги) или четырьмя (квадриги) лошадьми, надеясь наполнить их припасами в болгарских землях и тем возместить прежние расходы. Однако их надеждам не суждено было осуществиться – в Болгарии повозки только затрудняли их продвижение вперед, они загромождали пути, часто вызывая вынужденные остановки и усиливая общую сумятицу. И все жаловались на медленность продвижения, – подытоживает Одо²⁷.

Среди прочих трудностей хронисты отмечают недостаток провизии. Голод постоянно преследует крестоносцев, и они используют все средства для добычи пищи, не гнушаясь ни грабежом, ни мародерством. На страницах своих сочинений хронисты говорят об этом достаточно откровенно. По словам Одо Дейльского, описавшего крестовый поход Людовика VII, «многие отряды, которые шли впереди короля или следовали за ним, в изобилии добывали себе съестное либо на рынке, либо грабежом»²⁸. Голод и стычки с местным населением приводят к потерям в войске крестоносцев. Не случайно Раймунд Ажилский, рассказав о пути через Далмацию, со вздохом облегчения написал: «В конце концов, Божьей милостью, трудами и советами епископа так перешло войско, и никого мы там не потеряли из-за голода или стычек»²⁹.

Хронисты крестовых походов не скрывают, что продвижение крестоносцев по Центральной Европе и Балканам действительно порой оборачивается подлинным бедствием для местных жителей. В 1096 г. воины Готье Немущего грабят жителей Болгарии – в результате разгорается конфликт, и болгары запирают 140 крестоносцев в церкви и сжигают их: остальные спасаются бегством³⁰. Проходившие за Готье немецкие и французские участники похода бедноты под предводительством Петра Отшельника решают отомстить за товарищей и устраивают резню венгров. Примечательно, что жертвами крестоносцев становятся братья по вере, христиане – болгары и венгры, но франки воспринимают их как язычников и своих врагов и жестоко расправляются с ними. Следующие за Петром Отшельником тевтонские рыцари под предводительством Готшалка, изрядно выпив, нападают на местных жителей, только что снабдивших их продуктами, разоряют их дома и убивают их³¹. Эти конфликты с местным населением, по собственному признанию хронистов, не только существенно затрудняют марш воинов, но

и закрывают для следующих за ними крестоносцев уже проторенные пути. И даже лояльный по отношению к крестоносцам Гийом Тирский вынужден признать: «Самый прямой путь, который проложили те, кто первыми прошли по Венгрии, был вскоре совершенно закрыт, из-за наглости паломников и из-за всякого рода злоупотреблений, которые они несправедливо чинили местным жителям»³². И уже Готфрид Бульонский извлек из этого уроки: ступив на венгерские земли, он принял решение пойти на условия венгерского короля Коломана и даже оставил ему в заложники собственного брата Бодуэна.

Рассказы о том, какие препятствия преодолевали крестоносцы, стремясь обеспечить себя продовольствием, встречаются почти во всех хрониках. Эти описания шаблонны и не изменяются с течением времени. Они также весьма однообразны по тону и содержанию. Впрочем, некоторые из них существенно отличаются от традиционного жанра, и в них можно выделить собственные впечатления путешественников от увиденного. Таков рассказ Альберта Ахенского о несчастном случае, имевшем место в Вифинии. Крестоносцы, – повествует хронист, – разбив палатки недалеко от Гераклеи, наслаждались видом окрестностей. Готфрид Бульонский со своими спутниками, взяв лук и колчан и опоясав себя мечами, отправился в богатый дичью лес поохотиться³³. В лесу герцог увидел огромного страшного медведя, который напал на случайно оказавшегося там паломника. Хронист весьма живо нарисовал эту сцену. Готфрид подъезжает на коне с тем, чтобы вырвать жертву из когтей зверя³⁴. Он наносит медведю удары мечом, но разъяренный раненый зверь сбрасывает рыцаря с лошади. Готфрид тут же вскакивает на ноги и хватается меч. Случайно он мечом ранит себе ногу, но продолжает сражаться³⁵. Подоспевший на помощь герцогу его товарищ по оружию пронзает медведя мечом, а ослабевший от потери крови Готфрид Бульонский падает наземь. Его бережно относят в лагерь, где лучшие врачи оказывают ему помощь, а шкуру убитого медведя рыцари делят между собой³⁶. Это лишь один небольшой эпизод из жизни путешественников, направляющихся в Святую Землю.

Описание пространства, в котором перемещаются крестоносцы, отмечено стереотипами – лес, горы, пустыни и реки упоминаются чаще всего среди препятствий, которые приходится преодолевать путешественникам. Можно даже говорить об особой риторике, к которой прибегают хронисты, рассказывая о марше крестоносцев: на их пути постоянно встречаются пустынные места (*loca deserta*), густые леса (*sylvae condensae*), крутые горы (*montes abrupta*). Особое значение имеет такой топос, как пустыня. Речь идет о пространстве безлюдном и не отмеченном цивилизацией – пустыня была реальностью и географической, и символической одновременно. Как известно, в Средние века в качестве пустыни могли восприниматься и леса, и горы³⁷. Все хронисты, описывая путь крестоносцев через Балканы, отмечают безлюдность, необитаемость этих краев. «Таким образом, – пишет

Фульхерий Шартрский, – через *крутые горы* (здесь и далее курсив мой. – С.Л.) и довольно *пустынные места* мы прибыли в Болгарию»³⁸. Раймунд Ажилский, рассказывая о переходе через Далмацию, замечает, что это «земля пустынная и непроходимая, гористая, где за три недели мы не видели ни диких зверей, ни пернатых»³⁹. Гийом Тирский, описывая марш войск немецкого рыцаря Готшалка через Венгрию, отмечает недоступность, безлюдность и оторванность этого региона от общества и цивилизации, выделяя все те же качественные характеристики пространства: «Королевство Венгрии окружено болотами и большими реками, вследствие чего недоступно, так что если бы не некоторые проходы, и те чрезвычайно узкие, то ни войти в него, ни выйти»⁴⁰. Все эти описания построены по принципу противопоставления культуры природе.

Другой важный топос описания путешествий в Святую Землю – горы; этим топосом отмечены и рассказы о марше через Балканы, и через Малую Азию. В подобных описаниях трудно развести по разным полюсам культурно-географическую реальность и внешнюю реальность природы. Аноним и Тудебод оставили весьма живые рассказы о переходе крестоносцев через Антитавр: миновав Коксон, рыцари подошли в «дьявольской горе», которая была так высока и узка, что вдоль нее пройти по узкой тропинке было невозможно. По словам хронистов, лошади кубарем летели вниз, а вьючные животные скатывались одно за другим⁴¹. При виде всех этих трудностей крестоносцы впали в отчаяние: «рыцари стояли совсем грустные, – пишет Тудебод, – и всплескивали руками от чрезмерной печали и огорчения». Воинам пришлось продать за бесценок свои панцири, шлемы и щиты, чтобы освободиться от лишней ноши⁴². Облегчение они испытали только тогда, когда, по их словам, вышли «из проклятой горы» (*de exsecrata montanea*) к городу Мараш⁴³.

Крестоносцам свойственно субъективное восприятие природы. Так, Одо Дейльский сообщает, что во время перехода по Южной Баварии ему казалось, что это край труднопроходимый, суровый и чрезвычайно гористый. Когда же крестоносцы продолжили путь по Дакии, Бавария в сравнении с ней показалась им равниной⁴⁴. На самом деле, румынские Карпаты не более крутые, чем баварские Альпы, но в восприятии крестоносцев происходит определенное смещение фокуса. Иногда горы действительно олицетворяют тяготы пути. Фульхерий пишет о том, как паломникам пришлось осознать предстоящие трудности, как только они увидели «верхушки гор, покрытых облаками, – гор, которые еще предстояло перейти»⁴⁵.

Горы для крестоносцев *terra incognita*, незнакомое пространство, вызывающее страх. Об этом свидетельствуют рассказы Одо Дейльского. Во время перехода по Греции, на пути к Деметрии крестоносцы пересекали горы, покрытые скалами, столь непроходимые и крутые, что паломники, пытаясь обойти их, приближались, по словам хрониста, «то к звездам, то к аду»⁴⁶. О переходе через горные кряжи неподалеку от малоазийского горо-

да Лаодикеи Одо пишет: «Гора была такая крутая и покрыта скалами, мы должны были подниматься по ней по крутому скату, ее вершина, как нам казалось, достигает небес, и поток, который протекал в глубине долины, казалось, находится по соседству с адом»⁴⁷. Одо рисует картину, как люди и выючные животные, увлекая все за собой, падают в глубину пропасти. «Скалы беспрестанно передвигались, – пишет хронист, – и люди, которые разбежались в поисках лучших дорог, рисковали свалиться в пропасть»⁴⁸.

Вообще в описаниях гор, пустынь, лесов и рек хронистами мы наблюдаем постоянное колебание между географической реальностью и ее символическим значением, между образом воображаемым и реальным. Поскольку паломники в Святую Землю воспринимали мир как проявление внешних опасных сил, то даже такой банальный факт, как переправа через реку, воспринимался как чудо. Так, во время марша по Фракии, как пишет Одо Дейльский, крестоносцы на пути к Пергаму перешли вброд три реки подряд, и тотчас же после этого начались непрерывные дожди, и реки так набухли, что перейти их было уже невозможно. «Было поэтому сочтено чудом (*unde habebatur pro miraculo*) и чем-то необыкновенным, что дожди и зима нас пощадили»⁴⁹.

Во время перехода через Болгарию крестоносцам предстояло перейти через бурную реку Вардар, которую, как сообщают хронисты, местные жители называли «рекой Демона». Эта стремительная бурная река, по свидетельству крестоносцев, внушала им огромный страх⁵⁰. Простые солдаты попытались перейти реку вброд, но первые же путники были снесены стремительным потоком и утонули, и если бы не помощь рыцарей с их ловкими лошадьми, то эта плачевная участь постигла бы и всех остальных воинов Христовых. Много «набожных слез» было пролито по поводу этого случая, – сообщает хронист⁵¹, так что несчастный случай побудил путников к благочестивым размышлениям. В путешествии к Святой Земле паломники преодолевают внушающее страх незнакомое пространство и осмысляют свой путь в ценностных категориях.

Постепенно освоение новых территорий приводило к тому, что путешественники начинают воспринимать пространство как физическую данность и измерять его. Это происходит уже во время Первого крестового похода. Как это типично для средневековой эпохи, крестоносцы измеряют пространство при помощи времени. Вот пример. Раймунд Ажилский и Гийом Тирский фиксируют, что всего за сорок дней путники прошли через Далмацию и достигли албанского города Шкодер, а потом и Дураццо⁵². Фульхерий Шартрский записывает в своей хронике, что путь от Фессалоник до Филиппополя занял четыре дня⁵³. Иногда хронисты пытаются измерить протяженность территории балканских стран. Так, Гийом Тирский, стремясь пояснить читателю, сколь обширна земля Болгария, сообщает, что она занимает огромную территорию от Константинополя до Адриатики, которая в длину измеряется тридцатью днями марша, а в ширину – больше, чем десятью⁵⁴.

Но чаще всего о размерах территории, о расстояниях между пунктами сообщает Одо Дейльский. В своем повествовании он специально сообщает, что, например, германские города – Мец, Вормс, Вюрцбург и др. – находятся всего лишь в трех днях пути друг от друга, что от Пассау до Нойбурга-на-Дунае – пять дней, а оттуда до Венгрии только один день марша⁵⁵. Описывая путь по Греции, он фиксирует, что Филиппополь и Адрианополь находятся в четырех днях пути от друг друга, а от Адрианополя до Константинополя пять дней пути⁵⁶. Одо Дейльский вполне сознает ценность сообщаемых им сведений и их важность для будущих паломников. «Во всем, что мы пишем, – сообщает он читателям, – мы напомним ради доброго примера славные деяния, названия городов, чтобы познакомить с маршрутом, а для сведения путешественников расскажем о состоянии регионов. Ведь никогда не оскудеет число путешественников к Гробу Господню, и они, узнав о наших делах, будут, если им угодно, более осмотрительны»⁵⁷.

Возможно, для сведения будущих путешественников, хронисты часто обращают внимание читателя на географические детали. В их сочинениях мы находим описания разных стран и городов⁵⁸, а также рассказы о климате, рельефе и природе. Их описания подчас чрезвычайно утилитарны. Путники чаще всего равнодушны к тем аспектам реальности, которые лежат за пределами их непосредственного интереса и насущных проблем. Так, Петр Тудебод начинает свой рассказ о Болгарии с упоминания того факта, что крестоносцы нашли там провиант для армии – много зерна и вина⁵⁹, так же и Одо Дейльский и другие хронисты обращают внимание на подобные факты⁶⁰. Но все же хронисты упоминают названия городов и населенных пунктов, описывают их местоположение, рисуют сменяющие друг друга пейзажи – озера Венгрии, холмы Болгарии, скалы и горы Малой Азии, делятся своими впечатлениями от увиденного. Хронисты Первого крестового похода еще довольствуются схематичными описаниями городов и стран. Так, Гийом Тирский описал Венгрию как страну, «окруженную болотами и большими реками»⁶¹. Он же сообщил и о Дакии, упомянув, что эта страна делится на прибрежную и средиземноморскую Дакию со столицей в городе Стралица⁶². Подробные описания другой страны, через которую шли паломники, – Далмации, как мы уже знаем, оставили Раймунд Ажильский и Гийом Тирский; последний к тому же уточняет, что эта страна простирается на обширной территории между Венгрией и Адриатическим морем⁶³.

Конечно, в целом сведения хронистов о народах Балканского полуострова фрагментарны и однообразны. Но тон их повествования меняется, когда речь заходит о Византии. Так, Фульхерий Шартрский в своем сочинении произносит настоящий панегирик знаменитой византийской столице: «О какой благодородный и красивый город! Сколько в нем монастырей, сколько дворцов, чудесных творений, созданных с поразительным старанием ...Надоест перечислять, какое там изобилие богатств, а именно золота, серебра, разнообразных палиев, реликвий...»⁶⁴.

Но из всех хронистов наибольшую «чувствительность» к географии проявляет, несомненно, Одо Дейльский. Его рассказ начинается с описания Германии – богатых рейнских городов⁶⁵, далее следуют рассказы о Баварии с ее реками, источниками и лугами⁶⁶, о Венгрии с ее полноводной рекой Дунаем⁶⁷. Венгрия для него – страна озер и источников. Как рассказывает хронист, она делится рекой Дравой на две части, причем со стороны Болгарии Венгрия граничит со светлой рекой, а с другой – окружена мутными водами⁶⁸. В его сочинении мы находим и не менее живые реалистичные зарисовки Болгарии – ее лесов с пастбищами, покрытой холмами равнины, орошаемой множеством очень чистых ручейков. Попутно Одо Дейльский отмечает, что земля в Болгарии чрезвычайно плодородна и пригодна для выращивания зерна и винограда, а также других культур⁶⁹. Много реалистических деталей сообщает он и о территории между Западной Болгарией и Грецией: по его словам, это «плодородная и приятная равнина» (*dives et jucunda planities*), «изобилующая всякими благами» (*omnibus bonis re-bundantia*), простирающаяся между горами⁷⁰. Вообще по словам Одо, этот край – «прекраснейшая и богатейшая земля, которая расстилается до самого Константинополя»⁷¹. Как и хронисты Первого крестового похода, Одо Дейльский восхищается Константинополем с его церквями, Влахернским дворцом, Софийским собором и реликвиями – он называет город «славой греков»⁷². Примечательно, что такое восторженное отношение к византийской столице уживается у хронистов с откровенно враждебным в целом отношением к грекам⁷³.

Но хронисты проявляют интерес не только к географии, рассказывая о климате, рельефе, природе разных стран, городах и их достопримечательностях, но и к этнографии; пожалуй, впервые в западноевропейской средневековой историографии в хрониках даются зарисовки образа жизни и нравов жителей Центральной Европы. Как же они выстраивают образ Другого, рассказывая о народах Балкан? В этих описаниях, отразивших, как правило, сугубо прагматическое отношение крестоносцев к другим народам, противопоставляются «варварство» и «цивилизация». Своя культура воспринимается здесь как единственно возможная, собственно культура – ей противостоит «некультура» балканских народов, их зверские обычаи, их варварский язык, их незнакомство с достижениями цивилизации. При этом латиняне, как и описывающие их походы хронисты, полностью игнорируют то обстоятельство, что жители Болгарии, Венгрии и Далмации к моменту Первого крестового похода уже были обращены в христианство. Вот пример. Раймунд Ажильский говорит о «разбойничьих нравах» жителей Далмации, подразумевая при этом их нежелание торговать с крестоносцами и обеспечивать их войско провиантом, а также их в целом враждебное отношение к рыцарям Христовым. «Жители края, – пишет хронист, – до такой степени просты и грубы (*agrestes et rudes*), что не желали ни торговать с нами, ни служить нам проводниками, но убегали из деревень и замков и

убивали следующих за войском стариков и немощных»⁷⁴. По его словам, рыцарям-крестоносцам было нелегко преследовать безоружных бандитов (*latrones inermes*), хорошо знавших окрестности и прятавшихся по *высоким горам и густым лесам (per abrupta montium et condensa sylvarum)*. Все же благочестивому графу Раймунду Тулузскому удалось поймать шестерых из «варваров», и он поступил с ними так, как и подобало человеку «цивилизированному» поступить с «дикарями», – одним выколол глаза, другим отрубил руки и ноги⁷⁵.

Для Гийома Тирского жители Далмации однозначно являются варварами. Эта страна – пишет Гийом, – населена свирепым народом, который добывает себе пропитание грабежами и убийствами. Особенности природных условий – обилие гор, лесов, рек и пастбищ – не располагают жителей к занятиям сельским хозяйством, и это также черта их варварского образа жизни⁷⁶. К тому же эти жители говорят на варварском, с точки зрения Гийома, т.е. славянском наречии. В то же время народы, населяющие Далмацию, различаются по степени варварства: так, те, кто расселены по морским берегам, отличаются, по мнению хрониста, от других по языку и нравам – они говорят по-латыни⁷⁷. Знание латыни для средневекового писателя является неким критерием, позволяющим отличить «варваров» от более «цивилизированных» народов.

Описывая народы Балкан как грубых варваров, Гийом Тирский делает исключение для венгерского короля Коломана, который благосклонно принял крестоносцев. Такое гуманное отношение к латинянам хронист объясняет высокими моральными качествами венгерского правителя и называет его «христианнейшим мужем» (*vir christianissimus*)⁷⁸.

Хотя описания балканских народов строятся по принципу противопоставления «варварства» и «цивилизации», рассказы о греках, высоко цивилизованном в глазах крестоносцев народе, мало чем отличаются от описания «варваров»⁷⁹. Подход хронистов к народам, населяющим Грецию, также в первую очередь утилитарен. Одо Дейльский обвиняет греков в их желании торговать с рыцарями и обеспечить их продовольствием, в их стремлении повысить цены на продукты, – так греки, считает хронист, грабили обедневших вследствие «столь долгого путешествия» (*pauperes in tam longe itinere*), забирая у них все золото и серебро, оружие и одежду⁸⁰. Еще больше возмутило Одо Дейльского то, что в ряде городов греки и вовсе отказывались впустить рыцарей внутрь крепостных стен и предпочитали спускать им провизию в корзинах на веревке⁸¹. Поступки византийцев, их отношение к латинянам Одо характеризует не иначе как «коварство греков» (*Graecorum fraudes*)⁸² и считает важным рассказать о несчастьях рыцарей Христовых (*nostra infortunia*), дабы потомки знали о хитрых проделках греков (*Graecorum dolosa facinore*)⁸³.

Как и в описаниях «варваров» – жителей Далмации и Болгарии, – главным критерием различия между греками и латинянами являются также

прежде всего «язык и нравы» (*lingua et mores*). Одо Дейльский рассказывает драматичную историю, приключившуюся с немецкими рыцарями в Греции. Они выпивали в одной из таверн в пригороде Филиппополя, когда к ним присоединился фигляр (*joculator*), не знавший их языка (*qui licet eorum linguam ignoraret*). Изрядно выпив (*post longam ingurgitationem*), он достал из-за пазухи дрессированную змею, поставил стакан на землю, на него посадил змею и начал показывать разные фокусы перед теми, с чьими нравами и языком он не был знаком (*inter eos quorum mores et linguam nesciebat*)⁸⁴. «Диалог» разных культур закончился трагически. Немцы, приняв фокусы за колдовство, легко разъярились и, набросившись на грека, разорвали его в мелкие клочья. Вменяя вину одному всем, они сказали, что византийцы желали их отравить⁸⁵. Растущее волнение перекинулось из пригорода в город, и комендант поспешил к месту происшествия с целью разрешить конфликт, явившись без оружия и лишь в сопровождении свиты. Разгоряченные вином и яростью немцы набросились в гневе на тех, кто пришел с миром, думая, что те желали отомстить за убийство своего человека. Греки поспешно ретировались, а затем, вооружившись и взяв луки, вернулись назад и очистили пригород от пьяных рыцарей⁸⁶.

Так или иначе, в конфликтах и контактах с местным населением крестоносцы неизбежно знакомились с другими народами, представителями других культур и вероисповеданий, и эти встречи запечатлелись в их памяти, о чем, собственно, и свидетельствуют рассказы хронистов.

В целом можно говорить о том, что крестовые походы раздвинули интеллектуальный горизонт средневековых людей, в результате постоянных миграций и перемещений в пространстве отчасти изменилась система средневековых представлений. Конечно, стабильный средневековый мир развил еще большую мобильность, когда был освоен морской путь в Святую Землю.

Итак, обратимся к описанию морских странствий путешественников.

Морской путь был в общих чертах известен уже первым паломникам в Палестину. До XI в. пилигримы, как правило, начинали свое путешествие в Святую Землю из портов южной Италии (Салерно, Тарент, Амальфи и Бари). В XII-XIII вв. путники отправлялись в Святую Землю из Мессины, Марселя, Бриндизи или Барлетты. На пути в Палестину пересекали Дарданеллы, арендуя византийские суда. Другой маршрут лежал через канал Отранто (соединявший Адриатическое море с Ионическим), который паломники пересекали на норманно-сицилийских кораблях и далее плыли в Египет и Сирию⁸⁷. В 1241 г. Людовик Святой основал специальный порт Эг-Морт, который стал важнейшим транзитным пунктом в морских путешествиях к Святой Земле. Из Эг-Морта на кораблях переправлялись через Средиземное море. В XIV в. псевдо-Броккар, обобщая опыт средневековых путешественников, пишет, что пилигримы отправлялись в морскую экспедицию чаще всего из Эг-Морта, Ниццы или Марселя. С течением времени морской

путь в Палестину возобладал, и произошло это благодаря крестовым походам. Неслучайно средневековые источники называют крестовый поход «*passagium ultramarinum*», «*passagium magnum*», и в самом названии подчеркивается морской характер путешествия.

Немногие отваживались отправиться в морское путешествие, боясь непредвиденных бурь, ненадежности транспортных средств и других опасностей, подстерегавших паломников. Действительно, путешествие по морю было связано с огромным риском. К тому же морские экспедиции были чрезвычайно длительными по времени и зависели от разных факторов: климата, вынужденных остановок в крупных портах, времени года (зимние остановки). «Нет необходимости подвергать себя опасностям моря или зависеть от милости моряков», – писал Гильом Рубрук св. Людовику⁸⁸. Морские стихии воспринимались символически, они могли быть добрыми и злыми, причем такое отношение к морю было характерно как для тех, кто постоянно с ним сталкивался – моряков или жителей приморских областей, так и для тех, кто не имел подобного эмпирического опыта. Как пишет историк-«маринист» М. Молла дю Журден, море было для средневекового человека и источником жизни, и юдолью смерти⁸⁹. С путешествиями по морю были связаны многие суеверные страхи. Морские путешествия представлялись настолько опасными, что воспринимались иногда как покаянные паломничества, поскольку на них нередко решались люди, чья совесть была отягощена грехами (*causa poenitentiae*). Прежде чем ступить на корабль, паломники долго молились, исповедовались в грехах, давали религиозные обеты. Биограф французского короля Людовика Святого (1226-1270) Жан де Жуанвиль, сопровождавший короля в Седьмом крестовом походе, описывая момент, когда королевский корабль пустился в открытое море, восклицает: «Я скажу вам, что безумно смел тот, кто решается подвергнуть себя такой опасности, если только не по причине смертного греха, потому что, засыпая вечером, не знаешь, не окажешься ли на утро на дне моря»⁹⁰.

Псевдо-Брокер подчеркивает, что именно «галлам и тевтонам трудно путешествовать по морю», и подробно перечисляет все трудности экспедиции: морские волнения и бури, во время которых люди ощущают себя скорее покойниками, чем живыми, частая перемена погоды, зловоние моря, безвкусная и грубая, а порой дурно пахнущая и испорченная пища; теснота, нехватка мест и прочие неудобства, провоцирующие разные болезни. Присутствие на корабле лошадей, также страдающих от вонючего моря и перемены погоды, увеличивает дурной запах⁹¹. Но все же главная неприятность, – пишет псевдо-Брокер, – это «невероятные и неожиданные бури, из которых происходит телесная слабость, упадок сил, падает дух, вследствие чего многие задерживаются на пути к святыням (*sancte vie*) или же, начав его, возвращаются»⁹². Все, кто отправляются в море, мечтают только о благополучном путешествии, и если целыми и невредимыми достигают цели, то воспринимают это как чудо. Не случайно паломник Зевульф, избежав-

ший кораблекрушения во время путешествия, пишет следующие строки: «Умоляю вас, мои любезнейшие друзья, подняв руки вверх, рукоплещите; воскликнете Богу вместе со мною гласом радования, ибо Всемогущий оказал мне милосердие во всем пути моем: да будет благословенно имя Его и ныне, и во веки!»⁹³ Другой пилигрим XIII в., знаменитый епископ Жак де Витри, участник Пятого крестового похода, также добрался до Святой Земли по морю. Перед тем как сесть на корабль, он обращается в письме к своим близким: «Я, живой и невредимый, вступил вместе со своими спутниками и скарбом на корабль; вы же постоянно молитесь за меня и моих товарищей, чтобы Бог привел нас к порту города Акры»⁹⁴.

Как протекала повседневная жизнь во время морского путешествия, как готовились к нему путники? Будущий пассажир заранее арендовал место на корабле, заключая контракт с судовладельцем в Марселе, Бари и других транзитных пунктах⁹⁵, а затем запасался провизией перед долгой и опасной дорогой⁹⁶. На корабле места для пассажиров существенно различались в зависимости от их статуса и материальных возможностей. Самые удобные места на судне – т.н. парадиз – большая каюта, а также специальные надстройки – *castellum* – их две, у кормы и у носа корабля. Остальные места, распределяемые между кормой и мачтой, предназначены для более скромных паломников; багаж размещается в подводной части судна (*cumba peregrinorum*). Паломники везли с собой съестные припасы – от муки до мальвазии, но могут пользоваться и бортовой кухней⁹⁷.

Наверное, чтобы представить себе, как паломники путешествовали по морю, лучше всего обратиться к свидетельству одного из них. К счастью для историка, до нас дошли письма Жака де Витри, в которых он делится опытом путешественника. В 1217 г. епископ прибывает в порт Геную, славившуюся своими прочными и высококачественными кораблями, – эти суда могли выходить в море даже зимой, и потому путешествие не прерывалось на сезонные остановки, к тому же зимой не портилась провизия, которой запасались пассажиры. В Генуе Жак де Витри арендовал корабль за четыре тысячи ливров. За эту сумму епископ купил для себя и своих спутников пять мест, а именно: «¼ часть верхней надстройки (*castellum*), где я буду принимать пищу и изучать свои книги и находиться там днем, если не будет бури, – другую комнату, в которой я буду спать ночью вместе со спутниками, еще одну каюту, в которой буду хранить свою одежду и недельные съестные припасы, и еще одну каюту для слуг, которые будут готовить мне пищу, и арендовал еще одно место, в котором помещу переправляемых мною лошадей. В нижней же части корабля (*sentina*) я буду держать вино, мясо и другую еду, которой мне должно хватить на три месяца»⁹⁸. Примечательно, что помимо каюты для себя и своих спутников, помещений для провизии и скарба, Жак де Витри арендовал помещение для лошадей. Как правило, на средневековом корабле действительно предусматривались помещения для лошадей, ибо путешественники часто перевозили их как сред-

ство транспорта, которое им понадобится в дальнейшем пути. Наиболее распространенный вид морского транспорта – судно *huissier* – имело специальное помещение с открывающейся дверцей, куда лошади и помещались. Жан де Жуанвиль рассказал в своих мемуарах, как происходила погрузка лошадей на такое судно: «В тот день, когда мы взошли на корабли, открыли дверь лодки, и туда поместили всех лошадей, которых мы должны были переправлять через море; и затем двери закрыли»⁹⁹. После погрузки лошадей судно может отправляться в путь. Этот момент также запечатлен в сочинении Жуанвиля: «Наш хозяин моряк (*navonnier*) окликнул своих моряков, которые находились на носу корабля, и сказал им: «Вы приготовились?» И они ответили: «Да, сир, пусть подготовятся клирики и священники». Как только они вошли, он окликнул их: «Пойте, ради Бога!» И они все в один голос воскликнули: «Veni, Creator Spiritus!» И хозяин крикнул своим морякам: «Распустите паруса, Ради Бога!» И так они и поступили. И в скором времени ветер бил по парусам, и земля исчезла из виду, так что мы не видели ничего, кроме неба и воды, и каждый день ветер удаляет нас от берега...»¹⁰⁰

Историк, желающий узнать о повседневной жизни морских путешественников, ограничен содержанием документов. Как средневековые люди плавали, какие испытания им предстояли и что им приходилось пережить – об этом мы узнаем из источников весьма немного. В самом деле, Альберт Ахенский упоминает в своем сочинении о морском походе брата норвежского короля – Магнуса, который, по словам хрониста, «отбыл из своей страны в полном вооружении и, вместе с армией численностью десять тысяч воинов, сел на сорок кораблей, нагруженных оружием, и бороздил морские просторы в течение двух лет»¹⁰¹. Но что испытали во время этого двухлетнего плавания по морям путники, как они преодолевали препятствия, мы не знаем. Хронист лишь сообщает, что в Аскалоне Магнус сделал остановку, ожидая, что местные жители вступят с ним в бой, но те явно не обнаружили никакого желания конфликтовать со скандинавским правителем, и воинственный Магнус вынужден был отправиться в Яффу, а оттуда в Иерусалим¹⁰².

Все же некоторые острые моменты опасных путешествий нам удастся восстановить благодаря запискам паломников. Опять обратимся к письмам Жака де Витри. Как мы уже упоминали, в 1217 г., сев на корабль в Генуе, он отправился к берегам Сирии. Но очень скоро путникам пришлось встретиться, как говорит епископ, с «серьезной и внушающей страх опасностью»¹⁰³ – два корабля в море столкнулись, и судно, на котором находился Жак де Витри со своими спутниками, чуть не разбилось об утес. Путешественники испытали сильнейший страх: «Раздался страшный всеобщий вопль, – пишет в своем письме епископ, – и слышно было, как на обоих кораблях люди проливали слезы и каялись в грехах»¹⁰⁴. Паломники переживались с одного судна на другое, казавшееся им прочнее, скидывали с

себя одежду и привязывая к телу все ценное – золото и серебро – пускались вплавь¹⁰⁵. К счастью, все обошлось благополучно – корабль, на котором плыл епископ со своими спутниками, в результате столкновения с другим судном сильно накренился влево, но при этом обогнул скалу с правой стороны. А другой корабль, которому, казалось, угрожает неминуемая опасность разбиться о соседнюю скалу, «благодаря милости божьей вышел невредимым»¹⁰⁶.

Как видим, встречи с опасностями вызывают сильное душевное потрясение средневековых путешественников: они каются в грехах, молятся Богу о спасении. После перенесенных бедствий корабль Жака де Витри сделал вынужденную остановку у одного из греческих островов. Там высадили всех паломников, которым не хватало провианта, чтобы продолжить путь; благочестивый епископ помолился об их благополучии, дабы они избежали смертельной опасности, и корабль вновь пустился в путь¹⁰⁷. Но приключения Жака де Витри на этом закончились – его ждало еще одно суровое испытание. Бог послал им сильнейшую бурю¹⁰⁸: волны, по его словам, были такие сильные, что «нос нашего корабля то вздымался до самых звезд, то опускался в бездну»¹⁰⁹. Два дня и две ночи продолжалась буря, и многие, не в силах выдержать порыва ветра, другие же от страха не могли ни есть, ни пить»¹¹⁰. Никто не осмеливался даже зажечь огни на корабле¹¹¹. Пилигримы уже начали подумывать о том, как запастись пресной воды на случай, если ситуация не изменится. Чтобы сохранить воду, путешественники расстилали под дождем холсты, чтобы пропитать их влагой, и так утоляли жажду¹¹². Все происходящее производило удручающее впечатление на путников: многие из тех, кто, по словам Жака де Витри, «погряз в грехах», в слезах приходили к епископу на исповедь¹¹³. Купцы, знатные люди являлись к епископу и принимали из его рук крест, взывая к Богу, чтобы он послал им ясную погоду и попутный ветер¹¹⁴. И действительно, через несколько дней море успокоилось, и путники доплыли до Сицилии, затем Крита и, наконец, прибыли в Акру.

Корабли, бороздившие морские просторы в Средиземном море, часто терпели крушение из-за внезапных перемен погоды. Некоторые бури запечатлелись в памяти людей. Рассказ о них можно найти в записках другого путешественника по морю – немецкого паломника Зевульфа (примечательно, что само его имя означает «морской волк»). Пилигрим в Святую Землю проделал путь от небольшого местечка Монополи (около Бари) до Яффы и далее до Иерусалима, при этом описав все тяготы пути. Тот час, когда он 13 июля 1102 г. ступил на корабль в Монополи, – говорит Зевульф, – был часом их бедствия – *hora aegyptiaca*. Не успели они отплыть от берега, как уже на третьей миле потерпели кораблекрушение, и их корабль отнесло в Бриндизи¹¹⁵. Вновь отправившись в путь уже из Бриндизи, путники опять пережили «день несчастья» (*die aegyptiaca*) – буря внезапно настигла корабль, и только благодаря помощи божественного Провидения они бла-

гополучно пристали к одному из греческих островов¹¹⁶. Посетив ряд островов – Патрос, Родос и др., – они прибыли на Кипр, откуда намеревались отправиться в Яффу. Но когда они покидали остров Кипр, опять начались такие волнения на море, что в течение семи дней они не могли покинуть гавань: противный ветер угнал их корабль назад к Кипру, и семь дней и семь ночей они «подвергались такой буре и опасности, что почти потеряли всякую надежду»¹¹⁷. И все же путники усердно молились и призывали милосердие Божие и, конечно, только потому и были спасены: «Рано утром, при восходе солнца, показался перед нашими глазами берег гавани Яффы, и после уныния и отчаяния, в которое повергла нас огромная опасность, внезапное и неожиданное зрелище показалось нам в сто раз радостнее»¹¹⁸. Когда корабль Зевульфа уже был близок к берегам Яффы, пилигриму был дан знак свыше: «Выйди на берег, – говорил ему голос с небес, – чтобы не случилась буря сегодня ночью или на рассвете и завтра ты бы не смог высадиться»¹¹⁹. Вняв гласу Божию, Зевульф нанял маленький корабль и поспешил выйти на берег. В то время как путники высаживались, море начало волноваться, волнение росло и разразилось сильной бурей¹²⁰, но путники уже достигли берега невредимыми. В городе они нашли пристанище, где провели ночь и восстановили силы. Проснувшись поутру, они услышали сильный шум моря и крики народа. Путники поспешили на берег и увидели волны «выше гор», и множество тел утонувших мужчин и женщин, лежавших на берегу в самом жалком виде¹²¹. А по морю носило разбитые вдребезги корабли. «Ничего не было слышно, кроме рева моря и треска кораблей»¹²², – рассказывает Зевульф, – «Шум этот заглушал даже крик народа и вопли толпы»¹²³. Большие суда благодаря якорям и канатам еще как-то держались на море, но их все время подбрасывали волны. Но скоро «от силы волн якоря оборвались, канаты разорвались, и корабли, оторванные силой волн, без всякой надежды на спасение, то поднимались кверху, то опускались вглубь», и постепенно их отнесло на мели или скалы, где, они, ударяясь бок о бок, разбивались вдребезги и разносились бурей¹²⁴. Потрясенный Зевульф видел, как люди на корабле, пораженные ужасом, сразу же шли ко дну или, стремясь ухватиться за бревно собственного корабля, погибали от их ударов. В этот день погибло тридцать кораблей и утонули тысяча человек. «Никто не видел большего несчастья в один день», – сетует Зевульф и оплакивает жертвы катастрофы: «Кто, смотря на это, был бы так жесток и с таким каменным сердцем, чтобы не заплакать?»¹²⁵

В течение XII–XIII вв. средневековые люди приобрели огромный опыт морских путешествий и научились преодолевать препятствия и избегать катастроф. Морской путь в Святую Землю начинают предпочитать не только крупные европейские суверены – такие, как Ричард Львиное Сердце, Сигурд, Фридрих Барбаросса, располагавшие собственным флотом, – но и более скромные паломники, которые прибегали к услугам средиземноморских портов. Большую роль в морских коммуникациях играли тамплиеры:

странноприимные дома ордена в Бари, Бриндизи, Марселе и других городах принимали путешественников, ожидающих очередной *passagium*¹²⁶. Из этих портов тамплиеры транспортировали пилигримов к берегам Сирии и Египта – как группы паломников и войска, так и отдельных индивидов. И в XIII в. индивидуальные паломники выбирают морской путь, чтобы достичь берегов Святой Земли – Бурхард, Гийом Триполитанский, Вильдебранд Ольденбургский и другие пилигримы, описавшие страны Ближнего Востока, добирались до Святой Земли на кораблях¹²⁷. Время в путешествии по морю сокращается благодаря хорошей ориентации в морском пространстве: в к. XII в. путешествие от Марселя или Бриндизи до Акры составляло от 15 до 25 дней¹²⁸. Ричард Львиное Сердце покинул Мессину 10 апреля 1189 г., и только 8 июня был в Акре. В 1248 г. Людовик Святой за 23 дня добрался из Эг-Морта до Лимассола¹²⁹. Морские путешествия становятся все более частыми, и хронисты с полным правом называют Средиземное море *Mare nostrum*¹³⁰. Видимо, благодаря приобретенному эмпирическому опыту средневековые люди начинают преодолевать суеверные страхи, связанные с морем¹³¹. И все же...

Обратимся к т.н. манускрипту аббата Ротелена, описавшему события, происходившие в Святой Земле с 1229 по 1261 г.¹³². В главе XIV под названием «Об опасностях и муках, которым подвергаются на море» подробно рассказано о перипетиях морского пути. Из этого сочинения мы узнаем, что самая большая опасность, с которой приходится встречаться морским путешественникам, это... сирены. Эти фантастические существа усыпляют моряков сладким пением, а затем набрасываются на корабли, топят их, разрывают на клочья и уносят с собой в открытое море. Аббат Ротелен дает морякам ценный практический совет: при встрече с сиренами сначала заткнуть уши и, вооружившись, стрелять из лука или арбалета, пока те еще далеко в море, а при их приближении наносить им раны мечами, ножами и прочим оружием¹³³. Автор предупреждает морских путешественников и относительно другой серьезной опасности – Харибды – в этом месте, собственно, и находится пуп земли, и не было еще ни одного корабля или какого-либо другого предмета, который бы, приблизившись к этому опасному месту, не был бы вовлечен в морскую пучину¹³⁴. Путешественников подстерегают и другие опасности: «В море, – рассказывает аббат Ротелен, – есть большие высокие скалы, которые видны с моря, и немало таких гор, которые подчас не видны на поверхности». Иногда корабль, направляемый сильным ветром, случайно ударяется об эту гору, разбивается и терпит крушение. «Иногда случалось так, – пишет аббат Ротелен, – что носовая часть корабля натыкалась на скалу, покрытую морем, и разбивалась, а кормовая часть оставалась целой и плавала по морю». «Так и погибают подчас корабли», – подводит он мрачный итог¹³⁵. Но на этом описание страхов не кончается. Оказывается, в море есть и другие большие горы и большие скалы, которые трудно заметить морякам, и состоят эти горы и

скалы из магнита. Они притягивают к себе корабли, в корпусе которых есть гвозди и другие металлические предметы, а, притянув их, удерживают корабли так крепко, что те не могут двинуться с места. «И так корабли погибают», – опять звучит мрачный рефрен¹³⁶. Автор советует морякам быть мудрыми и осмотрительными (*saige et pourveant en tiex choses*) при встрече с подобными опасностями. Как видим, повседневный опыт морских путешественников не развеял многие мифы и предрассудки, связанные с морем...

Повседневная жизнь путешественников – поистине неисчерпаемая тема. В этом очерке я собрала лишь некоторые скудные сведения о тех материальных трудностях, которые встречались путникам в Святую Землю, попыталась рассказать о способах освоения ими пространства, о морских и сухопутных коммуникациях и средствах транспорта. Как оказалось, пространство, которое преодолевали паломники и крестоносцы, – это данность не только физическая, но и спиритуальная. Контакты с незнакомым пространством вызывают у средневековых людей страх и панику – так воспринимаются ими горы, леса, бурные реки и особенно море, непредвиденных взрывов которого они боялись.

И все же в результате экспедиций в Святую Землю в XII–XIII вв. были освоены огромные пространства, накоплен большой опыт в преодолении пространства, и этот опыт, несомненно, пригодился дальнейшим путешествественикам. Благодаря морским и сухопутным экспедициям к христианским святыням раздвинулись географические горизонты средневекового общества, расширились знания о мире. Дальнейшим стимулом к познанию мира станет Пятый крестовый поход, когда в поисках царства пресвитера Иоанна европейцы будут засылать миссии в Центральную Азию и на Дальний Восток, и путешественники познакомятся с новыми странами и народами¹³⁷. Эти новые контакты мощно раздвинут границы замкнутого средневекового мира. В этих путешествиях уже не практические или благочестивые цели будут определяющим мотивом. Таким мотивом станет стремление узнать новое – качество, которое средневековые люди называли *curiositas*, и именно тогда, видимо, возникнет настоящий феномен путешествия. Этот момент зафиксирован в «Иерусалимской истории» Жака де Витри. Протицириуем соответствующий отрывок:

«Некоторые легкомысленные особы отправляются в паломническое путешествие не из благочестия, а исключительно из любопытства и желания узнать что-то новое. Все, чего они желают, – *путешествовать* по неизведанным странам с тем, чтобы расследовать абсурдные и преувеличенные истории о Востоке, которые они слышали»¹³⁸.

Но, похоже, что без повседневного опыта, приобретенного паломниками в XII–XIII вв., к новому пониманию путешествия и его целей средневековый мир пришел бы не так скоро.

¹ «Разве путешествие, из которого герой не возвращается – не случайно, а по определению, – все еще оставалось бы путешествием? *Артоз Ф.* Возвращение Одиссея // *Одиссей: Человек в истории. Культурная история социального.* М., 1997. С. 73.

² См. об этом: *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Он же.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб, 2001. С. 297–303.

³ Позволю себе сослаться на свою статью: *Лучицкая С.И.* Путешествие // *Словарь средневековой культуры/* под общей редакцией А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 397–400.

⁴ Об это идее см.: *Ladner G.B.* Homo Viator. Medieval Ideas on Alienation and Order // *Speculum.* 1969. Т. XLI. № 2. P. 233–260

⁵ См.: *Peregrinationes tres.* Saewulf. John of Würzburg. Theodoricus. Turnhout, 1994 (Corpus Christianorum. Continuatio medievalis. Т. CXXXIX); *Descriptions de la Terre Sainte.* Tobler

⁶ См., напр.: *Innominatus // Descriptiones Terrae Sanctae ex saeculo VIII, IX, XII et XV /* hrsgb. Т. Tobler. Leipzig, 1874. P. 192–223. Скучные упоминания о паломниках в средневековых нарративных памятниках собраны в статье: *Micheau F.* Les itinéraires maritimes et continentaux des pèlerinages vers Jerusalem // *Occident et Orient au X s.* (Actes du IX Congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. Dijon, 2–4 Juin 1978). P., 1979 p. 79–104.

⁷ О паломнических путешествиях этого времени см.: *Labande E.R.* Recherches sur les pèlerins dans l'Europe des XI–XIII ss. // *Cahiers de civilisation médiévale.* Poitiers, 1957. №1. P. 27–36; № 3. P. 339–349; А. Грабуа в своей книге пытается четко разграничить паломническое путешествие, с одной стороны, и крестовый поход – с другой, и ставит вопрос о том, помешали ли крестовые походы паломническому движению или, напротив, способствовали ему. См.: *Grabois A.* Le pèlerin occidental en Terre Sainte au Moyen âge. Bruxelles, 1998. О паломниках в Святую Землю в эпоху крестовых походов см.: *Röhrich R.* Die Deutschen im Heiligen Land: chronologisches Verzeichnis derjenigen Deutschen welche als Jerusalem Pilger und Kreuzfahrer sicher nachzuweisen oder wahrscheinlich anzusehen sind (cf 650–1291). Innsbruck, 1864. В книге учтены все немецкие паломничества за период с VII по XIII в., и особенно паломничества XII–XIII вв. Такой же список скандинавских паломников составил П. Риан. См.: *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des croisades. P., 1865.

⁸ М.А. Заборов, определяя жанр хроник, отмечает, что эти источники представляют собой сочетание путевых заметок, эпистолярных и документальных материалов о жанре. См.: *Заборов М.А.* Введение в историографию крестовых походов (латинская хронография XI–XIII вв.). М., 1966.

⁹ *Martin H.* Mentalités médiévales. XI–XV ss. P., 1996. P. 150

¹⁰ Кажется, сами авторы колеблются в определении жанра своих сочинений, называя их то *itinerarium*, то *profectio*. См.: *Petri Tudebodi* Historia de Hierosolymitano itinere / Ed. J. H. Hill & L. Hill. P, 1977; *Odilo Dogilensis* De Profectione Ludovici VII in Orientem // *Patrologiae cursus completus. Series Latina.* P., Т. 185.

¹¹ На самом деле, под этим именем скрывается Гийом Адам. См.: [Pseudo] Brocardus. Directorium ad passagium faciendum // Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens. P., 1906. Т. 2. P. CLIV–CLVI.

¹² Подобный подход реализован, например, в статье Д.Э. Харитоновича: Mundus Novus. Первозданная природа глазами человека эпохи Возрождения // Природа в культуре Возрождения. М., 1992. С. 107–121.

¹³ В хрониках наиболее подробно освещен марш крестоносцев от Западной Европы до Константинополя, потому в настоящей статье делается акцент именно на этом отрезке пути.

¹⁴ *Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana*. Heidelberg, 1913. P. 184. Lib.I, cap. X: «sed alii de Roma, alii de Apulia vel de Hungaria sive Dalmatia, labore recusato, domos suas redirant vel in locis multis, milibus multotiens occisis, sed et nobis cum euntes infirmati finierant defuncti, multa videretis coemetria in callibus, in campis, in lucis de peregrines nostris sic sepultis»

¹⁵ Cf. *Raimundi de Aguilers Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem* // RHC. Hist.Occ. P., 1866. Т. III. P. 235: «multam difficultatem itineris in ea regione perpessi». О «больших трудностях пути», проделанного войском графа Тулузского вспоминал много лет спустя и Гийом Тирский. См.: *Guillaume de Tyr. Chronique* / Ed. R. В. С. Huygens. Turnhout, 1986. Т. 1–2 (Corpus Christianorum. Continuatio medievalis. Т. 63). Lib.11. Cap. XVII: «Comes Tolosanus et episcopus Podiensis cum suis agminibus per Dalmatiam properant, *multam difficultatem itineris in ea regione perpessi*».

¹⁶ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum...* P. 235 : «Illi igitur Sclavoniam ingressi; *multa dispendia itineris passi sunt, maxime propter hyemem que tunc erat*» (курсив мой. – С.Л.).

¹⁷ *Guillaume de Tyr. Chronique...* Lib. II. Cap. XVII: «Terra enim...rivis, fluminibus abundans, et pene tota palustris, tantam diebus singulis esse dabat uliginem et tantam crassitudinem nebularum, ut aerem redderent pene suffocatorium».

¹⁸ *Ibid.* «Erat praeterea aer caliginosus, et tenebrae continuae pene palpabiles; ita ut qui sequebantur praecedentium vix tenerent vestigia, et qui praeibant vix per jactum lapidis ante se loca possent discernere».

¹⁹ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum...* P. 235: «Quadraginta etenim fere dies in Sclavonia fuimus, in quibus tantum spissitudinem nebularum passi sumus, ut palpare et per motum removeere eas a nobis aliquatenus possemus. Inter haec comes assidue in postremis pugnans, semper populum defendens erat; nunquam prior, sed semper ultimus hospitabatur»

²⁰ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII in Orientem* // *Patrologiae cursus completes. Series Latina*. P., Т. 185. Lib. III. Col. 1218 Sisto ... Dum igitur ibidem fixis tentoriis pernoctaret, erupit pluvial super eos quidem sicut audivimus modica, sed in montibus tanta inundatio, ut eos potius raperet quam aspergeret. Torrens enim tumidus, et rapidus tentoria sibi obvia, et quidquid continebant involvens et rapiens. In mare vicinum praecipitavit, et ipsorum multa millia submersit). Между тем, – удивляется Одо, – невозмутимые немцы как ни в чем не бывало продолжили далее путь до Констан-

тинополя, деляя вид, что ничего серьезного не произошло: «Imperator autem et superestes multitudo, non sine dolore quidem, sed tamen velut sine damno tantum malum per ferentes, consurgunt, et quasi audaciores redditu pro eventu Constantinopolim veniunt....»

²¹ *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana* //RHC. Hist. Occ. P., 1879. T. IV. Lib. II, cap. VI. P. 303: «...Dux et populus regnum Hungarie pertransiens, Drowa fluvium pervenerunt: ubi congerie lignorum composite, et plurima viminum copulatione facta, eundem fluvium trajecerunt».

²² Ibid. «Non amplius enim quam tres naves illic repertae sunt, cun quibus mille equites loricati ad praeoccupandum litus transmissi sunt. Cetera multitudo, copulatione lignorum et viminum, fluminis alveum superaverunt»

²³ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII in Orientem*...Lib. VI, col. 1235: «Inerat enim ibi torrens sinuosus et rapidissimus, quem oportebat in die novies vel octus transvadare, qui si modica pluvia paulo amplius tumisset, nemo posset procedere vel redire, sed erat necesse quemque in loco suo lugendo peccata, vitae terminum expectare»

²⁴ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII*...Lib. Col. 1234: «haec sumus redditi marinis an fractibus, saxosos montes te arduos fere quotidie inventuri, et torrentium defossos alveos quos erat labor etiam vacuos pertransiri; et si nivibus vel imbris augerentur, non esset possibilis eorum rapacitas ab equite vel pedite transnari...»

²⁵ Ibid. Lib. II. Col. 1214 in terra ejus multi fluvii sint, super ipsos, sine proprio labore et sumptu novos pontes invenit. «В земле этой есть много рек, через которые построены новые мосты». Одо радуется, что французам не пришлось «вложить в них ни труда, ни расходов».

²⁶ Ibid. Lib. Col. 1213 In medio sui fluvium habet Droam, qui stanni more unam ripam proclivem habet, et alteram arduam, unde modica pluvia effluit, Audivimus eum multos Alemannorum, qui nos praecesserant, subito inundasse; nos autem ubi castra eorum fuerant, vix potuimus transvadere.

²⁷ Ibid. Lib. II. Col. 1211 Ad hanc urbem (Ratisbona. – S.L.) omnes Danubium ponte optimo transierunt, inveneruntque navium multitudinem copiosam, quae sarcinas nostras, multumque populum usque Bogariam deportarunt bigas etiam et quadrigas nonnulli navibus imponebant, ut damnum praeteritum in desertis Bogarie compensarent. Sed prius et postea magis fuere spei quam utilitati ...»

²⁸ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII*... «vel de foro si poterant, vel de praediis...sibi abundantiam conquirentes...»

²⁹ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum*...P. 235: «Tandem per Dei misericordiam et comitis laborem et episcopi consilium, sic exercitus transivit, ut nullum fame, nullum in aperta congressione ibi perderemus».

³⁰ *Guillaume de Tyr. Chronique*...Lib. I. Cap. XVIII: «centum quadraginta ex eis...in oratorio quodam, quo se gratia consequendae salutis contulerant, igni supposito, combusserunt, reliquis in fugam adactis...» Разумеется, цифра 140 имеет весьма от-носительное значение.

- ³¹ *Guillaume de Tyr*. Chronique...Lib. I. Cap. XXVII: «quidam sacerdos, Godescalcus nomine, natione Theutonicus, Hungariae fine...ingressus est...ad inferendas enormes indigenis se contulerunt injurias; ita ut praedas exercerent, venalia foris illata ouiblicus violenter diriperat, et stragem committerent in populo, neglectis legibus hospitalitatis...»
- ³² *Guillaume de Tyr*. Chronique...Lib. I. Cap. XVIII: «Viae tamen compendium, quod qui per Hungariam descenderant, certum erit reperisse, propter insolentiam eorum et enormitates nimias, quas frequenter et praeter meritum regionis inferebant habitatoribus, transeuntes qui praecesserant, eis penitus negabatur...»
- ³³ *Alberti Aquensis Historia*...Lib. II. Cap. III. P. 340–341: «...aptam et voluptuosam regionem considerantes et venationibus fecundissimam, quam nobilitas delectari et exercari gaudet. ...sumpto arcu et pharetra, gladiis accincti, saltus montanis contiguos ingrediuntur, si forte obveniret quod configere et persequi catulorum sagacitate valerent...»
- ³⁴ *Ibid.* «Dux vero...educto raptim gladio... misello homini advolat, eripere a dentibus et unguibus lanionis amxiatum festinate...»
- ³⁵ *Ibid.* «Dux ...in momento resurgit in pedibus, gladiumque...propriis cruribus implicitum celeriter in ejusdem ferae jugulum rapines et capulo retinens, suras et nervos proprii cruris gravi incisione truncat...»
- ³⁶ *Ibid.* «Dux primum, vulneris dolore...coepit corde deficere..Quem principes...ad castra...detulerunt, medicos peritissimos ad sanantes et adhibientes... feram verointer se dividentes...»
- ³⁷ *Le Goff J.* Le désert–forêt dans l'Occident médiéval // *Idem.* L'imaginaire médiéval. P., 1985. P. 59–76. См. рус. пер.: *Ле Гофф Ж.* Пустыня–лес // Он же. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 85–105.
- ³⁸ *Fulcherii Carnotensis Historia Hierosolymitana* / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. Lib. I. Cap. VIII. P. 172: «Ita Bulgarorum regions, per montium praerupta et loca deserta satis, perreximus»
- ³⁹ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum*...P. 235: «Sclavonia etenim est est tellum deserta et invia, et montuosa, ubi nec feras nec volucres per tres hebdomadas vidimus».
- ⁴⁰ *Guillaume de Tyr*. Chronique...Lib. I. Cap. VIII: «Est autem regnum Hungariae paludibus interjectis et magnis fluminibus praecinctum, et inaccessible; ita ut, nisi certis loci, et iis vehementer angustis, volentibus introire vel egredi non pateat introitus vel exitus».
- ⁴¹ *Petri Tudebodi Historia de Hierosolymitano itinere* / Ed. J. H. Hill & L.Hill. P., 1977. P. 33: «Ipse vero statim apprehendi Rusam civitatem et plurima castra. Nos autem qui remansimus exeuntes unde intravimus in diabolicam montaneam, quae tam nimis erat alta atque angusta, quod nullum nostrorum audebat per p.34 tramitem ejus aut per semitam quae in monte patebat ante alium praeire. Illic praecipitabant sese equi, et unus saumerius praecipitabat alium. Milites ergo stabant undique tristes». См. также: *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* / Ed. R. Hill. L., 1962. P. 27.
- ⁴² *Ibid.* P. 34: «Plaudabant manibus prae nimia tristitia atque dolore, dubitantes quod iacere debuissent de semetipsis et de suis armis, vendentes suos clypeos et loricas nimis

optimas, et galeas solummodo per tres aut quinque denarios sive per id quod plus potuerunt habere)

⁴³ Ibid. «Exeuntes igitur; pervenimus ad quamdam civitatem quae vocatur Marasim».

⁴⁴ *Odilo Dogilensis* De Protectione Ludovici VII... Lib. II, col. 1213: «rivis tamen abundant, et fontibus et pratis. Cum transierem regionem istam, aspera mihi montibus videbatur, nunc autem planam iudico respecto Romaniae».

⁴⁵ *Fulcherii Carnotensis* Historia... Lib. I. Cap. VIII. P. 173 «Viderunt cacuminal montium perque transitura errant nubibus fere inserta».

⁴⁶ *Odilo Dogilensis* De Protectione Ludovici VII... Lib.VI. Col. 1235: «Deviavit enim in quaedam concava, offendensque montium scopulos, dum eos circuit vel ascendit, non accedit quo volebat, sed alternis vicibus inferno et sideribus propinquabant...»

⁴⁷ Ibid. Lib.VI. Col. 1237: «Mons erat arduus et saxosus, et nobis erat per clivum ejus ascensus, cujus cacumen nobis veidabatur tangere caeolum, et torrens in valle concave descendere in infernum».

⁴⁸ Ibid. Lib.VI. «Lebantur de rupibus praeruptis summaria, obvios quosque sternentes usque in profundum abyssi. Saxa quoque de locis suis mota stragem suam faciebant, sic dum vias quarentes latissime se sparsissent, omnes lapsum proprium vel aliorum fulminationem timebant...»

⁴⁹ Ibid. Lib.VI. Col. 1234 «Nec pratereundum nos in hac via stupentibus indigenis contra morem tres fluvios facile transvadasse, et unumquamque posit nostrum transitum. Illico pluviis inundasse; inde habebatur pro miraculo contra solitum nobis imbres et hiemem pepercisse.»

⁵⁰ *Radulfi Cadomensis* Gesta Tancredi // RHC. Hist. Occ. P., 1866. T. III. Cap. IV. P. 607: «ad flumen quod Bardal dicitur perducitur. obsistebat eorum transitu fluvius rapax... plurimos terrebat».

⁵¹ *Guillaume de Tyr*. Chronique...Lib. II. Cap. XIII: «Daemonis ad fluvium rapidum tunc venimus omnes, qui ab incolis loci si vocatur et merito. Vidimus enim in illo quamplures de plebem cum vadare pedetentium sperabant, torrentis impetus, quod nullus cementium juvare poterat, mersu repentino perere; quia de re multas ibi lachrymas pietate dimisimus; et, nisi equites cum equis dexterariis opem peditibus ferrent, multitudo maxima simili modo ibi vitam finivisset». См. также: *Fulcherii Carnotensis* Historia...Lib. I. Cap. VI. P. 172; Anon.

⁵² *Raimundi de Aguilers* Historia Francorum...P. 235: «Ob illam reor causam voluit Deus exercitum suum transire per Sclavoniam, apud Scodram venimus; cum eo comes fraternitatem confirmavit, et multa ei tribuit, ut exercitus secure emere et quarere necessaria posset...Venimus Dircahium...»

⁵³ *Fulcherii Carnotensis* Historia... Lib. I. Cap. VIII. P. 172. Примечательно, что и русский путешественник игумен Даниил в своих записках указывает расстояния между городами и островами. См.: Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в нач. XII в. (1113–1115) / Изд. А.С. Норова. СПб, 1861. С.5: «от Цареграда по лукоморью 300 верст... а от Петалы до Константинополя 100 верст...» и т.д.

⁵⁴ *Guillaume de Tyr*. Chronique...Lib. II. Cap. IV: «Inter quas Bulgarorum gens inculta, a tractu Septentrionali egressa, a Danubio usque ad Urbem regiam, et iterum ad eodem flumine ad mare Adriaticum, universas occupaverat regions, ita ut confuses provinciarum nominibus et terminis...totus iste tractus qui in longitudine habere dicitur iter dierum triginta in latitudine vero decem amplius».

⁵⁵ *Odilo Dogilensis* De Profectione Ludovici VII... Lib. II, col. 1212: «Igitur Metis, Wormatia, Wirzeburgis, Ratispona, Patavia civitates opulentissimae tribus dietis a se invicem distant. A postremo nominata quinque dietae sunt usque ad Novam urbem; ab hac, una usque ad portas Hungariae».

⁵⁶ *Odilo Dogilensis* De Profectione Ludovici VII...Lib. II. Cpl. 1212: «Haec ad quintam dietam, primam sed modicam, ex hoc parte Graeciae civitatem Nit ostendit. Nit. Histernit, Philippopolis, Andrianopolis civitates sunt, quatuor dietis ab invicem dessidentes, et ab ultima usque Constantinopolim sunt quinque». По хроникам мы также можем подсчитать, что, например, Готфриду Бульонскому потребовалось почти пять месяцев, чтобы пройти от Мозеля до Константинополя (август–декабрь 1096 г.), что Людовик VII вышел из Меца в июне 1147 г. и только в октябре оказался в Константинополе, что Фридрих Барбаросса во время Третьего крестового похода почти 10 месяцев (май 1189–март 1190) потратил на то, чтобы пройти от Регенсбурга до Дарданелл.

⁵⁷ *Ibid.* Lib. II. Col. 1212: «In his quae scribimus pro exemplo est descriptio probitatum, pro directione itineris nomina civitatum, pro cautela viatici qualitas regionum. Nunquam enim deerunt sancti sepulchri viatores, eruntque, si placet, de nostris eventibus cautiore».

⁵⁸ Так, Петр Тудебод, рассказывая читателям о пути через Балканы, не преминул упомянуть Адрианополь – важный транзитный пункт крестоносцев на пути в Византию, а вслед за ним и другие города Фракии и Македонии, в которых путникам пришлось останавливаться, – Касторию, Пелагонию (*Petri Tudebodi Historia*...P. 16: «Deinde vero descenderunt in vallem de Adrianopolim, illicque applicuerunt expectantes gentem suam, donec omnes aequaliter transfretatu fuissent. Tunc exeuntes, inde venerunt ... de villa in villam, de castelo in castellum, et de civitate in civitatem, quoadusque pervenerunt in Castoriam...egressique de Castoria, intraverunt in Pelagoniam in qua erat quoddam haereticorum castrum»). О них же упоминает Аноним (См.: *Gesta Francorum*...P.8). Фульхерий Шартрский, описавший марш крестоносцев к Константинополю, перечислил многие города Фракии и Македонии – такие, как Лукреция, Битолия, Христополис, Фессалоники, Панадос, Ираклию и др. (*Fulcherii Camotensis Historia*...Lib. I. Cap. VIII. P. 174–175).

⁵⁹ *Petri Tudebodi Historia* de Hierosolymitano itinere ...P. 16: «Omnes igitur transfretaverunt et applicuerunt in Bulgariae partibus. Illicque invenerunt nimiam abundantiam frumenti et vini et alimenti corporis...»

⁶⁰ См.: *Odilo Dogilensis* De Profectione Ludovici VII... Lib. III. Col 1215.

⁶¹ *Guillaume de Tyr*. Chronique...Lib. I Cap. XVIII: «regnum Hungariae paludibus interjectis et magnis fluminibus praecinctum».

⁶² Ibid. «duae fuerant Daciae: Ripensis ividelicet...et Mediterranea...Straliciam, Daciae mediterraneae metropolim egregiam , pervenit»; *Raimundi de Aguilers Historia Hierosolymitana*...P. 235.

⁶³ *Guillaume de Tyr. Chronique*...Lib. I Cap. XVII: «Est autem Dalmatia longe patens region inter Hungariam et Adriaticum mare sita».

⁶⁴ См.: *Fulcherii Carnotensis Historia*...Lib. IX. Cap.I. P.177: «O quanta civitas nobilis et decora! quot monasteria, quot palatia p.178 sunt in ea, opere miro fabrefacta!...taedium est magnum recitare quanta sit ibi bonorum omnium opulencia, auri scilicet, argenti, palliorum multiformium, sanctorumque reliquiarum...»

⁶⁵ *Odilo Dogilensis De Protectione Ludovici VII*... Lib. II. Col. 1211.

⁶⁶ Ibid. Lib. II. Col. 1213: «rivas tamen abundant, et fontibus et pratis».

⁶⁷ Ibid. «caetera omis aqua terrae hujus, lacus sunt et paludes te fonts..excepto Danubio qui...multarum regionum divitias...navigio invehit».

⁶⁸ Ibid. «Hungaria ex haec parte aque lutosus cingitur, ex alia a vero Bogaria amne lucido separator. In medio sui fluvium habet Droam...»

⁶⁹ Ibid. «Bogaria...pratum est nemorosum, vel nemus pabulosum bonis abundant...Non plana jacet, nec montibus asperatur, sed inter colles vineis et segetibus habilis, rivis et fontibus lucidissimus irrigator...».

⁷⁰ Ibid. «Nit, Histernit, Philippopolis, Andrianopolis civitates sunt...Quae interjacent plana sunt, villis et castellis, omnibusque bonis redundantia. Dextra laevaue montes sunt, tam prope ut viedantur, et tam longa ut lata, dives et jucunda planities includatur...»

⁷¹ *Odilo Dogilensis De Protectione Ludovici VII*... Lib. III. Col. 1215: «terramque pulcherrimam et opulentissiam, quae sine interruptione protenditur usque Constantinopolim».

⁷² Ibid. Lib. V. Col. 1221 «Constantinopolis Graecorum gloria, fama dive et rebus ditior, ad formam vel navalis in trigonum ducitur. In interiori angulo Sanctam Sophiam habet, et palatium Constantini, in quo capella est quae sacrosanctis reliquiis honoratur...Ibi palatium, quod dicitur Blachern, fundatur quidem in humili...Exterior ejus pulchritudo fere incomparabilis est, interior vero quidquid de illa dixero superabit...»

⁷³ См. об этом в кн.: *Васильев А.А. Византия и крестоносцы: Эпоха Комнинов и Ангелов. М., 1923.*

⁷⁴ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum*...P. 235: «Incolae regionis adeo agrestes et rudes sunt, ut nec commercium nobis nec ducatum praebere voluerint, sed fugientes de vicis et castellis suis, debiles anus et pauperes infirmos qui a longe prae infirmitate sua sequabantur exercitum nostrum, ac si multum nocuissent; ut pecora trucidabant».

⁷⁵ Ibid: «...ex eis usque ad sex capuit. Quumque propter hoc Sclavi vehementer immineret, et comes sequi exercitum compelletur, erui oculos aliorum, et aliorum pedes abscidi jussit, et nasum et manus aliorum truncare praecepit...»

⁷⁶ *Guillaume de Tyr. Chronique*... Lib. II. Cap. XVI: «Dalmatia ..montibus et sylvis, magnis quoque fluminibus pasuis etiam longe lateque diffusas occupata penitus...»

⁷⁷ Ibid. «Dalmatiapopulo ferocissimo, rapinis et caedibus assueto inhabitata; montibus et sylvis, magnis quoque fluminibus, pascuis etiam longe lateque diffusas occupata

penitus, ita ut raram habeat agrorum culturam; exceptis paucis, qui in oris maritimis habitant, qui, ab aliis et moribus et lingua dissimiles, latinum habent idioma; reliquis sclavonico sermone utentibus et habitu barbarorum».

⁷⁸ *Guillaume de Tyr*. Chronique... Lib. I. Cap. XVII: «vir christianissimus, rex Calemannus qui, cognito praedicti Galteri adventu, et de ejus edoctus proposito, piam illius commendans intentionem, cum benigne admisit, et, transito suis expeditionibus per Hungariam concessio, publicorum commerciorum gratiam non negavit».

⁷⁹ Мы характеризуем здесь отношение крестоносцев не к византийскому императору, а к грекам в целом. Известна антивизантийская направленность хроник Анонима и Рауля Канского, враждебно относившихся к византийскому императору. См.: *Radulfi Cadomensis Gesta Tancredi*...P. 609–613; *Gesta Francorum*...P. 30–40.

⁸⁰ *Odilo Dogilensis De Protectione Ludovici VII*... Lib. VI. Col. 1234: «de navibus escas ad suum libitum charas vendebant, et pauperes in tam longe itinere auro et argento, armis et vesibus spoliabant...»

⁸¹ *Ibid.* Lib. III. Col. 1215: «Graeci autem suas civitates et castella observabant, et per murum funibus venalia submittebant, sed nostrae multitudini non sufficiebat victus tali mora ministramus».

⁸² *Ibid.* Lib. VI. Col. 1234.

⁸³ *Ibid.* Lib. VI. Col. 1232 «et ut sciant posetri Graecorum dolosa facinore, nostra infortunia prosequeremur».

⁸⁴ *Ibid.* Lib. III. Col. 1216: «Ubi cum tabernis insedissent Alemanni, malo auspicio adfuit jocular, qui licet eorum linguam ignoraret, tamen sedit symbolum dedit, bibit, et post longam ingurgitationem, serpentem quem praecantatum in sinu habebat extrahit, et scypho terrae imposito superponit, et sic inter eos quorum mores et linguam nesciebat, caeteris lusibus jocularioris sese frangit...»

⁸⁵ *Ibid.* «Scelusque unius omnibus imputant, dicentes quod eos occidere Graeci veneno volebant...»

⁸⁶ *Ibid.* «Turbatur urbs tumultu suburbii, et dux cum turba suorum ut sedaret turbam foris inermis sed festinus egreditur. Turbatus autem a vino et furore oculus Alemannorum non arma videt, sed cursum. Unde causa pacis accurrentibus occurrunt irati, putantes a se homicidii vindicam exigi. Illi autem fugientes in urbem recepti sunt...»

⁸⁷ См.: *Balard M.* Les Transports des Occidentaux vers les colonies du Levant au Moyen âge // *Maritime Aspects of Navigation* / Ed. K. Friedland (Quellen und Darstellungen zur Hansischen Geschichte. Neue Folge. T. XXXIV. Köln, 1989). P. 4–5; *Richard J.* Le transport d'Outremer des croises et des pelerins (XII–XV ss.) // *Orient et Occident au Moyen âge: contacts et relations (XII–XV ss.)* L., 1976. P. 27–30.

⁸⁸ *Mollat du Jourdain M.* Les problèmes navals de croisade // *Cahiers de civilisation médiévale*. Poitiers, 1967. T. X. № 3–4. P. 360.

⁸⁹ *Mollat du Jourdain M.* Europa und das Meer. München, 1993. S. 240.

⁹⁰ *Jean de sire de Joinville.* Histoire de Saint Louis /Ed. N. de Wailly. P., 1874. P. 127: «cil est bien fol hardis, qui se ose mettre en tel peril atout autrui chedel ou en pechée mortel; car l'on se dort le soir là où on ne sait se l'on on se traouvera ou font de la mer au

matin...) Страх умереть в море усугублялся тем, что в Средние века было распространено представление о том, что утопленники не смогут принять участие в Страшном суде, на котором состоится воскресение плоти, потому что их тела невозможно найти на дне морском. См.: *Mollat du Jourdain M.* Europa und das Meer. München, 1993. S. 244.

⁹¹ [Pseudo-] Brocardus. Directorium ad passgium faciendum // Documents arméniens. P., 1906. Т. 2. P. 411–412 : «Habet enim difficultatem quantum ad (omnes) homines et specialiter quantum ad Gallicos et Teotonicos, qui in mari non fuerint assueti; ad motum enim maris et agitationes varias et procellas nimium affliguntur et efficiuntur sepius sine sensu, ita quod frequenter judicari possunt mortui plusquam vivi. Preter hoc subita mutacio aeris, fetor maris, cibaria insipida atque grossa, aque fetide et corrupte, pressura hominum, strictura loci, suricies leci et cetera (talía multa nimis)...»

⁹² Ibid. P. 412: «Sunt eciam aliquando tempestates incredibiles, insperate, ex quibus sequitur debilitas corporum, defeccio virium, depericio virtutum, fractio animorum, propter que ab impedimento tam sancta vie proposito plurimi retardantur vel a jam incepto foristam revocantur».

⁹³ Peregrinationes tres. Saewulf. Iohannes Wirziburgensis. Theodorus / Ed. R.B.C. Huygens. Turnhout, 1994. P. 61–62: «Modo vos obsecro, omnes amici mei dilectissimi, expanis in altum manibus laudite, iubilare Deo una mecum in voce exultationis, quia fecit mecum in omni itinere meo misericordiam qui potens est : sit nomen eius benedictum ex hoc nunc et usque in saecula...»

⁹⁴ Lettres de Jacques de Vitry / Ed. R.B.C. Huygens. Leiden, 1960. P. 78: «Navem autem sanus et incolumis cum sociis meis et rebus meis salvus ingressus sum; vos autem instanter orate pro me et pro meis, ut deus perducatur nos ad portum Acconensis civitatis».

⁹⁵ Контракты пассажиров с марсельскими судовладельцами сохранились в документах, изданных Бланкаром: *Blancard L.* Documents inédits sur le commerce de Marseille. Marseille, 1885.

⁹⁶ *Balard M.* Op. cit.; *Richard J.* Op. cit.

⁹⁷ *Richard J.* Op. cit.

⁹⁸ Lettres de Jacques de Vitry...P. 77–78: «Quinque loca michi et meis comparavi, scilicet quartam partem castelli superioris, in qua manducarem et in libris meis studerem et de die, nisi cum tempestas esset in mari, manarem; conduxí unam cameram, in qua cum sociis meis de nocte dormirem, conduxí aliam cameram, in qua vestimenta mea reponerem et victualia michi per septimanam necessaria collocarem, conduxí aliam cameram, in qua servi mei iacerent et cibum michi prepararent, conduxí locum alium, in quo equi mei, quod transire feci, reponerentur. In vero navis vinum meum et biscoctum et carnes et alia fere ad tres menses victui meo sufficientia collocari feci...»

⁹⁹ *Jean sire de Joinville*...P. 71 : «Le jour que nous entrâmes dans nos vaisseaux, l'on fit ouvrir la porte du vaisseau, et l'on mit dedans tous nos chevaux que nous devons mener outre-mer; et puis l'on referma la porte et on la loucha bien...»

¹⁰⁰ *Jean sire de Joinville*...P. 126–127: «Notre maître nautonnier cria à ses nautonniers, qui etaient à la proue du vaisseau, et leur dit: «Votre besogne est-elle prête? Et ils

repondirent: «Oui, sire; que les clerics et les prêtres s'avancent». Aussitôt qu'ils furent venus, il leur cria: «Chantez, de par Dieu!». Et ils s'écrièrent tout d'une voix: «Veni, Creator Spiritus!» Et le maître cria à ses nautoniers: «Faites voiles, de par Dieu!»; p. 127 Et en peu de temps le vent frappa sur les voiles, et nous eut enlevé la vue de la terre, tellement que nous ne vîmes que le ciel et l'eau; et chaque jour le vent nous éloigne des pays...»

¹⁰¹ *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana*...P. 675: «Interea frater Regis de Norwegiae, Magnus nomine, in plurimo apparatus, in multa armature, in manu robusta, in buzis sexaginta, in decem milibus virorum pugnatorum, per biennium in circuitu spaciosi maris a regno suo enavigans»

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ *Lettres de Jacques de Vitry*... P.80: «magnum et valde metuendum periculum».

¹⁰⁴ Ibid. P. 81: «Tunc clamor magnus factus est omnium, et lacrimae plorantium et peccata sua confitentium in utraque navi audiebantur».

¹⁰⁵ Ibid. P. 81: «Ex una autem navi mutuo persiliebant in aliam, secundum quod unus nave, alteram credeat fratriem et alius aliam; alii vestimenta sua deponebat et quod habebant in auro et argento, si forte natando evadere possent, sibi alligabant».

¹⁰⁶ Ibid. P. 80: «Ex violentia autem collisionis navis nostra, ad sinistram partem aliquantulum obliquata, ad exteram partem saxum reliquit, navis vero reliqua cum iam vicine scopulo confringenda et submergenda foret, submissis veils et projectis anchoris substitit et quasi miraculose per gratiam Dei evasit illesa».

¹⁰⁷ *Lettres de Jacques de Vitry*...P. 81: «Dominus autem navis nostre volebat omnes paupers de navi nostril eicere et in insula relinquere eo, quod victualium sufficientiam non habebat, ego vero valde supplicabam et quod adhuc misericordiam dei expectaret et paupers mortis periculo non exponeret».

¹⁰⁸ Ibid. «dominus immisit nobis subto tempestatem validam».

¹⁰⁹ Ibid. «Prora autem navis nostre nunc attollebatur ad sidera, nunc in abissum mergebatur».

¹¹⁰ *Lettres de Jacques de Vitry*...P. 82: «Hec autem tempestatas per duos dies et duas noctes continue duravit ita, quod quidam ex nostris, dum ventorum impetum vix possent sustinere, quidam autem per timore mortis non manducabant nec bibebant»

¹¹¹ Ibid. «nullus enim in navi nostra audebatur ignem accendere»

¹¹² Ibid. «Quoniam vero timebamus ne aqua nobis deficeret, linteamina nostra ad pluviam extendebamus ita, quod duplex commodum reportabamus: dum linteamina nostra ablueremus et aquam ablutionis biberemus».

¹¹³ Ibid. P. 82: «multi enim cum lacrimis ad confessionem venerunt, ut per multis annos in peccatis permanserant».

¹¹⁴ «Meractores autem et potentes signum cruces de manu mea receperunt, quibus ad Dominum clamantibus immisit nobis dominus aeris serenitatem et venti commodum...»

¹¹⁵ *Peregrinationes tres. Saewulf. Iohannes Wirziburgensis. Theodorus / Ed. R.B.C. Huygens. Turnhout, 1994. P. 59: «Ill Idus Iulii, hora egyptiaca sicut nobis postmodum evenit: nisi divina nos defenderet clementia, omnes summersi essemus».*

¹¹⁶ Ibid. P. 59: «Postea vero ivimus Brandic ibique iterum die aegyptiaca».

¹¹⁷ Ibid. P. 61: «sed septem noctes tanta tempestate et periculo fuimus devicti, quod fere omni spe evadendi private essemus».

¹¹⁸ Ibid. «Mane quoque surgente sole apparuit etiam litus de potu loppem coram oculis nostris, et quia tanta turbatio periculi nos in desolatione contristavit, gaudium improvisum et desperatum laetitiam in nobis centuplicavit».

¹¹⁹ Ibid. P. 62 : «Nam eadem die qua appulimus quidam dixit michi, ut credo defice: «Domine, hodie litus ascende, ne forte, hac nocte vel diluculo tempestate supervenientes, cras ascendere non possis».

¹²⁰ Ibid. «Me autem ascendente mare turbabatur, crevit commotio et facta est tempestas valida».

¹²¹ Ibid. P. 62: «Dum enim illuc pervenimus, vidimus tempestatem altitudinem superexcellere montium, corpora quidem innumerabilia hominum utriusque sexus summersorum in litore miserrime iacentia aspeximus».

¹²² Ibid. «Sed qui preter rugitum maris et fragorem navium quicquam audire potuit?»

¹²³ Ibid. «Clamorem etenim populi sonitumque omnium turbare excessit».

¹²⁴ Ibid. P. 63: «Non diu illud aspeximus antequam violentis undarum vel fluctuum anchorae lapsere, funes vero rumpebantur, naves autem, severitate undarum laxatae, omni spe evadendi erepta nunc in altum elevatae, nunc in ima detrusae paulatim de profunditate tandem in arenam vel in scopulos proiciebantur; ibi vero de latere in latus miserime collidebantur, ibi minutatim a tempestate dilacerabantur».

¹²⁵ Ibid. P. 63: «qualis oculus intuentium tam durus atque palideus a fletu se posset retinere?»

¹²⁶ Balard M. Op. cit. P.27–39.

¹²⁷ Peregrinatores medii aevi quatuor: Burchardus de Monte Sion, Ricoldus de Monte Crucis, Odiricus de Foro Julii, Willebrandus de Oldenburg. ed. J.C.M. Laurent Leipzig, 1864. В этих записках паломников практически нет описаний пути, но много рассказов о святынях.

¹²⁸ Dufourcq Ch.-E. L'impossible voyage en Terre Sainte // Les croisades. P., 1988. P. 23.

¹²⁹ Mollat du Jourdain M. Op. cit. P. 351

¹³⁰ Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana. Heidelberg, 1913. Lib. III. Cap. LIX, 2. P. 812.

¹³¹ О символических представлениях и страхах, связанных с морем, см.: Mollat du Jourdain M. Europa und das Meer. München, 1993. S. 240–250.

¹³² См.: Continuation de Guillaume de Tyr de 1229 a 1261, dite de Manuscript de Rothelin // RHC. Hist. Occ. P., 1859. T. 2. По существу он представляет собой продолжение хроники Гийома Тирского на старофранцузском языке.

¹³³ Continuation de Guillaume de Tyr de 1229 a 1261...P. 571–572: Li maronnier qui sont saige et pourveant en tiex choses, font, quant il les voient, armer les genz qui sont dedenz les nes et estouper leur oreilles qu'il n'oient goute . En tel maniere pueent traire et lancier d'arconz et d'arbalestes a des, tant que eles sont loing. Et quant eles s'aprouchent et

aerdent es nes, il les pueint ferir de coustiaux et de haichez, et, d'espees et d'autrez arnez».

¹³⁴ Ibid. P. 572: «Caribidis si est unz autrez perilz de la mer. Li ancien dient que ce sont li nombril de la mer, et coumunement l'apele l'en le gouffre. La en droit englout la tere et l'abisme de la mer..car il n'est nule nef ne autre chose terrienne qui aprouchast de la, qui ne fist erraument ravie et partie et perie em cel asorbissement et engloutie ovecques les iaves de la mer en abisme».

¹³⁵ Ibid. P. 572: «Un autre peril a en la mer, car il i a granz roches et hautes, qui aparent par de desus la mer, et en tiez louz i a assez qu'elles n'aperent mie. Quant force de vent mainne la nef cele part, et ele i hurte par aucune aventure, en grant peril est d'affondrez et de pecoier. Aucune foiz est il avenu ou li comonz de la nef devant se lance suer la roche, qui est couverte de la mer, et li autrez comonz demeure et vaucre par mi la mer. En cele maniere perissent les nes, telz foiz est».

¹³⁶ И еще одна большая опасность – это, по словам аббата Ротелена, брызжущие огненными искрами горы, которые извергают сильный огонь и пламя, а затем это пламя возвращается в них через kloкочущие и пылающие пещеры и рвы». Ibid. P. 573: «Un autre peril i a des montaignes qui vouchent et gient honz granz feuz et granz flambes, et apres les ranglidente et retraient a eles dedenz leur cavernes touz boillanz et touz ardanz et dedenz leur fosses...» В этом случае, возможно, имеются в виду извержения вулканов.

¹³⁷ См.: *Olschki L. L'Asia di Marco Polo. 1940; Richard J. L'Extrême Orient légendaire au moyen âge. S. I. 1957.*

¹³⁸ *Historia Hieriosolymitana // Gesta Dei per Francos. Hannover, 1611. Cap. LXXXII. P. 1097: «Nonnulli autem ex his quos animi vanitas, et inconstantiae levitas impellebant, non tam causa devotionis loca Sancta visitui peregre procedebant, quam causam curiositatis et novitatis ad partes sibi incognitas, transmigrabant ut mira et inexpertis stupenda, quae de partibus Orientis audierant, non sine mango labore probarent...».*

С.В. Близнюк

«РЕПОРТАЖ» ИЗ ДАМАСКА И СВЯТОЙ ЗЕМЛИ
ВЕНЕЦИАНЦЕВ ПЬЕТРО КВЕРИНИ, БЕРНАРДИНО
КОРНАРЕТТО И БЕРНАРДИНО КОЛЕ (1588 Г.)*

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится список с манускрипта, являющегося дневником путешествия по Святой земле трех венецианцев: Пьетро Кверини (или Гверини), Бернардино Корнаретто и Бернардино Коле¹. Оригинал рукописи нам найти не удалось². Ее копия, которую мы представляем, происходит из книжного собрания Пьетро ди Бруски³. Копия написана на итальянском языке и сделана не позднее начала XVIII в. В 1727 г. на ее переплете сделана пометка, что некий Johannes Baptista Martinus взял ее почитать (*legere cepi*). В XIX в. рукопись хранилась в библиотеке Бальдассарре Бонкомпаньи в Риме и впервые была описана Энрико Нардуччи в 1862 г.⁴ В 1890 г. она упомянута Р. Рёрихтом⁵ (по каталогу Нардуччи). После этого рукопись «пропала», и более никогда не упоминалась в историографии. На рубеже XIX-XX вв. (после распродажи коллекции Бонкомпаньи) рукопись оказалась в Петербурге и в течение длительного времени, к сожалению, оставалась невостребованной, а потому неизвестной для исторической науки. Судя по всему, копия, хранящаяся в Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, – единственный экземпляр дневника путешествия Пьетро Кверини, Бернардино Корнаретто и Бернардино Коле, дошедшего до наших дней. Таким образом, рукопись сама по себе уникальна. Она содержит много увлекательных, подробных, незаурядных известий о Святой земле XVI в.

Кто конкретно является автором сочинения, сказать невозможно. Повествование ведется от первого лица множественного числа. Венецианцы Пьетро Кверини (или Гверини – Guerini, Querini), Бернардино Корнаретто и Бернардино Коле, от имени которых ведется повествование, проживали какое-то время в Алеппо и называли себя *habitatores* или на итальянский манер *habitanti d'Aleppo*. Все трое, несомненно, принадлежат к одному социальному кругу – кругу крупного венецианского купечества – и являются не только спутниками, но и товарищами и в делах, и в пути. 22 февраля 1588 г. они начинают путешествие из названного города и заканчивают его 30 марта 1588 г. в Триполи Сирийском. Их странствие продолжается 38 дней. Их

* Я благодарю фонд Александра фон Гумбольдта (ФРГ) и Институт Макса Планка по истории европейского права (ФРГ) за оказанную поддержку при работе над данной статьей.

путь идет с севера на юг из Алеппо в Иерусалим и проходит через всю Сирию: Дамаск, Баниас, Галилею, Самарию, Иудею. Назад из Иерусалима путники снова возвращаются в Дамаск. Возвращение венецианцев из Иерусалима в Дамаск лишнее подтверждение тому, что все они являются представителями крупного купечества, и помимо паломнических целей явно имели в Дамаске еще и коммерческие интересы. Из Дамаска путешественники отправляются в Бейрут, а затем в Триполи. Там заканчивается их путешествие и их рассказ. В Триполи путники взошли на корабль и вернулись к себе на родину, в Венецию⁶. Забегая вперед, скажем, что они благополучно добрались до Венеции. В 1604 г. Пьетро Кверини (Гверини) занят своим обычным делом – крупной торговлей. Сохранилось несколько нотариальных документов, согласно которым он является одним из партнеров торговой сделки⁷. Согласно этим же нотариальным актам, представители фамилии Корнаретто также были связаны с крупной торговлей с Сирией⁸. Данные нотариальных актов еще раз подтверждают наше мнение, что путешественники, упомянутые в представляемой рукописи, попали в Святую землю отнюдь не случайно. Это не было простое паломничество ради паломничества. Они совместили свои торговые дела с возможностью совершить паломничество. Кроме того, можно предположить, что в 1588 г. они были еще молодыми людьми. Во всяком случае, Пьетро Кверини будет занят торговлей в Средиземноморье еще по крайней мере шестнадцать лет после путешествия 1588 г. Немалый срок для купца! Путешествие 1588 г., вероятно, было для них одной из первых поездок на Восток. Таким образом, становится вполне понятным их желание увидеть и познать мир, в который они попали. Становится вполне объяснимым тот восторг, с которым они воспринимают все, что их окружает. Все, о чем они пишут, они явно видят в первый раз.

Авторы представляемой рукописи не географы, не филологи, не историки, вообще не исследователи. Они не воспроизводят информацию других более ранних источников, не сверяют свои знания с географическими трактатами. В их сочинении отсутствуют какие бы то ни было следы их гуманистического образования, знаний или интересов. По стилю изложения их повествование напоминает рассказ средневековых паломников. Они пишут, что называется, от души, основываясь на личном опыте, доверяя своим чувствам и интуиции. Сочинение представляет собой путевой дневник, в котором фиксируется каждый день путешествия. По характеру это сборник очерков познавательного характера, предназначенных для приятного чтения, которые можно назвать путеводителем по Святой земле для европейского туриста. Рассказы написаны на простом разговорном итальянском языке и представляют собой очень живые, яркие картины местных деревень, городов, архитектурных памятников, достопримечательностей, природы Сирии, которые будят воображение читателя. Значительное внимание уделяется описанию Дамаска и Иерусалима, где сосредоточены самые

важные святыни, дорогие сердцу любого христианина. Ведь в Святой земле религиозное сознание верующего человека начинало проецировать, вырисовывать библейские образы, памятные события и сюжеты первых веков христианства, знакомые ему с детства по Святому Писанию. Сверяя свои представления о святых местах с этим сакральным путеводителем, верующий странник искаживал из конца в конец Святую землю, добирался до Дамаска и Египта, преодолевал препятствия, отвергая опасности. Странствие трех венецианцев, запечатленное в слове, проникнутое любопытством, восторгом и наполненное эмоциями, – одно из многих сочинений, которое осталось в наследство последующим поколениям. От авторов подобных сочинений вряд ли можно требовать объективности или точности воспроизведения фактов или событий. В то же время каждое из них по-своему оригинально и своеобразно, ибо в каждом заключены глубоко личные чувства, мысли, восприятия, ощущения, пережитые в Святой Земле. Они открывают другую культуру, другой мир, выявляют различия прежде всего для самих себя.

На протяжении всего Средневековья западноевропейские христиане совершали паломничества в Святую землю. Не прервалась эта традиция и в Новое время⁹. Особенно поток паломников увеличился с началом эпохи Крестовых походов и не прекращался практически никогда, о чем мы имеем многочисленные письменные свидетельства: итинерарии, записки путешественников, хроники. После потери Святой земли крестоносцами в 1291 г. европейские паломники отнюдь не перестали отправляться на Восток¹⁰. Серьезные военные конфликты между Египтом и латинскими правителями на Леванте в XIV-XV вв. могли лишь на время приостановить это бесконечное течение паломников к христианским святыням Востока, но не прервать его навсегда. Окончание военных действий и мир с султаном Египта принесли некоторую стабильность в регион и вновь открывали путь христианам на Восток и доступ к церкви Св. Гроба в Иерусалиме¹¹.

В XVI в. после взятия и Святой земли, и Дамаска турками европейские пилигримы не оставили традиции совершать паломничества к святым для христиан местам в Сирии и Египте, а европейские купцы по-прежнему стремились попасть на богатые восточные рынки. Более того, с включением Сирии и Египта в состав Османской империи поток европейских путешествий на Восток значительно возрос¹². Негоциант, как и в Средние века, зачастую выступает в нескольких ипостасях: он и купец, он и паломник, он и дипломат, он и путешественник, он и информатор, он и собиратель реликвий, а с началом эпохи Возрождения еще и коллекционер рукописей, артефактов, предметов античности. Хорошо известно о существовании крупной венецианской колонии в Дамаске в XIV-XV вв., о широкой венецианской торговле в Сирии и Египте в позднее средневековье¹³. Однако, согласно представляемой рукописи, оказывается, что и в XVI в. венецианцы, как прежде, пребывают в Дамаске и имеют там коммерческие дела.

Венецианские купцы и паломники Пьетро Кверини, Бернардино Корнаретто и Бернардино Коле совершенно свободно путешествуют из Алеппо в Иерусалим, из Иерусалима в Триполи. Путешествуют они верхом на лошадях, иногда спешиваются и преодолевают расстояния пешком. Их сопровождают проводники, как правило, венецианцы по происхождению, которые одновременно являются их переводчиками. То, что Кверини и его спутники нуждаются в помощи переводчика, говорит о том, что сами они недостаточно долго проживали на Востоке и не успели освоить местные наречия. По пути путешественники внимательно осматривают достопримечательности этих мест, большие и малые деревни, города, крепости, цистерны для воды, восхищаются сверкающими на солнце мозаиками, с любопытством исследуют руины древнейших христианских церквей, пытаются датировать их основание, с радостью созерцают местную природу: горы, плодородные долины, озера, реки, с восторгом рассказывают о дворцах и садах местных вельмож с затейливыми фонтанами и экзотическими цветами. Такое благодушие в повествованиях паломников в Святую Землю достаточно редко и может исходить только от людей, которые не испытали никаких злоключений в пути. Единственное, что омрачало их обратный путь – это чума. В разных местах Сирии и Палестины: от Иерусалима до Дамаска, и от Дамаска до Бейрута и Триполи, – они отмечают вспышки опасного заболевания. Лишь однажды путники упомянули о сопровождении их турками и турецкой гвардией, к помощи которой они прибегли в районе Назарета. Лишь в этих местах путешествие казалось небезопасным из-за враждебности арабского населения¹⁴. В остальных же местах путников радушно принимали, о чем они сами постоянно говорят. Никто ни разу не причинил им вреда, никто не препятствовал совершению их паломничества. В Дамаске они получили охранные грамоты от правителя города, которые давали им не только возможность совершенно свободно передвигаться по территории турецкого султана, но и в случае необходимости рассчитывать на помощь и поддержку¹⁵. Под конец путешествия, правда, они позволяют себе чуть-чуть пожаловаться на плохие и опасные дороги в Ливанских горах и на условия жизни в Бейруте. Сам факт – весьма примечателен. На протяжении позднего Средневековья Бейрут был одним из важнейших портов и рынков Сирии. В городе находилась одна из крупнейших факторий венецианского купечества на сирийском побережье. В конце XVI в. Кверини и его спутники не встретили ни одного венецианца там, где прежде они бы чувствовали себя почти как дома. Таким образом, путешественники, сами того не желая и не задумываясь об этом, зафиксировали в своих жалобах упадок города и его международного рынка. Упадок Бейрута совпадает по времени с упадком многих некогда процветавших торговых центров Эгеиды¹⁶. Таким образом, из записок о путешествии Кверини следует, что в XVI в. венецианская торговля с Востоком шла не через Бейрут, как раньше, а главным образом через Алеппо и Триполи и замыкалась на Дамаске.

В сирийских городах паломники не раз встречали христиан, как греков, так и латинян, постоянно или долгое время проживавших во владениях османского султана. Среди них, как говорят путешественники, было много христианских купцов¹⁷. Путники вполне могли рассчитывать на помощь последних. Многие христиане прекрасно себя чувствовали в стране султана, вполне там адаптировались, обзавелись имуществом и недвижимостью и проживали в комфортных условиях. И наши путники остановились в Дамаске в доме некоего Бернардо Равачоло, названного в тексте агентом венецианских купцов (*agente de signori mercanti venetiani*). Он ожидал прибытия соотечественников, встретил их и разместил в своем доме. Автор путешествия говорит, что Бернардо был очень добр и любезен с ними¹⁸. Одновременно он стал для них переводчиком и гидом по Дамаску. На обратном пути из Иерусалима они вновь были приняты в этом доме.

Чуть ниже автор с восхищением расскажет о доме Бернардо, который он не без основания назовет дворцом. Особенно же поразил его фонтан: «... в его дворце (*palagio*), – пишет автор, – есть прекрасный фонтан, который рассеивает воду в разные стороны, а потом получается прекрасный бассейн. Ограда дома сделана из великолепного мрамора. Также здесь есть две поляны (*vagli*) и доставляющие наслаждение сады, полные самых разнообразных деревьев и цветов. Около этого фонтана располагаются также несколько комнат (*stanze*), которые венчаются лаврами, по дамасской традиции, и усеяны камнями из порфира и другим великолепным мрамором. Это, действительно, очень роскошно! Поверхность купола украшена голубой майоликой. И каналы этого фонтана разносят воду вдоль стен этого здания»¹⁹.

Итак, путники прибыли из Алеппо в Дамаск на восьмой день своего путешествия. С восторгом рассказывают они, как шли по плодородной и полностью возделанной долине, как преодолели гору и как с ее вершины они увидели красивейший город Дамаск, который предстал пред ними во всем своем величии (*che ci rapresentò molta vaglietta alla vista*), и как обзревали они великолепную и знаменитую долину, в которой лежит город и которая поэтично определена ими как *amenissima*, т.е. ласкающая взор²⁰. Однако не ускользает от их внимания и тот факт, что вся долина процветает благодаря ирригации. Не успели путешественники спуститься с горы, как оказались под сенью чудесного сада с множеством оливковых, фисташковых и фруктовых деревьев. В саду путники увидели настоящее царство фонтанов (*bonissime regne di fontane*), что приносило туда особую свежесть и, наверное, полное ощущение счастья для уставшего с дороги человека.

Путешественники провели в Дамаске три дня. Четвертый день был посвящен осмотру окрестностей. Все это время они вели себя как настоящие туристы, которым интересно все: городские ворота, башни, стены, христианские церкви, мечети, дома, сады, люди и, конечно же, христианские святыни. Каждый день они рано вставали. По возможности посещали утрен-

нюю мессу, хотя и не всегда. А далее отправлялись осматривать достопримечательности города или его окрестностей и предавались удовольствию знакомства с ними до позднего вечера, когда, уставшие и переполненные впечатлениями, они возвращались домой, быстро ужинали и ложились спать, чтобы с рассветом и с новыми силами продолжить свою «экскурсию». В Дамаске они удивительно последовательны в своих действиях. Осмотр начинается с городских ворот и стен. Экскурсия отходит, судя по описаниям, от Восточных ворот Дамаска, от которых «туристы» двигаются по длинной улице, известной еще с античных времен под названием «Прямая улица» (*Vico Recto*), к дому Анания – одного из первых последователей Христа в Дамаске, крестившего апостола Павла. По дороге сопровождающий их венецианец Бернардо Равачало показывает им церковь св. Евангелиста Иоанна, построенную, по его сведениям, по приказу св. Елены и императора Константина. В этот момент автор замечает, что, по словам очевидцев, эта церковь похожа на св. Софию в Константинополе. Из чего следует, что сами путешественники в византийской столице никогда не бывали. На следующий день путники снова заглянут в эту же церковь, и на сей раз отметят, что в настоящее время в ней находится мечеть, по поводу чего они выразили свое сожаление.

Однако главная цель знакомства с городом была связана с историей пребывания в нем апостола Павла. С невероятным вниманием, если не сказать дотошностью, осматривают путники источник, в котором был крещен апостол Павел. Перед их глазами будто оживает вся история от начала до конца. Они свидетельствуют, что это великолепный полноводный источник, вырезанный из мрамора и украшенный мраморными колоннами. Кроме того, он весь покрыт прекрасными росписями. Однако, поскольку сооружение очень древнее, колонны, говорит автор, наполовину ушли в землю. Чуть позже автор напишет, что место, где был крещен Павел, находится в комнате, отделанной мрамором, которая уходит под землю на глубину четырнадцати ступеней. Это было место, почитаемое христианами Дамаска во все времена. Названный баптистерий, согласно сведениям наших путешественников, был расположен почти в центре города. Судя по всему, речь идет о месте, где и сейчас находится часовня св. Анания в Дамаске, которая была построена на месте античного храма, и где собирались первые христиане города.

Побывали паломники и в том месте городской стены, откуда апостолу пришлось бежать от преследований во время своего второго пребывания в Дамаске, когда он был спущен со стены в корзине на веревке²¹. Удивляет, однако, тот факт, что путники почти обходят молчанием известнейший памятник, жемчужину Дамаска – мечеть Омейядов, в которой, как считается по сей день, находится гробница Иоанна Крестителя и к которой, казалось бы, должен стремиться любой паломник. Однако последний факт, видимо, был не столь очевиден для паломников Средневековья и раннего Нового

времени. Наши авторы вспоминают историю Иоанна Крестителя в Галилее, где он был казнен и где изначально было захоронено его тело. Именно эти места и являются для наших паломников святыми, и именно они связаны с жизнью Иоанна Предтечи²². Но не Дамаск! О самой же мечети они говорят, что она находится в центре города, со всех сторон окружена великолепными садами, которые наполнены чудесными ароматами. Авторы признают, что мечеть представляет огромную ценность (*areo Meschite di molto valore*) и с архитектурной, и с финансовой точки зрения. Конечно, невозможно было не заметить и не отметить изящные колонны с позолоченными капителями, которые окружают здание со всех сторон. Однако, с точки зрения наших авторов, эти колонны были позаимствованы из христианских церквей, а наличие у них позолоченных капителей является для них лишним тому доказательством (*che fossero tolte dalle chiese nostre e sanno parimente i capitelli dorati*)²³. Следующей достопримечательностью города является дом пророка Захарии, на месте которого путники также обозревали мечеть, окруженную садом²⁴. Неподалеку от города паломники посетили место убийства Каином своего брата Авеля²⁵.

Венецианские путешественники были радушно приняты правителем Дамаска в его резиденции. Они не могут скрыть восхищения его великолепным дворцом. Аудиенция проходила в присутствии большой свиты в роскошной зале с золотыми и голубыми интерьерами. Гости сидели на небольшой софе, обитой парчой. Но самую большую благодарность выражают они властителю города за охранные грамоты, гарантии безопасности на всей территории султана до конца их путешествия. Эти письма, как представляется, давали чувство уверенности, защищали от опасности одним своим существованием, вселяли надежды и открывали горизонты, столь манящие и столь привлекательные своей неизвестностью и неопознанностью. Эти письма были способны погасить разного рода страхи и притупить чувство опасности в душе паломников, которые, несомненно, существовали и сопровождали их повсюду. Однако в нашем случае мы не наблюдаем какого-то безотчетного страха европейца перед человеком другой веры, чуждой по культуре и традициям. Нет особого отторжения или неприятия чужого. Скорее наоборот. Чужая культура, быт, искусство вызывают неподдельный интерес и разжигают любопытство. Особое впечатление на путников производят сады с цитрусовыми, оливковыми, фисташковыми деревьями, с экзотическими цветами, источающими тонкие и дурманящие ароматы, с многочисленными фонтанами, приносящими столь желанную прохладу и свежесть. В тени этих райских садов путники отдыхали и душой и телом, забывая о религиозных различиях, межэтнических разногласиях, опасностях. Хотя все мусульмане для наших путешественников были как бы «на одно лицо». Все они называются турками, однако без каких-либо негативных эпитетов. Наши путешественники-христиане понимают и признают, что и «турки» могут совершать паломничества, в их случае в Мекку.

Таких турок наши путешественники так же, как и себя, называют пилигримами²⁶. Более того, венецианцы по пути сами останавливались на турецких постоянных дворах, созданных специально для паломников: «Вечером мы добрались до постоянного двора [...], рассчитанного на много мест, и там была прекрасная мечеть для паломников // и множество комнат... и в этом месте мы заночевали²⁷».

Не обходится рассказ паломников и без создания легенд. Все, что непонятно, неизвестно, приобретает порой весьма причудливые формы. Так, в интерпретации венецианских путешественников друзья оказываются потомками франков-крестоносцев, которые поселились на Востоке, женились и остались там после потери латинянами Святой земли. Кладбище друзей путники видели неподалеку от Дамаска. Автор дневника вспомнил также, что поселения друзей существовали около Бейрута. (Это соответствует действительности.) Однако здесь же автор говорит, что на горе около Бейрута они совершили множество убийств²⁸, видимо, путая их с ассасинами. В конце путешествия путники действительно встретились с друзьями, проживавшими в районе Бейрута. От них не ускользнула этнографическая самобытность этого народа, его обособленность, замкнутость дружеской общины, которую они почувствовали скорее интуитивно. Однако и тогда, согласно своим прежним представлениям, они назвали друзей потомками франков: «эти люди, называемые друзьями, происходят от французов и живут по собственным законам»²⁹. Чуть позже путники обозревали замок правителя друзей. То, что последний (потомок франков, латинянин!) на восточный манер назвался эмиром, ничуть не смутило европейских путешественников: «...замок главы друзей, и названный господин называется эмиром; это высокий титул сеньора на турецком языке»³⁰.

Через четыре дня, насладившись Дамаском, путники отправились в Иерусалим. Они вышли к Иордану. Затем их путь пролегал вдоль берега реки через Галилею и Иудею. На восемнадцатый день от начала путешествия они прибыли в Святой город. Трудно передать чувства, которые охватили их при виде Иерусалима. С трепетом, с замиранием сердца, с благоговением смотрели они с горы на великий и священный город. Цель жизни была достигнута. Главное событие произошло. Они свершили богоугодное дело. Они достигли колыбели христианства. Они могут поклониться Гробу Господню и получить полное отпущение грехов (*indulgenza plenaria*). Для верующего человека большего счастья, наверное, не существовало. Пишут они буквально следующее: «При виде святейшего города Иерусалима тот час же, как только мы его увидели, мы с бесконечной радостью опустились на колени и многократно целовали эту Святую землю и произносили молитвы и гимны "Te Deum laudamus" и „Urbs beata Jerusalem“». Счастье было столь велико, что все житейские проблемы меркли, отступали на задний план. Даже турецкие солдаты, стоявшие у ворот города и собиравшие по 2 цехина с каждого входящего, не вызывают у путников каких-то

негативных чувств. Принимают путешественников братья францисканцы в монастыре Сан Сальваторе. Братья же приставляют к ним переводчика и сопровождающего по городу и его окрестностям.

На следующий день, как положено, начался осмотр города и окрестностей, который продолжится несколько дней. На каждой улице, в каждом доме, в каждой церкви вставали перед счастливыми паломниками библейские образы, снова и снова рисовались перед глазами библейские истории. Они шли будто бы по знакомым с детства местам: дворец Понтия Пилата, Голгофа, храм Гроба Господня, храм Соломона, дом родителей Девы Марии, пещера и храм Богородицы, Масличная гора, Долина Иосафата, Гефсиманский сад, Елеонская гора, г. Сион, Вифлеем и многие другие святые места, которые посещали и посещают все паломники на протяжении вот уже многих и многих веков. Наши венецианцы тоже не исключение. Они прошли по тем же маршрутам, по которым ходили их предки и по которым пойдут их потомки.

Иерусалим был поистине городом мира, куда в XVI в., как и в прежние времена, шли и шли христианские паломники из разных концов Европы. Здесь они встречались друг с другом, знакомились, делились впечатлениями и, конечно, помогали друг другу. Наши венецианцы были, видимо, весьма общительными и заметными личностями среди разноязычной массы паломников. В 1585–1589 гг. паломничество в Иерусалим совершал еще один европеец – Самуэль Кихель из Ульма. Удивительно, что в Иерусалиме он не только встретил и познакомился с Пьетро Кверини (Гверини) и Бернардино Корнаретто, но и написал об этой встрече в записках о своем путешествии. Видимо, встреча с венецианцами стала поистине незабываемой. От них он узнал подробный маршрут их следования: Алеппо, Дамаск, Галилея, Самария, Иудея, Иерусалим. (Маршрут полностью совпадает с описанием самого Кверини и его спутников). Немецкий паломник был также хорошо осведомлен, что в обратный путь венецианцы снова пойдут через Дамаск. Кроме того, Самуэль Кихель сообщает любопытные детали о путешествии венецианцев, о чем сами они умалчивают. Например то, что каждого из названных венецианцев сопровождал слуга. Кихель также сообщает, что в Иерусалиме находился венецианский консул. Т.е. венецианцы были частыми гостями в Иерусалиме, ибо венецианская администрация в восточных центрах появлялась только тогда, когда там концентрировалось значительное число граждан республики св. Марка. Из рассказа Кихеля также становится очевидным, что венецианский консул обладал достаточным авторитетом у местных властей. Именно он помог немецким паломникам получить некую бумагу, названную им «паспортом», с которым можно было более свободно передвигаться по турецкой территории. В этот «паспорт» были вписаны все имена немецких путешественников и внесена вся необходимая о них информация (в частности то, что они являются купцами). Кихель свидетельствует также, что, путешествуя с венецианскими

купцами, он себя чувствовал более уверенно³¹. Между тем, рассказ Кихеля вызывает много вопросов. Прежде всего, из других источников нам ничего неизвестно о существовании венецианского консула в Иерусалиме. Сам Кверини и его спутники были приняты в городе не венецианским консулом, что было бы логично, а францисканцами. О встрече в Иерусалиме с консулом автор нашего путешествия не говорит ни слова. Скорее всего, немецкий паломник принял за консула какого-то другого, вероятно, весьма солидного и авторитетного венецианца, который действительно помог ему получить от местных властей необходимую охранную грамоту и защиту. Столь «важный» человек и стал для Кихеля венецианским консулом. Ошибочное свидетельство немецкого паломника еще раз предупреждает современного исследователя об осторожности при работе с такими источниками, как записки путешественников и итинерарии. Вполне естественно, что человек, попавший в совершенно незнакомые ему условия, не владевший местными языками, не мог быстро разобраться в происходящем. Вполне естественно, что он может путать понятия, искажать факты, принимать желаемое за действительное. Именно это, как представляется, и происходит в рассказе немецкого паломника Самуэля Кихеля о присутствии венецианского консула в Иерусалиме.

Все паломники в Святой земле испытывали приблизительно одинаковые чувства. Лишь с разной степенью выразительности они могли их описать и передать. Но независимо от литературно-художественных талантов авторов все их тексты переполнены эмоциями, энергией чувств и переживаний. Именно своей эмоциональностью, психологичностью и интересны для современно исследователя сочинения подобного рода. Географические, топографические, исторические или любые другие данные это не просто география или история. Итинерарии и записки путешественников не сообщают, как правило, новых фактов; достоверность их сведений тоже бывает весьма сомнительна. Однако в них очень зримо выстраивается образ мира, времени, пространства. Во время путешествий формируется картина мира, происходит его осмысление, создание стереотипов и психологическое восприятие окружающей среды. (В нашем случае рисуется радостный, позитивный, оптимистичный образ). На практике постижение мира во время путешествий приводит к желанию поделиться своими знаниями и чувствами с современниками на страницах своих сочинений, еще раз вспомнить и пережить увиденное и познанное, чтобы увлечь и позвать за собой. Авторы путешествий как бы расширяют круг земной и для себя и для своих современников. От большинства подобных сочинений исходит удивительная энергетика чувств. Все паломники: будь то паломник-монах, паломник-рыцарь, паломник-купец или паломник-дипломат, – предшественники современных туристов, которых манит мир своей красотой, своей многогранностью и разнообразием, своей непознанностью и неизведанностью. Однако все перечисленные паломники-туристы ограничены в своем позна-

нии и в ориентации в этом мире и пространстве. Почему? Потому что эти ограничения изначально обуславливаются целями путешествия – путешествия-паломничества – и религиозным сознанием. Поэтому мир и «круг земной» на уровне подсознания всегда встраивается в библейскую рамку. Все увиденное и услышанное пропускается через религиозное восприятие и сопоставляется с библейскими представлениями. Только так рождается образ мира и только таким он представляется читателю или слушателю и Средневековья, и раннего Нового времени.

¹ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. // «Copia del viaggio fatto d'Aleppo di Soria in Gerusalemme con il ritorno per Tripoli di Soria del signor Pietro Guerini, del signor Bernardino Comaretto e di messir Bernardino Cole, veneziani».

² Я благодарю профессора П. Шрайнера за ценные консультации и огромную помощь в поиске следов названной рукописи в собраниях Рима и Венеции.

³ Пьетро ди Бруски, вероятно, является представителем известной фамилии Бруски. В середине XV в. Бруски организовали типографию в области Эмилия. Прославились как перовпечатники, торговцы и собиратели книг в Италии // *Dizionario biografico italiano*.

⁴ *Catalogo di manoscritti ora posseduti da D. Baldassarre Boncompagni compilato da Enrico Narducci*. Roma, 1862 (seconda edizione: Roma, 1892).

⁵ *Röhrich R. Bibliotheca geographica Palaestinae: chronologisches Verzeichniss der auf die Geographie des Heiligen Landes bezüglichen Literatur von 333 bis 1878; und Versuch einer Cartographie*. Berlin: Reuther, 1890.

⁶ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 10r.

⁷ *Naufrages, corsaires et Assurances maritimes à Venise (1592-1609)* / ed. A. Tenenti, G.A. Catti, A. Spinelli. Paris, 1959. P. 412.

⁸ *Ibidem*. P. 141.

⁹ *Röhrich R. Bibliotheca geographica Palaestinae...* Berlin, 1890.

¹⁰ *Jacoby D. Pèlerinage médiéval et sanctuaires de Terre Sainte...* P. 36, 38, 40, 43-45: Путевые записки итальянских путешественников XIV в. Пер. Н.В. Котрелева // Восток-Запад. Исследования, переводы, публикации. М., 1982; «Le voyage d'Outremer» de Bertrandon de La Broquière / ed. Scheffer Ch. Paris, 1892. P. 55; Malamut É. *Travelers in the Aegean Islands from the Twelfth to the Sixteenth Century* // *The Greek Islands and the Sea*. Ed. by J. Chrisostomides, Ch. Dendrinos, J. Harris. L: Porphyrogenitus, 2004. P. 181–197.

¹¹ *Ashtor E. Levant Trade*. P. 102. n. 200.

¹² *Ebersolt J. Constantinople et les voyageurs du Levant*. Paris, 1918; *Malamut É. Travelers in the Aegean Islands...* P. 182–183.

¹³ *Bliznyuk S. Che bello vivere a Oriente. Il commercio alla veneziana a Cipro e Damasco nella metà del XV secolo* // *Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII-XV secolo)*. Venezia 2002, 349–363; *Ashtor E. Levant Trade in the Later Middle Ages*. Princeton Univ. Press, 1983. P. 282–289.

¹⁴ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 37r. – «andammo al camino di Nasaret havendo con esso noi solo dieci Turchi per nostra sicurezza et guardia contro degli Arabi». («... мы пошли

по узкому ущелью около Назарета, имея при себе всего лишь десять турок, необходимых для нашей же безопасности, и гвардии против арабов»).

¹⁵ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 10r.

¹⁶ *Malamut É.* Travellers in the Aegean Islands... P. 197.

¹⁷ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 3v, 5r, 6v, 8r, 10v, 12v.

¹⁸ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 6v.

¹⁹ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 10v-11r.

²⁰ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 6v.

²¹ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 8v.

²² ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 18 r-v

²³ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 9r.

²⁴ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 8r.

²⁵ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 12v.

²⁶ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 9r.

²⁷ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 39r-v. «Alla sera giungemmo al Cave di [J]etra molto letto, con una bellissima Meschita per i peregrini // con molte stanze... et in detto luogo alloggiamo la notte».

²⁸ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 6v-7r.

²⁹ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 41v. – «...certi popoli, chiamati Drusi, iquali derivano da Francesi et vivono sotto una legge à modo loro...»

³⁰ ГПБ. Итал. IV. Q. N. 21. f. 43v. – «...un castello del capo de Drusi, et il detto ser capo è chiamato Hemir, ilqual è titolo grande di signore in lingua Turchica».

³¹ Die reisen des Samuel Kiechel aus drei Handschriften herausgegeben / K.D. Haszler. Stuttgart, 1866. S. 270.

А.П.Черных

ГЕРБОВНИКИ XIII–XIV ВВ. КАК ПАМЯТНИКИ ПОХОДОВ И ПУТЕШЕСТВИЙ

Обычно гербовники представляются отражением стабильно существующей общественной группы, и связь этого рода памятников с путешествиями может показаться несколько неожиданной. Действительно, гербовники по сути своей статичны – они фиксируют одномоментное состояние, и категория времени, столь характерная для путешествий или походов, в них принципиально отсутствует. Критерии того, что считать путешествием, многообразны, но если предположить в качестве основного перемещение в пространстве с определенной целью, то и такой, казалось бы, далекий от жанра путешествий источник как средневековый сборник гербов, может представлять интерес. Известно, что гербовники по типам достаточно неоднородны, и некоторые из них могут отметить если не сам процесс, то нечто другое, возможно, к путешествию относящееся. Существует среда, в которой путешествие совершается; при этом подразумевается не ландшафт, а совокупность участников предприятия, то есть среда социальная. Внимание составителей гербовников было сосредоточено на участниках похода, и многие из этих памятников, таким образом, оставляют впечатление результата, желанного итога путешествия. Иногда результат оказывается для участников очень приятным, отмечающим их возведение в рыцарское достоинство, или же, если речь идет о списке павших во время похода или осады, печальным, но оттого не менее почетным.

Сохранился, начиная с середины XIII в., целый ряд геральдических свидетельств о таких «путешествиях».

Один из известнейших гербовников Средневековья и, безусловно, XIII в. – Гербовник Биго (*Rôle d'armes Bigot*), составленный «по случаю» военного похода, имел ранее название Гербовник похода в Эно (*Rôle d'armes de l'ost de Hainaut*)¹. Первый поход состоялся в январе, второй в мае-июне 1254 г. Карл, граф Анжуйский, Мэнский и Прованский, брат короля Франции Людовика IX, отправился из Анжу в Эно с целью отстоять свои права на эту область (в действительности его призвала на помощь графиня Маргарита Фландрская, даровав ему титул графа Эно). Ему взяли в этом помочь и отправились в поход сеньоры из Северной Франции, Бельгии, Фландрии, Люксембурга и других близлежащих областей; особенную активность – их большинство – проявили сеньоры из Мэна и Брабанта. В гербовнике присутствуют также земельные гербы Саксонии, Гелдерна. По результатам похода оказался не более чем демонстрацией силы, но гербовник, представляющий собой список личных гербов соратников графа, составленный в 1254–1255 гг. на пикардийском диалекте старофранцузского языка, насчи-

тывает 303 блазона (вербальных эквивалента герба). Удастся, правда, идентифицировать лишь 288 участников; из них 131 баннерет и 157 башелье. Баннереты (фр. *banneref*), рыцари XII–XV вв. с правом ношения собственного знамени (*bannière*) и командования неким количеством воинов, аналогичные пиренейским сеньорам «с правом знамени и котла» (*pendom y caldera*), геральдизированы по определению и в большей степени, чем другие. Что же касается башелье (фр. *bachelier*), воинов, не имевших полного статуса рыцаря и занимавших промежуточное положение между баннеретом и экойе, то уровень геральдизации этой категории знати неясен. Можно предположить, что их число в войске в действительности оказывалось намного выше, чем баннеретов, но неизвестно, все ли они отправились в поход, все ли они обладали гербами. Вероятно, это самый старый из известных французских гербовников «по случаю». При том, что оригинал в виде свитка не сохранился и гербовник известен по копии XVII в., в полноте которой есть сомнения, список мог оказаться и больше.

Гербовник похода на Плоэрмель (*Rôle d'armes de l'ost de Ploërmel*) отразил блазоны 30 гербов рыцарей, участников похода герцога Бретонского Жана II на город Плоэрмель в Бретани в августе 1294 г. Прибыв на место, они устроили, в соответствии с рыцарскими обычаями, турнир, и поэтому иногда этот гербовник рассматривается как турнирный. Турнирных гербовников известно немало, но в данном случае они оказываются вне рассмотрения, поскольку путешествие на турнир – преимущественно индивидуально, а я стараюсь сосредоточиться исключительно на коллективах путешественников, пусть временных, но связанных некоей общей целью. Оригиналы этого гербовника не сохранились, он известен по копиям. К сожалению, цели составления копий могли несколько отличаться от целей составления оригинала, но с этим придется смириться, ибо многие гербовники в подлиннике до нас не дошли.

Если оба названных памятника были собранием лишь блазонов, то Гербовник фландрского похода (*Armorial de l'ost de Flandres*), в который вошли участники похода французского короля Филиппа IV Красивого во Фландрию в июне 1297 г., составлен из цветных эскизов и дополнительно снабжен блазонами 156 (147) гербов. Он был создан или накануне похода, или сразу же после него. Оригиналы, выполненный в виде свитка, не сохранился; известны многочисленные копии текста и иллюстраций².

Немало подобных гербовников оставили англо-шотландские войны. В 1298 г. король Англии Эдуард I отправился в поход в Шотландию и 22 июля 1298 г. его армия в битве при Фолкирке одержала победу над войсками шотландцев под предводительством У. Уоллеса. По этому «случаю» на англо-нормандском языке были перечислены 115 блазонов гербов: короля Англии, принцев и 112 английских рыцарей-баннеретов, участвовавших в битве на стороне Эдуарда I. Вместе с королем в походе участвовали 13 графов и епископ Антони Бек³. Этот список известен как Фолкиркий гер-

бовник (*Falkirk Roll*). Оригинал 1298 г. утрачен, и наиболее ранняя его копия относится к XVI в. В 1300 г. англичане вновь направились в летний поход в Шотландию, осадили и взяли шотландский замок Кэрлаверок в Дамфри (Гэллоуэй) в июле того же года. В связи с этим Уолтером Эксетером по свежим следам была написана поэма из 956 рифмованных строк, содержащих блазоны на старофранцузском языке, которая наряду с поэтическими и историческими достоинствами представляет собой вторичный блазонный гербовник, «Поэму об осаде Кэрлаверока» (*The Caerlaverock Poem*). Гербовник содержит 106 блазонов участников осады, англичан и французов (иногда возникают разночтения в цифрах 105/106 из-за того, что два последних блазона – гербы братьев, о втором из которых сказано, что у него тот же герб, что и у брата). Свидетельств о практическом использовании этого текста в качестве гербовника не известно. Он, в отличие от многих других, сохранился в оригинале⁴. Текст его оставляет впечатление, что список блазонов осаждавших – одна из основных целей создания памятника. Летом того же 1300 г. рыцари-баннереты Эдуарда I по результатам военных походов на полуостров Гэллоуэй в Шотландии вошли в примерно тогда же составленный блазонный Гэллоуэйский Гербовник (*Galloway Roll*). В оригинале, известном по копии 1534 г., в нем было 252 (по другим данным 259 или 261) блазона.

В ходе Первой шотландской войны за независимость 30 мая 1304 г. 102 рыцаря во главе с Эдуардом I подошли к замку Стирлинг в Шотландии и осадили его. Графов (эрлов) в походе и осаде участвовало двое⁵; прочие сто человек – нетитулованная на тот момент знать. Это не значит, что она такой осталась впоследствии: в памятнике зафиксированы весьма известные фамилии⁶. В военной экспедиции участвовали отцы с сыновьями, братья, что отражено и в блазонах, и в пометках к ним. По результатам этого путешествия они составили сохранившийся в оригинале блазонный Стирлингский гербовник (*Stirling Roll*) «по случаю», отразивший их славное деяние. Все эти памятники близки и по структуре, и по составу участников.

Позднее, в 1322 г. 214 рыцарей, сторонников короля Англии Эдуарда II, вынуждены были совершить военную экспедицию в Йоркшир в связи с восстанием мелкой знати под предводительством графов Херефорда и Ланкастера. 27(16) марта 1322 г. во время битвы мятежники отступили перед королевскими войсками, во время переправы через мост в Боробридже были захвачены врасплох другим отрядом и в итоге обратились в бегство. Херефорд был убит, Ланкастер с несколькими сотнями баронов и рыцарей сдался и был казнен. Чтобы отметить этот успешный по результатам поход, в 1322 г. был составлен блазонный Боробриджский Гербовник (*Boroughbridge Roll*) «по случаю», содержащий 214 блазонов. К гербовникам, созданным в связи с военными походами, относится и Карлайлский гербовник (*Carlisle roll*). Одновременно рисованный и блазонный, он содержит 277 гербов и блазонов рыцарей, составлявших свиту (авангард войска) англий-

ского короля Эдуарда III во время его похода к г. Карлайл 12 июля 1334 г. во время Второй шотландской войны за независимость.

На континенте, судя по гербовникам, традиционным маршрутом своеобразных путешествий была дорога из Германии в Италию. В 1310 г. император Генрих VII во главе пятитысячного войска совершил одно из таких путешествий германских императоров в Италию, встречался с папой Климентом V в замке Риволи под Туринном. Его сопровождали 33 крупных вассала и духовные лица. Возможно, этот список путешественников был известен принимавшей стороне заранее (во всяком случае, если не лиц, то должностей и территорий) и для достойного приема в 1310 г. был создан стеновой рисованный Гербовник Риволи (*итал. Il ruolo d'armi di Rivoli; нем. Wappen von Rivoli; фр. Rôle de Rivoli*). Таким образом, он тоже является гербовником «по случаю» и состоит из 246 гербов. Та часть замка, где он находился, не сохранилась, она была разрушена в 1600 г. Как выглядели в деталях эти гербы, в каком порядке они были расположены, сегодня неизвестно – гербовник дошел лишь в блазонной (т.е. без рисунков) копии 1450 г. Генрих VII 6 января 1311 г. был коронован в Милане Железной короной и потом в Риме императорской (29.06.1312 г.), его сопровождало значительное число лиц, его вассалов из Франш-Конте, Савойи и Нидерландов. Возможно, именно их участие в этих перемещениях зафиксировал список 119 блазонов их гербов на старофранцузском языке, составляющий Туринский гербовник (*итал. Il ruolo d'armi di Torino; нем. Turiner Wappenbuch; фр. Rôle de Turin*)⁷. Итальянские путешествия германских императоров находили свое отражение и в других гербовниках. Так, по повелению Бодуэна (Балдуина) Люксембургского, архиепископа Трирского ок. 1345 г. было составлено описание путешествия императора Генриха VII в Рим, о котором уже шла речь. Оно снабжено рисунками повторяющихся 57 гербов и представляет собой вторичный рисованный гербовник, известный как [Гербовник] путешествия в Рим императора Генриха VII (*Voyage à Rome de l'empereur Henri VII*). Он расположен на лицевой стороне кодекса. На оборотной стороне находится другой гербовник, известный как Гербовник горожан курфюршества Трирского (*Armorial des Bourgeois de l'Électorat de Trèves*). Он содержит 258 упорядоченных по местностям изображений гербов и знамен упоминаемых участников путешествия и горожан архиепископства Трирского.

Как известно, не все военные путешествия оканчиваются победными реляциями. Существует, например Гербовник фламандской знати 1322 (*Rôle d'armes de 1322*; он известен также как *Noms de nobles de Flandres u Louis de Nevers l'an 1322*), составленный после 1346 г. Он содержит блазоны фламандской знати времени графа Людовика Неверского (1322–1346 гг.), предположительно рыцарей, погибших при Креси в 1346 г.⁸ Близок с этой точки зрения к нему и рисованный Третий гербовник Кале (*англ. Third Calais Roll; фр. Troisième Rôle de Calais*, встречается в литературе также

под названиями *Roll Calais Knights*, *Calais Bannerets*). Его оригинал составлен ок. 1348 г. и содержит изображения 24 гербовых щитов погибших под стенами Кале во время его осады в 1345–1348 гг.⁹ С Кале, возможно, связан и Гербовник Стайурда (*Styward's roll*, *Styward Roll of Arms*). Он выполнен в 1370 г. и содержит 135 (в другой копии 157) рисованных гербовых щитов с именами над щитами. В отношении Гербовника Стайурда существует предположение Р. Гринстрита, что это гербы возведенных в рыцарское достоинство английским королем Эдуардом III при капитуляции Кале в 1348 г.¹⁰

Классический пример гербовника, обязанного своим появлением военным экспедициям – рисованный Гербовник фризского похода (*нем. Teilnehmer am Friesenzug nach Kuinre*, *фр. Rôle de la campagne de Frise*), составленный в 1396 г. Он содержит изображения 406 гербов участников похода Альберта Баварского против фризов (гербы из Эно, Баварии, Фландрии и других областей)¹¹. К военным походам можно отнести и вторичный Гербовник Гримбергской войны (*Grimbergse Oorlog*) 1357 г., содержащий 91 блазон. Основа его – одноименная рифмованная хроника на нидерландском языке, рассказывающая о событиях феодальной войны 1139–1159 гг. между герцогом Брабантским и Берто (Бертольдом), сеньором Гримберга и Мехелена (Малина). Война состояла из ряда походов, в ходе которых герцог Брабантский разрушил и сжег замок Гримберген. В тексте приведены блазоны гербов (и, кстати, боевые кличи¹²) обеих сторон – и участников похода, и их противников, как правило, в ситуациях взаимного противостояния. Текст поэмы известен по копии XVI в.¹³ Среди рассматриваемых памятников отразилась и одна достаточно любопытная ситуация – список пленных, которые, вероятно, должны заплатить выкуп. Это рисованный список отправившихся в путешествие германских рыцарей, принимавших участие в распрях фамилии Гонзага в Италии, взятых в плен и отпущенных под честное слово. Это включающий 106 гербов Гербовник германских рыцарей в Италии (*Wappenurkunden deutscher Ritter in Italien*), сохранившийся в оригинале¹⁴. Он составлен в 1361 г. и состоит из двух документов: от 12 ноября и от 29 декабря 1361 г.

Существовал еще гербовник-свидетельство вынужденного путешествия. Речь идет о Гербовнике родов Майнца (*нем. Wappenschilder Mainzer Geschlechter*; *фр. Armorial des familles de Mayence*). Этот рисованный гербовник на 68 листах содержал 107 гербов (и 22 пустых щита) патрицианских семей Майнца, изгнанных в 1322 г. и впоследствии реабилитированных. Когда он был составлен – не вполне понятно: может быть после изгнания 1332 г., а возможно и по возвращении в 1350 г. По отношению к сведениям об этом гербовнике допустимо только прошедшее время, поскольку оригинал, хранившийся в архиве в Дармштадте, погиб во время Второй мировой войны.

Среди не столь уж многочисленных геральдических памятников было бы несправедливым обойти молчанием построенный по совершенно другому принципу вторичный гербовник, известный как Книга всех королевств и земель (*Libro del conocimiento de todos los reinos y tierras y señoríos que son por el mundo, et de las señales que han; Viaje del mundo con las Armas de todos sus Reynos*)¹⁵, составленный безымянным кастильским францисканцем в 1350–1360 гг.; возможно после 1376 г.¹⁶ Книга состоит из главок, посвященных определенной территории, которую предположительно посетил автор, с обязательным описанием ее гербов в знаменной форме. Текст выстроен по общей схеме: географическая локализация страны, краткое перечисление рек и городов, а затем обязательное сообщение, что сеньор этого места имеет «знаками зная» (*á por señales un pendón*)¹⁷ – и далее следует геральдическое описание, сопровождавшееся в оригинале (судя по тексту), рисунком. При этом описание гербов занимает, как правило, почти половину объема текста, отведенного для описания земли или королевства и представляет собой, на мой взгляд, скорее геральдическое, чем географическое описание путешествия. В любом случае эта часть географического знания представлялась автору очень важной. Неизвестно, отправлялся он в путь в действительности (хотя сам автор уверяет, что путешествовал), или его произведение является обобщением существовавших географических (или геральдических) знаний. Эти сомнения могут иметь смысл применительно только к европейскому региону, а что касается более далеких стран, то это руководство к путешествиям исключительно ментальное, о чем говорит большое количество примеров воображаемой геральдики. Чем дальше от Западной Европы удаляется автор итинерария, тем фантастичнее и страны, и их гербы. Если королевство Гранада обозначено в красном поле золотой арабской надписью (что более чем правдоподобно), королевство Марокко обозначено шахматной доской в красном поле; если не вызывают особых возражений гербы королей Сирии, Александрии, Мекки (аналогичен гербу Гранады), интересны гербы, атрибутируемые государствам в Малой Азии, в частности герб императора Трапезунда с золотым двуглавым орлом в красном поле, то уже далекая Польша представлена в зеленом поле красной розой; не с чем сравнить приводимые гербы африканских королевств Сахары, Нубии, императора Мадагаскара, Пресвитера Иоанна с подобием черного голгофского креста в серебряном поле, мало гербов при описаниях государств Индии и Китая. Оригинал утрачен, наиболее ранняя копия этого гербовника, т.н. рукопись Z, относится к XV в.¹⁸; известны также еще три копии¹⁹. Разные копии содержат составленное по этому тексту приложение с изображением разного количества гербов (95, 35 и 17), к тому же различающихся по рисункам. Можно только добавить, что аноним-францисканец находился вне всяких современных ему геральдических традиций и правил и описывал гербы, что называется, своими словами.

Выходя за обозначенную хронологию примеров, следует отметить, что в XV в. жанр гербовников, связанных с путешествиями, не исчез, но количественно заметно сократился и представлен немногочисленными памятниками. Среди них – Горинхенский гербовник 1402 г., восходящий к традиции гербовников, обязанных своим появлением военным походам и осадам. Это гербовник участников военной экспедиции и осады замка Горинхен на севере Брабанта, содержащий 122 герба знати (герцогов, графов и рыцарей) из Северной Франции, голландских и фламандских рыцарей и 3 знамени (Лихтенбергов, Хеннебергов и Клеве). Таков же очень неполный, с перепутанными блазонами и легендами, рисованный Гербовник осады замка Гаспард (*фр. Armorial du siège de Gaspard*) 1405 г. с его 84 (по другим данным – 77) изображениями гербовых щитов в цвете. Он сопоставим с Горинхенским гербовником и Гербовником фризского похода 1396 г. С геральдической целью совершили в 1415 г. путешествие английские герольды на континент, в область Ко в Нормандии. Результатом их путешествия явилась Геральдическая визитация области Ко (*Visitation héraldique du pays de Caux*), представляющая собой местный гербовник. Гербовник сохранился в 3 копиях, самая ранняя из которых относится к XV в. От этой, совершенной на исходе Средневековья визитации берет свое начало традиция английских гербовых визитаций. Результаты их не считаются гербовниками, но эти комплексы источников существуют. Эти «геральдические путешествия» практиковались вплоть до XVII в. и представляют собой инспекционные поездки, которые осуществлялись герольдами разных уровней с целью проверки достоверности притязаний на знатность и состояли в анализе гербов, надгробий и прочих свидетельств на местах. Визитации породила вполне конкретная практическая потребность, но их результаты рисуют геральдический облик определенного региона в целом.

Гербовник с точки зрения путешествия не отражает ни процесса движения, ни трудностей пути и попутных красот, ни географических особенностей. Он больше похож на мгновенный снимок «путешественников» и с этой точки зрения он тоже своего рода итог путешествия. Настоящее путешествие достойно того, чтобы его попытались сохранить в памяти потомков, и подобная практика известна издревле (достаточно вспомнить списки вождей троянского, фиванского походов, список кораблей в «Илиаде»). В то же время следует признать, что тип гербовников «по случаю» не исчерпывается гербовниками, связанными с путешествиями. Однако путешествие – именно такой «случай», и их количественное соотношение с гербовниками других типов свидетельствует в пользу того, что это событие современникам казалось достойным того, чтобы его увековечить. В принципе, вероятно, мог существовать гербовник намерений какого-либо похода, но, как правило, в большинстве это все же его результат. Таким образом, можно утверждать, отвечая на высказанное в самом начале предположение, что значительная часть этих гербовников представляет собой отражение не

самого похода, а, если так можно выразиться, намерений его участников. Разумеется, гербовник создавался не ради путешествия, но ради того, чтобы зафиксировать его участников. Притом неважно, выражены они рисованным гербом или именем с блазоном. С точки зрения формальных признаков из двух десятков таковых гербовников половина – блазонные, треть – рисованные, остальные смешанные. Цели путешествий могли быть разными, но целью создания гербовника была именно эта. Список *участников*, объединившихся в достижении некой цели в корпорацию или вокруг сеньора, был для самих участников не менее важным результатом путешествия: он улучшал или укреплял их социальное положение, формировал общность, принадлежность к которой должна была принести свои плоды впоследствии. Он был ориентирован лишь отчасти на современников и в значительной степени на потомков.

Характерной чертой этих своеобразных отчетов об участниках путешествия является то, что в них отмечены только «свои»; «чужие», как бы они ни были замечательны, в них отсутствуют. В Стирлингском гербовнике зафиксирована лишь малая, но, вероятно лучшая часть тех, кто участвовал в походе. И другие гербовники фиксируют не всех участников, а наиболее достойных из них, как правило, обладателей герба. Это основополагающий принцип фиксации.

Почему фиксация осуществляется в такой странной – геральдической – форме? Однако впечатление ее странности возникает лишь при взгляде со значительно более поздней точки зрения, из Нового времени. Вряд ли в XIII в. была какая-либо другая возможность ее осуществить. Христианские и нехристианские имена повторялись, фамилии находились еще в процессе формирования, иногда имея топонимическое, иногда патронимическое происхождение. Добавление титулатуры не облегчало задачу, хотя иногда в гербовниках оно присутствует. Эту знать (как, впрочем, и представителей других социальных групп) просто *нечем* больше идентифицировать. Они различаются лишь гербами. В XIV в. это стало уже продолжением традиции XIII в. Конечно, гербовник никогда не был буквальной записью намерений и результатов, как, кстати, и сама форма фиксации и ее компоненты – гербы (или блазоны), но если исходить из способов и возможностей времени, то он представляет собой не косвенное, а вполне прямое свидетельство. К тому же сама форма списка ничего необычного для Средневековья не представляет – жанр списков-перечислений является в средневековой культуре достаточно распространенным.

Включение в список предопределено не обладанием гербом, поскольку в то время герб был не более чем «формой» имени. Последовательность, в которой отмечены участники путешествия, вряд ли можно назвать случайной. Алфавитного порядка не наблюдается, и внутренняя иерархия расположения, вероятно, в большей степени связана с представлениями о значимости того или иного лица, или территории, которую он представлял

(причем территории в понятии не чисто политико-географическом, а в пространстве средневековых представлений о ценности общности, ее древности, наличия суверенитета и т.п.). Даже в тех случаях, когда гербы участников сгруппированы по каким-либо территориальным единицам (историческим областям, сеньориям) сеньории, тем не менее, располагаются согласно иерархии, и внутри сеньорий их представители – так же. Принцип перечисления в гербовниках отражает иерархию подчас более сложную, чем властная: гербы начинаются с наиболее важных и далее расположены по мере убывания социально-духовной значимости.

Военные предприятия требовали от участников умения, мужества, отваги, и других проявлений необыденного поведения. Они по целому ряду признаков имели отношение к подвигам и «славным деяниям», хорошо включающимся в комплекс родословных легенд, а потому желанных для участников с точки зрения коммеморативной фиксации. Большинство сеньоров были заинтересованы в фиксации всего родословного комплекса (земельное держание, родословная легенда, имя). Естественно, что они оказывались в основном представителями военного сословия, и столь же естественно, что для обозначения себя избирался геральдический, на ранней стадии преимущественно военный, способ. Практичность и функциональная универсальность геральдики проявились и здесь. Разница между «мирным» и «военным» средневековым путешествием несущественна; имеет смысл значение, которое придавали путешествию участники. Например, сопровождение в поездке на коронацию оценивалось как весьма почетное, и участие в таком «мирном» путешествии могло быть отмечено. При этом не только многие незначительные, но и большинство крупных военных походов не нашли своего геральдического выражения. В то же время вполне возможно, что практическая геральдизация стимулировалась путешествием, поскольку оказывалась востребована в связи с перемещением среднего рыцаря из привычной обстановки, то есть той, где он всем известен, где признано соответствующее его рангу социальное место, и где он ни в каких дополнительных опознавательных элементах (гербе или других визуальных признаках) не нуждается, – в иную, где эта персона, как правило, неизвестна.

Другие сословные группы не оставили геральдических памятников своим путешествиям, за исключением, возможно, лишь Гербовника горожан курфюршества Трирского. Поездки торговцев в целях безопасности и удешевления совершались маленькими коллективами; в дороге визуализироваться им было совершенно ни к чему, наоборот, следовало пройти путь предельно скромно. Целью их была прибыль, а не подвиги, и фиксировалась она в денежном выражении, а не в лишенных всякого финансового измерения гербовниках. Корабли, чтобы обезопасить плавание, кратко визуализировались флагом-гербом достаточно высокого уровня (города или суверена). Известны миниатюры с изображением судов крестоносцев,

снабженных гербовыми щитами участников ранних крестовых походов, но это относится скорее к геральдическим представлениям конца Средневековья, чем к практике XII–XIII вв. Паломничество, хотя и совершалось в коллективной форме, по интенциям было индивидуальным. К тому же паломники независимо от герба пользовались системой дополнительной визуализации – на головных уборах, на одежде, в аксессуарах (посох). Совершение паломничества могло дополнительно маркироваться (раковины Сантьяго). Однако по возвращении пилигрим не попадал в некую общность пилигримов, а возвращался в свою. И ни списков, ни геральдизации не требовалось, в этом просто не было смысла.

Разумеется, нельзя объяснять появление всех гербовников необходимостью составления списков путешественников, но и исключать эту составляющую из числа возможных мотиваций нельзя. Бытование гербовников, связанных с путешествиями, ограничено во времени: их доля, высокая во второй половине XIII в., неуклонно снижалась и стала в XV в. совсем небольшой. К XV–XVII вв., по мере того, как вся геральдика утрачивает свою социально-культурную универсальность и поле ее социального действия сужается, они встречаются среди гербовников все реже. Однако существование этих сознательно составлявшихся комплексов гербов является дополнительным свидетельством в пользу многофункциональности герба в сфере социальных и идентификационных коммуникаций, его возможностей в области коммеморативной фиксации.

¹ *Nussard R. Le Rôle d'armes Bigot // Les armoriaux: histoire héraldique, sociale et culturelle des armoriaux médiévaux. Actes du colloque international «Les armoriaux médiévaux», Paris, 21–23 mars 1994. (Cahiers du Léopard d'Or, 8). Paris, 1997. P. 26.*

² Прежде всего, Безансонская; хранится в Муниципальной библиотеке в Безансоне (Франция).

³ *Falkirk Roll: Edward I H 50; Anthony Bek, Bishop of Durham H 22; Henry de Lacy, Earl of Lincoln H 1; Humphrey de Bohun, Earl of Hereford H 2; Roger le Bigod, Earl of Norfolk H 3; Patrick Dunbar, Earl of Dunbar H 23; Gilbert de Umfraville, Earl of Angus H 24; Thomas, Earl of Lancaster H 51; Guy de Beauchamp, Earl of Warwick H 52; Jean de Bretagne, Earl of Richmond H 54; John de Warenne, Earl of Surrey H 97; Ralph de Monthermer, Earl of Gloucester H 98; Robert de Vere, Earl of Oxford H 99; Richard FitzAlan, Earl of Arundel H 100; Aymer de Valence, Earl of Pembroke H 101 (буква – международное обозначение данного гербовника, далее следует порядковый номер блазона).*

⁴ Хранится в Британской библиотеке в Лондоне.

⁵ *Stirling Roll: Humphrey de Bohun Earl of Hereford ST 1; Ralph de Monthermer, Earl of Gloucester ST 16.*

⁶ *Ibid.: Segrave ST 6, ST 7, ST 8, ST 37, ST 38; Beauchamp ST 15, ST 31, ST 32, ST 59; Talbot ST 24; Mortimer ST 25, ST 26; Neville ST 41, ST 43; Montfort ST 56 и мн. другие.*

⁷ *См. Il viaggio di Enrico VII in Italia. Città di Castello. 1993.*

- ⁸ Известен по копии XVII в., хранящейся в Городской библиотеке г. Лилля (Франция).
- ⁹ Оригинал хранится в Британской библиотеке в Лондоне.
- ¹⁰ *Greenstreet J.* The «Second Calais» roll of arms // *Notes & Queries.* 5 ser. Vol. 4. 1875. P. 324–325.
- ¹¹ Одна его копия хранится в Вене, другая в Государственном архиве в Гааге.
- ¹² *De Grimbergsche Oorlog: ridderdicht uit de XIVe eeuw* / Ed. Ph. Blommaert, C.P. Serrure. Gent, 1852–1854. P. 351–352.
- ¹³ Хранится в Университетской библиотеке в Лейдене (Нидерланды).
- ¹⁴ Хранится в Мантуе (Италия).
- ¹⁵ Последнее издание *Lacarra M.J., Lacarra Ducau M. del C. y Montaner A.* Libro del conocimiento de todos los reynos et tierras et señoríos que son por el mundo, et de las señales el armas que han. Edición facsimilar del manuscrito Z (Munich, Bayerische Staatsbibliothek, Cod. Hisp. 150), Zaragoza, 1999.
- ¹⁶ *Riquer M. de* La heráldica en el Libro del conocimiento y el problema de su datación // *Dicenda* N 6. 1987. P. 313–319.
- ¹⁷ *Lacarra M.J., Lacarra Ducau M. del C. y Montaner A.* Op. cit. P. 353 passim.
- ¹⁸ Хранится в Городской библиотеке в Мюнхене (Бавария) SB, Cod. Hisp.150.
- ¹⁹ Две хранятся в Национальной библиотеке в Мадриде (Bibl. Nat., Ms. 1997 и N 9055) и одна в Университетской библиотеке в Саламанке (Испания) Bibl. Univ. No. 1890.

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫ Д'АРК

История Жанны д'Арк не является путешествием в строгом смысле этого слова. И все же для современников событий именно с него она началась, им же могла и закончиться. Анализу этих двух путешествий и посвящена данная статья.

О первом путешествии Жанны д'Арк – из Домреми в Вокулер, а оттуда – в Шинон, на встречу с дофином Карлом – хорошо известно не только специалистам. Оно произошло на самом деле и описано в воспоминаниях спутников Жанны, в ее собственных показаниях на процессе 1431 г., а также в некоторых других источниках, речь о которых пойдет ниже. В историографии, однако, этому путешествию уделяется обычно крайне мало внимания: по сравнению, к примеру, с собственно «свиданием в Шиноне» в нем не видят ничего примечательного, кроме, пожалуй, фактологической стороны¹.

Так же мало поначалу волнует это путешествие и современников Жанны д'Арк. В ее эпопее, с их точки зрения, имеются и более значительные вехи: все тот же прием в Шиноне, снятие осады с Орлеана, коронация в Реймсе... Первые намеки на то, что путешествие само по себе тоже представляет интерес, что оно не менее важно для создания определенного образа героини, появляются в письмах, отправляемых весной-летом 1429 г. из Франции различным иностранным государям. Сюда относятся прежде всего послание Персеваля де Буленвилье миланскому герцогу Филлипо-Мария Висконти от 21 июня 1429 г.², письмо Алена Шартье неизвестному государю, датируемое июлем 1429 г.³, и сообщение анонимного рыцаря-иоаннита, посланное главе его ордена в Иерусалим⁴. Письма эти представляют собой не что иное как пропагандистские сочинения, направленные на то, чтобы убедить симпатизирующих французскому дофину правителей в том, что странная девушка, пришедшая к нему на помощь, достойна внимания и – главное – доверия.

Однако эти отклики на появление Жанны на исторической сцене еще крайне скупы в описании ее первого путешествия. Авторы посвящают ему буквально несколько слов, ограничиваясь указанием на то, что проходило оно по вражеской территории⁵. Безусловно, в их письмах сквозит удивление тем, что девушка смогла без ущерба для себя и своих спутников проехать через земли, оккупированные англичанами и бургундцами⁶. Но это, скорее, констатация хорошо известного всем факта: как замечает Персеваль де Буленвилье, в Шампани на тот момент только Вокулер «хранил верность королю»⁷.

Ничего «чудесного» или «героического», столь свойственного, с точки зрения современников, эпопею Жанны, в первых описаниях путешествия в Шинон еще нет (если не считать «достойных удивления предсказаний», о которых пишет де Буленвилье, никак, впрочем, не раскрывая их содержания⁸). Тем более, нет никаких упоминаний об этом путешествии в документах, предназначавшихся, если можно так сказать, для внутреннего употребления: трактатах теологов Жака Желю и Жана Жерсона, в «Заключении» докторов из Пуатье. Да и сама Жанна на процессе 1431 г. весьма скупо описывает свой путь на встречу с дофином: она лишь перечисляет населенные пункты, которые проезжала (из Вокулера в Сен-Урбан, далее – в Оксер, Сент-Катрин-де-Фьербуа и, наконец, в Шинон), и упоминает, что проделала этот путь беспрепятственно⁹.

Все, однако, меняется на процессе по реабилитации Жанны д'Арк в 1456 г. Здесь, наконец, получают слово те, кто был очевидцем ее отъезда из Вокулера и собственно ее спутники. Один из них, Жан де Нуйонпон, в своих показаниях вообще не затрагивает каких-то иных тем, его рассказ посвящен *исключительно* путешествию в Шинон. По словам де Нуйонпона, оно длилось 11 дней. Путники предпочитали передвигаться по ночам из опасения встретить англичан или бургундцев¹⁰. За время пути Жан полностью убедился в избранности Жанны, которая посвятила его в суть своей миссии по спасению Франции, а также рассказала о первых откровениях, полученных ею «4 или 5 лет назад»¹¹. Еще большее впечатление произвела на него исключительная набожность Жанны, которая стремилась присутствовать на мессе в каждом населенном пункте, который они проезжали¹². Ее слова и любовь к Господу «воодушевили» Жана¹³, он полностью уверовал в нее и даже стал ее бояться: на редких ночевках он не решался притронуться к ней и не испытывал к ней никакого сексуального влечения, настолько чистой она ему казалась¹⁴. В заключение Жан де Нуйонпон сообщает, что он всегда был и остается абсолютно уверен, что Жанна была послана Свыше, ибо она «была доброй, искренней, набожной христианкой, достойной и богобоязненной»¹⁵.

Этот весьма эмоциональный рассказ дополняют показания Бертрана де Пуланжи. Они мало отличаются от показаний Жана де Нуйонпона: второй спутник Жанны также повествует о путешествии в ночное время суток, о страхе перед англичанами и бургундцами, о желании Жанны присутствовать по возможности на всех мессах, об отсутствии у него к ней плотского желания. Однако особый акцент де Пуланжи делает на пророчествах Жанны, которые – и он тому свидетель – исполнились все без исключения: Карл VII получил столь необходимую ему помощь еще до наступления середины поста¹⁶; он был на самом деле помазан и коронован в Реймсе¹⁷; наконец, он радушно встретил Жанну и ее спутников в Шиноне, как и обещала девушка¹⁸. А потому, делает вывод Бертран де Пуланжи, он совершенно уверен, что в ней не было «ничего дурного» и что она была «практически святой»¹⁹.

Воспоминания спутников Жанны любопытны и весьма показательны. Перед нами не просто описание пути, преодоленного ими за 11 дней. Это в некотором роде рассказ о *становлении* героя, описанного как герой рыцарского романа, для которого путешествие является одним из обязательных жизненных этапов. Если в рассказе самой Жанны д'Арк ее передвижение из Вокулера в Шинон представлено, скорее, в рамках *точечного* пространство *линейное*. Линейность пространства главного героя вообще, как отмечает А.Д. Михайлов, является характерной чертой средневековой книжной литературы²⁰. Однако при этом она связана с ярко выраженной идеей правильного, *праведного* пути, как в моральном, так и в буквальном, физическом смысле²¹.

Именно эту особенность восприятия мы и наблюдаем в рассказах Жана де Нуйонпона и Бертрана де Пуланжи: для них Жанна не просто герой, но «практически святая» (*sicut fuisset sancta*), идущая к своей цели, к исполнению своей миссии, с которой постепенно увязывается в откликах современников ее путешествие. Так, один из свидетелей на процессе по реабилитации, Анри Ле Ройе, в доме которого Жанна останавливалась в Вокулере, передает разговор с девушкой накануне ее отъезда в Шинон: «Спросил ее, не боится ли она ехать по вражеской территории, она ответила, что не боится, ибо ее путь предопределен, и Господь укажет ей дорогу, так как она рождена, дабы исполнить эту миссию»²². Почти теми же словами 20 лет спустя описывает путешествие Жанны в Шинон в официальной «Истории Карла VII» Тома Базен: «И поскольку она, что кажется вполне правдоподобным, продемонстрировала ему (Роберу де Бодрикуру. – О.Т.) некоторые знаки своей миссии, она заставила его поверить ей и исполнить то, о чем просила. Таким образом, велел приготовить для путешествия лошадей, слуг и все необходимое, он отвез ее ... к королю Карлу, в Тур»²³.

То, что перед нами – святая, пусть и не канонизированная официально, но воспринимаемая так самими французами, подтверждается совершенно конкретными деталями в показаниях свидетелей на процессе по реабилитации. В рассказе Жана де Нуйонпона перечислены многие отличительные свойства «настоящего» святого, каким его представляли себе люди Средневековья²⁴: Жанна, по его словам, была чрезвычайно набожна, имела откровения Свыше, никогда не сквернословила, охотно соблюдала пост и любила ходить к мессе, часто исповедовалась и раздавала милостыню²⁵. Она была «чиста» той особой чистотой святости, которая убивает любое сексуальное желание. Наконец, все ее предсказания, как о том свидетельствует Бертран де Пуланжи, исполнялись.

Восприятие Жанны как «практически святой», а ее путешествия в Шинон – как миссионерского под влиянием материалов процесса 1456 г. утверждается в источниках второй половины XV в. Так, неизвестный автор «Дневника осады Орлеана» почти дословно воспроизводит показания спут-

ников Жанны: он пишет об «огромных и ужасных реках», которые им пришлось преодолевать, «опаснейших переходах», которые они совершали между городами и деревнями, находящимися под властью англичан и подвергавшимся «бесчисленным пожарам и разорениям». Об их «бескрайнем удивлении» от того, что они добрались до Шинона в целости и сохранности, как и обещала Дева. Об их благодарности Господу за эту милость²⁶. Столь же восторженный отклик содержится и в «Хронике Девы», во многом повторяющей «Дневник осады». Здесь, однако, для достижения особого драматического эффекта автор дополнительно вводит прямую речь: «Во имя Господа, ведите меня к благородному дофину и не бойтесь, что у нас будут препятствия [на этом пути]»²⁷.

Своего апофеоза описание пути в Шинон достигает в «Мистерии об осаде Орлеана». Главные действующие лица эпизода – все те же Жан де Нуйонпон и Бертран де Пуланжи – начинают здесь с категорического отказа сопровождать Жанну, называя это путешествие «чистым безумием»²⁸. Под влиянием девушки, которая предсказывает, что дорога будет совершенно безопасной²⁹, они все же соглашаются отправиться с ней, хотя не слишком верят ее обещаниям и считают, что произойдет настоящее чудо, если предприятие удастся довести до конца³⁰. И чудо на самом деле происходит: путники пребывают в Шинон, встречаются с дофином Карлом и рассказывают ему о своем путешествии как о «небывалом событии», в возможность которого они не верили³¹. На той же встрече они дают собственную характеристику главной героини (которая буквально списана со свидетельских показаний спутников Жанны на процессе по реабилитации): она кажется им хорошей, справедливой, весьма достойной и выдающейся личностью, наделенной даром пророчества³², благоразумной и мудрой, прекрасно воспитанной³³ – в общем «самой добротой»³⁴.

Итак, к концу XV в. от краткого поначалу и ничем не примечательного описания первого путешествия Жанны д'Арк не остается практически ничего. Удивление авторов удачливостью главной героини на опасном маршруте сменяется восторгом от поистине «чудесного» приключения. Точечное пространство проделанного пути с упоминанием всех населенных пунктов по дороге в Шинон преобразуется в пространство линейное, в значительно большей степени подходящее, с точки зрения рассказчиков, для настоящего героя. Наконец, сама Жанна из никому неизвестной особы превращается в «святую», ради исполнения собственной миссии явившуюся с границ обитаемого мира в самый центр ойкумены.

* * *

Примерно в том же ключе работают и те авторы, которые еще при жизни героини начинают строить предположения о ее дальнейшей судьбе, о том, что будет после того, как она исполнит свою миссию во Франции, освободит страну и изгонит англичан.

Центральное место среди сочинений, в которых поднимается эта тема³⁵, безусловно, занимает письмо неизвестного итальянского гуманиста, относительно недавно опубликованное Патриком Жилли³⁶. Традиция приписывала это сочинение перу одного из наиболее влиятельных венецианских патрициев первой половины XV в. Франческо Барбаро³⁷, однако детальное исследование, проведенное французским историком, позволяет полностью отвергнуть эту гипотезу.

Сомнения в авторстве возникают прежде всего потому, что человек, оставивший нам данное, весьма любопытное свидетельство о первых месяцах эпопеи Жанны д'Арк, был чрезвычайно хорошо знаком с политической и военной ситуацией во Франции в 20-х гг. XV в. Его осведомленность заставляет предположить, что он не просто бывал в стране, но, возможно, жил в ней в интересующее нас время. Известно, однако, что Франческо Барбаро, будучи одним из наиболее активных венецианских политиков своего времени, никогда не покидал Италии и не посещал Францию³⁸. Кроме того, в отличие от автора письма, он проявлял полное равнодушие к французским политическим проблемам, о чем свидетельствуют его письма, сохранившиеся до нашего времени и считающиеся подлинными³⁹. Важным обстоятельством представляется и то, что автор письма, подробно останавливающийся на отношениях различных итальянских правителей с французским королевским двором, ни словом не упоминает о Венеции – родном городе Барбаро. Таким образом, по мнению П. Жилли, известный итальянский гуманист и политический деятель никак не может рассматриваться в качестве автора интересующего нас документа⁴⁰.

Это обстоятельство, однако, никоим образом не мешает нам датировать письмо, причем датировать весьма точно. Вне всякого сомнения, оно было написано уже после снятия осады с Орлеана 8 мая 1429 г. и последовавшей за ним «недели побед» в долине Луары, когда французы из постоянно проигрывавших вдруг «чудесным образом» вновь превратились в победителей благодаря помощи Жанны д'Арк⁴¹. Упоминание состоявшейся 17 июля 1429 г. коронации в Реймсе⁴² указывает, что письмо писалось уже во второй половине лета или, возможно, в самом начале осени 1429 г., когда начались переговоры о заключении перемирия между Карлом VII и герцогом Бургундским Филиппом Добрым, которому автор рекомендует забыть прежние обиды и признать своего законного сеньора⁴³. Возможно также, что письмо было написано до 8 сентября 1429 г. – дня неудавшегося штурма Парижа королевскими войсками во главе с Жанной – поскольку не содержит указаний на это событие, но лишь призывает жителей столицы покориться своему суверену⁴⁴.

К вопросу о точной датировке письма мы еще вернемся, а пока обратимся к его содержанию, вернее, к той его части, где неизвестный итальянский автор говорит о пророчествах Жанны, которые она собиралась исполнить. Псевдо-Барбаро называет три такие задачи, и только одна из них и

«самая малая» – коронация дофина Карла после изгнания англичан – касается собственно Франции⁴⁵. Остальные две в корне отличаются от «классического» перечня пророчеств Жанны, озвученного в 1456 г. на процессе по ее реабилитации графом Дюнуа: снятие осады с Орлеана, коронация Карла VII, освобождение герцога Орлеанского из плена, освобождение Парижа и Франции⁴⁶. Псевдо-Барбаро значительно больше интересуется, что же будет *после*. Он полагает, что дальнейшая судьба Жанны должна быть связана с более глобальными проблемами – с искоренением Схизмы и новым Крестовым походом.

Жанна, пишет Псевдо-Барбаро, отправится вместе с королем на Восток и дойдет до Индии, где создаст единую мировую империю во главе с Карлом, подчиняться которому будут все без исключения народы⁴⁷. Это путешествие станет одновременно Крестовым походом, поскольку перед Жанной будет стоять задача расправиться с «массагетами» (т.е. с язычниками), обратить их в истинную веру и спасти христианские святыни в Азии⁴⁸. Создание империи и удачный Крестовый поход, с точки зрения итальянского автора, должны в свою очередь значительно улучшить состояние всей Церкви, сделать ее более сильной, что, несомненно, произойдет, если она подчинится «единому скипетру» (т.е. преодолет Схизму)⁴⁹. Наконец, все эти усилия должны определенным образом сказаться на положении дел в самой Италии, которую только Жанна сможет избавить от постигших ее несчастий и вернуть ей прежнюю мощь. Автор выражает огромную надежду на это, обращаясь к своей героине: «Только ты можешь нам помочь»⁵⁰. Перед нами, таким образом, предстает совершенно фантастический и ни на чем, казалось бы, не основанный рассказ о втором путешествии Жанны д'Арк, о ее второй миссии – на сей раз по спасению *всего* мира.

Конечно, такое путешествие никогда, как мы знаем, не имело места. Его детальное описание явилось плодом воображения неизвестного автора, а потому до сих пор не привлекало особого внимания специалистов. И все же этот пассаж чрезвычайно любопытен.

* * *

Прежде всего, интерес вызывает не совсем обычное для итальянца видение политической истории, его трактовка роли Франции и конкретно французского короля в судьбе христианского мира. Состояние постоянной конфронтации, в котором пребывали в то время различные итальянские государства, их озабоченность сугубо внутренними проблемами, а также весьма шаткое положение французского монарха не могли не отразиться на тематике произведений, созданных итальянскими гуманистами в первой трети XV в. Идея налаживания тесных отношений с Францией, тем более создания мировой империи во главе с Карлом VII, была им совершенно чужда. В свете недавнего на тот момент конфликта, разгоревшегося между Миланом и Флоренцией, власти которых не уставали обвинять друг друга в попытках

привлечь на свою сторону французских союзников, подобный сюжет был бы обречен на провал⁵¹.

Не стоит, однако, забывать, что наш автор во время создания своего письма (а возможно, и значительно раньше) вероятнее всего проживал во Франции, а не в Италии. И вполне возможно, что идея нового Крестового похода была воспринята им из *французской* политической культуры того времени. Косвенным подтверждением этой гипотезы может служить тот факт, что Псевдо-Барбаро был в 1429 г. не единственным иностранцем, проживавшим на территории Франции и высказывавшим подобные мысли. И даже не единственным итальянцем. Венецианский купец Джованни да Молино, чьи письма вошли в «Хронику» Антонио Морозини, 12 июня 1429 г. сообщал из Авиньона, что, по его сведениям, коронация дофина Карла состоится в самом ближайшем будущем в Риме (т.е. его должны были короновать как императора)⁵². В письме же от 30 июня да Молино размышлял о «подарках», сделанных Карлу самим Господом посредством Жанны д'Арк: о коронации, о «возвращении» ему королевства и об «обещании еще лучшего подарка» – завоевания Святой Земли⁵³.

Идея нового Крестового похода действительно широко обсуждалась во французском обществе в 80–90 гг. XIV в.⁵⁴ Свое отражение она нашла, в частности, в знаменитом «L'Arbre des batailles» (1386–1389 гг.), сочинении Оноре Бове⁵⁵, писавшего о необходимости ведения войны против сарацин, издании специальной папской буллы для организации нового похода на Восток и о законном праве короля Иерусалима сражаться за свои владения. Бове, правда, полагал, что миссионерская деятельность среди язычников была бы предпочтительнее открытых военных действий⁵⁶, однако не все его современники разделяли подобные взгляды⁵⁷. Так, Филипп де Мезьер в своем «Epistre lamentable et consolatoire» (1397 г.), адресованном герцогу Бургундскому, королям Франции и Англии, а также всем добрым католикам, прямо призывал к новому Крестовому походу и излагал собственные взгляды на организацию войска, дабы на этот раз победа осталась за ним. Он призывал европейских монархов отомстить за позор и унижение, которым подверглась христианская вера⁵⁸, ставя им в пример их славных предков – Карла Великого, Людовика Толстого, Людовика Святого⁵⁹. Ту же мысль последовательно развивал, к примеру, Эсташ Дешан, писавший в 1395 г.: «Правители мира, я взываю к вам и умоляю / помочь мне покорить сарацин, / Я – закон, будьте на моей стороне, / Чтобы завоевать сердце Святой земли»⁶⁰.

Идея нового Крестового похода поддерживалась и устной традицией – прежде всего так называемым «пророчеством Сивиллы», заимствованным из Византии и хорошо известным на Западе⁶¹. В легенде речь шла о последнем Золотом веке христианских народов, объединенных под властью императора. В роли последнего в разные периоды истории видели то короля Артура, то Карла Великого, то Фридриха Барбароссу. Вследствие ослаб-

ления германской Империи с конца XIII в. на эту роль стали активно претендовать французские короли⁶². Уже в правление Филиппа IV Красивого, также вынашивавшего планы мирового Крестового похода, Пьер Дюбуа в своем трактате «De recuperatione Terrae sanctae» (1306 г.) подробно рассматривал саму возможность избрания французского монарха императором. Именно у Дюбуа «пророчество Сивиллы» впервые было названо «пророчеством о втором Карле Великом», который отвоюет Святую землю, соберет под своей властью все народы, и будет править ими из своей новой столицы в Иерусалиме⁶³.

Весьма активно проблема Крестового похода обсуждалась и при дворе Карла VI. Идти на Восток и покончить со Схизмой его призывали французские визионеры Констанция из Рабастена и Мария Авиньонская⁶⁴. Посетивший страны Западной Европы в 1399-1400 гг. император Мануил Палеолог (которого поддерживал папа Бонифаций IX) прямо просил Карла VI о помощи, но согласия на новый поход не получил⁶⁵. Ухудшение же внутриполитической обстановки в начале XV в., как принято думать, свело практически на нет дискуссию по данной проблеме во Франции⁶⁶. И все же полностью о ней не забыли. Свидетельство тому – творчество Кристины Пизанской, которое имеет для нас особое значение.

* * *

Проблема спасения и сохранения христианской веры постоянно возникает в политических сочинениях французской писательницы⁶⁷. Уже в «*livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V*» (1404 г.) Кристина пишет о том, что именно на французских королях издавна лежит забота по наведению порядка в Церкви и что Карл V делал все для устранения Схизмы и установления всеобщего мира среди христиан⁶⁸. Что же до Крестового похода, то, вспоминая визит в Париж императора Римской империи Карла IV, она замечает, что театральное представление на тему взятия Иерусалима Готфридом Бульонским, данное перед двумя монархами, должно было послужить им «добрым примером»⁶⁹. Для нас, однако, значительно больший интерес представляет развитие темы Крестового похода, данное Кристиной Пизанской в ее последнем, вероятно, произведении – «*Ditié de Jeanne d'Arc*»⁷⁰.

Как и ее предшественники, Кристина увязывает тему искоренения церковной Схизмы с походом на Восток, который предпримет французский король ради покорения неверующих, еретиков и сарацин⁷¹. В Святую землю, которую он завоеует, его поведет Жанна д'Арк, и вместе они обретут там славу⁷². Идея создания единой христианской империи оказывается также весьма близка автору: она воспроизводит в своем «*Ditié*» пророчество о втором Карле Великом – «Карле, сыне Карла», который должен стать «великим господином всех королей» и «императором»⁷³.

Как представляется, непосредственным толчком для включения темы Крестового похода в «Ditié» могло послужить знаменитое письмо Жанны д'Арк, написанное ею англичанам и их союзникам и отосланное из Пуатье 22 марта 1429 г. В этом послании, похоже, содержится намек на возможность организации совместной франко-бургундской военной кампании против неверных. Жанна призывает герцога Бургундского прекратить сопротивление и обещает (в случае, если он проявит благоразумие), что он сможет присоединиться к ней и всем французам и совершить «самое лучшее деяние, которое когда-либо случалось в христианском мире»⁷⁴.

Если речь на самом деле шла о Крестовом походе, то Кристина Пизанская, вне всякого сомнения знакомая с содержанием письма⁷⁵, могла воспользоваться этой идеей и развить ее в своем последнем сочинении, причем сформулировать ее настолько полно и ясно, как не удавалось сделать никому из французских авторов первой половины XV в.⁷⁶ Тем более, никто из них не увязывал такой поход с миссией Жанны д'Арк. Именно это обстоятельство делает особенно интересным сопоставление двух существующих описаний воображаемого путешествия Жанны на Восток и позволяет поставить вопрос о непосредственном влиянии «Ditié de Jeanne d'Arc» на сочинение Псевдо-Барбаро.

* * *

Любопытно, что тема Крестового похода – не единственное, что сближает письмо неизвестного итальянского автора и «Ditié». Прежде всего, одинаковым оказываются форма и принцип построения двух произведений. Кристина после небольшого пролога (присутствующего и у Псевдо-Барбаро) обращается по очереди к различным действующим лицам современности, как будто также пишет им письмо⁷⁷. Причем список основных адресатов у двух авторов совпадает. Это – ключевые фигуры Столетней войны: Карл VII⁷⁸, Жанна д'Арк⁷⁹, которым авторы предсказывают скорую и безусловную победу, а также англичане⁸⁰, их союзники-бургундцы со своим герцогом⁸¹ и жители Парижа, которым надлежит сдать на милость законного французского короля⁸². Важным представляется и то, что ни один из этих адресатов не является главным для наших авторов, все они в равной степени интересны Кристине и Псевдо-Барбаро.

Идентичностью построения сходство двух интересующих нас произведений, однако, не исчерпывается. Их тематика также оказывается чрезвычайно близкой.

В частности, одинаковым представляется обращение авторов к врагам Франции – англичанам, которым и Кристина, и Псевдо-Барбаро обещают гибель, если те не прекратят военные действия и не поймут, что Господь выступает на стороне их противников⁸³. Так же оценивают наши авторы и действия бургундцев, которые вполне могут превратиться в «рабов англичан», если не остановятся, в ином случае всех их ждет ужасный конец⁸⁴.

Наконец, обращаясь к жителям Парижа, Кристина Пизанская и Псевдо-Барбаро призывают их покориться своему законному суверену, просить его о прощении, заключить с ним мир и достойно принять его в своем городе⁸⁵.

Что же касается самой Франции, то оба автора с восторгом констатируют, что она возрождается, вновь обретает силу после стольких лет унижений. «Видел ли кто-нибудь, – вопрошает Кристина, – нечто столь удивительное...то, что судьба Франции (которую считали погибшей) изменится?»⁸⁶. Те же чувства разделяет и Псевдо-Барбаро: «Кто не знает, – пишет он, – в каком положении пребывал французский король еще совсем недавно? Париж был захвачен... а все земли вокруг попали под власть англичан»⁸⁷.

Счастливыми изменениями в своей судьбе страна, по мнению обоих авторов, обязана Жанне д'Арк. Кристина выражает надежду на то, что она «развяжет веревку, столь крепко связывающую Францию» и «установит мир на земле, униженной войной»⁸⁸. Псевдо-Барбаро также уверен, что девушка «поддержит свою страну, восстановит ее имя и былую славу»⁸⁹. Только ей, полагают авторы, может довериться Карл VII: он должен принять ее помощь в деле отвоевания собственной страны, которое обязательно произойдет⁹⁰. А вслед за тем наступит и черед империи, во главе которой Карл окажется также благодаря своей помощнице⁹¹.

Однако наибольший интерес, с точки зрения близости двух произведений, вызывает оценка личности самой французской героини. И Кристина, и Псевдо-Барбаро называют ее пастушкой и совершенно недвусмысленно уподобляют ее библейским героям-пастухам, также в свое время действовавшим по указанию Свыше⁹². И если данное сравнение является одним из наиболее распространенных во французских и иностранных сочинениях, посвященных Жанне д'Арк, начиная уже с 1429 г.⁹³, то другая аналогия, используемая нашими авторами, встречается в это время очень редко. Воздавая хвалу Жанне, Кристина пишет о том, что она «даст Франции напиток сладкого и питательного молока мира», т.е. уподобляет ее самой Богородице – единственной непорочной деве, способной одновременно выступать в роли матери⁹⁴. Она видит в Жанне главного защитника страны – ее «чемпиона», которому сам Господь дал силы и могущество⁹⁵.

Сравнение с Богоматерью – одно из излюбленных в творчестве Кристины Пизанской, она использует его, в частности, в письме к Изабелле Баварской (1405 г.), когда призывает королеву стать «матерью и защитницей своих подданных» – такой же, какой была Дева Мария для всего христианского мира⁹⁶. Та же тема поднимается в «Prière à Notre-Dame» (1414 г.), где Кристина молит Богородицу о помощи французскому королю⁹⁷ и о спасении Франции от бед, в которые ввергла ее «дама Ева»⁹⁸. Отождествление с Богоматерью Жанны д'Арк, явившейся к Карлу VII с той же целью, выглядит таким образом в «Ditié» совершенно логично.

Уподобление Деве Марии вообще со временем становится одним из главных (и наиболее интересных) в эпопее французской героини⁹⁹. Однако в 1429 г. к нему прибегают еще не многие. Имя Богоматери появляется в уже знакомом нам письме рыцаря-иоаннита, чья точная датировка неизвестна.¹⁰⁰ Еще одно упоминание мы встречаем в письме Джованни да Молино, посланном из Авиньона в Венецию 30 июня 1429 г.¹⁰¹ Эти отклики, однако, не могли быть известны в самой Франции, ибо предназначались иностранным адресатам. Таким образом, кроме Кристины Пизанской никто в 1429 г. не использовал данное сравнение применительно к Жанне – за исключением Псевдо-Барбаро, который повторяет слова французской писательницы, говоря, что Жанна, руководствуясь полученными Свыше указаниями, спасет свой народ, как это случилось в свое время с блаженной Девой Марией¹⁰².

Именно это обстоятельство – наравне с использованием темы Крестового похода, который возглавит Жанна д'Арк – и дает возможность предположить, что Псевдо-Барбаро (кем бы он ни был на самом деле) был знаком с «Ditié de Jeanne d'Arc», что он использовал в своем письме его структуру и некоторые темы¹⁰³.

* * *

Решение вопроса о заимствовании упирается, однако, в проблему датировки двух интересующих нас произведений. Как уже было сказано выше, время создания письма Псевдо-Барбаро известно нам достаточно точно – это вторая половина лета 1429 г. Что касается «Ditié», то днем его окончания принято считать 31 июля 1429 г. – дату, которую поставила сама Кристина Пизанская в конце своего сочинения¹⁰⁴. В это время писательница уже много лет жила в королевском доминиканском монастыре в Пуасси, куда бежала в 1418 г. из Парижа, занятого бургундскими войсками. Это вынужденное заточение никоим образом, надо полагать, не мешало ей находиться в курсе всех главных политических событий страны. До 1425 г. основным информатором Кристины оставался ее сын Жан де Кастель, исполнявший обязанности секретаря дофина Карла¹⁰⁵. Да и позднее, очевидно, она не утратила связей с королевским двором, о чем свидетельствует ее знакомство с «Заключением» из Пуатье (март 1429 г.) и трактатом Жака Желю «Dissertatio» (май-июнь 1429 г.), посвященными оценке личности и деяний Жанны д'Арк и оказавшими большое влияние на «Ditié»¹⁰⁶. В том же 1429 г. в монастыре в Пуасси жила сестра Карла VII, Мария Французская, что дает современным исследователям повод предполагать, что последнее произведение Кристины стало известным при дворе очень быстро¹⁰⁷. О том же говорит и тот факт, что уже осенью того же года «Ditié» читали на территориях, все еще находившихся под властью англичан, например, в Сансе¹⁰⁸.

Таким образом, предположение о возможном влиянии поэмы Кристины Пизанской на сочинение Псевдо-Барбаро кажется мне вполне допустимым.

Как следствие, оно позволяет датировать письмо неизвестного итальянца еще точнее. Если считать, что оно было написано не позднее 8 сентября 1429 г. (т.е. до штурма Парижа королевскими войсками), то и появиться ранее 31 июля 1429 г. оно также не могло. Соответственно, время его создания относится к концу августа – самому началу сентября 1429 г.

* * *

За этими увлекательными гипотезами мы, однако, несколько подзабыли о нашей главной теме – о путешествии как миссии, как времени становления героя, его душевного и нравственного роста. И если в случае с путешествием в Шинон такой смысл путешествия сознательно *post factum* формируется свидетелями на процессе по реабилитации, то в случае с вымышленным путешествием на Восток (тема, по понятным причинам не получившая никакого развития после казни Жанны в 1431 г.) миссионерский характер мероприятия очевиден сразу.

Путешествие в Святую землю, в представлении людей средневековья, совсем не обязательно предполагало ведение войны. Скорее, оно рассматривалось как возможность спасения души, обретения небесного Иерусалима, т.е. как восхождение к Богу¹⁰⁹. Соответственно, смерть в Крестовом походе воспринималась как совершенно определенный тип *мученичества*, самым известным и ярким примером которого являлась судьба Людовика Святого. С этой точки зрения, особенно интересно, что и Жанна д'Арк, по замыслу Кристины Пизанской, также должна была найти свою смерть в Святой земле¹¹⁰. Таким образом, она совершенно ясно уподоблялась главному «светскому» святому и патрону средневековой Франции¹¹¹.

Не менее важной оказывалась и идея церковной реформы, борьбы со Схизмой, которая также прекрасно укладывалась в рамки Крестового похода, символизирующего борьбу за истинную веру. Обращение язычников и, наконец, создание мировой христианской империи «прочитывались» здесь не только как одна из составляющих миссионерской деятельности, но и как вполне логичный ее итог.

Именно эта составляющая в рассказах о двух путешествиях Жанны д'Арк – реальном и вымышленном – и делает возможным их сопоставление. Эти описания, сколь разными путями они ни создавались и сколько бы ни отстояли друг от друга во времени, преследовали одну и ту же цель. Они призваны были подчеркнуть *избранность* главной героини, ее выдающиеся морально-нравственные качества, божественность ее миссии, ее угодность Богу, ее почти святость.

Роднит эти два сюжета и то место, которое они занимают в эпоху Жанны д'Арк, вернее, та функция, которая отводилась бы им в этом эпическом сказании, будь оно когда-либо записано. Первое путешествие являлось бы здесь своеобразной *завязкой* истории, предвещающей ее последующее развитие, дающей определенные подсказки о характере и лично-

сти будущей героини. Описание второго служило бы не менее логичной *развязкой* истории, ее достойным основным содержанием эпилогом. Ведь оба путешествия Жанны на самом деле в большей или меньшей степени были плодом фантазии ее современников, оба были «привязаны» к ядру ее эпопеи – тем немногим реальным фактам ее биографии, которые знали рассказчики¹². Именно в этом заключается близость двух проанализированных выше эпизодов в эпопее Жанны д'Арк, дающих возможность их сопоставления и изучения и выводящих нас на значительно более серьезную проблему восприятия французской героини как миссионерки и как святой уже в первой половине XV в.

¹ Исследователей прежде всего интересует вопрос о том, когда именно (какого числа какого месяца) Жанна покинула Вокулер и когда она достигла Шинона и встретила с дофином Карлом. Подробнее см.: *Райцес В.И.* «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2003* / Под ред. М.А.Бойцова и И.Н.Данилевского. Вып. 5. М., 2003. С. 42–59; *Тогоева О.И.* В плену у «исторической действительности» // Там же. С. 60–72.

² *Lettre de Perceval de Boulainvilliers au duc de Milan Philippe-Marie Visconti* // *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. P., 1849. T. V. P. 114–121.

³ *Lettre d'Alain Chartier à un prince étranger* // *Ibidem*. P. 131–136.

⁴ *Fragment d'une lettre écrite au dos de la précédente* // *Ibidem*. P. 98–100. Ж. Кишра датирует это письмо 1429 г., но более точно времени его создания мы не знаем.

⁵ «Qui venientes, per medios hostes transierunt, nulla repulsa interjecta» (*Lettre de Perceval de Boulainvilliers*. P. 118); «Atque per rura, per castra, per civitates hostiles et media hostium tela...progressa, tandem ubi rex erat advenit» (*Lettre d'Alain Chartier*. P. 133).

⁶ «Puella, habitu pastoralis induta, et quasi virili, de mandato Dei omnipotentis accessit ad regem per diversa formidabilia itinera, sine violentia, illaesa, illibata, associata cum personis» (*Fragment d'une lettre*. P. 100).

⁷ «Vaucolors quae sola in Campaniae partibus regi fidem servat» (*Lettre de Perceval de Boulainvilliers*. P. 118).

⁸ «Sic egit, et multis praeostensis mirandis, jussit eam nobilibus associatam per vias conduci ad regem» (*Ibidem*).

⁹ «Associata uno milite, uno scutifero et quatuor famulis, perrexit ad villam Sancti Urbani et ibi pernociavit in abbacia. Item dixit quod in illo itinere transivit per villam Autisiodorensis, et ibi audivit missam in maiori ecclesia...Dixit ulterius ipsa Iohanna quod ivit ad illum quem dicit regem suum, sine impedimento; et, cum applicuisset apud villam Sancte Katherine de *Fierbois*, tunc primo misit ad illum quem dicit regem suum, deinceps ivit apud villam de *Chasteau Chinon* in qua ille quem dicit regem suum erat» (*Procès de condamnation de Jeanne d'Arc* / Ed. par P.Tisset. P., 1960. T.1. P. 50–51).

¹⁰ «Et recedendo a dicta villa de Vallis Colore, propter timorem Anglicorum et Burgundorum circumcirca iter existentium, eundo versus regem, ibant aliquando de nocte; et manserunt per viam per spatium undecim dierum, equitando usque ad dictam villam de *Chinon*» (*Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc* / Ed. par P. Duparc. P., 1977–1988. 5 vol. T. 1. P. 290).

¹¹ «Et dicta Puella semper eis dicebat quod non timerent, et quod ipsa habebat in mandatis hoc facere, quia sui fratres de paradiso dicebant sibi ea que habebat agere, et quod erant jamque quatuor vel quinque anni quod sui fratres de paradiso et Dominus suus, videlicet Deus, dixerant sibi quod oportebat quod iret ad guerram pro regno Francie recuperando» (Ibidem. P. 291).

¹² «Etiam itinerando ipsa libenter missas, ut dicebat, audisset, quia dicebat eis: «Si possemus audire missam, bene faceremus» (Ibidem).

¹³ «Dixit insuper idem testis quod dictis ipsius Puellae multum credebatur, et ipsis dictis et ejusdem amore divino, ut credit, inflammatus erat» (Ibidem).

¹⁴ «Et per suum juramentum dixit quod nunquam habuit voluntatem ad eam, neque motum carnalem» (Ibidem).

¹⁵ «Dixit iterum idem testis quod, tamdiu quamdiu in ejus comitiva fuit, ipsam bonam, simplicem, devotam, bonam christianam, bene conditionatam et Deum timentem reperit» (Ibidem).

¹⁶ «Ipsa venerat versus ipsum Robertum ex parte Domini sui, ut ipse mandaret dalphino quod se bene teneret, et quod non assignaret bellum suis inimicis, quia ejus Dominus daret sibi succursum infra medium quadragesime» (Ibidem. P. 305).

¹⁷ «Dicendo quod invitis inimicis ejusdem dalphini fieret rex» (Ibidem).

¹⁸ «Dixit etiam ipse testis quod ipsi manserunt per undecim dies per iter, eundo usque ad regem, tunc dalphinum, et eundo habuerunt multa dubia; sed dicta Johanna semper dicebat eis quod non timerent, quia, ipsis perventis ad villam de Chinon, nobilis dalphinus faceret eis bonum vultum» (Ibidem. P. 306).

¹⁹ «Nec unquam in ipsa vidit aliquod malum, sed semper fuit bona filia sicut fuisset sancta» (Ibidem. P. 307).

²⁰ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976. С. 173–180.

²¹ Там же. С. 180; Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. II. С. 210–211.

²² «Dixit etiam quod, dum ipsa voluit recedere, dicebatur sibi quomodo recederet, propter armatos circumstantes; que respondebat quod non timebat armatos, quia habebat viam suam expeditam; quia, si armati essent per viam, habebat Deum, dominum suum, qui sibi faceret viam ad eundem juxta dominum dalphinum, et quod erat nata ad hoc faciendum» (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. Т. 1. P. 299–300).

²³ «Et, ut verisimile credi potest, signum aliquod sue missionis dedisset, eum ad assensendum et ea que poscebat adimplendum adduxit. Unde ipse, paratis ad proficiscendum equis ac famulis ceterisque necessariis que suo convenirent statui, eam... ad Karolem regem Turonum usque perduxit» (Basin T. Histoire de Charles VII / Ed. par C.Samaran. P., 1964. Т. I. P. 128). Упоминание Тура в качестве конечной цели путешествия является, конечно, ошибкой автора.

²⁴ См., к примеру: Weinstein D., Bell R.M. Saints and Society. Christendom, 1000–1700. Chicago–L., 1982. P. 283–285.

²⁵ «Dixit insuper ipse testis quod ipsa Puella libenter missas audiebat, prout vidit, sepe confitebatur, libenter dabat elemosynas; et dixit testis quod multotiens sibi pecunias ad dandum pro Deo concessit» (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. Т. 1. P. 291).

²⁶ «Environ ces jours arriva dedans Chinon Jehanne la Pucelle et ceulx qui la conduisoient, fort esmerveillez commant ilz estoient peu arriver sauvement, veuz les perilleux passaiges qu'ilz avoyent trouvez, les dangereuses et grosses rivières que ilz avoyent passées à gué, et le grant chemin qu'il leur avoit convenu faire, au long duquel avoyent passé par plusieurs villes et villaiges tenans le party Angloys...esquelles se faisoient unnumerables maulx et pilleries. Par quoy lors louèrent Nostre Seigneur de la grâce qu'il leur avoit faite, ainsi que leur avoit promis la Pucelle par avant» (Journal du siège d'Orléans, 1428–1429. Augmenté par plusieurs documents notamment des comptes de ville, 1429–1431 / Publ. par P.Charpentier et C.Cuissard. Orléans, 1896. P. 46).

²⁷ «Lesquels en feirent grand difficulté, et non sans cause; car il failloit qu'ils passassent par les dangers et périls des ennemis. Ladictte Jeanne congneut bien la crainte et doute qu'ils faisoient; si leur dist: «En nom Dieu, menez-moi devers le gentil daulphin, et ne faite doute, que vous ne moy n'aurons aucun empeschement» (Chronique de la Pucelle // Quicherat J. Op. cit. T. IV. P., 1847. P. 206).

²⁸ «Capitaine, c'est grant folye / de vouloir cecy entreprendre» (Le Mistere du siege d'Orléans / Ed. critique de V.L.Hamblin. Genève, 2002. V. 9149–9150).

²⁹ «Enffans, n'ayez de riens soussy. / En nom Dieu, nous eschapperons, / je le vous promés tout ainsi, / n'empeschement ne trouverrons» (Ibidem. V. 9157–9160).

³⁰ «Je m'en esmerveilleray dont, / et ne puis pas bien cecy croire» (Ibidem. V. 9161–9162).

³¹ «Ne en ma vie je ne pensoie / arriver sans empeschement, / et avons trouvé plaine voye; / tousjours Anglois, incessamment, / mais onques ne se sont offerts / de nous faire nul desplaisir, / par passaiges, ports et travers / du tout, nous en sommes sailliez / de tout mal et de tous perilz, / qui est une chose impossible» (Ibidem. V. 9881–9890).

³² «Des nouvelles je vous viens dire, / que une pucelle amenons, / juste et bonne, tres chier sire, / et de certain nous le creons, / que en elle trouvé avons / toute parolle veritable, / dont en elle nous esperons / qu'elle soit tres digne et notable» (Ibidem. V. 9725–9732).

³³ «Mes est si prudente et si saige, / nous a convenu l'amener, / par son beau parler et langaige» (Ibidem. V.9865–9867).

³⁴ «En elle toute bonté est, / autre chose n'en pourroies dire» (Ibidem. V. 9907–9908).

³⁵ Подробнее о них: Тогоева О.И. Жанна д'Арк и ее король // Власть, общество и индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А.Хачатурян. М., 2008 (в печати).

³⁶ Письмо содержится в сборнике сочинений, принадлежащих различным итальянским гуманистам XV–XVI вв. В единый кодекс, хранящийся ныне в Ватиканской библиотеке (Vat. lat. 6898), эти отдельные тетради были объединены в XVII в. Интересующее нас письмо было написано в XV в., на что указывает его палеографический анализ: Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc d'après un document italien contemporain: édition et traduction de la lettre du pseudo-Barbaro // Bulletin de l'Association des amis du Centre Jeanne d'Arc. 1996. N 20. P. 4–26; *Idem*. Une lettre inédite sur Jeanne d'Arc (1429) faussement attribuée à Francesco Barbaro, humaniste vénitien // L'Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1997. P. 53–73.

³⁷ См. о нем: King M. Umanesimo e patriziato a Venezia nel Quattrocento. R., 1986. T. II. P. 138–144, 462–465.

³⁸ Ibidem. P. 463.

³⁹ Письма Франческо Барбаро были опубликованы полностью еще в середине XVIII в.: *Barbaro F. Diatriba praeliminaris in duas partes divisa ad Francisci Barbari epistolas et aliorum ad ipsum epistolae ab anno Christi 1425 ad annum 1453* / Ed. M.A. Quirini. Brescia, 1743. Т.1–2. Академическое издание см.: *Barbaro F. Epistolario* / A cura di C. Griggio. Т.1: La tradizione manoscritta e a stampa. Firenze, 1991; Т. 2: La raccolta canonica delle «Epistole». Firenze, 1999.

⁴⁰ *Gilli P. Une lettre inédite*. P. 55–56.

⁴¹ «Quam vero id pulchrum ac speciosum cernere, quam modo pium ac sanctum mente contemplari puellam ante viros in armatos hostes vadentem. Hique Britani fortissimi multa hominum milia paucis occurebant quibus item rebus accidebat, quod hi per tot annos omnibus preliis victores Galli victi fuerant, nec iam aut animus aut vitus ad vincendum supererat, nisi quantum spei presens femela plusquam virili et audacia preferebat» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc*. P. 13).

⁴² «Nec putes regiam coronam capiti vel thesauris vel delitiis, sed fide et iustitia pietate convenire et memineris nihil plus Regi quam regiam licentiam obesse» (*Ibidem*).

⁴³ «Te quoque, o Phylippe, pro familiari illa necessi[tudine]...simul ac gentis instituto decet, si quid...parandum sit, veluti rem nepotum...gubernasti. Sic nunc quibus maxime potes auxilium iuvare, ut in patrium ius ac dignitatem redeant» (*Ibidem*. P. 15).

⁴⁴ « Excipite Parisii Regem vestrum omnem in uno avorum gloriam et dignitatem perspicite, cumulate liliis beatam hanc aulam stipate omnem domum floribus quippe non tam regio decore et quam celesti splendore illustrem» (*Ibidem*. P. 16).

⁴⁵ «Ut fama est, Virgo ipsa e tribus que sunt illi divinitus constituta hoc primum ac minimum dicit pulsus Britanis, Carolum in avito regno collocari» (*Ibidem*. P. 14–15).

⁴⁶ Подробнее: *Тогоева О.И.* Исполнение пророчеств: Ветхозаветные герои Столетней войны // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2005 / Под ред. М.А.Бойцова и И.Н.Данилевского. Вып. 7. М., 2006. С. 88–106.

⁴⁷ «Quantum vero idest, o virgo, quod secundum te ac tertium facturam dicis maius quidem Francorum regno maius omnis Gallia maius omni gente. Tunc ab Oceano ad Indos unius imperii regimen constitues quicquid est gentium unius hominis arbitrio, aut alicuius rei publice legibus subiugabis...Denique novam imperii sedem, primumque aliquod rerum caput instituis» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc*. P. 15).

⁴⁸ «Forsan istos massagetarum, quorum iugum patimur ad fidem, iam dudum heu tot malis nostris ac probris desertam revocabis, aut in Asiarum revoluta beata et illa nostre salutis monumenta ad pacem ac libertatem restitues» (*Ibidem*).

⁴⁹ «An haec quam cernimus Romane Ecclesie potestas communi sceptro latius regnatura?» (*Ibidem*).

⁵⁰ «Italia antiquis viribus reparanda est...Sola es que tanto malo mediri potes. Equidem spero fore apud nos praecipuam tue potestatis, curam ut ferme Italiam hodie in suis malis natantem miserata restaures» (*Ibidem*. P. 15–16).

⁵¹ Подробнее см.: *Gilli P. Au miroir de l'humanisme. Les représentations de la France dans la culture savante italienne à la fin du Moyen Age*. P., 1997. P. 170–175, 225–240.

⁵² «E dapuo questa damixela aver dito [a miser] lo Dolfin vole andar a Roma per farlo incoronar de la so corona de tuta Franza» (*Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France* / Ed. par G.Lefèvre–Pontalis, L.Dorez. P., 1901. Т. 3 (1429–1433). P. 64–66).

⁵³ «La glorioxa damixela a promeso a dar al Dolfin, [apreso] de donarli la corona de Franza, uno dono che valerà plu del reame de Franza, et apreso declararli de darly la conquista de la Tere sancte» (Ibidem. P. 82).

⁵⁴ См., например: *Atiya A.S. The Crusade of Nicopolis. L., 1978. P. 119–125; Rousset P. Histoire d'une idéologie. La Croisade. Lausanne, 1983. P. 107–109, 131–133.*

⁵⁵ Имя этого автора долгое время было принято писать как «Боне» (Bonet), однако исследования последних лет показали, что транскрипция «Бове» является единственно верной: *Lefèvre S. Honoré Bovet (ou Bouvet) // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G.Hasenohr et M.Zink. P., 1992. P. 685–686.*

⁵⁶ О восприятии Крестового похода как «войны ради мира» в XIII–XV вв. см.: *Rousset P. Op. cit. P. 111–127.*

⁵⁷ Подробнее см.: *Contamine P. L'idée de guerre à la fin du Moyen Age, aspects juridiques et éthiques // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1979. P. 70–86; Richter R. La tradition de l'Arbre des Batailles par Honoré Bonet // Romanica Vulgaria. 1983. T. 82. P. 129–141.*

⁵⁸ «Et ce soit dit pour démonstrer, mon très-amé seigneur, que vostre plaie et douleur doit estre commune singulièrement aux roys, aux princes et à toute la crestienté et que vous avés assés de compaignie pour vengier la honte commune et réparer tout ce qui se pourra amender: laquelle chose tout bon crestien doit désirer» (L'Epistre lamentable et consolatoire // *Œuvres de Froissart / Ed. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1872. T. 16. P. 444–523, здесь P. 456–457.*)

⁵⁹ «Mon très-doulx seigneur, il te souviengne de la prouesce en Dieu de tes prédécesseurs, c'est-assavoir de très-preu saint Charlemaigne, de très-vaillant Loys le Gros et du très-vaillant saint Loys» (Ibidem. P. 458–459). Подробнее о взглядах Филиппа де Мезьера на новый Крестовый поход: *Iorga N. Philippe de Mézières et la croisade au XIVe siècle. P., 1896.*

⁶⁰ «Princes mondain, je vous requier et proy / Que vous m'aidez les Sarrasins conquerre; / Je suis la loy, soiez avecques moy / Pour conquerir de cuer la Sainte Terre» (*Œuvres complètes de Eustache Deschamps / Publ. par le marquis de Queux de Saint-Hilaire. P., 1878. T. 1. Balade XLIX. P. 138–139.*)

⁶¹ Подробнее см.: *Reeves M. Joachim of Fiore and the Prophetic Future. A Medieval Study in Historical Thinking. Guildford, 1999. P. 59–60, 63, 66–72; Bouzy O. Prédiction ou récupération, les prophéties autour de Jeanne d'Arc dans les premiers mois de l'année 1429 // Bulletin de l'Association des amis du Centre Jeanne d'Arc. 1990. N 14. P. 39–47.*

⁶² *Zeller G. Les rois de France candidats à l'Empire. Essai sur l'idéologie impériale en France // Zeller G. Aspects de la politique française sous l'Ancien Regime. P., 1964. P. 12–89.*

⁶³ *Samaran C. Projets français de croisade de Philippe le Bel à Philippe de Valois // Histoire littéraire de la France. 1981. T. 41. P. 33–74; Schein S. The Future «Regnum Hierusalem». A Chapter in Medieval State Planning // Journal of Medieval History. 1986. T. 10. P. 704–717.*

⁶⁴ *Vauchez A. Jeanne d'Arc et le prophétisme féminin des XIVe et XVe siècles // Jeanne d'Arc. Une époque, un rayonnement. P., 1982. P. 159–168.*

⁶⁵ Подробнее см.: *Atiya A.S. Op. cit. P. 119–120.*

⁶⁶ Ibidem. P. 121; *Gilli P. Au miroir de l'humanisme. P. 170; Rousset P. Op. cit. P. 129.*

⁶⁷ См. об этом: *Thomassy R. Essai sur les écrits politiques de Christine de Pisan. P., 1838. P. XXV–XXXIV; Gauvard C. Christine de Pisan a-t-elle eu une pensée politique? // Revue historique. 1973. T. 250. N 2. P. 417–430; Contamine Ph. La théologie de la guerre à la fin du Moyen Age: la guerre de Cent ans fut-elle une guerre juste? // Jeanne d'Arc. Une époque, un rayonnement. P. 9–21.*

⁶⁸ «Des Crestiens, lesquelz doivent estre tous soubz une mere sainte Esglise...véant, le bon prince, que il ne povoit tout le monde de ceste chose appaisier, désirant le bien et la paix universelle de toute crestienté, ains qu'il trespasast, avoit délibéré...que il feroit tant vers les princes de crestienté, que conseil général de tous les prélas seroit assemblé, aucune part, à certain jour» (*Pizan Ch. de. Le Livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe. Ed. par MM. Michaud et Poujoulat. P., 1836. T. II. P. 3–145, здесь P. 129).*

⁶⁹ «Deux entremés y ot: l'un, comme Godefroy de Buillon conquist Jherusalem, laquelle histoire ramentevoir estoit pertinent pour exemples donner à telz princes» (*Ibidem. P. 110*). Любопытно, что идейным вдохновителем этого представления, возможно, являлся все тот же Филипп де Мезьер, активный пропагандист нового Крестового похода: *Lefèvre S. Philippe de Mézières // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G.Hasenohr et M.Zink. P., 1992. P. 1144–1146.*

⁷⁰ *Pizan Ch. de. Ditié de Jeanne d'Arc / Ed. A.J.Kennedy, K.Varty. Oxford, 1977.*

⁷¹ «En Christianté et l'Eglise / Sera par elle mis concorde. / Les mescreans dont on devise, / Et les herites de vie orde / Destruira» (*Ibidem. V. 329–333*).

⁷² «Des Sarradins fera essart, / En conquerant la Sainte Terre, / Là menra Charles, que Dieu gard! / ...Et l'un et l'autre gloire acquerre» (*Ibidem. V. 337–343*).

⁷³ «Car ung roy de France doit estre / Charles, filz de Charles, nommé, / Qui sur tous rois sera grant maistre. / Propheciez l'ont surnommé / «Le Cerf Volant», et consumé / Sera par celui conquereur / Maint fait (Dieu l'a à ce somé), / Et en fin doit estre empereur» (*Ibidem. V. 121–128*).

⁷⁴ «Duc de Bethfort, la Pucelle vous prie et vous requiert que vous ne vous faictes pas destruire. Se vous faictes rayson, encore pourrez venir en sa compaignie toù que les François feront le plus biau fait qui oncques fut fait pour la crestienté» (*Lettre de la Pucelle aux Anglais // Quicherat J. Op. cit. T. V. P. 97–98*). Впервые на намек Жанны д'Арк относительно организации похода на Восток в письме к англичанам обратил внимание американский исследователь Келли Де Врис: *DeVries K. Joan od Arc's Call to Crusade // Joan of Arc and Spirituality / Ed. A.W.Astell, B.Wheeler. N.-Y., 2003. P. 111–126*. Однако, его предположение, что эта идея уже совершенно эксплицитно выражена в послании Жанны герцогу Бургундскому от 17 июля 1429 г., не выдерживает критики, ибо основывается на единственной фразе из этого письма, в которой французская героиня просит прекратить сопротивление дофину Карлу. Если же ему так хочется продолжать военные действия, замечает она, то пусть он обратит свои силы против сарацин: «Pardonnez l'un à l'autre de bon cuer, entièrement, ainsi que doivent faire loyaux chrestians; et s'il vous plaist à guerroyer, si allez sur les Sarrazins» (*Lettre de la Pucelle au duc de Bourgogne // Quicherat J. Op. cit. T. V. P. 126–127*). Формулировка данного пожелания заставляет предположить, что перед нами, скорее, фигура речи, нежели ясно высказанное намерение лично отправиться на Восток. Та же неверная трактовка: *Скакальская А.Б. Бог и мое право // Процесс Жанны д'Арк.*

Материалы инквизиционного процесса / Пер., комм., сопровод. статья А.Б.Скальской. М.–СПб., 2008. С. 338–482, здесь С. 347.

⁷⁵ См. прим. 105.

⁷⁶ Наиболее известное французское сочинение XV в., посвященное этому вопросу, было написано значительно позднее, в 1451 г., Жаном Жерменом, епископом Шалона, и предназначалось Карлу VII: *Le Discours du voyage de Oultremer au très victorieux roi Charles VII, prononcé en 1452 par Jean Germain, évêque de Châlons* / Ed. par C.Schefer // *Revue de l'Orient latin*. 1895. Т. III. P. 303–342. Чуть позже, в 1454 г., Филипп Добрый, герцог Бургундский, устроил в Лилле специальный банкет, названный «Обет фазана», на котором призвал своих вассалов и европейских правителей к новому походу против неверных: *Хачатурян Н.А.* Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал* / Под ред. Н.А.Хачатурян. М., 2004. С. 177–199; *Le Banquet du Faisan 1454: l'Occident face au défi de l'Empire ottoman* / Ed. par M.-T. Caron, D.Clauzel. Arras, 1997.

⁷⁷ *Arnauville T.* Structure personnelle du «Ditié de Jeanne d'Arc» (1429) // *Revue des langues romanes*. 1988. Т. 92. N 2. P. 287–291. Форма письма вообще весьма характерна для творчества Кристины Пизанской. Она использовала ее как в поэтических произведениях (*Pisan Ch. de. Epistre à Eustache des Champs, dit Morel, bailli de Senlis* // Thomassy R. Op. cit. P. 121–122), так и в политических сочинениях (*Pisan Ch. de. Epistre à la reine* / Ed. par A.J.Kennedy // *Revue des langues romanes*. 1988. Т. 92. N 2. P. 253–264; *Idem. Lamentation des maux de la France* / Ed. par A.J.Kennedy // *Mélanges de langue et littérature françaises du Moyen Age et de la Renaissance offerts à Monsieur Charles Foulon*. Rennes, 1980. P. 177–185).

⁷⁸ *Pisan Ch. de. Ditié. V. 97–120 = Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 23, 26.*

⁷⁹ *Pisan Ch. de. Ditié. V. 161–192 = Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 16–18, 21, 25–26.*

⁸⁰ *Pisan Ch. de. Ditié. V. 305–320 = Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 24.*

⁸¹ *Pisan Ch. de. Ditié. V. 361–376 = Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 24–25.*

⁸² *Pisan Ch. de. Ditié. V. 425–440 = Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 26.*

⁸³ «Vous irés ailleurs tabourer, / Se ne voulez assavouer / La mort, comme voz compaignons, / Que lous pevent bien devourer, / Car mors gisent par les sillons! / Et sachez que par elle Anglois / Seront mis jus sans relever, / Car Dieu le veult, qui oit les voiz / Des bons qu'ilz ont voulu grever!» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 316–324*). «Quid vero adhuc frustra contenditis? Quid tam diu ad aeternas voces reclamatis? Parum ne tot preliis intellexistis non humanis viribus sed prorsus divina virtute ac celesti ferro adversum vos pugnari, nec esse quicquam miserius quam pertinaces iras supreme illi potentiae obicere. Hic igitur hic si sapitis gladios ponite, hic si vitam cupitis vincenti Deo manum date» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 14*).

⁸⁴ «Et vous, rebelles rouppieux, / Qui à eulz vous estes adhers, / Or voiez-vous qu'il vous fust mieulx / D'estre alez droit que le revers, / Pour devenir aux Anglois serfs. / Gardez que plus ne vous aviengne / (Car trop avez esté souffers), / Et de la fin bien vous souviengne!» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 361–368*). «Te quoque velim Senonum ducem datas acceptasque iniurias oblivisci nec te ultra sceleratis partibus inferre... Quid tu modo unius puellae sequeris vestigia teque potius delate oportunitati adiungis quam infelici audaciae poenas tuas?» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 14*).

⁸⁵ «O Paris tresmal conseillié! / Folz habitans sans confiance! / Aymes–tu mieulz estre essillié / Qu'à ton prince faire accordance? / ...Trop mieulx te feust par suppliance / Requerir mercy. Mal y vises!» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 433–440*). «Excipite Parisii Regem vestrum omnem in uno avorum gloriam et dignitatem perspicite» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 16*).

⁸⁶ «Qui vit doncques chose avenir / Plus hors de toute opinion / ...Que France (de qui mention / On faisoit que jus est ruée) / Soit, par divine mission, / Du mal en si grant bien muée» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 73–80*).

⁸⁷ «Quis vero nesciat, non dicam annos sed paucos ante quo in loco Rex Francorum esset? Capta dudum Parisia omnique circum provincia in potestatem Brittanorum redacta ac tollerandum fortasse populisi ex calamitate ac perturbatis et desperatis rebus aliud iugum accepisset» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 10*).

⁸⁸ «Et toy, Pucelle beneurée, / Y dois–tu estre obliée, / Puis que Dieu t'a tant honorée / Que as la corde desliée / Qui tenoit France estoit liée? / Te pourroit–on assez louer / Quant ceste terre, humiliée / Par guerre, as fait de paix douer?» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 161–168*).

⁸⁹ «Gaude huius merito Gallia liberas iam voces emittite, quibus mos est, divina beneficia memorare: haec tibi Regem confirmat, haec tibi nomen, hec veterem gloriam restituit» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 13–14*).

⁹⁰ «En peu de temps; que l'on cuidoit / Que ce feusst com chose impossible / Que ton pays, qui se perdoit, / Reusses jamais. Or est visible – / Ment tien, puis que qui que nuisible / T'ait esté, tu l'as recouvré! / C'est par la Pucelle sensible, / Dieu mercy, qui y a ouvré!» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 105–112*). «Tibi ego quantis possum votis manibus ac literis gratulor, deinceps omnia bene speraveris qui tanto rerum tuarum praesidio niteris non antea cessabitur quam videas omnia expleri, quae sunt huius puella ministerio facienda» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 13*).

⁹¹ См. прим. 47, 69.

⁹² «Car, se Dieu fist par Josué / Des miracles à si grant somme, / Conquerant lieux, et jus rué / Y furent maint, il estoit homme / Fort et puissant. Mais, toute somme, / Une femme – simple bergiere – / Plus preux qu'onc homs ne fut à Romme! / Quant à Dieu, c'est chose legiere» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 193–200*). «Quid tum agebas virgo inter pecudes relicta exigui graegis custos mollibus herbis oviculas circumduces?» (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 11*).

⁹³ Райцес В.И. «Пастушка из Домреми»: Генезис и семантика образа // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1996 / Под ред. Ю.Л.Бессмертного и М.А.Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 251–264.

⁹⁴ McWebb C. Joan of Arc and Christine de Pizan: The Symbiosis of Two Warriors in the «Ditié de Jehanne d'Arc» // *Fresh Verdicts on Joan of Arc. P. 133–144*, здесь P. 140.

⁹⁵ «Considerée ta personne, / Qui es une jeune pucelle, / A qui Dieu force et povoir donne / D'estre le champion et celle / Qui donne France la mamelle / De paix et douce norriture» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 185–190*).

⁹⁶ «Encores vous dis–je que, tout ainsi comme le royne du ciel, mere de Dieu, est appelée mere de toute chretienité, doit estre dicte et appellée toute saige et bonne royne mere et confortarresse, et advocate de ses subgiez et de son pueple» (*Pisan Ch. de. Epistre à la reine. P. 256*).

⁹⁷ «Pour le Roy de France te pri / Qu'en pitié tu oyes le cry / De ses bons et loyaux amis» (*Pisan Ch. de. Prière à Notre-Dame // Thomassy R. Op. cit. P. 171–181, здесь P. 173*).

⁹⁸ «Royné, qui des maulx nous lève / Lesquelx nous empétra dame Eve, / Si com saint Augustin raconte, / Tu est celle qui n'es pas tève / A nous expurgier de la cève / De péchié qui trop nous surmonte» (*Ibidem. P. 174*). О противопоставлении Евы и Марии, весьма популярном в средневековой Франции, см.: *Тогоева О.И. Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти // Историк и художник. 2005. № 1. С. 154–171*.

⁹⁹ В частности, сравнение с Богоматерью активно используется на процессе по реабилитации Жанны д'Арк в 1456 г.: оно фиксируется в трактатах парижских теологов – Эли де Бурдейя, Тома Базена, Жана Бошара, Гийома Буйе, Робера Цибуля и Жана Бреалья – высказывавших свое мнение по поводу обвинений, выдвинутых в свое время против Жанны: *Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. T. 2. P. 43, 194, 261, 321, 367, 411*. Из светских авторов к сравнению французской героини с Девой Марией прибегает Матье Томассен в «*Registre Delphinal*», созданном по заказу дофина Людовика (будущего короля Людовика XI) после 1456 г. Однако, Томассен прямо ссылается в своем сочинении на «*Ditié*»Кристины Пизанской, откуда, как следует из его текста, он и заимствует интересующий нас образ: «*Et j'ay plus tost desiré de mettre icy le traictié de laditte Christine que des autres, afin de tousjours honorer le sexe féminin par le moyen duquel toute la chrestienté a eu tant de biens: par la pucelle Vierge Marie, la réparation et restauracion de tout le humain lignage; et par laditte Pucelle Jehanne, la réparation et restauracion du royaume de France, qui estoit du tout en bas, jusques à prendre fin, si ne fust venue*» (*Mathieu Thomassin // Quicherat J. Op. cit. T. IV. P. 310*). См. также: *Astell A.W. The Virgin Mary and the «Voices» of Joan of Arc // Joan of Arc and Spirituality. P. 37–60*.

¹⁰⁰ «*Adaccessit coelestis Puella et quod ipse pater cunctipotens virgini Mariae prae caeteris praestitit, scilicet ut eam tam pulchram aspicientes, quisque ille esset, qualiscumque et ex vita immorali, dies duxit suos ab omni concupiscentia saeculi*» (*Fragment d'une lettre. P. 99*).

¹⁰¹ «*E vede con che muodo l'a aidado Dio, chomo per una femena, zioè Nostra donna santa Maria, che salve l'umana generacion, chusy per questa donzela pura e neta l'a salvado la plu bela parte de cristade*» (*Chronique d'Antonio Morosini. P. 80*).

¹⁰² «*En virgo, quae caelestium oraculorum fata iussa aperiant, quae tibi facende ac parande salutis mandata revelet. Verum ante omnia, ut intelligas beate illius virginis patrocinium hoc esse, quae sane et aeternum dei omnipotentis filium pro communi omnium salutem peperit. Quid enim mulierem, quid puellam, quid virginem, quae sunt illius divine matris agnomina?»* (*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 8*).

¹⁰³ В свою очередь это не исключает, что Псевдо-Барбаро мог знать и текст письма Жанны к англичанам и заимствовать оттуда саму идею Крестового похода. Однако, на ее проработку, как мне представляется, могла оказать влияние именно поэма Кристины Пизанской.

¹⁰⁴ «*Donné ce Ditié par Christine, / L'an dessusdit mil CCCC / Et XXIX, le jour où fine / Le mois de juillet.*» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 481–484*). Подробнее об этом см.: *Kennedy A.J., Varty K. Introduction // Pisan Ch. de. Ditié. P. 1–23, здесь P. 1–2*. В современной историографии датировка «*Ditié*» была оспорена единственный раз, американскими исследовательницами Энн Люткус и Джулией Уокер, которые предложили считать

временем окончания поэмы конец августа – начало сентября 1429 г.: *Lutkus A.D., Walker J.M.* PR pas PC: Christine de Pizan's pro-Joan Propaganda // *Fresh Verdicts on Joan of Arc* / Ed. B.Wheeler, C.T.Wood. N.-Y., 1996. P. 145–160. А. Люткус и Д. Уокер посчитали, что в «Ditié» речь идет о том, что Карл VII и Жанна д'Арк уже стоят под стенами Парижа (куда они прибыли в реальности 29 июля 1429 г.), а потому сама поэма не могла быть закончена всего через два дня после этого события. Данная гипотеза основывается, однако, на неверном понимании текста, из которого ясно следует, что королевские войска «еще не дошли» до столицы Франции: «Ne scay se Paris se tendra / (Car encoures n'y sont–ilz mie)» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 417–418*). Ответ Агнуса Кеннеди см.: *Kennedy A.J.* La date du «Ditié de Jehanne d'Arc»: réponse à Anne D.Lutkus et Julia M.Walker // *Au champ des écritures* / Ed. par E.Hicks. P., 2000. P. 749–770.

¹⁰⁵ *Fraioli D.* Joan of Arc: The Early Debate. Woodbridge, 2000. P. 104.

¹⁰⁶ *Ibidem.* P. 106–113.

¹⁰⁷ *Ibidem.* P. 104. Как отмечал Бернар Гене, в исключительных случаях королевский гонец мог проезжать в день до 150 км. В среднем же эта дистанция равнялась 50–75 км в день: *Guenée B.* Espace et Etat dans la France du bas Moyen Age // *Annales E.S.C.* 1968. Vol. 31. P. 744–758.

¹⁰⁸ Это следует из анализа кодекса, хранящегося ныне в Бернской библиотеке (Berne 205), но созданного в Сансе между 1428 и 1430 гг. Текст «Ditié», скопированный в него вместе с «Заключением» из Пуатье и письмом англичанам Жанны д'Арк, считается самым ранним из дошедших до нас списков поэмы Кристины Пизанской: *Kennedy A.J., Varty K.* Op. cit. P. 2–4; *Fraioli D.* Op. cit. P. 123–125.

¹⁰⁹ *Лучицкая С.И.* Крестовые походы // *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А.Я.Гуревича. М., 2003. С. 234–239.

¹¹⁰ «Là doit-elle finer sa vie» (*Pisan Ch. de. Ditié. V. 342*).

¹¹¹ Связь французской героини и Людовика Святого особенно хорошо заметна по более поздним источникам. К примеру, на процессе по реабилитации граф Дюнуа заявлял, что именно Людовик (вместе с Карлом Великим) являлся Жанне в ее видениях и обещал помощь в освобождении Орлеана, о чем она якобы сама говорила свидетелю: «Tunc ipsa Johanna dixit in isto modo... «Non tamen procedi amore mei, sed ab illo Deo qui, ad requestam sancti Ludovici et sancti Karoli Magni, habuit pietatem de villa Aurelianensi, nec voluit pati quod inimici haberent corpus domini Aurelianensis et villam ejus"... Considerato preterea quod illa juvencula asserebat in visione habuisse quod sancti Ludovicus et Karolus Magnus orabant Deum pro salute regis et illius civitatis» (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. T. 1. P. 318–319). Та же информация затем повторялась в «Хронике Девы» (*Chronique de la Pucelle. P. 208, 219*).

¹¹² Ср.: «Пространственно-временная система художественного произведения в известном смысле может рассматриваться как фон сюжетного повествования, соотносящий отдельные сюжетные единицы и целые сюжетные образования не только между собой, но и с элементами, лежащими вне данного текста и вне данной системы (вплоть до реального времени и географического пространства)» (*Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былинке // *Славянский фольклор. М., 1972. С. 19; курсив мой. – О.Т.*).

Г.П. Мельников

«ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА»: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА

«Из Чехии аж на край света» («Z Čech až na konec světa») – так назвал свою повесть для юношества, изданную в 1888 г., классик чешской литературы, автор исторических романов Алоиз Ирасек. Эта формулировка, заимствованная им из текста XV в., вошла в чешскую историческую науку и стала обозначать феномен чешских путешествий, ярко проявившийся в раннее Новое время и затем оставшийся в системе чешской культуры как один из ее примечательных элементов.

Крупнейший современный чешский историк раннего Нового времени Ярослав Панек, издавший ряд описаний путешествий, предлагает следующее определение феномена путешествия и классификацию путешествий. Он считает, что путешествие – это поездка на определенное время с заранее запланированной программой, предусматривающая возвращение. Необходимо уточнить, что срок путешествия может варьироваться от нескольких дней до многих лет, и не всегда путешествие предусматривает возвращение, так как его вектор может быть направлен в бесконечность (феномен миссионерства). Судя по определению Я. Панека, бесцельное странствование не является путешествием в строгом смысле слова, это скорее кочевой образ жизни, скитальчество, бродяжничество, т.е. цель здесь присутствует не в виде объекта устремления, а как обеспечение существования. Поэтому к путешественникам вряд ли можно относить средневековых и современных бродяг, «скитальцев морей» и т. п. Далее Я. Панек формулирует пять типов путешествий или поездок, считая эти термины синонимами:

1. экономическое (торгово-финансовое),
2. политическое (военно-политическое),
3. с целью обучения,
4. творческое (поездки художников, писателей, ученых),
5. религиозное (церковно-административное).

К первому типу надо отнести, применительно к реалиям раннего Нового времени, все перемещения купечества и предпринимателей, ко второму – посольства, государственные визиты, дальние военные походы небольших отрядов (например, конкистадоры в Америке), к третьему – поездки юношества в университеты и к авторитетным ученым, к пятому – паломничества и посольства церковных организаций¹. К этой классификации следует добавить путешествие с целью знакомства с миром, в том числе и с целью открытия новых земель и дальнейшего их освоения. Именно этот вид путеше-

ствия определил содержание Великих географических открытий – периода, начинающего Новое время. Однако именно в этих открытиях чехи не участвовали.

Как мне представляется, классификация, предложенная Я. Панеком, более адекватна исторической материи, чем известная «парадигма путешествий» Кевина Мёррея, включающая в себя инициацию, паломничество и авантюру. Инициация (путешествие в лес за получением тайной информации, меняющей социально-возрастной статус человека) может трактоваться как собственно путешествие лишь в метафорическом смысле, приближаясь к топосу «путешествия по жизни», связанного скорее с литературной рефлексией, приведшей к появлению мотива путешествия как литературного приема². Христианское паломничество (о паломничествах в других религиях почему-то ничего не говорится) К. Мёррей тесно связывает с крестовыми походами, что трудно счесть правильным, ибо паломничества в Святую землю существовали задолго до крестовых походов и продолжились после них, вплоть до наших дней. К тому же христианские паломничества не ограничиваются только Палестиной, у них имеются сакральные объекты поклонения и в Европе. Военную кампанию К. Мёррей относит к аванюре, приключению, что не всегда соответствует ее причинам и целям, в которых политика играет одну из определяющих ролей. Верно отмечая, что аванюра предполагает, в отличие от двух других форм путешествия, материальное вознаграждение, К. Мёррей почему-то считает позднейшей исторической модификацией этой формы «большое турне» по странам Европы с целью получения или завершения образования, смешивая тем самым различные мотивации и цели путешествия³.

Вернемся к проблеме чешской специфики путешествий. Конечно, у чехов были представлены все виды путешествий, фигурирующие в классификации Я. Панека, и здесь чехи ничем не отличались от других народов. Однако, в добавление к этому, феномен чешских путешествий обладает определенной спецификой, связанной с константами чешской ментальности. В данной статье, не претендующей на фундаментальное освещение темы, что потребовало бы по меньшей мере создания многотомной монографии, выдвигается гипотеза, стремящаяся объяснить эту специфику не только через ментальность, но и через иные факторы, обусловленные развитием чешской истории в раннее Новое время.

Чехия, по вполне понятным географическо-политическим причинам, никогда не стремилась к захвату колоний, ибо была отрезана от моря и, находясь в системе Империи и одновременно конфликтуя с ней (гуситские войны XV в., борьба с Габсбургами в XVI – начале XVII в.), не интересовалась установлением прочных связей с новооткрытыми землями. Также на традиционных международных купеческих путях чехи не фигурировали, ограничиваясь оптовыми закупками товаров в ближайших странах или уже на своей территории⁴. Поэтому никаких объединений «купцов-авантюристов» в

Чехии не могло возникнуть. Таким образом, мотивацию экономической выгоды следует минимизировать (если не полностью исключить) из объяснения феномена чешских путешествий.

Далее, по сравнению с соседями (Германия, Речь Посполитая, Венгерское королевство) у чехов обращает на себя внимание прежде всего «количественный фактор»: «малый народ» в раннее Новое время дал такое количество путешественников, включая паломников и миссионеров, что может сравниться с вкладом «больших народов». Немцы, поляки, венгры в XVI-XVII вв. были поглощены внутренними проблемами, борьбой с османскими завоеваниями в Европе, затем шведскими, что вылилось в XVII-XVIII вв. в почти непрекращающиеся войны и восстания, поэтому путешествия здесь не занимали значимого места. Чехия, хотя и стала в начале XVII в. центром возникновения Тридцатилетней войны, на протяжении всего раннего Нового времени все же не была настолько втянутой в центрально- и восточноевропейские дела, чтобы целиком оказаться поглощенной ими. Чешские путешественники, начиная с XVI в., приносили в самые отдаленные уголки Земли, ведомые чистой страстью к путешествиям, далекой от стремления к наживе или распространению своего господства в мире, в отличие от большинства западноевропейских путешественников-авантюристов и конкистадоров. Можно говорить об определенной чешской путешественнической идее, начавшей воплощаться еще с XI в. в паломничествах в Святую Землю, затем, в эпоху барокко, давшей миссионеров-мучеников, подвизавшихся в Азии и Америке, и, наконец, трансформировавшейся в просветительско-производственную и гуманитарную деятельность огромного количества чешских инженеров, врачей, этнографов в XIX-XX вв. Служение высшей идее, просвещение «варваров» и реальная, практическая помощь им вне какой-либо своекорыстной цели, внимательное и доброжелательное отношение к аборигенам выгодно отличали чешских путешественников от многих представителей «больших» народов, путешествовавших по миру.

Такая этническая специфика является частичным проявлением чешской ментальности, известной как «чешский гуманизм», т.е. ориентацией всех ценностей на обычного, маленького человека, понимаемого как основной носитель гуманистических ценностей, и его повседневное существование, включающее в себя ориентацию социальных проблем и религиозных ценностей на нужды этого человека, реализуемые через систему общественных связей⁵. Однако, как представляется, наряду с этим существуют и иные факторы, обусловившие эту специфику, что мы и попытаемся выяснить на материале чешских путешествий XV-XVIII вв.

Конечно, предлагаемая гипотеза не претендует на истину в последней инстанции, в какой-то степени она даже провокативна, что, как мне кажется, может вызвать плодотворную дискуссию об этно/национально-исторической специфике путешествий.

Как уже отмечалось, чехи по ряду причин не принимали участия в Великих географических открытиях. В это время перед ними стояли совершенно другие задачи – вернуть утраченные позиции в Старом Свете, в его политической структуре и культурной жизни. Утрата этих позиций произошла в ходе и в результате гуситского движения первой половины XV в., отодвинувшего Чешское королевство с места лидера не только в системе Империи, но и в Европе в целом, которое оно занимало в XIV в. при Карле IV, на обочину европейской системы, так как Чехия превратилась в «страну еретиков», как ее стали называть в католическом мире. Конфессиональное аутсайдерство, которым обернулась победа гусизма в его умеренном варианте («чашники», т. е. утравкисты, причащавшиеся «под двумя видами» – хлебом и вином), низвело некогда могущественное и уважаемое государство к роли оправдывающегося, доказывающего свою правоту и требующего восстановления своего политического статуса. Конфессиональная изоляция страны в христианском мире требовала компенсации – прорыва в культурно-политическое пространство Европы. У гуситов уверенность в своем божественном избранничестве, оформившаяся в конфессию, которая в организационно-каноническом плане так и не порвала полностью с Римом, ко второй половине XV в. стала осложняться формирующимся комплексом, который можно определить как чувство «национальной неполноценности», испытываемое в европейском масштабе, т.е. при соприкосновении с другими странами. Это прежде всего относилось к политической сфере. Конфессиональные аутсайдеры – гуситы – стремились показать и доказать католической Европе не свою религиозную убежденность, не свою идентичность, а культурно-политическую равноценность. Ранее, в ходе гуситских войн, табориты попытались показать всему миру свою богоизбранность, выражавшуюся в тезисе о том, что Бог явил сначала свою «Божью правду» чехам с тем, чтобы они передали ее другим народам, т.е. осуществили некое послание, миссию, что и послужило причиной «прелестных походов» гуситов в другие страны – агитационно-военных кампаний, окончившихся, несмотря на частичные успехи, без особых результатов. Религиозное послание гусизма утратило свою актуальность, но как мне представляется, сам пафос посланничества как вектор движения из центра вовне, в широкий мир, остался в чешском менталитете как коллективное бессознательное, в равной мере присущее и чехам-гуситам, затем протестантам, и чехам-католикам в XVI в. и вылившееся в эпоху барокко в экстатический messiанизм миссионерства.

Как преодоление комплекса «национальной неполноценности» складывается стремление к прорыву из маленькой центрально-европейской страны, не имеющей выхода к морю, в глобальное пространство. Таким образом, этноконфессиональная общность («страна еретиков») самоутверждается в европейском масштабе. Казус Чехии здесь уникален, поскольку лишь она в то время являлась территориально и демографически малой, не

имеющей доступа к речным и морским путям страной в середине Европы. Иррациональная «жажда странствий» предстает у чехов как стремление вырваться из замкнутого пространства, ограниченного географически и культурно. «Клаустрофобия» приводит к буму чешских путешествий во второй половине XV – начале XVII в.

Иржи из Подебрад, лидер умеренных гуситов, ставший королем, начал планомерно осуществлять задачу равноправного вхождения Чехии в систему европейской политики. Его внешнеполитические инициативы включали в себя также создание, выражаясь современным языком, позитивного образа страны и ее населения в глазах зарубежной Европы. Именно с целью формирования положительного имиджа чехов он 26 ноября 1465 г. отправил на два года своеобразное посольство из Чехии к западноевропейским дворам, а именно в Англию, Испанию и Португалию. Об этом подробно рассказывается в описании путешествия – «Дневнике» Вацлава Шашека из Биржкова, сохранившемся в латинском переводе⁶. Непосредственная цель переговоров – склонить католических монархов на чешскую сторону в ее споре с папой о легитимности гусизма как «земской конфессии», утвержденной Базельским собором, т. е. не допустить усиления папской власти и превращения ее в надгосударственную. Посольство должно было также внушить симпатии к чехам, развеяв страх перед «еретиками-варварами». Поэтому большое значение придавалось внешнему облику и поведению послов, путешествовавших по Европе. Во главе посольства был поставлен чешский вельможа Лев из Рожмиталя – крупный мужчина во цвете лет, с пышной бородой, галантный и хорошо образованный, как его описывает Вацлав Шашек. Он, как и другие члены посольства, отлично справился с ролью «репрезентации чеха», создав позитивный личный имидж.

Традиция «путешествий кавалеров» была продолжена и расширена после вступления в 1526 г. Габсбургов на чешский трон. Фердинанд I хотел доказать всей Европе, что бывшая «страна еретиков», ставшая в конце XV в. «королевством раздвоенного народа», т.е. католиков и гуситов⁷, постепенно преодолевает этот баланс конфессиональных сил в пользу католицизма. Хотя это было далеко от действительности, так как в процентном отношении росли ряды сторонников протестантизма (гуситов-новоутракистов, испытывавших влияние лютеранства, собственно лютеран и особенно Общины чешских братьев), монарх на первый план выдвигал молодых представителей католической чешской аристократии. Именно на них он возлагал двойную задачу, состоявшую как в репрезентации высокого культурно-политического уровня Чехии в Европе, так и в усвоении новой, ренессансной культуры и ренессансного образа жизни для последующего их внедрения в чешскую среду этой аристократией, перед которой открывалась блестящая придворная карьера. Именно такую репрезентативно-познавательную цель преследовала поездка чешских дворян в Италию в 1551 г.⁸

Она была частью большого политического мероприятия – почетного кортежа, состоявшего из представителей земель австрийских Габсбургов, отправившегося в северную Италию, где в Генуе они торжественно встречали Максимилиана II, избранного в 1549 г. чешским королем (коронован в 1562 г.), и его супругу Марию, прибывших из Испании. Серьезная политическая подоплека поездки – трения между испанской и австрийской ветвями дома Габсбургов – стала лишь предлогом для организации этой представительной акции, дозволяющей показать силу австрийского дома и его прочные связи с дворянством Центральной Европы. Для чехов создалась замечательная ситуация, позволявшая преодолеть господствовавшее в католическом мире представление о чехах-католиках как о католиках «второго сорта», живущих в «стране еретиков» и толерантно с ними обращающихся. Поездку подготовил лично Фердинанд I. Подобранный им чешская делегация состояла из 53 панов и рыцарей, представлявших семейства, преданные Габсбургам. Превалировали католики, хотя было несколько гуситов (утраквистов) и лютеран. В возрастном отношении большинство составляла молодежь старше 20 лет, включая членов знатнейших семейств Пернштейнов и Рожмберков⁹. Почти восьмимесячное пребывание за границей имело для чешских дворян большое значение. Они получили всестороннее представление о ренессансной культуре и образе жизни, стали его адептами и перенесли его в чешскую среду. Благодаря высокому социальному положению и должностям, которые они вскоре заняли в системе земского управления, ренессансный стиль стал в Чехии символом прогресса, европейскости, обрел статус эстетического эталона. Несколько крупнейших дворян, побывавших в Италии в 1551 г., перестроили свои родовые замки в новом стиле, и именно эти замки-дворцы (Телч, Опочно, Литомысль, Чески Крумлов) представляют собой наиболее чистое воплощение в архитектуре эпохи Возрождения вне Италии. Новым явлением чешской социокультурной жизни стало меценатство, укрепились позиции светской музыки, ранее отрицавшейся гуситами за ее «греховность». Вилем из Рожмберка, которому в 1551 г. было только 16 лет, ставший вскоре одной из ключевых фигур чешской политики, в Италии настолько увлекся светской музыкой, что, вернувшись к себе в Чески Крумлов, основал там музыкальную капеллу, долгое время остававшуюся единственным в Чехии музыкальным коллективом придворного типа¹⁰. Вскоре он стал крупным дипломатом на службе у Габсбургов, а в 1570 г. занял наивысшую должность в системе земского управления – должность верховного бургграфа¹¹.

При венском дворе поездке придавали серьезное значение. Один из известных нидерландских композиторов, работавших в Вене, – Питер Мэссенс (*Pieter Maessens*) – написал вокальную пьесу в мадригальной форме на латинский текст «Discessu», где говорится о том, что вся Германия сожалеет об отъезде Максимилиана, Испания страдает от его отсутствия и лишь Италия радуется его прибытию. Заключительная строка «Maximilianus

Archidux Austriae» обыгрывается специальным музыкальным приемом «Soggetto cavato», основанным на сольнизации слогов словесного текста¹². Как мне удалось установить, сопоставив текст мадригала и описание поездки, он был написан именно в 1551 г. В монографии Я. Панека он не упоминается. Следует отметить, что подобные музыкальные сочинения «на случай», в отличие от поэтических, появлялись редко, что еще раз подчеркивает большую политическую значимость этого «путешествия кавалеров».

Акция 1551 г. была существенным, хотя и единовременным, дополнением к таким, ставшим тривиальными феноменам, как дипломатические посольства-путешествия и учеба чешских студентов в университетах Италии, что также способствовало приобщению чехов к культуре ренессансного типа. Важно отметить, что в итальянских католических университетах обучались и чехи-протестанты из числа гуситов¹³, что, безусловно, способствовало приобщению к ренессансным ценностям в среде этой более консервативной конфессии.

Традиционная цель религиозного путешествия-паломничества – Святая Земля, в которую чехи начали совершать поездки уже в начале XI в. Раннее Новое время к привычным чисто религиозным устремлениям и задачам паломника прибавляет интерес к окружающему миру как программу, поскольку ранее он лишь спорадически и интуитивно прорывался на страницы описаний паломничеств. С конца XV в. поездки чехов на Восток все более приобретают, выражаясь современным языком, характер «научного туризма» с целью посмотреть мир и увидеть памятники культуры, далеко не всегда связанные с христианством. У гуманистов первостепенный интерес приобретает личное визуальное знакомство памятниками, точнее, руинами, античного мира. Визуализация прочитанного, лицезрение того, что ранее было доступно лишь в дескриптивной форме, того, что почиталось эталонами культуры, манили к себе не менее самих святых мест, но, как правило, разочаровывали чешских гуманистов, видевших взлелеянные в их антикофильских мечтаниях шедевры древности в «мерзости запустения», в пренебрежении к ним как местного мусульманского, так и христианского населения. Не менее древностей гуманистов интересует современная жизнь экзотического Востока со всеми ее реалиями. Двойное открытие – мира древнего и мира современного – накладывается на старую христианско-паломническую основу, что создает новую, необычайно широкую географически-временную и ценностную перспективу.

Первым чешским паломником, посетившим страны Востока с «научно-ознакомительными» целями, стал Богуслав Гасиштенский из Лобковиц (1461-1510), член католического рода, который в XVI в. вошел в число крупнейших чешских аристократических семейств. Лобковиц – один из первых чешских гуманистов, прославившийся как политик, церковный деятель, поэт, педагог¹⁴. В последнее время в чешской науке возобладали тенденции, представляющая его как основного протагониста ягеллонской эпохи,

как показала посвященная ему выставка¹⁵, полемически направленная против старой концепции, которая представляла его лишь как лидера «латинского» гуманизма в Чехии, противостоявшего «национальному» гуманизму гуситов. В 1490-1491 гг. Лобковиц предпринял путешествие в Палестину через Италию, и хотя он не оставил описания этого путешествия, его впечатления повлияли на творчество Лобковца и отразились в его письмах, где содержатся новые формулировки смысла путешествий, определившие их ренессансный дискурс в чешской культуре XVI в. Еще в 1475 г. Лобковиц отправился в Италию, где и проучился семь лет, так что к началу своего странствия он был уже убежденным «латинским гуманистом», впитавшим итальянские импульсы. В 1490 г. он через Баварию едет в Италию и посещает Милан, Геную, Рим, Пизу, Болонью, Венецию. Из нее через Крит и Кипр он плывет в Левант, из которого едет в Сирию, Палестину, Египет. На обратном пути из Александрии он посещает Эгейские острова, побережье Малой Азии, Пелопоннес, Стамбул, затем Сицилию и Тунис (ради осмотра развалин Карфагена), откуда возвращается в Италию, потом в Чехию.

Уже сам маршрут, включавший совсем не обязательные для паломников места, говорит о новом для чехов характере путешествия, представляющемся как сплав традиционного паломничества с новым явлением, которое я называю не совсем адекватным, идущим из советского прошлого термином «научный туризм». Увидеть не только священными для христиан места в Палестине, но и ставшие священными для гуманистов памятники античности – вот цель вояжа Лобковица. В письме он пишет, что его интересуют «вообще места, прославленные во множестве сочинений», такие, как, например, Троя, Константинополь, Карфаген. Он констатирует, что на Ближнем Востоке «находится много достопримечательного». Одновременно он внимательно всматривается в реальную жизнь, в обычаи и нравы, интересуется политикой. Свое новое кредо путешественника он четко формулирует в противопоставлении со старым, христиански-традиционным, сконцентрированным только на христианских ценностях. Лобковиц пишет в письме к своему другу: «Такие места (памятники античности. – Г.М.) мне приносят больше всего радости, мне, с детства занимавшемуся изучением подобных вещей, хотя другим людям это может показаться смешным. Я же не вижу оснований, почему бы я должен стыдиться следовать тем, кто хочет узнать о положении стран и земель, получить представление о людских нравах и обычаях, узнать религиозные традиции и обряды других народов, а не торчать в родной стране в лености и праздности»¹⁶. Собственно говоря, перед нами новая, гуманистическая, ренессансная программа путешествий, определяющая их новые цели. Эта программа легла в основу путешествия его брата Яна из Лобковиц, состоявшегося в 1493 г., о чем свидетельствует сохранившееся описание этого путешествия, к сожалению, слишком лаконичное.

Впечатления, полученные за время путешествия по Ближнему Востоку и Греции, дали Богуславу Гасиштейнскому сильный импульс для сочинения стихов, в которых усиливаются мотивы, почерпнутые из культур древности. Как бы подводя итоги размышлениям о пользе путешествий в их новой ипостаси, Лобковиц, в то время католический епископ Оломоуцкий, пишет: «Никакое богатство, почести или домашние развлечения не могут сравниться с тем наслаждением, которое я каждый день испытываю благодаря путешествиям и знакомствам со столькими народами и племенами»¹⁷. Гуманистическая широта мировосприятия доминирует над христоцентризмом традиционного паломничества в Святую Землю.

Иными представляются цели паломничеств в Палестину чешских протестантов конца XV в. В Святой Земле они стремятся найти тот идеал духовной и церковной жизни, который утратил католический мир. Поиск ими «истинного, первоначального» христианства возвращает нас к средневековому топосу «страны обетованной», но уже отягченному «подпольностью», «катакомбностью», ибо открыто в Палестине «истинные христиане» по вполне понятным причинам уже существовать не могут. В 1490 г. в Палестину едет гусит Мартин Кривоустый, о путешествии которого сохранились лишь лаконичные сведения. В 1491 г. туда же отправился Мартин Кабатник из Литомышля, издавший описание своего паломничества в 1539 г. Кабатника послала Община чешских братьев с целью найти там христиан, живущих по принципам апостольской церкви¹⁸. Кабатник по-средневековому сосредоточен на цели своего путешествия, но уже проявляет интерес к чужим нравам. Его не интересует дорога, древности, обстоятельства путешествия, но он подробно описывает нравы и обычаи чуждых ему народов. Такая двойственная позиция Кабатника, очень характерна для чешского гуманизма не католиков, показывает замедленную, но все же эволюцию в сторону восприятия ренессансного дискурса¹⁹. В этом процессе путешествия сыграли немаловажную роль.

Экспансия чешских путешественников резко нарастает во второй половине XVI – начале XVII в. Для чешских протестантов паломничества в Святую Землю становятся своеобразным знаком интеграции в христианские традиции, преодолением обвинений в еретичестве. В связи с посещением протестантами христианских святынь Палестины и Египта встает очень важный вопрос об их поведении там, где массы паломников-католиков определяли стиль поклонения святыням. Как можно судить по описаниям путешествий, чехи-протестанты стремились ничем не выделяться из католической среды: они участвовали в мессах и крестных ходах, пели вместе с католиками молитвы и поклонялись мощам святых. По текстам иногда даже не вполне понятно, к какой конфессии принадлежал чешский паломник. Так, например, обстоит дело с автором замечательного описания путешествия под названием «Путь из Праги в Венецию, а оттуда потом по морю аж до Палестины, то есть до края, когда-то еврейского, до Святой Земли, до горо-

да Иерусалима к Гробу Господню, путь, который с помощью всемогущего Господа Бога счастливо осуществил Олдржих Префат из Влканова Лета Господнего 1546». Далее на титульной странице указывается цель книги: «В этом рассказе содержатся описания многих городов и других вещей, о которых часто упоминается в Ветхом и Новом Заветах и которые необходимо знать для лучшего понимания Священного Писания»²⁰. Кстати, эту же практическую цель преследовали издания путеводителей по Иерусалиму, которые неоднократно осуществлял крупнейший пражский книгоиздатель второй половины XVI в. Даниэль Адам из Велеславина и которые, поскольку были чешскоязычными, предназначались для чехов-некатоликов. Сочинение Олдржиха Префата из Влканова, написанное по-чешски, было издано в Праге в 1563 г.²¹ Об авторе известно, что он был богатым пражским горожанином, учился в Виттенберге (значит, протестант?), где изучал математику, потом путешествовал по Италии и Испании, где посетил знаменитые паломнические центры Лорето и Сантьяго-де-Компостела (значит, перешел в католичество?). Он толерантен ко всем христианским церквям, в Палестине участвует в католических обрядах. В своем описании он воспринимает Святую Землю сквозь призму библейской истории. Для автора характерна не только набожность, но и наблюдательность, интерес к повседневности, точность наблюдений, умеренная критичность в оценках. Возвышенность чувств сочетается у него с рациональностью описания²².

Наиболее интересное и ценное для чешской культуры описание путешествия в Святую Землю оставил Крыштоф Гарант из Полжиц²³ – политик, ученый, композитор, художник из рыцарского сословия. До 1618 г. он был католиком, затем перешел к уtrakвистам и стал одним из вождей чешского антигабсбургского восстания 1618-1629 гг., за что и был казнен победившим Фердинандом II. Свою карьеру Гарант начал в 1570-е годы, когда вместе с двором эрцгерцога Фердинанда Тирольского, брата Максимилиана II и местоблюстителя чешского престола в 1547-1566 гг., он объездил Германию и Италию, изучив попутно семь языков, что значительно облегчало ему контакты с местным населением. В 1598 г. он осуществил поездку в Палестину и Египет, описание которой, сделанное по-чешски в 1608 г., снабдил гравюрами по своим рисункам, сделанным с натуры. Полное название-аннотация книги таково: «Путешествие, или Путь из Чешского королевства в город Венецию, оттуда по морю до Святой Земли, земли иудейской и далее до Египта и великого города Каира, потом на гору Ореб, Синай и святой девы Екатерины в Пустынной Аравии лежащей²⁴, на два тома разделенное и счастливо осуществленное благородным паном, господином Крыштофом Гарантом из Полжиц и Бездружиц и на Печке и т.д. советником и коморником Его Милости Императора Римского, в лето 1598, украшенное прекрасными фигурами, также содержится краткое описание некоторых народов и других различных вещей»²⁵.

Гарант как гуманистически образованный интеллеktуал продолжает скорее линию поэта Лобковица, чем бюргера Префата, поскольку для него предметом первостепенной важности становится географическое пространство, наполненное историческими и этнографическими феноменами. Его рефлексия по поводу «древностей Востока» широка по охвату и глубока по мысли. Сначала Гарант описывает путешествие по Италии. Он превозносит искусство Венеции, мозаики которой сравнивает с мозаикой над южным входом в собор св. Вита в Праге, которую тоже делали венецианцы. Он фиксирует все подробности и детали, вплоть до размеров архитектурных сооружений. Его интересует также повседневная жизнь Италии, но прежде всего церковная музыка. Оценку Италии Гарантом можно назвать общегуманистической, в ней полностью отсутствует конфессионализм, а на первый план выходит искусство как духовная ценность. Гарант приспосабливается к условиям путешествия, переодевшись наподобие монаха-францисканца, чтобы не вызывать лишних вопросов у турок, на ночлег останавливается в палестинских монастырях. Важно отметить, что на Востоке он чувствует себя представителем западноевропейской христианской цивилизации, превосходящей не только арабскую, но и восточнохристианскую. Его паломничество имело не только и не столько религиозный характер, сколько культурно-исторический. Изданием описания своего путешествия, выгодно отличающегося от других описаний, он утвердил чешский вклад в европейское описание паломничества.

Идеологема интеграции чехов в христианскую Европу посредством путешествий и паломничества парадоксальным образом трансформируется в эпоху Барокко, после рекатолизации Чехии, в широкое миссионерское движение, направленное из Праги в Америку и Азию. Теперь чехи-католики стремятся показать всему миру, причем не только христианскому, превращение «страны еретиков», усугубивших свои грехи восстанием против католического монарха в начале XVII в., в «аванпост» распространения католицизма в глобальном масштабе. Тем самым чехи осуществляют «искупление вины». Блудный сын католической церкви становится пламенным миссионером, представитель чешского этноса превращается в целеустремленного проповедника католицизма. Чешские миссионеры²⁶, иезуиты и францисканцы, едут в Южную Америку, Гоа, на Филиппины. Чрезвычайно важно, что собственно миссионерская деятельность сочетается у них с традиционным для путешественников стремлением познать мир и описать его. Они занимаются практической цивилизаторской деятельностью: основывают больницы, аптеки, школы для местного населения, улучшают бытовую сторону его существования, изучают быт и нравы «диких» народов, уважительно относясь к их этнокультурной специфике и стремясь понять их ментальность. Они продолжают научно-географическое описание Земли. Карел Славичек в Китае занимается астрономическими наблюдениями и пишет сочинение о китайской музыке. Августин Штробах в 1672 г. создает описа-

ние Марианских островов в Океании, Самуэль Фриц в конце XVII в. картографирует Амазонку. Иезуит Йозеф Нойман составляет описание Латинской Америки «*Historia seditioum...*» (издано Пражским университетом в 1730 г.). Список можно продолжать. Вообще чешская провинция Общества Иисуса становится одним из крупнейших центров подготовки миссионеров для Америки в масштабе всего Старого Света. Это миссионерство, называемое внешним, в отличие от внутреннего, направленного на укрепление рекаатолизации в стране, выводит чехов в лидеры мировой христианизации. В 1693 г. группа чешских иезуитов (7 человек) направилась в Южную Америку. Среди племени мохо особо успешно работал Антонин Борыня из Лыготы. Пассионарность чешских иезуитов сочеталась с их стремлением к жертвенности, с жадной мученичества за веру. Действительно, мученический венец часто завершал их деятельность. Об этом повествуется в ставшей знаменитой книге М. Таннера «*Societas Jesu...*», иллюстрации к которой сделал великий чешский художник Карел Шкрета, изобразив на них мученическую смерть многих иезуитов-миссионеров²⁷. Этой же теме целиком посвящен интерьер рефектория францисканского монастыря в Угерском Градиште²⁸, стены которого покрыты росписями с аналогичными сюжетами, кроме того, по всему периметру обеденного зала расположены деревянные ящички-мошехранилища с останками замученных и описаниями их подвигов во имя веры. Так в одном зале оказались собранными изображения (правда, условные) многих частей земного географического пространства, где путешествовали и подвизались миссионеры. Конечно, позитивное отношение к аборигенам было свойственно и миссионерам, пришедшим из других стран Европы, однако среди них очень часто встречались жесткие христианизаторы – тип миссионера, совершенно несвойственный выходцам из Чешского королевства.

В XVII – начале XVIII в. значительно расширяется география чешских путешествий, которая включает всю Европу вплоть до Московии, а также Америку, Азию (Индия и Китай, Филиппины), затем Австралию и Новую Зеландию.

Чешский прорыв XVI-XVII вв. во всемирное географическое пространство²⁹, который выдающийся историк Йозеф Полишенский назвал «чешской тягой к путешествиям», имел скрытой целью преодоление комплекса малого народа, осложненного сознанием своей неоправдавшейся богоизбранности (гусизм). Малый народ утверждает свое бытие в мире, на который он уже не может влиять политически, через проникновение в самые отдаленные уголки этого мира. Это детерминирует страсть чехов к «культурным путешествиям» как к средству познания мира и одновременно самоутверждения в нем посредством, по сути, научно-исследовательской работы, а также просветительства, принявшего вид миссионерства у чехов-католиков. В этом же типе самооправдания и самореализации в большом масштабе

заложены основы точности гуманистических описаний Святой Земли и пламенность миссионеров эпохи Барокко.

Погружение в открывшиеся пространства привело в итоге к преобладанию рационально-научного дискурса, что обусловило в XIX-XX вв. феномен путешествий в научных целях в отдаленные регионы мира, ставший значимым компонентом чешской культурной ментальности. Достаточно указать на такие явления, имеющие мировое значение, как деятельность Э. Голуба в Черной Африке, Й.Е. Велзла у эскимосов, Ф. Блументритта на Филиппинах, наконец, путешествия Я. Ганзелки и М. Зикмунта, книги которых значительно расширяли узкий горизонт читателей социалистического лагеря.

¹ *Pánek J. Výprava české šlechty do Itálie v letech 1551-1552. Praha, 1987. S. 8.*

² *Забогонская И.Л. Путешествие как литературный жанр и мотив // Проблемы истории литературы. Сборник статей. М.; Новополец, 2008. Вып. 20. С. 7–20.*

³ *Murray K. Life as Fiction. Melbourne, 1990. P. 2, 3, 25.*

⁴ *Janáček J. Dějiny obchodu v předbělohorské Praze. Praha, 1955. S. 11–29.*

⁵ Понятие «чешский гуманизм» прочно закрепилось в чешской мысли начиная с конца XIX в. благодаря широкой дискуссии о проблеме чешской идентичности, нашедшей свое наиболее полное выражение как «спор о смысле чешской истории», а также в работах выдающегося философа, социолога, первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика. См.: *Spor o smysl českých dějin. 1895-1938. Praha, 1995; Masaryk T.G. Jan Hus, naše obrození a naše reformace. Praha, 1990.*

⁶ *Šašek z Birkova V. Deník o jízdě a putování pana Lva z Rozmitálu a z Blatné z Čech až na konec světa / Ed. F. Svejkovský. Praha, 1951.*

⁷ *Království dvojího lidu. České dějiny let 1436-1526 v soudobé korespondenci. Praha, 1989. См. рец. Г.П. Мельникова на это издание: Советское славяноведение. 1991. № 2. С. 111-112.*

⁸ Ей посвящена специальная монография: *Pánek J. Výprava...*

⁹ *Ibid. S. 56.*

¹⁰ *Ibid. S. 81.*

¹¹ Подробнее о нем см.: *Idem. Poslední Rožmberkové. Praha, 1989.*

¹² *Music for the Court of Maximilian II. [Буклет к CD: Hyperion CDA 67579. Текст мадригала – С. 17, текст статьи, автор S. Rice, – С. 5]*

¹³ *Pešek J., Šaman D. Studenti z Čech na zahraničních universitách v předbělohorském čtvrtstoletí // Ústecký sborník historický. Ústí nad Labem, 1983. S. 173-218.*

¹⁴ О нем см.: *Мельников Г.П. Культура Чехии X – начала XVII в. // История культур славянских народов. М., 2003. Т. I: Древность и Средневековье. С. 351; Он же. Патриотизм и европейскость в поэзии Богуслава Гасиштейнского из Лобковиц // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 299–310.*

¹⁵ *Básník a král: Bohuslav Hasištejnský z Lobkovic v zrcadle jagelonské doby. Praha, 2007. Необходимо отметить, что концептуально проект не во всем удался, так как он представил скорее эпоху, чем деятельность самого Лобковица в его связях с нею.*

¹⁶ *Dopisy Bohuslava Hasištejnského z Lobkovic // Mezi houfy lotrů se pustiti... České cestopisy o Egyptě 15.-17. století / Ed. L. Storchová. Praha, 2005. S. 220.*

¹⁷ *Ibid. S. 223.*

¹⁸ *Martin Kabatník. Cesta z Čech do Jeruzaléma a Egypť / Ibid. S. 1–20.*

¹⁹ *Nahodil I. Místo a význam cestopisu Martina Kabatníka v dějinách české ethnografie // Český lid. 1952. № 39. S. 152–164, 202–211.*

²⁰ *Prefát z Vlkanova O. Cesta z Prahy do Benátek... Praha, 2007. S. 7.*

²¹ *Ibid. S. 476.*

²² *Vočková H. Člověk na cestě // Ibid. S. 431–474.*

²³ О нем см.: *Мельников Г.П. Гарант из Полжиц // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 390–391; Koldinská M. Kryštof Harant z Bezručec. Cesta intelektuála k popravišti. Praha, 2004.*

²⁴ Автор имеет в виду гору Хорив, по которой в Чехии во времена гуситов одна из возвышенностей была названа Ореб (чешская транскрипция этого названия), и гору Синай, на которой находится знаменитый монастырь св. Екатерины, при этом допуская неточность, так Синайский полуостров и Аравийская пустыня – разные локусы.

²⁵ Единственное новое полное издание вышло в середине XIX в.: *Harant z Polžic a Bezručic K. Cesta z Království českého do Benátek, odtud do země svaté... / Ed. K.J.Erben. Praha, 1854–1855. D. I–II.* Значительная часть текста издана недавно в кн.: *Mezi houfy lotrů se pustiti... České cestopisy o Egyptě 15–17. století / Ed. L.Storchová. Praha, 2005.* О восприятии Востока Гарантом см. статью: *Storchová L. «Mezi houfy lotrův se pustiti...». Cizí orientální a «mahumetánský» Egypt v českých cestopisech // Ibid. S. 407–445.*

²⁶ Тема чешского миссионерства затрагивается в следующих работах: *Kalista Z. Čechové, kteří tvořili dějiny světa. Praha, 1939; 2-е изд. 1999. S. 183–191; Čornejová J. Tovarýšstvo Ježíšovo. Jezuité v Čechách. Praha, 1995. S. 120–142.*

²⁷ *Тананаева Л.И. Карел Шкрета. М., 1990. С. 209.*

²⁸ *Stehlík M. Refektář františkanského kláštera v Uherském Hradišti. Brno; Uherské Hradiště, 2002.*

²⁹ Этой теме посвящены следующие, кроме уже указанных, издания источников: *Cesty ve znamení kříže. Dopisy a zprávy českých misionářů 17. a 18. věku ze zámořských krajín / Ed. Z.Kalista. Praha, 1941; České výpravy za neznámými světy / Ed. B.Horák. Praha, 1942; Cesty do Sváté země / Ed. J.Dostál. Praha, 1948; Jak staří Čechové poznávali svět / Ed. Z.Tichá. Praha, 1985; Česká touha cestovatelská. Cestopisy, deníky a listy ze 17. století / Ed. Š.Binková, J.Polišenský. Praha, 1989.*

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS APODEMICA (1570-1640 гг.)

1. *Ars apodemica* и другие традиции литературы о путешествиях

Ars apodemica («искусство путешествия», от греч. *apodemeo*, «путешествовать») в качестве особого теоретического направления литературы о путешествиях выделил в конце 1970-х годов социолог и историк социальных наук из университета Зальцбурга Юстин Штагль¹. С 1990-х годов термин стал употребляться в историографии Германии, Голландии, Франции, Венгрии и Польши². В данной статье будет использоваться определение *ars apodemica* (далее – АА), данное Штаглем, так как некоторые исследователи используют этот термин в общем смысле, подразумевая любые теоретические труды о путешествиях и значительно расширяя как временные рамки бытования этого направления, так и список его основателей.

Штагль связывает появление *ars apodemica* со стремлением упорядочить огромный, но бессистемный корпус знаний, собранный путешественниками. За образец систематизации знаний в АА была взята система парижского логика, гугенота Петра Рамуса (*Petrus Ramus* или *Pierre de la Ramée*)³. Согласно Штаглю, основанием АА стали четыре сочинения, появившиеся или задуманные с 1574 по 1577 гг.: немцев И. Турлера и Х. Пиркмайра, голландца Г. Блоциуса и швейцарца Т. Цвингера⁴. Все четверо были знакомы друг с другом, и были связаны учебой или преподаванием в Базеле, Падуе и Париже. Все, по мнению Штагля, отталкивались именно от учения Рамуса, а Цвингер, к тому же, был одним из его ближайших учеников.

«Основанная немцами, которые видели Венецию, но также учились у Рамуса в Париже или Базеле, *ars apodemica* была смесью немецкой эрудиции, итальянского реализма и методического духа французов»⁵. Как считает Ю. Штагль, АА стала предтечей, «в перцептивном и эпистемологическом смысле», научного исследования в социологии, этнографии и фольклористике⁶. Хотя как теоретическое направление АА продолжала оказывать влияние вплоть до начала XIX в., все основополагающие труды вышли до середины XVII в. (последний в списке Штагля датируется 1643 г.), последующие же имели эпигонский характер⁷.

В чем выражалась рамистская особенность *ars apodemica*? «Метод Рамуса состоял в определении и подразделении понятий; аподемическая литература поддерживала эту процедуру в XVII в. Теодор Цвингер, например, делил путешествия по четырем причинам (*causae*) Аристотеля: по цели (образовательное путешествие, деловое или ученическое), по средствам (интеллектуальным, таким как способность к наблюдению; физиче-

ским, таким как здоровье; материальным, таким как деньги; а также карты и навигационные приборы), по форме (сухопутное... морское и даже воздушное...) и по материальным критериям путешествия (пункт назначения, маршруты и категории «путешествующих» – в иерархическом порядке: святыне и их реликвии, представители различных государств, животные, и, наконец, вещи, такие как товары на продажу). Далее, согласно аристотелевской логике, определялись акциденции (лат. *accidentia*) путешествия (дата, место, состояние здоровья, положение звезд, спутники по путешествию) и его виды (лат. *species*) (путешествия религиозные или профанные, публичные или частные, старые или новые)»⁸.

Штагль не считает, что конфессиональная принадлежность играла какую-либо роль в возникновении и распространении АА⁹. Однако в его списке трудов по АА среди ранних значатся только сочинения представителей германских княжеств, Голландии и Швейцарии, т.е. по большей части, протестантских стран¹⁰. В XVII в. в списке к ним добавляются четыре англичанина и всего один итальянец, опубликовавший свою работу в Пизе. Французов, как католиков, так и гугенотов в списке нет вообще. Таким образом, протестанты, хотя и разных толков, преобладают. Анализ связи между конфессиональной принадлежностью и склонностью к *ars apodemica* никак не является целью данной статьи, однако эта связь, как кажется, существует. Возможно, принятие АА было обусловлено конфессиональными установками, и для католиков оно было менее приемлемо, чем для протестантов. Приверженность рамизму была определяющей чертой АА, а Рамус воспринимался католиками как один из главных еретиков-теоретиков, ему неоднократно приходилось уезжать из Франции, его осуждала Сорбонна, и он был убит в Варфоломеевскую ночь¹¹.

Ars apodemica была направлена не только на систематизацию старых, но и на сбор новых данных. Поэтому значительную часть «аподемических» сочинений составляли советы и инструкции путешественникам: подготовке уделялось весьма большое значение¹². Изучение карт и языков, подбор навигационных инструментов и рекомендательных писем – всему этому учили «аподемические» трактаты. И они же советовали, на что следует обращать внимание в самом путешествии, и как это фиксировать. «Метод» *ars apodemica*, собственно, и состоял в отказе от передачи слухов и от последующих воспоминаний, и в строгой фиксации реальности на основе *loci communes* («общих мест», т.е. рубрик или вопросов) риторики. Один из авторов, Эрпениус¹³, предлагал писать сразу два текста: в первом, дневнике, фиксировать первичные сведения по итогам дня, а в другом эти сведения уже встраивать в систему, в «рамистическую» таблицу с подразделениями¹⁴. Кроме таких теоретических инструкций, давались и советы поведенческие и практические (касающиеся гигиены, религиозных споров, обмена денег и найма лошадей и т.п.). Важной частью были указания, что именно следует делать и смотреть в чужих странах¹⁵.

Штагль задается вопросом: «Имела ли *ars apodemica* документированные последствия для практики путешествия данной эпохи? Действительно ли путешественники следовали инструкциям этого „искусства“? Сложный вопрос. Только детальный анализ литературы путешествий и личных документов... может дать на него ответ»¹⁶. Данная статья не претендует на решение столь серьезной задачи. Главная ее цель – определить, как теоретические традиции литературы о путешествиях, в том числе и *ars apodemica*, повлияли на ряд текстов, описаний Парижа. Эти тексты – не «аподемические» труды, а такие сочинения эпохи *ars apodemica*, как путеводители, дневники иностранцев и отчеты дипломатов. Из списка Штагля взяты лишь два труда (Th. Zwinger, R. Dallington), которые содержат описания Парижа наравне с теоретическими рассуждениями.

Следует указать и другие теоретизирующие традиции литературы о путешествиях, три из которых называет сам Штагль¹⁷:

1) **Сборники путевых записок и отчетов.** В таких сборниках систематизация проводилась только путем подбора документов. Тексты порой значительно редактировались, но их основа оставалась той же: путешественники описывали все, с чем встречались, и в той же последовательности (*ordo naturalis*)¹⁸. В данной статье эта традиция будет называться «**дневниковой**».

2) «**Космографические описания**», которая начинается с «Космографии» Себастьяна Мюнстера¹⁹. Здесь сведения отбирались из записок путешественников, и их изложение было организовано систематически, сгруппировано по континентам, странам и городам.

3) «**Статистические сочинения**», появившаяся незадолго до *ars apodemica* в Венеции (от ит. *statista*, «государственный служащий»). Все сведения организовывались как описания формы правления, государственного аппарата, военного и экономического потенциала страны с привлечением большого количества «статистических данных» в современном понимании этого термина²⁰.

Кроме того, в том, что касается Парижа, стоит выделить еще одну традицию. Она гораздо меньше касается систематизации сведений путешественников, и больше связана не с АА, а с традицией итинерариев (сборников маршрутов по стране)²¹. Это традиция описания отдельных местностей, восходящая к древнегреческой и арабской географии. В подобные описания включались мифы, сведения по истории, климату и достопримечательностям. Данную традицию удобно называть «хорографической», следуя терминологии Птолемея²².

Последняя традиция, которая будет учитываться в данной статье, связана с Большим туром (*Grand Tour*)²³. Сам термин, «Grand Tour» или «Giro», впервые появился у Р. Лассалса в 1670 г.²⁴. Сейчас большинство исследователей употребляют этот термин в достаточно узком смысле, обозначая им многомесячное путешествие по Голландии, Франции, Германии, Швей-

царии (или одной из этих стран) и обязательно по Италии (а там предполагается движение по кругу (фр. «tour», ит. «giro») с севера на юг и обратно на север) английского юноши из благородного семейства в сопровождении наставника. Цели у такого путешествия были образовательные. Одно из описаний Парижа, разбирающихся в этой статье, а именно «The View of France» Роберта Даллингтона²⁵, имеет прямое отношение как к *ars apodemica*, так и к Большому туру.

На связь между АА и Большим туром указывала Клэр Ховард²⁶, хотя она и не выделяла особого теоретического направления в литературе о путешествиях и, соответственно, не обозначала его термином «*ars apodemica*», как Штагль. Однако она прослеживала рецепцию идей Т. Цвингера, Й. Турлера и Й. Пиркмайра в Англии. Ховард, как и Эдвард Чейни²⁷ и Майкл Бреннан²⁸, начинает отсчет Большого тура с середины XVII в. Изменения в практике английских путешествий эта исследовательница связывает с повышением авторитета наставников. Саму возможность возникновения Большого тура она объясняет стабилизацией политической обстановки в Европе, а именно, с окончанием Тридцатилетней войны, когда «и возникла возможность видеть прекрасное „по кругу“ в Голландии, Германии, Италии и Франции; это, собственно, и был Большой тур»²⁹.

Если сопоставить даты конца оригинального развития традиции *ars apodemica* по Штаглю, и начала Большого тура согласно большинству исследователей, то можно заметить, что это одно и то же время, середина XVII в. В некотором смысле Большой тур стал практическим воплощением АА, на что указывает и Штагль³⁰, однако, по моему мнению, тут нужно сделать важную оговорку. АА стремилась упорядочить знания раз и навсегда, и однажды разобранный по всем правилам город уже больше не нуждался во внимании. Таким образом, в основе АА была заложена одноразовость встречи с городом. Пока АА была влиятельна (с 1570-х по 1640-е гг.) эта одноразовость сталкивалась с неповторимостью личного опыта каждого путешественника. В конце эпохи был найден компромисс: начался Большой тур, который зиждился на повторяемости и служил накоплению личного опыта юношей из благородных семейств.

Можно предположить, что сочинения английских путешественников, странствовавших в эпоху *ars apodemica*, несли в себе зародыш практики Большого тура. Именно поэтому некоторые исследователи и относили их уже к Большому туру³¹. Мне представляется, что лучше говорить еще об одной традиции упорядочения сведений путешественников, которую можно назвать «прототуристической». Хотя она еще не была связана с организованными странствиями юных сыновей английских аристократов, тем не менее она ориентировалась на практические, образовательные и развлекательные аспекты путешествия.

Таким образом, я исхожу из того, что в эпоху *ars apodemica* описания Парижа и описания путешествий по Парижу находились под влиянием одной или сразу нескольких из пяти традиций:

1. «дневниковая»
2. «космографическая»
3. «статистическая»
4. «хорографическая»
5. «прототуристическая».

2. Обзор текстов

Как уже говорилось, источниками для этой статьи послужили путеводители, травелоги и дипломатические отчеты, относящиеся к Парижу³²: французов Жюль Коррозе, (издание Бонфона, 1586), Франсуа Бельфоре (1575), Клода де Варенна (1643) и иностранцев Андреа Наваджеро (1528), Марино Джустиниано (1535), Евстахия Кнобельсдорфа (1543), Марино Кавалли (1546), Джованни Капелло (1561), Марк-Антонио Барбаро (1563), Теодора Цвингера (1577), Джироламо Липпомано (1577), Арнольда ван Бухеля (1585), Фюнеса Моррисона (1595), Грегорио Иерни (1596), Роберта Даллингтона (1598), Томаса Платтера (1599), Томаса Кориата (1608), Чарльза Сомерсета (1612), Юстуса Цинцерлинга (1616), Антуана де Ромбиза (1635), Джона Эвелина (1643) и Франческо Ручеллаи (1643). Деление на жанры достаточно условно (как уже говорилось, некоторые труды были и теоретическими трактатами и путеводителями, а другие, например, дипломатическими отчетами и дневниками одновременно), главный признак отбора источников – наличие описания Парижа. По значительной части этих текстов (список см. в таблице) был проведен контент-анализ, который заключался в подсчете всех городских элементов (как *именных*, типа «улица Сент-Антуан», «Новый мост», «Пале», так и *категориальных*, типа «улицы», «мосты», «стены») каждый раз, когда они упоминались, в том числе и при повторях в одной фразе.

Для удобства рассмотрения все тексты распределены по четырем группам, выделенным согласно географическому признаку: 1) «внутренние», автохтонные путеводители, хорографии и части космографий, написанные парижанами и другими французами. Следующие три группы – это путеводители, дневники и реляции «внешние»: 2) написанные «континентальными авторами» (под которыми понимаются путешественники из Германии, Голландии, Бельгии и Швейцарии), а также отдельно 3) английские и 4) итальянские сочинения. Выделение трудов англичан и итальянцев основывается на том предположении, что, так как они имеют более близкое касательство к отдельным, «национальным» традициям систематизации сведений путешественников («прототуристическая» и «статистическая»), это может сказаться и на их восприятии Парижа и его описании.

1. Множество сведений о Париже как основатели *ars apodemica*, так и авторы путеводителей черпали напрямую или посредством других сочинений из труда парижанина Жюль Коррозе «Древности, хроники и достопримечательности Парижа»³³, который он издавал и дополнял, начиная с 1532 г. и до своей смерти в 1568 г. Как видно из названия, это не путеводитель, а сочетание хорографии, парижской эпиграфики и топонимики. Одно из изданий книги Коррозе сопровождала карта, снятая парижанами О. Трюше и Ж. Уайо в 1552 г.³⁴ Судя по всему, она была выполнена при активном участии и даже под руководством самого Коррозе, по личному заказу короля Генриха II.

Таким образом, на протяжении XVI в. путешественники располагали лишь разными версиями одной карты. На ней чисто «ихнографический» план (горизонтальная проекция города с улицами) сочетался с трехмерными проекциями зданий без соблюдения масштаба, при этом западная часть города была внизу. На картах Париж был поделен на части (*Cité*, *Ville*, *Université* и иногда также предместья). Это деление редко встречается в дневниках парижан, но авторы путеводителей и иностранные путешественники прибегают к нему часто, используя особые пространственные метафоры³⁵. Связь между АА и картографией прослеживается довольно четко: достаточно вспомнить, что и Цвингер, и другие основатели настаивали не только на изучении карт перед тем, как отправиться в путешествие³⁶, но и на их заучивании³⁷.

По мнению Т. Франгенберга, не существовало «карманных» карт для маленьких путеводителей. По его мнению, путешественникам их прекрасно заменял обзор города с высоты³⁸. Это утверждение спорное, и сразу можно напомнить, что оригинальная карта Трюше сопровождала путеводитель Коррозе, хотя она и не была карманных размеров (133×96 см). Но те версии этой карты, которые включались в атласы, были значительно меньше (примерно 50×30 см) и порой продавались отдельно. Можно также указать, что в английском путеводителе-дневнике 1595 г. Ф. Моррисона дается схематическая карта размером на страницу³⁹.

Следующий важный французский источник – это «Космография» Франсуа Бельфоре (1575)⁴⁰. В некоторых частях это был простой перевод труда С. Мюнстера, но для Парижа Бельфоре сделал свою версию карты Трюше и сопровождал ее 300-страничным описанием города⁴¹. Бельфоре, как и Коррозе, рассматривает Париж хорографически, но при этом организует свое изложение иначе. В каждой из шести глав разбирается отдельный объект или группа объектов: 1) история основания Парижа; 2) история административных институтов, 3) университет (и как часть города, и как учебный конгломерат), 4) церкви, 5) снова административные институты, но уже только современные Бельфоре, 6) только Пале (*Palais*). У Коррозе глав было тридцать две, они соплагались довольно хаотично, и он периодически сбивался на исторические хроники. Бельфоре явно искал свою систему

организации сведений и при этом не избежал повторений, характерных для *ars apodemica*.

Труд «Путешествие по Франции»⁴² де Варенна вышел значительно позже, в 1643 г., и он интересен своей стилистической близостью к «прототуристической» традиции. Это весьма свободно организованное пособие для человека, который хочет с пользой и приятностью провести время во Франции и Париже, не отягощая себя сбором и организацией сведений. У него не заметно какой-либо систематизации сведений, и при этом «Путешествие» – не просто дневник, а именно путеводитель. Связь с *ars apodemica*, если и существует, то очень косвенная: Варен, видимо, позаимствовал большую часть сведений о Париже у Ю. Цинцерлинга⁴³, чье отношение к АА будет рассмотрено ниже.

2. Континентальные путеводители начинаются с труда Т. Цвингера «*Methodus apodemica*» (1577)⁴⁴. В нем основатель АА предлагает образцовый разбор «Афин Галлии», т.е. Парижа, в полном соответствии с таблицами Рамуса. Сначала Цвингер рассматривает город «хорографически», словно проводя своего читателя по карте, причем, возможно, не только по оригинальной карте Трюше⁴⁵, но и по ее варианту у Бельфоре. Он сообщает о делении города на три части (*Cité, Ville, Université*), потом перечисляет городские элементы «с точки зрения причинной», т.е. «места: предместья, церкви и монастыри, колледжи, суды, мастерские, улицы, мосты, ворота, дворцы, стены, рвы, крепости, башни, фонтаны, гостиницы, больницы, приюты, тюрьмы, общественные площади, кладбища, могилы»⁴⁶. После этого он возвращается к некоторым из тех же объектов, уже рассматривая «Париж с точки зрения материальной», т.е. «какие объекты находятся: здания, статуи и картины, мебель и разные изделия, надписи, реликвии»⁴⁷. Здесь появляются «ряды» – долгие перечисления неделимых объектов, т.е. практически всего, что можно перечислять: коллежей, улиц, ворот, госпиталей, предместий, фонтанов, площадей⁴⁸. Никаких рекомендаций по посещению достопримечательностей, равно как и каких-либо оценочных замечаний у Цвингера нет. Этот образцовый разбор города никак нельзя назвать путеводителем. Однако выбор конкретных городских объектов – для образца – выдает личные предпочтения Цвингера, как путешественника. Кроме того, набор и последовательность перечисления городских элементов Парижа, которые он предлагает, можно тоже считать за образцовый, т.е. такой, который в его лице предлагала АА всем путешественникам. Соответственно, сверяя их описания с этим набором, можно судить и о том, насколько точно они следовали инструкциям *ars apodemica*.

Возникает вопрос: в чем вообще были отличительные черты «аподемических» сочинений? Штагль везде подчеркивает их приверженность рамизму и стремление упорядочить все сведения в таблицах, где сначала по особым критериям определяется нечто общее, а потом – и составляющие этого общего. В случае с Парижем, одна такая таблица была составлена

Цвингером. Что оставалось делать другим путешественникам, побывавшим в Париже после него? Расширенных и переработанных таблиц по Парижу нам неизвестно. Но, можно предположить, что путешественники, приверженцы АА, после Цвингера могли ограничиваться фиксированием первичных сведений, предназначенных если уже не для составления своей таблицы, то хотя бы для дополнения таблицы Цвингера. Это предположение пока невозможно обосновать, однако оно, по крайней мере, объясняет, почему у возможных приверженцев АА вместо таблиц получались путеводители и дневники.

Следующим «внешним» путешественником после Цвингера, оставившим подробное описание Парижа, был голландец Арнольд ван Бухель (1586). Свое «Описание Парижа» он строит, отталкиваясь от путеводителя Коррозе⁴⁹: в центре рассказа – надписи, пропущенные Коррозе, и те места, где ван Бухель их обнаружил. Его «Описание» – это своего рода дополнение к Коррозе, а не целый путеводитель, и, следовательно, довольно однобоко. В изложении он следует собственной «дневниковой» системе, описывая свои маршруты в поисках надписей. Какова, учитывая дополняющий характер текста, его связь с *ars apodemica*? Дело в том, что ван Бухель не только упоминает Петра Рамуса⁵⁰, но и, возможно, был знаком с письмом о путешествиях своего учителя Липсиуса Филлипу де Лануа (1578), которое Штаглем представляется родственным *ars apodemica* сочинением. При этом особых следов рамизма у Липсиуса не найти⁵¹. Он еще ссылается на Натана Хитреуса, который дважды появляется в списке Штагла «аподемической классики». Неизвестно, какой именно его труд имел в виду ван Бухель. Ван Бухель связан с *ars apodemica* не напрямую, а через ссылки и знакомства, через *res publica literaria*.

«Ряды» церквей, ворот и предместий Цвингера с некоторыми изменениями воспроизводит и швейцарец Т. Платтер-младший в своем отчете о путешествии 1599 г.⁵² Можно с уверенностью предположить, что он пользовался трудом Цвингера, так как ни в один другой рассмотренный источник именно эти «ряды» не попали; тут важны не только названия объектов, но и их последовательность. Общее описание города у него начинается с упоминания о четырех частях (с предместьями) и потом последовательно ведется по ним: сначала Сите (*Cité*), потом Университет (*Université*) и Виль (*Ville*)⁵³. Правда, он часто соскальзывает с «аподемической» манеры изложения на дневниковую, но это и соответствует характеру его сочинения (два тома рассказов о путешествиях, каждый по 1600 страниц, которые при жизни не были изданы). Представив город по частям, он, в полном соответствии с рекомендациями Цвингера, приступает к разбору по элементам, порой выстраивая уже свои собственные «ряды»: мостов и госпиталей⁵⁴.

Юстус Цинцерлинг («*Itinerarium Gallicae et finitimarum regionum*», 1616)⁵⁵ следует, скорее, традиции Коррозе и авторов «Космографий», чем АА. «Космографию» Пауля Мерулы (1605)⁵⁶ он цитирует напрямую, простодуш-

но сообщая, что просто переписал все важное, что касалось Парижа⁵⁷. Тем не менее, о собственных перемещениях по городу он рассказывает не в «космографической», а дневниковой манере. Это описание по своему стилю и направленности близко и к «прототуристической» традиции, в нем приводится множество практических советов, где взять лошадей, сколько и за что платить и т.п. Он дает пять маршрутов путешествий по Франции, лишь два из которых захватывают Париж. Причем он предлагает маршруты, как будто рассчитанные по времени («Ты останешься там до Пасхи...»), но это на самом деле остатки искусно переработанного дневника.

О бельгийце Антуане де Ромбизе, авторе поэмы «Itinerarii per diversa Galliae ac Italiae loca memores notae» (Montibus, 1639)⁵⁸ известно мало, и часть поэмы, касающаяся Парижа, содержит всего 194 строки, что недостаточно для контент-анализа. Для главной темы данной статьи интересно то, что поэма построена как итинерарий, причем городской: все 194 строки представляют собой единый маршрут. Связать ее с какой-либо из пяти традиций литературы о путешествиях сложно.

3. Первым автором из англичан был Ф. Моррисон (путеводитель 1595 г., опубликован в 1617 г.)⁵⁹. Сам путеводитель – скорее дневник, снабженный советами: где что покупать, как проходить посты и т.п. Подобно Цвингеру, Моррисон говорит о «четырех башнях собора Нотр-Дам»⁶⁰, хотя на самом деле их было три, при этом третья – гораздо ниже двух остальных. Он же буквально воспроизводит некоторые «ряды» Цвингера: колледжей, ворот, рынков⁶¹. Ряды выдают прямое заимствование: так, Моррисон признается, что все колледжи он не посещал и не думал об этом, но более любознательным путешественникам он может предложить список⁶². Благодаря своей практической ориентации этот дневник, кроме влияния АА, является и примером «прототуристической» традиции.

После Моррисона свой «Обзор Франции» оставил его соотечественник Р. Даллингтон (1598, опубликован в 1604)⁶³. Это сочинение стало частью классического аподемического труда «A Method for Trauell» (1605). Кроме того, Даллингтон весьма прославился как литератор, а сейчас считается одним из тех, кто привил пост-елизаветинской эпохе итальянскую утонченность и чувственность после десятилетий гонений на живопись. Именно после него в Англии возникла мода на итальянскую живопись и скульптуру⁶⁴. Несмотря на то, что Штагль относит Даллингтона к классикам АА, в его описании Парижа нет ни рамистских таблиц, ни распределения по разделам и подразделам, ни анализа объектов по каким-либо критериям. Нет в его сочинении и «рядов». Возможно, вся описательная часть сочинения является дневником с «первичными сведениями» по Эрпениюсу, которую Даллингтон предполагал в дальнейшем как-то систематизировать.

Можно заметить, что во Франции он был с посольством, и, возможно, поэтому его сочинение слегка напоминает реляции итальянских дипломатов. Очень много внимания уделяется экономике и финансам, а также

укреплениям и армии. Даже Париж появляется в тексте впервые в экономико-географическом контексте. Но после очень краткого введения идет совершенно свободный дневник, нарушающий стройность посольской реляции. Если верить тексту, в Париже он в основном занимается тем, что его так прославило на родине: осматривает живописные коллекции и наслаждается роскошью дворцов.

Т. Кориат, автор сочинения «Непереработанные куски, торопливо проглоченные за пять месяцев путешествий по Франции, Савойе, Италии, ... Гельвеции, Германии и Нидерландам...»⁶⁵, действительно, очень спешил. После Европы он отправился в Индию, где и умер в 1617 г., не успев как следует отредактировать свои сочинения. В результате в них отразился весьма энергичный и жадный до впечатлений человек – образец будущих путешественников Большого тура. Невзирая на спешку, он пытался следовать некой системе, по крайней мере, после описания своего въезда в город он озаглавил следующий раздел «Мои наблюдения по Парижу» и даже пересказал некоторые мифы об имени и основании города. После сообщения о трех частях и бессистемного описания зданий Сите он находит некоторую опору для изложения в сравнении с Лондоном. Далее Кориат с удовольствием описывает сокровища и красоты Лувра и Тюильри, уделяя им гораздо больше места, чем всему остальному.

Чарльз Сомерсет⁶⁶ был единственным католиком из рассматриваемых в данной статье авторов-англичан. По словам Эндрю Хэдфилда, он был очень хорошо образован, причем в таких разных областях, как архитектура, теология, литература и философия⁶⁷. Также Хэдфилд отмечает, что дневник Сомерсета следует сборникам советов для юных джентльменов, таким, как эссе Бэкона «О путешествиях» или замечаниям Роберта Даллингтона в предисловии к «Обзору Франции» (1604), что показывает, насколько серьезно к подобным трудам относились путешественники⁶⁸. Контент-анализ подтверждает, что интерес Сомерсета к «религиозным заведениям» в процентном отношении был больше, чем у его соотечественников-протестантов, равен интересу итальянцев, но все же меньше, чем у большинства «континентальных» авторов-протестантов. В других отношениях, как будет показано ниже, Сомерсет не отливается от своих соотечественников. Его связь с «прототуристической» традицией определил Хэдфилд, чего нельзя сказать о его отношении к *ars apodemica*.

Джон Эвелин оставил описание Парижа 1643-44 годов в своем многотомном дневнике⁶⁹. Он жил долго, много путешествовал, написал поэму «*Sylva*», был знаком и с Кромвелем, и с королями, а также дружил с автором другого знаменитого дневника, С. Пеписом. Эвелин не следует никакой системе, но его сочинение считается классическим предтечей путеводителей Большого тура. Он не ссылается на исторические или географические сочинения (т.е. не следует «хорографической» традиции), его совсем не интересуют эпитафии, хотя роскошные гробницы в Сен-Дени он с удоволь-

ствием осматривает⁷⁰. В своих сведениях он старается соблюсти максимальную точность и указывает впоследствии ставшие традиционными для Большого тура размеры собора Нотр-Дам⁷¹. Очень неплохо разбираясь в живописи, он в основном ходит по домам коллекционеров, как Даллингтон, и изредка – по библиотекам.

4. Особняком стоит третья группа иностранных путешественников – итальянцев⁷², так как она меньше всего связана с *ars apodemica*. Тому существует несколько причин.

Во-первых, на венецианцев, авторов дипломатических реляций⁷³, Андреа Наваджеро (1528), Марино Джустиниано (1535), Марино Кавалли (1546), Джованни Капелло (1561), Марк-Антонио Барбаро (1563), и Джироламо Липпомано (1577), безусловно, оказывала влияние венецианская традиция систематизации, которую Штагль называет «статистической».

Во-вторых, особенность не только венецианской, но и вообще итальянской литературы путешествий, связанную со специфической идентичностью итальянцев, которые болезненно переживали потерю Италией культурного превосходства в XVI в., уделяли чрезмерное внимание наследию эпохи Возрождения, а в том, что касалось странствий по Европе, столкнулись со встречным потоком путешественников, направленным как раз в Италию⁷⁴.

В-третьих, как уже говорилось, все авторы-итальянцы были католиками, и поэтому не могли чрезмерно интересоваться идеями гугенота Рамуса, с обязательным следованием которым Штагль связывает *ars apodemica*. Соседствовавшая с Венецией и подчиненная ей Падуя была свободным в конфессиональном отношении университетским городом, который, наравне с Базелем и Парижем, Штагль считает важными для формирования АА. Вместе с тем, он говорит лишь о связях четырех основателей АА с падуанским университетом. Кроме венецианских описаний Парижа, существует еще несколько, сделанных флорентинцами, из которых я рассматриваю Франческо Иерни (1596)⁷⁵ и Грегорио Ручеллаи (1643)⁷⁶, в которых связь с АА тоже не прослеживается.

Т. Франгенберг причисляет к основателям *ars apodemica* флорентинца Эудженио Данти⁷⁷ поскольку тот был знаком с учением Рамуса. Однако Данти пишет о городах в одной-единственной «таблице», которая вовсе не является «рамистой» таблицей, а просто главой из 26 рекомендаций путешественникам, перечисленными одна за другой. Его система напоминает ту, что венецианцы использовали в дипломатических реляциях. Она не предполагала деления на подкатегории и избегала рядов-перечислений объектов. Она была нацелена не на систематизацию сведений из чисто научного интереса, а для того, чтобы максимально ознакомить получателя реляции со страной, возможным союзником или противником.

Из всех авторов венецианских реляций лишь Наваджеро можно отнести к разносторонне ориентированным «гуманистам»: он был другом А. Мануция, знакомым П. Бембо и поэтом. Однако Парижу в своем сообщении он

уделил меньше страницы. Остальные авторы реляций – чиновники, «*statista*» из древних венецианских родов, не проявившие себя ни в науках, ни в литературе. Вплоть до Дж. Липпомано (1577) все описания Парижа характеризуются удивительной краткостью, при этом авторы порой отсылают за дополнительными сведениями к своим столь же немногословным предшественникам⁷⁸.

Особое внимание в реляциях уделяется экономике, управлению, статистике, а в том, что касается городского пространства – лишь укреплениям. Интерес к укреплениям и военной истории вообще был характерен для XVI в., и употребление карт в военных целях предполагалось как само собой разумеющееся. Данти, посвятивший городу одну главу своей книги, тоже делает упор на разведывательные задачи, например, рекомендует, «не привлекая внимания, зарисовывать бастионы и другие инженерные сооружения»⁷⁹.

Реляция Липпомано, описывающая Францию в том же году, когда Данти, Цвингер и Пиркмайр написали свои теоретические труды, резко отличается от предшествующих. Это почти путеводитель, включающий многие чисто дневниковые фрагменты.

Флорентинцы Иерни и Ручеллаи писали еще позже, в своих реляциях они отошли от систематизированного «статистического» изложения, зато передали нам многие сведения о Париже, о которых их современники из других стран не упоминали. Чем ближе к концу эпохи *ars apodemica* (а Ручеллаи писал в самом ее конце, в 1643 г.), тем сильнее смешивались традиции. По своему стилю, отсутствию систематизации и проявлению внимания как к будничным нуждам путешественника, так и к развлечениям и роскоши, реляция Ручеллаи больше всего напоминает английские сочинения «прототуристической» традиции.

3. Париж в целом: ориентация, обзор с башни, маршруты

Если проанализировать перечисление городских элементов у Цвингера, то можно заподозрить, что он пользовался не только картой Трюше 1552 г., но и картой Бельфоре 1575 г. Это имеет непосредственное отношение к системе ориентации иностранцев в Париже.

Цвингер сообщает о делении города на три части, а затем, описывая город «каузально», перечисляет объекты (около 300): в Виль, двигаясь с запада на восток по воротам, от Сент-Антуан к Новым через ворота Тампль, Сен-Мартен и т.д. (точно по карте), углубляясь в город по улицам и рассматривая, что располагается справа и слева от них. Потом автор рассказывает о зданиях в Сите и возвращается к системе ворота-улицы в Университете (тоже с запада на восток). Тем самым он придает системе ориентации Бельфоре большую стройность.

Цвингер дает понять если не читателям, то хотя бы современным исследователям, какую систему ориентации предпочитали приверженцы *ars*

apodemica. В основном она проводилась по отдельным достопримечательностям, однако всегда существовали дополнительные «координаты». Для *ars apodemica* всю систему ориентации можно условно назвать картографической, с опорой на части города+улицы+ворота, которая требует хорошего знания названий улиц (свойственного местным жителям и тем, кто располагает картами). Цвингер доверял картам настолько, что переиначивал топонимы, следуя ошибкам написания. Кроме того, можно напомнить, что он и другие основатели АА настаивали на изучении и заучивании карт перед путешествием.

Если посмотреть на таблицу, то мы обнаруживаем эту систему ориентации у всех «континентальных» авторов: Цвингера, ван Бухеля, Платтера и Цинцерлинга: ворота+улицы+дороги – 13,6-17%; части города – 5,4-7,6%; Сена+мосты – 8,6-11,6%. По таблице можно выявить и альтернативную систему ориентации, с опорой на Сену+мосты⁸⁰. В чистом виде ее можно заметить у двух итальянцев, Липпомано и Иерни: ворота+улицы+дороги – 7-7,3%; части города – 1,1-2,9%; Сена+мосты – 27,9-40%. Таким образом, оппозицию между «аподемической» и «итальянской» («статистической») традициями можно проследить и в различных системах ориентации. Следует оговориться, что вовсе не все упоминания вышеуказанных объектов в текстах связаны именно с ориентацией. Более того, непосредственно с ориентацией связана как раз меньшая их часть. В данном случае мы опираемся на гипотезу, что само внимание к этим объектам и распределение этого внимания (между тремя группами: Сена, улицы, части города) свидетельствует о возможности ориентирования с использованием этих объектов и соответствующих категорий.

Частота упоминаний категорий объектов Парижа⁸¹

	Бельфоре 1575	%	Коррозе 1586	%	Варенн 1643	%	Цвингер 1577	%	ван Бухель 1586	%	Платтер 1599	%	Цинцерлинг 1616	%
Всего город родских элементов	656		1828		236		782		302		470		214	
Сена+ Бьевр + острова+ набережные+ мосты	28	4.2	114	6.2	24	10.1	68	8.6	35	<u>11.6</u>	54	11.4	20	9.3
Ville+ Cité+ Univer sité	9	1.3	11	0.6	11	4.6	43	5.4	23	7.6	30	6.3	13	6

Все предме- стья	14	2.1	46	2.5	20	8.4	20	2.5	14	4.6	16	3.4	15	7
Квар- талы+ при- ходы	5	0.7	13	0.7	1	0.4	0	0	0	0	3	0.6	0	0
Сте- ны+ ров+ басте- оны+ крепо- сти	14	2.1	62	3.3	5	2.1	39	4.9	5	1.6	10	2.1	12	5.6
Ворота	14	2.1	99	5.4	25	10.5	62	7.9	29	9.6	21	4.4	23	10.7
Улицы+ дороги	35	5.3	104	5.6	14	5.9	45	5.7	18	5.9	59	<u>12.6</u>	11	5.1
Ворота и улицы +дороги суммарно		7.4		11		16.4		13.6		15.5		17		15.8

Париж иностранцев эпохи ars apodemica (1570-1640 гг.)

Башни+ колокольни+ окна+ этажи	8	1.2	39	2.1	7	2.9	22	2.8	6	1.9	1	0.2	7	3.2
Дворцы + сады	57	<u>9</u>	146	7.9	37	<u>15.7</u>	73	<u>9.3</u>	29	9.6	34	7.2	30	<u>14</u>
Церкви+ монастыри + часовни	270	<u>41</u> ⁸²	614	<u>34</u>	28	<u>11.9</u>	178	<u>22.8</u>	85	<u>28.1</u>	71	<u>15.1</u>	39	<u>18</u>
Коллежи	118	18	123	<u>6.7</u>	6	2.5	65	8.3	10	3.3	7	1.4	7	3.2
Отношение ученых в таблице городских элементов ко всем г. элементам		86.6		75,5		75.4		78.8		84.2		65.2		83.2

	Дипломано 1577	%	Иерни 1596	%	Руччалаи 1643	%	Моррисон 1595	%	Даллингтон	%	Кориат 1608	%	Сомерсет 1612	%	Эвелин 1643	%
Всего городских элементов	136		85		301		375		67		98		125		119	
Сена+ Бьевр+ острова+ набереж- ные+ мосты	38	<u>27.9</u>	34	<u>40</u>	32	10.6	53	<u>14.1</u>	9	<u>13.4</u>	13	<u>13.3</u>	18	<u>14.4</u>	13	<u>10.9</u>
Ville+ Cité+Unive rsité	4	2.9	1	1.1	6	1.9	46	12.2	6	<u>8.9</u>	4	4	7	5.6	5	4.2
Все пред- местья	3	2.2	5	5.8	27	8.9	1	0.2	5	7.4	2	2	5	4	12	<u>10</u>
Кварталы + приходы	1	0.7	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Стены+ ров+ бастины+ крепости	15	<u>11</u>	10	<u>11.7</u>	9	2.9	22	5.8	5	7.4	1	1	6	4.8	1	0.8
Ворота	7	5.1	1	1.1	17	5.6	47	<u>12.5</u>	3	4.4	2	2	0	0	1	0.8

Париж иностранцев эпохи ars apodemica (1570-1640 гг.)

Улицы + дороги	3	2.2	5	5.8	21	6.9	39	10.4	1	1.4	14	14.3	12	9.6	7	5.8
<i>Ворота и улицы + дороги суммарно</i>		7.3		6.9		<u>12.5</u>		<u>22.9</u>		5.9		<u>16.3</u>		9.6		6.6
Башни+ колоколь- ни + окна+ этажи	0	0	4	4.7	17	5.6	7	1.8	1	1.4	1	1	1	0.8	2	1.6
Дворцы + сады	10	7.3	2	2.3	45	<u>14.9</u>	22	5.8	13	<u>19.4</u>	14	14.3	35	<u>28</u>	26	<u>21.8</u>
Церкви + монасты- ри + ча- совни	20	14.7	14	16.4	40	13.3	20	5.3	4	5.9	7	7.1	19	15.2	11	9.2
Коллежи	3	2.2	1	1.1	3	0.9	41	10.9	1	1.4	1	1	4	3.2	5	4.2
Учтенные гор. эле- менты/ все г. элементы		76,5		90,6		72,1		79,5		71,6		60		78,6		69,8

У англичан в распределении внимания (ориентации) единодушия не наблюдается, они по своим предпочтениям располагаются примерно посередине между итальянскими и «континентальными» авторами. Опора на части города у них сильно разнится, но в целом ближе к континентальным авторам (следуя хронологии: 12,2%, 8,9%, 5,6%, 4%, 4,2%). Моррисон доверяет улицам + воротам даже больше, чем континентальные авторы⁸³ (почти 23%), Кориат – примерно так же, 16%, Сомерсет 9,6%, а Даллингтон и Эвелин (около 6%), примерно так же, как Липпомано и Иерни. В целом англичане больше, чем «континентальные» авторы, ориентируются по Сене (13,3-14%), но не так, как итальянцы.

Интересны данные в целом по 1643 г., т.е. по самому концу эпохи *ars apodemica*: у Ручеллаи (улицы+ворота 12,6%; части города 6%; Сена+мосты 10,6%) и де Варенна (улицы+ворота 16,5%; части города 4,6%; Сена+мосты 10,1%) как у «континентальных» авторов, а Эвелин (улицы+мосты 6,7%; части города 4,2%; Сена+мосты 10,9%) приближается к ним. Предпочтения Коррозе и Бельфоре сложно определить, но, учитывая данные де Варенна, можно предположить, что к концу периода как во Франции, так и в Италии и Англии происходит усвоение ориентации «аподемического» типа.

Любопытной представляется практика «обзора города с башни». Как считает Т. Франгенберг, в XVI в. эта практика была распространена достаточно широко⁸⁴. Он указывает на труд Альберти «Искусство зодчества», где рекомендуется строить так, чтобы «гостям» открывались красивые виды. Итальянские математические трактаты того же XV в. предлагали мысленные зрительные эксперименты, связанные с башнями⁸⁵. Вероятно, эта практика развивалась в некоторой зависимости от флорентийской (или обще-итальянской) архитектурной и математической традиции. Можно предположить, что АА практикой обзора с башни не интересовалась, по крайней мере, в Париже. Она не упоминается ни у Цвингера, ни у ван Бухеля и Даллингтона – трех из рассматриваемых авторов, у которых связь с *ars apodemica* прослеживается наиболее четко.

Если посчитать, что распространение этой практики как-то связано с отношением к вертикальному измерению города в целом, то данные контент-анализа разочаруют. В таблице (ряд 9) учтены все объекты на высоте (башни, колокольни, крыши, окна). Видно, что все иностранцы обращали на них мало внимания. Выделяются только Иерни (1596), Цинцерлинг (1616), Ручеллаи и де Варенн (1643).

Хотя пока невозможно объяснить пути проникновения и эволюцию этой практики, в Париж она все же пришла. Самое первое описание настоящего «обзора с башни» мы найдем у Платтера (1599)⁸⁶. В дневнике-путеводителе Цинцерлинга указано уже, что в Париже есть церкви «и особенно собор Нотр-Дам и Сент-Женевьев, башни которых позволяют

осмотреть весь Париж»⁸⁷. Цинцерлинг наслаждается видом с башни не только в Париже, но и в других французских городах: Орлеане, Невере, Туре, Амбуазе и Пуатье⁸⁸. В самом конце рассматриваемого периода мы замечаем еще два «обзора». Вот Эвелин: «Я поехал далее, чтобы посмотреть на Париж с колокольни Сен-Жак, считающейся самой высокой в городе, откуда я и получил полный вид всего города и предместий...»⁸⁹. А вот Ручеллаи: «Монмартр – это место на холме в двух милях от Парижа, откуда можно наслаждаться самым красивым видом города»⁹⁰. Можно заметить, что эта практика не то чтобы утвердилась к концу рассматриваемой эпохи, но все же стала заметней.

Париж вовсе не отставал от других городов в том, что касалось более традиционного поведения путешественника: прогулки по городу от одной достопримечательности до другой.

Городские маршруты появляются уже у ван Бухеля (1586). Например⁹¹: 7 июля. Руины Шарантона – ворота Сент-Антуан – Турнель – Бастилия – Арсенал – Монастырь Целестинцев – ц. Сен-Поль – дом посла Испании – дом посла Венеции – через реку к своему жилью в пригороде Сен-Марсель. У Платтера (1599), хотя он и жалуется, что нельзя осмотреть все 139 (!) церквей, так как нет соответствующих карт и указателей⁹², приведено несколько маршрутов⁹³.

В некоторых сочинениях маршруты приводятся с замечательной доходностью и удивляют своей изощренностью – они не выстраиваются в прямую линию. Вот как в своей поэме советует двигаться Ромбиз⁹⁴: начать в Сите, где осмотреть Нотр-Дам и госпиталь Отель-Дье, потом по мосту Нотр-Дам или мосту Менял перейти в Виль, где посмотреть Ратушу, Гревскую площадь, Арсенал, Бастилию, Королевскую площадь, Тамплль, Лувр, Тюильри, Сорбонну (как именно попасть на другой берег, Ромбиз не уточняет) и только потом вернуться в Сите, потом перейти по мосту Сен-Мишель или Малому, осмотрев Малый Шатле и Новый мост.

Описание этого воображаемого маршрута, как и других, настоящих и воображаемых, зависит от избранной системы ориентации и порой явно связано с хронологией, т.е., сначала осматриваются (и описываются) самые древние памятники. Последнее отсылает к системе описания города согласно *ars apodemica*: сперва древние здания, потом сакральные, потом профанные, потом связанные с управлением. В построении и описании маршрутов ведущая роль принадлежит путешественникам из Германии, Голландии и Бельгии, т.е. тем, кто наиболее связан с традицией *ars apodemica*. При этом простая логика подсказывает, что нужду в разработке маршрутов должны были испытывать представители «прототуристической» традиции. Но англичане, наиболее близкие к ней, бродят довольно рассеяно, а итальянцы (как венецианцы, так и флорентинцы), вообще ничего об этом не сообщают. Можно предположить, что маршруты были

включены в Большой тур позже, уже после окончания эпохи *ars apodemica*.

Хотя о маршрутах говорят не все авторы, однако понятно, что они обходили Париж намеренно и, скорее всего, пешком, следуя старой практике пилигримов и студентов, но еще до зарождения благородной «прогулки» как особого времяпрепровождения⁹⁵.

4. Предпочтения в городском пространстве

В восприятии Парижа можно уловить сходство в том, что касается отдельных категорий и объектов. Назовем это предпочтениями, хотя на самом деле речь идет лишь о частоте упоминания различных объектов. Например, Улицы можно рассматривать и как элементы, необходимые для ориентации, и как самостоятельные объекты. Мы встречаем почти единодушное мнение о парижских улицах: они хороши, но сильно забиты людьми.

Наваджеро (1528) пишет: «Улицы прекрасны и украшены удивительно богатыми магазинами. Дома более удобны, чем приятны для взгляда»⁹⁶. Джустиниано замечает, что Париж вовсе не так велик, как о нем говорят, просто: «Все обитатели на виду: мужчины, женщины, старики, дети, господа, слуги, – все имеют обыкновение размещаться у дверей магазинов или даже на улицах. Кроме того, улицы запружены телегами, мулами и другими животными всех видов, и в итоге получается полная сумятица»⁹⁷.

Мы знаем, что с середины XVI в. об улицах Парижа стали заботиться. Вот и результат: Даллингтон пишет, что «улицы очень красивы, прямы и длинны, по большей части»⁹⁸, а Иерни сообщает поистине бесценные сведения: «Уже давно улицы красивы, широки и длинны, и хорошо мощены квадратным камнем... Зимними ночами углы улиц освещены красивыми стеклянными фонарями, которые позволяют каждому заниматься своим делом. На домах нет водостоков, а крыши покрыты маленькими кусками черного шифера, и окна закрыты, но не как у нас, а прекрасными стеклами, которых видно множество»⁹⁹. Многие выбирали в качестве образцовую какую-нибудь одну улицу: в самом начале XVII в. таковой признавалась улица Нотр-Дам, хотя, как утверждал Кориат, «она не столь широка, как наш Чипсайд в Лондоне»¹⁰⁰. Однако, например, Сомерсет предпочитал самые длинные улицы (Сент-Оноре, Сент-Антуан, Сен-Мартен и Сен-Жак)¹⁰¹.

Данные таблицы говорят о внимании иностранцев к парижским церквям. Распределение этого внимания по группам поначалу смущает: сильнее всех они интересуют континентальных протестантов (в среднем 21%), потом итальянских католиков (14%) (плюс единственный английский католик Сомерсет, 15%) и в последнюю очередь – английских протестантов (в среднем 7%). Собственно, удивительно здесь лишь предпочтение первой

группы, но оно объясняется просто: они искали древние надписи, а именно в церквях и монастырях надписей было больше всего. Интерес второй и третьей группы вполне согласуется с их конфессиональной принадлежностью.

Поддается идентификации и интерес к Парижу с эстетической точки зрения, причем ренессансном смысле слова: к картинам, скульптурам, садам, украшениям дворцов. Больше всех интересна роскошь и красота англичанам (у Эвелина больше 21%), меньше всего итальянцам. Любопытны опять почти близкие значения для 1643 г.: и итальянец Ручеллаи, и француз де Варенн уделили по 15-16% своего внимания этой сфере, что близко данным по Цинцерлингу (14%), последнему из рассмотренных континентальных протестантов. Возможный вывод здесь: традиции сошлись. Все три разные группы иностранцев накануне эпохи Большого тура приобрели одинаковый интерес к роскоши и эстетике.

* * *

Изучение *ars apodemica* началось всего несколько десятилетий назад, поставив перед исследователями задачу выявления других, параллельных АА, традиций в литературе о путешествиях, и определения их взаимовлияния. Вместе с тем, особую актуальность приобрел вопрос о возможном влиянии ученой литературной традиции на описание города и – что гораздо сложнее – на его восприятие.

В данной статье были предложены способы подойти к решению этих вопросов, опираясь на контент-анализ текстов, описывающих Париж эпохи *ars apodemica* (1570-е – 1640-е гг.). Ее выводы носят предварительный характер, однако некоторые из них представляются автору вполне убедительными. Прежде всего, следует признать, что *Ars apodemica* повлияла на часть литературы о путешествиях выделенной эпохи (1570-е – 1640-е гг.), касающуюся Парижа, одним тем, что породила такой новый элемент, как описания и даже рекомендации городских маршрутов.

Также можно сделать предварительные выводы о том, что традиция литературы о путешествиях, условно названная «прототуристической» и приведшая к возникновению практики Большого тура, некоторое время сосуществовала с традицией *ars apodemica*, многое у нее позаимствовала, а потом ее вытеснила. Такое смещение интереса с гносеологической сферы на практическую, образовательную и развлекательную привело, например, к увеличению числа упоминаний городских объектов, связанных с роскошью и произведениями искусства.

Проведенный анализ говорит о существовании оппозиции между *ars apodemica* и «статистической» (итальянской) традицией. Наиболее ярко различия между ними проявились в выборе системы ориентации, которой пользовались путешественники в Париже: ориентация, близкая *ars apodemica*, характеризуется особым набором опорных категорий, в кото-

рых выделяются улицы, ворота и дороги; для «статистической» традиции характерен другой набор, в котором выделяется Сена и мосты. В связи с этим была намечена и гипотеза о сравнительно большем внимании *ars apodemica* к картографии, и об особом «картографическом» восприятии города, порожденном этой традицией. Также обнаружилось, что существовали сферы, в которых происходило постепенное слияние указанных двух традиций; например, это касалось практики «обзора города с башни».

¹ *Stagl J.* Vom Dialog zum Fragebogen. *Miszellen zur Geschichte der Umfrage // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie.* 1978. Bd. 31/3. S. 611–638; *Idem.* Die Apodemik oder «Reisekunst» als Methodik der Sozialforschung vom Humanismus bis zur Aufklärung // *Statistik und Staatsbeschreibung in der Neuzeit.* Hg. M. Rassem, J. Stagl. Paderborn, 1980; *Idem.* *Ars apodemica. Voyage d'étude, et art du voyage // L'époque de la Renaissance 1400-1600 / Ed. T. Klaniszay, E. Kushner, P. Chavy.* Vol. 4. Budapest, 1991; *Idem.* *Ars Apodemica. Bildungsreise und Reisetexte von 1560 bis 1600 // Reise und Reiseliteratur / Hg. X. von Erzdorff, Dieter Neukirch, Rudolf Schulz.* Rodopi, 1992. S. 141–191 – это немецкий вариант предыдущей статьи; *Idem.* *A history of curiosity: the theory of travel 1550–1800 (Studies in anthropology and history.* Vol. 13). 1995.

² Например: *Hlavin-Schulze K.* «Man reist ja nicht, um anzukommen»: Reisen als kulturelle Praxis. Frankfurt / Main, N.Y., 1998; *Scenazi C.* Le voyage en Europe au XVIe siècle // *The Romantic Review.* 2003. Jan-Mar. (электронный ресурс без нумерации страниц: http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3806/is_200301?tag=artBody;col1); *Bratun M.* L'art de voyager utilement selon Michel-Georges Mnischez d'après un manuscrit inconnu // *La Revue Française. Numéro Spécial / Numéro Electronique: «La culture des voyages a l'âge classique. Regards, savoirs et discourses».* *Podemski K.* Travels and European Identity // *To be and to live in Europe / Ed. Z. Drozdowicz.* Poznan, 2004; *Horvath R.* La France en 1618 vue par un statisticien hongrois, Marton Szepesi Csombor // *Population (French Édition).* 1985. 40e Année. No. 2 (Mar. – Apr.); *Huigen S.* Reisliteratuur tussen representatie en identiteit // *Neerlandstiek.* 2007. Oktober.

³ *Ong W. J.* *Ramus, method and the decay of dialogue.* Chicago, 2004. Он так пишет о «рамизме»: «Рассматриваемый целостно, „рамизм“ не является философией или теологией. Он также не есть литературная школа или вид классического гуманизма, хотя повлиял на философию, теологию, литературу и многое другое. Его центральным элементом является логика или диалектика, которую не может воспринимать всерьез ни один компетентный логик. Тем не менее, вместе с риторикой, эта логика или диалектика – ключ к „рамизму“» (р. 7). «Рамизм»... это исток целого кластера ментальных привычек (*mental habits*), развившихся в рамках столетней образовательной традиции и специализирующихся на некоторых типах концепций, основанных на простых пространственных моделях, и призванных анализировать ментальные и коммуникативные процессы, а также, косвенно, не охватываемый разумом мир (р. 8).

Вместо термина *ars apodemica* некоторые современные исследователи используют в отношении того же теоретизирующего направления литературы о путешествиях, о котором говорит Штагль, более общее обозначение «рамистское» (*ramist*). Например: *Smith P. J.* *Montaigne, Juste Lipse et l'art du voyage // The Ro-*

mantic Review. 2003. Jan-Mar (электронный ресурс без нумерации страниц: http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3806/is_200301?tag=artBody;col1); *Hadfield A.* Literature, Travel, and Colonial Writing in English Renaissance, 1545-1625. Oxford, 1998.

⁴ *Hieronimus Turler.* De peregrinatione et agro Neapolitano libri II. Strasbourg, 1574; *Hilarius Pyrckmair.* Commentariolus de arte apodemica seu vera perigrinandi ratione. Ingolstadt, 1577; *Theodor Zwinger.* Methodus apodemica in eorum gratiam, qui cum fructu in quocunque tandem vitae genere peregrinandi cupiunt. Basel, 1577; *Hugo Blotius.* Tabula Peregrinationis continens capita Politica // P. Henzner. Itenerarium Germaniae, Galliae, Angliae, Italiae. Nürnberg, 1629.

⁵ *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 292.

⁶ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 5.

⁷ *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 292.

⁸ *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 293.

⁹ *Stagl J.* Ars Apodemica. Bildungsreise... S. 158.

¹⁰ *Nicolas Reusner.* Hodoeporicum. Basel, 1580; *Alberus Meierus, Ulricus Ranzovius.* Methodus describendi regionus, urbes et arces. Helmstadt, 1587; *Stephanus Venandus Pighius.* Hercules prodicius. Anthwerpen, 1597. Köln, 1609; *Nathan Cythreus.* De arte peregrinandi libri II. Nürnberg, 1591. *Idem.* Variorum in Europa itinerum deliciae. Herborn, 1594, 1599, 1606; *Georg Loysius.* Pervigilium Mercurii. Hof, 1598; *Sir Robert Dallington.* A Method for Trauell. L., 1605; *Salomon Neugebauer.* Tractatus de peregrinatione. Basel, 1605; *Julius Bellus.* Hermes politicus. Frankfurt a/Main, 1608; *Johann Henner.* Politische Diskurs de arte apodemica. Tübingen, 1609, 1644; *Kristian Moler.* Reisskunst. Frankfurt am Main, 1615; *Joseph Hall.* Quo vadis? L., 1617; *Daniel Gruber.* Discursus historico-politicus de peregrinatione studiosorum. Strasbourg, 1619; *Francis Bacon.* Of Travell. L., 1625; *Thomas Erpenius.* De peregrinatione Gallica utiliter instituenda. Leiden, 1631; *S. Zwicker.* Breviarium apodemikum methodice concinnatum. Danzig, 1638; *James Howell.* Instructions for Forreine Travell. L., 1642, 1650; *Paganino Gaudenzio.* Della peregrinatione filosofica. Pisa, 1643; *Dávid Frölich.* Bibliotheca seu cynosura peregrinantium. 2 vol. Ulm, 1643-44 // *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 292-293.

¹¹ *Ong W. J.* Ramus... P. 17-29).

¹² «Путешествие делилось на триаду: подготовка, исполнение и оценка (*preparatio, opus ipse, terminus*)» // *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 296.

¹³ *Thomas Erpenius.* De peregrinatione Gallica utiliter instituenda. Leiden, 1631. Ссылка в: *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 297.

¹⁴ *Stagl J.* Ars apodemica. Voyage... P. 297-299.

¹⁵ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 78.

¹⁶ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 301.

¹⁷ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 55-56. Выбор трудов для примера тоже принадлежит Штаглю.

¹⁸ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 50.

¹⁹ *Cosmographia.* Beschreibung aller Lender durch S. M., in welcher begriffen Aller völker, Herrschaffen, Stetten und namhafter flecken herkommen: Sitten, gebreüch, ordnung, glauben, secten und hantierung durch die ganze welt und fürnemlich Teüt-

scher nation. Was auch besonders in jedem landt gefunden und darin geschehen sey. Alles mit figuren und schönen landt tafeln erklet und für augen gestellt. Basel, 1544.

²⁰ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 55–56.

²¹ О связи между итинерариями, путеводителями и картами см.: *Lang W.* The Augsburg Travelguide of 1563 and the Erlinger Road Map of 1524 // *Imago Mundi*. 1950. Vol. 7. P. 84–88.

²² *Клавдий Птолемей.* Руководство по географии / Состав. М.С. Боднарский. М., 1953.

²³ Отсюда и современные слова «турист», «туризм».

²⁴ Литература о Большом туре огромна. Я пользовался следующими изданиями: *Howard C.* English Travelers of Renaissance. N.Y., 1914; *Trease G.* The Grand Tour. L., 1967; *Hibbert Ch.* The Grand Tour. L., 1987. *Stoye J.* English travellers abroad, 1604-1667. New Haven, 1989; *Chaney E.* The Evolution of Grand Tour. L., 1998; *Hadfield A.* Literature...; Amazons, Savages and Machiavels. Travel and Colonial Writing in English, 1550–1630. Anthology / Ed. Andrew Hadfield. Oxford, 2001.

²⁵ *Robert Dallington.* The View of Fraunce. Un aperçu de la France telle qu'elle était vers l'an 1598. Traduit de l'anglais par E. Emerique d'après un exemplaire de l'édition imprimée à Londres par Symon Stafford, 1604. Versailles, 1892.

²⁶ *Howard C.* Op. cit. Chapter 2 (электронный ресурс без нумерации страниц: <http://www.gutenberg.org/etext/13403>).

²⁷ *Chaney E.* Op. cit. P. 106-110 и далее. Собственно, даже в названии главы, посвященной Большому туру, – «The Grand Tour and beyond: British and American Travellers in Italy, 1645-1960» – отражается эта датировка. Теоретические труды, родственные ars arodemica, разбираются им в предыдущей главе той же работы.

²⁸ С идеями М. Бреннана я знаком только по рецензиям на его книгу: *Michael G. Brennan.* The Origins of the Grand Tour: The Travels of Robert Montagu, Lord Mandeville (1649–1654), William Hammond (1655-1658), Banaster Maynard (1660–1663). L., 2004.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Stagl J.* A history of curiosity... P. 5.

³¹ *Trease G.* Op. cit.; *Hibbert Ch.* Op. cit.; *Stoye J.* Op. cit.

³² Ссылки на конкретные издания будут даваться по мере разбора текстов.

³³ *Les Antiquitez Chroniques et Singularitez de Paris, Ville Capitale du Royaume de France. Avec les fondations & bastiments des lieux: Les Sepulcres & Epitaphes des Princes, Princesses, & autres personnes illustres.* Par Gilles Corrozet, Parisien, & depuis augmentees, par N. B. Parisien. Paris, 1586 / Ed. par Nicolas Bonfons.

³⁴ *Franklin A.* Les anciens plans de Paris. Paris, 1878.

³⁵ Например, от автора к автору переходит уподобление Виль (Ville) и Сите (Cité) двум полумесяцам или полукружьям: *Zvinger T.* Op. cit. P. 77; *Sincerus J.* Op. cit. P. 280; An itinerary, written by *Fynes Morryson*, Gent., first in the Latine Tongue, and thu translated by him into English. Containing his ten yeeres travell through the twelve dominions of Germany, Bohmerland, Sweitzerland, Netherland, Denmarke, Poland, Italy, Turky, France, England, Scotland, and Ireland. L., 1617. P. 403; *Claude de Varennes.* Le Voyage de France dresse pour la commodité des François et des Étrangers. Corrigée et augmentée à nouveau par le sieur D. V., historiographe de France. Paris, 1687. P. 193.

- ³⁶ *Frangenberg T.* Chorographies of Florence. The use of city views and city plans in the XVIth century // *Imago Mundi*. 1994. Vol. 46. P. 47.
- ³⁷ *Stagle J.* The history of curiosity... P. 78; *Frangenberg T.* Op. cit. P. 49.
- ³⁸ *Frangenberg T.* Chorographies of Florence. The use of city views and city plans in the XVIth century // *Imago Mundi*. 1994. Vol. 46. P. 48.
- ³⁹ *Morryson F.* Op. cit., между p. 408 и p. 409.
- ⁴⁰ *Francois de Belleforest.* L'ancienne et grande cite de Paris. Extrait de la «Cosmographie universelle de tout le monde...Auteur en partie Seb. Munster, mais beaucoup plus augmentee, ornee et enrichiee par Francois de Belleforest... Paris, 1575». Introduction et notes par l'Abbe Valentin Dufour. Paris, 1882.
- ⁴¹ В предыдущих французских изданиях Мюнстера Парижу посвящена одна страница: La Cosmographie universelle, contenant la situation de toutes les parties du monde... Par Sebast. Monstere... [Basel], 1568.
- ⁴² *Varennes C. de.* Op. cit.
- ⁴³ *Babeau A. A.* Les voyageurs étrangers en France depuis la Renaissance jusqu'à la Révolution. Paris, 1885. P. 84.
- ⁴⁴ *Zvinger T.* Op. cit.
- ⁴⁵ *Zvinger T.* Op. cit. P. 71.
- ⁴⁶ *Zvinger T.* Op. cit. P. 89-105.
- ⁴⁷ *Zvinger T.* Op. cit. P. 106-108.
- ⁴⁸ *Zvinger T.* Op. cit. P. 90 (предместья), 93-94 (коллежи), 95 (улицы), 101 (площади, госпитали), 105 (фонтаны).
- ⁴⁹ Голландец сотрудничал с издателем Н. Бонфоном и участвовал в переиздании «Antiquitez, chroniques et singularitez» 1586 г. Description de Paris par *Arnold van Buchel* d'Utrecht (1585-86), extrait de «Commentarius rerum quotidianarum, in quo, praeter itinera diversarum regionum, urbium, opidorumque situs, antiquitates, principes, instituat, mores, multa eorum quae tam inter publicus, quam privatum contingere solent, occurrent exempla (jan 1560-april 1599) / Traduit et publié par A. Vidier // Mémoires de la société...1899. Tome XXVI. P. 71.
- ⁵⁰ *Buchel A. van.* Op. cit. P. 92.
- ⁵¹ См: *Stagl J.* History of curiosity... P. 48. Противопоставление Липсиуса рамистам см: *Smith P. J.* Op. cit.
- ⁵² Description de Paris par *Thomas Platter le Jeune* de Bâle (1599) // Mémoires de la société... 1896. Tome XXIII. P. 167-224.
- ⁵³ *Platter T.* Op. cit. P. 175-195.
- ⁵⁴ *Platter T.* Op. cit. P. 206-8.
- ⁵⁵ *Sincerus J.* Op. cit.
- ⁵⁶ *Paul Merula.* Cosmographia de Gallia. Amsterdam, 1636.
- ⁵⁷ *Sincerus J.* Op. cit. P. 279, 292.
- ⁵⁸ Часть, касающаяся Парижа, опубликована в: *Antoine de Rombise.* Voyage a Paris (1634-35) // Mémoires de la société...1886. Tome XIII. P. 274-288.
- ⁵⁹ *Morryson F.* Op. cit. О Париже: P. 400-420.
- ⁶⁰ *Morryson F.* Op. cit. P. 414.
- ⁶¹ *Morryson F.* Op. cit. P. 412 (коллежи), 406 (ворота), 405 (рынки).
- ⁶² *Morryson F.* Op. cit. P. 412.
- ⁶³ *Dallington R.* Op. cit.

⁶⁴ Paterson J. Op. cit.; Holtgen K. J. Op. cit. (см. прим. 31).

⁶⁵ «Crudities hastily gobbled up in five months travels in France, Savoy, Italy,... Helvetia, Germany and the Nederland...» (1608). *Voyage à Paris de Thomas Coryathe* (1608) (L., 1611) / Traduit d'anglais par Robert de Lasteyrie // *Mémoires de la société...* 1880. Tome VI. P. 24–53.

⁶⁶ The Travel Diary (1611-1612) of an English Catholic, Sir Charles Somerset / Ed. Michael Brennan. Leeds, 1993. Фрагмент, касающийся Парижа, приведен в: *Hadfield A. Amazons...* P. 65–72.

⁶⁷ *Hadfield A. Amazons...* P. 64

⁶⁸ *Hadfield A. Amazons...* P. 64

⁶⁹ *Diary and correspondence of John Evelyn. A new edition, in four volumes / Edited from original manuscript at Wotton by William Brey. Vol. I. L., 1859.*

⁷⁰ *Evelyn J. Op. cit. P. 47.*

⁷¹ *Evelyn J. Op. cit. P. 49.*

⁷² Особый характер итальянской литературы о путешествиях лишь недавно стал объектом исследования. См.: *Hester N. Literature and Identity in Baroque Italian Travel Writing. Aldershot, 2008*, а также уже приводившееся мнение Штагла об особенной «статистической» традиции.

⁷³ *Collection des documents inédits sur l'histoire de France. Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI-me siècle / Ed. par M. Nicolo Tommaseo. Paris, 1838. Vol. 1-2. Vol. 1: Andrea Navagero (1528). P. 1–67; Marino Giustiniano (1535). P. 68–112; Marino Cavalli (1546). P. 249–392; Giovanni Capello, (1561). P. 367–388; Vol. 2: Marc-Antonio Barbaro (1563). P. 1-105, Girolamo Lippomano (1577). P. 278–647.*

⁷⁴ *Hester N. Op. cit. P. 16.*

⁷⁵ *Paris en 1596, vu par un Italien (relation du voyage de Francesco Gregori d'Ierni // Bulletin de la société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France. 1885. Tome 12. P. 164–170.*

⁷⁶ *Un'ambasciata. Diario del'abate G. Fr-co Rucellai / Publicato da G. Temple-Leader e G. Marcotti. Firenze, 1884.*

⁷⁷ *Frangenberg T. Op. cit. P. 41–64 (особенно P. 50–56).* Он ссылается на труд: *Eugnatio Danti. Le scienze matematiche ridotte in tavole. Bologna, 1577* и публикует отрывок из него, относящийся к путешествиям: *Tavola 39, «Delle osservazioni di viaggi» (Op. cit. Appendix 1. P. 56).*

⁷⁸ Например, М-А. Барбаро: *Relations des ambassadeurs vénitiens...Vol. 2. P. 2.*

⁷⁹ *Frangenberg T. Op. cit. Appendix 1. 26.*

⁸⁰ Можно также напомнить, что ориентация по реке была свойственна и поэту Кнобельсдорфу, писавшему до появления карт Парижа. Таким образом, гипотеза о связи «аподемической» системы ориентации с картографией получает дополнительное подтверждение.

⁸¹ В таблице представлены объединенные результаты, когда и именные и категориальные городские элементы объединялись не только в категории (например, категория «все улицы» учитывает упоминания не только «улиц», но и конкретных улиц), но и в объединенные категории (например, «Сена, Бьевр, острова, набережные, мосты», как имеющее отношение к Сене). Выбор элементов, включенных в каждую объединенную категорию, производился в зависимости от конкретного

объекта исследования. Для анализа «ориентации» в городе важны объединения по «артериям» (река Сена и улицы-дороги) и разным частям города («3 части» картографии, предместья, кварталы, приходы). «Дворцы и сады» условно объединены, как имеющие отношение к роскоши и произведениям искусства («Башни, колокольни, окна, этажи» – как элементы, имеющие отношение к «вертикальному измерению» города. Каждая колонка, обозначенная сверху именем автора и датой его написания (например, «Коррозе 1586»), указывает число упоминаний элементов данной категории. Колонка справа от такой колонки, обозначенная сверху значком «%», указывает процентное значение выделенной категории городских элементов в отношении ко всем городским элементам данного источника. Последний ряд указывает суммарное процентное значение всех выделенных в данной таблице категорий. Таким образом, видно, что эта таблица охватывает большую часть всех упоминаний городских элементов (от 60 до 90%). Как уже говорилось выше, городские элементы считались даже при повторах в одной фразе.

⁸² Для удобства чтения таблицы для каждого источника наиболее часто упоминаемая категория в колонке, которая отражает процентное значение, представлена жирным шрифтом с подчеркиванием (напр. **41**), следующая по частоте категория – просто жирным шрифтом (напр. **41**), и следующая – наклонным шрифтом с подчеркиванием (напр. *41*).

⁸³ Моррисон вообще отличается повышенной «картографичностью»: у него единственного число упоминаний частей города в два раза больше, чем у континентальных последователей АА. Мини-карта самого Моррисона повернута так же, как нынешние (т. е. левый берег – Университет внизу), на ней указаны стороны света, и он довольно часто указывает их и в тексте. Например, перечисляя ворота, говорит, что делает это с юго-востока к северо-западу. Если учитывать, что все английские тексты, разбираемые здесь, в той или иной степени относятся к «прото-туристической» традиции, то необходимо признать, что Моррисон «картографичностью» превзошел и своих соотечественников, и континентальных приверженцев АА. Возможно, что такая повышенная «картографичность» является характерной чертой сочинений уже следующей эпохи, эпохи Большого тура, провозвестником которой послужил Моррисон.

⁸⁴ *Frangenberg T.* Op. cit. P. 48.

⁸⁵ *Baxandall M.* *Painting and experience in fifteenth century Italy.* Oxford, 1988. P. 106.

⁸⁶ *Platter T.* Op. cit. P. 177.

⁸⁷ *Sincerus J.* Op. cit. P. 51.

⁸⁸ *Sincerus J.* Op. cit. P. 65, 95, 108, 111, 219.

⁸⁹ *Evelyn J.* Op. cit. P. 69.

⁹⁰ *Rucellai Fr.* Op. cit. P. 104.

⁹¹ *Buchel A. van.* Op. cit. P. 78. Другие маршруты описываются там же: p. 95, 97, 104, 116-120.

⁹² *Platter T.* Op. cit. P. 211.

⁹³ *Platter T.* Op. cit. P. 199-202.

⁹⁴ *Rombise A. de.* Op. cit. P. 283-287.

⁹⁵ *Amato J. A.* *On foot: a history of walking.* N.Y., 2004. Амато относит появление благородного «прогуливания» как практики высшего класса к началу XVIII в.

⁹⁶ *Relations des ambassadeurs vénitiens...* Vol. 1. P. 33.

⁹⁷ *Relations des ambassadeurs vénitiens...* Vol. 1. P. 70.

⁹⁸ *Dallington R.* Op. cit. P. 24.

⁹⁹ *Ierni Fr.* Op. cit. P. 166.

¹⁰⁰ *Coryathe T.* Op. cit. P. 11.

¹⁰¹ *Somerset Ch.* Op. cit. P. 68.

С.Е. Федоров

«УВИДЕТЬ ПАРИЖ И ...»:
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

В собрании Бодлеанской библиотеки хранится рукопись путевых заметок одного английского юноши, точнее, пятнадцатилетнего подростка, Роберта Монтагю, будущего третьего графа Манчестера. Юный Монтагю был отправлен его отцом – вторым графом Манчестером в европейский тур в апреле 1649 года. Значительная часть его пребывания в Европе связана с Францией – сначала с Парижем, а затем Сомюром, где, по замыслу родителей, была организована основная часть обучения молодого человека. Несмотря на свою занятость в Сомюре Роберт Монтагю неоднократно возвращался в Париж¹.

Отец молодого человека, Эдвард Монтагю – личность весьма известная в раннестюартовской Англии. Он занимал высокие государственные посты, но, в конечном счете, разошелся с Карлом I Стюартом из-за взглядов на формы и методы управления государством. Во время гражданских войн Монтагю-старший примыкает к парламентариям, его даже назначают командующим парламентской армией, но впоследствии, накануне казни короля, он заново присоединяется к роялистам. Опасаясь в новых условиях за судьбу своего наследника, он решает отправить сына в Европу, благо активно развивавшаяся практика европейских туров могла стать для того вполне благовидным предложением².

* * *

Начало регулярных поездок англичан, главным образом выходцев из благородных семей, на континент с образовательными целями приходится на конец XV – первые десятилетия XVI века. Именно тогда формируются представления о целесообразности образовательных туров и их продолжительности, складываются определенные предпочтения относительно возможных маршрутов, а также постепенно вырабатывается репертуар образовательных программ³.

Местом интеллектуального паломничества молодых англичан становится Италия. Одни из них с завидным усердием и под руководством известных гуманистов обучаются в итальянских университетах, познавая тонкости древних языков и литературы. Другие не без поддержки влиятельных патронов знакомятся с особенностями придворной жизни, местными обычаями и нравами. Наконец, часть отпрысков знатных семей, очевидно, умудряется совмещать и то, и другое. При этом среди молодых англичан преобладают характерные для их гуманистического окружения представления о

том, что по возвращении на родину они смогут обратить приобретенные знания и опыт на пользу не только себе, но и монархии⁴.

Надежды на востребованность полученных в Италии знаний и опыта подпитывались господствовавшими при дворе первых Тюдоров идеалами. Сказывались также последствия характерной для английского общества этого времени аристократизации государственного аппарата, сопровождавшейся ростом интереса знати к гражданской службе⁵. Но уже к середине столетия отчасти под влиянием реформации – отчасти из-за скромных размеров судебно-административной машины и повсеместно распространенного протекционизма основания для исходной уверенности у юношества, прошедшего обучение в итальянских университетах, становятся менее определенными, а затем и вовсе исчезают. В среде английской знати возрастает критический настрой относительно целесообразности затрат на «классическое» образование. Даже преуспевшие в обучении юноши, вернувшись из Италии, уже в начале правления Елизаветы Тюдор с трудом могли рассчитывать на место при дворе, если с ними соперничали искусственные в сугубо «мужских» искусствах сверстники: так называемое «женское правление» определяло особенности и устои светской жизни того времени. Так, автор одного из анонимных наставлений, увидевшего свет в конце XVI века, весьма недвусмысленно обращает внимание отправляющихся на континент молодых людей на обстоятельства, определяющие реальный успех при дворе и карьеру на государственной службе. Речь идет не столько о реальных знаниях, почерпнутых при изучении древних языков и литературы, сколько об успехах в приобретении навыков «изящно гарцевать верхом, владеть шпагой, танцевать или играть в теннис»⁶.

Очевидно, падение интереса англичан к итальянским турам⁷ также зависело от ожиданий, которые молодые люди, вопреки желаниям семьи и потребностям монархии, вынашивали, отправляясь на континент. Нетрудно судить о том, что в первую очередь двигало юношами, охотно покидавшими отчий дом ради обучения в итальянских университетах. Делясь своими впечатлениями от увиденного и пережитого, юные англичане меньше всего писали о часах, проведенных в университетских классах или в ученых беседах с именитыми преподавателями. Даже сетования на трудности, которые они испытывали при чтении древних авторов, пожалуй, уходили на второй план. В их дневниках можно обнаружить, скорее, рассуждения о преимуществах местного климата, открытости людей или удивительной чистоте на улицах итальянских городов⁸. Существенными оказываются пассажи, сравнивавшие жизнь в итальянских университетах с жизнью британских университетов, отличавшихся замкнутостью и суровыми нравами⁹. Складывается впечатление, что выходцы из знатных семей и в особенности те, которые уже испытали на себе бремя студенческой жизни в Кембридже или Оксфорде, воспринимали поездку на континент не столько как возможность преумножить свои знания и опыт, сколько как блестящий шанс

реализовать юношеские мечты, воспользовавшись преимуществами пребывания вдалеке от отчего дома. Томас Гоби, описывая устои студенческой жизни в Падуе, замечал, что «пребывание в университете обязывает каждого не столько к посещению определенных лекций..., сколько к тому, что он по своему усмотрению выбирает для изучения...», «оставаясь джентльменом, а не причетником, он, скорее всего, предпочтет фехтование или искусство верховой езды...»¹⁰. «В Падуе не проходит и дня без турниров, барьерных боев и прочих состязаний: там все приспособлено для этого...самыми же искусными в подобных сражениях являются студенты»¹¹.

Участие в турнирах и барьерных боях на пике популярности итальянских туров, очевидно, не только разнообразило повседневную жизнь молодых англичан на чужой земле, но и воспитывало необходимые для знати того времени качества, привлекательность которых резко возрастет при дворе уже во второй половине XVI столетия. При этом знания, полученные большинством из них еще в британских университетах, могли почитаться достаточными, и в этом смысле любые формы дополнительного образования воспринимались как обременительные. Соглашаясь на поездку в Италию, молодые англичане, должно быть, питали надежду на то, что им каким-то образом удастся облегчить бремя студенческой жизни, избежать усердных занятий, но при этом преуспеть в популярных, как выясняется, среди студенчества турнирных боях. И до тех пор, пока ситуация при английском дворе не стала меняться в иную, чем при первых Тюдорах, сторону, такое соотношение между временем, проведенным в университетском классе и на ристалище, казалось, устраивало каждого юношу. Когда же при Елизавете Тюдор, кардинально изменившей придворные вкусы и предпочтения, повысился спрос на преуспевающих молодых людей, умевших при необходимости блеснуть познаниями в древних языках и литературе, но при этом более способных к верховой езде, фехтованию и прочим, как тогда считали, «мужским искусствам», возможности итальянских туров оказались недостаточными. Молодые люди охотно соглашались с отцами, сетовавшими на бесполезность затрат на обучение в итальянских университетах, и с не меньшей надеждой смотрели на другие открывавшиеся к тому времени образовательные горизонты¹².

Среди всех европейских стран, посещаемых до конца XVI века выходцами из знатных семей, Франция относилась к числу «наименее привлекательных» и даже «небезопасных»¹³. Англичане, как правило, с опаской пересекали ее территорию, направляясь либо в Италию, либо в Германию. Только отдельные смельчаки решались на то, чтобы провести во Франции более длительное время, но по возвращении домой их ожидали подозрительное отношение ближних, недоверие и критика окружающих¹⁴. Почти в каждом вернувшемся из Франции англичанине соотечественники видели пособника католической церкви или, что еще страшнее, агента иезуитов. Современники очень злобно высмеивали выработавшуюся за время пре-

бывания во Франции привычку говорить «в нос» или произносить английские слова, «как бы прикрывая рот или вытягивая губы»; не оставалась без внимания и контрастировавшая с местными обычаями манера «ярко одеваться» и, конечно же, привезенные из Парижа «широкополые шляпы с перьями». Не в меньшей степени соотечественников раздражала привнесенная в повседневную жизнь «французская кухня», опять-таки отличавшаяся от английской своим разнообразием, известной легкостью и, что самое главное, – пристрастием к «салатам и всевозможным сладостям»¹⁵.

О том, что, несмотря на все нежелательные для англичан последствия, тающиеся во всем французском, эта страна к концу XVI века постепенно включалась в орбиту их образовательных интересов, свидетельствует появившееся на исходе столетия руководство для путешествующих молодых людей, принадлежавшее перу известного своими консервативными убеждениями сэра Роберта Даллингтона¹⁶. По-прежнему отдававший предпочтение итальянским университетам, он, тем не менее, впервые обращает внимание юных соотечественников и их родителей на возможности, открывающиеся перед ними во Франции. Убежденный в необходимости разумного сочетания в преподавании древних и новых языков, Даллингтон рекомендует в первую очередь те из них, которые могли бы составить пользу для молодых людей. В этом смысле французский язык является, по его мнению, наиболее перспективным, поскольку «англичан и французов связывают не только общая история и близость культур, но и известная благодаря Фортестью схожесть монархий»: постигая «тонкости» французского языка, его юные соотечественники будут способны глубже оценить это «единство». Между этими тонкостями и «всем богатством старой латыни», по мнению Даллингтона, также существует очевидная связь: сочетая, таким образом, изучение французского и совершенствование латинского языков, юные англичане достигнут значительных успехов и будут образованнее, чем большинство их современников¹⁷. При этом те из них, которые всерьез задумываются об успешной карьере при дворе, в свободное от изучения языков время смогут посвятить себя «фехтованию, искусству верховой езды, танцам и игре в теннис»¹⁸.

Отмечаемая Даллингтоном важность изучения современных языков, весьма определенным образом отражала тенденции конца правления Елизаветы Тюдор, связанные с расширением дипломатических служб и ведомств: внимание к французскому языку было всего лишь одной, но очень удачной иллюстрацией к происходившему. Значительно более любопытен предлагаемый Даллингтоном ряд «упражнений», рекомендуемых для свободного от основных занятий времени. Лучшие школы верховой езды и фехтования в конце XVI века по-прежнему принадлежали итальянцам, которым, кстати, сам Даллингтон отдавал явное предпочтение перед французами¹⁹. Обучение танцам во Франции этого времени, хотя и в меньшей степени, также уступало итальянской традиции, но было организовано несрав-

ненно лучше, чем при елизаветинском дворе. И только в отношении тенниса французы лидировали.

Были ли эти упрощения всего лишь примером недостаточной осведомленности автора наставления или за ними скрывались определенного рода соображения – судить не берусь. Так или иначе, предлагаемый Даллингтоном вариант образовательной программы во Франции, демонстрирует ряд обстоятельств, весьма показательных для Англии того времени. Образование в итальянских университетах, хотя и оставалось вне конкуренции, всегда напоминало родителям, что их отпрыски совершенствовали свои познания в древних языках и литературе, оставаясь во враждебном, в представлении англичанина, окружении. Италия оставалась католической страной, олицетворявшей наиболее консервативные настроения римской церкви. При этом Франция, в понимании англичан, хотя бы на половину была протестантской, и в этом смысле пребывание на ее территории оказывалось менее опасным с точки зрения здравого смысла²⁰. Они, видимо, не сомневались в том, что искусство верховой езды, фехтование, танцы и, наконец, так привлекавший юных англичан теннис развивались во Франции намного успешнее, чем в Англии. Судя по всему, потребность в новизне, интересы безопасности, а также известный прагматизм английской аристократии, заставили Даллингтона допустить известные неточности и, по существу, признать французский вариант образовательных туров вполне возможным и даже желательным для английской молодежи. Известный риск, конечно, сохранялся, но вышедшие вслед за руководством Даллингтона путеводители по Франции, снабжая юных англичан необходимой информацией, как представляется, снижали его вероятность²¹.

Стремление к снижению риска образовательных поездок английской молодежи во Францию и, в особенности в Париж²², сказывалось на репертуарах самих образовательных туров. Жесткая регламентация накладывала отпечаток и на подготовку молодого человека к поездке, и на маршруты передвижения его по стране²³, и на обязательную в таких случаях «парижскую» часть тура²⁴, и на особо акцентируемую «обратную» связь²⁵ юноши с отчим домом.

Начиная с конца XVI и вплоть до середины XVII века, в различного рода наставлениях, адресованных английскому юношеству, выезжающему для обучения во Францию, заметно возрастает объем практических рекомендаций. Содержавшие не только разъяснения по поводу необходимой в таких случаях «установочной» программы, но и советы, очерчивающие круг обязательного предварающего саму поездку чтения, подобные рекомендации, по существу, заранее «настраивали» юношу на определенный, в целом характерно протестантский уровень восприятия реалий, ожидавших его во Франции.

Пожалуй, самое популярное к моменту поездки Роберта Монтаю наставление Джеймса Хоуэлла, следуя в русле предшествующей традиции,

рекомендует молодому путешественнику начать его предварительное ознакомление с Францией с лучших на тот момент описаний П. Бертиуса и А. Ортелия²⁶. Известно, что уже в XVI веке хорографии как жанр историко-географической литературы были способны сполна заменить читателю все прелести реального путешествия. Начиная с Кэмдена, также упоминаемого Хоуэллом в списке обязательной литературы, подобного рода описания предоставляли читателю возможность для воображаемого путешествия по любой стране и с легкостью раскрывали перед ним историко-культурный ландшафт любого описываемого региона. Пропуская через сознание человека выстроенный таким способом и не всегда близкий к действительности «образ» того или иного государства, хорографы заведомо формировали у читателя вполне определенный спектр возможных ожиданий, настраивая его естественную в таких случаях любознательность на весьма определенный лад²⁷. При этом известные недостатки подобных историко-культурных экскурсов, обусловленные границами самого жанра хорографий, могли восполняться, а в случае рекомендаций Хоуэлла реально восполнялись, не менее старательно отобранной более специальной литературой. В частности, общими трудами по истории Франции Ж. де Серра и А. де Обинье и П. Матье²⁸. Особенности политической жизни французского общества молодому англичанину следовало познать по известным среди протестантов трудам Ж. Бодена, Ф. Ля Нуе и Б. де Жирара, (Дю Гайяна),²⁹ а религиозной – П. Дю Мулена и Ф. Дюплесси-Морне³⁰. Среди рекомендованных к чтению французских поэтов – Ронсар, Дю Бартас, Депорт и поздний Теофиль³¹.

Сформированная под влиянием хорографий и отшлифованная под воздействием специальной литературы картина материализовалась в маршрутах, которых должен был придерживаться молодой англичанин. Обычно такую функцию выполняли предлагаемые для поездки разнообразные путеводители, но в отношении рассматриваемого периода возможные рекомендации заметно осложнялись. Речь идет о том, что между отобранными для ознакомления сочинениями, написанными в жанре хорографий, и собственно путеводителями существовала более тесная связь, чем это может показаться на первый взгляд. Так, чаще всего упоминаемые в этой связи сочинения Ю. Зинзерлинга и К. де Варенна³², несмотря на свою жанровую специфику, во многом воспроизводили идентичный по характеру материал. Изложенный по принципу традиционных хорографий и достаточно богатый историко-географическими сюжетами в изложении Зинзерлинга, он либо заметно сокращался за счет изъятия экскурсов в прошлое, либо нарочито детализировался за счет введения новых рубрик в переложении де Варенна. При этом сумма возможных впечатлений о стране, которые юный англичанин мог потенциально испытать при непосредственном знакомстве с описываемыми маршрутами и располагавшимися по пути достопримечательностями, очевидно, в варианте Зинзерлинга была менее предсказуемой, чем в варианте де Варенна.

Примером подобных манипуляций с текстом изложения может служить раздел, посвященный Парижу³³. Любопытный по содержащемуся материалу экскурс в историю основания города, сопровождающийся сведениями об этимологии самого названия, весьма значительный у Зинзерлинга, сокращен до одного абзаца в путеводителе де Варенна³⁴. При этом описания достопримечательностей всех трех частей Парижа (*villa, civitas u universitas*) у Зинзерлинга не всегда исчерпывающие и достаточно расплывчатые. Основное внимание обращается на особо древние, открывающие возможность для историко-культурной ориентации и восприятия памятники³⁵. Упоминаний о воздвигнутых современниками автора сооружениях практически нет³⁶. Де Варенн, напротив, преобразует имевшийся в распоряжении Зинзерлинга материал, оставляя важнейшие ориентиры городских маршрутов своего предшественника нетронутыми. Сокращая или отказываясь вообще от исторических экскурсов, он детализирует карту достопримечательностей Парижа за счет введения рубрик об отсутствующих в описании Зинзерлинга сооружениях³⁷. Создавая тем самым, очевидно, достаточный для любого вкуса историко-архитектурный профиль французской столицы, путеводитель де Варенна одновременно раздвигал перспективу для восприятия и облегчал поиск путей для его возможной регламентации.

«Обратная связь» с отчим домом, выходявшая за рамки материальных отношений с родителями или опекунами, финансировавшими поездку, предусматривала обязательную, а в некоторых случаях доскональную фиксацию увиденного и, должно быть, услышанного молодым человеком. При этом помимо естественной в таких случаях переписки, содержавшей «ободряющие» домашних отчеты, желательным оставался путевой дневник, в который юноша вносил уже более детальные записи, отражавшие его «скитания» по чужой стране.

Обычно исследователи, обращавшиеся к изучению континентальных образовательных туров, почти единодушно отмечают своеобразие и личностный характер оставленных молодыми людьми путевых заметок. Сэмюэль де Биир показал в своем обширном комментарии к дневникам Джона Эвлина – одного из самых цитируемых в этой связи англичан середины XVII века, – что на деле такое единодушное мнение может оказаться всего лишь заблуждением. Дело в том, что Эвлин во многом заимствовал тексты Зинзерлинга и де Варенна для своих путевых заметок, скрыв умелым сочетанием «замаскированных» цитат весьма характерную компиляцию³⁸. Де Биир отчасти прав, уличая Эвлина в недобросовестности: по его мнению, выдаваемые за собственные, но описанные при помощи текстов из путеводителей впечатления от увиденного не всегда поддаются объяснению. То что заставляло известного путешественника прибегать к подобному приему – оказывается в обстоятельном комментарии вне интересов ученого.

Каждый отправлявшийся в поездку английский юноша потенциально мог выбирать и чаще всего выбирал индивидуальные маршруты передви-

жения по стране: эта особенность образовательных туров почти безошибочно определяется даже при беглом знакомстве с многочисленными путевыми заметками³⁹. При этом его выбор, направляемый, как правило, усвоенными еще до поездки наставлениями и предлагавшимися путеводителями, а также соображениями безопасности, так или иначе фокусировался на весьма ограниченном круге достопримечательностей. Последовательность их осмотра и посещения могла также варьироваться, но даже при значительных вариациях его изобретательность не выходила за пределы четко очерченного круга. Молодой англичанин, очевидно, мог совершать необдуманные поступки и пересекать заповедную черту, но, ведомый хорошо усвоенными наставлениями, почти всегда отказывался от их письменной фиксации.

Лишая себя возможности описать непредусмотренные рекомендациями впечатления, он, очевидно, прекрасно осознавал, что по возвращении его дневник будут просматривать родители или опекуны, и задача оправдать определенные в таких случаях ожидания близких представлялась молодому человеку очень важной. Его повседневная жизнь за границей могла не совпадать и, наверняка, не совпадала с ожиданиями родственников и более широко – современного ему общества.

Движимый противоречиями между желанием пережить соответствующее его возрасту приключения и регламентацией, накладываемой близкими ему людьми и популярными наставлениями, он, подобно Элвину, прибегал к известному приему. В тексте его путевых заметок, возможно, не всегда умело замаскированные, всплывали обширные заимствования из путеводителей. До тех пор, пока предназначавшаяся для путешественников литература оставалась непереуказанной, различия в способностях и навыках передавать текст оригинала на родном языке придавали его переводам индивидуализирующую окраску. При этом путевые заметки, составленные на основе таких обширных заимствований, трансформировались в текст, содержательные рамки которого были способны удовлетворить не только ожидания близкого молодому человеку окружения, но и не разрушить представления об его уважительном отношении к существующим запретам и ограничениям.

Начиная с путевых заметок Эвлина⁴⁰, очевидно, можно говорить о формировании определенного стереотипа в описании англичанами французской столицы⁴¹. Молодые люди живописуют в своих дневниках одни и те же достопримечательности Парижа и его ближайших окрестностей, прогуливаются по одним и тем же улицам и площадям, пользуются услугами одних и тех же постоянных дворов и гостиниц и даже прибегают к помощи одних и тех же каретных дворов и экипажных конюшен. Оставленные ими описания, казалось бы, существуют вне архитектурных и строительных изменений французской столицы; путешественники как бы не замечают, игнорируют совершенно явные последствия пожара 1631 года, удручающее впечатле-

ние от поврежденных витражей собора Парижской Богоматери и многое другое. В этом смысле облик Парижа начала 40-х годов XVII века ничем не отличается от облика конца этого столетия: зрительная статика архитектурного образа французской столицы надолго становится особенностью дневниковых записей посещавших Париж молодых англичан.

* * *

Уникальность путевых заметок юного Монтагу определяется тем, что они во многом проясняют высказанные предположения. Помимо возраста самого путешественника, даровавшего ему особую непредвзятость повествования, текст самих заметок представляет собой, должно быть, один из черновиков, подготавливаемого под руководством его наставника – некоего господина Ханхоффера – окончательного варианта путевого дневника. Текст рукописи насчитывает 65 листов, между которыми проложены, очевидно, приобретенные во время путешествия 13 гравюр. Листы 1-26 написаны рукою молодого Монтагу; оставшаяся часть рукописи – рукою его наставника⁴².

Сохранившийся текст содержит значительную правку, внесенную рукою самого юноши и рукою Ханхоффера. Многочисленные интерполяции показывают, что рукопись неоднократно редактировалась. Ханхоффер, очевидно, регулярно проверявший записи юноши, заставлял его вносить необходимые изменения, приводя текст дневника в соответствие с описаниями де Варенна и Зинзерлинга и почти нещадно истреблять зафиксированные в тексте личные впечатления от увиденного, внесенные в дневник рукою молодого Монтагу. В некоторых случаях на полях рукописи содержатся дополнительные тексты, написанные рукою юноши, открывающиеся весьма примечательными оборотами, вроде «когда мы были там-то или там-то, я забыл написать о том, что видел...»⁴³, и далее следуют заимствованные, как правило, из Варенна пространные фразы.

В значительно правленной рукописи содержится исходный текст, который, очевидно, отражает непредвзятое впечатление юноши от увиденного им во время путешествия. Складывается впечатление, что во время третьего визита в Париж юноша уже изрядно конфликтовал со своим наставником и, как представляется, отказывался вносить в текст необходимые изменения, поскольку текст описания третьего визита во французскую столицу полностью написан рукою Ханхоффера⁴⁴ и содержит буквальное заимствование соответствующих отрывков из Варенна и Зинзерлинга. При этом тексты первого трехмесячного и второго двухнедельного пребывания в Париже представляют в значительной степени исходные записи юноши, хотя и правленные его наставником.

Описание первого, самого длительного пребывания в Париже открывается пространством вступлением, в котором излагается общий план Парижа и его окрестностей, части которого составлены из соответствующих мест,

заимствованных из текста Зинзерлинга⁴⁵. Юноша старательно переводит почерпнутые из путеводителя рубрики, снабжая свое описание, там, где это необходимо, историческими экскурсами, поясняя, как шла городская застройка и кому из монархов принадлежала идея той или иной планировки⁴⁶. При этом содержащаяся в тексте правка наставника касается главным образом точности перевода отдельных латинских слов или выражений. Очевидно, Ханхоффер был заинтересован в точном воспроизведении текста Зинзерлинга (в его понимании «Галльский итинерарий» был образцовым источником информации и не требовал дополнений), и его внимание приковывали только те места, которые вызывали у юноши явные затруднения с переводом.

Ситуация заметно меняется там, где юноша начинает описывать достопримечательности. Так, при описании знаменитого собора Парижской Богоматери⁴⁷ молодой Монтаю проявляет незаурядную эрудицию, выходя за рамки экскурсов Зинзерлинга и Варенна. Он вносит запись, указывая, что в архитектуре собора проявляется двойственность стилистических влияний: с одной стороны, присутствуют отголоски романского стиля со свойственной ему отягощенностью («тяжелый романский стиль»), а с другой, — использованы архитектурные элементы готического стиля, которые придают зданию легкость и создают впечатление простоты его вертикальной конструкции («устремленная к небесам готика»). Ханхоффер зачеркивает эту запись и заставляет заменить ее соответствующим текстом из Варенна: «фасад разделен по вертикали на три части пилястрами, а по горизонтали — на три яруса галереями. При этом нижний ярус имеет три глубоких портала. Над ними идет аркада с двадцатью семью статуями, представляющими царей Иудеи...»⁴⁸. Далее следуют любопытные исправления, сделанные уже рукою Монтаю: он зачеркивает «27» и исправляет их на «28», что в принципе верно, а затем приводит имена 13 иудейских царей, изображения которых он распознал, когда разглядывал галерею королей, отбивая их многоточием и, следовательно, затрудняясь воспроизвести имена оставшихся⁴⁹. Ханхоффер оставляет запись без изменений и дописывает рядом с нею кусочек из ранее зачеркнутой фразы о сочетании архитектурных стилей в композиции собора. Не менее показательны и противостояние юноши и наставника в вопросе размеров здания, которые, как известно, незначительно отличаются в описаниях Зинзерлинга и Варенна⁵⁰. Очевидно, Ханхоффер предпочитал Варенна, а юноша, возможно из-за духа противоречия — Зинзерлинга. Исходный текст воспроизводит сведения Зинзерлинга, поверх которых рукою Ханхоффера внесены сведения Варенна; затем оба отрывка зачеркнуты и, очевидно, юноша и наставник в конечном счете договорились не вносить в текст подобных сведений.

Не менее интересны метаморфозы с записями о знаменитой Сен-Шапель. Варенн рекомендует сосредоточиться на внешнем облике здания и затем внимательно рассмотреть его внутреннее убранство и в особенно-

сти реликварий⁵¹. Исходный текст начинается сразу же с описания реликвария и истории тернового венца. При этом юноша проявляет явный интерес к тому, что называется верхней капеллой, и главным образом тому, что она соединена с королевским дворцом и что туда ведет дверь из его внутренних покоев. Его внимание привлекают альков для королевской семьи и витражи верхнего нефа, поражающие своим великолепием. Не забывает он поделиться своими соображениями по поводу пожара в часовне 1630 года⁵². Пассаж, принадлежащий Монтаю, подвергается жесткой правке, и его место занимает менее экспрессивный рассказ Варенна о двух ярусах и нефах нижней капеллы, контрфорсах (любопытно, что сам Ханхоффер затрудняется писать этот сложный термин и дважды его исправляет)⁵³ и т.п.

Очень похожие изменения претерпевают тексты о Сен-Дени⁵⁴. Юный Монтаю, игнорируя архитектурные достоинства здания, полностью сосредотачивается на захоронениях французских королей и королев. Его интересует все, начиная с наиболее древних захоронений Дагобера I и надгробного памятника Фредегонды до захоронений Генриха II и Екатерины Медичи, и лишь описав свои впечатления, он, как бы невзначай, вспоминает останки Святого Дионисия⁵⁵. Ханхоффер убирает практически все личные впечатления юноши и заменяет их сухими и объективными фразами из путеводителей, оставляя в неизменной версии рассуждения юноши о Генрихе II и Екатерине Медичи⁵⁶.

* * *

Противостояние Монтаю и его наставника Ханхоффера в определении объема и содержания значимых для путевого дневника записей, как правило, лишь при незначительных уступках заканчивалось неудачей для молодого человека. Очевидно, одаренный от природы любознательностью, он предпочитал фиксировать свои впечатления от увиденного в их наиболее эмоциональной и непредвзятой форме. Предварительное знакомство с рекомендуемой для путешествия литературой и путеводителями не мешало, а в некоторых случаях даже определяло критический настрой в отношении сделанных его авторитетными предшественниками наблюдений. В этом смысле сохранившаяся рукопись путевых заметок является уникальным свидетельством того, что продолжает оставаться за кадром для большинства исследователей, изучающих феномен образовательных туров англичан XVI – XVII веков.

Написанный рукой юноши текст подвергался жесткой правке. Ханхоффер, очевидно, был заинтересован в том, чтобы Монтаю следовал в русле рекомендаций путеводителей. В этом смысле «живой» образ французской столицы не вписывался и разрушал созданные путеводителями стереотипы и контролируемые ими запреты.

Непредвзятый, характерный для Монтаю взгляд на Париж и его окрестности, как представляется, не только не соответствовал определен-

ным ожиданиям со стороны родителей юноши, но и самого наставника, не менее заинтересованного в том, чтобы следовать своему предназначению. Конечный и, следовательно, идеальный вариант путевых заметок должен был представлять собой не более чем перевод имевшихся в распоряжении юноши путеводителей. Все, что требовал наставник от своего подопечного, не выходило за рамки упражнений, демонстрирующих его успехи в латинском и французском языках: описать Париж лучше, чем это было описано у Зинзерлинга и де Варенна, очевидно, было нельзя.

Привлекавшую англичан, но остававшуюся в целом чужой для них культуру французской столицы, по всей видимости, следовало воспринимать, осмыслять и транслировать по определенным, заранее оговоренным правилам. Сформулированные в путеводителях в виде всевозможных рекомендаций, такие правила обеспечивали путешественнику своеобразное безопасное, в чем-то поверхностное скольжение, гарантировавшее всем заинтересованным участникам минимум нежелательных последствий и потерь. В этом смысле, как в той знаменитой и многократно менявшей своего адресата фразе – *videre Napoli et Mori* – англичанин должен был просто увидеть Париж и его окрестности.

¹ Bodleian Library. Rawlinson MS. D76. Fols.1–65 (Travels of Robert Montagu).

² Более подробно о биографии Монгаю: *Brennan M. The Origins of the Grand Tour: The Travels of Robert Montagu, Lord Mandeville (1649–1654), William Hammond (1655–1658), Banaster Maynard (1660–1663)*. London, 2004.

³ *Turlerus H. De Peregrinatione et agro neapolitano, libri II. scripti ab Hieronymo Turlero. Omnibus peregrinantibus utiles ac necessarii; ac in eorum gratiam nunc primum editi. Argentorati, 1574.* (английский перевод: *The Traveller of Jerome Turler, divided into two bookes, the first containing a notable discourse of the maner and order of travelling oversea, or into strange and foreign countries, the second comprehending an excellent description of the most delicious realme of Naples in Italy; a work very pleasant for all persons to reade, and right profitable and necessarie unto all such as are minded to travell.* London, 1575.) *Lipsius J. De ratione cum fructu peregrinandi, et præsertim in Italia Basilæ, 1577* (английский перевод: *Stradling J. A Direction for Travellers taken out of Justus Lipsius and enlarged for the behoefe of the right honorable Lord, the young Earle of Bedford, being now ready to travell.* London, 1592).

⁴ Так, итальянский опыт Уильяма Селлинга, Джона Колета, Уильяма Гроцина, Томаса Линакра, Уильяма Латимера, Кутберта Танстолла и Уильяма Лили повлиял на преподавание древних языков и классической литературы в Оксфорде. Известно, что Эразм Роттердамский весьма высоко оценивал преподавательскую и подвижническую деятельность этой группы английских интеллектуалов, полагая, что им удалось организовать преподавание древнегреческого языка на более высоком уровне, чем в ряде итальянских университетов. *Erasmus Desiderius. Opera Omnia. Lugduni Batavorum, 1703. Т. 3. Ep. CCCLXIII.* Среди именитых англичан, обучавшихся в Падуе, сэры Эдвард Уоттон и Ричард Пэйс, в Ферраре – сэры Томас Уайэтт и Ричард Унгфилд, в Перудже – сэр Николас Уоттон. О том, что подобные представления

сохранили свою актуальность для обучавшихся на континенте англичан свидетельствуют относящиеся к концу 1640-х гг. записи Джона Эвлина: *Evelyne J. The State of France as it stood in the IXth year of this present monarch Luis XIII. London, 1652. A Prefatory letter.*

⁵ Федоров С.Е. Раннеюгартовская аристократия. 1603-1629. СПб., 2005. С. 54–55.

⁶ [W.H.] *The Reformed Travailer. London, 1598. A4v.*

⁷ Определенная популярность образовательных туров в Италию сохраняется и в более позднее время, но состав участников подобных поездок заметно изменяется в сторону представителей так называемого «среднего класса». Об этом убедительно пишут Пол Кирби (*Kirby P. The Grand Tour in Italy (1700-1800). New York, 1952. P. 23-29*) и Барбара Кортэ (*Korte B. English Travel Writings from Pilgrimages to Postcolonial Exploration. New York, 2000. P. 45*).

⁸ Джеймс Хоуэлл, вспоминая свое пребывание в Венеции, писал о «ласкающих лучах солнца», «красоте морских очертаний»; «городские улочки были настолько чистыми, что по ним можно было гулять в шелковых чулках и сатиновых туфлях»; «золотоволосые женщины были всегда приветливы», «статные, одетые во все черное джентльмены – учтивы и не лишены чувства прекрасного». Об этих и других наблюдениях Хоуэлла: *Epistolae Ho-Eliaanae. The Familiar Letters of James Howell / Ed. by J. Jacobs. London, 1892. P. 67–72; особенно: P. 68, 70.*

⁹ *Thomas W. The Historie of Italie, a Boke excedyng profitable to be redde; because it intreateth of the estate of many and divers commonweals, how they have been, and now be governed. London, 1561 (первое издание – 1549). P. 2.*

¹⁰ *Travels and Life of sir Thomas Hoby, written by himself. 1547–1564 / Ed. by E. Powell // Camden Society. 3d ser. Vol. IV. London, 1902. P. 10.*

¹¹ *Thomas W. The Historie of Italie... P. 2.*

¹² О том, что юные англичане елизаветинской поры, как правило, были не склонны утруждать себя чтением классических авторов, сетовал еще Р. Эшем *The Schoolmaster/ Ed. by R. Major. London, 1909. P. 53.* О новых ожиданиях родовитого английского юношества очень удачно замечает автор уже упоминавшегося анонимного наставления: «Италия оставалась страной, куда стремились лишь одиночки... юноши, мечтавшие освободиться от опеки родителей, были готовы отправиться даже на край света ... если там представляли, что такое теннис, ... знали толк в верховой езде ... были условия обучаться фехтованию – они были согласны отправиться туда без промедления...» *The Reformed Travailer...B3r.*

¹³ Любопытно, но даже в середине XVII века, когда Франция превратилась в одну из самых посещаемых англичанами стран, Джон Эвлин, сам проживший в Париже несколько лет, предупреждал соотечественников о том, чтобы те не спешили с поездкой к французам, и рекомендовал прежде посетить Германию, Италию и даже Испанию и, только набравшись соответствующего опыта, отправиться в эту страну («...thus I propose France in the last place...») *Evelyne J. The State of France... B8v.*

¹⁴ *Ascham R. The Schoolmaster...P. 84–85.*

¹⁵ *Spedding J. The Letters and The Life of Francis Bacon. 7 vols. London, 1861–74. Vol. I. P. 110.*

¹⁶ *Dallington R. A Method for Travell, shewed by taking the view of France as it stood in the yeare of our Lord, 1598. N.D., London, 1598.*

¹⁷ О том, что взгляды Даллингтона на французский язык остались популярными и в XVII веке свидетельствует трактат: *The Interpreter of the Academic for Forrain Languages, and all Noble Sciences, and Exercises*. London, 1648. P. 12.

¹⁸ *Dallington R. A Method for Travell...C4r–C8v*.

¹⁹ Об искусстве верховой езды во Франции: *Pluvinel A. Le Maneige Royal ou lon peut remarquer le defaut et la perfection du chevalier, en tous les exercices de cet art, digne de Princes, fait et pratiqué en l'instruction du Roy par Antoine Pluvinel son Escuyer Principal, Conseiller en son Conseil d'Etat, son Chambellan ordinaire, et Sous-Gouverneur de sa Majesté. Le tout gravé et représenté en grandes figures de taille douce par Crispian de Pas, Flamand, à l'honneur du Roy, et à la memoire de Monsieur de Pluvinel*. Paris, 1624. *Сидни Ф. Защита поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов*. М., 1980. С. 133.

²⁰ Эта точка зрения очень четко выражена представителями так называемой «золотой» елизаветинской молодежи: *Profitable Instructions: Describing what speciall Observations are to be taken by Travellers in all Nations, States and Countries; Pleasant and Profitable. By the three much admired, Robert, Late Earl of Essex, Sir Philip Sidney and Secretary Davison*. London, 1633. P. 13.

²¹ *The View of France*. London, 1604; *Palmer T. An Essay of the Meanes how to make our Travailes into forraine Countries the more profitable and honourable*. London, 1606. Очень популярным в начале XVII века среди англичан было руководство: *Description Contenant les Antiquitez, fondations et singularitez des plus celebres Villes, Chasteaux et Places remarquables du Royaume de France, avec les choses plus memorables advenues en iciluy*. Constance, 1608.

²² Об опасностях, которые ожидают молодого англичанина во французской столице, не раз упоминается в анонимном путеводителе: *The View of France*. London, 1604. P. 21, 23, 25, 34.

²³ *Palmer T. An Essay of the Meanes how to make our Travailes ...P. 11–16*.

²⁴ *Le Voyage de France, Dresse pour l'instruction et commodité tant des François, que des Estrangers*. Paris, 1639.

²⁵ Об этой «обратной» связи впервые упоминает Роберт Даллингтон в связи с понятным каждому желанием родителей иметь перед собой «отчет не только о сделанных расходах и осмотренных достопримечательностях», но и «испытанных при общении с местными жителями впечатлениях». В качестве возможной формы такого отчета он называет «регулярную переписку» и, что самое важное, «аккуратно» и «ежедневно» ведущийся дневник путешественника. *Dallington R. A Method for Travell...A2r*. О важности вести путевой дневник пишут Френсис Бэкон («Пусть также ведет дневник»: *Ф. Бэкон. О путешествиях // Сочинения*. 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 391) и Джеймс Хоуэлл («Он также должен иметь всегда перед собою дневник, когда путешествует, с тем, чтобы фиксировать в нем все значительное, что [будут слышать его уши или] увидят его глаза в течение дневного времени и с тем, чтобы в ночное обдумывать увиденное...и пусть он это возьмет себе за правило»: *Howell J. Instructions [and Directions] for Forraine Travell*. London, 1642. P. 20.).

²⁶ *Howell J. Instructions...P. 20*. К тому времени Бертиус еще не был переведен на английский язык, но вполне доступным могло оказаться последнее до поездки Монтаню издание: *Bertius. P. Theatri geographicae veteris tomus prior in quo Cl. Ptol. Alexandrini Geographicae libri VIII, Graeca et Latine*. Amsterodami, 1618. Знаменитый труд

Ортелия был уже переведен и, должно быть, доступен в издании: *Ortelius A. An Epitome of Ortelius his Theatre of the World...with New mappes ... in the latin editions.* London, 1610. Хоуэлл, очевидно, отдавал предпочтение хорографиям более общего характера, поскольку выбранные им оба автора удачно подходили для рекомендательного списка и для других стран, упоминаемых в его сочинении, в частности, Италии и Испании. Этим обстоятельством можно объяснить, как представляется, отсутствие в его наставлениях ссылки на самое растиражированное по тем временам хорографическое описание Франции Ю. Зинзерлинга, известного также как Сицириус (*Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae, Ita accomodatum, ut eius ductu mediocri tempore tota Gallia obiri, Anglia et Belgium adiri possent: nec bis terue ad eadem loca rediri oporteat: notatis cuiusque loci, quas vocant, deliciis: cum Appendice, De Burdigala. Lugduni, 1616*).

²⁷ Об этом более подробно: *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории/ Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 495–522.

²⁸ *Howell J. Instructions...*Р. 22. Очевидно речь идет об изданиях, переведенных в свое время Э. Гримстоном: *Serres J. A General Inventorie of the History of France, from beginning of the Monarchie, unto Treatie of Vervins, in 1598.* Translated out of French into English by E. Grimeston. London, 1624. *The Heroik Life and Deplorable Death of the Most Christian King Henry the Fourth: Addressed to His Immortall Memory; by P: Mathieu, Counciller and Historiographer of France.* Translated by E. Grimeston, Esquire. London, 1612. Знаменитое сочинение Обинье «Всеобщая история» (*Histoire universelle depuis 1550 jusqu'à l'an 1601*), написанное в 1616-1620 годах, очевидно, ошибочно указывается Хоуэллом в качестве общего труда по истории Франции.

²⁹ *Howell J. Instructions...*Р. 23. Помимо, известного сочинения Бодена «О государстве», Хоуэлл, по всей видимости имеет в виду: *La Noue F. Discours politiques et militaires du seigneur de la Noue.* Basle, 1587; *Girard B. de. Histoire générale des rois de France.* Paris, 1576 (второе издание – 1584).

³⁰ *Howell J. Instructions...*Р. 23. Очевидно, имеется в виду широко известный среди протестантов трактат Дю Мулена «Anatomie de la Mass», а также сочинения Дюплесси-Морне: *De L'institution, usage et doctrine du saint sacrement de l'eucharistie en l'eglise ancienne.* Paris, 1598 и, возможно: *Excellent discourse de la vie et de la mort.* Paris, 1577.

³¹ *Howell J. Instructions...*Р. 28

³² *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae, Ita accomodatum, ut eius ductu mediocri tempore tota Gallia obiri, Anglia et Belgium adiri possent: nec bis terue ad eadem loca rediri oporteat: notatis cuiusque loci, quas vocant, deliciis: cum Appendice, De Burdigala. Lugduni, 1616; Varenne C. de. Le Voyage de France.* Paris, 1643.

³³ *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...X2v-Y2v; Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 323–342.

³⁴ *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae... X2v-X3r; Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 176.

³⁵ Любопытно в этом плане весьма объемное, поражающее своими деталями описание усыпальницы французских королей в Сен-Дени (Y5v-Y8v), которое сокращено в описании де Варенна де упоминания о захоронениях Дагоберта, Карла Великого, Карла V, Франциска I, Генриха II, Франциска II, Карла IX и одного женского персона-

жа – Анны Бретонской (Р. 193), очевидно, представлявших наибольший интерес для иностранцев.

³⁶ Раздел «Villa» занимает объем X3r-X4v; «Civitas» – X4v-X5v; «Universitas» – X5v-Y2v. При этом основное внимание обращается на городские ворота, мосты и ряд крупных архитектурных памятников.

³⁷ Раздел «Ville» весьма краток (Р. 176–177), раздел «Cité» – несколько пространнее (Р. 178–180), а раздел «Universite» – самый большой по объему (Р. 180). При этом все достойные внимания памятники вынесены отдельным блоком (Р. 180–188). Помимо этого, добавлен раздел о постоянных дворах и гостиницах (Р. 180) и многое другое имеющее практический смысл для иностранца.

³⁸ The Diary of John Evelyn: now printed in full from the manuscripts belonging to Mr. John Evelyn / Ed. by E.S. de Beer. 6 Vols. Oxford, 2000. Vol. 1. Introduction; Vol. 2. passim. Удивительно, но принцип использования «скрытых» цитат был характерен не только для черновиков его путевого дневника: Эвлин оставил скомпонованный таким образом текст и для опубликованной версии его путевых заметок. Ibid. Vol. 6

³⁹ Назову лишь ту часть свидетельств, которая относится к «парижской» части образовательных туров англичан: *Moryson F. An Itinerary containing his ten years travel.* 3 Vols. Glasgow, 1907. Vol. I. P. 406–420; *Coryat T. Crudities.* 2 Vols. Glasgow, 1905. Vol. I. P. 170–195; *The Diary of John Evelyn...* Vol. 2. P. 40–66. *Reresby J. Memoirs and Travels.* London, 1905. P.7–11.

⁴⁰ Речь идет о путевых дневниках: *Basire I. Travels through France and Italy (1647–1649)* / Ed. by L. Mogna and C Hassel. Geneva, 1987; *Francis Mortoff. His book being his travels through Italy, 1658–1659* / Ed. by M. Letts // Hakluyt Society. 2nd ser. Vol. 57. Cambridge, 1925; *Reresby J. Memoirs and Travels.* London, 1905 и др.

⁴¹ Об изменениях в восприятии французской столицы уже в XVIII веке: *Turner K. British Travel Writers in Europe, 1750–1850: Authorship, Gender and National Identity.* Aldershot, 2001. *Black J. The British and the Grand Tour.* Beckenham, 1985; *Hafid-Martin N. Voyage et connaissance au tournant des Lumières.* Paris, 1995.

⁴² В пользу такого утверждения говорят различия в почерках: начальная часть рукописи, без сомнения, написана юношеской рукой, поскольку значительная часть букв плохо прописана (есть даже чернильные пятна), буквы округлые и различной величины, сама строка неровная, с явным наклоном к правому краю листа; именно в этой части рукописи – максимальное число описок и грамматических ошибок. Листы 27–65 написаны мелким убористым почерком, в котором угадывается рука взрослого человека.

⁴³ Rawlinson MS. D76. Fol. 4; 7; 9; 13; 26.

⁴⁴ Ibid. Fol. 49–51.

⁴⁵ *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...*X2v–X3r.

⁴⁶ Отчасти сведения могли быть почерпнуты из: *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...*X3r; X4v; X5v. Варенн в этом плане был менее информативен: *Varenne C. de. Le Voyage de France...*P. 176, 177, 180.

⁴⁷ Rawlinson MS. D76. Fol. 4–5.

⁴⁸ *Varenne C. de. Le Voyage de France...*P. 181. Rawlinson MS. D76. Fol. 4.

⁴⁹ Rawlinson MS. D76. Fol. 5.

⁵⁰ *Varenne C. de. Le Voyage de France...*P. 180–182; *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...*X4v.

⁵¹ *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 182.

⁵² Rawlinson MS. D76. Fol. 10.

⁵³ *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 182.

⁵⁴ Rawlinson MS. D76. Fol. 11–12

⁵⁵ Rawlinson MS. D76. Fol. 12. Очевидно, юношу вдохновляли, помимо его собственного интереса, весьма подробные описания Зинзерлинга: *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...* Y5v-Y8v.

⁵⁶ Rawlinson MS. D76. Fol. 12.

Маршалл По
(США)

СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О МОСКОВИИ

Сочинения иностранцев о Московии – источник противоречивый. По своей проблематике он содержит информацию, бедно представленную в русских источниках, и в то же время по ряду причин ее трудно использовать с уверенностью. Первая из этих причин – *вопрос отбора*: тексты сочинений многочисленны и качественно не равны. Как выбрать из них поддающиеся проверке достоверные свидетельства? Вторая причина – *предубеждение*. Очевидно, что некоторые из иностранцев являлись русофобами и что даже благожелательно настроенные приезжие были иногда пристрастны и мнительны. Как скорректировать предвзятые и непредвзятые искажения? И, наконец, существует проблема *достоверности*. Даже лучшие из записок иностранцев содержат сомнительные и неточные утверждения. Как отделить факт от фантазии?

Статья ставит целью предложить путеводные нити тем, кто стоит перед проблемами отбора, предубежденности и достоверности иностранных свидетельств. В ее первой части даются критерии отбора текстов в зависимости от целей исследования, и приводится список наилучших иностранных описаний Московии. Во второй части рассматриваются методы анализа предубежденности иностранцев на нескольких конкретных текстах. В заключительной части представлена методика для определения достоверности сообщений. Приложение содержит список наиболее известных сочинений иностранцев о Московии.

Выбор сведений

Метод, используемый исследователями при отборе текстов, должен прежде всего зависеть от их целей. Наибольшее количество исторических исследований распадается на три категории, которые можно условно назвать «событийными», «протяженными во времени» и «тематическими». «Событийные» работы анализируют кратковременные события, например, установление опричнины в 1565 г. Для них проблема отбора сообщений по меньшей мере малозначима, поскольку, вероятнее всего, имеется лишь несколько свидетельств, говорящих об этом сюжете. Главная трудность оказывается в полноте свидетельств, поскольку не всегда возможно иметь полную уверенность в том, что все соответствующие тексты найдены. «Протяженные во времени» исследования фокусируются на продолжительных событиях, например, история опричнины от ее установления до отмены. Здесь сложности проблемы отбора пропорциональны длине изучаемого периода. Чем длиннее период, тем больше текстов,

чем больше текстов, тем значительней необходимость их осмысленного отбора. «Тематические» исследования охватывают как кратковременные и средней протяженности события, так и социоисторические структуры, существовавшие в течение длительных исторических периодов, например, политический произвол при Московском дворе. В этом случае проблема отбора достигает критической точки: невозможно ожидать от историка просмотра сотен свидетельств, многие из которых ничего не дадут для его исследования. Поскольку целенаправленный отбор источников важен в первую очередь для тематических исследований, большая часть сказанного ниже будет относиться именно к ним.

Первым шагом в отборе источников является исключение вторичных текстов. Они относятся к двум видам сочинений, космографическим и монографическим, наполненным заимствованным материалом. Их легко определить, так как все они одинаково озаглавлены. «Микрокосмос, или краткое описание огромного мира» Хейлина (Оксфорд, 1621) представляет типичный тому пример. Работы этого жанра почти неизменно писались людьми, путешествовавшими в Московию в тиши своих кабинетов и собиравшими всю информацию о ней из письменных источников, как видно из табл. 1¹.

Таблица 1

Заимствования в ранних космографиях информации о Московии

Автор	Источник информации
Кранц (1504)	Неизвестно
Меховский (1517)	Неизвестно
Боемий (1520)	Меховский (1517)
Пиркхаймер (1530)	Меховский (1517) [Герберштейн (1517-1549)?]
Мюнстер (1530)	Меховский (1517) и Йовий (1525)
Франк (1534)	Пиркхаймер (1530) и Боемий (1520)
Мюнстер (1536)	Боемий (1520) или [Франк (1534)]
Магнус (1539)	Меховский (1517) и Йовий (1525)
Мюнстер (1544)	Меховский (1517) и Йовий (1525)

Примечание. В квадратных скобках даны заимствования, на которые автор не ссылается. Знак вопроса здесь и далее обозначает сомнение в использовании именно данного текста.

И хотя большинство космографов можно отнести к неразборчивым плагиаторам, существуют и исключения: Меховский дает уникальную информацию о Московии начала XVI столетия, а Гваньини (хотя у него сплошные заимствования) был в Московии². Но в целом космографий лучше избегать. Исключение вторичных монографий особенно трудоемко.

Один из ключей к этому дает биография автора. Если он никогда не был в Московии, значит, скорее всего, автор собрал все свои сведения из опубликованных материалов, имевшихся у него под рукой. Мильтон написал очерк о России, но очевидно, что он никогда в ней не бывал³. Он посетил Московию, читая сочинения путешественников-англичан, изданные Р. Гаклюйтом. И снова в таких случаях существуют исключения: ливонцы, поляки и немцы сообщают полезные исторические сведения, затрагивая правление Ивана IV, но большинство из них никогда не путешествовало в Московию⁴. Тем не менее, скептицизм оправдан, когда мы имеем дело с работами авторов, не имевших прямых связей с Москвой. Наиболее трудны те случаи, в которых опытный путешественник из-за незнания или предвзятости перед авторитетом переписывал чужую работу, не ссылаясь на нее. Действительно, среди тех, кто вернулся из Московии, такая практика писания о том, что видели, была общепринятой⁵. Однако вина одних более, чем других. Гваньини заимствует сведения Шлихтинга об Иване IV полностью, как и Петрей – Буссову историю о Смутном времени. Увы, подобные эксцессы не просто обнаружить. «Неблаговидный» поступок Гваньини и Петрея раскрыт только благодаря тщательной работе публикаторов Шлихтинга и Буссова.

Даже после того как заимствованные работы устранены, перечень допустимых текстов остается длинным. Последующую процедуру отбраковки будет целесообразно основать на специфике охвата событий в текстах. Здесь важно определить *особенности жанров*. Текущие новости (летучие листки, куранты и пр.) дают прекрасные сведения о кратковременных событиях⁶. Они будут полезны для «событийных» и «протяженных во времени» исследований, но они же малозначимы для «тематических» работ. Дипломатические миссии порождали массу письменных материалов: инструкций, описаний переговоров, рапортов о текущих событиях, соглашениях сторон – все они привязаны к краткому временному периоду⁷. Как и публикации текущих новостей, эти источники ценны для исследований, сфокусированных на коротких и средней протяженности событиях, но не для «тематических» изысканий.

Когда заимствованные тексты и тексты с текущей информацией нами выделены, на первое место выходят другие соображения. В результате отбора следует получить для рассмотрения содержательные и репрезентативные примеры за весь исследуемый период, в идеале – одно или два свидетельства за каждое десятилетие с 1550 по 1700 гг. Таким образом, проблемы могут быть изучены на протяжении большого периода без нежелательных лагун. Одновременно необходимо обращать внимание на разнообразие сопутствующих факторов. Это даст возможность увидеть в изложении проблем различия, исходящие из национальных, конфессиональных и профессиональных причин. И, наконец, существует практический вопрос доступности. Для экономии времени и сил выбранные тексты,

по возможности, должны быть легко доступны. Представленный ниже список является результатом моих усилий сбалансировать все вышеотмеченные соображения (см. табл. 2).

Двадцать девять представленных здесь текстов дают наилучшую этнографическую информацию, находящуюся в зарубежных источниках. Их авторы в целом имели солидный опыт пребывания в Московии, длившееся от четырех месяцев до тридцати восьми лет. Хотя многие из них пользовались материалами своих предшественников, никто из них не был кабинетным ученым. После первой половины XVI в., за которую есть только сочинение Герберштейна, свидетельства хронологически располагаются достаточно равномерно: восемь за период 1550–1575, пять за период 1576–1600, пять за период 1601–1625, одно за период 1626–1650 (но это – Олеарий!), семь за период 1651–1675 и три за период 1676–1700. Список содержит авторов различных национальностей. Десять из них – немцы, пять – англичане, три поляка, два итальянца, два француза и семь – по одному других национальностей. Около половины из них – католики, другая половина – протестанты и один – православный иерей (Павел Алеппский). Шестнадцать человек занимались дипломатической деятельностью, семь – находились на службе в Московии и шесть – были купцами и мореплавателями. Их сведения по большей части относятся к жанру «этнографического описания», т.е. систематического обзора государственного устройства, общества и веры в данной стране. Некоторые из них – симбиоз дипломатических отчетов и этнографических описаний, несколько – исторические сочинения и два – дневники. Список включает наиболее влиятельные свидетельства, что определяется систематичностью их переизданий и переводов. За исключением Викхарта, все тексты доступны в современных публикациях.

Таблица 2

Лучшие описания Московии, принадлежащие перу иностранных путешественников (1517—1700)⁸

Автор	Даты пребывания в Москве	Длительность пребывания	Жанр	Напис./публ.	Изда-ния/перев.
Герберштейн (1486–1566, имперский дипломат)	3.1517–11.1517 4.1526–11.1526	ок. 1 года 5 мес.	Этнограф. описание	1517– 1549/1549	32/7
Ченслер (ум. 1556, английский навигатор)	8.1553–3.1554	ок. 8 мес.	Этнограф. описание	1553/1589	5/2
Дженкинсон (1530–1611, английский купец)	7.1557–7.1558	ок. 1 года	Этнограф. описание	1557– 1558/1589	4/2
Таубе и Крузе (ливонские дворяне)	?1559–8.1571(Т) 8.1560–8.1571 (К)	ок. 12 лет ? мес. (Т) ок. 11 лет (К)	История	1571/1582	1/1
Штаден (1542?–?, немецкий наемник)	5.1564–?.1576	ок. 12 лет 8 мес.	Этнограф. описание	1578–1579/нет	нет
Барберини (1532–1582, итальянский купец)	7.1564–7.1565	ок. 1 года	Этнограф. описание	1565–1568	2/1?
Шлихтинг (немецкий наемник)	11.1564– 10.1570	ок. 5 лет 11 мес.	История	1571/нет	нет
Горсей (1573–1627, английский купец)	?1573–10.1591	ок. 18 лет 10 мес.	История	1589–1621/нет	3/1
Принцц (1546–1608, имперский дипломат)	11.1575–2.1576	ок. 4 мес.	Этнограф. описание	1578–1668/нет	6/1
Ульфельдт (ум. 1593, датский дипломат)	6.1578–11.1578	ок. 6 мес.	ДО/Этнограф. описание	1579/1608	4/1

Поссевино (1533/34–1611, папский дипломат)	8.1581–3.1582	ок. 8 мес.	ДО/Этнограф. описание	1586–1586	8/2
Флетчер (1546–1611, английский дипломат)	10.1588–8.1589	ок. 11 мес.	Этнограф. описание	1588–1589/нет	2/1
Масса (1587–1643, голландский дипломат)	?1600–?.1609	ок. 10 лет	История	1610–1614/нет	нет
Маржерет (1565?–1619, французский наемник)	6.1600–9.1606	ок. 6 лет 4 мес.	Этнограф. описание	1607/1607	2/1
Буссов (?–1617, немецкий наемник)	4.1601–?.1611	ок. 10 лет 9 мес.	История	1611–1617/нет	нет
Петрей (1570–1622, шведский дипломат)	12.1601–11.1605	ок. 4 лет	Этнограф. описание	1615/1615	2/2
Паэрле (немецкий купец)	3.1606–12.1608	ок. 2 лет 10 мес.	История	1606/нет	нет
Мацкевич (упоминается в 1580–1632, польский офицер)	9.1609–6.1612	ок. 2 лет 10 мес.	Дневник	1594–1621 /нет	нет
Олеарий (1603–1671, голштинский дипломат)	1. 6.1534–1.1635 2. 3.1636–10.1636 3. 6.1638–4.1639 4. 7.1643–10.1643	ок. 2 лет 5 мес.	Этнограф. описание	1639– 1647/1647	25/5
Павел Алеппский (1636–1666, архиепископ Алеппо)	7.1654–6.1656	ок. 2 лет	ДО/Этнограф. описание	1655–1656/нет	нет
Крижанич (1618?–1683, хорватский ученый)	9.1647– 1.1648 9.1659–11.1677	ок. 18 лет 7 мес.	Политич. трактат	1663–1666/нет	нет

Коллинс (1619–1670, английский врач)	12.1659–?.1669	ок. 10 лет 1 мес.	Этнограф. описание	1661–1667/1671	3/2
Мейерберг (1612–1688, имперский дипломат)	4.1661–10.1662	ок. 1 года 7 мес.	ДО/Этнограф. описание	1661–1663/1663	2/2
Гордон (1639–1699, шотландский наемник)	6.1661–11.1699	ок. 38 лет 4 мес.	Дневник	1661–1699/нет	нет
Рейтенфельс (польский агент)	? .1670–?.1672	ок. 3 лет	Этнограф. описание	1672–1680/1680	1/1
Викхарт (имперский дипломат)	8.1675–11.1675	ок. 4 мес.	ДО/Этнограф. описание	1675/1675	1/1
Таннер (польский дипломат)	4.1678–9.1678	ок. 6 мес.	ДО/Этнограф. описание	1678–1680?	1/1
Невилль (французский агент)	7.1689–12.1689	ок. 6 мес.	ДО/Этнограф. описание	1690? /1698	4/3
Корб (1670–1741, австрийский дипломат)	4.1698–8.1699	ок. 1 года 5 мес.	ДО/Этнограф. описание	1698–1699/1700	2/2

Примечание. ДО – дипломатический отчет, издания – публикации до 1700 г., перев. – данное сочинение было переведено до 1701 г.

Проблема предвзятости

Проблему предвзятости лучше всего рассматривать с трех сторон, относящихся к автору и его сведениям. Имел ли автор возможность быть свидетелем того, что он описывает? Были ли у автора намерения постигнуть и адекватно изобразить виденное? И, наконец, каковы были побудительные причины, подвигнувшие автора к описанию Московии?

Для этих целей первой задачей является уточнение дат визита в Московию, т.е. определение хронологических рамок событий, свидетелем которых мог быть наш автор. Эта процедура сопровождается внимательным прочтением текста сочинений (особенно если они составлены в виде описания маршрута) и обращением к вторичным источникам. Это определение дат проживания в Московии важно потому, что иностранцы практически всегда включали в свой текст информацию, относящуюся как ко времени, предшествовавшему их визиту, так и последующему. Прекрасный пример тому – сочинение Герберштейна «Рерум московитакарум» начинается с длинного исторического экскурса и приправлено информацией, относящейся к периоду, когда в 1526 г. имперский легат уже покинул Москву. Неясно, в какое время писалось это сочинение: сам Герберштейн упоминает о том, что он работал над ним в годы после его заключительной миссии в Московию. Книга впервые была опубликована в 1549 г. на латыни, затем текст был отредактирован, расширен и переведен Герберштейном с латыни в 1557 г.⁹ Информацию, относящуюся к периодам до и после визита, не стоит расценивать как незначимую, но она заслуживает меньшего доверия, чем непосредственные свидетельства или устная информация, полученная от современников в Московии.

После того как даты пребывания установлены, следует остановиться на том, что может быть названо условиями пребывания, поскольку они также дают определенные ограничения тому, что могло быть автором увидено и услышано. Первостепенное значение здесь имеет следующее: почти все иностранцы, посетившие Московию официальным образом (а иным путем получить разрешение на въезд было невозможно¹⁰), изолировались от общения с населением как на пути в Москву, так и во время пребывания в ней¹¹. Особенно это относится к послам, которые часто заявляли, что они находились в заключении, как обычные преступники. Что касается имперского легата, Принтц жаловался: «В обычае этих людей, незнакомых с более цивилизованными законами, содержать послов других стран совсем как преступников, чтобы они не могли узнать, что происходит»¹². Достиagnутые властями успехи в изоляции приезжих не стоит преувеличивать. Некоторым (особенно купцам, наемникам и торговцам) было иногда разрешено передвигаться свободно, и были случаи, когда даже строго содержавшиеся приезжие в дальнейшем сообщали обильные слухи, полученные ими непосредственно от стражи. Тем не менее, следует обращать внимание на заявление об изоляции, поскольку нередки случаи, когда иностранцы сооб-

щают о событиях, которым они, скорее всего, не могли быть непосредственными свидетелями, хотя они и находились в это время в Московском государстве.

Даже когда представляется, что путешественник имел возможность быть свидетелем события, не стоит спешить с суждением о его значимости до тех пор, пока достоверность его источников не установлена. Во многих случаях она устанавливается просто внимательного прочтения источника, поскольку иностранцы иногда поясняют, откуда информация получена, делая такие ремарки, как «я видел это» или «он говорил мне». Трудно конкретизировать такие свидетельства, поскольку иностранцы, во-первых, имели смутное представление о том, кто их информанты и, во-вторых, когда они в этом точны, сведения об этих информантах недоступны. В любом случае цитирование источника усиливает доверие к сообщаемым фактам. Источником информации, прямо или косвенно получаемой иностранцами, являлось правительство. Московские власти не только ограничивали кругозор приезжих, держа их в изоляции, но также в своих целях и поставляли им информацию. Наиболее типичны случаи официальных спектаклей, разыгрываемых перед иностранными посольствами: встреча на границе, сопровождение до Москвы, въезд в город, аудиенции, банкеты и отъезд. Каждое из этих событий являлось демонстрацией мощи, тщательно подготовленной царским двором и Посольским приказом для того, чтобы произвести впечатление на гостей¹³. Приезжие иностранцы в большинстве случаев были на своей родине высокопоставленными придворными, и, таким образом, не приходится удивляться, что им были знакомы все эти уловки, они прекрасно понимали, что за ними стоит. Герберштейн первым отметил пропагандистский характер московского дипломатического ритуала: «Ведь у московитов такой обычай: всякий раз, как надо провожать во дворец именитых послов иностранных государей и королей, то [по приказу государеву] созывают из окрестных и соседних мест низшую знать, наемников [и воинов, запирают к тому времени в городе все лавки и мастерские], прогоняют с рынка продавцов и покупателей, и, наконец, отовсюду собираются граждане. Это делается для того, чтобы столь неизмеримое количество народу и толпы подданных свидетельствовали перед иностранцами о могуществе государя, а столь важные посольства иностранных государей – перед всеми о его величии»¹⁴.

Однако такие ухищрения для всех были очевидны. Властям иногда удавалось, используя церемонию, вызвать впечатление неисчерпаемой мощи. Например, Ченслер был введен в заблуждение представлением, разыгранным во время его первой аудиенции. Поссевино жаловался, что, рассуждая об обычаях, которые значительно отличаются от их собственных, авторы, писавшие о Москве, склонны доверять внешним проявлениям более, чем это следует делать. Чаще прямой обман, допускаемый русскими властями, был хорошо известен и неэффективен. Вскоре после неожиданной смерти

Бориса Годунова партия князей Шуйских извела семью последнего царя и попыталась скрыть этот факт, утверждая, что Годуновы покончили с собой¹⁵. Буссова и Массу не удалось обмануть, а вот Петрей сообщает официальную версию событий.

После того как вопрос о возможностях путешественников в Московии нами разрешен, встает проблема смысла. Поскольку даже в тех случаях, когда нет сомнений в том, что приезжий видел своими глазами что-либо в самом деле произошедшее или слышал о нем, не может быть уверенности в его способности передать это достаточно точно. Таким образом, интерпретируя сообщение иностранца, стоит задуматься о том, какой инструментарий имел его автор в своем распоряжении, описывая русскую жизнь. В отношении оценочных высказываний решающее значение имеют биографические данные их авторов, особенно их происхождение и жизненный опыт. В целом, чем выше социальное положение автора, тем четче он видит культурные различия и лучше способен подчеркнуть их. И наоборот, невысокий статус обычно отмечен безразличием к культурным особенностям и их описанию. Сравнение работ Флетчера, академика, ставшего послом, и Горсея, малообразованного купца-авантюриста, хорошо иллюстрирует это положение¹⁶. Первый представляет читателю обширный, весьма тенденциозный, чрезмерно схематизированный каталог русских культурных особенностей (и их критику). Второй представляет бессвязную путаницу впечатлений от собственной жизни в России и от участия в происходивших в ней событиях. Однако образованность далеко не всегда способствует точности. Должен приниматься в расчет опыт, и особенно опыт, приобретенный в Московии. Как правило, чем выше статус автора, тем меньше вероятность его прямых контактов с русским населением. И наоборот, невысокий статус автора предполагает большее количество времени, проведенного им среди русских. Послы – обычно хорошо образованные люди – въезжали в Москву, чтобы осуществлять дипломатические контакты и покидали ее, чтобы писать мемуары. Купцы, наемники и торговцы оставались в России в течение продолжительного времени, получая, следовательно, немалое знакомство с русским образом жизни (см. табл. 2).

То, что автор был хорошо образован или жил в Московии, еще не означает, что он был точен в своих этнографических наблюдениях. Конечно, мы имеем дело с таким феноменом, при котором восприятие иностранцев было искажено культурной дистанцией, отделявшей ренессансную Европу от средневековой Московии. Но было бы ошибочно сказать, что эта дистанция делала иностранцев неспособными к точному описанию Московии. Прежде всего, пропасть между культурами не была столь глубока, как это иногда представляется. Среди всех рассуждений об особенностях русской культуры часто встречается замечание о том, что между обоими обществами, в которых пребывали иностранцы, существовала фундаментальная схожесть. Московское государство было в действительности такой же христи-

анской монархией, как и европейские монархии начала нового времени, в которых монарх и придворная элита стояли над многочисленным крестьянским населением. Это, безусловно, не исключает и различий между ними. Московия была православной страной, ее монарх обладал огромной властью, ее элита была не затронута ренессансной куртуазностью и ее крестьянство было прикреплено к земле. Но Россия не равнялась, например, Новому Свету: тому же Флетчеру было гораздо легче осмыслить Московию в своих собственных понятиях, чем капитану Джону Смиуту понимать американских индейцев. Далее, хотя и справедливо, что иностранцы использовали понятия, отделявшие Московию от Запада (или «Юга», как они выражались), это не обязательно означает, что их свидетельства окрашены предубежденностью. Суждения и оценки, как их понимали сами иностранцы, отличаются от описания как такового. Многие иностранцы расценивали православие как «суеверие», самодержавную власть как «деспотизм», а крепостное право как «рабство» и, тем не менее, давали точную информацию по всем трем темам. Собственно суждения иностранцев, как верно отмечает Г. Шейдеггер, говорят о ренессансном менталитете их авторов и ничего не сообщают о Московии¹⁷.

И, наконец, должны быть прояснены побудительные причины к написанию записок о Московии. Сам по себе факт обращения к перу и бумаге был необычен: большинство лиц, путешествовавших в Московию, не заботилось о том, чтобы оставить свои наблюдения для будущих поколений. Те, кто это делал, имели на то особые побудительные причины. Три из них были наиболее обычны: необходимость составления дипломатических отчетов, этнографические наблюдения и интерес к истории. Это соответствует и жанрам сочинений: дипломатический отчет, «описание государства» и историческое сочинение. Каждый из жанров имеет свой язык и каждый из них представляет историка современности с его определенными возможностями и трудностями.

С момента становления новоевропейской дипломатической системы, приблизительно с 1500 г., заметки о событиях, происходивших до времени посольской миссии, становятся существенной частью обязанностей посла¹⁸. Дипломатические рапорты являлись подробными путевыми заметками о событиях посольства от момента отбытия до его возвращения. Они предназначались для ушей правителя и, таким образом, обычно оставались неопубликованными, хотя существуют и исключения. Для историков, интересующихся собственно Московией, значение дипломатических отчетов ограничивается тем фактом, что они зачастую свидетельствуют более о мелких событиях путешествия и самих переговорах, чем о жизни Московского государства. Имперский посланник Викхарт, например, поясняет, что он прибыл на границу Московии 17 августа 1675 г. и был как подобает встречен русскими властями. Затем он предлагает читателю длинный перечень всех, кто входил в состав посольства, начиная с посла и кончая его

лакеями. Судя по содержанию чисто дипломатических отчетов, этнография не входила в поле зрения этого жанра. Тем не менее, отчеты иногда содержат случайную этнографическую информацию. Имперский посол Таннер был поражен сценой, с которой он неожиданно столкнулся в крестьянской избе по дороге в Москву:

«Меня поразило, что в помещении моего князя хозяйка, незадолго перед тем родившая ребенка, убаюкивала его не на руках, а в привешенной к потолку на четырех веревках люльке и кормила его коровьим молоком истинно варварски: сверху от тех веревок свешивалась веревочка с привязанным к ней рожком, откуда выставлялась коровья соска, и эту-то соску, почерневшую от долгого употребления, издававшую тяжелый запах и сгнившую наполовину, вкладывала ребенку в рот. Привыкнувший к ней ребенок сам подставлял рот и сосал теплое молоко, которое на дню часто, в случае недостачи, подливалось. Мы выражали неудовольствие особенно потому, что соска от долгого употребления издавала очень тяжелый запах, и неоднократно упрекали мать в бесчеловечии, но она только и ответила: таков у нас обычай»¹⁹.

Подобная зарисовка имеет высокий уровень достоверности, поскольку она необычна в контексте этого жанра и сделана спонтанно. Иногда расширенные этнографические обзоры включались в дипломатические отчеты, как это, например, демонстрирует Мациевич. В обычные путевые заметки о своей деятельности он неожиданно включает не просто интересный факт в качестве виньетки, а всестороннее описание московского общества. И эти краткие обзоры также заслуживают доверия как из-за их неуместности в дипломатических отчетах, так и из-за их спонтанности: представляется, что они являются результатом пережитого автором опыта, а не желанием написать сочинение этнографического характера. Если дипломатические отчеты и содержат в себе предвзятость, то она относится к преувеличению роли посла и успеху его миссии. Понимание важности того, что посланники отстаивают честь своего господина и борются за первенство с другими равными себе представителями двора, подвигало их на изображение своей деятельности в самом выгодном свете. Герберштейн часто подчеркивал, что он отказывался подвергать достоинство как своего властителя, так и свое собственное мелочным унижениям московского посольского обычая. Поссевино прославляет свои дипломатические достижения, опуская при этом события, которые могли бы подмочить его репутацию.

Как и дипломатические рапорты, «этнографические описания», или «хорографы», обязаны своим происхождением требованиям и возможностям новоевропейской дипломатии²⁰. Традиция эпохи Возрождения предполагала, что обязанностью каждого много путешествующего человека является описание виденных им зарубежных стран для блага его собственной страны. Герберштейн и сам подчеркивал утилитарное значение хорографов в предисловии к «*Rerum Moscoviticarum*»: «Я читал, что некогда

римляне, отправляя послов к народам отдаленным и неведомым, поручали им, помимо всего прочего, еще и тщательно записывать обычаи, учреждения и весь склад жизни того народа, у которого они пребывали послами. Со временем подобные записки стали правилом и после отчета о посольстве хранились в храме Сатурна в назидание потомству. Если бы такого порядка придерживались наши современники или близкие предшественники, то, думаю, в истории у нас было бы больше ясности и, конечно же, меньше пустых разговоров»²¹.

Хотя побуждения Герберштейна к написанию своих трактатов представляются бескорыстными, рост спроса на публикации этнографических сочинений, без сомнения, подталкивал его столь же активно, сколь и сам жанр в целом. Принцип организации материала в большинстве этнографических описаний был тем, что ренессансная культура именовала «методой», он заключался в расположении информации по иерархически выстроенным темам²². Показательный пример может быть найден в тематической схеме, представленной в трактате Флетчера, каждая тема имеет заголовок («Космография», «Политика», «Экономика»), а также многочисленные подзаголовки и подзаголовки подзаголовков. Хотя этнографические описания являлись результатом пребывания в России, иногда они не содержали практически никакой информации о самом путешествии автора. Главной их особенностью в сравнении с другими жанрами зарубежной россики является обобщенность, поскольку этнографические описания претендовали на универсальность сведений о русской жизни, на статус краткой этнографической энциклопедии. Исследователь может не сомневаться в том, содержат ли сочинения Герберштейна, Флетчера, Олеария или Рейтенфельса информацию о русской армии, обряде крещения, положении женщин – эти и многие другие темы являлись стандартными в шаблоне этнографических описаний, это становится ясно из табл. 3, в которой сравниваются темы, рассмотренные у Герберштейна, Флетчера и Олеария.

Таблица 3

Темы в сочинениях Герберштейна, Флетчера и Олеария

Герберштейн	Флетчер	Олеарий (книга 3)
1. Вводная часть	1. Вводная часть	1. Хорография
2. Хорография 1	2. Хорография	2. Экономика
3. История	3. Экономика	3. Национальный характер
4. Правление	4. История	4. Домашний быт
5. Религия	5. Правление	5. Правление
6. Домашний быт	6. Суд	6. Восстания в Москве и Пскове
7. Войско	7. Войско	7. Чиновники и администрация

8. Суд	8. Татария	8. Суд
9. Экономика	9. Северные народы	9. Религия
10. Хорография 2	10. Религия	
11. Татария	11. Домашний быт	
12. Литва		
13. Северные народы		
14. Посольский прием		
15. Описание пути		

Однако обобщенность описаний государств имеет свои плюсы и минусы. Хотя исследователи сумеют найти любую информацию в обширных этнографических описаниях, они не смогут быть уверены в ее происхождении. Необходимость описывать всех и вся заставляла даже самых добросовестных авторов заимствовать сведения из опубликованных источников. Систематические заимствования отрицательно влияли на развитие жанра «описания государств», в котором сомнительная и вневременная информация кочевала из одного сочинения в другое только потому, что ее автор был уважаем или потому, что она казалась подходящей к московским обычаям. Примеры тому многочисленны, но наиболее яркий – это царь, умывающий руки после осквернившего его контакта с иностранными послами, подкупающая правдоподобностью выдумка, перешедшая от Герберштейна к последующим авторам²³.

Невыдуманные «рассказы о деяниях» (*res gestae*) великих людей – «истории», как тогда их обычно называли – были столь же популярны в период Возрождения, как и «описания государств», они особенно распространились в связи с развитием книгопечатания и появлением спроса на печатную продукцию. Исторические сочинения, как и дипломатические отчеты, строились вокруг хронологии событий. Но в отличие от посольских аналогов они фокусировались на исторической значимости, а не на дипломатической суетности. И в этом заключается их сила: они представляют собой первые попытки связать различные цепочки русских событий в единую историю о России (за несколькими собственно русскими исключениями) и являются первыми историями о Московском государстве в полном смысле этого слова. Их значение, особенно для истории правления Ивана Грозного и для Смутного времени, неограничено. Но, опять же, их значимость имеет обратную сторону! Авторы русских «историй» не удовлетворялись хроникой событий. Им нужна была драма, и, чтобы приблизиться к ней, они создавали события вокруг заранее задуманного сюжета.

Можно привести несколько примеров, но, пожалуй, наиболее показательным из них является первый Лжедмитрий. Под пером Буссова и Массы события жизни Гришки Отрепьева стали трагической историей при-

ключений, гордыни и божественной справедливости. Действительно, превращению одиссеи Отрепьева в драматическую историю способствовали и сами события: в конечном счете, он был монахом-расстригой, ставшим царем и принявшим безвременную кончину от рук изменников-бояр. Но когда события представлялись недостаточно драматичными для трагического сюжета, Буссов допускал обильные поэтические вольности. Описание Буссовым «откровения» Димитрия дает тому пример. Отрепьев был нанят князем Адамом Вишневецким, его будущим покровителем. Прислуживая князю в бане, он не сумел исполнить некоторые незначительные обязанности и получил пощечину. Буссов рассказывает, что тогда Димитрий принял это очень близко к сердцу и горько расплакался в бане, говоря князю: «Если бы ты, князь Адам, только знал, кто я таков, ты бы не оскорблял меня и не называл сукиным сыном, и ты бы не вел себя так грубо по отношению ко мне из-за таких пустяков. Но пока я здесь у тебя в услужении, я должен сносить это смиренно». В заключение этой трогательной сцены Отрепьев «являет» себя Димитрием и завоевывает сердце князя. Все это могло произойти и на самом деле, но трудно представить себе, каким образом это могло стать известным Буссову. Кроме того, сцена истерики, соответствуя литературной задаче Буссова, очень смахивает на творческую выдумку. Эту сцену легче понять, поместив ее в литературный контекст. В ней Буссов использует стандартные риторические приемы, чтобы придать повествованию дополнительный драматизм: анигорисис – раскрытие важного, но тайного факта, и перипата – моделирование поворотного момента в рассказе. Действительно, применение риторических фигур весьма обычно в ренессансных исторических сочинениях о Московии. Гипербола (преувеличение некоторых характеристик), аллегория (воплощение в характере определенной нравственной категории), аналогия (представление событий соответственно историческому сценарию), апострофия (прерывание повествование с целью обращения к какому-либо лицу или вещи, наличествующим или отсутствующим) и пароемия (цитация поговорок) свойственны текстам Буссова, Массы и других.

Следует отметить, что не только исторические сочинения подвергались драматической литературной обработке. Мы уже видели, что и авторы дипломатических отчетов иногда приукрашивали события, чтобы придать действиям своих протагонистов, послов, большую значимость, чем она, возможно, была на самом деле. Еще больше поразительных примеров можно найти в «описаниях государств». Историки периода Возрождения полагали, что назначение исторических сочинений лежит в развлечении и наставлении читателя. Это с очевидностью просматривается в сочинениях о Иване Грозном, Борисе Годунове, Лжедимитрии. Они рассматривались как интересные поучительные рассказы, урок из которых может быть извлечен проникательным читателем. Авторы «описаний государств» часто украшали свои сведения драматизированными историями подобного типа.

Их достаточно легко выделить, поскольку они оставляют у современного читателя впечатление несколько инородных и слишком уж отшлифованных текстов. Все так называемые «Дракули истории» о Иване IV и других русских царях могут рассматриваться как варианты подобных риторических образцов²⁴. Они, конечно, восходят к современным сочинениям, но перекочевали в «описания государств» в конце XVI столетия. Другие истории, такие, как рассказ о происхождении «Хлопигрод» (Холопьяго города), могут быть также включены сюда²⁵. Однако пальму первенства стоит отдать Дж. Флетчеру, который в своем труде «О государстве русском» превратил жанр «описание государств» в моральные наставления. Вместо морализирования, сопровождающего рассказ о плохой монархии, он дал обширное синхронное описание царства зла, «образец», или «парадигму», как его могли бы назвать в ренессансной риторике. Об этом он говорит в посвящении королеве Елизавете:

«В образе тамошнего правления, Ваше Величество, изволите усмотреть не только весьма удивительную, но и действительно существующую форму государства тиранического (далеко не сходную с образом Вашего правления) без истинного познания о Боге, без письменных законов, без общего правосудия, кроме того, которому источником служит закон изуственный, то есть правительственные власти, имеющие сами крайнюю нужду в законе для того, чтобы обуздать их собственную несправедливость. Поступки их, в какой степени они тягостны и бедственны для несчастного угнетенного народа, населяющего эту страну, в такой же мере могут подать мне и другим верноподданым Вашего Величества справедливый повод признать себя счастливыми и благодарить Бога за истинно королевское и милостивое правление Вашего Величества, Вам же доставить более утешения и радости тем, что в Вашем королевстве Вы повелеваете не рабами, а подданными, которые исполняют свои обязанности из любви, а не из страха»²⁶.

Книга Флетчера строится на пересечении двух задач. С одной стороны, он использует форму объективного этнографического описания с целью представить эмпирическую правду. С другой – он дает своим читателям переосмысленный, идеализированный обзор, иллюстрирующий высшую этическую правду. Когда обе они вступают в противоречие друг с другом, последняя берет верх. Это могло быть полезно для Елизаветы, но мало способствовало задачам историка.

Табл. 4 представляет структуру, достоинства и недостатки жанров сочинений иностранцев в Московии.

Таблица 4

Жанры и их характеристики

Жанр	Структура	Достоинство	Недостаток
Дипломатический	Путевые заметки	Непосредственность впечатления	Ограниченность этнографического материала

отчет		ний	
Этнографическое описание	Тематическая	Большой охват материала	Заимствования
Историческое сочинение	Повествовательная	Связанность и последовательность событий	Литературная драматизация

Проблема достоверности

Когда тексты отобраны и позиции их авторов прояснены, перед исследователем возникает новая проблема: как определить значимость конкретных свидетельств и сообщений иностранцев. Первое, что приходится сделать в этих целях, это задаться вопросом, не является ли рассматриваемый отрывок заимствованием. Заимствованная информация сомнительна, поскольку она может не быть плодом непосредственного опыта, но если все же она таковой является – она, возможно, отражает состояние дел давно прошедших. Эта проблема не проста, поскольку привычка заимствований была общепринятой среди тех, кто возвращался из Московии с желанием описать то, что они в ней увидели. Это отражает табл. 5.

Таблица 5.

Заимствования в опубликованных источниках информации о Московии

Автор	Источник
Герберштейн (1517—1549)	Меховский (1517), Йовий (1525), Кампенский (1524), Фабри (1626), Магнус (1539), Мюнстер (1544)
Ченслер (1553)	← [Герберштейн (1517—1549)?]
Дженкинсон (1557)	← [Герберштейн (1517—1549)?]
Барберини (1565)	← [Герберштейн (1517—1549)?]
Рандольф (1568)	← [Герберштейн (1517—1549)?]
Гваньини (1578)	← [Герберштейн (1517—1549)?], Шлихтинг (1517)
Принтц (1578)	← Герберштейн (1517—1549)
Поссевино (1586)	← Йовий (1525), Кампенский (1524), Герберштейн (1517—1549)
Флетчер (1591)	← [Герберштейн (1517—49)?], Горсей (1584—1621), материал для собр. Р. Гаклюйта (1589)
Горсей (1584—1621)	← Флетчер (1591), материал из собр. Р. Гаклюйта (1589)
Маржерет (1607)	← Бодин ← Герберштейн (1517—1549)
Петрей (1608)	← Меховский (1517), Йовий (1525),

	Герберштейн (1517—1549), [Буссов (1611)]
Масса (1610)	← Повесть о жизни и смерти Димитрия ²⁷
Буссов (1611)	Нет
Олеарий (1656)	← Йовий (1525), Герберштейн (1517—1549), Гваньини (1578), Ульфельдт (1579), Поссевино (1586), Петрей (1608)
Павел Алеппский (1653)	Нет
Мейерберг (1661)	← Герберштейн (1517—1549), Гваньини (1578), Одерборн (1585), Поссевино (1586), Олеарий (1656)
Коллинс (1667)	← Тевей (1575) ← [Герберштейн (1517—1549)]
Рейтенфельс (1671)	← Йовий (1525), Фабри (1526), Магнус (1555), Герберштейн (1517—1549), Поссевино (1586), Буссов (1611), Петрей (1608), Олеарий (1656)
Викхарт (1675)	← Герберштейн (1517—1549), Олеарий (1656)
Таннер (1678)	
Невилль (1698)	← Герберштейн (1517—1549), [Аврил (1691)]
Корб (1700)	← Викхарт (1675), Герберштейн (1517—1549), Олеарий (1656)?

Примечание. Квадратные скобки обозначают использование источника без ссылки на него.

Для того чтобы идентифицировать все заимствования в записках иностранцев, следует провести систематическое сравнение всех текстов. Это, однако, практически неосуществимо: даже короткий перечень «канонических» источников, представленных выше, и так слишком длинен, а времени на его изучение слишком мало. Иногда авторы помещают в свое сочинение библиографию или цитируют печатный текст, что дает ключ к возможным источникам их информации. В таких случаях (а их немного) знакомство с цитируемым текстом гарантировано. Тогда же, когда никакие источники не цитируются, целесообразным подходом является сравнение необходимых нам сведений с тремя наиболее популярными сочинениями – Герберштейна, Поссевино, Олеария. Поскольку эти тексты чаще других печатались и переводились (см. табл. 2), на них приходится наибольший процент заимствований. Три условия желательно соблюдать при использовании этого подхода. Во-первых, если определен отрывок, похожий на текст Герберштейна, Поссевино или Олеария, не стоит немедленно заключать, что он взят непосредственно у одного из них. Иногда мы имеем дело со случаем, в котором информация, заимствованная у Герберштейна, Поссевино или Олеария, уже прошла через одно или несколько промежуточных сочинений. Следует также помнить, что Поссевино использовал текст Герберштейна, а

Олеарий использовал как его же, так и текст Поссевино. Во-вторых, не стоит считать отрывок заимствованным только на основе сходства сюжета. Возможны случаи, когда автор, с текстом которого мы работаем, видел то же самое, что и его предшественники, и использовал сходные выражения для его описания. И, наконец, похищенные фрагменты не обязательно ошибочны только потому, что они являются заимствованием. Исследователь должен считаться с возможностью того, что они были включены в текст, так как подтверждали личные впечатления автора.

После того как фрагмент текста прошел проверку на заимствование, настает время оценить его значимость. Это лучше всего делать путем поиска сходных или противоречащих ему свидетельств из других иностранных сочинений (т.е. *внешних*) и из русских источников (т.е. *внутренних*). Сходство может быть четырех разновидностей, каждая из них выявляет различную степень достоверности. Во-первых, рассказанное путешественником может подтверждаться как внешними, так и внутренними, независимыми друг от друга, источниками. Такие случаи содержат наивысшую степень достоверности. Например, московский обычай, предписывающий главе семьи церемониально представлять гостям жену и других замужних женщин дома, описывается независимо друг от друга многочисленными путешественниками и, по крайней мере, одним русским источником (Г.К. Котошихиным)²⁸. Следующими после казусов взаимного подтверждения следуют те, в которых факт сходен с внутренними (русскими) источниками (но уникален для иностранных свидетельств) или с внешним источником (но не подтверждается московскими материалами). Детальное описание Герберштейном регистрации наличия, численности и служебных перемещений городского дворянства иллюстрирует первый вариант²⁹. Нигде больше среди иностранных сочинений его времени оно не встречается. Однако изобилие русских источников подтверждает существование описанной им системы в первой четверти XVI столетия³⁰. Второй вариант проявляется на примере двух свидетельств об особом ритуале, имеющем место у русских по окончании свадьбы. Оба, Барберини и Рейтенфельс, сообщают, что непорочность невесты символизирует на свадьбе чаша с вином, подносимая гостям³¹. Если на невесте лежала «печать невинности», то эта чаша имела отверстие, позволяющее вину вытечь, если нет – то вино оставалось в ней в целости. Насколько я знаю, о таком ритуале нет упоминаний в русских источниках. И, наконец, существуют заслуживающие доверия иностранные свидетельства, которые не подтверждаются ни внутренними, ни внешними источниками. Например, Буссов писал, что в 1600 г. Годунов удалил турецких послов, подарив им шубу из свиной шкуры и кожаный кошель со свиным навозом. Хотя этот эпизод позднее заимствовался, но он не подтверждается авторами-современниками. Не зафиксирован такой случай и в русских источниках. Неподтвержденные сообщения не обязательно лживы. Описание Барберини народного обряда развода является уникальным среди ис-

точников начала нового времени. Однако существование схожего обряда подтверждается исследованиями современных этнографов, которые свидетельствуют о том, что Барберини не ошибался.

Фрагменты текстов могут не только соответствовать внешним или внутренним источникам, они могут им также полностью противоречить. Наличествуют четыре разновидности противоречий, и они также могут быть иерархизированы по степени достоверности (см. табл. 6). Во-первых, существуют утверждения, противоречащие как внешним, так и внутренним источникам. Примером является заявление Паэрле о том, что семья Бориса Годунова покончила с собой после его неожиданной смерти в 1605 г.³² Действительно, это была официальная версия событий, отраженная в некоторых русских источниках³³. Однако версия Паэрле противоречит многочисленным иностранным и русским источникам³⁴. Во-вторых, встречаются случаи несовпадений с внутренними источниками. Они многочисленны и особенно проявляются в датах, именах и деталях жизни московского общества, зачастую сбивавших с толку приезжих. Происходила путаница и в более существенных вещах. Пример возможно привести из Ченслера, который утверждал, что в России дочери не могут наследовать земли – заявление, противоречащее множеству русских источников. В-третьих, существуют противоречия среди внешних источников. Сюжет с битьем жен дает пример таких противоречий. Герберштейн и другие авторы отмечают, что насилие над супругой было необузданным в Московии, что побои русские жены расценивали как проявление любви³⁵. Олеарий соглашался, что битье жен в Московии является обычным делом, но он не нашел, что русские жены рассматривают тумаки и побои как проявление сильной любви, а их отсутствие как знак равнодушия и неудовольствия своих мужей. Русские источники подтверждают, что мужа избивали своих жен, но они молчат о том, нравились ли это женам. Наконец, в-четвертых, в текстах существует ряд положений, не противоречащих ни внутренним, ни внешним источникам, т.е. это логическая параллель совпадающим положениям.

Таблица 6.

Совпадения и противоречия

Текстовые совпадения и противоречия	Записки иностранцев	Русские источники
1. Совпадения		
а) внутренние/внешние	A=A	=A
б) внутренние	A	=A
в) внешние	A=A	нет
г) несовпадения	A	нет
2. Противоречия		
а) внутренние/внешние	A противоречит Б	Противоречит Б
б) внутренние	A	Противоречит Б

в) внешние	А противоречит Б	нет
г) нет противоречия	А	нет

Конечный этап рассмотрения сходств и противоречий выражается в числе. Как правило, чем больше независимых друг от друга источников подтверждают факт, тем больше вероятность его достоверности. Например, многие иностранцы сообщают, что русские часто пользуются поговоркой «О том ведают Бог и Великий Государь», вероятно, отражающей отношение народа к царской власти. Конечно, во многих случаях это свидетельство заимствованное, но частотность его упоминания не без оснований позволяет заключить, что подобные поговорки были в широком ходу. И наоборот, чем больше источников противоречит факту, тем меньше вероятность его значимости. Павел Алеппский предлагает обширный панегирик русской элите:

«Воеводы этой страны имеют общее образование и знают законы, они сведущи в философии и в искусстве аргументации, они любят глубокие вопросы и уточненные диспуты... Их постоянным стремлением является углубление знаний. Мы обычно видели в их домах около тысячи больших книг, и их они любят читать днем и ночью»³⁶.

Это заявление полностью выпадает из мнений его собратьев-путешественников, большинство из которых было потрясено отсутствием образованности в среде русской знати. Некоторые детали сообщения Павла Алеппского могут быть приняты во внимание (такие, как наличие в домах книг, но, конечно, не исчисляемых тысячами), но в целом его утверждение следует отклонить.

Заключение

Значение иностранных сочинений о путешествиях по России как исторического источника трудно переоценить. Они проливают свет на многие вопросы, туманно освещенные в русских текстах. Но, несмотря на их важность, исследователи ими пренебрегают. Одна из главных причин этого лежит в библиографии. До недавнего времени научные обзоры зарубежной русистики не были доступны. Теперь, когда они существуют, проблемы все же остаются. Источников слишком много, они в разных отношениях тенденциозны, и информация в них зачастую заимствованная и неправдоподобная. Тем не менее, трудности, исходящие из их отбора, претенциозности и достоверности, могут быть если не полностью преодолены, то сведены к минимуму с помощью методики, предложенной выше.

Приложение

Приложение содержит список этнографических, космографических и исторических записок, в том числе цитируемых в этом тексте. В левой колонке даны в сокращенной форме имя автора и приблизительная дата написания

данного текста. В правой колонке – библиографическая информация в следующей форме: а) полное имя автора; б) краткая биографическая справка; в) ссылка на первое издание, если оно имело место в XVI–XVII вв.; г) дата рукописи в случаях большого временного разрыва между датой написания и опубликования; д) издание русского перевода в случае его наличия. Более подробная информация по каждому автору, включающая ссылки на современные издания, дается в работе М. По «Foreign Descriptions of Muscovy» (см. прим. 1).

Автор	Текст
Адамс и Ченслер (1553)	Адамс, Климент (1519–1587, английский автор, никогда не был в Московии) и Ченслер, Ричард (ум. 1556, английский навигатор). Clement Adams and Richard Chancellor. The newe Navigation and discoverie of the kingdome of Moscovia, by the Northeast, in the yeere 1553: Enterprised by Sir Hugh Willoughbie knight, and performed by Richard Chancellor Pilot major of the voyage: Written in Latine by Clement Adams // Richard Hakluyt, (comp.). The Principall navigations, voyages and discoveries of the English nation. London: G. Bishop and R. Newberie, 1589. P. 280-292. Рукопись 1553 г. Рус. пер.: Ричард Ченслер. 1553–1554 // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. В. Готье. Л., 1937. С. 47-67
Аврил (1691)	Аврил, Филипп, (1654–1698, иезуитский миссионер). Philippe Avril. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Paris, 1691. Рус. пер.: Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей / Пер. М.П. Алексеева. Иркутск, 1841. С. 475–485.
Барберини (1565)	Барберини, Рафаэль, (1532–1582, итальянский купец). Raffaelle Barberino. Relazione di Moscovia // Viaggi di Moscovia de gli anni 1633, 1634, 1635 e 1636. Viterbo: s.n., 1658. Рус. пер.: Путешествие в Московию Рафаэля Барберини / Пер. В.И. Любича-Романовича // Сын отечества. 1842. № 6, С. 3–16; № 7. С. 3–50.
Боемий (1520)	Боемий, Иоанн (упоминается в 1500, немецкий географ, никогда не был в Москве). Joannes Boemus. Omnium gentium mores leges et ritus ex multis clarissimis rerum scriptoribus. Augsburg: Excusa in officina Sigismundi Grim medici, ac Marci Vuirsung, 1520. Рус. пер.: нет
Буссов (1611)	Буссов, Конрад (немецкий наемник). Konrad Bussow. Verwirrter Zustand des Russischen Reichs. Рукопись 1611. Рус. пер.: Московская хроника 1584–1613 / Ред. и пер. Е.И.

	Боброва. М.; Л., 1961.
Викхарт (1675)	Викхарт, Карл (имперский дипломат). Carl Valerius Wickhart. <i>Moscovittische Reiß-Beschreibung</i> . Vienna: Bey J.J. Kürner, 1677. Рус. пер.: нет
Гваньини (1578)	Гваньини, Александр [Aleksander Gwagnin] (1538?–1614, итальянский наемник на польской службе). Alexander Guagnini. <i>Sarmatiae Evropeae descriptio, duae regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Rusiam, Maxoviam, Prusiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur</i> . Cracow: Typis Matthiae Wirzbiatae, 1578. Рус. пер.: Полное и правдивое описание всех областей, подчиненных монарху Московии... // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 83—85.
Герберштейн (1517-1549)	Герберштейн, Сигизмунд (1486–1566, имперский дипломат). Sigismund von Herberstein. <i>Rerum moscoviticarum commentarii</i> . Vienna: Egydius Aquila, 1549. Основной текст написан в 1517–1549. Рус. пер.: Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988.
Гордон (1661–1699)	Гордон, Патрик (1639–1699, шотландский наемник). Patrick Gordon. Не имеет названия: дневник. Русская часть написана в 1661–1699. Текст цит. по: <i>Passages from the Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries in the Years 1635–1699</i> / Aberdeen: Printed for the Spalding Club 1859; reprint, New York: Da Capo, 1968. Рус. пер.: Патрик Гордон и его дневник / Пер. А. Брикнера. СПб, 1878.
Горсей (1584–1621)	Горсей, Джером (1573–1627, английский купец). Jerome Horsey. <i>Travels</i> . Рукопись 1584–1621. Текст цит. по: <i>Travels // In Rude and Barborous Kingdom. Russia in Accounts of the Sixteenth-Century English Voyagers</i> , edited by Lloyd E. Berry and Robert O. Crumme. Madison and London: University of Wisconsin Press, 1968. P. 262—372. Рус. пер.: Записки о России XVI – начала XVII вв. / Пер. А.А. Севастьяновой. М., 1990.
Дженкинсон (1557)	Дженкинсон, Антоний (1530–1611, английский навигатор). Anthony Jenkinson. <i>The voyage of M. Anthony Jenkinson into Russia, wherein Osep Napea, first Ambassador from the Emperour of Moscovia to Queene Mary, was transported into his Countrey, Anno 1557</i> // Richard Hakluyt, (comp.). <i>The Principall navigations, voiages and discoveries of the English nation</i> . London: G. Bishop and R. Newberie, 1589. P. 333–347. Рукопись 1557 г. Рус. пер.: Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. Л.,

	С. 67–80.
Йовий (1525)	Йовий (Джовио), Паоло (1483–1552, итальянский гуманист, папский чиновник, никогда не был в Москве). Paolo Giovio. [Pauli Iovii]. Novocomensis libellus de cinovnikione Basilij Minitii Calui, 1525. Рус. пер.: Религия москвитов / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 171–202.
Кампенский (1524)	Кампенский Альберто (1490–1542, папский чиновник, никогда не был в Московии). Alberto Campensé [Albertus Pighius Compensis]. Lettera d'Alberto Compense che scrivo al beatissimo Padre Clemente VII intorno alle cose di Moscovia. Venice, 1543. Рукопись 1524 г. Рус. пер.: О Московии / Пер. О.Ф. Кудрявцева и С.Г. Яковенко // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 95–117.
Коллинс (1667)	Коллинс, Самуил (1619–1670, английский врач). Samuel Collins. The present State of Russia. London: John Winter, 1667. Рус. пер.: Нынешнее состояние России / Пер. П. Киреевского // Утверждение династии. М., 1997. С. 185–231.
Корб (1700)	Корб, Иоанн Георг (1670–1741, австрийский дипломат). Johann Georg Korb. Diarium itineris in Moscoviam. Vienna: Typis Leopoldi Voigt, 1700 or 1701. Рус. пер.: Дневник путешествия в Московское государство / Пер. Б. Женева и М. Семевского // Рождение империи. М., 1997. С. 21–258.
Кранц (1504)	Кранц, Альберт (1448–1517, немецкий клирик, ученый, представитель Ганзы. Никогда не был в Московии?). Albert Krantz. Wandalia in qua de Wandalorum populis, et eorum patrio solo, ax in italiam, galliam, hispanias, aphricam et dalmatiam, migratione: et de eorum regibus, ac bellis domi, foris que gestis. Cologne: Ioannes Soter alias Heil, 1519. Рукопись 1504 г. Рус. пер.: нет.
Крижанич (1663–1666)	Крижанич Юрий (1618?–1683, хорватский клирик, политический мыслитель). Iurii Krizhanich. Rozgowori ob Wladetelystwu. Рукопись 1663–1666 г. Рус. пер.: Политика / Пер. А.Л. Гольдберга. М., 1997.
Крулл (1698)	Крулл, Йодек (ум. 1713?, английский врач). Jodocus Crull. The Ancient and Present State of Muscovy. London: Printed for A. Roper and A. Bosville, 1698. Рус. пер.: нет.
Магнус (1539, 1555)	Магнус, Олав (1490–1557, архиепископ г. Уппсала. Никогда не был в Московии). 1) Olaus Magnus. Carta marina et descriptio septentrionalium terrarum diligenter elaborata anno Domini 1539. Venice, 1539. Рус. пер.: нет. 2) Olaus

	Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus. Rome: Joannes Maria de Viottis, 1555. Рус. пер.: нет.
Маржерет (1607)	Маржерет, Жак (1565?–1619, французский наемник). Jacques Margeret. Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Muscovie. Paris: Chez Mathieu Guillemot, 1607. Рус. пер.: Россия начала XVIII века. Записки капитана Маржерета / Пер. Ю.А. Лимонова. М., 1982.
Мацкевич (1611)	Мацкевич, Самуил (упоминается в 1580–1632, польский государственный деятель, автор дневника). Długosz Samuela Maskiewicza. Дневниковые записки сделаны в 1611. Рус. пер.: Дневник Маскиевича // Сказания современников о Дмитрие Самозванце / Пер. Н.Г. Устрялова: В 2 т. СПб, 1859. Т. 2. С. 13–124.
Масса (1610)	Масса, Исаак (1587–1634, голландский купец). Issac Massa. Een coort verhael van beginn oospronck deser tegenwoordige troebelen in Moscovia, totten jare 1610 int cort overlopen ondert gouvernement van diverse vorsten aldaer. Рукопись 1610. Рус. пер.: Краткое известие о Московии в начале XVII века / Пер. А.А. Морозова // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 13–150.
Мейерберг (1661)	Мейерберг, Августин (1612–1688, имперский дипломат). Augustin Freiherr von Meyerberg. Iter in Moschoviam... ad Tsarem et Magnum Ducem Alexium Mihalowicz, Anno M.DC.LXI. Cologne?: s.n., 1679? Рукопись 1661. Рус. пер.: Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга / Пер. А.Н. Шемякина и О.М. Подонского // Утверждение династии. М., 1997. С. 43–184.
Мюнстер (1530, 1534, 1544)	Мюнстер, Себастьян (1488–1552, немецкий космограф. Никогда не был в Московии). 1) Sebastian Münster. Germaniae atque aliarum regionum, quae ad imperium usque constantinopolitanu protenduntur, descriptio. Basel: A. Cratander, 1530. Рус. пер.: нет. 2) Sebastian Münster. Мappa Europae. Frankfurt: Christian Egenolff, 1534. Рус. пер.: нет. 3) Sebastian Münster. Cosmographia. Beschreibung aller Länder durch Sebastianum Munsterum in welcher begriffen aller Völker, Herrschafften, Stetten, und namhafftiger flecken herkommen. Basel: Henrichum Petri, 1544. Рус. пер.: Всеобщая космография / Пер. И.И. Варьяш // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 331–340.
Невилль (1698)	Де ла Невилль (псевдоним). Relation curieuse, et nouvelle de Moscovie. Paris: Chez Pierre Aubouyn, 1698. Рус. пер.: Де ла Невилль. Записки о Московии / Пер. А.С. Лаврова. М., 1996. С. 119–180.

Одерборн (1585)	Одерборн, Павел (1555?–1604, ливонский пастор. Никогда не был в Московии?). Paul Oderborn. Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita. Wittenberg. 1585. Рус. пер.: нет.
Олеарий (1656)	Олеарий Адам (1603–1671, голштинский дипломат). Adam Olearius. Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyss nach Muscow und Persien. Schleswig: Gedruckt in der Fürstl. Druckerey, durch Johan Holwein, 1647. Второе адаптир. изд. 1656. Рус. пер.: Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 г. / Пер. А. Ловягина. СПб, 1906.
Павел Алеппский (1653)	Павел Алеппский (упоминается в 1636–1666, православный клирик, сын антиохийского патриарха Макария). Без названия. Рукопись 1653. Рус. пер.: Муркос Г.А. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР), 1896. Кн. 4; 1897 г. Кн. 4; 1898. Кн. 3–4; 1900. Кн. 2.
Паэрле (1606)	Паэрле, Ганс Георг (немецкий купец). Hans Georg Peyerle. Beschreibung der Moscovitterischen Rayss, welche Ich Hanns Geörg Peyerle, von Augspurg, mit herrn Andreasesen Nathan, und Matheo Brenhardt Manlichen dem Jüngern, Ady 19 Marty Ao. 1606 von Crachaw aus, angefangen. Рус. пер.: Записки Георга Паэрле, о путешествии его из Кракова в Москву и обратно // Сказания современников о Дмитрие Самозванце / Пер. Н.Г. Устрялова: В 2 т. СПб, 1859. Т. 1. С. 153–234.
Петрей (1615)	Петрей, Петр (1570–1622, шведский дипломат и историк). Petrus Petreius [Peer Peerson]. Regni Muschowitici sciographia. Thet är: Een wiss och egentelich Beskriffing om Rusland. Tryckt hoos I. Meurer, 1614–1615. Рус. пер.: История о Великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемакина // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 151–464.
Пиркхаймер (1530)	Пиркхаймер, Виллибальд (1470–1530, немецкий ученый. Никогда не был в Московии). Willibald Pirckheimer. Germaniae ex variis scriptoribus perbrevis explicatio. Nuremberg: Apud I. Petreium, 1530. Рус. пер.: нет.
Поссевино (1586)	Поссевино, Антонио (1533?34–1611, папский легат). Antonio Possevino. Moscovia, s. de rebus Moscviticis et acta in conuentu cinovnikorum regis Poloniae et Magni Ducis Mos-

	<p>coiuae anno 1581. Vilna: Apud Ioannem Velicensem, 1586. Рус. пер.: Московия. Исторические сочинения о России XVI в. / Ред. и пер. Л.Н. Годовиковой. М., 1983.</p>
Принтц (1578)	<p>Бухов фон Принтц, Даниел (1546–1608, имперский дипломат). Daniel Printz von Buchau. Moscoviae ortus progressus. Neisse in Schlesian: Typis Ignatij Constant. Schubart, 1668. Рукопись 1578 г. Рус. пер.: Начало и возвышение Московии / Ред. и пер. И.А. Тихомирова. М., 1877.</p>
Рандольф (1568)	<p>Рандольф, Томас (1523–1590, английский дипломат). Thomas Randolfe. The Ambassage of Thomas Randolfe Esquire from the Queenes Maiestie to the Emperour Russia. Рукопись 1568 г. // Richard Hakluyt (comp). The Principall navigations, voyages and discoveries of the English nation. London: G. Bishop and R. Newberie, 1589. P. 399–402. Рус. пер.: нет.</p>
Рейтенфельс (1671)	<p>Рейтенфельс, Якоб (польский агент). Jacob Reutenfels. De rebus Muschovitidis ad serenissimum Magnum Hetrueriae Ducem tertium. Padua: Typis P.M. Frambotti, 1680. Рукопись 1671 г. Рус. пер.: Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии / Пер. М. Станкевича // Утверждение династии. М., 1997. С. 231–406.</p>
Таннер (1678)	<p>Таннер, Бернард (польский дипломат). Bernard Leopold Franz Tanner. Cinovnikio Polono-Lithuanica in Moscoviam. Neremberg: Sumptibus Johannis Ziegeri, 1680 or 1689? Рукопись 1678 г. Рус. пер.: Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. / Ред. и пер. И. Ивакина. М., 1891.</p>
Таубе и Крузе (1571)	<p>Таубе, Йоган и Крузе, Элберт (немецко-ливонские дворяне). Johann Taube and Elbert Kruse. Erschreckliche / greuliche und unerborte Tyranny Iwan Wasilowictz / jtzo regierenden Grossfürsten in der Muscow. N.p., 1582. Рукопись 1571 г. Текст цит. по: Послание Иоганна Таубе и Елберта Крузе как исторический источник / Пер. М.Г. Рогинского // Русский исторический журнал 1922. № 8. С. 1–59.</p>
Тевей (1575)	<p>Тевей, Андре (1502–1592, французский космограф. Никола не был в Москве). André Thevet. Cosmographie universelle. Paris: Chez P. L'Huilier, 1575. Текст цит. по: Cosmographie Muscovite par André Thevet, edited by Augustin Galitzin. Paris: J. Techener, 1858. Рус. пер.: Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей / Пер. М.П. Алексеева. Иркутск, 1941. С. 138–148.</p>
Ульфельдт (1579)	<p>Ульфельдт, Якоб (ум. 1593, датский дипломат). Jacob</p>

	Ulfeldt. Hodoeporicon Ruthenicum in quo de moscovitarum regione, moribus, religione, gubernatione, & Aula Imperatoria quo potuit compendio & eleganter exequitur. Frankfurt: Typis M. Beckeri, impensis I.T. & I.I. de Bry, 1608. Рукопись 1579 г. Рус. пер.: Е.Б. Барсова. Путешествие в Россию датского посланника Якоба Ульфельдта в 1575. М., 1889.
Флетчер (1591)	Флетчер, Джилз (1546–1611, английский дипломат). Giles Fletcher. Of the Russe Commonwealth. London: Printed by N.D. for Thomas Charde, 1591. Текст цит. по: Of the Russe Commonwealth // The English Works of Giles Fletcher, the Elder, edited by Lloyd E. Berry. Madison: University of Wisconsin Press, 1964. P. 135–308. Рус. пер.: О государстве русском / Пер. кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911.
Франк (1534)	Франк, Себастьян (1499–1542/43, немецкий мистик, космограф. Никогда не был в Москве). Sebastian Franch. Weltbuch: spiegel und bildnisz des gantzen Erdbodens, von Sebastiano Franco Wordensi in vier Bücher, nemlich in Asiam, Aphricam, Europam und Americam gestelt und abteilt. Tübingen: Ulrich Morhart, 1534. Рус. пер.: нет.
Ченслер (1553)	Ченслер, Ричард (ум. 1556, английский дипломат). Richard Chancellor. The Booke of the Great and Mighty Emperor of Russia, the Duke of Moscovia, and of the Dominions, Orders, and Commodities Thereunto Belonging: drawn by Richard Chancellor // Richard Hakluyt (comp.). The Principall navigations, voiajes and discoveries of the English nation. London: G. Bishop and R. Newberie, 1589. P. 280–311. Рукопись 1553 г. Рус. пер.: Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском / Середонин С.М. Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР 1884. Кн. 4. С. 1–105.
Шлихтинг (1571)	Шлихтинг, Альберт (немецкий переводчик на русской службе). Albert Schlichting. De Moribus et Imperandi Crudelitate Basilij Moschoviae Tyranni Brevis Enarratio. Рукопись 1571. Рус. пер.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер. А.И. Малеина. Л., 1934.
Штаден (1578)	Штаден фон, Генрих (1542?–?, немецкий наемник). Heinrich von Staden Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Рукопись 1578 г. Рус. пер.: И.И. Полосин. Записки немца-опричника. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.

¹ Список сорока трех космографий с информацией о Московии см.: *Poe M. Foreign Description of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources.* Columbus: Slavica, 1995. P. 217–218.

² Все ссылки на иностранные источники даются в краткой форме по русскому переводу. Полную библиографическую информацию о первых изданиях (если таковые имелись), а также ссылки на цитируемое издание см. в приложении.

³ *Milton J. A Brief History of Muscovy,* London, 1682 // *The Works of John Milton,* ed. by F.A. Patterson, 18 vols. New York, 1939. Vol. 10. P. 327–382.

⁴ См. об этом: *Kappeler A. Ivan Groznyi im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Rußlandbildes.* Frankfurt–M., 1972.

⁵ См. *Baron S. Herberstein's Image of Russia and Its Transmission through Later Writers // Explorations in Muscovite History.* Hampshire, GB, 1991. Essay XIII» *Leitsch W. Herberstein's Impact on the Reports about Muscovy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries: Some Observations on the Technique of Borrowing // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1978. № 24. P. 163–77.

⁶ *Kappeler A. Die deutschen Flugschriften über die Mosckowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9.-18. Jahrhundert,* ed. M. Keller. München, 1985. P. 150–182; *Kappeler A. Die letzten Oprichninajahre (1569–1571) im Lichte dreier zeitgenössischer deutscher broschüren // Jahrbücher für geschichte Osteuropas N.F.* № 19. 1971. S. 1–30; *Василевский В.Г. Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным // Журнал министерства народного просвещения.* 1889. Т. 261. С. 127–168, 350–391; *Auerbach I. Rußland in deutschen Zeitungen (16. Jahrhundert) // Russen und Rußland aus deutscher Sicht.* С. 183–95; *Гольдберг А.Л. Известия о России в западноевропейских периодических изданиях XVI–XVII веков // Вопросы истории.* 1961. № 7. С. 204–207; *Welke M. Deutsche Zeitungsberichte über den Mosckauer Staat im 17. Jahrhundert // Russen und Rußland aus deutscher Sicht.* S. 264–286; *Welke M. Höfische Repräsentation und politische Propaganda – Voraussetzungen eines positiven Fürstenbildes? Hof und Herrschaft der ersten Romanovs in der zeitgenössischen Presse // Daphnis,* 1982. № 11. S. 377–397; *Welke M. Rußland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613–1689) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1976. № 23. S. 105–276; *Welke M. Rußland vor Peter dem Großen im Spiegel der deutschen Presse des 17. Jahrhunderts // Schriften der Wittheit zu Bremen.* 1969. № 13. S. 105–131.

⁷ *Ellersieck H.E. Russia under Aleksei Mikhailovich and Fedor Alekseevich 1654–1682: The Scandinavian Sources.* Ph.D. diss., University of California, Los Angeles, 1955; *von Rauch G. Moskau und der Westen im Spiegel der schwedischen diplomatischen Berichte der Jahre 1651–1655 // Archer für Kulturgeschichte.* 1951–1952. № 34. S. 22–66.

⁸ Для использования первых изданий и более удобных современных переизданий (в случае существования таковых) см. библиографию в приложении. Более полную информацию см.: *Poe M. Foreign Descriptions of Muscovy.*

⁹ *Leitsch W. Herberstein's Ergänzungen zur Moscovia in späteren Auflagen und die beiden zeitgenössischen Übersetzungen ins Deutsche // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1980. № 27. S. 177–194.

¹⁰ *Милюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русско-го права XVI и XVII веков.* СПб, 1909. С. 42–43.

- ¹¹ Юзефович Л.А. Как в посольском обычае ведется. М., 1988. С. 76–80.
- ¹² Принцц Д. Начало и возвышение Московии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1876. Кн. 4. С. 51.
- ¹³ См.: Юзефович Л.А. Как в посольском обычае ведется; *Его же*. Русский посольский обычай XVI века // Вопросы истории. 1977. № 9. С. 114–126.
- ¹⁴ Герберштейн (1517–1549). С. 212.
- ¹⁵ См.: Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. Смута. М., 1988. С. 228–229.
- ¹⁶ О биографии Флетчера см.: Berry L.E. The Life of Giles Flecher, the Eldere // The English Works of Giles Fletcher, the Elder, ed. L.E. Berry. Madison, 1964. P. 3–49. О Горсее см.: Layton D.L. Horsey, Sir Jerome // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History, ed. J.L. Wiczynski. 58 vols. Gulf Breeze, Florida, 1976–1794. Vol. 11. P. 81–82.
- ¹⁷ Scheidegger G. Perverses Abendland – barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich, 1993.
- ¹⁸ Послы Средневековья иногда писали рапорты, но по большей части они устно сообщали их в соответствующем собрании. См.: Queller D.E. The Office of the Ambassador in the Middle Ages. Princeton, 1967. P. 103, 142–142. Описание посольских событий после их завершения становится более обычным в XVI в., как это возможно увидеть по знаменитым Венецианским Реляциям. О них см.: Queller D.E. The Development of the Ambassadorial Relazioni // *Renaissance Venice*, ed. J.R. Hale, London, 1973. P. 42–43; *Idem*. The Office of Ambassador. P. 143, 183–188.
- ¹⁹ Таннер (1678). С. 38.
- ²⁰ См.: Stagl J. Das Reisen als Kunst und als Wissenschaft (16. bis 18. Jahrhundert) // Zeitschrift für Ethnologie. 1983. № 108. P. 15–34; *Idem*. Der wohlunterwiesene Passagier, Reisekunst und Gesellschaftsbeschreibung vom 16. bis zum 18. Jahrhundert // Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungs-forschung, ed. B.I. Krasnobaev et al. Berlin, 1980. P. 353–384; *Idem*. Die Apodemik oder 'Reisekunst' als Methodik dere Sozialforschung vom Humanismus bis zur Aufklärung // Statistik und Staatsbeschreibung in der Neuzeit, vornehmlich im 16. und 18. Jahrhundert, ed. M. Rassem and J. Stagl. Paderborn, 1980 (Quellen and Abhandlungen zur Geschichte der Staatsbeschreibung und Statistik. Vol. 1). S. 131–203; *Idem*. The methodizing of Travel in the Sixteenth Century. A Tale of Three Cities // *History and Anthropology*. 1990. № 4. P. 303–338.
- ²¹ Герберштейн (1517–1549). С. 55.
- ²² Ong W.J. Ramus, Method, and the Decay of Dialogue. Cambridge, MA, 1983. P. 225–269.
- ²³ Юзефович доказывает, что рассказы об умывании рук являются чистой выдумкой, см.: Юзефович Л.А. Как в посольском обычае ведется. С. 195–203.
- ²⁴ См.: Perlie M. The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge, 1987.
- ²⁵ См.: Герберштейн (1517–1549). С. 153.
- ²⁶ Флетчер (1591). С. 13.
- ²⁷ La légende de la vie et de la mort de Démétrius, dernier Grand-Duc de Moscovie. Amsterdam, 1606.
- ²⁸ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича / Ред. А.Е. Пеннингтон. Оксфорд, 1980. С. 159–60.
- ²⁹ Герберштейн (1517–1549). С. 113–114.

³⁰ См.: *Рое М.* Muscovite Personnel Records, 1475–1550: New Light on the Early Evolution of Russian Bureaucracy // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1997. № 3. Vol. 45. S. 361–378.

³¹ *Барберини* (1565), № 7, 8 и *Рейтенфельс* (1671). С. 176–178. Возможно, что Рейтенфельс позаимствовал этот факт у Барберини. Однако в связи со значительными различиями между двумя описаниями это представляется маловероятным.

³² *Паэрле* (1608). С. 173–174.

³³ Полное собрание русских летописей. СПб., М., 1841. Т. 14. С. 66.

³⁴ *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 226. О сюжете в целом см.: *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII века. Смута. М., 1988. С. 228–229.

³⁵ *Герберштейн* (1517–1549). С. 112.

³⁶ *The Travels of Macarius Patriarch of Antioch.* Written by his Attendant Archdeacon Paul of Aleppo in Arabic, trans. Francis C Belfour. 2 vols. London. 1829–1836. Vol. 1. P. 304.

Пер. с англ. О.Е. Кошелевой

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ
СЕРЕДИНЫ XVII в.*

Возможно, однако, что автор – столь же хороший историк, сколь и поэт, и главная ценность книги заключается в ее редкости.

Ю.Х. Лиден

Взятое в качестве эпитафии язвительное замечание было сделано известным шведским биографом и библиографом Юханом Хинриком Лиденом (1741-1793)¹ в адрес анонимного автора книги, опубликованной в 1659 г. без указания места издания и под типичным для той эпохи длинным названием: «Unbemannte Gedult, oder Trost-Gedancken, in zustossenden Unglück und Gefängnus: welcher Gestalt sich ein Mensch darinnen verhalten und aufrichten solle; zu nebst Gefängnüs-Seutzern, etlicher geistlicher, umb Erlösung anhaltender Lieder; alles in moskowitzischer langwierigen Verhaftung und erlittenen Elende überwogen und in gebundener Rede gefasset von einen Liebhaber der hochlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft, C. K. V. H.» («Непокоренное терпение, или утешительные размышления в несчастье и заточении: каким образом оказавшемуся в них человеку надлежит держаться и ободрять себя; равно и воздыхания по поводу заточения, некоторые духовные, об избавлении зывающие песни; все обдуманно и облечено в поэтическую форму во время длительного московитского пленения, в период лишения, любителем почтенного “Плодоносного общества”², С. К. V. H.»)³. Мнение Лидена во многом справедливо. Действительно, стихи, вошедшие в названную книгу, не отличаются художественными достоинствами⁴. Не избежал автор и некоторых фактических ошибок – причем именно там, где он претендовал на достоверность. Тем не менее, издание это представляет интерес для историка, и отнюдь не только потому, что книга и в самом деле является библиографической редкостью.

Во-первых, любопытны обстоятельства, приведшие к ее появлению и ярко в ней описанные. Речь идет о поездке в Россию шведского посольства, которое из-за начала русско-шведской войны (1656–1658) было взято под стражу и в итоге оказалось вынуждено провести в Москве более двух лет.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Шведского института (Svenska institutet). Хочу также поблагодарить за помощь и ценные советы своих коллег: А.В. Голубева, М.А. Корзо, О.Е. Кошелеву, И. Майер, К.А. Левинсона и С.П. Орленко.

Этот эпизод весьма характерен с точки зрения истории контактов России со Швецией. Причем важно, что он отразился в различных источниках, сообщения которых мы можем сопоставить со сведениями «Непокоренного терпения». Злоключения шведских послов являются примером специфических трудностей, с которыми могли столкнуться посещавшие Московию путешественники, а посольство, по моему мнению, является именно видом путешествия. По крайней мере, если говорить о западноевропейских посольствах в Россию в XVI-XVII вв.

Во-вторых, интересна литературная сторона дела: как я постараюсь показать, «Непокоренное терпение», точнее говоря, его первая, «историческая», часть, имеет отношение к так называемой путешественной поэзии (англ. *travel poetry*, нем. *Reisedichtung*), т.е. к описанию в стихах реально совершенных автором путешествий, его впечатлений от них и т.п. Рассмотренный в контексте этой традиции, наш текст дает пищу для размышлений над тем, каким причудливым образом в раннее Новое время в рассказах о путешествиях могли сочетаться самые разные, иногда, с нашей точки зрения, просто несовместимые друг с другом, мотивы и тенденции.

Для начала остановимся подробнее на событиях, послуживших поводом к созданию «Непокоренного терпения». Шведское посольство, насчитывавшее в общей сложности около 140 человек, отплыло из Стокгольма 20 июля⁵ 1655 г. Возглавляли миссию член риксрода (государственного совета) Швеции барон Густав Бьельке (1618–1661; именно он был назначен первым послом), член дворянского совета при губернаторе Эстляндии генерал-майор Александр фон Эссен (1594–1664), а также бургграф Нарвы и коммерц-директор Эстляндии и Ингерманландии Филипп Крусиус фон Крузенштерн (или по-шведски Крусеншерна; 1597–1676), выполнявший функции в первую очередь торгового эксперта посольства⁶. Послы должны были подтвердить условия Столбовского мира 1617 г., в связи со вступлением на шведский престол Карла X Густава (1654–1660), убедить русское правительство не заключать перемирие с Польшей (войну с которой только что начала Швеция) и постараться выяснить, возможен ли русско-шведский союз (направленный опять-таки против Польши)⁷.

Уже через три дня Бьельке и фон Эссен со свитой прибыли в Ригу (фон Крузенштерн присоединился к ним только через полтора месяца, 15 сентября, в Нейгаузене, уже по дороге к российской границе). В Риге послы оставались до начала сентября, так как им предписывалось дожидаться, пока шведская армия во главе с Карлом X Густавом достигнет пределов Речи Посполитой, откуда король должен был дать своим дипломатам новые указания⁸. Снова тронулись в путь 7 сентября и пересекли русско-шведскую границу 18 сентября в районе деревни Меузица, принадлежавшей Псково-Печорскому монастырю. Далее путь лежал через Псков (20 сентября), Новгород (1 октября), Валдай (11 октября), Вышний Волочек (14

октября), Торжок (17 октября) и Тверь (19 октября). В Москву посольство торжественно въехало 28 октября⁹.

Алексея Михайловича в тот момент в столице не было – он только в сентябре покинул расположение русской армии под Вильно (шла война с Польшей) и еще не успел вернуться. Поэтому аудиенция и, соответственно, начало переговоров откладывались. Царь прибыл в Москву лишь 10 декабря, причем послы имели возможность наблюдать церемонию встречи самодержца. Довольно быстро шведам стало очевидно, что русские власти не очень им благоволят, во всяком случае, гораздо меньше, чем находившемуся в то же время в Москве имперскому посольству Теодора Лорбах и Аллегретто Аллегретти (придворного священника императора Фердинанда III)¹⁰. Лорбах с Аллегретти побывали на приеме у царя первыми, уже 15 декабря. До шведов же очередь дошла только через четыре дня. И когда начались переговоры (23 декабря), сразу же вспыхнули споры, в частности, по вопросу о признании нового титула Алексея Михайловича – титула, отражавшего территориальные приобретения, которые были сделаны в ходе войны с Речью Посполитой¹¹. Хотя споры на шведско-русских переговорах всегда были обычным делом, в данном случае это оказался дурной знак для шведов, и в последующие месяцы ситуация только осложнялась. 20 марта 1656 г. Г. Бьельке сообщал в Стокгольм о крупных военных приготовлениях в России и отмечал, что русские, по всей видимости, готовятся к войне со Швецией¹².

Похоже, к этому времени в Москве окончательно решили заключить перемирие с Речью Посполитой (гонец Ф. Зыков был отправлен с соответствующим предложением в Польшу в апреле 1656 г.) и открыть боевые действия против Швеции. Причины такого решения по-разному трактуются историками, иностранцы же, бывшие современниками событий (прежде всего шведы), нередко называли виновником произошедшего патриарха Никона¹³. И по-видимому, роль его в развязывании войны с иноверцами под лозунгом защиты православных действительно была велика, хотя важны были и стратегические соображения русского правительства¹⁴.

Шведские послы понимали, что ситуация ухудшается и что над ними сгущаются тучи. Вдобавок ко всему многие из участников посольства начали испытывать нехватку средств – у них не было денег на новую одежду, притом что старая изнасилась за зиму. Раздражение у шведов вызывало также качество еды. Не способствовало повышению их настроения и ограничение свободы передвижения: членов посольской свиты отпускали со двора лишь небольшими группами по 4-5 человек, причем не позволяли перемещаться в санях или каретах, и следили, чтобы шведы не выезжали за пределы города. В марте 1656 г. им вообще запретили покидать подворье и посещать Немецкую слободу (куда они до тех пор периодически наведывались)¹⁵. Это был уже явный признак нерасположения властей. Однако встречи с русскими дипломатами не прекращались.

Немало времени шведы проводили в беседах со своими приставами, которые были для послов важным источником информации о России, ее отношениях с соседями, ее истории и т.д. Любопытно, что в нашем случае эти беседы нередко носили богословский характер. Например, в черновике официального посольского отчета упоминается о споре между переводчиком Юнасом Брандтом и приставом относительно возможности для христианина, бреющего бороду, попасть в рай (21 января 1656 г.). Разговоры на сходные темы имели место и 5 февраля того же года (в тот раз обсуждали почитание икон, к сожалению, подробности не сообщаются), а затем 24 февраля и 20 марта. Продолжались они, кстати, и после взятия шведов под стражу: 17 мая 1656 г. пристав рассказал легенду об апостоле Андрее, принесшем на Русь христианство, а 13 августа 1657 г. поведал об Успении Богородицы¹⁶. В дневнике неизвестного участника посольства тоже есть упоминания об этих диспутах¹⁷. По-видимому, в данном случае важную роль сыграла словоохотливость и заинтересованность самих приставов, прежде всего Якова Ивановича Загряжского¹⁸. Хотя, очевидно, и шведы проявляли не меньший интерес, иначе сведения о беседах на столь серьезные и, казалось бы, отвлеченные темы, конечно, не попали бы на страницы официального отчета.

Радикальные перемены в положении посольства наступили в мае 1656 г. 15 мая Алексей Михайлович покинул Москву во главе войска, направлявшегося на войну со Швецией. В тот же день двор, на котором размещались шведы, был окружен стрельцами, а 18 мая приставы зачитали послам грамоту, в которой подданные Карла X Густава обвинялись в организации беспорядков на границе и нападениях на подданных царя. Тогда же послам объявили об уменьшении их продовольственного снабжения на две трети («корм» несколько увеличили только 15 июня и то лишь до половины изначального объема). 20 мая приставы явились в сопровождении вооруженных стрельцов и отобрали у членов посольства все оружие. Наконец 24 мая шведов перевели на другой двор, в Замоскворечье¹⁹. С этого момента началось их «московитское пленение».

Продолжалось оно до весны 1658 г. Все это время члены посольства испытывали серьезные материальные трудности – нехватку продовольствия, денег и лекарств. Причем все просьбы улучшить снабжение под разными предлогами отклонялись властями. На начало июля 1657 г. четверо или пятеро членов свиты умерли. Шведам пришлось продавать часы и другие ценные вещи, чтобы иметь возможность покупать провизию (кстати, за едой со двора выпускали только по одному и только в сопровождении стрельцов). Послам также не позволяли писать своему королю и перехватывали депеши, которые те пытались отправить втайне от русских. Сами пленники тоже не получали писем, главным источником информации для них по-прежнему оставались представители властей. Так, только от пристава послы узнали, что «московиты» атакуют шведские войска. 16 февраля

1657 г. об успехах русских в Лифляндии сообщил послам посетивший их думный дьяк Алмаз Иванов.

Лишь летом 1657 г. шведам объявили, что они могут отправить Карлу X Густаву послание. К тому моменту русское правительство, не добившись результатов, на которые надеялось, начиная войну, готово было прекратить боевые действия. Гонец, гоф-юнкер Конрад фон Бернер, уехал из Москвы с письмом 25 октября. 11 апреля 1658 г. Алексей Михайлович «пожаловал» шведов – им был послан «стол». Через несколько дней (16 апреля) вернулся с письмом от короля фон Бернер, и 19 апреля Алмаз Иванов провел переговоры с послами. 25 апреля шведам было объявлено, что царь позволит им уехать из Москвы. Через четыре дня их перевели на другой двор – туда, где в свое время размещалось имперское посольство Лорбаха и Аллегретти. Наконец, после того, как были согласованы предварительные условия перемирия, послов отпустили из Москвы (без прощальной аудиенции у царя). Это произошло 29 мая 1658 г.

По мере приближения к границе, шведы все больше опасались, что русские власти все-таки не позволят им покинуть страну. Выехав из Новгорода, послы старались двигаться водным путем, чтобы их было сложнее перехватить. Из Нарвы на границу даже выдвинулся вооруженный отряд для защиты посольства. Поэтому появление нескольких русских караульных, которые по пятам следовали за шведами, сильно напугало последних. Они считали, что едва успели избежать возвращения в неволю. В Нарву послы прибыли 30 июня и только здесь, наконец, почувствовали себя в безопасности. Так завершилась их нелегкая и опасная поездка²⁰. Чуть позже, 20 декабря 1658 г., между Швецией и Россией было заключено Валиесарское перемирие сроком на три года. Оно сохраняло за Россией некоторые территориальные приобретения в Лифляндии. Но окончательно итоги войны были подведены только Кардисским мирным договором 21 июня 1661 г. Он был подписан в другой внешнеполитической ситуации, и по нему России пришлось вернуть все ранее захваченные земли²¹.

Посольство в Москву, похоже, произвело сильное впечатление на его участников. Во всяком случае, те из них, чьи свидетельства до нас дошли, утверждали, что пережили нелегкое испытание. Сохранилась копия составленного Г. Бьельке уже по возвращении, 23 июля 1659 г., списка тех членов посольства, кто, по его мнению, заслужил право на материальную компенсацию за свою службу и все тяготы, которые им пришлось вытерпеть в «плёну» (в документе используется слово «fångellse», буквально – «тюрьма»), продолжавшемся два с половиной года – очевидно, «плёном» считался уже почти весь период пребывания послов в России. Всего в списке 32 имени²².

Нет ничего необычного в том, что описанные события послужили источником поэтического вдохновения для автора «Непокоренного терпения». Как уже отмечалось, книга форматом ин-октаво была опубликована в

1659 г. В нее вошла, во-первых, большая поэма в пяти книгах (собственно, «Непокоренное терпение»), написанная александрийским стихом (она занимает 349 страниц из 416), а во-вторых, 28 отдельных стихотворений, сочиненных по разным поводам и разными размерами (67 страниц). Эти стихотворения представляют собой ламентации по поводу «плена», духовные песни (в частности, на темы Троицы, Рождества, страданий Христа), а также благодарственные песни (по поводу освобождения). Их предполагалось исполнять на популярные для такого рода сочинений мелодии (немецкие и шведские).

Автор книги предпочел скрыть собственное имя за аббревиатурой С. К. V. Н. В свое время ее расшифровал известный историк, пастор московской лютеранской церкви св. Михаила Андреас Вильгельм Фехнер (между прочим, его статья, опубликованная в 1885 г., до сих пор остается единственной специальной работой о «Непокоренном терпении») ²³. Он обратил внимание на то, что в вышеупомянутом списке Бьельке от 23 июля 1659 г., а также в списке всех членов посольства (документ был обнаружен Фехнером в Московском главном архиве Министерства иностранных дел) среди двенадцати гоф-юнкеров числится некий Кристофер Краус (Christoffer, или Christoff Kraus). Только его инициалы идеально подошли для расшифровки аббревиатуры, точнее говоря, ее первой половины. Что касается двух последних букв, то V, по мнению Фехнера, едва ли означает что-нибудь, кроме «von», а Н почти наверняка указывает на название местности. Кроме того, Фехнер обратил внимание на два стихотворения, которые были сочинены поэтом в день его рождения в 1657 и 1658 гг. ²⁴ Благодаря им мы знаем, что автор «Непокоренного терпения» родился 29 мая 1628 г., т.е. в самый день отъезда из негостеприимной России ему исполнилось тридцать лет. Наконец, выражение «моя Лифляндия» ²⁵ наводит на мысль о том, что поэт был выходцем из этой прибалтийской провинции ²⁶.

Шведские библиографы также (по всей видимости, независимо от Фехнера) остановились на кандидатуре Крауса, но пошли немного дальше, предположив, что он был сыном фон Крузенштерна ²⁷. В этом случае «V.Н.» должно означать «von Haggad», поскольку в полном титуле фон Крузенштерна были слова «Herr auf Haggad (Haggud) und Ahagfer». Если попытаться восстановить исходную форму латинизированного имени Ф. Крусиуса (кстати, первым вариантом его дворянского имени было не фон Крузенштерн, а фон Круус), то аббревиатуру можно прочесть следующим образом: Christoff Kruus von Haggad ²⁸. (Здесь следует учитывать, что Kruus может быть просто нижненемецкой формой той же фамилии ²⁹.) С другой стороны, как подчеркивал Леонард Бюгдён, составитель словаря шведских изданий, вышедших анонимно или подписанных псевдонимами (1898–1915), нам ничего не известно о существовании у фон Крузенштерна сына Кристофера ³⁰. Так что гипотеза о родстве Крауса/Крууса с фон Крузенштерном кажется сомнительной. Других кандидатов в авторы «Непоко-

ренного терпения» нет, скорее всего, поэму действительно написал гоф-юнкер Кристофер Краус, хотя мы по-прежнему не можем точно сказать, каково было его полное имя и что означают последние две буквы использованной им аббревиатуры³¹. В дальнейшем, говоря «Краус», я везде буду иметь в виду автора «Непокоренного терпения».

Перейдем к характеристике текста поэмы. «Непокоренное терпение» – это в первую очередь морально-дидактическое произведение, что ясно уже из ее полного названия («...каким образом... надлежит держаться и ободрять себя...»). В предисловии к книге Краус заявляет, что все представляемое им на суд читателей он сочинил в период «плена» для собственного утешения и упражнения в стихосложении. По его словам, вытерпеть лишения ему помогло прежде всего упование на Бога. В конце концов Краус все-таки дождался избавления и решил опубликовать написанное, во-первых, для того, чтобы прославить Господа, а во-вторых, чтобы помочь людям, которые, как и сам автор, попали в трудное положение. При этом он просит не судить его слишком строго (текст пестрит традиционными формулами самоуничижения).

Под конец предисловия Краус упоминает о других своих опусах, которые обещает также издать в недалеком будущем: сочинявшиеся им в «плени» в течение целого года воскресные сонеты на евангельские сюжеты («*Sonntägliche aufs gantze Jahr gerichtete Sonnette*»), размышления о Рождестве и Страстях Христовых («*Weynacht- und Passions-Gedancken*») и ламентации мирского характера («*weltliche Klage- und Trauer-Sachen*»)³². Фехнер полагал, что ни одно из этих произведений так и не было опубликовано³³. Однако вполне возможно, что по меньшей мере некоторые из них вошли в число тех двадцати восьми стихотворений, которые, как упоминалось выше, напечатаны после «Непокоренного терпения». Во всяком случае, тематические параллели налицо, а предисловие могло быть написано до того, как Краус решил опубликовать вместе с поэмой и прочие свои сочинения.

«Нравоучительная линия» проводится со всей последовательностью во второй, третьей, четвертой и пятой книгах «Непокоренного терпения». Автор многократно внушает читателю, что потери и утраты не стоят сожаления, особенно если речь идет о таких псевдоценностях, как богатство, власть и т.п.; что истинный христианин не должен быть слишком сильно привязан к вещам; что необходимо неустанно упражняться в добродетелях, чему жизненные трудности и испытания лишь способствуют; наконец, что следует стремиться не к преходящему, а к вечному, т.е. к Богу, которому христианин уподобляется, претерпевая страдания (как Христос – крестную муку)³⁴.

На этом фоне выделяется первая книга «Непокоренного терпения». На мой взгляд, ее можно рассматривать как отдельное произведение³⁵. Она имеет объективно-повествовательный характер и посвящена в основном

истории посольства. Собственно нравоучений в ней практически нет. Нет и четко сформулированной в последних строках морали, тогда как в остальных четырех книгах соответствующие «ударные» фрагменты даже напечатаны более крупным шрифтом. Наконец, особенностью этой части является наличие прозаических авторских комментариев, оформленных в виде концевых сносок (о них чуть ниже).

В то же время первая книга вполне вписывается в общий замысел поэмы, ведь в ней автор на примере из личного опыта показывает, какие испытания могут выпасть на долю человека. Причем приводимые Краусом подробности путешествия в Россию, а в целом его сведения хорошо согласуются с тем, что нам известно по другим источникам, выступают в тексте прежде всего как свидетельства лишений, которые пришлось перенести членам посольства, а также как доказательства несправедливости действий русских. Поэтому наиболее интересные для современного читателя эпизоды с яркими подробностями, известными только непосредственному участнику событий, связаны с ситуациями, в которых шведские послы предстают людьми чести, вынужденными терпеть оскорбления и издевательства русских, чье поведение противоречит привычным для европейцев нормам.

Так, Краус отмечает, что при пересечении посольством русской границы главе миссии Бьельке «Рутения, дикарка, предложила руку и приняла его неучтиво. Все же здесь ему были оказаны почести – неуклюжего *Buttenwa* (так Краус передает имя русского пристава. – А.Т.) падение научило, как преклонять колени» («...*Da ihm Rutenien, die Wilde, both die Hand / Und nahm ihm gröblich an. Nie must' ihm auch zu Ehren / Der plumpe Buttenwa durch ein Umbfall lehren / Ein Fußfall ihm zu thun*»)³⁶. В комментарии автор поясняет, что встречавший их на мосту пристав ни в какую не желал спешиваться, пока послы не выйдут из кареты. Согласно распространенным тогда в России представлениям, ступить на землю последним было более почетно, и пристав, таким образом, заботился о «повышении» чести своего государя. Данная особенность русского посольского обычая была хорошо известна в Европе, еще С. Герберштейн хвастался тем, как он в такой ситуации обманул пристава: сначала сделал вид, что сходит с коня, а затем неожиданно для русских – уже стоявших на земле – снова забрался в седло³⁷. Преппирательства по поводу порядка спешивания (или выхода из кареты) случались постоянно. Например, посольству Бьельке довелось вновь убедиться в этом уже при въезде в Москву³⁸. Однако редко подобные споры заканчивались столь живописно, как во время пересечения шведским посольством русской границы в районе Меузицы в сентябре 1655 г. Пристав, очевидно, пытавшийся перехитрить шведов и не дать себя обмануть, постоянно привставал в седле, якобы готовясь спешиться. В результате подруга не выдержала и лопнула, а пристав упал с лошади чуть не в воду³⁹. Этот инцидент получил определенную известность в Европе. Например, о нем упоминают Кристиан Кельх в своей «Лифляндской истории» (1695) и чуть

позднее и со ссылкой на Кельха – Иоганн Кристиан Люниг в сочинении по истории церемониала (1719)⁴⁰.

Не может Краус обойтись и без сообщений о перехвате русскими почты послов и об уловках по затягиванию переговоров (к таким уловкам он причисляет и претензии по поводу написания царского титула)⁴¹. Подчеркивая стремление русских ограничить общение членов посольства с проживавшими в Москве иноземцами, он отмечает, что власти не позволили никому из «немцев» (Teutschen) прийти на устроенный шведами 26 января 1656 г. праздник по случаю рождения у Карла X наследника престола⁴². Более того, «москвиты» позволяли себе задерживать и обыскивать гостей послов – например, брата вдовы шведского комиссара Юхана де Родеса, возвращавшегося как-то вечером с посольского двора на торговый (кстати, де Родес скончался в декабре 1655 г., и его тело не разрешили отвезти на родину, чтобы там похоронить; Краус не преминул заметить, что «здесь не щадят даже мертвых, которых не хотят отпустить с русской земли» – «Es mussten auch die Todten / Allhier nicht seyn geschont, die man von Reussen Boden / Nicht eins gestatten wolt'») ⁴³. Некого юношу-шведа, поступившего в услужение к кому-то из членов свиты уже в Москве, вообще увели прочь, и больше никто его не видел⁴⁴.

Краус пишет, как отправлявшиеся на войну со Швецией солдаты, проходя мимо посольского двора, осыпали шведов ругательствами⁴⁵. Он не жалеет красок для описания обстоятельств взятия послов под стражу и сообщает при этом любопытные подробности, вроде оскорбительных выкриков из толпы, когда шведов под конвоем вели по Москве на отведенный им новый двор в Замоскворечье; жалкого вида кляч, предоставленных для переезда троим руководителям миссии (все остальные шли пешком); нежелания московских «немцев» смотреть в глаза членам посольства, бредущим в сопровождении вооруженной охраны по улицам города⁴⁶. Еще деталь: позднее, уже в Замоскворечье, шведам как-то пришлось целый день слушать, как по соседству с ними упражнялись русские барабанщики⁴⁷.

В итоге русские предстают у Крауса хитрыми, спесивыми и грубыми варварами. Автор поэмы неоднократно обвиняет их в вероломстве, что неудивительно, так как посольство было задержано в нарушение гарантий безопасности, предварительно данных царем⁴⁸. В принципе, этот набор отрицательных качеств «москвитов» весьма традиционен как вообще для западноевропейской «россики» XVI-XVII вв., так и в частности для шведской, которая оказала определяющее влияние на Крауса⁴⁹. Едва ли русские могли бы быть описаны им иначе, учитывая обстоятельства его знакомства с ними и пафос «Непокоренного терпения».

Впрочем, главным виновником несчастий, обрушившихся на головы шведских послов, Краус называет «иезуита» Аллегретто Аллегретти⁵⁰. Что, кстати, тоже вполне типично: обвинения в адрес иезуитов были обычны для шведской пропаганды периода Смуты и конца 1620–1630-х гг., когда требо-

валось представить шведского короля как защитника русского православия – «старой греческой религии»; и в 1650-е гг. шведские дипломаты на переговорах с русскими нередко использовали «антииезуитскую», т.е. антикатолическую, риторику, тем более что именно в тот период религиозным факторам в политике Швеции стало придаваться почти то же значение, что и на рубеже 1620–1630-х гг.⁵¹ А из русских больше всего достается от Крауса патриарху Никону, которого автор поэмы называет Каином, трогательно поясняя в комментарии, что Cain – это анаграмма имени Nica[n]. Но Никон при всей его злокозненности выступает прежде всего в качестве орудия в руках Аллегретти⁵².

Значительная часть первой книги «Непокоренного терпения» посвящена прославлению главы посольства, Густава Бьельке. Хотя в предисловии Краус подчеркивает, что не намерен льстить своему начальнику (который, вдобавок, не переносит льстецов) и не желает посвящать книгу какому-нибудь знатному лицу в надежде на материальную выгоду⁵³, обилие славословий в адрес Бьельке заставляет усомниться в искренности автора. Возможно, первый посол был патроном Крауса. Между прочим, в числе достоинств Бьельке (помимо дипломатических талантов, красноречия, постоянной готовности поддержать подчиненных и т.п.) упоминается и его богатый опыт путешествий по Италии, Голландии, Англии, Германским землям и Франции, позволивший всесторонне изучить эти страны: «Что разрушает их могущество, / Благодаря чему они поднимаются вновь, каковы их законы и обычаи, / Их особенности и образ действий – все ему известно, / Это он знает не понаслышке. За многие годы / Он все объехал, увидел и испытал, / Подробно исследовал и изучил» («Was ihre Macht zerresse, / Wodurch sie kom[m]en auff, was ihr Gesetz und Brauch, / Ihr Wesen seyn und Thun, das ist ihm kündig auch, / Das weiß von aussen Er. Er hat in vielen Jahren / Dis alles durch geist, gesehen und erfahren, / Durchsuchet und erlernt»)⁵⁴.

Правда, излагая генеалогию рода Бьельке, Краус ошибочно называет Биргитту Туресдоттер Бьельке женой короля Карла IX (хотя так звали жену Карла Кнутссона, правившего раньше Карла IX более чем на сто лет), а Гуниллу Бьельке – матерью Юхана III, хотя она была супругой последнего; кроме того, он почему-то причисляет к этому же роду святую Биргитту⁵⁵. Причины столь грубых ошибок не ясны, но в любом случае они заставляют согласиться с процитированным в самом начале мнением Лидена и прийти к выводу, что слабость поэтического дарования Крауса, увы, не вполне компенсировалась его аналитическими способностями⁵⁶.

Однако в других случаях Краус достаточно точен. В конце первой книги поэмы он обещает коварным русским, что скоро их достигнет возмездие короля Швеции, и со знанием дела перечисляет несколько эпизодов из истории русско-шведских отношений⁵⁷: неудачную осаду Ревеля русскими войсками во время Ливонской войны; военную помощь, оказанную шведами Василию Шуйскому; судьбу шведского изгнанника, сына свергнутого в

1568 г. Эрика XIV, принца Густава, который приехал в Россию по приглашению Бориса Годунова и умер в 1607 г. в Кашине⁵⁸; наконец – что для Крауса особенно важно – печальную участь возглавлявшегося епископом Павлом Юстеном шведского посольства (1569–1572), члены которого по воле Ивана Грозного были публично унижены, ограблены и сосланы в Муром⁵⁹. Здесь же Краус упоминает ряд сюжетов из истории датско-русских отношений, в частности – посольство Якоба Ульфельдта в Россию в 1578 г.⁶⁰ Этот экскурс служит цели обличения русских. К уже упоминавшимся их порокам здесь еще добавляется привычка к рабской покорности правителям, которые сами никак не считаются с подданными: «Подданный – враг / Власти; она относится к своему народу так же, / Как волк к овцам» («Der Unterthan ist Feind / Der Herrschaft; Sie zugleich mit ihrem Volcke meint, / Wie mit dem Schaff ein Wolff») ⁶¹.

Все приводимые им исторические сведения Краус подкрепляет ссылками на известные сочинения Бальтазара Руссова (Рюссова), Жака-Огюста де Ту, Мартина Бера (Конрада Буссова), Петра Петрея, Якоба Ульфельдта⁶². Причем, по словам автора, он хотел и к остальным книгам поэмы напечатать подобного рода примечания со ссылками на труды, которые «смог вспомнить в неволе» («so viel ich mich in der Hafft erinnern können»), но не сумел сделать этого из-за отсутствия издателя⁶³. Трудно судить о том, насколько правдиво данное утверждение. Вполне возможно, что вторая, третья, четвертая и пятая части поэмы вовсе не были снабжены примечаниями. Сомнительно также, чтобы Краус, делая ссылки, указывал том и соответствующий раздел издания по памяти. Скорее всего, перечисленные выше труды были у него перед глазами. В таком случае интересно, писал он свои комментарии в Москве или уже после возвращения? Хотя последнее исключать нельзя, все-таки, на мой взгляд, мы имеем основания считать, что над примечаниями Краус работал в «плену».

Дело в том, что упоминаний об освобождении посольства и его отъезде на родину в поэме нет (хотя об этом говорится в некоторых стихотворениях, напечатанных сразу за ней). Едва ли такое было бы возможно, если бы текст поэмы не был готов до изменений в судьбе послов. Можно даже попытаться более точно определить время создания «Непокоренного терпения». В самом начале первой книги Краус говорит о трех годах, прошедших с момента отречения от престола королевы Кристины (1654)⁶⁴, далее – о двух годах страданий⁶⁵, а последнее по времени событие, упоминаемое в тексте (в примечании), – это Роскиллский мир между Данией и Швецией (26 февраля 1658 г.). Причем в последнем случае речь идет о реакции русского правительства на предложения датского посла, допущенного в Россию после получения известия о заключении мира⁶⁶. Таким образом, поэма, по всей видимости, писалась в период с осени 1657 по весну 1658 г. Логично предположить, что и комментарии были написаны тогда же. Кстати, ни в них, ни в предисловии нет ни слова о Валиесарском перемирии, что лишний

раз доказывает нежелание Крауса изменять и дополнять текст своего сочинения при подготовке его к печати.

Если же примечания к первой книге были созданы еще в Москве, то упомянутые в них труды скорее всего входили в число «справочников», взятых руководителями миссии в поездку, либо являлись личным имуществом кого-то из послов. А значит, отправляясь в поездку в Московию, шведы готовились к своей миссии не только по документам, но и по рассчитанным на широкого читателя печатным изданиям. Последние, возможно, вызывали не только (а может, и не столько) профессиональный интерес дипломатов, сколько более общий интерес любознательных путешественников. В этой связи стоит отметить сообщение Андреаса Валвика, секретаря другого шведского посольства, побывавшего в Москве в 1662 г. Валвик писал, что он и его спутники в ходе поездки в Россию читали знаменитую книгу Адама Олеария и нашли точными ее сведения о «варварских» обычаях москвитов и их «суевериях»⁶⁷.

Автокомментарии Крауса не только демонстрируют начитанность автора. Они также сообщают о его личных жизненных обстоятельствах, совершенно стирая грань между автором и его героем и подчеркивая, что все, о чем идет речь, имело место в действительности. Другими словами, наличие комментариев доказывает, что историческая достоверность для Крауса ничуть не менее важна, чем «поэтичность». Здесь перед нами встает вопрос о жанровой специфике «Непокоренного терпения» (точнее, первой книги поэмы). Не чувствуя себя вполне уверенно на профессиональном литературоведческом поле, я все же рискну высказать несколько соображений на этот счет, поскольку, как мне кажется, в противном случае характеристика рассматриваемого сочинения окажется неполной и некоторые принципиально важные моменты будут упущены.

Первая жанровая параллель, которая приходит на ум при знакомстве с текстом «Непокоренного терпения», – это ламентация. Ведь автор постоянно сокрушается по поводу тягот «московитского плена», пишет об ужасе и отчаянии, которые то и дело охватывали членов посольства («...не было никого, / Кто тогда не приготовился бы к смерти» – «...Es war auch Niemand nicht, / Der seinen Sinn alßdann zum sterben nicht gericht»⁶⁸), обращается к Богу («Даруй нам / Терпение в этой неволе и позволь обрести утешение / Вопреки всем бедам...» – «Ertheil auch unsern Sinnen / In dieser Hafft Gedult, und laß uns Trost gewinnen / Entgegen alle Noth...»⁶⁹). Среди стихов, напечатанных после поэмы, тоже есть вполне типичные ламентации – например, упоминавшиеся выше стихотворения по случаю дня рождения автора в 1657 и 1658 гг. Кроме того, существует несколько текстов, очень похожих на «Непокоренное терпение» по обстоятельствам возникновения и по характеру, причем уже в заголовках этих произведений содержится указание на их принадлежность к жанру ламентации.

Одно из этих сочинений имеет самое прямое отношение к посольству Бьельке. Речь идет о поэме торгового эксперта миссии Филиппа фон Крузенштерна «*Hertzenss-Seufzen über des Vaterlandes und unsern in der grossen Zaarischen Stadt Moscow über Jahresfrist angehaltenen, hochbetrübtten Zustandt*» («Сердечные вздохи о печальнейшем положении Отечества и нас, удерживаемых больше года в великом царском городе Москве»). Иногда этот текст упоминается под латинским названием «*Suspiria captivitatis moscoviticae*». Он датирован 27 марта 1657 г. В свое время его опубликовал Вениамин (Бенджамин) Кордт⁷⁰. Поэма начинается с восхваления Лифляндии как прекрасной, процветающей страны, которая, однако, подверглась жестокому нападению и разграблению (естественно, подразумевается начало русско-шведской войны). Автор переживает за свою родину⁷¹, и, сидя в плену, вспоминает, как он попал в неволю, несмотря на то, что был отправлен в Москву с самыми мирными целями. Вину за случившееся с посольством фон Крузенштерн, как и Краус, возлагает на Аллегретти, но все же в итоге и бедствия в Лифляндии, и страдания шведских посланцев оказываются симптомом всеобщего упадка благочестия. Сразу за собственно поэмой (будучи, по сути, ее прямым продолжением) следуют 15 четверостиший, представляющих собой парафразы на некоторые стихи из 14 и 15 глав Книги пророка Иеремии. Сходство очевидно. Настолько, что Фехнер даже был готов считать истинным автором «Сердечных вздохов» Крауса. Однако Кордт доказал, что это невозможно, так как в не известной Фехнеру полной версии поэмы четко указывается возраст поэта – 60 лет, а как раз столько было фон Крузенштерну в 1657 г.⁷²

Можно здесь вспомнить и акrostих одного из авторов известной хроники о событиях Смутного времени – пастора Мартина Бера. В этом небольшом стихотворении (1610), написанном по-немецки, но озаглавленном по-латыни «*Lamentatio*», пастор взывает к Богу с просьбой о защите от смертельной угрозы, которая из-за гнева Лжедмитрия II нависла над оказавшимися в г. Козельске немцами (в хронике подробно рассказывается, как они были спасены благодаря действиям пастора)⁷³.

Но больше всего сходства с «Непокоренным терпением» имеет поэма секретаря упоминавшегося выше многострадального посольства П. Юстена – Маттиаса Шуберта⁷⁴. (Хотя о судьбе П. Юстена и его товарищей Краус знал, сочинение Шуберта ему, судя по всему, не было известно.) Публикаторы этого текста, повествующего о злоключениях шведов в негостеприимной России, определили его как «жалобную песню» (*klagodikt*), т.е., собственно, ламентацию. Однако на первой странице рукописи (она сохранилась в Государственном архиве Швеции) поэма названа «реляцией». И действительно, Шуберт главным образом передает внешнюю канву событий, а жалуется на горькую судьбу не так уж много. Эпическое начало у него явно преобладает над лирическим.

У Крауса «жалобы» занимают, конечно, больше места. Однако, на мой взгляд, «Непокоренное терпение» имеет смысл сопоставить не только с ламентацией – жанром, все же в первую очередь предполагающим обращение к внутренним переживаниям человека, апеллирующим к эмоциям. Как минимум, столь же сильно выражено у Крауса стремление к объективности, к достоверному и точному рассказу о случившемся. Причем оно проявляется отнюдь не только в наличии комментариев, но и в основном тексте, о чем свидетельствуют приведенные выше фрагменты поэмы. (Замечу в скобках, что «Непокоренное терпение» вообще представляет собой смешение различных жанров, скажем, фрагмент, посвященный Густаву Бьельке, вероятно, правильнее всего определить как панегирик. Впрочем, такая «многослойность» – скорее, норма для эпохи жанрового синкретизма.)

Как мне кажется, в данном случае уместна параллель с произведениями «путешественной поэзии», т.е. с поэтическими рассказами о совершенных путешествиях, своих впечатлениях от них и т.п. Этот жанр, истоки которого лежат в античности, получил широкое распространение в Европе в XVI–XVII вв. Обычно такие стихотворные сочинения – как на латыни, так и на народных языках – называли *hodoeporica* (от греч. *hodoiporein*, «путешествовать»), хотя само слово применялось и для обозначения прозаических записок о путешествиях (примером является вышеупомянутая книга датского посла Я. Ульфельдта)⁷⁵.

Немецкий литературовед Герман Виганд делит *Hodoeporica* на «элегические», выражающие преимущественно субъективные переживания поэта, и «эпическо-дескриптивные», авторы которых стремятся представить объективную информацию⁷⁶. Примеры элегических *hodoeporica* можно обнаружить, например, в творчестве путешественников, посещавших в XVI–XVII вв. Россию. Это послания-памфлеты Джорджа Турбервилля (1540?–1610?), секретаря английского посольства во главе с Томасом Рандольфом (1568–1569)⁷⁷, и, разумеется, знаменитые сонеты ярчайшего представителя немецкого барокко Пауля Флеминга (1609–1640), участника посольства Олеария (1630-е гг.)⁷⁸.

А вот «Непокоренное терпение» (опять уточню: первую его книгу) – и, между прочим, поэму Шуберта – правомерно, на мой взгляд, поставить в один ряд с «эпическо-дескриптивными» *hodoeporica*, в которых информационная функция важнее эстетической. Современному читателю, вероятно, кажется по меньшей мере странным такое сочетание поэтической формы и «сухого» содержания. Однако здесь стоит отметить, что в рассматриваемую эпоху были возможны настоящие посольские реляции в стихах. Так, секретарь посольства Льва Сапеги в Москву (1600–1601) Элиаш Пельгржимовски на основе ведшегося им во время поездки прозаического дневника составил поэтическую его версию. Причем он включил непосредственно в стихотворный текст подлинные документы (в прозе). Как подчеркивает польский литературовед Роман Кшивы, Пельгржимовски не ставил перед собой «вы-

соких» художественных целей, для него язык поэзии был всего лишь эффективным средством передачи важной информации⁷⁹.

Краус, однако, не был лишен творческих амбиций, так что его сочинение никак нельзя назвать посольской реляцией (кстати, как и поэму Шуберта). Но, вообще говоря, «Непокоренное терпение» – это текст, который пытается быть хотя бы отчасти также и реляцией, а кроме того и ламентацией, и панегириком, и наконец (вспомним ссылки на «хроники» и «истории»), историческим трактатом... Такое стремление к всеохватности (что нами зачастую воспринимается как недопустимое или странное смешение различных жанров) – типично барочная черта. По словам А.В. Михайлова, «поэты эпохи барокко создают, в сущности, не стихотворения, поэмы, романы, – так, как писатели и поэты XIX в., – но они по существу создают *все то*, что так или иначе *войдет* в состав свода – такого, который будет в состоянии презентировать мир в его полноте...»⁸⁰.

Именно благодаря данному обстоятельству мы в принципе можем рассматривать сочинения вроде поэмы Крауса как источники фактических сведений. Но для того, чтобы грамотно интерпретировать сведения, извлекаемые из подобного рода поэтических текстов, необходимо также представлять себе место последних в литературной традиции. Это особенно важно, когда речь идет о барочном тексте, ведь, как заметил тот же А.В. Михайлов, «проблемы поэзии и проблемы науки были в ту эпоху не просто близкородственными, но и тождественными – в той мере, в какой они постигаются морально-риторически»⁸¹. И «Непокоренное терпение», по-моему, является характерным примером такой взаимосвязи.

¹ Он прославился, в частности, как создатель первой «Истории шведской литературы» и составитель списка диссертаций, защищенных в Швеции. См. о нем: *Lindholm L. Lidén, Johan Hinric // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1977–1979. B. 22. Königsmarck–Lilja. S. 689–694.* Лиден цит. по изд.: *Bygdén L. Svenskt anonym- och pseudonymlexikon: Bibliografisk förteckning öfver uppdagade anonyma och pseudonymer i den svenska litteraturen: Faksimilutgåva av originalupplagan med rättelser och tillägg samt person- och pseudonymregister. Stockholm, 1974. B. 2. L–Ö. Med supplement. Sp. 690.*

² «Плодоносным обществом» называлось немецкое учено-литературное объединение, созданное в 1617 г. в Веймаре по образцу итальянской Академии делла Круска. Общество ставило своей целью унификацию немецкого языка и его очищение от заимствований, диалектизмов и т.п.

³ *Unbemannte Gedult / Oder Trost-Gedancken / In zustossenden Unglück und Gefängnis: Welcher Gestalt sich ein Mensch darinnen verhalten und aufrichten solle / Zu nebst Gefängnis-Seufftern / Etlcher geistlicher / Umb Erlösung anhaltender Lieder / Alles in Moskowitischer langwierigen Verhaftung / und erlittenen Elende überwogen und in gebundener Rede gefasset Von einen Liebhaber der hochlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft / C. K. V. H. S. I., 1659.* (Я пользовался экземпляром из Королевской библиотеки в Стокгольме.) Здесь необходимо отметить, что высказанное мной ранее предположение, согласно которому «unbemannte Gedult» в данном контексте

может означать «смирненное терпение» (Толстиков А.В. Смирненное терпение Кристофа Крууса: шведы в «московитском плену» в 1656–1658 гг. // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции: (г. Архангельск, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 9–12 сентября 2008 года). М.: Архангельск, 2008. Ч. 1. С. 114), по всей видимости, является ошибочным. Об авторе, скрывшемся за аббревиатурой С. К. V. H., см. ниже.

⁴ Один из современных литературоведов, упоминая об этом сочинении (что, кстати, само по себе большая редкость), называет его «довольно беспомощным» (Wilpert G. von. Deutschbaltische Literaturgeschichte. München, 2005. S. 93).

⁵ Здесь и далее все даты по старому стилю (Швеция до конца XVII в. продолжала жить по юлианскому календарю, а окончательно перешла на григорианский календарь лишь в 1753 г.).

⁶ См. о них: Wittrock G. Bielke, Gustaf // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1924. B. 4. Berndes-Block. S. 231–233; Hildebrand B. von Essen, A. // Ibid. 1953. B. 14. Envalsson – Fahibeck. S. 569–571; Soom A. von Krusenstiern, Philip // Ibid. 1975–1977. B. 21. Katarina – Königsmarck. S. 628–631. О фон Крузенштерне см. также: Krusenstiern B. von. Philip Crusius von Krusenstiern (1597–1676): Sein Wirken in Livland als Rußlandkenner, Diplomat und Landespolitiker. Marburg an der Lahn, 1976; Dahlgren S. Philip Crusius von Krusenstiern in the Swedish embassy to Russia 1655–1658 // Die baltischen Länder und der Norden: Festschrift für Helmut Piirimäe / Hg. von M. Laur und E. Küng in Verbindung mit S.Ö. Ohlsson. Tartu, 2005. P. 172–193.

⁷ О политической ситуации в середине 1650-х гг. в связи с русско-шведскими отношениями см.: Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // Журнал министерства народного просвещения. 1898. N 2. С. 228–277; N 4. С. 321–354; N 5. С. 48–80; Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998; Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Huddinge, 2006 (<http://www.diva-portal.org/su/abstract.xsql?dbid=973>). См. также новейшую публикацию материалов РФАДА и шведского Государственного архива, подготовленную Е.И. Кобзаревой и С. Дальгреном: Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 9–136.

⁸ См. секретный королевский мемориал руководителям посольства от 3 июля 1655 г.: Там же. С. 58 (оригинал), 60 (рус. пер.).

⁹ См. итинерарий посольства: Дневник Андерса Траны. 1655–1656 / Пер. со шв. А.М. Галиновой; сост., предисл., ком. Г.М. Коваленко. Великий Новгород, 2007. С. 123. Это издание содержит оригинальный текст и русский перевод (который, к сожалению, оставляет желать лучшего) дневника одного из двенадцати драбантов посольства – Андерса Траны (1621–?). Стоит подчеркнуть, что многие фрагменты дневника Траны являются на деле переводом соответствующих мест из знаменитого труда Адама Олеария, посетившего Россию в составе голштинских посольств в 1630-х гг., а затем в 1643 г. По-видимому, Трана был автором шведского перевода Олеария (см. подробнее: Tarkiainen K. Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestää

naapurista livana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki, 1986. S. 135–158). Кроме текста Траны в указанном издании приводятся также отрывки из дневника другого, неизвестного участника посольства Г. Бьельке. Это перепечатка (в которой, к сожалению, опущены предисловие и комментарии) публикации начала XX в.: Отрывки из шведского дневника времен царя Алексея Михайловича / Пер. и публ. В. Семенова // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1912. Кн. I. Отд. III. С. 3–28 (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Skandinav/Sweden/Dnevnik_posolstva_1655/text.phtml?id=2509).

¹⁰ См. материалы этого посольства, члены которого позднее, уже в 1656 г., приняли участие в переговорах между представителями России и Речи Посполитой в Вильно: Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. С. 234–236, 239–252, 255–263 (публ. И. Шварц и К. Аугустиновича).

¹¹ См. датированное 10 января 1656 г. письмо послов членам риксрода в Стокгольме: Там же. С. 74–77.

¹² Там же. С. 120–123.

¹³ См., например: *Майерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом / Пер. А.Н. Шемякина. М., 1874. С. 171 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Meierberg2/pred.phtml?id=845>) (по словам Майерберга, «Никон очень уж много давал воли своему жадному до новизны уму, почему и впутал своим опрометчивым советом в Шведскую войну Московию, уже замешанную, по его же настоянию, в Польскую»); Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. С. 128, 129 (письмо Г. Бьельке от 9 июля 1657 г.: «...все хотят мира, но никто не смеет стоять против патриарха»). См. также: *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 170–171.

¹⁴ Кроме указанных в прим. 7 работ об отношениях России, Швеции и Речи Посполитой друг с другом в 1650-е гг. см. также о русско-шведской войне 1656–1658 гг.: *Carlson M.* Ryska kriget 1656–1658. Stockholm, 1903; *Fagerlund R.* Kriget i österns provinserna 1655–1661: Operationer och krigsansträngningar på en bikrigsskådeplats under Carl X Gustafs krig. Stockholm, 1979. S. 83–135 (Carl X Gustafstudier. B. 7. Kriget på östfronten. D. 1); *Lappalainen J.T.* Finland och Carl X Gustafs ryska krig: Försvaret av den östra rikshalvan 1656–1658. Stockholm, 1979 (Carl X Gustafstudier. B. 7. Kriget på östfronten. D. 2); *Коваленко Г.М.* Кандидат на престол: Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX веков. СПб., 1999. С. 91–99; *Малов А.В.* Русско-шведская война 1656–1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие: Доклады и сообщения участников международной научной конференции, приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки «Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке» 15–17 мая 2001 г. М., 2002. С. 126–149; *Курбатов О.А.* Русско-шведская война 1656–1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Там же. С. 150–166; *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. 2-е изд., исправл. М., 2006. С. 294–315. О патриархе Никоне как вероятном инициаторе войны см.: *Лобачев С.В.* Указ. соч. С. 168–173.

¹⁵ Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. С. 120–121 (письмо Г. Бьельке от 20 марта 1656 г.). Об ограничениях свободы передвижения иностранных послов в России см.: Юзефович Л.А. Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. С. 95–108.

¹⁶ См.: Riksarkivet. Stockholm (Государственный архив Швеции, далее – RA). *Muscovitica*. Vol. 46 (пагинация отсутствует).

¹⁷ Отрывки из шведского дневника времен царя Алексея Михайловича. С. 13 (рассказ о чудотворце Антонии Римлянине, по легенде, приплывшем в Новгород на камне), 28 (спор Ю. Брандта и пристава о бритье бород).

¹⁸ См. подробнее: *Scheidegger G. Das Weltbild des Jakob Zagražskij: Streiflichter aus einer schwedischen Quelle (1656–1658)* // “Primi sobran’ e pestrykh glav”: Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag / Hg. von C. Goehrke et. al. Bern, 1989. S. 685–702; *Eadem. Perverses Abendland – barbarisches Russland: Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse*. Zürich, 1993. S. 125, 206, 244 и др.

¹⁹ См. письмо Г. Бьельке от 10 июля 1656 г. с изложением обстоятельств взятия посольства под стражу: Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. С. 123–126. См. также: Дневник Андерса Траны. С. 74–79. Г.В. Форстен отмечает, что послов перевели на двор полковника Берендта Рильсека (*Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 265).

²⁰ О тяготах «московитского плена» и возвращении посольства домой см.: *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. М., 1991. Кн. VI. История России с древнейших времен. Тома 11–12. С. 59–61; Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. С. 126–132 (письма Г. Бьельке от 9 и 31 июля 1657 г.); *Форстен Г.В.* Указ. соч. N 2. С. 231–277; *Krusentierm B. von.* Op. cit. S. 63–67; *Dahlgren S.* Op. cit. P. 182–193.

²¹ *Nordwall J.E. Svensk-ryska underhandlingar före freden i Kardis (1658–61)*. Uppsala, 1890; *Кобзарева Е.И.* Указ. соч. С. 191–229.

²² Правда, судя по обращению нескольких из упомянутых в этом списке лиц, они все еще не получили обещанной компенсации, по крайней мере, в начале 1660-х гг. (недатированное письмо на имя короля написано уже после смерти Бьельке, последовавшей в 1661 г.): RA. *Muscovitica*. Vol. 49 (пагинация отсутствует; копия списка Бьельке приложена к этому письму).

²³ *Fechner A.W. Ein neuentdeckter livländischer Dichterling* // *Baltische Monatschrift*. Riga, 1885. B. 32. S. 427–437. В статье также опубликованы некоторые фрагменты из первой книги поэмы.

²⁴ *Unbemannte Gedult*. S. 366, 411.

²⁵ *Ibid.* S. 82.

²⁶ *Fechner A.W.* Op. cit. S. 434–435. Ср., однако, отношение фон Крузенштерна к Лифляндии как к родине, хотя сам он родился в Германии (см. ниже прим. 71).

²⁷ *Bygdén L.* Op. cit. Sp. 690. Автор ссылается на рукописные пометы на экземпляре «Непокоренного терпения» из Королевской библиотеки в Стокгольме.

²⁸ Так автор «Непокоренного терпения» именуется в шведской национальной библиографической базе данных: <http://libris.kb.se/bib2516529?vw=full>.

²⁹ Так, прилагательное «kraus» (кудрявый, курчавый, завитой) в нижненемецком превращается в «kruus»: *Adelung J.Ch.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart. Leipzig, 1796. B. 2. S. 1758 (<http://www.zeno.org/Adelung-1793>).

³⁰ *Bygdén L.* Op. cit. Sp. 690.

³¹ Здесь я должен исправить еще одну свою ошибку – неоправданное отождествление Крауса с Кристофером Краузе, шведским дипломатом, принимавшим участие в Валиесарских переговорах с русскими представителями в 1658 г.: *Толстиков А.В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции (первая половина XVII в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 81, 83. Известно, что в конце ноября – начале декабря 1656 г., когда Краус находился в Москве, Краузе по поручению лифляндского генерал-губернатора Магнуса Делагарди вел в Курляндии переговоры с А.Л. Ординым-Нащокиным (см.: *Кобзарева Е.И.* Указ. соч. С. 140). Очевидно, речь идет о двух разных людях.

³² *Unbemannte Gedult.* Vorrede (пагинация отсутствует).

³³ *Fechner A.W.* Op. cit. S. 435.

³⁴ *Unbemannte Gedult.* S. 97–349.

³⁵ В дальнейшем, говоря о «Непокоренном терпении», я буду иметь в виду прежде всего первую книгу поэмы.

³⁶ *Unbemannte Gedult.* S. 9.

³⁷ См.: *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 90.

³⁸ *Unbemannte Gedult.* S. 10.

³⁹ *Ibid.* S. 87.

⁴⁰ *Kelch Ch.* Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denkwürdigsten Kriegs- und Friedens-Geschichte Esth- Lief- und Lettlandes... Reval, 1695. S. 569 (<http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=47850&dirids=1&tab=1>); *Lünig J.Ch.* Theatrum Ceremoniale Historico-Politicum, Oder Historisch- und Politischer Schau-Platz Aller Ceremonien, Welche bey Päbst- und Käyser-, auch Königlichen Wahlen und Crönungen... Ingleichen bey Grosser Herren und dero Gesandten Einholungen... beobachtet werden. Leipzig, 1719. B. I. S. 646 (<http://digit.ub.uniheidelberg.de/digit/drwLuenig1719>). С. Дальгрэн, отмечая, что эпизод с падением пристава вошел в книгу Люнига, ошибочно полагает, что речь идет о встрече послов на въезде в Москву (*Dahlgren S.* Op. cit. P. 179).

⁴¹ *Unbemannte Gedult.* S. 11, 16, 17.

⁴² *Ibid.* S. 18, 88.

⁴³ *Ibid.* S. 21, 22, 89.

⁴⁴ *Ibid.* S. 22, 89.

⁴⁵ *Ibid.* S. 20–21.

⁴⁶ *Ibid.* S. 23–32.

⁴⁷ *Ibid.* S. 42.

⁴⁸ *Ibid.* Vorrede, s. 79, 94.

⁴⁹ См.: *Tarkiainen K.* De ryska «nationalegenskaperna» enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet // *Historiska och litteraturhistoriska studier.* Helsingfors, 1973. B. 48. S. 18–61; *Коваленко Г.М.* Указ. соч. С. 165–177.

⁵⁰ *Unbemannte Gedult.* S. 13–15, 19.

- ⁵¹ См. подробнее: Толстиков А.В. Русское православие в шведской внешнеполитической риторике и пропаганде в первой половине XVII в. // Всемирная история. Сборник статей молодых ученых. М., 2002. С. 62–83.
- ⁵² *Unbemannte Gedult*. S. 14–15, 88.
- ⁵³ *Ibid.* Vorrede.
- ⁵⁴ *Ibid.* S. 62.
- ⁵⁵ *Ibid.* S. 91.
- ⁵⁶ Между прочим, известный шведский историк и библиограф Карл Густав Вармхольц (1710–1784), которому было известно о существовании «Непокоренного терпения», считал упомянутые ошибки доказательством нешведского происхождения анонимного автора: *Warmholtz C.G. Bibliotheca historica sueo-gothica; eller förteckning uppå så väl tryckte, som handskrifne böcker, tractater och skrifter, hvilka handla om svenska historien, eller därutinnan kunna gifva ljus; med critiska och historiska anmärkningar*. Uppsala, 1817. D. 14. S. 92 (http://books.google.com/books?id=s-0tAAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_summary_r&cad=0).
- ⁵⁷ *Unbemannte Gedult*. S. 76–85, 94–96.
- ⁵⁸ О похожей на приключенческий роман жизни принца Густава см.: *Biaudet H. Gustaf Eriksson Vasa prince de Suède: Une énigme historique du 16e siècle*. Genève, 1913; *Arnell S. Karin Månsdotter: Tolv kapitel om en drottning och hennes tid*. Stockholm, 1951. S. 76–77, 86–87, 130–131, 156–168, 175–179; *Boras Z. Gustaw Eryksson Waza i jego żywot tułaczcy*. Poznań, 1985; *Богданов А.П.* Свидетельства об авторе и героях книги // *Вельтман Е.И.* Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой. М., 1992. С. 21–55; *Коваленко Г.М.* Указ. соч. С. 41–46.
- ⁵⁹ *Юстен П.* Посольство в Московию, 1569–1572 гг. / Пер. с фин. Л.Э. Николаева. СПб., 2000.
- ⁶⁰ *Ульффельдт Я.* Путешествие в Россию / Отв. ред. Дж. Линд, А.Л. Хорошкевич; пер. Л.Н. Годовиковой; ред. пер. В.В. Рыбаков. М., 2002.
- ⁶¹ *Unbemannte Gedult*. S. 83–84.
- ⁶² См.: *Thou J.A., de. lac. Aug. Thuani Historiarum sui temporis*. P., 1604. Pars I; 1606. Pars II; 1607. Pars III; 1608. Pars IV; *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II. С. 159–352 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Russow/titel.phtml?id=1283>); *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.;Л., 1961 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Bussow/pred.phtml?id=210>); *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 153–472 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Petrej2/vved.phtml?id=1090>).
- ⁶³ *Unbemannte Gedult*. Vorrede.
- ⁶⁴ *Ibid.* S. 5–6.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 35.
- ⁶⁶ *Ibid.* S. 96.
- ⁶⁷ *Tarkiainen K.* Se vanha vainooja. S. 157.
- ⁶⁸ *Unbemannte Gedult*. S. 24.
- ⁶⁹ *Ibid.* S. 86.
- ⁷⁰ *Cordt B.* Philipp Crusius von Krusenstiern. Ein rehabilitirter baltischer Dichter. Dorpat, 1887; *Dahlgren S.* Op. cit. P. 189–191. Небольшой отрывок из поэмы фон Крузенштерна был еще в начале XVIII в. включен Кельхом в продолжение его «Лиф-

ляндской истории», которое, однако, было издано лишь в XIX в. (Cordt В. Op. cit. S. 4).

⁷¹ Любопытно, что, как подчеркивает С. Дальгрэн (*Dahlgren S.* Op. cit. P. 189), фон Крузенштерн, родившийся в Германии (в Айслебене) и служивший голштинскому герцогу, а затем шведскому королю, называет своей родиной именно Лифляндию (с 1639 г. фон Крузенштерн жил в Ревеле).

⁷² *Fechner A.W.* Op. cit. S. 436–437; *Cordt В.* Op. cit. S. 2–11.

⁷³ С. Bussovii Chronicon // *Rerum rossicarum scriptores exterii.* Сказания иностранных писателей о России. СПб., 1851. Т. 1. С. 105–110, 135–136 (собственно ламентация, текст которой в русском переводе отсутствует) (<http://books.google.com/books?id=BBc8AAAAAAAJ&printsec=frontcover&hl=ru>); *Буссов К.* Указ. соч. С. 169–174.

⁷⁴ *Klagodikt över en svensk beskiknings lidanden i Ryssland under åren 1569–1572 // Historisk tidskrift.* 1888. N 1. S. 79–89. Интересно, что к сочинению приложен список имущества, которое было отнято у Шуберта. Перепечатку оригинального текста (включая список имущества) и выполненный Л.М. Николаевой русский перевод (к сожалению, с некоторыми лакунами) см. в изд.: *Юстен П.* Указ. соч. С. 186–207.

⁷⁵ См. об этом жанре: *Wiegand H.* Hodoeporica: Zur neulateinischen Reisedichtung des sechzehnten Jahrhunderts // *Der Reisebericht: Die Entwicklung einer Gattung in der deutschen Literatur / Hg. von P.J. Brenner.* Frankfurt am Main, 1989. S. 117–139 (книга того же автора осталась мне, к сожалению, недоступной: *Idem.* Hodoeporica. Studien zur neulateinischen Reisedichtung des deutschen Kulturraumes im 16. Jahrhundert: Mit einer Bio-Bibliographie der Autoren und Drucke. Baden-Baden, 1984); *Krzywy R.* Od hodoeporikonu do eposu peregrynackiego: Studium z historii form literackich. Warszawa, 2001.

⁷⁶ *Wiegand H.* Hodoeporica: Zur neulateinischen Reisedichtung... S. 120.

⁷⁷ См. публикацию подстрочного перевода А.А. Севастьяновой и поэтического переложения В.Н. Козлякова в изд.: *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 245–275.

⁷⁸ О Флеминге см.: *Алексеев М.П.* Немецкий поэт в Новгороде XVII века // *Известия АН СССР.* VII серия. Отделение общественных наук. М.:Л., 1935. № 6. С. 539–572; *Он же.* Пауль Флеминг в Москве и на Волге // *Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты.* СПб., 2001. С. 29–58 (первая публикация статьи, написанной в 1927–1930 гг.); *Володарский В.М.* Пауль Флеминг – первый немецкий автор сонетов о Московии // *Россия и Германия.* М., 2007. Вып. 4. С. 9–21.

⁷⁹ *Krzywy R.* Op. cit. S. 194–201. Сохранившийся не полностью текст прозаического дневника посольства был опубликован по-русски в переводе И. Шпилевского: *Пель-гржимовский-Пелеш И.* Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году / *Журнал министерства народного просвещения.* 1850. Ч. LXVIII. Отд. II. С. 91–122 (<http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Peles/text.phtml?id=1078>).

⁸⁰ *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // *Он же.* Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. М., 1997. С. 120–121.

⁸¹ Там же. С. 126–127.

И.П. Глушкова

ДВИЖЕНИЕ ПО ИНДИИ: ПАЛОМНИЧЕСТВА ЭПИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Войны и торговля, подразумевающие перемещение как способ осуществления поставленной задачи, всегда выходили на первый план истории, хотя человечество обнаруживало и иные поводы к мобильности. Если отказаться от стереотипных представлений об исключительно религиозно-ритуальном характере паломничества и не воспринимать его на метафорическом уровне, то оно окажется очевидной формой путешествия в его самом общем виде, т.е. удалением от собственного домена с последующим возвращением, или циркуляцией. Подобно тому, как существующий в разные времена в разных обличьях обмен дарами представляет основу взаимоотношений в социуме¹, циркуляция является наиболее постоянной функцией человеческого сообщества, как раз создаваемого путем «перекрестного соединения циркулирующих потоков»². Эти «потоки» состоят из людей, которые несут с собой предметы и идеи и встречают других людей с другими предметами и идеями. Когда вектор движения нацелен на священный объект, то общественное мнение воспринимает его как паломничество, *pilgrimage*, *peregrination*, *pèlerinage*, *Pilgerfahrt*, *Wallfahrt* и т.д., хотя объяснить специфику именно этого феномена, ускользающего от непротиворечивого определения даже в русле современных *pilgrimage studies u peregrinology*, пока не удастся. Одновременно именно паломничество совершенно естественно соединяется с войнами и торговлей³ и, совершаемое в реальности, а не в воображении, демонстрирует целый спектр внерелигиозных, светских характеристик.

Общеиндийским аналогом перечисленных выше лексем является *тиртха-ятра*. Санскритское слово «тиртха» означает «брод» и «место возле воды», облюбованное аскетом или подвижником: исходящая от последнего духовная сила превращала *тиртху* в святыню. Святыня влекла к себе верующих и служителей культа – брахманы-жрецы укрепляли ее славу как земного приюта богов, а отправленные здесь, в приближении к небожителям, ритуалы⁴ объявляли особенно эффективными. Чем успешнее работала пропагандистская машина жрецов и брахманов-законодателей, тем больше клиентов посещало *тиртхи*, т.е. совершало *ятру*, и тем прочнее становилось экономическое положение ритуальных специалистов. Слово «ятра» этимологически связано с идеей движения, а образцовая *тиртха-ятра* изначально провозглашалась как «оптовое» мероприятие — и по количеству ритуалов, и по количеству посещенных *тиртх*. Тем самым *ятра*

не только вела к той или иной *тиртхе*, но соединяла их, становясь тем самым «перемещением/кружением по святым местам», или мета-паломничеством⁵ в его индийском, вернее, индусском, варианте. Однако та же лексема «ятра» означала и «военный марш», который мог быть нацелен как раз на святые места, вследствие чего его участники считали себя паломниками.

Движение привычно считают предметом изучения в механике и физике, а также философско-социальной категорией. В качестве последней оно подразумевает кроме постулата о существовании материи, манифестацию определенных идеологий и намеренные усилия по их претворению. Однако движение существует и как биологическая функция человеческих организмов, и поскольку человек представляет собой не только биологический вид, но и историко-культурный продукт, его осмысленное движение, в особенности в составе коллектива, способно превращаться из «инструментального» в «экспрессивное» и «коммуникативное»⁶ и тем самым наполнять эпохи особым историческим значением.

Как ни парадоксально, но преобладающее число трудов, связанных с различными видами паломничества вообще и *тиртха-ятрой* в частности, фокусируются на священных целях и задачах, а также на святом месте, ритуальных специалистах и обрядности при небрежении к фактору движения. Даже если книга носит название «Священное путешествие. Антропология паломничества»⁷, период собственно транзита оказывается упущенным. Буквально в последние годы идея движения стала настойчиво торить себе дорогу в качестве особого — динамического — аспекта исторического реконструирования и позиционироваться как смысловозначительный признак именно паломнической практики, отличающей ее от других видов религиозной активности. Существенный вклад в «обнаружение» этого параметра сыграла длившаяся на Западе на протяжении последних трех десятилетий дискуссия вокруг паломнических концепций Виктора Тэрнера, а среди пока еще немногочисленных примеров реализации подобного подхода (преимущественно в отношении христианских форм) фигурируют коллективные сборники «Переобрамление паломничества. Культуры в движении» и «От средневекового паломничества к религиозному туризму. Социальная и культурная экономика святости»⁸. Важность динамического аспекта человеческого существования в последнем отражается и в названии вводного раздела — «Человек транзитный (*Homo Viator*): от паломничества через путешествие к религиозному туризму».

Применительно к индийской истории такой подход был впервые заявлен в сборнике «Общество и циркуляция. Подвижные люди и странствующие культуры в Южной Азии, 1750-1950» под ред. Клода Марковица, Жака Пушпадаса и Санджая Субрахманьяма. Инициаторы труда писали в программном введении: «Если индийскую цивилизацию должно определять в терминах великих эпосов, как на этом часто настаивают классические

индологи, нам, безусловно, придется что-то выжать из того факта, что и „Рамаяна“ и „Махабхарата“ в значительной степени сосредоточены на отношениях между неподвижностью и круговым движением (*circulation*), между жизнью странника и жизнью сидящего на одном месте царевича»⁹. Нет ничего странного в обращении ученых XXI в. к древнеиндийским сказаниям: в Индии эпос представляет собой продуктивную структуру, порождающую новые сюжеты и оказывающую прямое воздействие на ситуацию в стране¹⁰. Эпические странники – невесть откуда возникающие брахманы и братья Пандавы («Махабхарата») или Рама, Сита и Лакшмана («Рамаяна»), покидающие по совету мудрецов насиженные места, растиражированные комиксами и телесериалами, по-прежнему бороздят просторы Южной Азии. Их именами называют новые виды стратегического оружия и общественно-политические организации.

В настоящей статье я реконструирую этапы превращения «инструментального» движения в значимый компонент *тиртха-ятры*, осознавая, что ограниченные размеры публикации вынужденно упрощают многоэтапность и многоплановость этого процесса. Одновременно я рассматриваю движение как историческую категорию, оттеняющую значения удаленности и близости как важных факторов в формировании общества и его пространства, а также социально-культурных отношений внутри социума и за его пределами.

Идеальные паломники

В индуизме паломниками *per se* считаются имеющие божественное происхождение братья Пандавы, пятерка царевичей-героев из древнеиндийского эпоса «Махабхарата», складывавшегося между III в. до н.э. и III в.н.э. Последующие нормативные тексты индуизма, укрепившие его теоретические основы, утверждают, что Пандавы совершили обход всей Индии – *прадакшину*¹¹ и тем самым превратили весь субконтинент в единое священное пространство. Однако «Махабхарата» содержит две отличные друг от друга паломнические модели: проповедуемый мудрецами многотрудный путь, проходящий через разнообразные *тиртхи*, и увлекательно-познавательное путешествие по неопределенному маршруту, проделанное Пандавами в окружении подобающей их сану свиты. «Многотрудный путь» возникает в пересказе двух мудрецов – Нарады и Дхаумы, ни один из которых до этого в *тиртха-ятре* не ходил. При этом Нарада ссылается еще на одного мудреца – Пуластья, теперь уже признанного «зачинщика» паломнической традиции индуизма. Сведения, полученные от Пуластья, в изложении Нарады занимают две главы и содержат монотонное перечисление около 270 *тиртх*, которые следует обойти воображаемому паломнику («...Затем, сотворив прадакшину, пускай идет к месту, где... Далее пусть проследует он... Оттуда следует идти... Далее по порядку надлежит идти...»); в рассказе Дхаумы фигурирует 60 *тиртх*, и его перечисление явля-

ется усеченным, «региональным», вариантом первого. Оба перечня весьма «путаны»¹² и содержат множество не идентифицируемых топонимов. В целом же – при определенных допусках, предположениях и натяжках – места, вернее, «пучки» святынь, упомянутые в первом списке, можно расположить на условной линии, обрамляющей Южную Азию и создающей маршрут *прадакшины*, чему автор книги «Индусские места паломничества в Индии. Исследование культурной географии» С.М. Бхардвадж посвящает целую главу – «Великое паломничество Индии по „Махабхарате“»¹³.

Собственно паломнические «пакеты», пропагандируемые мудрецами, возникают для того, чтобы «соблазнить» на *тиртха-ятры* братьев Пандавов, пребывавших в 13-летнем изгнании и до того не ведавших о посещении святынь, что явствует из вопросов старшего брата Юдхитшхиры. Причиной его любопытства стала тоска по среднему брату, Арджуне, ушедшему добывать всепоражающее оружие для победы над гонителями. После полученных разъяснений, ведóмые Юдхитшхирой герои отправляются в путь «...в сопровождении ... брахманов, жительствоющих в лесу... Запасшись глиняной посудой, заплетши, [подобно отшельникам], волосы, облачившись в грубые антилопыи шкуры, надев непробиваемые доспехи, скитались они по тиртхам. Индрасена (колесничий и советник Юдхитшхиры. – И.Г.) со слугами, поварами и прочей челядью [поспешал за ними следом] на четырнадцать колесницах» [91, 23-28]¹⁴. В дороге Пандавы останавливались «то тут, то там», преимущественно занимаясь одариванием и кормлением брахманов, встреченных в *тиртхах*. Их передвижение происходило намного хаотичнее, чем предлагалось «пакетами» Пуластыи и Дхаумы, и С.М. Бхардвадж вовсе не решился на исследование *тиртха-ятры* Пандавов, тем более что на «обход всей Индии» оно определено не тянуло.

Я.В. Васильков и С.Л. Невелева, авторы русского перевода третьей книги «Махабхараты», содержащей паломнические главы, сопроводили их обширным комментарием, целью которого была «идентификация упоминаемых тиртх и уточнение маршрута паломничества», и отметили применительно к передвижению Пандавов (а не набору из паломнических «пакетов»): «...здесь последовательное перечисление тиртх выступает лишь как композиционный стержень традиционного эпического повествования»¹⁵. И хотя переводчики пытались найти соответствия между эпическими *тиртхами* и реальной географией, это оказалось практически невыполнимой задачей, что они и признавали в разных частях комментария: «Начиная отсюда, сказитель перечисляет, без видимой последовательности, тиртхи, расположенные в северной и центральной части Гималаев»¹⁶. В другом пассаже уже сам сказитель, назвав ряд неизвестных топонимов, не прокомментированных переводчиками, устами одного из персонажей предлагает: «Ни один человек не может увидеть этого. Предайтесь глубокому самососредоточению – и тогда вы увидите эти тиртхи» [140, 1-9].

Вообще в паломнических главах третьей книги описание *тиртха-ятры* Пандавов не слишком пространно: после старта Пандавы преимущественно выслушивают многоходовые легенды и мифы, весьма популярные в индуизме по сей день, а Юдхиштхира задает все новые и новые вопросы, желая узнать продолжение или боковые линии. «Превеликое множество диковинных вещей, неподвластных разумению», вызывали у Пандавов удивление и новые вопросы, и они снова обращались «к Ломаше (мудрецу, имевшему паломнический опыт. – И.Г.), расспрашивая его об этом чуде» [109, 1-5]. Они ни в чем не испытывали недостатка на протяжении паломничества, хотя и поддерживали себя «скудной пищей» [142, 1-7], а при пересечении ими чужих владений тамошние правители оказывали братьям почет – например, у властителя куниндов они жили «в полном до-вольстве» [141, 24-30].

Так прошло пять лет, и трудности, которые обычно ассоциируются с идеей паломничества, возникли только при подходе к Гималаям. Оставив слуг с колесницами, поваров и наблюдателей за царской кухней позади, Пандавы отказались от паломнического комфорта и пошли далее только в сопровождении брахманов, питаясь кореньями и плодами. Это, впрочем, длилось недолго, поскольку их общая супруга Драупади устала, и тогда второй брат, Бхимасена, призвал на помощь Гхатоткача, своего сына от лесной демоницы. Гхатоткач понес на себе Драупади, а другие *ракшасы* – братьев Пандавов и сопровождавших брахманов [153, 12-22]. На этом *тиртха-ятра*, считающаяся в индуизме образцом для подражания, завершилась.

Арджуна, по которому тосковали Пандавы, как раз и направил к ним имеющего паломнический опыт Ломашу. Средний брат еще в первой книге «Махабхараты» был отправлен за провинность в 12-летнее изгнание. «Когда могучий Арджуна... уходил [в лес], его провожали благородные брахманы, искушенные в ведах, и те, кто были хорошо сведущи в ведах и ведангах, и те, кто были чудесными странниками, преданными божеству, и те, кто были сказителями пуран или иными рассказчиками, о царь, те, кто представляли собою нищенствующих монахов и лесных жителей, а также те дваждырожденные, которые сладостно распевают чудесные сказания. Сопровождаемый этими и многими другими спутниками, которые умели красиво рассказывать, шествовал сын Панду, будто Индра – в сопровождении Марутов¹⁷» [206, 1-6]. Далее, несмотря на данный обет воздержания, Арджуна провел ночь любви с дочерью змеиного царя, потом женился на дочери повелителя страны Маналуры, которая родила от него сына, а также спас прекрасную деву, обращенную в земноводную тварь. Общение с прекрасным полом перемежалось посещением Гималаев, восточных, южных и западных *тиртх*, приношением даров – «роздал он тысячи коров в святых местах и обителях, а также дома дал брахманам...» [207, 1-13] и даже очищением оскверненных святых мест [208; 209]. Этот период в жизни Ар-

джуны в дальнейшем стал трактоваться как первая «кругосветная» *тиртха-ятра* героев «Махабхараты»¹⁸, хотя маршрут героя конкретизировался преимущественно на его северном этапе, а все прочее охватывалось неопределенными выражениями «священные места у берегов южного океана», «множество святых обителей в других краях», «все те святые места и обители, которые находились у западного моря».

Кроме Пандавов в девятой книге «Махабхараты» *тиртха-ятру* совершил еще один эпический персонаж – Баладева, брат (бога) Кришны, соратника Пандавов¹⁹. Его тяга к передвижению объясняется в эпосе тем, что он не сумел примирить враждующих родственников и ушел к *тиртхам*, чтобы избежать сражения на чьей-либо стороне. Перед уходом он распорядился: «Доставьте все предметы, необходимые для паломничества, в места священные омовений и всевозможные вещи домашнего обихода. Доставьте [священные] огни из Двараки, а также наших жрецов. Доставьте золото и серебро, коров, одежду и коней, слонов и колесницы, ослон и верблюдов и других упряжных животных! Пусть все необходимое будет немедленно доставлено для пребывания в местах священных омовений» [34, 12-17]. Распоряжения были выполнены, а следовавшие за Баладевой брахманы обеспечены всем необходимым: повсюду «можно было наблюдать всевозможные повозки для утомленных и изнеможенных телом, для детей и стариков... и повсюду – готовую пищу для голодных. И всюду, где бы любой дваждырожденный ни захотел насытиться, ему это охотно тогда предоставлялось... Дорогие одежды, кровати и покрывала были предоставлены для ублажения брахманов, желавших покоя и удобств...» [34, 18-24]. Вообще передвижение происходило в праздничной атмосфере: «На пути том постоянно царил веселье, всюду предоставлялась вкусная еда, и все благоприятствовало там – от расставленных лавок и палаток и различных предметов для продажи» (sic) [34, 25-32]. Васильков поясняет, что «за этой гиперболизированной деталью скрывается тот реальный факт, что пути паломников в древней Индии являлись одновременно и основными торговыми артериями»²⁰. Дорога же, по которой двигалась мощная процессия, была украшена лианами и драгоценными камнями, а брахманам дарились «тысячи дойных коров, красиво наряженных и с рогами, оправленными золотом, много коней, происходящих из разных стран, и повозок всяких, а также рабынь. Жемчуг, драгоценные камни и кораллы, золото для украшений, сверкающее серебро и утварь, сделанную из железа и меди, также дал Рама (Баладева. – И.Г.)» [34, 25-32]. Экстравагантное кружение древнеиндийских героев между святыми местами ломает стереотипные представления о стандартах паломничества, существующие практически в любом культурном контексте, когда движение к святыням предстает как аскетическая, направленная на самоизнурение, акция, совершаемая в глубоко религиозном настрое и по причинам духовного характера. Хотя именно эти рекомендации – о воздержании, умеренности, самообуздании и прочих

умертвляющих чувства практиках – были заложены в многократном повторении в индоктринации Пуластыи в пересказе Нарады и Дхаумы.

Точно так же топонимическое перечисление само по себе не свидетельствует о движении, но лишь призывает к гипотетическому обходу огромной Индии во всем ее геофизическом и геополитическом разнообразии. Более того, жизнелюбивые *тиртха-ятры* эпических персонажей (Пандавов, Арджуны и Баладевы) весьма условно связаны с маршрутом по 270 *тиртхам* из «пакета» Пуластыи, который Васильков и Невелева называют «типичным паломническим итинерарием»²¹. По верному наблюдению Василькова, «[а]нализ стиля „паломнических“ текстов „Махабхараты“ показывает, что если некоторые из них (напр., „тиртхаятры“ Арджуны и Пандавов) чисто эпические, устно-поэтические по стилю разработки „паломнической“ темы, то другие (напр., „тиртхаятра Пуластыи“) являются, очевидно, текстами иной традиции, глубоко чуждыми эпосу по многим признакам»²². А комментируя перманентные напоминания о дарах брахманам и их кормлениях, Васильков отметил: «Нигде, пожалуй, во всей „Махабхарате“ не встречаемся мы с таким „лбовым“ выражением корыстного „социального заказа“ (явно исходящего от прослойки „местных“ брахманов-„гидов“), как в „паломнических“ текстах»²³.

Паломнические главки в различных книгах «Махабхараты», а также подробные перечни *тиртх*, звучащие из уст заинтересованных брахманов, признаются не только поздними интерполяциями, но и связываются с трансформацией эпоса при его переходе из среды воинов и правителей в брахманскую среду, где он и подвергся дидактической обработке представителями последней. А составители средневековых жанров, в том числе паломнических дайджестов, – выходцы из того же брахманского сословия – осуществляли дальнейшую пропаганду института *тиртха-ятры*, прибегая к «пакету» Пуластыи. Как и последний, они не ходили по этому невероятно для древности и средневековья маршруту, но именно ему придавали статус «типичного паломнического итинерария». Таким образом, популяризировались вовсе не царские выезды Пандавов, Арджуны и Баладевы, хотя именно за героями «Махабхараты» закрепилась слава первопроходцев и образцов для подражания. Идеальным, т.е. предписываемым, образцом становилась не та *тиртха-ятра*, которую Пандавы «совершили», а та, которую они «услышали», что, на самом деле, не столь существенно, поскольку в традиции индуизма «услышанное» наделяется особым потенциалом²⁴.

Существенно, однако, другое: движение эпических персонажей было нацелено на *тиртхи*, и это перемещение содержало в себе не только религиозный компонент и стимулировалось не только благочестивыми намерениями, как можно предположить на основе «типичного паломнического итинерария». Нескрываемая принадлежность *тиртха-ятры* к поведенческому кодексу царя на столетия вперед определила ее характер и ограни-

ценную доступность этого института для широких масс вопреки декларациям канонических текстов и сформированным под их воздействием «ориенталистским» представлениям. Реальные индусские паломничества в действительности отталкивались от «Махабхараты», но при этом усваивали широко понимаемый светский ресурс и политический потенциал, заложенные в эпической *тиртха-ятре*²⁵. Носителем этой информации является движение, совершаемое по направлению к святыне и обратно.

Между воображением и реальностью

В «типичном паломническом итинерарии» с наибольшей достоверностью прописаны святыни индийского севера и той его части, расположенной в Доабе, или междуречье рек Ганги²⁶ и Ямуны, которая носит древнее название Арьяварты, страны ариев. Это объясняется тем, что локус формирования «Махабхараты» находился в тех краях. С максимальными подробностями, например, на протяжении пространной главы, Пуластья описывает *тиртхи* на поле Куру, или Курукшетре, исторической области в 160 км к северо-западу от современного Дели. Известная скопищем огромного количества *тиртх*, Курукшетра в дальнейшем прославилась тем, что именно здесь бог Кришна открыл Арджуне, среднему Пандаву, философскую мудрость мироздания, и это откровение стало «Бхагавад-гитой»; здесь же произошла битва, которая представляет собой центральный сюжет «Махабхараты» и занимает несколько книг. Так древнее жертвенное поле стало полем многочисленных жертв.

Уже в реальном времени – в 1125 г. – брахман Лакшмидхара Бхатта, главный министр при династии Гахадавалов, правившей из столичного города Каши/Бенареса²⁷ на Ганге, на востоке Доаба, составил фундаментальный труд «Волшебное древо деяний», вобравший в себя авторитетные рекомендации о поведении царя и его подданных²⁸. Этот труд включал и «Книгу суждений о священных местах», которая начинается с цитирования главного источника: «По этому поводу „Махабхарата“ [говорит]...». Поскольку Лакшмидхара не упомянул никого из предшественников в составлении паломнического дайджеста, как делали последующие авторы, его называют основоположником этого жанра и пионером авторской пропаганды передвижения по *тиртхам*. Занимая государственную должность, он не только сводил в единое целое сведения о *тиртхах*, бессистемно разбросанные в предшествующих текстах, но, соединяя их, разрабатывал официальный ритуал и, располагая возможностями, внедрял его в практику на подвластных Гахадавалам территориях.

Первая глава «Книги суждений» посвящена Бенаресу и, занимая 124 страницы или две трети всего текста, перечисляет более 300 *тиртх* в родном городе Лакшмидхары. Это единственное место, описанное автором полно и подробно, т.е. со знанием дела: «Когда он пишет о Каши, то делает это не только на основе книг... Подобная осведомленность не проявляется

в отношении других кшетр и тиртх, даже расположенных в пределах владений царя, чьим главным министром он служил...»²⁹. За описанием бенаресских святынь следуют на 3 и 12 страницах две главы о городе Праяге³⁰, вместе составляя пятую часть всего текста: Праяг оказывается единственным местом, особенности путешествия к которому из Бенареса – пешком, т.е. без использования транспортных средств, – Лакшмидхара специально оговаривает. Так, собственно, завершается эпическая гиперболизация, не учитывающая расстояния, человеческие возможности, логику повествования и т.д. и начинается подлинная история движения в виде *тиртха-ятры* как одной из его «экспрессивных» и «коммуникативных» манифестаций.

Вслед за главой о Бенаресе, превращенном в центр паломнического космоса, идет 9-страничная глава о Ганге, которая соединяет Бенарес и расположенный выше по течению Праяг. К ней примыкает 12-страничная глава о городе Гайе, составляющая шестую часть текста. В XII в. и Праяг, находящийся на слиянии трех рек – Ганги, Ямуны и невидимой Сарасвати, известной еще из «Махабхараты», но предположительно локализуемой исследователями в других краях, и Гайя, расположенная на реке Пхалгу, притоке Ганги, и также упоминаемая в «Махабхарате», находились непосредственно во владениях Гахадавалов, на расстоянии 120-150 км соответственно к северу и востоку от Бенареса. Это те места, которые Лакшмидхара знал и о процветании которых как государственный муж не мог не заботиться. То, что он делает упор на характере движения к Праягу, причем рассказывает об этом пространнее, чем о самом городе, убеждает, что дорогу в эту *тиртху* он знал не понаслышке.

Далее – и это важно, поскольку отвечает жанру дайджеста, – «Книга суждений» перечисляет другие святыне места: Лакшмидхара «посвящает по главе, иногда не превышающей страницы, 17 тиртхам и включает дополнительную главу, где проносятся по названиям более ста тиртх, которые для него ничего не значат. Но и в этом случае трактат содержит вопиющие пробелы, в особенности в отношении удаленных тиртх, в которые паломничество из Северной Индии было невозможно... Весьма сомнительно, чтобы он сам посетил какие-нибудь гималайские тиртхи... Он просто воспроизвел соответствующие отрывки из пуран. Также маловероятно, что он побывал в Гуджарате и возле Нармады, в Малве и Раджпутане. Его описание Пушкар, Удджайна и Амаркантака не носит следов личного знакомства [с этими местами]... Некоторые места, выделенные им в отдельные главы, вообще трудно обнаружить...»³¹. Автор этой цитаты К.В. Рангасвами Айянгар, опубликовавший «Книгу суждений», не уточняет, что он имеет в виду под «вопиющими пробелами», однако скорее всего его «ужас» вызван отсутствием у Лакшмидхары топонимов, перечисленных в «типичном паломническом итинерарии» или аналогичных перечнях, со времен «Махабхараты» включаемых, например, в различные пураны, «древние сказания», – авторитетные компендиумы мифов и легенд.

Почин Лакшмидхары был подхвачен, и жанр паломнического дайджеста получил широкое распространение, отражая переход *тиртха-ятры* из области воображенной неизвестности в осуществляемое в реальности движение к *тиртхам* и перемещение между ними. К XVI в. паломничество в расположенные поблизости друг от друга Каши, Праяг и Гайя стало центральной темой множества трудов, созданных преимущественно в том же Бенаресе. К тому времени город окончательно закрепил сопутствовавшую ему еще с первого тысячелетия и упрочившуюся при Гахадавалах славу священного центра и к XVII в. утвердил себя как интеллектуальную «кузницу» Индии. Здесь формировалось то, что санскритолог Шелдон Поллок определил как «магистральную» науку³²: углубленное проникновение в мир, составляющий основы человеческого существования, осуществляемое посредством санскрита – языка знания и религии. Ученые брахманы из Бенареса были признаны наивысшими арбитрами, обладавшими правом на собственную интерпретацию положений, отсутствовавших в священных текстах или предполагавших амбивалентные трактовки. Текст вообще мог отступать на задний план: «Эта проблема устраняется, если мы определим как „ученых“ брахманов Арьяварты, чье поведение непогрешимо и [которые одарены] талантом. Они будут авторитетами во всех случаях, не охваченных теорией»³³. Именно эти «авторитеты» шлифовали теорию и создавали новые тексты, предназначавшиеся в качестве руководства к действию.

Написанный проживавшим в Бенаресе в середине XVI в. Нараяной Бхаттой, причем в условиях, когда Доаб оказался в руках мусульман-иноверцев, что не подавило интеллектуального превосходства города, «Мост к трем священным городам»³⁴, или «переход» к *тристхали*, т.е. «трехместью», со временем стал наиболее авторитетным санскритским текстом по вопросам *тиртх* и *тиртха-ятры*. В названии дайджеста Нараяны отсутствуют «волшебные деревья», образно обещавшие «невиданный урожай» знаний. Земное слово «мост», с одной стороны, приближает трактат к реальности и соединяет между собой его разделы, а с другой, объединяет три *тиртхи* – Каши, Праяг и Гайю – в одно целое – *тристхали*, перекидывая «мост» не только между ними, но между двумя мирами – профанным и сакральным. К тому же «мост» как пространственная протяженность не может не подразумевать и совершаемого по нему движения.

Досконально описывая ритуалы, надлежащие к отправлению в каждом из городов-*тристхали*, Нараяна устанавливает отношения «дополнительной дистрибуции» между Каши, Праягом и Гайей, предписывая конкретные процедуры в каждой *тиртхе* и задавая их последовательность. Одновременно он возвращается к вопросу о способах передвижения, полемизируя с дайджестами, которые считают, что использование транспортных средств приведет к уменьшению заслуг, приобретаемых при совершении *тиртха-ятры*. Эта позиция высказывалась с опорой на Лакшмидхару Бхатту, рекомендовавшего пешее движение по направлению к Праягу. «Точкой обзора»

брахмана XII в. был Бенарес, пешее путешествие от которого на расстояние в 120 км было вполне реальным; к тому же Лакшмидхара принадлежал к категории местных, а не пришлых брахманов, и диапазон его наставлений определялся владениями Гахадавалов.

Однако к эпохе «Моста» канонизируемая брахманами теория *тиртх-ятры* придала импульс соответствующей практике, подразумевавшей в первую очередь движение в сторону Бенареса, откуда, подогреваемая экономическими интересами, и шла целевая пропаганда. Соответственно механическое наложение запрета на совершение паломничества верхом или в повозке могло сократить приток паломников из мест, отстоящих от Доаба на значительные расстояния. Нараяна, потомок брахмана, пришедшего из южных (по отношению к Бенаресу) областей, расположенных за более чем 1000 км на территории современной Махараштры в Западной Индии, «заботился» о соотечественниках, или клиентуре, из родного региона. Он тщательно подбирал цитаты, узаконивая транспорт: «Брахман может использовать средство передвижения, направляясь в тиртху, если до нее можно добраться на средстве передвижения», и пускался в витиеватые рассуждения, является ли таким транспортом речное судно с учетом того, что Бенарес расположен на воде³⁵.

Наконец, он специально затронул тему дороги и путешествия вообще, и, поскольку восхваляемые им *тиртхи* лежали далеко от его родных краев, объявил «благоприятным» и «приносящим еще одну заслугу наряду с теми, что приобретаются непосредственно в *тиртхе*», само движение³⁶. Может быть, не вполне четко, но все-таки он произнес: «...движение важно само по себе... Путешествие благоприятно всегда... даже если совершается не с целью покаяния»³⁷. Нараяна также расправляется и с рекомендациями относительно передвижения босиком и прочих ужесточений: «Если обувь представляет собой необходимость, как может прирасти заслуга неиспользованием обуви? Как раз наоборот, заслуга уменьшится»³⁸. Что касается определения диапазона «необходимости», то именно это и являлось прерогативой заслуженных брахманов Доаба³⁹.

«Что делает людей такими, какие они есть?»

Эпос предложил две модели *тиртх-ятры*, впоследствии переработанные паломническими дайджестами в инструкции, которые в списках разносили бродячие брахманы и выполнявшие некоторые миссии «авторитеты», циркулировавшие между городами-*тристхали* и родными краями. Связи Бенареса, расположенного в ареале распространения языка хинди и его диалектов, и Махараштры – маратхиязычного региона Индии – были особенно прочными вследствие массовой миграции в Доаб махараштранских брахманов, датируемой началом 1500-х годов⁴⁰. Приток брахманов не прерывался на протяжении всего XVI в., и в XVII в. именно эта этническая группа лидировала среди признанных авторитетов «интеллектуальной куз-

ницы» Бенареса, сохраняя прочные связи с регионом своего исхода и оказывая на него многоплановое воздействие во всех жизненных сферах – от ритуального и правового поведения до этических и эстетических норм бытия⁴¹.

Внедрение *тиртха-ятры* в качестве аксиологического идеала подкреплялось не только гарантиями приобретения религиозных заслуг, ведущих в системе координат индуизма к конечному освобождению, но и повышением социального статуса и легитимацией власти в этой жизни. Перефразируя название статьи Розалинд О'Хэнлон и Кристофера Минковски, вынесенное в подзаголовок, можно утверждать: брахманское сословие и правящую элиту преимущественно из воинской среды – именно они и были главными паломниками — такими, какими как они были, вернее, становились в глазах общества, — сотворяло в значительной степени паломничество. Так движение буквально создавало судьбы: бенаресские законодатели и их агенты на местах подтверждали превосходство ритуалов, совершенных вдали, т.е. в *тристхали*, по сравнению с теми же ритуалами, отправленными вблизи, а также особые качества совершивших *тиртха-ятру*, которые сами в определенной степени становились *тиртхами*. Для того, чтобы стать лучше, следовало уйти дальше: пространственная удаленность оказывалась ценнее близости.

Более того, *ятра*, о которой мечтали соотечественники Нараяны Бхатты и которая не утратила полностью своего значения среди маратхского этноса даже к началу XXI в., получила в своем наименовании топографическую привязку, став *тристхали-ятрой* или *каши-ятрой*. Первый из вариантов включает на равных три священных города – Каши, Праяг и Гайю, охватываемые «оптом» при совершении паломничества. Второй – называет Бенарес, т.е. главный «мозговой центр», в качестве основной цели движения, не исключая при этом посещения двух других городов, но выводя на первое место Каши. Разработанный маршрут подразумевал сначала прибытие в Каши и переход из него в Праяг, затем возвращение в Каши и четырехмесячное в нем проживание, за которым следовал визит в Гайю и новый приход в Каши, после чего начиналась обратная дорога. Таким образом, в пределах одного паломничества город, назначенный бенаресскими брахманами главной индусской святыней, оказывался посещенным трижды. Во всяком случае, реальная практика уже ничем не напоминала «типичный паломнический итинерарий», хотя по-прежнему освящалась авторитетом древнеиндийских эпосов. Когда в 1820 г. Серфоджи II, правитель расположенного на юге маратхского княжества Танджавур, отправлялся в *тристхали-ятру*, его свита состояла из 3 тыс. человек. Придворный пиит прямо сопоставил покидавшего родной город князя со старшим из Пандавов, Юдхиштхирой, уходящим в паломничество: «В тиртха-ятру отправился раджа, / позвав множество защищаемых брахманов. / Подобный Юдхиштхире из славного сочинения, взяв с собой мудрецов, которые как боги». Если до паломничества с богами сравнивались представители брах-

манства, то по его завершении – уже сам Серфоджи II, который возвращался в Танджавур «словно Индра», «царь богов»: «При подходе раджи к городу / грохотали [музыкальные] инструменты. / Горожане смотрели с восторгом/ [на Шарабхендру (Серфоджи. – И.Г.),] подобного богу Девендре (Индре.– И.Г.)»⁴². Эти строки также ассоциируются с Пандавами, вернее, Арджуной, чей «выход» в паломничество приравнивался к шествию «Индры в окружении Марутов».

Волею судеб маратхи как общность сформировались на территориях, расположенных в срединной части Южноазиатского субконтинента, между севером и югом. Они использовали это преимущество и вышли далеко за пределы своей языковой и этнической ойкумены. Влияние маратхского этноса на судьбу субконтинента в целом неизмеримо возросло в XVII–XVIII вв., когда в Махараштре сначала возникло независимое государство маратхов, основанное местным феодалом Шиваджи Бхосле, а потом сложилась Маратхская конфедерация во главе с честолюбивыми брахманами-*пешвами*, как и Лакшмидхара Бхатта, главными министрами, узурпировавшими власть у потомков Шиваджи. *Пешвы* и их военачальники писали историю посредством интеллектуальной, военной и политической стратегии и тактики присвоения пространства и закрепляли свои приобретения «циркуляцией» как способом реализации власти⁴³, одновременно наделяя приобретенные территории символикой собственного региона.

История в документах XVIII в.⁴⁴ свидетельствует о том, что движение из Махараштры – преимущественно на север – составляло «основное содержание эпохи», ассоциируемой с маратхской экспансией, а вектор этого движения определялся расположением святых мест на территории классической, или воображаемой, Арьяварты. *Пешвы* и сложившиеся на оси Махараштра–Доаб маратхские княжества, составившие Маратхскую конфедерацию, буквально мечом прорубали дорогу к *тиртхам* междуречья Ганги и Ямуны. Однако они не упускали из виду и продление этой оси в южном направлении, где еще в XVII в. возникло маратхское княжество Танджавур. Наступательная политика, в том числе с прицелом на более дальний, внешний, круг индусских святынь, расположенных на крайних точках по четырем сторонам света⁴⁵, и обустройство присвоенных пространств, привели к созданию «коридора относительной безопасности», – геополитической реальности, незнакомой никакому другому индийскому этносу того периода. Благодаря этой конфигурации маратхи получили возможность совершать реальные, а не воображенные паломничества.

Сообщая подробности о том, как осуществлялась маратхская экспансия, Джеймс Грант Дафф, резидент при дворе потомков Шиваджи уже эпохи господства Ост-Индской компании и главный летописец маратхов, в середине XIX в. многократно повторял в своей «Истории махраттов»: «Он часто ходил в паломничества и в [военные] экспедиции»⁴⁶. Не столь важно, кем был этот «он» (или даже «она»): *ятры* под любым предлогом были посто-

янной функцией маратхских правителей любого уровня и их доверенных лиц, сопровождаемых войсками и/или паломническими обозами. Направляясь на войну, можно было «попутно» заглянуть в *тиртхи*, а двигаясь в направлении к святыням, приходилось братья за оружие. Главным лозунгом тех времен было «Сегодня тиртхи, завтра трон»⁴⁷: за святые места индусов цепко держались мусульманские династии субконтинента, включая власть в Дели, и целенаправленно завоевывали или приобретали в результате «дружеских» договоров англичане, осуществляя завоевание Индии.

Тиртха-ятра, вернее, пропагандированная в конкретных исторических и геополитических условиях маратхским брахманством «трехместья» ее разновидность – *тристхали-каши-ятра*, становилась своего рода поведенческой нормой для представителей и представительниц восходящей маратхской элиты. Мужская часть верхушки оказывалась в *тиртхах*, находившихся вне Махараштры, как правило, в процессе военного похода. Например, хроника клана *пешв* «Биография Парашурама», созданная во второй половине XVIII в., так представляет события 1743 г., когда войско *пешвы* предприняло очередную военную *ятру*, предварительно посетив Дели, столицу Могольской империи и своего сюзерена: «[Император Мухаммад-шах] устроил великий праздник в честь него и его армии. Получив [от императора] богатые одежды, он пошел по направлению к востоку. Он совершил *ятру* в Праяг и подошел к Бенаресу. Он омылся с правого берега Ганги и от всей души одарил брахманов. В [Гайе] он порадовал [поклонением] Вишну. Совершив ритуалы, [положенные] в Гайе, он освободил предков. Он завершил все религиозные обязанности и напал на Бенгалию»⁴⁸. Так совпали *ятра* как паломничество и *ятра* как военный марш. И это не было единичным случаем. Высказывание Я.В. Василькова, что «почти всякое перемещение героя [„Махабхараты“], если это только не военный поход, носит характер паломничества»⁴⁹, применительно к бурным событиям XVIII в. следует переформулировать: «всякое перемещение героя, даже если это военный поход, носит характер паломничества».

Военные экспедиции маратхов, нацеленные на север, сопровождали обозы с женами, родственниками и прочей челядью, для которых подобные путешествия были единственной возможностью посетить прославленные *тиртхи*. Описывая катастрофическое поражение маратхов афганцами в Панипатской битве 1761 г., состоявшейся недалеко от знаменитой Курукшеты, маратхский историк Г.С. Сардесаи отметил: «[Бхау-сахеб (Полковдец, брат *пешвы*. – И.Г.)] загромоздил себя чересчур большим числом неучастников сражения, по крайней мере в три раза превысившим число воинов»⁵⁰. В 1772 г. *пешва* Мадхав-рав I, находясь при смерти, в присутствии приближенных перечислял дела, которые следовало завершить. Эти слова стали его политическим завещанием: «Два святых места — Праяг и Бенарес — должны быть отобраны у мусульман. Этого страстно желали мои предки, и это должно быть исполнено. Пожелание моей матери отпра-

виться в Бенарес должно быть выполнено при первой же возможности... Годовые выплаты достойным брахманам Бенареса должны осуществляться и переходить по наследству...»⁵¹.

Не менее важным феноменом, практически не оцененным историками, было движение «государственных» вдов. Например, Радха-баи, вдова первого *пешвы* и мать находившегося на тот момент у власти второго, отправилась в паломничество в 1735 г., практически в самый разгар ожесточенной борьбы маратхов с мощным соперником на северо-западе — раджпутами. Более того, как только весть о ее *каши-ятре* разнеслась по Индии, раджпутские князья и могольские должностные лица из Северной Индии немедленно отреагировали приглашениями паломнице посетить святыне места и в их владениях! В результате Радха-баи сначала оказалась вовсе не в Доабе, а в Раджпутане, нанося визиты то в одно, то в другое раджпутское княжество и устанавливая дипломатические контакты, скрепляемые символическими акциями «удочерения» раджпутских княжон, денежными подношениями и т.д. Только через несколько месяцев она добралась не самым прямым путем до городов-*тристхали*. Вообще где бы Радха-баи ни появлялась, ее встречали и охраняли по высшему рангу: все хотели угодить и одновременно быть в курсе принятия судьбоносных политических решений, или, по выражению индийского историка Джадунатха Саркара, уважительный прием объяснялся тем, что «она была брахманской вдовой и матерью всепокоряющего сына. Ее встречали лично, знакомили с царицами, вручали богатые дары»⁵².

Сарасвати-баи, вдова известного военачальника, отправилась в путь в 1783 г., когда уже Бенарес, Аллахабад (Праяг) и Гайя находились под контролем Ост-Индской компании. Вдова передвигалась в паланкине, за которым следовало еще около 80 носилок с представителями высших кругов, а также багаж, верблюды, лошади, всадники, пешие солдаты, слуги и т.д., по поводу чего издавший переписку Сарасвати-баи маратхский историк В.В. Кхаре заметил: «Этому скоплению народа сколь подходило звание паломников, столь же уместным было назвать все это войском»⁵³. Замечание Кхаре было справедливым еще и потому, что военная логика присутствовала и в построении процессии, в авангарде, арьергарде и средней части которой были поставлены известные воины, а по ночам лагерь паломников охраняли сменявшие друг друга дозоры. Местная знать — как раз из «коридора относительной безопасности» — выделяла для сопровождения к границам смежных владений конников и пеших ратников, содействовала в приобретении провизии и организации передвижных лавок. Вообще движение к цели происходило на фоне активизации социальной жизни и было ценно само по себе: Сарасвати-баи и ее ближайшее окружение нанесли этикетные визиты правителям княжеств и представителям английской администрации (например, после встречи с английским губернатором Сарасвати-баи сообщила в письме: «Поговорили о политике и прочих де-

лах»⁵⁴), а также заводили знакомства с другими паломниками знатного происхождения⁵⁵. Чиновники Компании, в свою очередь, содействовали каравану Сарасвати-баи, выдавая подорожные и освобождая всю процессию — она тоже называлась «ятра» — от налогов. Если решение вопроса затягивалось, Сарасвати-баи отправляла посыльных с депешами к самому Уоррену Хейстингсу, генерал-губернатору Индии!

Как это ни парадоксально, но для высокооставленных маратхских вдов движение к святым местам становилось реальной возможностью расширения жизненных пределов, устанавливаемых не только вдовством, но и социальным и половым статусом. При этом *тиртва-ятры* были не частным, а общественно значимым делом, требовавшим основательной предварительной подготовки, в которой были задействованы главные политические игроки эпохи. Существенно, с точки зрения самооценности движения, что вдовы вели за собой многотысячные колонны (до 30-40 тыс.!) присоединявшихся в дороге «попутчиков», т.е. простой публики, называемых вследствие пестроты состава кастами «18 турбанов». Эта категория практически не имела другой возможности совершить *тиртва-ятру*, кроме как оказаться под защитой каравана знатной паломницы, которая официально принимала на себя роль лидера. Тем самым на марше вдовы обретали большую свободу, чем обладала замужняя женщина того же круга, и демонстрировали достоинства, каковыми надлежало обладать правителю. Они глубоко вникали в текущую политическую ситуацию и расценивали ее с точки зрения перспектив «своей страны»: письма, написанные под диктовку паломниц или ими самими, демонстрируют степень их владения «государственной наукой» и уровень дипломатической и информационной помощи, оказываемой ими стоящим за их спинами политическим силам. Правителями или полководцами были их умершие мужья, и вдовы воспринимали *раджадхарму* — следование обязанностям и обязательствам правителя — как эталонное поведение, реализация которого становилась возможной только в условиях *тиртва-ятры*. Так движение становилось компонентом вдовьего статуса, причем имеющим отношение вовсе не к смерти, а к активной жизненной позиции.

Движение как историческая категория и паломничество

Приведенные примеры, чье число и детализация ограничиваются размерами статьи, показывают индусскую *тиртва-ятру* как движение к святыням для отправления определенного комплекта ритуалов. Абсолютное большинство работ о паломничествах как раз и исследует финальную часть этого процесса, в результате чего паломничество обретает признаки статической религиозности или, в крайнем случае, «кинетического ритуала»⁵⁶. Основное свойство этого феномена — движение в многомерности всего, что происходит во время этого движения и в его результате, — оказывается вынесенным за скобки, что, с одной стороны, приводит к неразличению

между паломничеством и другими видами религиозной активности, а с другой, устраняет паломничество как один из ярчайших способов манифестации исторической категории движения.

Когда воображение эпических авторов и многочисленные брахманские интерполяции отправляли Пандавов в *тиртха-ятры*, то последняя превращалась в когнитивный инструмент, обеспечивавший количественное и качественное приращение знаний эпических героев. Выход из рутины, расширение горизонтов, поиски новинок и «чудес» являлись стабильными стимулами для движения под видом паломничества, чья светскость и даже праздничность проявлялась как раз в его динамическом аспекте. Матримониальные сюжеты, участником которых был Арджуна, имели своим конечным итогом обретение союзников. Исследуя южноазиатскую циркуляцию, Велчеру Нараяна Рао и Санджай Субрахманьям, американские историки индийского происхождения, упоминают южноиндийские поэмы, которые содержат примеры «сложной (и, несомненно, преимущественно воображенной) системы субконтинентального сообщества, когда царь с берегов Кавери призывает союзников из столь отдаленных мест, как Магадха или Матхура. В категорию [такой циркуляции] попадают и так называемые тиртха-ятры ...»⁵⁷. В реальной истории паломнические кружения в действительности сопровождалась поисками брачных партнеров и непременно использовались как средство налаживания социальных связей и установления политических контактов, что явствует даже из мобильности «государственных» вдов.

В колониальный период, когда индийские правители сложили оружие, паломничество оказалось чуть ли не единственным «поводом к передвижениям царей»⁵⁸, и этот момент вызывал обеспокоенность властей, которые непосредственно вовлекались в организации паломнических маршрутов бывших глав. Переписка английских резидентов содержит множество высказываний на этот счет: «Есть что-то загадочное в визите Роу-раджи к Шинде под предлогом очищения водой Ганги. Я ничуть не сомневаюсь в том, что они договариваются о каких-нибудь совместных действиях в будущем, кроме тех, которые служат видимым предлогом...»⁵⁹. Проведший полтора года в *тиртха-ятре*, Серфоджи II, чье восхождение на трон имело множество нюансов, с одной стороны, нуждался в легитимации своего статуса, а с другой, заключив с Ост-Индской компанией «Договор о дружбе», оказался отстраненным от реальной власти. Однако его царственный проезд по Индии — буквально с крайнего юга до Калькутты на северо-востоке с посещением городов-*тристхали* и встречами с английскими чиновниками различных рангов, вплоть до генерал-губернатора, — позволял сохранять внешний лоск его сана.

Передвижения эпических фигур — *тиртха-ятры* героев «Махабхараты» или обладающие иной мотивацией странствия персонажей «Рамаяны» — оказались «инструментальными» не потому, что обеспечивали «вообра-

женное» перемещение от одного локуса к другому, но потому, что благодаря предприимчивости жрецов и законодателей явились инструментом сакрализации реального пространства субконтинента, обеспечив тем самым многовекторные варианты будущих паломничеств и даже политических шествий индусских фундаменталистов. С позиций историзма, описанные в источниках вооруженные паломнические колонны *лешв*, их военачальников и вдов, на протяжении всего XVIII в. оказывали мощное воздействие на трансформацию физического ландшафта страны и его восприятие. Циркуляция десятков тысяч людей, нацеленных на совместный поиск общих идеалов, сама по себе преобразовывала сборища и толпы в сообщество, к тому же объединенное единоначалием, а укоренение концепции *тристхали-ятры*, т.е. общей практики и ценностей, среди маратхов создавало людскую общность и коллектив: быть маратхом значило совершать комплексный поход в Каши, Праяг и Гайю. Английский историк К.Э. Бэйли на основе данных из бенаресских архивов утверждает, что в XVIII в. город «регулярно посещали вооруженные маратхские паломничества, доходившие в более благоприятные годы до 200 тыс. человек»⁶⁰. Даже в 1824 г., через 6 лет после падения Маратхской конфедерации, епископ Реджиналд Хебер заметил при посещении Бенареса: «Только маратхских паломников здесь обычно около 20 тыс., многие из них вооружены, они воинственны и имеют хищнические повадки»⁶¹. Присвоение общественного пространства и его социальное переориентирование осуществлялось не только миграцией брахманов, завоеванием чужих территорий и образованием собственных политических единиц вдоль «коридора относительной безопасности», но буквальным насыщением пространства объектами паломнической инфраструктуры и людскими массами. В этом и сказывались «экспрессивное» и «коммуникативное» (в терминах Эдлер) свойства движения, крепившего этнос через его соединение со святыми местами, воспетыми брахманами-профессионалами.

Изучение динамического аспекта человеческого существования, иначе циркуляции, т.е. движения с возвращением в точку исхода, к состоянию статики, будь то военные экспедиции, торговые перемещения или паломничества, а позднее — путешествия для удовольствия и укрепления здоровья, свидетельствует о самоценности этой категории. О.А. Добиаш-Рождественская писала: «Паломничества могущественно содействовали мобилизации людей и ценностей, но учесть действительное значение мы не всегда можем вследствие отрывочности наших данных. В эпоху крестовых походов индивидуальные странствия все больше теряются на фоне огромных коллективных предприятий, в которых вместе с пилигримами движутся купцы и товары, по пути завязываются торговые связи и возникают колонии и рынки»⁶². Поскольку состояние *en route* или *on the move* все больше и больше признается естественным способом человеческого существования, то остается искать источники и реконструировать прошлое на

основе понятий удаленности и близости и движения как исторической категории, что остается особенно актуальным для многоязыковой Индии с ее региональными архивными сокровищницами. Это тем более важно, что в Южной Азии людские коллективы по-прежнему используют «экспрессивный» и «коммуникативный» факторы движения, предпринимая попытки идеологического завоевания субконтинента, и наполняют старую лексику «ятра» созвучным современности смыслом.

¹ См. классический «Очерк о даре» в: *Мосс М.* Общества, обмен, личность. М. 1996. С. 83–222.

² *Markovits Cl., Poochepadass J., Subrahmanyam S.* Introduction: Circulation and Society under Colonial Rule // *Society and Circulation. Mobile People and Itinerant Cultures in South Asia 1750–1950* / Ed. by Markovits Cl., Poochepadass J., Subrahmanyam S. Delhi, 2006 (1st paperback printing). P. 3.

³ Самым ярким примером «вооруженного» паломничества являются крестовые походы. См. сжатую характеристику в: *Лучицкая С.И.* Крестовые походы // *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 234–239.

⁴ Первоначально ядром *тиртха-ятры* были поминальные обряды, или *шраддхи*, и обрамляющие их омовения (*снана*) и подношения брахманам (*дана*). Постепенно отправление любых ритуалов в святых местах стало восприниматься как приносящее больше заслуг (*пхала*), чем те же действия, совершенные дома. См. *Ensink J.* Problems of the Study of Pilgrimage in India // *Indologica Taurinensia*. 1974. Vol. II; *Hindu Pilgrimage and Vedic Sacrifice* // *Ludwik Sternbach Felicitation Volume. Part I* / Ed. by Sinha J.P. Lucknow, 1979; *Kane P.V.* History of Dharma-àstra (Ancient and Medieval Religious and Civil Law in India). Vol. IV. Poona, 1953; *Глушкова И.П.* Подвижность и подвижничество. Теория и практика тиртха-ятры. М., 2008.

⁵ Тиртха-ятра – не единственная форма паломничества в индуизме. О другой исторической разновидности см. *Глушкова И.П.* Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры. М., 2000.

⁶ Выражения заимствованы из Джудит Эдлер, см. *Adler J.* The Holy Man as Traveler and Travel Attraction: Early Christian Asceticism and the Moral Problematic of Modernity // *From Medieval Pilgrimage to Religious Tourism. The Social and Cultural Economics of Piety* / Ed. By Swatos, Jr. W.H. and Tomasi L. Westport (Conn.); L., 2002.

⁷ *Sacred Journey. The Anthropology of Pilgrimage* / Ed. by Morinis A. Westport (Conn.); L., 1992.

⁸ *Reframing Pilgrimage. Cultures in Motion* / Ed. by Coleman S. and Eade J. L.; N.Y., 2004; *From Medieval Pilgrimage to Religious Tourism. The Social and Cultural Economics of Piety* / Ed. by Swatos Jr. W. H. and Tomasi L. Westport (Conn.); L., 2002. Кстати, именно вокруг движения и подвижности выстроена опубликованная в 1924 г. и неизвестная на Западе работа О.А. Добиаш-Рождественской «Западные паломничества в средние века».

⁹ Introduction: Circulation and Society... P. 2.

- ¹⁰ См. Глушкова И.П. Боги здесь и сейчас. Индусская мифология как инструмент создания североиндийской идентичности // Восток-Oriens, 2004. № 1–2.
- ¹¹ Прадакшина – обход по часовой стрелке святыни – от идола и храма до священной территории любых размеров.
- ¹² Bhardwaj S. M. Hindu Places of Pilgrimage in India. A Study in Cultural geography. Los Angeles; Westpot (Conn.); L., 1983. P. 31.
- ¹³ Ibid. P. 43–57.
- ¹⁴ Зд. и далее в скобках указывается порядковый номер главы и санскритских строк из: Махабхарата. Книга третья, Лесная (Араньякапарва) / Пер. с санскр. пред. и комм. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987.
- ¹⁵ Ibid. С. 655, примеч. 245.
- ¹⁶ Ibid. С. 666, примеч. 369 и сл.
- ¹⁷ Маруты – группа второстепенных ведийских божеств, связанных с ветрами, входят в постоянную свиту главы ведийского пантеона бога Индры, «биологического» отца Арджуны. Зд. и далее в скобках указывается порядковый номер главы и санскритских строк из: Махабхарата. Адипарва, книга первая / Пер. с санскр. и комм. В.И. Кальянова. М.; Л., 1950.
- ¹⁸ Васильков Я.В. Эпос и паломничество (О значении паломнической темы в «Махабхарате») // Литературы Индии. Статьи и сообщения / Под ред. Н.И. Пригариной. М., 1979. С. 4.
- ¹⁹ Здесь и далее в скобках указывается порядковый номер главы и санскритских строк из: Махабхарата. Книга девятая, Шальяпарва, или Книга о Шалье / Пер. с санскр. и комм. В.И. Кальянова. М., 1996.
- ²⁰ Васильков Я.В. Указ. соч. С. 6.
- ²¹ Махабхарата. Книга третья... С. 631, примеч. 1.
- ²² Васильков Я.В. Указ. соч. С. 12–13.
- ²³ Там же. С. 9.
- ²⁴ Формально «Махабхарата» не относится к особой категории «услышанного» (*шрути*), как древнеиндийские веды, но фактически таковой является. Слушатель священных текстов приобретает определенное количество религиозных заслуг; а в последующие эпохи тот, кто внимал рассказу о чем-либо паломничестве, осеменялся частью благодати его совершившего.
- ²⁵ Эта «светскость» исключительно редко, но все-таки подмечается в исследованиях ученых преимущественно извне индусской традиции, как об этом, например, свидетельствует статья «Функции индусского паломничества: светские черты в тиртха-ятре» – см. Oberdiek U. Functions of Hindu Pilgrimage: Secular Traits in *Tārthayātrā* // Pilgrimages Studies. Sacred Places, Sacred Traditions / Ed. by Dubej D.P. Allahabad, 1995.
- ²⁶ Вопреки сложившейся в русском языке традиции называть главную индийскую реку Гангом, словом м.р., Ганга – река-богиня: именно на ее женской сущности основываются все связанные с ней сюжеты индусской мифологии.
- ²⁷ Официальное название этого города, принятое в современной Индии – Варанаси.
- ²⁸ *Tārthavivacanakāḍāū*. Vol. VIII. Kṣṭyakalpataru of Bhañña Lakūmādhara / Ed. by Aiyangar Rangaswami KV. Baroda, 1942 (Gaekwad's Oriental Series, vol. XCVIII).
- ²⁹ *Aiyangar Rangaswami K.V.* Introduction // *Tārthavivacanakāndaū*. P. lxxvii.
- ³⁰ Современное название этого города – Аллахабад.

³¹ Ibid.

³² Pollock Sh. New Intellectuals in Seventeenth Century India // The Indian Economical and Social History Review. 2003. Vol. 38, no. 1. P. 24.

³³ Pollock Sh. The Theory of Practice and the Practice of Theory in Indian Intellectual History // Journal of the American Oriental Society. 1985. Vol. 105, no 3 (Indological Studies Dedicated to Daniel H.H. Ingalls). P. 505.

³⁴ The Bridge to the Three Holy Cities. The *Sāmānya-praghaññaka* of Nārāyana Bhañña's *Tristhalisetu* / Ed. and transl. by Salomon R. Delhi–Varanasi–Patna–Madras, 1985.

³⁵ Ibid. P. 224.

³⁶ Ibid. P. 247.

³⁷ Ibid. P. 248.

³⁸ Ibid. P. 220.

³⁹ То, что дайджест Нараяны приобрел особое значение, доказываются многочисленными сочинениями о *тиртхах*, на нем базирующимися. Интеллектуальную эстафету Нараяны Бхатты в самых разных областях традиционного знания продолжили три сына и множество учеников. Они писали собственные произведения и пропагандировали труды, созданные патриархом. Будучи связаны с различными патронами и регионами, они разносили идеи учителя, в том числе концепцию *тиртсхали*, по индусской Индии, прежде всего по Махараштре.

⁴⁰ Причины этой миграции остаются не вполне понятными, как и точно не определен ее начальный момент. Об этом (не всегда убедительно) см. *Vajpeyi A.* Politics of Complicity, Poetics of Contempt: a History of the Śūdra in Maharashtra, 1650–1950 CE. Ph.D. Thesis, University of Chicago, 2004.

⁴¹ См. The Pandit. Traditional Scholarship in India / Ed. by Michaels A. New Delhi: 2001; O'Hanlon R., Minkowski Chr. What makes people who they are? Pandit networks and the problem of livelihoods in early modern Western India // Indian Economic and Social History Review, 2008. Vol. 45. No. 3.

⁴² *Tristhaëi yātreçyā lāvāḃyā* (÷arabhendra bhāpāl kṣṭ) āḃi øarabhendra tārthāvaëä (÷rā ÷ivkṣṭ) / Ed. by Mahadick A. K. Tanjore, 1951. P. 5 (I, 34); 98 (X, 44).

⁴³ *Pouchepadass J.* Itinerant Kings and Touring Officials: Circulation as a Modality of Power in India, 1700–1947 // Society and Circulation. Mobile People and Itinerant Cultures in South Asia 1750–1950 / Ed. by Markovits Cl., Pouchepadass J., Subrahmanyam S. Delhi, (2003) 2006. P. 244–245.

⁴⁴ Подробную библиографию и характеристику источников см.: Глушкова И.П. Подвижность и подвижничество.

⁴⁵ Речь идет о четырех *тиртхах*, называемых «святыми домами» – *дхамми* (Дварка на западе, Бадринатх на севере, Джаяннатх-Пури на востоке и Рамешварам на юге). Они создавали своего рода священную конфигурацию вокруг Южноазиатского субконтинента. Три *дхамми*, кроме Бадринатха, перешли под контроль Маратхской конфедерации, а четвертым, северным, «пограничным столбом» был назначен Каши.

⁴⁶ См. *Duff G. J.* History of the Mahrattas. Vols. I–III. Delhi, (1863) 1990.

⁴⁷ Этой репликой одного из активных игроков на политической арене XVIII в. названа глава в историческом нарративе о тех бурных временах: *Patil V.* Panipat. Pune, 2007.

⁴⁸ Vallabha's *Para÷arāma Caritra*. An Eighteenth Century *Marāñhā* History of the *Pe÷wās* / Ed. by Wagle N., Kulkarni A.R. Bombay, 1976. P. 77–78.

- ⁴⁹ Васильков Я.В. Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁰ Sardesai G. S. *New History of the Marathas*. Vol. II. Bombay, 1948. P. 452.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Sarkar J. *Fall of the Mughal Empire*. Vol. I. Calcutta, 1949 (2nd ed.). P. 142–143.
- ⁵³ Aitihāsik lekh sāgrah. Sevāā rāvsāheb pe+vā yācā kārkārd (epri 1778 te epri 1784). Bhāg II / Ed. by Khare Vasudev Vaman. Pune, 1912. P. 3758.
- ⁵⁴ Ibid. P. 3782.
- ⁵⁵ То же самое, кстати, происходило и в городах–*тристхали*. Мужчины–паломники, к тому же, перемежали отправление ритуалов с посещением песенных и танцевальных суаре, а также обильными трапезами, сопровождавшимися потреблением *бханга*, разновидностью наркотика из конопли, чем также славился Бенарес. Реальные паломничества были намного праздничнее, чем их суровый имидж.
- ⁵⁶ Turner V., Turner E. *Image and Pilgrimage in Christian Culture*. NY, 1978. P. xiii. Вопрос о значительно более узком смысле «религиозной» / «ритуальной» ходьбы и других телодвижений не имеет отношения к движению как исторической категории и остается за рамками этой статьи.
- ⁵⁷ Rao V. N., Subrahmanyam S. *Circulation, Piety and Innovation. Recounting Travels in Early Nineteenth-century South India // Society and Circulation. Mobile People and Itinerant Cultures in South Asia 1750–1950* / Ed. by Markovits Cl., Pouchedadass J., Subrahmanyam S. (eds) Delhi, (2003) 2006. P. 308.
- ⁵⁸ Bayly C.A. *Empire and Information. Intelligence Gathering and Social Communication in India. 1780–1870* (Cambridge Studies in Indian History and Society). Cambridge, 1996. P. 73.
- ⁵⁹ Poona Residency Correspondence. Vol. 1. Mahadji Sindhia and North Indian Affairs 1785–1794. Vol. 1 (English Records of Maratha History) / Ed. by Sarkar Jadunath. Bombay, 1936. P. 339.
- ⁶⁰ Bayly C.A. *Origins of Nationality in South Asia. Patriotism and Ethical Government in the Making of Modern India*. New Delhi, 2003 (2nd impression). P. 144.
- ⁶¹ Bishop Heber in Northern India. *The European Understanding of India* / Ed. by Laird M.A. L., 1971. P. 147.
- ⁶² Добиаш-Рождественская О.А. *Западные паломничества в средние века*. СПб., 2006. С. 88–89.

Л.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, «ФИЛОСОФЫ» И
«ДОБРЫЕ ДИКАРИ»: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА,
1785-1788 гг.

Экспедиция Жана-Франсуа де Гало де Лаперуза, отправившаяся в августе 1785 г. из Бреста на двух кораблях «Буссоль» и «Астролябия» стала одним из самых ярких эпизодов истории географических открытий XVIII в. Она неординарна от начала и до конца. В ее подготовке непосредственное участие принимал лично король Людовик XVI, хотя биографы короля зачастую склонны преувеличивать эту роль: в частности, обычно они приписывают составление адресованных Лаперузу инструкций лично королю. Действительно, этот документ озаглавлен «Записка короля, призванная служить особой инструкцией г-ну Лаперузу», но изначально его составил не монарх, а морской офицер Шарль-Пьер д'Эвре де Флёрё, с мнением которого король весьма считался (о чем может свидетельствовать то, что в 1790 г. Людовик XVI назначит его морским министром, а в 1791-м – воспитателем дофина). Затем король внимательно просмотрел инструкции, составленные Флёрё, и внес в них множество поправок, так что окончательный текст можно считать плодом их совместной работы. Во время экспедиции Людовик постоянно следил за ее ходом и читал все присылаемые Лаперузом отчеты. В его кабинете имелась карта с маршрутом экспедиции Лаперуза, и король наносил на нее рядом с изначально намеченным маршрутом тот, который в действительности проделали корабли, согласно полученным сведениям. А известия приходили регулярно вплоть до февраля 1788 г., когда экспедиция находилась на побережье Австралии в заливе Ботани-Бей. После того как связь с Лаперузом прервалась, уже во время Революции, в 1791 г., когда, казалось бы, думать надо было совсем о другом, по инициативе короля Учредительное собрание постановило снарядить два корабля «Поиск» (“Recherche”) и «Надежда» (“Espérance”) под командованием капитана Брюни д'Антрекасто на поиски пропавшей экспедиции Лаперуза. Экспедиция 1791 г. вернулась ни с чем. Трагический конец экспедиции Лаперуза долгое время оставался загадкой: обломки «Астролябии» нашел Дюмон д'Юрвиль в 1827, а то, что осталось от «Буссоли», которой командовал сам Лаперуз, было обнаружено лишь в 1964 г. Очевидно, оба корабля потерпели крушение на рифах Ваникоро, маленького островка архипелага Санта-Крус, который в то время еще не был известен и отсутствовал на картах¹.

Экспедиция Лаперуза хорошо документирована. Во-первых, существуют упомянутые выше инструкции, составленные Флёрё и исправленные королем. Во-вторых, сохранился путевой дневник Лаперуза. Оригинал днев-

ника, который мореплаватель вел на борту «Буссоли», погиб вместе с ним в кораблекрушении. Но всякий раз во время стоянок в портах, направляя морскому министру письма с отчетами, карты и рисунки, Лаперуз отсылал вместе с ними и копии очередных глав своего дневника², и так продолжалось вплоть до прибытия кораблей в Ботани-Бей. Дневник переиздавался многократно. Впервые он был издан по постановлению Исполнительной Директории в 1797 г.³ Публикацию осуществил Луи-Антуан Детуф, барон де Миле-Мюро, военный инженер и артиллерийский офицер, при Директории занимавший пост военного министра. Последние издания относятся к 1985 и 2005 гг.⁴ Современные издания, конечно, являются более точными и выверенными, но и старое, самое первое издание не утратило своего значения до сих пор, несмотря на ряд имеющихся в нем неточностей и купюр. При подготовке публикации Миле-Мюро имел доступ ко всем архивным документам и, помимо самого дневника (тт. 2-3 издания Миле-Мюро), он издал еще и документы о подготовке экспедиции (т. 1), официальные и частные письма как самого Лаперуза, так и некоторых других членов экспедиции (т. 4). Эти письма составляют третью основную группу документов, освещающих историю экспедиции Лаперуза. Из сопоставления всех этих источников вырисовывается весьма рельефная и многоплановая картина.

Путешествие было призвано исполнять многообразные функции. О них свидетельствуют заглавия пяти частей, из которых состояли полученные Лаперузом инструкции: «План путешествия, или проект плавания», «Предметы, относящиеся к политике и торговле», «Действия, относящиеся к астрономии, географии, навигации, физике и различным отраслям естественной истории», «О поведении, коего следует держаться с уроженцами стран, куда будут заходить два фрегата», «О мерах предосторожности ради сохранения здоровья экипажей».

С одной стороны, маршрут и задачи экспедиции были расписаны подробнейшим образом. С другой, – предписания не носили обязательного характера. По предложению самого короля, первая часть инструкций завершалась примечанием, что все указания относительно маршрута должны по ходу дела сообразовываться с обстоятельствами, состоянием экипажей и кораблей, наличием продовольствия. Здесь было прямо сказано: «Его величество, полагаясь, таким образом, на опыт и мудрость г-на Лаперуза, позволяет ему вносить изменения, кои он сочтет необходимыми, в случаях, кои не были предусмотрены»⁵.

Итак, первой, открыто провозглашенной целью экспедиции были научные открытия в области географии, этнографии, ботаники, медицины. Для ее обозначения официально использовалось такое понятие, как *путешествие с исследовательскими целями* (*un voyage de découvertes*), имеющее главной целью «расширение человеческих знаний»⁶. Только что (1783) закончилась Война за независимость североамериканских колоний. Конкуренция между Францией и Англией продолжалась мирными средствами, в

том числе и не в последнюю очередь, за международный престиж державы, передовой в деле науки и просвещения. Англия в этом отношении была явно впереди: за 1764–1780 гг. англичане совершили восемь путешествий на кораблях Адмиралтейства, французское правительство за эти годы организовало только две экспедиции (Л.-А. де Бугенвиля в 1766–1769 и И.-Ж. де Кергелена в 1771–1774 гг.); престиж Англии как морской державы особенно подняли плавания Джеймса Кука. Лаперуз своим плаванием призван был продолжить дело Кука и если не затмить его славу, то, во всяком случае, стать с ним вровень. Исследовательская программа экспедиции Лаперуза была амбициозной и включала исследование западного побережья Северной Америки, восточного побережья Азии и прилегающих островов Японского и Охотского морей, островов Тихого океана (в частности, Соломоновых островов). То есть ему предписывалось обследовать те «белые пятна», которые еще оставались на карте мира после плаваний Кука. Экспедиция получила обширную научную программу, помимо географических открытий: предполагалось провести астрономические, ботанические, зоологические исследования. Для этого на борту имелись большая библиотека, множество приборов для научных исследований, были оборудованы лаборатории.

Королевские инструкции содержали также набросок большой программы того, что можно было бы назвать «этнологическими исследованиями». Лаперузу предписывалось «изучать климат и всякого рода производство на различных островах океана, куда он будет подходить, узнавать нравы и обычаи местных уроженцев, их культ, форму правления, их способ ведения войны, их вооружение, их морские суда, особый характер каждого племени, что у них может быть общего с другими дикими нациями и с цивилизованными народами и, главным образом, что у каждого из них есть особенного. На тех островах, где уже побывали европейцы, он попытается узнать, различают ли местные жители посещавших их представителей разных наций, и постарается выяснить, какое мнение сложилось у них о каждой в отдельности. Он посмотрит, как они используют различные товары, металлы, орудия, ткани и прочие предметы, завезенные к ним европейцами»⁷. Скажем сразу, выполнить эту программу до конца было нереально, особенно в части представлений аборигенов о разных европейских нациях, хотя бы просто в силу языкового барьера.

Четвертая, «гуманитарная» часть инструкций короля («О поведении, которого следует держаться с уроженцами стран...») вызывала, пожалуй, наибольшие споры среди историков. Биографы Людовика XVI склонны были расценивать ее как проявление свойственной королю филантропии⁸. Исследователи же собственно плавания Лаперуза видели в ней лишь заботу о безопасности участников экспедиции⁹. Представляется, что если внимательно и непредвзято прочесть эту часть инструкций, то вторая точка зрения выглядит более обоснованной. Стала уже знаменитой заключитель-

ная фраза этой главы инструкций: «Его величество сочтет за наисчастливейший успех экспедиции, если она сможет завершиться, не стоив жизни ни одному человеку»¹⁰. Ее обычно цитируют, говоря о гуманистических устремлениях короля. Но из контекста, в который она помещена (выше речь идет об ответственности Лаперуза за сохранность вверенных ему судов и за жизнь французских моряков) совершенно очевидно, что речь идет о необходимости беречь всеми средствами жизнь и здоровье членов экспедиции. Что же касается аборигенов, то Лаперузу предписывалось соблюдать все возможные меры предосторожности, никогда не терять бдительности, не сходить на берег невооруженными, но, в то же время, использовать «все честные способы, дабы установить связи с местными жителями»¹¹ и прибегать к силе только в случае крайней необходимости. Инструкция на сей счет вменяла в обязанность Лаперузу «предписать всем членам экипажей жить в добром согласии с местными обитателями, пытаться завоевать их дружбу добрым и уважительным обхождением и запретить им под страхом самых строгих наказаний употреблять силу, чтобы отнять у жителей то, что они откажутся уступить добровольно. Г-н де ла Перуз во всех случаях должен проявлять большую мягкость и человечность в отношении различных народов, коих он посетит в ходе своего путешествия»¹². Но эти требования проявлять человечность диктовались не абстрактными филантропическими принципами, а вполне прагматическими соображениями: мореплаватели попадут в непривычную для себя обстановку, окажутся в явном меньшинстве в окружении местного населения, и потому в их же интересах, чтобы это окружение было дружественным, а не враждебным. Надо сказать, что первое время сам Лаперуз разделял такой подход и во всем следовал инструкциям. Более того, он был убежденным сторонником гуманного обращения с местным населением. Об этом говорит его поведение во время Войны за независимость Америки. В ходе кампании в Гудзоновом заливе в сентябре 1782 г. французы разрушили два английских форта, после чего командовавший одним из кораблей Лаперуз позаботился оставить оружие для обитавших в окрестностях индейцев-охотников. В донесении он так объяснил свой поступок: «Мы дали дикарям все, что они хотели взять... человечность не позволяет мне оставаться равнодушным к их будущей судьбе...»¹³ Но впоследствии, как мы увидим, под воздействием трагических обстоятельств его тактика изменилась.

В то же время, французским мореплавателям полагалось нести «дикарям» блага европейской цивилизации и «употребить с усердием и заинтересованностью все средства, способные улучшить их состояние, снабдить их страны полезными овощами, фруктами и деревьями из Европы; научить их это сеять и выращивать; показать им, как использовать эти дары, призванные в изобилии произрастить плоды, необходимые народам, кои получают почти всю свою пищу от земли»¹⁴. Стоит отметить, что эта часть инструкций носила совершенно умозрительный характер и применить ее на

практике редко удавалось: аборигены, с которыми пришлось столкнуться членам экспедиции Лаперуза, не только не занимались земледелием, но и вообще мало пользовались плодами земли, а питались, в основном, рыбой.

Помимо научно-исследовательских, экспедиция преследовала политические цели, обусловленные конкуренцией на морях, в первую очередь с Англией, и призвана была защищать военно-политические интересы Франции. Исходя из этих целей, Лаперуз должен был сообщать в морское министерство подробную информацию о заморских владениях других стран (Англии, Португалии, Голландии, России, Испании). В инструкциях особо оговаривалась необходимость изучить состояние португальских колоний (важность этой задачи была обусловлена тем, что Португалия являлась союзником Англии) на Мадейре и Сантьяго: выяснить, каковы там силы португальцев и как идет торговля этих колоний с разными странами, в первую очередь, с Англией. Лаперузу также вменялось в обязанность разузнать, что происходит на острове Тринидад: эвакуировались ли оттуда англичане и пришли ли на их место португальцы; поселились ли англичане на Новой Зеландии и что представляют собой их поселения. Ему следовало собрать сведения о положении голландцев на Молуккских островах, о проникновении туда англичан и о голландской колонии на мысе Доброй Надежды. Кроме того, он должен был обследовать русские поселения и торговые фактории на Алеутских и других близлежащих островах, собрать сведения о мореплавании и торговле русских в этом регионе и установить, не проникли ли русские на американский континент. Несмотря на то, что Испания, согласно Фамильному пакту (1761), была союзницей Франции, Лаперузу предписывалось собрать информацию об испанских колониях: о состоянии, силе и характере испанских поселений и торговли на северо-западном побережье Америки, на Марианских и прилегающих к ним островах; изучить возможности развития торговли пушниной между французами и индейцами в этом регионе; узнать, проникли ли испанцы на Каролинские острова.

С разведывательными были тесно связаны торговые цели экспедиции: конкуренция с Англией и защита торговых интересов Франции вызывали потребность в изучении перспектив китобойного промысла, торговли пушниной и основания французских торговых факторий. С целью развития китобойного промысла Лаперуз должен был выяснить возможности основания французских поселений на островах в южной части Атлантического океана. Ему также предписывалось оценить перспективы французских поселений на Курилах и островах вблизи Камчатки, которые предполагалось создать для торговли пушниной. Другой задачей, поставленной перед мореплавателем, было собрать подробную и точную информацию о нынешнем состоянии европейской торговли в Кантоне и изучить вопрос о развитии французской торговли с Японией и Китаем.

«В целом, на всех островах и во всех портах континентов, занятых или посещаемых европейцами, куда он будет заходить, он проведет с осторож-

ностью и насколько это позволят обстоятельства и продолжительность пребывания, всевозможные расследования, чтобы детально разузнать о природе и размахе торговли каждой нации, наземных и морских силах, кои каждая там держит, возможных заинтересованных или дружеских отношениях между каждой из них и местными вождями и населением там, где имеются их поселения, и, в общем, обо всем, что может касаться интересов политики и торговли»,¹⁵ – гласила королевская инструкция. Одним словом, если называть вещи своими именами, перед Лаперузом ставились разведывательные задачи, но при этом в полученных им инструкциях вопросы, касающиеся политики и торговли, стыдливо объявлялись как бы второстепенными по сравнению с научно-исследовательскими целями экспедиции. Они, если и были поставлены, то лишь, «с тем чтобы экспедиция, снаряженная по приказу его величества, содействуя совершенствованию географии и расширению навигации, могла бы также осуществлять цели, намеченные в интересах короны и на пользу ее подданным»¹⁶.

Экспедиция, призванная послужить укреплению международного престижа Франции, готовилась с большим размахом. В королевских инструкциях она именовалась «одним из самых обширных предприятий, кои когда-либо были осуществлены»¹⁷. И это не пустые слова: общие расходы на ее снаряжение составили 1 948 165 ливров¹⁸. Чтобы оценить величину этих расходов, можно сказать, что весь бюджет морского ведомства в 1788 г. составил 47 280 000 ливров.

История экспедиции Лаперуза – благодаря сохранившимся дневнику и письмам ее участников – дает пищу для размышлений о том, как путешествие открывало путь межкультурным контактам и как осмысление его опыта вело (или не вело) к трансформации привычной для его участников картины мира. С одной стороны, в обширной литературе, посвященной экспедиции Лаперуза¹⁹, эта тема, как мне представляется, затронута в меньшей степени, чем история самого плавания и совершенных в ходе него географических открытий. С другой – перечисленные источники содержат богатейший материал на эту тему. О ней и пойдет речь далее.

XVIII в. был ознаменован тем, что в это время история не только стала, но и была осознана как всемирная. Такой универсализирующий взгляд на человеческую историю ярко проявился в знаменитом труде Вольтера «Опыт о нравах и духе народов» (1756). Дневник Лаперуза это тоже отчасти «опыт о нравах и духе народов»: обязательным сюжетом на его страницах, посвященных местам, которые довелось посетить мореплавателю, является описание нравов и обычаев туземных народов.

Но это не просто описания, в них неоднократно – прямо или косвенно – поднимается одна из острейших и дискуссионных проблем общественной мысли XVIII в.: взаимоотношения *человека, природы и цивилизации*. Одной из самых популярных конструкций, созданных просветительской мыслью, был миф о «добром дикаре». Многие философы-просветители, отвергая

идею первородного греха, исходили в своих построениях из представления об изначальной неспорченности человеческой природы. Они утверждали, что человек по природе своей добр, а все пороки – суть результаты дурного правления и неправильного общественного устройства. Отсюда следовало, что «природный», «естественный» человек, «не испорченный цивилизацией», являет собой образец доброты и нравственности. Другие мыслители возражали, полагая, что лишь прогресс цивилизации несет с собой совершенствование человеческой природы и нравственности. Споры на эту тему начались в середине века. Наиболее известным примером идеализации «естественного человека» в литературе может служить «Рассуждение о науках и искусствах» (1750) Жан-Жака Руссо. Вольтер, в целом не разделявший такой точки зрения и не раз весьма остроумно ее оспаривавший, все же отдал ей дань, создав образ «не испорченного цивилизацией» человека – индейца-гурона, прозванного Простодушным, в одноименной повести (1767).

Споры особенно оживились после кругосветного путешествия Луи-Антуана де Бугенвиля (1766–1769). С одной стороны, сам Бугенвиль в опубликованном им «Путешествии вокруг света» (1771) заявлял, что увиденное окончательно убедило его в превосходстве европейской цивилизации. Так, описывая жителей Таити, Бугенвиль отмечал, что народ они доброжелательный, отличаются мягким нравом, их склонность к воровству умеряется робостью, но при этом война между туземцами ведется с крайней жестокостью²⁰. Таитяне представляют собой народ чрезвычайно ленивый во всех отношениях, как телесно, так и умственно; они привыкли жить исключительно в свое удовольствие: «Кажется, что для них малейшее размышление – это непосильный труд и что умственных усилий они избегают еще больше, чем телесных»²¹. Но вопреки взглядам самого Бугенвиля, его путешествие способствовало популяризации мифа о «добром дикаре». Из плавания он привез живого «добротного дикаря», уроженца Таити по имени Аотуру, в котором просвещенные парижане увидели столь любезного им «естественного человека», не отягощенного предрассудками, и Аотуру стал пользоваться бешеным успехом в аристократических салонах.

Дени Дидро обратился к опыту путешествия Бугенвиля, чтобы изложить на его примере принципы естественной морали. Один из персонажей его «Дополнения к Путешествию Бугенвиля» – европеец – восклицает: «Жизнь дикарей так проста, а наше общество – это такая сложная машина!»²² – и утверждает далее: «Я ручаюсь, что их варварство не так порочно, как наша учтивость»²³. Другой персонаж Дидро, старик-туземец, говорит Бугенвилю: «Ты, вожак разбойников, пусть твой корабль скорей оставит наши берега. Мы невинны, мы счастливы, а ты способен лишь разрушить наше счастье. Мы следуем чистому природному инстинкту, а ты пытаешься стереть его след в наших душах. Здесь все принадлежит всем, а ты проповедовал нам какое-то различие между твоим и моим. [...] Мы свободны, а ты заронил в

нашу землю семена нашего будущего рабства»²⁴. Лаперузу была хорошо знакома эта идеализация «естественного человека», свободного от «пороков цивилизации», ставшая общим местом в современной ему литературе и публицистике. Описывая в дневнике нравы встреченных им аборигенов, он постоянно полемизирует с некими «философами». В литературе встречается утверждение, что под «философами», чьих имен Лаперуз ни разу не называет, подразумевался один вполне конкретный человек, а именно Ж.-Ж. Руссо²⁵. Трудно сказать, на чем основано такое мнение. Лаперуз, наверное, неслучайно все время говорит о «философах» во множественном числе. Своими оппонентами он мог видеть не одного только Руссо, но и других просветителей, в частности, Вольтера или Дидро. Хотя «Дополнение к Путешествию Бугенвиля» Д. Дидро и было опубликовано только в 1796 г., но в рукописном виде этот текст распространялся в Париже уже начиная с 1773 г., так что Лаперуз имел возможность с ним познакомиться.

Споры о «добром дикаре» не обошли стороной и участников экспедиции Лаперуза. Среди них выявились две противоположные позиции: ученого и моряка. Апологетом добродетелей «естественного человека» выступил физик, минералог и метеоролог Робер-Поль, шевалье де Ламанон. В письме, адресованном морскому министру маркизу де Кастри, шевалье де Ламанон, отдавая должное научному вкладу экспедиции, в качестве главного ее достижения отмечал все же не это, а мирные отношения с местным населением: «Но что всегда будет отличать это путешествие, что составит славу французской нации в глазах философов, современников и потомков, – так это то, что мы посетили народы, считающиеся варварскими, не пролив ни одной капли крови». Ламанон хвалил Лаперуза за его миролюбие и гуманность по отношению к аборигенам и, хотя и признавал, что «кампания, по правде, еще не окончена», тем не менее уверенно заканчивал письмо словами: «Наше путешествие докажет миру, что французы добрые, но и естественный человек не злой»²⁶. По свидетельству Лаперуза, Ламанон в одной из бесед утверждал, что аборигены лучше европейцев. Цитированное выше письмо Ламанона было написано в январе 1787 г., а 11 декабря произошли трагические события: капитан «Астролябии» Флерио де Лангль и вместе с ним 11 других членов экспедиции были убиты аборигенами во время высадки на о-ве Мауна (Тутуила, архипелаг Самоа), еще несколько человек были тяжело ранены и один впоследствии скончался от ран. Мореплаватели высадились на берег, чтобы отправиться к аборигенам за водой и провизией, и на них внезапно напали. Причины нападения не вполне ясны. Один из членов экспедиции, командовавший отступлением участников высадки в бухте о-ва Мауна, высказал предположение, что они спровоцировали агрессию, дав некоторым аборигенам подарки, и тогда другие – те, кто не получил подарков, – возмутились от зависти²⁷.

По мнению исследовательницы экспедиции Лаперуза Катрин Газиелло, после этой трагической истории у Лаперуза сложился «новый образ мыс-

лей» (*“le nouvel état d’esprit”*)²⁸. Понимается, он был потрясен гибелью товарищей, однако, как мне представляется, принципиального изменения в его образе мыслей в результате случившегося не произошло.

Его позиция оставалась неизменной. Записи в дневнике Лаперуза свидетельствуют о том, что уже с самого начала нравы аборигенов производили на него удручающее впечатление. Нигде он не встретил примеров «естественной морали». Вот заметки, сделанные в феврале 1786 г., когда мореплаватели высадились на территории испанской колонии в заливе Консепсьон (вице-королевство Чили): кругом процветают лень и воровство, женщины легкодоступны, местное население представляет собой выродившуюся расу. Единственными, кто заслужил добрые слова со стороны Лаперуза, оказались поселенцы в первом поколении, приехавшие из Испании и еще не успевшие «выродиться»²⁹.

В апреле 1786 г. экспедиция приплывает на остров Пасхи. Описывая нравы населения, Лаперуз вновь отмечает воровство, испорченность, лицемерие. Об уровне «естественной морали» говорит то, что местные жители насильно приводят к кораблям 13-14-летних девочек и предлагают их за плату французским морякам. Вопреки тому, что было предписано в королевской инструкции, хорошее обхождение, «мягкость и человечность» не способствовали установлению дружеских взаимоотношений с людьми, способными понимать только язык силы. Лаперуз сетует: «Мы же, напротив, приплыли на их остров, чтобы делать им добро; мы завалили их подарками; мы обласкали самых слабых, особенно грудных детей; мы засеяли их поля всевозможными полезными семенами; мы оставили в их поселениях свиней, коз и овец, кои, очевидно, будут размножаться; мы ничего не просили у них взамен: тем не менее, они забросали нас камнями и украли у нас все, что сумели унести»³⁰.

В июле 1786 г. мореплаватели высаживаются на берег Французского залива (ныне бухта Литуйя-Бей, расположенная на юго-восточном краю Аляски) и видят воровство, лень, праздность, грубые, варварские нравы местного населения. По словам Лаперуза, «образ их жизни, исключаящий всякую субординацию, ведет к тому, что ими постоянно движет страх или месть; они скоры на гнев и на расправу, и я то и дело видел, как они бросаются друг на друга с ножом в руке»³¹.

Описывая эти неприглядные картины, путешественник спорит с кабинетными философами, создавшими миф о «добром дикаре». Умозрительному теоретизированию он противопоставляет свой без малого 30-летний опыт мореплавания: «Философы напрасно возмутились бы этой картиной. Они пишут свои книги у камелька, а я путешествую вот уже тридцать лет; я свидетель несправедливостей и коварства народов, которых нам изображают такими добрыми, потому, дескать, что они близки к природе [...]. Как невозможно проникнуть в леса, не прореженные руками цивилизованных людей; пересечь равнины, покрытые камнями, скалами и затопленные не-

проходимыми болотами; так же нельзя создать общество из естественных людей, ибо это злобные и коварные варвары»³².

Лаперуз не увидел у «дикарей» никакой высокой нравственности. «Я бы согласился, наконец, если хотите, что общество не может существовать без каких бы то ни было добродетелей; но я вынужден признать, что не сумел их разглядеть: вечно в состоянии междоусобной распри, безразличные к детям, подлинные тираны своих жен, обреченных без конца делать самую тяжелую работу; я не заметил у этого народа ничего, что позволило бы мне смягчить краски нарисованной картины», – так пишет он о североамериканских индейцах³³. В противоположность «философам» с их идеализацией высоких моральных качеств человека, пребывающего в «естественном состоянии» и не знающего о праве собственности, Лаперуз убежден, что отсутствие у туземцев четкого понятия о собственности портит их нравы; следствия этого – повсеместно встречающиеся лень и воровство.

Единственным исключением, объяснения которому он не находит, являются аборигены Сахалина и дальневосточного побережья, где мореплаватели побывали в июле 1787 г. Там Лаперуз с удивлением встретил «цивилизованный народ» (*“un peuple policé”*)³⁴, отличающийся «мягкостью нравов», «деликатностью манер», «взаимной привязанностью» и «почти религиозным» уважением к собственности³⁵. По его словам, «в полную противоположность всем нашим представлениям, мы встретили у народа охотников и рыбаков, не занимающихся никаким земледелием и не имеющих домашнего скота, манеры, в общем, более мягкие, степенные и умственное развитие, возможно, более широкое, чем у какой-либо европейской нации. Разумеется, познания у образованного класса европейцев во всем намного превосходят те, что есть у двадцати одного островитянина, с коими мы общались в бухте Лангля: но у народа этих островов знания, в целом, распространены шире, чем среди простых классов у европейских народов; здесь кажется, что все получили одинаковое образование»³⁶. Но, правда, и здесь есть свои недостатки – нечистоплотность и нестерпимая вонь, вызванная тем, что эти народы не знают земледелия, основной продукт питания у них – лосось, объедки которого валяются и гниют повсюду. Впрочем, Лаперуз готов отнестись к этому снисходительно, так как полагает, «что у нации, не имеющей ни скотоводства, ни земледелия, цивилизация не может подняться выше»³⁷.

Так что и до трагедии в бухте Мауна Лаперуз не ждал от аборигенов ничего хорошего. Если же говорить о переменах, произошедших в его образе мыслей под впечатлением этих событий, то изменился, во-первых, тон его высказываний о местном населении. Естественно, что под впечатлением от гибели товарищей Лаперуз начал высказываться более эмоционально, резко и с явным ожесточением. Так, например, он стал писать, «что человек почти дикий и в состоянии анархии есть существо более злобное, нежели самые дикие звери»³⁸. Во-вторых, – и это более существенно, – изменилось

его представление о том, какой тактики следует придерживаться при встречах с туземцами.

После гибели капитана Лангля и его товарищей, Лаперуз раскаивался в том, что слишком точно следовал полученным инструкциям воздерживаться от применения вооруженной силы при встречах с аборигенами. Рассказывая в письме морскому министру о гибели Лангля и Ламанона, Лаперуз пишет, что они «стали жертвами своей гуманности»: они остались бы живы, если бы открыли огонь по аборигенам³⁹. Еще более резко и определенно он высказывается в письме, адресованном Флёрё, где заявляет, что «все дикари злобные» и критикует не только «философов», но и королевские инструкции: «Мое мнение о нецивилизованных народах сложилось уже давно; мое путешествие лишь укрепило его:

В моих опасностях, я слишком их узнал.

В то же время, я в тысячу раз больше зол на философов, столь превозносящих дикарей, нежели на самих дикарей. Несчастный Ламанон, убитый ими, говорил мне накануне своей гибели, что эти люди лучше нас. Строго соблюдая распоряжения, содержащиеся в моих инструкциях, я всегда обходился с ними с величайшей умеренностью; но признаюсь вам, что ежели мне придется совершить новую кампанию подобного рода, я буду просить других распоряжений. Мореплаватель, покидая Европу, должен смотреть на дикарей как на врагов, по правде говоря, очень слабых, коих было бы невеликодушно атаковать без причины и варварством было бы убивать, но мы вправе их предупредить, ежели у нас возникнут серьезные подозрения»⁴⁰.

Опровергая миф о «добром дикаре», Лаперуз противопоставляет отвлеченному философствованию знание, полученное опытным путем. Но он не ограничивается описанием всего того, что увидел своими глазами. Он пытается дать объяснение увиденному, и когда начинает объяснять, у него волей-неволей возникает своя «философия». Объяснения он предлагает преимущественно материалистические. Во-первых, суровая природа и необходимость постоянно вести борьбу за выживание порождают грубые нравы, что хорошо видно на примере индейцев Северной Америки: «От природы столь ужасную страну должны были населять жители, столь отличные от цивилизованных народов, сколь только что описанное мною место отличается от наших вспаханных равнин: столь же грубые и варварские, сколь камениста и дика их земля, они живут на ней лишь для того, чтобы ее опустошать; ведя постоянную войну с животными, они пренебрегают всем, что произрастает вокруг»⁴¹.

Во-вторых, нравы и обычаи Лаперуз связывает с типом хозяйства. Цивилизация и нравственность возникают, когда человек переходит от присваивающего хозяйства (рыболовства, охоты и собирательства) к производящему (земледелию и скотоводству). Особое значение он придает сельскому хозяйству, которое, с его точки зрения, «делая человека домоседом, обеспечивая его пропитанием и внушая ему страх, как бы не была опусто-

шена возделанная им земля, возможно, более, чем любое другое средство, способно смягчить нравы и сделать человека общественным»⁴².

С распространением христианства он особых надежд не связывает: опыт работы испанских миссионеров, с его точки зрения, показал, что христианизация не приобщает индейцев к европейской цивилизации. И он признается, что является «больше другом прав человека, чем теологом»⁴³. А среди прав человека, способных играть цивилизующую роль, на первое место он ставит право собственности, потому что, только получив такое право, каждый индеец начнет усердно возделывать свое поле и таким образом приобщаться к цивилизации⁴⁴.

При этом туземцы не являются, в его глазах, народом, по природе своей отличным от европейцев: они такие же люди, просто исторически они стоят на более низкой ступени развития. Различие между европейцами и «дикарями» не сущностное, а стадияльное. Воюющие друг с другом аборигены находятся сейчас на той стадии развития, на какой европейцы находились в Средние века, когда у них было «феодалное правление». Вот что он пишет по поводу жителей островов Океании: «Здесь также еще сохранилось феодалное правление: то правление, о коем, возможно, сожалеют мелкие тираны, кое оскверняло Европу в течение нескольких столетий и чьи готические остатки сохраняются еще в наших законах, подобно медалям на память о нашем прежнем варварстве; это правление, – скажу я, – наиболее способствует сохранению жестокости нравов, ибо из-за мельчайших интересов деревня идет войной на деревню, а такие войны лишены величия и мужества; то и дело совершаются обманы и предательства; и в этих несчастных краях встречаешь не великодушных воинов, а одних лишь убийц»⁴⁵. В своих рассуждениях Лаперуз не проводит существенного различия между стадиями «естественной», первобытной дикости и средневекового феодального «варварства». Та и другая выступают в его построениях, прежде всего, как антиподы современной европейской цивилизации.

Таким образом, осуждая кабинетную, умозрительную «философию», Лаперуз сам не может без нее обойтись. Он наблюдает некие новые жизненные реалии, которые ему нужно вставить в существующие в его сознании интерпретационные схемы, а схемы эти заимствованы из той же просветительской «философии». И главной из этих схем является представление о едином пути прогресса, по которому идет все человечество. С этой точки зрения, капитан Лаперуз вполне разделял как принципы, отраженные в королевских инструкциях, так и те, что исповедовал – вслед за «философами» – трагически погибший естествоиспытатель шевалье де Ламанон.

¹ Подробнее см.: *Gaziello C. L'expédition de Lapérouse, 1785-1788 : réplique française aux voyages de Cook. P., 1984. P.11-12; De Botany-Bay à Vanikoro : Lapérouse en*

Nouvelle-Calédonie. Communications à l'Académie des sciences d'outre-mer le 27 mai 1988 // *Mondes et cultures*. P., 1988. Т. 48. N 1.

² Во время стоянки на Камчатке осенью 1787 г. он отправил одного из участников экспедиции, дипломата Ж.-Б.-Б. де Лессепса из Петропавловска во Францию с ценным грузом, содержащим большое количество карт и путевых записей. Проехавший через всю Сибирь Лессепс тоже описал свое путешествие (*Lesseps J. B. B. de. Le messager de Lapérouse: Du Kamchatka à Versailles*. Barbizon, 2004).

³ *Voyage de La Pérouse autour du monde*, publié conformément au décret du 22 avril 1791, et rédigé par M. L.A.Milet-Mureau, général de brigade dans le corps du génie, directeur des fortifications, ex-constituant, membre de plusieurs sociétés littéraires de Paris. A Paris, l'an VI de la République – 1798 (1797). Т. 1–4.

⁴ *Le Voyage de Lapérouse: 1785–1788: récit et documents originaux / Présentés par J. Dunmore, M. de Brossard*. P., 1985. Т. 1–2; *Voyage autour du monde sur l'Astrolabe et la Boussole / Choix de textes, introduction et notes de H. Patris*. P., 2005.

⁵ *Voyage de La Pérouse autour du monde...* Т. 1. P. 22.

⁶ *Mémoire du Roi, Pour servir d'instruction particulière au sieur de la Pérouse, capitaine de ses vaisseaux, commandant les frégates la Boussole et l'Astrolabe, 26 juin 1785 // Voyage de La Pérouse autour du monde...* Т. 1. P. 53.

⁷ *Ibid.* P. 25.

⁸ *Lever E. Louis XVI*. P., 1985. P. 412–413; *Girault de Coursac P. et P. Le Voyage de Louis XVI au tour du monde. L'expédition La Pérouse*. P., 2000.

⁹ *Gaziello C.* Op. cit. P. 76–77. Кроме того, как подчеркивает исследовательница, нет никаких доказательств, что именно этот раздел был составлен лично королем или по его указаниям; единственный сохранившийся черновик его написан рукой Флёрё, и пометок короля на нем нет.

¹⁰ *Mémoire du Roi...* P. 49.

¹¹ *Ibid.* P. 45.

¹² *Ibid.* P. 48.

¹³ «Nous avons donné aux sauvages tout ce qu'ils ont voulu emporter... l'humanité ne me permet point de n'être pas touché de leur sort à venir» (цит. по: *Brossard M. de. Lapérouse: Des combats à la découverte*. P., 1978. P. 485).

¹⁴ *Mémoire du Roi...* P. 48–49.

¹⁵ *Ibid.* P. 36.

¹⁶ *Ibid.* P. 23.

¹⁷ *Ibid.* P. 52–53.

¹⁸ *Les dépenses du voyage de Lapérouse // Gaziello C.* Op. cit. P. 253–256.

¹⁹ *Chinard G.* *Le voyage de Lapérouse sur les côtes de l'Alaska et de la Californie (1786)*. Baltimore, 1937; *Brossard M. de.* Op. cit.; *Gaziello C.* Op. cit.; *Bellec F.* *La généreuse et tragique expédition Lapérouse*. Rennes, 1985; *De Botany-Bay à Vanikoro...*; *Girault de Coursac P. et P.* Op. cit.; *Jacob Y.* *L'énigme Lapérouse*. P., 2000; *Meissner H.O.* *Die verschollenen Schiffe des Lapérouse*. München, 1984; *Idem.* *La Pérouse, gentilhomme des mers*. P., 2004.

²⁰ *Bougainville L.-A. de.* *Séjour à Tahiti // Diderot D.* *Supplément au Voyage de Bougainville / Ed. de M. Delon*. P., 2002. P. 139.

²¹ *Ibid.* P. 142.

²² *Diderot D.* Op. cit. P. 37.

²³ Ibid. P. 91.

²⁴ Ibid. P. 40.

²⁵ «Совершенно очевидно, речь идет о Руссо, хотя его имени Лаперуз никогда не называет...» («Rousseau bien évidemment est visé, sans que Lapérouse le nomme jamais», – *Gaziello C.* Op. cit. P. 233).

²⁶ *Lamanon R.-P. de.* Des mers de Chine, 1er janvier 1787 // *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 4. P. 187–188.

²⁷ *Relation de M. de Vaujuas // Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 3. P. 254–263.

²⁸ *Gaziello C.* Op. cit. P. 233.

²⁹ *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 2. P. 72–73.

³⁰ Ibid. P. 108.

³¹ Ibid. P. 216–217.

³² Ibid. P. 217.

³³ Ibid. P. 219.

³⁴ *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 3. P. 76, 108.

³⁵ Ibid. P. 99–100, 104, 108.

³⁶ Ibid. P. 74.

³⁷ Ibid. P. 108.

³⁸ Ibid. P. 238.

³⁹ *La Pérouse J.-F. de.* De Botany-Bay, 5 février 1788 // *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 4. P. 226.

⁴⁰ *La Pérouse J.-F. de.* De Botany-Bay, 7 février 1788 // Ibid. P. 267.

⁴¹ *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 2. P. 215–216.

⁴² Ibid. P. 233.

⁴³ Ibid. P. 288.

⁴⁴ Ibid. P. 289.

⁴⁵ *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 3. P. 279.

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ:
ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ.
ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА

Начало формирования национально-географических образов в Европе принято относить к середине XIX столетия¹, в собственно финляндской историографии его связывают с более ранним периодом 1830–1850-х гг.² В Финляндии, входившей с 1809 г. в состав Российской империи, процессы осмысления и оформления этнической идентичности и создания национальной идеологии протекали параллельно, зарождение и развитие соответствующих концепций и представлений осуществлялось в общем для Европы XIX века русле. Особенности формирования национальной идеологии в Финляндии определялись следующими факторами: 1) политическая и культурная элита имела шведское происхождение; 2) первые фенноманы – деятели национального движения – строили национальную идеологию исходя из известной формулы одного лидеров т. наз. абоского романтизма – А.И. Арвидсона (1791–1858): «Мы не шведы, русскими стать не хотим, так будем же финнами»; 3) парадокс финляндского нациестроительства выразился и в том, что феннофильское движение ширилось и укреплялось, с одной стороны, при поддержке российских властей³, а с другой, ведущую роль в нем играли представители шведоязычной интеллигенции. В 1840-х гг., когда национально-патриотические идеи получили свое выражение в творчестве и патриотической деятельности «отцов-основателей» финской нации – Э. Лённрота, Й. Рунеберга и Й. Снельмана, – на это поприще вступил и Захариас (Сакари) Топелиус–младший (Zacharias, Sakari Topelius, 1818–1898) – финляндский поэт, романист, сказочник, ученый, педагог, политик и публицист, писавший на шведском языке. Топелиус является центральной фигурой национального финляндского движения второй половины XIX в. Его разносторонние дарования и интересы способствовали широкому распространению идей феннофилов, поскольку Топелиус был одним из ведущих финляндских историков и географов (он преподавал историю и географию в крупнейшем университете страны в Хельсинки, был его ректором). Его называли финским Вальтером Скоттом и Андерсеном: он являлся автором нескольких десятков исторических романов о финской истории и многократно издававшихся сказок, стихотворений и поэм. Свои политические взгляды и патриотические идеи он излагал на страницах популярной хельсинкской газеты «Helsingfors Tidningar» в 1843–1866 гг., там же печатал свои новые повести, рассказы и поэмы. Весьма значительную роль Топелиус сыграл в разработке реформы системы финского образования и в создании школьных программ; его перу принадлежат

книги для чтения, учебники и хрестоматии для начальной и средней школы по истории, географии и родоноведению. Почти все сочинения для детей и художественные произведения Топелиуса сразу же переводились на финский язык. Влияние Топелиуса на финляндское общество (как на шведо-, так и на финноязычную его части) и складывающуюся идентичность осуществлялось во всех областях духовной жизни.

Велика заслуга Топелиуса в изучении географии Финляндии – ее ландшафта, климата, природных богатств и народонаселения⁴, он открыл чтение университетского курса географии края. В сущности, он был первым в Финляндии, кто предпринял попытку осуществить его описание с учетом новейших научных изысканий (прежде всего Ф. Ратцеля и К. Риттера) в этой области. География, история и литература расценивались Топелиусом как важнейшие средства формирования народа/нации и репрезентации страны и ее культуры за рубежом. Поэтому научно-популярные книги Топелиуса, представлявшие природу и культуру Финляндии, – такие как «Старая прекрасная Финляндия... в рисунках», «Путешествие по Финляндии» и другие – переводились на европейские языки, в том числе и на русский⁵.

Одно из первых сочинений о Финляндии – стране и народе – было написано Топелиусом в качестве комментария к альбому из 120 литографий и гравюр с картин шведских и норвежских художников по заказу книгоиздателя А.К. Омана «Старая прекрасная Финляндия, представленная в рисунках» («Finland framstäldt i teckningar» (1845–52 гг.)). Для него Топелиус написал очерки о природе, статистике, истории и этнографии Финляндии. Сама по себе идея такого географо-этнографического описания не была оригинальной, книга создавалась по шведскому образцу (в 1840 г. в Стокгольме был издан альбом «Sverige framstäldt i teckningar»). Топелиус был знаком с его автором Г. Меллином, и при написании своих текстов, очевидно, руководствовался опытом шведского ученого.

Спустя двадцать лет в свет вышло новое аналогичное иллюстрированное издание с текстом Топелиуса «Путешествие по Финляндии с подлинными картинками» («En resa i Finland (efter originalteckningar av finska konstnärer)», 1873), который обновил свой ранний очерк в соответствии с новым комплексом из 36 литографий по просьбе издателя Тильмана. Предполагалось, что «Путешествие» будет интересно прежде всего для европейского читателя, поэтому сразу же были осуществлены переводы на английский, французский, немецкий, а также финский и русский языки (вышли в 1875).

Те же сведения легли в основу изданной в 1875 г. на шведском и через год переведенной на финский язык детской книги для чтения «Наш край» (в шведском оригинале «Vårt land», или «Boken om vårt land», в финском переводе «Maamme», или «Maamme kirja» – «Наш край», или «Книга о нашем крае»⁶). Двадцать лет спустя, еще при жизни З. Топелиуса, на нескольких языках вышла богато иллюстрированная энциклопедия о Финляндии «Фин-

ляндия в XIX столетии» (издана на русском в 1894 г.)⁷. Она представляла историю и достижения Финляндии в составе Российской империи во всех областях жизни и включала более 300 иллюстраций, в том числе литографии и репродукции картин всех выдающихся финляндских художников. В ней перу Топелиуса принадлежало два главных очерка о природе и народе Финляндии. Они были скомпилированы из его ранних работ, написанных в жанре путешествий. Все указанные сочинения Топелиуса тяготеют к жанру географо-статистических описаний *популярного* характера (о последнем свидетельствует язык сочинений и структура изложения), а обильное включение иллюстраций (по большей части черно-белых литографий) сближает их и с так. наз. живописными путешествиями, мода на которые восходит в Европе к концу XVIII в., – в них текст и изображение дополняли друг друга⁸. Так или иначе, сочинения З. Топелиуса о Финляндии и финнах выполняли задачу репрезентации страны для европейского, финского и русского читателя на протяжении полувека, что дает возможность проследить ее ключевые темы и выявить особенности описания им страны и народа на этапе формирования финской национальной идентичности.

На основании изучения трех научно-популярных сочинений⁹ Топелиуса – «Путешествия по Финляндии», «Maamme» («Наш край») и глав в «Финляндии в XIX столетии»¹⁰ – мы: а) проанализируем особенности и преимущества приема виртуального путешествия в его географо-этнографических описаниях Финляндии; б) рассмотрим роль и соотношение текста и иллюстраций в этих репрезентациях; в) исследуем отличительные черты географического и этнографического описаний, осуществленных в жанре путешествия. В центре внимания будет находиться вопрос о том, как избранная Топелиусом форма изложения влияла на представление о типичном финском ландшафте и финском национальном характере, которые, в свою очередь, декларировались им в качестве объективно-научных фактов. Это важно потому, что в период формирования образа финнов в качестве этноса и в качестве нации З. Топелиус являлся главным «конструктором» финской этнической идентичности наряду с главным национальным поэтом Финляндии Й. Рунебергом: «Финляндия как нация строилась вокруг идеи о финской национальной сути, предложенной Рунебергом»¹¹, а «Топелиус обладал практически полной монополией на формирование взглядов молодого поколения»¹². Как убедительно показано финляндскими и российскими исследователями, если Рунеберг «выявил» основные черты природы и народа Финляндии, то Топелиус в процессе «объективного» описания развил и детализировал их, в итоге создав такой комплекс черт и свойств финского национального характера, который (благодаря его усилиям как педагога–просветителя) уже в конце XIX – начале XX вв. стал восприниматься самими финнами как верное и аутентичное выражение их «сути» и автостереотипных представлений¹³. Затронут будет также вопрос о том, в какой степени репрезентации Топелиуса повлияли на российские характе-

ристики финнов и Финляндии в реализованных проектах полных географо-статистических описаний Российской Империи.

Жанр географо-статистических описаний

Географо-статистические описания становятся одним из основных жанров географических сочинений в Европе в XVIII в.¹⁴ Их целью была подробная каталогизация всех ресурсов государства или отдельных его регионов; они включали сведения по физической и экономической географии, демографии, с непременно приложением карт, статистических обзоров, планов городов и т.п. Авторам вменялось в задачу не аналитическое исследование, а представление всей известной информации по строго определенному плану. Создание таких фундаментальных трудов инициировалось, как правило, государством и требовало объединения усилий ученых разных специальностей, а также военных топографов. Образцовым считался немецкий опыт¹⁵. В работах немецких «статистиков» впервые появляется и понятие «народоведения» как одного из обязательных объектов данного вида описаний¹⁶. Эти подробные географические обзоры с этнографическими данными (этнография вплоть до 1870-х гг. рассматривалась как отрасль географии) выполняли как научные, так и прикладные – военно-стратегические и экономические задачи, их создание также диктовалось необходимостью геополитической интеграции отдельных регионов в единое целое. Описания «своих» территорий, земель и народов являлись столь же актуальными, как и отчеты о заграничных путешествиях. Зачастую в процессе научного освоения собственных территорий оказывалось, что «свои» земли и народы неизвестны и загадочны в той же степени, как и чужие; и даже первичная их «каталогизация» приводила к пересмотру существовавших ранее стереотипов¹⁷.

Со второй половины XIX века географо-статистические описания обретают новые черты в связи с изменением принципов и задач географии (страноведения): в них усиливается акцент на сугубо этнографической части, описывающей формы быта, деятельности и культуры отдельных «племенных отраслей» и народов. Кроме того, они осуществляются в границах природных областей – ландшафтов, задающих региональное членение пространства. Появляется концепция ландшафта как главной географической единицы с хорошо выраженными естественными границами, которые устанавливаются исходя из естественных факторов¹⁸. Хозяйственная деятельность, антропологический облик, быт и историческое развитие населения определяется ландшафтом и изменяется вместе с ним. Ландшафтный подход в географическом исследовании имел важное последствие. Главные идеи географического детерминизма (зависимость человека от природной среды и доминирование природных факторов над историческими и культурными) обусловили прямолинейность трактовки: человек неизбежно вынужден приспосабливаться к природе, и формы и привычки этого при-

способления диктуют эволюцию сообщества. Поэтому «сами исторические и культурные особенности региона начинали восприниматься как часть «естества» по мере того, как жители края растворялись в окружающем их ландшафте»¹⁹. Такое понимание географии и географо-статистических описаний как разновидности географического исследования было общим для европейской науки 1860–1900 гг.²⁰ Описания Финляндии и финнов Топелиусом осуществлялись в этом русле. При этом он применил концепцию региона/ландшафта в своих географических трудах еще в 1850-х гг. (именно тогда обосновывал значимость ландшафтного подхода в географии и П.П. Семенов-Тянь-Шанский), в то время как в Европе она получила повсеместное распространение лишь в 1880-х гг.²¹

«Путешествие по Финляндии»: от комментария к описанию

Два сочинения З. Топелиуса, с которыми могли ознакомиться русскоязычные и финские читатели, – «Путешествие по Финляндии» (1873, 1875) и книга для детей «Наш край» (1876) – объединены общим приемом изложения: они строятся как виртуальные путешествия по родной стране, в которых автор выступает в качестве своеобразного гида. Текст «Путешествия» был заказан ему как комментарий к набору из 36 гравюр, которые были связаны между собой лишь объектом изображения (Финляндией), и Топелиус должен был создать стройное повествование, исходя из имеющегося изобразительного материала. В результате он расширил комментарии до полноценного географического описания Финляндии. В нем преобладает принцип иллюстративности в широком смысле: визуальное изображение продублировано словесным описанием, текст каждой из глав строится вокруг сюжета картины. Дескриптивность становится главным принципом повествования: текст Топелиуса не просто изобилует красочными картинками природы или натурными зарисовками из обыденной жизни; а представляет собой мозаику из отдельных картин-глав, в которых впечатление (эмоции) и информация (как объективное знание) сосуществуют на равных.

При написании «Путешествия» автор опирался на свой (впрочем, не очень значительный) опыт реальных путешествий по Финляндии. Он хорошо ее знал (за исключением Лапландии, где не бывал никогда). Ему приходилось часто ездить по Остерботнии/Похьянмаа (откуда он был родом) и Нюланду/Уусимаа (центром этой губернии был Гельсингфорс, где он жил и работал) – т.е. по Западной и Южной Финляндии. Запланированное заранее *путешествие* он совершил лишь однажды – в 1851 г., посетив восточную и центральную части страны²². Однако ко времени написания «Путешествия» он хорошо изучил научную литературу о Финляндии, читал курсы ее истории и географии. Не все описываемые в книге местности он наблюдал воочию, и в отношении некоторых сюжетов и для самого автора «Путешествие» имело умозрительный характер.

Топелиуса, конечно, ограничивали сюжеты иллюстраций. Во введении он сетовал на то, что в ходе основного повествования не может представить сведения о Финляндии в строго упорядоченном, структурированном виде: «Мы будем показывать и объяснять рисунки в том неправильном порядке, как они появляются перед взором читателя, но мы постараемся в конце серии сопоставить рисунки с содержанием так, чтобы могла выясниться их внутренняя связь, и их значение для всего целого выступило бы в лучшем свете»²³. Главы никак не связаны друг с другом, их последовательность определяется иллюстрациями, но она не отражает возможный в действительности маршрут, и поэтому путеводителем служить не может. Это беспокоило автора, неслучайно он сравнивал «наше путешествие» с «причудливым сном»²⁴. Отчасти этот недостаток компенсирован возможностью рассказать о том, что не всегда удается узнать путешественнику: о быте народа, семейном укладе, истории некоторых обрядов и обычаев, народном творчестве и т.п. Данная информация призвана была не только развлекать, но и просвещать читателя. Таким образом, «Путешествие» обрело характер многоплановой репрезентации: в нем представлены были литографии полотен крупных финляндских художников, причем новейших; сюжеты их давали возможность «увидеть» пейзажи и народные типы края; текст предоставлял максимум информации об изображении, растолковывая детали и их скрытое для неискушенного зрителя значение, а также повествуя о том, что необходимо и полезно знать в связи с сюжетом картины (например, о биографии художника, истории города или племени, о геологии, этнографии и т.п.).

Топелиус в «Путешествии» берет на себя роль проводника; при этом он описывает то, что изображено на картинах, и поясняет каждое изображение. Автор подчеркивает свою посредническую роль в отношениях между зрителем/читателем и изображением/описанием: визуальный и вербальный ряды не только дополняют друг друга информационно, но и позволяют создать максимально правдивое, объективное впечатление: «Читатель, хочешь ли ты следовать за нами по суше и воде? Мы отдадим Финляндию во власть кисти и резца; во власть глаза и мысли; мы присовокупим ее – сколько позволит искусство – к Европе и человечеству... Из обмена впечатлений выйдет наконец законченная картина, которая из целого получит свое правильное освещение»²⁵. Ключевые слова – «обмен впечатлений» и «правильное освещение» – раскрывают соотношение словесного и зрительного рядов: литографии с картин профессиональных живописцев (пейзажи, портреты и жанровые бытовые сценки, выполненные еще не в реалистической манере²⁶), сопровождаемые текстом Топелиуса, позволяли объединить эмоциональное восприятие с комментариями ученого наблюдателя. Такое понимание репрезентации «своего» характерно для периода конструирования национальных идентичностей в XIX в.²⁷

Автор стремился также соединить отвлеченные, общие сведения с конкретикой повседневной действительности: «Мы будем часто иметь случай передавать много различных сцен, представляющихся взору путника в этих лесных местах»²⁸. Он постоянно апеллирует к личному опыту, чтобы, во-первых, приблизить читателя к описываемому объекту, и, во-вторых, чтобы создать иллюзию сиюминутности впечатлений. Как казалось в ту эпоху, такая непосредственность, «свежесть» впечатлений была подтверждением большей объективности наблюдателя²⁹. Некоторые фрагменты текста представляют собой небольшие новеллы или сказки. Так, в кратком введении Топелиус свободен в выборе формы повествования, и потому он строит его как обращение к читателям, включая в него «сказку» собственного сочинения о том, как Финляндия – «беднейшая и более всех забытая дочь» Владыки Океанов и Европы – не получила от родителей тех даров природы, которыми награждены были другие, а лишь «свет в длинные месяцы», «алмазы из чистой воды» и «укрепленное жилище близ моря»³⁰. Любопытно, что Финляндия в сказке выступает в качестве родной сестры других детей, среди которых перечислены: Испания, Греция, Италия, Германия, Франция, Англия, Швеция, Норвегия, Дания и Россия (получившая в качестве «дара» пшеницу)³¹. Необходимо подчеркнуть, что Финляндия – в отличие от всех перечисленных «сестер» – единственная никогда не имела государственной независимости, однако это не мешает Топелиусу рассматривать ее как равную другим.

Визуальное и вербальное в «Путешествии»

В центре внимания живописцев находятся главным образом Юго-Восточная и частично Западная Финляндия – т. е. наиболее освоенные и развитые в экономическом отношении районы – с видами всех крупных городов-крепостей, небольших местечек и приходов. Среди бытовых сценок – главным образом те, которые воспроизводят наиболее распространенные народные занятия и промыслы – такие, например, как ловля и соленье салакушки, пожога, охота, ярмарка, запрещенное винокурение, а также исполнение рун. Пейзажная живопись призвана познакомить читателей с финской природой, поэтому в «Путешествии» представлены наиболее характерные ландшафты: реки, озера, побережья Финского залива, кряжи, скалы, водопады, гораздо реже – возделанные пашни.

Каждая из глав представляет собой описание картины или рассказ-новеллу по ее сюжету. Из 36 литографий «Путешествия» 14 – это виды крупнейших финских городов и замков, 6 – пейзажи, остальные представляют традиционные занятия в различных регионах страны или народные типы. Топелиус стремится дать максимум информации географического, исторического и этнографического характера, связанной не только с непосредственным изображением и с общей «темой» главы, которую он изби-

рает вне четкого плана. Изображение, таким образом, становится еще и поводом для изложения разнообразных сведений.

Например, на картине «На дороге в церковь» (худ. Экман) запечатлена «дорожная сценка»: едущий по деревенской дороге в одноколке крестьянин остановился, чтобы переброситься парой слов с нарядно одетой молодой четой. Название картины указывает, что муж и жена направляются в церковь. Топелиус строит описание картины как рассказ «из жизни». Он задает время действия – Вербное воскресенье. По внешнему виду крестьян и деталям костюма он «определяет» их происхождение и место проживания, наделяет персонажей конкретными чертами характера – причем отражающими социальный и региональный финский типы (это зажиточные крестьяне из прихода Яскис, отличающиеся «упрямством» и высокой самооценкой). Крестьянина в повозке он представляет как «карельца» (карелам присуща тяга к торговым операциям и нежелание заниматься тяжелым физическим трудом), едущего в Петербург продавать меха и бумагу (типичные предметы народного промысла в этом регионе). Автор подробно описывает праздничную одежду молодоженов как этнограф-специалист (с использованием специальных научных терминов и диалектных наименований элементов костюма). Он передает содержание разговора (о ценах на продукты в столице). Так бытовая зарисовка Экмана, мало что говорящая человеку, незнакомому с Финляндией, приобретает конкретную «историю» и «обрастает» полезной информацией.

Повествование, построенное вокруг сюжета картины «Окрестности Вазы» (худ. А. фон Беккер), на которой изображена семья шведских крестьян, возвращающихся с полевых работ, более походит на этнографический очерк о шведах Финляндской Приботнии. Топелиус рассказывает об истории их расселения и областях компактного проживания в стране, о формах земледелия в данном регионе, об отношениях в семье – о распределении хозяйственных обязанностей, о выборе супруга и свадебной обрядности, о положении женщины, о высокой смертности детей и т.п. Причем все факты даются им в сравнении с соответствующими традициями финнов.

В описаниях пейзажей Топелиус более лиричен, в нескольких случаях читателю предлагаются своеобразные стихотворения в прозе, но и это не отвлекает автора от главной цели: излагать научные факты и полезные сведения. Так, глава «Вид на провинцию Саволакс» (худ. Линдхольм) начинается как поэтическая миниатюра о раннем летнем дне: «мальчик-пастух поет веселую песню, каждый звук, свежий, как щебетанье птиц, раздается на опушке леса. ...Черный дрозд в роще считает также долгом им вторить...»³². Но затем автор обращает внимание зрителя на молодую сосну на переднем плане картины. Он определяет, что она наклоняется к юго-западу. Далее следует текст, содержание и стиль которого соответствует эталонам детских «книг для чтения»: «Отчего мы знаем, что она клонится туда? Оттого, что все хвойные леса в Финляндии – надежнейшие компа-

сы... Южная часть древесных стволов узнается по обилию крепких и далеко раскинувшихся ветвей с более густыми иголками, тогда как восточные и западные стороны представляют слабейшую растительность, а северная или слабо обрастает или совсем обнажена»³³. Далее он подробно рассказывает, как по углу падения солнечных лучей на данной географической широте (поскольку географические координаты Саволакса известны), определить, в какой месяц лета и время дня, с точностью до часа, написана картина Линдхольма. Таким образом, один из самых лиричных видов в «Путешествии» максимально полно использован автором: он предлагает и стихотворение в прозе (которое вполне может быть использовано в учебнике по родному языку и литературе), приводит сведения о природе конкретного региона страны, а также указывает простые способы ориентации в пространстве и времени.

Описание бытовой сценки «Кузница вблизи Або» (худ. Беккер) строится как новелла. На картине изображена внутренность кузницы, работающий у горна хозяин и его подмастерье, беседующий с человеком явно городского происхождения. Кузнец благодаря Топелиусу обретает имя и биографию, в повествование о его жизни искусно вплетаются сведения о древности кузнечного дела у финнов с цитатами из «Калевалы», с сюжетом картины автор связал свой рассказ о работе Беккера над картиной «с природы» и об отношениях художника с ее главным персонажем.

Подробная и научная (с датами, именами правителей, характеристиками по периодам, и т.д.) история страны представлена исключительно в описаниях картин с изображениями городов (замков). Важно отметить, что главным образом это история Финляндии в составе Швеции, с акцентом на политических событиях и войнах. Эти главы могли бы составить учебник по истории страны. При этом описания природы и племен, составляющих нацию, явно преобладают над рассказами о прошлом, которые в повествовании всегда связаны с конкретными точками пространства. Отчасти это объясняется взглядами Топелиуса на эволюцию финского народа-нации: он считал, что до создания Великого Княжества Финляндского финский народ не имел истории, и для него она началась в 1809 г.³⁴ Потому исторические достижения края расценивались Топелиусом как довольно скромные.

В «Путешествии», таким образом, Топелиус стремится использовать жанровую форму для максимально полного информирования читателя/зрителя. Трудно однозначно ответить на вопрос, какая роль кажется автору более значимой. Он и любопытный эмоциональный наблюдатель, стремящийся получить разнообразные впечатления, и дотошный исследователь, нацеленный на фиксацию фактов, деталей, на их объяснение и классификацию.

Если бы «Путешествие» предназначалось только для финляндского читателя, оно вполне могло бы именоваться, например, «Картины Родины». Топелиус, видимо, именно так и понимал свою задачу, потому что одновре-

менно с текстом «Путешествия» дорабатывал одно из самых известных и популярных своих произведений – «Наш край», или «Книгу о нашем крае»³⁵.

«Наш край». Жанр путешествия в учебном тексте

Эта книга выдержала более в Финляндии более 70 изданий и вплоть до 1940-х гг. являлась школьным учебником. В ней воплотилось жанровое разнообразие, характерное для творчества Топелиуса в целом: поэтические описания природы сменяются научными характеристиками ландшафта, новеллы о приключениях финских эпических героев соседствуют со сказками самого Топелиуса и с пересказом преданий «Калевалы», вполне научный исторический очерк Финляндии содержит красочные рассказы о биографии и деятельности финских поэтов, просветителей и общественных деятелей.

Название книги для детей – «Vårt land»/«Maamme»/«Наш край» – призвано было углубить и расшифровать понятие Отечества, сформулированное в стихотворении (одной из глав поэмы «Рассказы прапорщика Стооля») национального финляндского шведоязычного поэта Й. Рунеберга и ставшее текстом одноименного финляндского гимна (1846)³⁶. В нем дано главное поэтическое определение образа Финляндии, которое и сегодня остается визитной карточкой Суоми: «тысячезерный край»/«страна тысячи озер»³⁷. Стереотип пейзажа – краткая формула финского ландшафта, образ которого восходил к текстам калевальских рун. Рунеберг воплотил в гимне и характерную для романтизма идею о соответствии природы «духу народа»: суровый и бедный край населен суровым, мужественным, свободолюбивым, мирным народом: «Наш бедный край угрюм и сер»; «Душа народа здесь цвела / И тяжким вздохом изошла / В давно прошедшие года / Под бременем труда»³⁸.

Топелиус стремится дополнить рунеберговский образ Финляндии объективно-научной информацией о родном крае в форме, доступной для детского понимания. Поэтому вновь избрал уже опробованный и хорошо зарекомендовавший себя жанр путешествия. В данном случае это также позволяло объединить текстовые фрагменты разного стиля, что облегчало восприятие информации детьми. Следует отметить, что использование жанра виртуального путешествия в детской литературе – особенно в учебниках для начальной школы (в том числе и в книгах для чтения) и в пособиях по географии Отечества и родиноведению – было широко распространено в Европе во второй половине XIX в., к нему активного прибегали и российские педагоги – современники Топелиуса³⁹. Общей чертой этих текстов была их полифункциональность: они могли использоваться для разных целей и для детей разных возрастов, играя при этом значимую роль и в патриотическом воспитании⁴⁰.

Однако задачей автора «Нашего края» было не только дать сведения о природе, истории, литературе и культуре своего Отечества в заниматель-

ной форме, но и объяснить причины национального своеобразия, исторический путь Финляндии и ее народа. Идея поступательного развития, обязательного прогресса явно прочитывалась и в стихах Рунеберга⁴¹; не отказался от нее и Топелиус – даже 40 лет спустя⁴². Для воплощения этой идеи в доступной форме ему необходимо было изложить материал таким образом, чтобы выстроилась стройная концепция «финскости», которая в финляндской культуре лишь начинала обретать стройные очертания. Можно говорить о том, что структура книги отразила эту идею вполне.

«Наш край» состоит из 200 глав, которые объединены в 6 разделов: первый представляет собой развернутый ответ на вопрос «что такое наше Отечество» и включает набор отдельных очерков о природе и быте страны, о ее географическом положении, климате и экономике (1–56), во втором дается этнографическая характеристика (финно-угорских) народов Европы, а также указаны отличительные особенности этнического состава населения Финляндии по регионам (57–94), специальный раздел посвящен пересказу основных сюжетов «Калевалы» (95–112), в заключительных трех описана история страны на трех исторических этапах: «времена католичества», «времена войн» и современная история. Рассмотрим первые два раздела.

Открывается книга вопросом мальчика о том, что есть его дом и что такое Отечество. Этот вопрос – лейтмотив повествования. Ответ очевиден: «наша страна – это наш большой дом. ...Вся земля, которую ты видишь, и еще дальше – это все Суоменмаа. ...Эта земля наша, потому что это страна отцов, которую мы, их дети, получили в наследство»⁴³. Пространство Отечества представлено как совокупность различных регионов, с разнообразием ландшафта, климата и народного быта. Принцип их выделения – географо-этнографический, автор обосновывал его так: «разделение Финляндии на области... совпадает с естественными границами долин и с размещением в них различных групп населения, области эти имели первоначально административными центрами средневековые замки», и с границами губерний в XIX столетии⁴⁴. В отличие от «Путешествия» в «Нашем крае» больше внимания уделено истории страны; значительно подробнее описан каждый из 9 регионов/губерний края. Избранный Топелиусом региональный принцип описания был признан европейской географической наукой того времени наиболее эффективным. В 1880-е гг., как указывает М. Лоскутова, национальные географические школы в Европе отличало то, что они «определяли географию как страноведение – науку, изучавшую не объекты, но отношения объектов в пространстве, понимаемом как «мозаика» отдельных областей»⁴⁵. Не случайно Топелиус использовал термин «ландшафт» не только в географическом и художественном значении, но и как синоним термина «регион»⁴⁶.

Природный ландшафт не только определяет принципы деления на регионы и корректирует этническую классификацию, но и задает параметры

описания. Природные факторы обусловили, как настойчиво подчеркивает автор, историческое состояние Финляндии, характер и занятия ее жителей: «В ее северном положении, ее горном основании появлении из моря лежит ключ к ее культурной истории»⁴⁷. В повествовании о природе и климате страны, в классификации и объяснении отличительных особенностей ландшафтных комплексов и зон Топелиус продемонстрировал знание географических трудов европейских ученых; популярный характер изложения придал этим сведениям характер географического курса, небесполезного даже для специалистов⁴⁸. Одной из центральных тем в первых разделах «Нашего края» стал вопрос о типе – природно-ландшафтном и этническом.

В поисках типа и типичного

Одной из наиболее сложных в методологическом и идеологическом отношении проблем, возникавших в процессе описания Отечества в период становления национальной идеологии, стало определение национально-типичного. Стремление выявить и обозначить типичный ландшафт и особенно этнонациональный тип, выражающие историческое постоянство и преемственность, неизменные во времени черты и качества народа, осложнялось отсутствием четкого определения типичного. Если в географии 1850-х гг. (в частности, применительно к понятию типа ландшафта) и в физической антропологии 1880-х существовали вполне обоснованные критерии его выделения, то в рассуждениях о национально-типичном в целом конкретные признаки выделены еще не были. Оно могло пониматься и как наиболее распространенное, и как отличительно-характерное⁴⁹, а также в более общем виде: как «предмет или лицо, характерное по своим признакам для ряда предметов и лиц»⁵⁰. Именно последняя трактовка термина чаще всего использовалась в рассуждениях о национально-типичном. Без обоснования черт и степени общности нельзя было ответить на вопросы: какой диалект «выбрать» в качестве основы для литературного, национального языка, какой ландшафт считать наиболее характерным, какой этнос/народ государства или края считать нациеобразующим и т.п. Это было сложно сделать не только в полиэтнических государствах, но и тогда, когда народ не имел государственности, но осознавал себя как этнокультурную общность при наличии явно выраженных региональных этнических особенностей. Определение или, точнее, конструирование национально-типичного осуществлялось разными путями⁵¹. Выбор зависел от уровня развития науки, от убеждений и вкусов национальной интеллигенции, а также от сложившегося в период этнографического романтизма «набора» метафор, образов и клише «своего» и «чужого».

Во второй половине XIX в. бесспорными при определении типичного ландшафта и этнического типа региона (области, страны, края) представлялись два фактора: а) воплощением национального типа характера считался представитель народа, в аграрном обществе это был крестьянин, и как

следствие б) типичный пейзаж связан был с природным окружением сельского труженика, ассоциируясь с негородским природным пространством – как освоенным человеком (поля, пастбища, селения), так и неосвоенным (лес, реки, озера и т.д.). Как правило, на воплощение народного или национального типа «претендовали» этнические группы, исторически связанные с «признанным» типичным ландшафтом, или те, которые рассматривались как менее всего затронутые влиянием цивилизации и сохранившие древние устои и традиции⁵². Несколько иначе протекал этот процесс в полиэтнических государствах или империях: там большую роль играли исторические заслуги народа/этноса в создании государства и его культурном процветании⁵³.

В Финляндии этот процесс (так же, как и в других странах Европы) протекал под воздействием литературных традиций романтизма – и финляндского, и русского⁵⁴. Описанный в рунах «Калевалы», изображенный в поэзии и публицистике Й. Рунеберга⁵⁵, а также воплощенный в живописи финских художников 1840–80-х гг.⁵⁶ в качестве типичного был определен лесной северный ландшафт, но не центральных, а юго-восточных регионов края и, в частности, Карелии⁵⁷. Уже в 1890-е гг. этот идеализированный образ финского пейзажа сыграл важную роль в формировании идеологии так наз. «карелианизма»⁵⁸.

«Избрание» национально-племенного типа, главные отличительные признаки которого связывались с антропологическим обликом и характером, в отношении финнов было осуществлено Топелиусом в соответствии с представлениями эпохи. Однако если относительно ландшафта Топелиус разделял мнение соотечественников, но в обобщенном виде: «горы и воды – вот Финляндия!»⁵⁹, или: «...какова страна, таков и народ – в глубине заложен гранит, на поверхности шумят темные леса»⁶⁰, то в определении национального типа он не только стал первопроходцем, но и оказал существенное влияние на представления финнов о самих себе и стереотипы их восприятия другими.

Топелиус употреблял термин «народ» не только как синоним понятий «крестьянство» и «этнос». Неоднократно подчеркивая этническую неоднородность финского народа в Финляндии, состоявшего «из двух родственных и одного иноплеменного элементов»⁶¹: карел, тавастов и шведов, он говорит о нем и как о народе-нации, сплоченном общими гражданскими свободами, правами, законами и собственным управлением в рамках иноплеменного государства. Важнейшим критерием ее выделения является государственность, а общность истории и политических традиций. Ссылаясь на Александра I, первым употребившего термин «нация» в отношении финнов (в 1809 г.), он и начало его исторического пути возводил к этой дате⁶². «Все люди, живущие в Финляндии, даже если они говорят на разных языках, являются сынами и дочерьми страны (живут на одной земле, имеют общие законы и правителей)», – подчеркивал он⁶³. «Их объединяет их патриотизм, законопослушание и общее счастье и привилегии»⁶⁴. Главные

достоинства нации Топелиус связывал со свободой, порядком и правом: «Недостатки и у нас могут быть, и их может быть много, но у нас, к счастью, есть свобода и законопослушание, а также порядок и право (законность). За такое счастье мы должны быть благодарны общественным установлениям, правительству, а также спокойному, законопослушному народу. Финское общество выросло из корней шведского, но дух финского народа придал ему жизненную силу»⁶⁵.

В Финляндии XIX в. большую роль во всех областях жизни продолжали играть шведы (теперь их принято называть шведоязычными финнами), но избрать этот этнос в качестве типичного, т.е. нациеобразующего, романтик-феннофил Топелиус не мог, также в силу очевидных причин на эту роль не могли претендовать и лапландцы (лопары). Поэтому истинно финский тип необходимо было искать среди двух «главных» и наиболее древних финских племен: карел и тавастов. Его выбор обоснован численностью: «чисто финское народонаселение значительно многочисленное, потому-то именно оно и дало нации ее общие характерологические черты и наружный тип»⁶⁶. Описывая народ «в этнографическом значении», Топелиус называет в качестве наиболее древнего населения Финляндии два финских «родственных народа»: карел «в восточной части» и тавастов⁶⁷ (шведское название, финское – хяме, хямяляйсет, в русской летописной традиции – емь, ямь) в «южной и юго-западной части края», которые до шведского завоевания находились «в постоянной борьбе между собою»⁶⁸. «Настоящий финский народ» существует только со времени «соединения» этих племен языком и узами крови, «когда они подчинились одному правлению, одной церкви, одному закону, одному отечеству» в XIV в. Он указывает на исторические корни и самобытные традиции и других финно-угорских этнических групп: лопарей (саамов), саволайсет, еврейсет и др.

Топелиус о финском национальном характере

Многие страницы «Путешествия» и вторая часть книги для детей посвящены характеристике народа. В описании материальной и духовной культуры различных (не только финских) племен, населяющих Финляндию, значительное место занимают рассуждения Топелиуса о финском национальном характере – нраве народа. Идея существования особого комплекса умственных, нравственных и психических черт, составляющих неповторимую «физиономию» народа, его характер, «нрав», господствовала в культуре эпохи. Она являлась важной составной частью концепции географического детерминизма и – позже – антропогеографии, согласно которым национальный характер был обусловлен природными факторами и являлся одним из объективно-научных признаков народа/этноса⁶⁹. Вопрос об особенностях финского нрава занимал многих финляндских соотечественников Топелиуса в первой половине века⁷⁰. Но Топелиус пошел дальше их: он выявил отличительные особенности финских племен, установил историю

их формирования, структурировал и иерархизировал качества характера каждого из них⁷¹, выбрал «типичные» и охарактеризовал финский народ как нацию в целом. Кроме того, он создал собирательный образ типичного финна, и – что особенно важно – осуществил это в жестких рамках научного описания, объяснив физические (антропологические) качества и нрав воздействием климата и истории: «не надо отделять характер ландшафта от характера фигур...»⁷².

Народный нрав трактовался в духе времени как врожденное качество: «Характер народа – это печать, которую мы несем от рождения... И эту печать каждый несет с собой, где бы ни находился»⁷³. Его отличительные черты, в согласии с бытовавшими научными представлениями, зависели от «природы, судьбы и традиции», наложивших на «финский народный тип общий отпечаток, который, при всех изменениях этого типа внутри страны, тем не менее бросается в глаза иностранцу. Такими общими характерными чертами финского народа являются: закаленная, терпеливая, пассивная энергия, покорность судьбе и стойкая выдержка, нередко переходящая в упрямство, медлительный ход мышления, обращенный к внутренней, духовной стороне, нескорый, но тем более страшный и чрезмерный гнев... склонность выжидать, откладывать решение и жить изо дня в день... привязанность к старому; его умственные дарования нуждаются в импульсе...»⁷⁴ и т.п.

Топелиус, описывая народный характер финнов в соответствии с уровнем развития этнографии этого периода, иногда высказывает идеи, более соответствующие этнографии эпохи романтизма, нежели представлениям об этносе в современной ему географической науке. В частности, он указывает, что чем менее благоприятны природные условия, тем трудолюбивее народ и тем больше у него возможностей сохранить патриархальные «добрые нравы»; жители севера всегда более замкнутые, спокойные, суровые и молчаливые, нежели представители южных народов; умственные дарования понимались как быстрота реакций, «живость» и словоохотливость⁷⁵. «Только старательный, упорный, трудолюбивый и выносливый народ смог выжить в этой стране», – неоднократно утверждал Топелиус⁷⁶. Финский народ – терпеливый, жертвенный, выносливый и жизнестойкий; мирный, мужественный, но очень упрямый (своерравный). Верный и преданный, он отличается медлительностью, но любит учиться⁷⁷.

Необходимо отметить, что описание народного нрава, предлагаемое автором в тексте виртуального путешествия по родной стране, предопределяет особенности функционирования подобных этнопсихологических характеристик. Во-первых, они помещены в наиболее типичный для них контекст: путешественник-наблюдатель фиксирует отличительные свойства увиденных им общностей. Согласно распространенным представлениям, он в состоянии различить конкретные и типические свойства, а акт осознанно или неосознанно сравнения со «своим» позволяет зафиксировать от-

личительные черты⁷⁸. Следовательно, выходит, что описывающий – т.е. Топелиус – имеет реальный опыт наблюдения и указывает признаки народного финского нрава, опираясь на действительность. Это, в свою очередь, придает им дополнительный статус «объективности». Критерии, по которым автор отличает одну этническую группу от другой, им отмечены: это Регион, т.е. географическое деление задает этническую классификацию. Во-вторых, представления об этничности, в свою очередь, влияют на восприятие нрава как одного из признаков этнической принадлежности, что позволяет и автору, и читателю весьма широко интерпретировать причинно-следственные взаимосвязи отдельных элементов этноса. В-третьих, для читателя Топелиус – «свой» ученый, изучающий Родину. Отсюда подсознательная уверенность в его научном знании «истины» и способности высказать ее без искажения. Впрочем, и иностранный читатель воспринимает Топелиуса как специалиста по Финляндии.

Форма путешествия в «Нашем крае» и в «Путешествии» также дает автору возможность свободно переходить от научного описания к новеллам и вставным сюжетам: ведь рассказ о проделанном пути вполне допускает пересказ беседы или запись услышанного рассказа. Автор прибегает и к часто использовавшемуся в этнографической литературе того времени приему для описания народного этнического типа: он создает обобщенный образ финского крестьянина – земледельца Матти, имя которого стало нарицательным благодаря Топелиусу. Он вводит в текст книги для детей притчу о трех работниках собственного сочинения: русском Иване, шведе Эрике и финне Матти⁷⁹. Матти «создан для того, чтобы убирать камни с поля». Облик его неказист, но у него есть важные качества – упорство и выдержка. Далее следует очень подробное описание Матти как конкретного человека – его внешности, темперамента, конкретных случаев из жизни, рассказы о труде и привычках, отношениях с людьми, быте и т.п. При этом образ Матти строится как описание реального лица, с которым знаком и рассказчик, и читатель.

Нрав финского народа «в этнографическом значении» представлен Топелиусом в двух вариантах: карельском и тавастландском, которые даны в сравнении. Эти народы, по мнению Топелиуса, отличны друг от друга внешностью и нравом, воплощая мрачную (тавасты) и светлую, «солнечную» (карелы) стороны финского народа. Карелы веселые, подвижные, открытые, впечатлительные, любят песни; они говорливы и склонны к коллективному труду, но более непостоянны⁸⁰. К достоинствам тавастов он относит силу и трудолюбие, выдержку, выносливость и терпение, а также свободолюбие, неприхотливость, добросовестность и честность⁸¹. Их особенности: «серьезно задумчивый нрав и медленность понимания, от чего и происходят главные пороки и недостатки народа»⁸², среди которых угрюмость, молчаливость, неповоротливость, медлительность, упрямство⁸³. Если карелы – «собственно культурный народа Финляндии»⁸⁴, они вопло-

щают душевные качества финского народа, выразившиеся в песнях калевальского эпоса, то тавасты символизируют физическую суть финна, его волю, дух и склад. Сравнение нрава карел и тавастов убедительно показывает, что типичный финн – это хяме/таваст. Собирательный образ финского крестьянина Матти в книге о «Нашем крае» также выдает в нем таваста, а не карела. Но однозначное утверждение об этом Топелиус делает только на склоне лет, в очерке для «Финляндии в XIX веке»: «Тавастландец образует собой основное ядро... национального типа, получив от него наиболее характерные свои черты»⁸⁵, «его умственные дарования нуждаются в импульсе, он трудолюбивый, законопослушный, свободный, но упрямый, консервативный и медленный»⁸⁶.

Иначе говоря, в своей характеристике финского характера Топелиус отходит от концепции, которую разделял, в частности, Рунеберг⁸⁷, а именно: что этническая группа, проживающая в регионе с признанным типичным ландшафтом, воплощает этнонациональный тип (с обязательным включением характеристики нрава). Он создает более гибкую конструкцию; в определяемой им двойственности залог внутренней (народных традиций) и внешней устойчивости (опыт сотрудничества/сопротивления шведам и русским), а также процветания народа-нации и страны в будущем.

Необходимо подчеркнуть, что подобные характеристики народа – как в европейской и в российской этнографии этого времени – не были связаны с традиционными, крестьянскими представлениями о «своих» и «чужих» или с какими бы то ни было этническими самоопределениями, а являлись интеллектуальным конструктом элиты общества, в данном случае – иноэтничной. Остается непроясненным вопрос, в какой степени описание финского национального характера Топелиусом – основополагающее для самоидентификации финского народа в XIX–XX вв. – было обусловлено его этнокультурной принадлежностью. Другими словами, в какой мере образ финна в творчестве Топелиуса отражал взгляды шведоязычного образованного сообщества, а в какой являлся типичным для представителей феннофильского движения в целом. В финляндской историографии преобладает вторая точка зрения⁸⁸.

Следует заметить, что Топелиус, которого представители младшего поколения финских патриотов упрекали в приверженности устаревшим идеалам романтизма, монархизма и в русофилии, не касался негативных последствий российского господства, напротив, вхождение Финляндии в состав России трактовалось им как начало периода благоденствия и пробуждения финской нации. Но при этом – формальном – признании своей страны частью Империи, Финляндия выступает у него как *страна*, отдельная автономная пространственная и политическая единица, с зафиксированными стабильными границами, правовой и исторической самобытностью. Такое понимание особенности финляндского статуса до 1890-х гг. было характерно для многих феннофилов⁸⁹.

Жанр виртуального путешествия с просветительскими целями требовал от автора/гида не предположений и вопросов, а констатаций и ответов. Согласно представлениям о путевом описании, наблюдатель фиксирует известное, увиденное и услышанное. «Хороший» путешественник непременно указывает на источник излагаемых им сведений: «видел собственными глазами», «говорят», «все знают, что...». У Топелиуса автор выступает в роли проводника, следовательно, все им сообщенное обретает значимость реально существующего и непременно доступного взору путешественника. Гид, ученый и путешественник (наблюдатель) (т.е. знающий, видящий и слушающий) едины в его лице. Закрепляя за ландшафтом и за жителями региона статус типичного, он, во-первых, декларирует научную объективность таких определений, и, во-вторых, косвенным образом подтверждает их очевидность в процессе визуального освоения/внешнего наблюдения. Последствия этого вполне предсказуемы. Любопытной иллюстрацией к этому могут служить, например, записки о путешествиях по Финляндии А.В. Елисеева. Он родился и провел детство в Финляндии, неплохо знал историю, природу и обычаи края; в юности совершал длительные путешествия по стране. Между тем в рассказах о них Елисеев старательно воспроизводит классификацию финнов и описания нравов этнических групп, приведенную в «Путешествии» и в «Финляндии в XIX столетии»⁹⁰. Топелиус утверждал, что отличия тавастов и карел в характере весьма значительны и бросаются в глаза, и Елисеев стремится увидеть то, что следует: «Даже своими неопытными глазами мы видели разницу, существующую меж карельским населением Приладожья и тавастами Саволакса. Мы знали, что те и другие представляют настоящих финнов...»⁹¹. Важно, что здесь автор допускает фактическую ошибку, «обнаружив» тавастов в регионе, где их нет. Область Саволак (Саво) населена была представителями этнической группы саволайсет, родственной карелам. Топелиус подробно объясняет это в книге «Наш край»⁹², которая, Елисееву, видимо, не была известна. На эту аберрацию восприятия путешественников, описывающих чужие земли, указывает П. Куприянов: они «не замечают нетипичного поведения своих героев... не воспринимают какие-то фрагменты реальности как противоречащие его представлениям»⁹³.

Характеристика нравов Топелиуса и российские этнографические описания финнов

Идеи о характере народа в духе «психической этнографии» разделяли и развивали в своих трудах российские историки, географы, этнографы и антропологи второй половины XIX в. Нравоописания народов являлись обязательным элементом этнографических обзоров, которые, в свою очередь, включались в научные издания энциклопедического характера (почти все – многотомные), целью которых было максимально полное представ-

ление о географии Российской империи и разнообразии быта и культуры населяющих ее народов (такие как: «Народы Земли» (с частью «Народы России» в 5-ти вып.), «Русская земля. Сборник для народного чтения», «Природа и люди», «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (12 тт.), «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (11 тт), «Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения» (10 тт.) и др.⁹⁴ Характеристики народов (этносов), сохранившиеся в них, включались в научно-популярные тексты по географии России, в хрестоматии и книги для чтения в начальной и народной школах, помещались в учебники отечествоведения и отчизно- (или родиноведения)⁹⁵.

В России второй половины XIX в. географические и географо-этнографические описания Империи являлись важнейшим источником научной и учебной информации об Отечестве. Они составлялись в соответствии с европейскими образцами, к написанию привлекались специалисты различных областей: географы, антропологи, археологи, историки и этнографы. Фундаментальные многотомные компиляции сведений строились по регионально-административному принципу, их целью являлось наиболее полное описание природного и этнического разнообразия различных регионов государства. Включение географии России в школьный и университетский курсы в 1870-х гг. способствовало повышению спроса на книги и очерки о путешествиях по родной стране, а также к созданию многочисленных научно-популярных сочинений, хрестоматий и учебников с обзорами регионов страны и этнографическими очерками населяющих ее народов. Необходимо отметить, что при описании народов (а этнографические обзоры с очерками народного нрава являлись непременной частью всякого географического описания) в качестве объективных и научно равнозначных использовались сведения из географических исследований, фрагменты путевых заметок и путешествий, литературные произведения и т.д.)⁹⁶.

Информация о финском национальном характере, включавшаяся в соответствующие разделы географо-статистических описаний Российской империи, нравоописания финнов в популярной и учебной географической литературе черпалась из комплекса сведений о Финляндии и финнах, существовавших в России к 1860-м гг. Представления русских о финнах, отраженные в них, и в литературе второй половины века хорошо изучены⁹⁷. В российской историографии, однако, не рассматривался вопрос о знакомстве российской читающей публики с творчеством Топелиуса⁹⁸.

Анализ изображения Финляндии в российских географо-этнографических трудах, учебной и популярной литературе по отечествоведению⁹⁹, позволяет утверждать, что в них использованы некоторые существенные для взглядов Топелиуса описания Финляндии и финнов, представленные в рассмотренных выше сочинениях. Во-первых, это представление о типичном финском ландшафте и финском этническом «типе»; во-вторых, это

классификация племен («отраслей») финского народа, и, в-третьих, характеристики своеобразия этнического и национального нрава двух, с точки зрения Топелиуса, нациообразующих племен (тавастов/хяме и карел). Не останавливаясь подробно на аргументации данного вывода, отметим лишь несколько фактов.

1. До 1870-х гг. (т. е. до появления сочинений Топелиуса) в российской этнографической литературе о финнах не встречается идеи о двух корнях (братьях) финского народа\нации: «его наиболее крупные и крепкие корни – это два некогда жившие в отдельности, а потом объединившиеся племена – карелы и тавасты (хямяляйсет)»¹⁰⁰. В качестве причин имеющих отличий – особенно в характере народа – указываются: а) природные условия (более благоприятные в Восточной Финляндии способствовали формированию веселого, живого, общительного, доброжелательного и сохранившего руны «Калевалы» карела; суровый климат т. наз. внутренней Финляндии сделал таваста /хяме угрюмым, медленным, молчаливым, замкнутым; б) влияние соседних народов, с которыми контакты тавастов и карел были наиболее интенсивными: шведов на западе и русских на востоке¹⁰¹. В российских описаниях финнов можно найти текстуальные совпадения с этими фрагментами сочинений Топелиуса. Наиболее характерный пример: «В то время как таваст – настоящий финн – по природе угрюм и мрачен, как и нагорные леса его родины, карел – его родной брат – жив и подвижен как светлые воды, обильные в его родине, при этом они различаются между собой не столько по типу, сколько по строю характера...»¹⁰².

2. Косвенным доказательством могут служить также использованные этнонимы. Речь идет о том, что в рассмотренных выше трудах Топелиуса топонимы и гидронимы (ныне всегда дающиеся в шведском и финском вариантах) указываются по-шведски. Жители регионов именовались по местности; и финны-тавасты именовались по называемой по-шведски Тавастланд(ии) с центром Тавастгус(т)е. Финское наименование губернии – Хяме (центр – Хяменлинна), а жители ее – хяме, или хямяляйсет. В русском переводе корректнее было бы или привести финские названия или упомянуть использовавшийся русский этноним «емь». Однако перевод осуществлялся со шведского языка, и в нем остался шведский термин «тавасты». Его использование в русских текстах «выдает» знакомство со шведоязычным оригиналом. В связи с этим важно также отметить, что в заметках, составленных на основании путешествий или опыта личного общения с финнами, термин «тавасты» не используется, авторы предпочитают прибегать к понятиям «финны» или к неправильному использованию слова «чухонцы»¹⁰³ (если речь идет о Петербурге и его окрестностях). Напротив, в текстах, стремящихся отразить именно научные и «объективные» характеристики народа, всегда указывается на отличительные черты карел и тавастов в финском этнонациональном типе.

Необходимо подчеркнуть, что русские авторы, позаимствовав у Топелиуса концепцию об отличительных качествах карел и хяме, толковали ее по-своему. Топелиус не акцентировал внимание на политическом карельском вопросе, он описывал качества карел в целом, не разделяя финляндских и российских карел (т.е. карел, проживавших, соответственно, на территории Великого княжества Финляндского, а в России – в Олонецкой и Архангельской губерниях). А в русских текстах о финнах и карелах описание их отличительных свойств всегда сопровождалось противопоставлением их друг другу. Так в конце века решалась идеологическая задача интеграции российских карел в русскую православную общность¹⁰⁴; веселый и легкий нрав карел, их любовь к сказительству и т.п. объяснялись влиянием православного вероисповедания, благотворным воздействием русификации и вообще близостью с русскими: «симпатичная, добродушная, со светлыми добрыми глазами фигура карела дышит такой жизнью... в нем нет особенной финской осмотрительности и самоуглубления, напротив, он весь нараспашку, как русский мужик, он легко сходится, приятен в дружбе, не зол... как его сосед-таваст»¹⁰⁵. Это не имело ничего общего с концепцией Топелиуса. Напротив, такое сопоставление было важным для российских авторов и с этнографической, и с идеологической точек зрения.

Кроме того, в характеристике «общефинского» национального характера (или в изображении типичного финна) российские авторы предпочитали составлять компиляции прежде всего из публикаций путевых заметок «своих» – русских путешественников и этнографов¹⁰⁶.

Можно утверждать, таким образом, что прием виртуального путешествия, использованный Топелиусом для репрезентации Финляндии, и прежде всего ее природы и народа, был избран автором для расширения возможностей многопланового научного – географического и этнографического описания страны. В «Путешествии» структура изложения определяется набором литографий с полотен финских художников, который позволил создать мозаику «картин» Финляндии: пейзажей, бытовых и этнографических зарисовок. Текст и иллюстрации дополняют друг друга, при этом визуальные образы, представленные в «Путешествии», не тождественны описанию изображения, но передают в точности ее внешне заметные детали. Это позволяет рассказчику выдавать известную ему информацию за простые выводы из данных, якобы полученных им в процессе беспристрастного наблюдения. Проецируя свое видение племенных особенностей финнов как народа и нации в целом и их племенного своеобразия на описываемый «свой» народ, автор строит описание характера (нрава) народа в сравнении их между собой, с одной стороны, и со шведами (в первую очередь финляндскими) и русскими, с другой.

Образ самого автора в качестве путешественника и проводника построен в полном соответствии с жанром путешествий: он объективен, беспристрастен, осведомлен. Любопытно, что Топелиус не упоминает о своей

этнической принадлежности, а выступает в роли финна «в значении политическом» (т.е. гражданина и патриота Великого княжества Финляндского). Анализ описания финского национального и племенного нрава Топелиусом и его характеристик в российских этнографических очерках второй половины XIX в. демонстрирует элементы заимствования некоторых положений финляндского ученого.

Восприятие идей Топелиуса в российской этнографии было бы невозможно без теоретической общности представлений и понимания этноса и этничности. Границы и различия между этническими группами и между индивидуальным и коллективным поведением до конца не были отрerefлексированы, что приводило к перенесению психологических характеристик индивида на коллектив (этническую группу) или к конституированию этнического типа в обобщенном образе. Это человеческое измерение, с одной стороны, делало его более понятным читателю, а с другой, выдавало качества народа за индивидуально присущие и наоборот. В то же время в концепции географо-этнографических описаний господствовал принцип иллюстративности¹⁰⁷. Способ наблюдения был произвольным, описание этноса (и его нрава) не предполагало коммуникативных методов сбора информации; все видимое воспринималось и оценивалось как научно объективное. Нравописание игнорировало самосознание и самоописание этнической группы, т.е. этническая характеристика не включала прямую самоидентификацию объекта исследования и воспринималась как реальность. Отождествление объекта и субъекта наблюдения¹⁰⁸ означало преобразование имеющихся у описателя/наблюдателя образов, представлений и стереотипов в позитивистский факт.

¹ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006. С. 39–40.

² *Клингс М.* Очерк истории Финляндии / Пер. с фин. Хельсинки, 1995. С. 68.

³ *Вихавайнен Т.* Великое Княжество Финляндское – часть государства, но не часть России / Пер. с фин. // Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности / Под ред. проф. Т. Вихавайнена. СПб., 2007. С. 11–26.

⁴ *Tiitta A.* *Harmaakiven maa. Zacharias Topelius ja Suomen maantiede.* Helsinki, 1994.

⁵ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С подлинными картинами А. фон Беккера, А Эдельфельта, Р.В. Экмана, В. Хельмберга, К.Е.Янсона, О. Клейне, И. Кнутсона, Б. Линдгольма, Г. Мунстрегельма и Б. Рейнгольда / Пер. со швед. Ф. Хеурена. Гельсингфорс: Издание Ф. Тильгмана, 1875.

⁶ *Topelius S.* *Maamme kirja.* Helsinki, 1876. *Topelius S.* *Maamme kirja.* Helsinki, 1981. (Пер. на фин. – П. Каяндер, 58-е изд.)

⁷ Финляндия в XIX столетии, изображенная в словах и картинах финляндскими писателями и художниками / Гл. редактор Л. Мехелин. Гельсингфорс, 1894.

⁸ *Вишленкова Е.* Визуальный язык описания «русскости» // *Ab Imperio.* 2005. № 3. С. 97–146. С. 104.; *Ивлева С.Е.* Иллюстрированные издания типографии Георгия

- Гогенфельдена о путешествиях (1866–1870 гг.) // Скандинавские чтения. 2002. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 446–447.
- ⁹ Нами не рассматривается первое иллюстрированное издание о Финляндии – «Finland framstäldt i teckningar» (1845–52). Оно представляется менее репрезентативным, поскольку, в отличие от «Путешествия», не переводилось на финский язык и не переиздавалось при жизни автора. Кроме того, в нем использованы литографии с картин не финляндских, а шведских и норвежских художников-романтиков. Несмотря на то, что количество иллюстративного материала в «Путешествии» намного меньше, большая часть картин создана специально для этого альбома финляндскими художниками и в новой живописной стилистике натурализма (См.: *Эрвамаа Ю.* Утверждение изображения народа и пейзажа в живописи // Финская живопись. 1750–1900. Каталог выставки. 1979. С. 30–31).
- ¹⁰ *Топелиус З.* Страна // Финляндия в XIX столетии... С. 26–55; *Он же.* Народ // Там же. С. 55–67.
- ¹¹ *Клинге М.* На чужбине и дома / Пер. с фин. СПб., 2005. С. 199.
- ¹² Там же. С. 202.
- ¹³ *Шльггина Н.В.* Проблемы самоидентификации финнов в современной литературе // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 133–144.
- ¹⁴ *Асоян Ю., Малафеев А.* Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX вв. М., 2000. С. 294; *Саушкин Ю.Г.* История и методология географической науки. М., 1976. Гл. 2.
- ¹⁵ *Марков Г.Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. М., 1993.
- ¹⁶ *Асоян Ю., Малафеев А.* Указ. соч. С. 296.
- ¹⁷ Подробнее об этом, см., например, о Франции: *Джадт Т.* «Места памяти» Пьера Нора: чьи места? Чья память? // *Ab Imperio.* 2004. № 1. С. 63–68; о России – *Вишленкова Е.* Указ. соч. С. 98–103.
- ¹⁸ *Берг Л.С.* География и ее положение в ряду других наук // Вопросы страноведения. М.; Л., 1925. С. 8–13; *Сухова Н.Г.* Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л., 1981.
- ¹⁹ *Лоскутова М.* С чего начинается Родина? Преподавание географии в дореволюционной школе и региональное самосознание (XIX – начало XX века) // *Ab Imperio.* 2003. № 3. С. 182.
- ²⁰ *Сухова Н.Г.* Указ. соч.; *Лоскутова М.* Указ. соч. С. 174–175.
- ²¹ *Häyrynen M.* Landscape Imagery defining the national space // *Suomalainen Maisema. Maisemantutkimuksen näkökulmia (the Finnish Landscape. Perspectives on Landscape Research).* Helsinki, 2002. S. 42–49; *Tiitta A.* The Profile of the Finnish landscape // *Ibid.* S. 22–26.
- ²² *Tiitta A.* Harnaakiven maa. S. 114–115.
- ²³ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 32.
- ²⁴ Там же. С. 26.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Эрвамаа Ю.* Указ. соч. С. 36.
- ²⁷ *Honko L.* Studies on Tradition and Cultural Identity // *Tradition and Cultural Identity / Ed. by L. Honko.* Turku, 1988. P. 7–26; *Hall S.* The Spectacle of the «Other» Representation: Cultural Representation and Signifying Practices. L., 1997; *Withers Ch. W. J.* Geography, Science and National Identity: Scotland since 1520. Cambridge, 2001;

Лоскутова М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о них // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 72–88; Вишленкова Е. Указ. соч.

²⁸ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 31.

²⁹ *Ямпольский М.Б.* Наблюдатель. Очерки истории видения. М., 2000. Глава 2; *Соколовский С.В.* Этнографическое исследование: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 3–13.

³⁰ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 3–5.

³¹ Там же. С. 1–2.

³² Там же. С. 33.

³³ Там же. С. 33–34.

³⁴ О взглядах Топелиуса на историю см., в частности: *Клингс М.* Имперская Финляндия / Пер. с фин. СПб., 2005. С. 167–168; *Tiitta A.* *Naamaakiven maa*. S. 304–312.

³⁵ Далее цитирование «Маамме», согласно принятой в финской историографии традиции, осуществляется по главам, а не по страницам.

³⁶ Неофициальным гимном Финляндии – сначала студенческим, а потом и национальным – стал с момента первого его исполнения на музыку Ф. Пацууса в 1848 г. (*Клингс М.* Имперская Финляндия. С. 172–179).

³⁷ *Рунеберг Й.Л.* Наш край / Пер. А. Блока // *Он же.* Избранное. Лирика. СПб., 2004. С. 101.

³⁸ Там же. С. 100.

³⁹ *Лескинен М.В.* Книги для чтения и хрестоматии для начальной школы как инструмент формирования «нового человека» в России последней трети XIX в. Вопросы теории и практики // Учебный текст в советской школе. СПб., 2008. С. 349–374.

⁴⁰ *Withers Ch. W. J.* *Op. cit.*; *Лоскутова М.* С чего начинается Родина?

⁴¹ Подробнее об этом: *Лескинен М.В.* Категория типического в создании национального пейзажа («Наш край» Й. Рунеберга и «Мой край» Я. Купалы) // Янка Купала и Якуб Колас в системе государственно–культурных и духовно–эстетических приоритетов XXI века. Доклады Международной научно–практической конференции. Минск, 2008. С. 32–40.

⁴² В главах, написанных для «Финляндии в XIX столетии».

⁴³ *Topelius S.* *Maamme kirja*. 3.

⁴⁴ *Топелиус З.* Страна. С. 26; *Topelius S.* *Maamme kirja*. 15.

⁴⁵ *Лоскутова М.* С чего начинается Родина? С. 175.

⁴⁶ *Granö O.* Introduction // *Suomalainen Maisema. Maisemantutkimuksen näkökulmia (the Finnish Landscape. Perspectives on Landscape Research)*. S. 11–12.

⁴⁷ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 7.

⁴⁸ *Tiitta A.* The Profile of the Finnish landscape... S. 23.

⁴⁹ *Сердюк Т.Г.* Категория «типическое» в историческом познании: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. Кемерово, 2001. С. 2–4.

⁵⁰ *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–е – 90–е гг. XIX в. Л., 1965. С. 124–125.

⁵¹ См., например, о конструировании финского пейзажа: *Häyrynen M.* *Op. cit.*; *Tiitta A.* The Profile of the Finnish landscape...; русского: *Деготь Е.* Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 176–186; о «поисках» типичного региона в Швеции: *Rosander G.* The «nationali-

zation» of Dalecarlia. How a special province became a national symbol of Sweden // Tradition and Cultural Identity / Ed. by L.Honko. Turku, 1988. P. 93–142. Интересный пример полемики о «выборе» великорусского типа последней трети XIX в. см. в: *Беляев И.Д.* Как образовалось великорусское племя и какое сословие принять представителем великорусского племенного типа? // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1865. Т. 11. С. 32–43; *Костомаров Н.И.* Об отношении русской истории и географии к этнографии // Он же. Исторические монографии и исследования Н. Костомарова в 12-ти тт. СПб., 1867. Т. 3. С. 355–377.

⁵² Об этом, в частности: *Rosander G.* Op. cit.

⁵³ *Honko L.* Op. cit.

⁵⁴ *Плетнев Н.* Финляндия в русской поэзии // Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета, изданный Я.К. Гротом. Гельсингфорс, 1842. С. 135–185; *Kiparski V.* Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945; *Соломещ И.М.* От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей. Великий Новгород, 2004. С. 143–153.

⁵⁵ *Карху Э.Г.* Ю.Л. Рунеберг // История литературы Финляндии (от истоков до конца XIX века). Л., 1979. С. 178–212.

⁵⁶ *Эрвамаа Ю.* Указ. соч., *Соини Е.Г.* Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX века – первой трети XX века // Многоликая Финляндия. С. 192–238; *Суворова Л.В.* Путешествие по Финляндии в иллюстрациях Альберта Эдельфельта и Николая Каразина // Скандинавские чтения. 2002. С. 448–453. С. 450.

⁵⁷ *Häyrynen M.* Op. cit.

⁵⁸ *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 22–46; *Шльгина Н.В.* История финской этнологии. М., 1995. С. 30–33.

⁵⁹ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 9.

⁶⁰ *Topellius S.* Maamme kirja. 18.

⁶¹ *Топелиус З.* Народ. С. 58.

⁶² Там же. С. 58–59.

⁶³ *Topellius S.* Maamme kirja. 7.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid, 193.

⁶⁶ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 25.

⁶⁷ В русских переводах текста Топелиуса и в российской этнографической литературе XIX в. использовалось шведское название – «тавасты», хотя было известно финское наименование – «хяме, хямяляйсет». Областью их проживания указывались «окрестности Тавастгуса» или – в финском варианте – «область Хяме». Любопытно, что именно этот регион определялся как та часть «внутренней Финляндии» в которой удалось сохранить старинные обычаи и самобытность традиций. Приход Саариярви во Внутренней Финляндии Й. Рунеберг считал типичным в той же мере, что и характер его жителей (*Рунеберг Й.Л.* О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края / Пер. Я. Грота // Он же. Избранное. Лирика. С. 179–193).

- ⁶⁸ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 18.
- ⁶⁹ Подробнее об этом см.: *Лескинен М.В.* Понятие «нрав народа» в российских этнографических концепциях второй половины XIX века // *Славянский альманах.* 2006. М., 2007. С. 281–311.
- ⁷⁰ Например, известные и в русском переводе сочинения: *Рунеберг Й.Л.* О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края (1832); *Грот Я.К.* О финнах и их народной поэзии // *Современник.* 1840. Т. 19. С. 5–101; *Эман И.Э.* О национальном характере финнов // *Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета, изданный Я.К. Гротом. Гельсингфорс, 1842.* С. 235–146; *Кастрен М.А.* Путешествие в Лапландию, Россию и Сибирь (1843) // *Он же.* Сочинения в 2-х тт. Т. 1. Лапландия, Карелия, Россия / Пер. А. Шифнера. Тюмень, 1999. С. 68–231 и др.
- ⁷¹ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 17–24; *Topelius S.* Maamme kirja, 58–69; 70–71, 83–84, 86, 88, 90–92.
- ⁷² *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 37.
- ⁷³ *Topelius S.* Maamme kirja, 70.
- ⁷⁴ *Топелиус З.* Народ. С. 61.
- ⁷⁵ Подробнее об этом см. в: *Лескинен М.В.* Понятие «нрав народа» в российских этнографических концепциях второй половины XIX века.
- ⁷⁶ *Topelius S.* Maamme kirja, 70.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // *Этнографическое обозрение.* 2004. № 2. С. 21–38.
- ⁷⁹ *Topelius S.* Maamme kirja, 71.
- ⁸⁰ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 19; *Topelius S.* Maamme kirja, 83–84; *Топелиус З.* Народ. С. 61–62.
- ⁸¹ *Topelius S.* Maamme kirja, 70–71.
- ⁸² *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 25.
- ⁸³ Там же; *Topelius S.* Maamme kirja, 83–84; *Топелиус З.* Народ. С. 61–62.
- ⁸⁴ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 19.
- ⁸⁵ Там же. С. 61.
- ⁸⁶ Там же. С. 62.
- ⁸⁷ *Рунеберг Й.Л.* О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края.
- ⁸⁸ *Клингс М.* Очерк истории Финляндии. С. 89–90; *Он же.* Имперская Финляндия. С. 194–195.
- ⁸⁹ *Вихавайнен Т.* Указ. соч.
- ⁹⁰ *Елисеев А.В.* По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4-х тт. СПб., 1893. Т. 1. С. 30–62.
- ⁹¹ Там же. С. 30.
- ⁹² *Topelius S.* Maamme kirja, 84.
- ⁹³ *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // *Историк и художник.* 2004. № 2. С. 84.
- ⁹⁴ *Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. С. 213–214.

⁹⁵ Отечествоведение – география Российской империи, родино- или отчизнове-
дение – предмет в начальной школе, объединявший элементы природоведения и
краеведения, с акцентом на методах наглядного обучения.

⁹⁶ *Лескинен М.В.* Понятие «нрав народа» в российских этнографических концеп-
циях второй половины XIX века.

⁹⁷ Касательно текстов путевых заметок и путешествий см.: *Тихменева-
Пеуранен Т.* Восприятие русскими путешественниками Финляндии в первой поло-
вине XIX века // *Россия и Запад: диалог культур. Материалы второй международ-
ной конференции.* М., 1996. С. 518–523; *Соломеч И.М.* Указ. соч.; *Витухнов-
ская М.* Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами
консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // *Многоли-
кая Финляндия.* С. 89–143; об образе финнов в русской художественной литера-
туре см., в частности: *Плетнев Н.* Указ. соч.; *Kiparski V.* Op. cit.; *Сойна Е.Г.* Указ.
соч.; а также: *Рогинский В.В.* Российские представления о Финляндии и финнах
XIX–XX вв. // *Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв.* М.,
2006. С. 72–98.

⁹⁸ Формально препятствий к тому не было: «Путешествие по Финляндии» и «Фин-
ляндия в XIX столетии» были переведены не только на русский, но и на француз-
ский и немецкий языки. Ученые, специализировавшиеся по культуре и истории
Финляндии, обязательно должны были владеть шведским. Нам удалось обнару-
жить только одну ссылку на шведоязычное издание «Наш край» Топелиуса – в
очерке анонимного автора этнографического очерка в томе о Финляндии «Живо-
писной России» (Очерк IV. Финское племя // *Живописная Россия. Отечество наше
в его земельном, историческом, племенном и экономическом и бытовом значе-
нии.* Под общей редакцией П.П. Семенова, вице-председателя ИРГО. В 12-ти тт.
Т. II. Ч. 1. Северо-Западные окраины России. Великое Княжество Финляндское.
СПб.; М., 1882. С. 65–76). Как правило, авторы этнографических разделов, со-
ставляя компиляции сведений, не ссылались на источники, а просто включали в
обзор различные фрагменты опубликованных сочинений (иногда упоминая лишь
их авторов). Эти текстовые фрагменты легко обнаруживаются, но довольно
сложно установить первоисточник-оригинал.

⁹⁹ Подробнее об этом см.: *Лескинен М.В.* Образ финна в российских популярных
этнографических очерках последней трети XIX в. // *Многоликая Финляндия.*
С. 154–191.

¹⁰⁰ *Topelius S.* Maamme kirja. 83.

¹⁰¹ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С. 23; *Topelius S.* Maamme kirja. 83.

¹⁰² Очерк IV. Финское племя. С. 62.

¹⁰³ В российской научной и художественной литературе XIX века этноним «чухон-
цы», «чухна» не имел негативного, пренебрежительного оттенка. Он использо-
вался в качестве наименования финнов-ингерманландцев, проживавших в Пе-
тербурге и его окрестностях. В 1870–90 гг. так могли называть представителей
других этнических групп финно-угорских народов (например, эстонцев), работав-
ших в столице (Чухонцы // *Большой энциклопедический словарь.* М., 1999), в от-
личие от простонародного словоупотребления (См., в частности: *Агеева Р.А.* Об
этнониме «чудь», «чухна», «чухарь» // *Этнонимы.* М., 1970).

¹⁰⁴ *Витухновская М.* Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 113–148.

¹⁰⁵ Очерк IV. Финское племя. С. 62–63.

¹⁰⁶ *Соломещ И.М.* Указ. соч.; *Лескинен М.В.* Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в.

¹⁰⁷ *Соколовский С.В.* Этнографическое исследование: идеал и действительность // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 2. С. 3–13.

¹⁰⁸ *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. С. 34–35.

Н.А. Мозохина

ОТКРЫТКА КАК ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР ПУТЕШЕСТВИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

В эпоху Нового времени широкое распространение во всех странах мира, в том числе и в России, получили открытые письма, выпускавшиеся большими и малыми, специализированными и неспециализированными издательствами, находившимися не только в крупных столичных центрах, но и городах глубинки. Открытки использовали не только как новый вид почтового отправления, их начали коллекционировать и даже изучать. Они выпускались на любой вкус и интерес. Можно было составить подборку видов какого-либо города или изображений цветов и животных, юмористических сюжетов или открыток, изданных с благотворительными целями. Коллекционирование открыток стало «увлечением века»; его не избежала даже английская королева Виктория, родственники которой формировали собрание этого вида почтовой корреспонденции от ее имени¹. В Германии за двадцать пять лет с момента возникновения открытки доля использования этого вида почтового отправления возросла для внешней корреспонденции более чем на 1100%, в Венгрии – более чем на 2800%, а в Австрии – более чем на 7400%².

Стремительный рост популярности открытого письма, обретшего всемирную любовь всего за пятнадцать лет с момента своего возникновения на рубеже 1860–1870-х годов, не может быть обусловлен единственно развитием технических средств репродуцирования и легкостью получения большого количества копий акварельного или фото оригинала. М. Дворжак в своем исследовании «Шонгауэр и нидерландская живопись», говоря о возникновении немецкого искусства ксилографии, заметил следующее: «Мы сейчас далеки от того, чтобы определять возникновение новой ветви искусства, нового художественного языка случайными открытиями или побуждениями технического порядка. Всегда и везде духовная потребность является первоисточником – в искусстве и всюду в истории духовной эволюции человечества»³. Открытка тоже является одним из аспектов этой эволюции, со своей стороны характеризуя ее основные направления. Это не просто вид почтового отправления, но целое культурное явление рубежа XIX–XX столетий, изучение которого невозможно ограничивать рамками какой-либо одной научной дисциплины. Открытка становится одним из символов эпохи модерна, который, благодаря своему теснейшему слиянию с повседневной культурой, скрыт от беглого взгляда стороннего человека, но постепенно раскрывает свои нюансы и глубокие смыслы, в нем заложенные, перед исследователем, решившим заняться вплотную его проблематикой.

Эпоха Нового времени, особенно начиная со второй половины XIX столетия, характеризуется ростом «скорости» жизни: появляются новые средства связи, развивается транспорт, расстояния, ранее казавшиеся непреодолимыми, оказываются легко доступными. В этой атмосфере всеобщей спешки традиция написания писем, длинных и наполненных личными чувствами или философскими раздумьями, оказывается не всегда уместной. Ей на помощь приходит открытка, по краткости своего текстового сообщения родственная телеграмме и призванная удовлетворить требованиям общества сократить время для письменного общения с друзьями и родственниками. Появление иллюстраций на ней было обусловлено принципиальными изменениями психологии социума, отныне требующего визуальных удовольствий везде и во всем. Открытка целиком не заменяет функцию традиционного письма, напротив, письмо и открытка мирно сосуществуют в обретении каждым своей сферы бытования.

Одним из важнейших контекстных составляющих бытования открытого письма является его функционирование в качестве своеобразной модификации эпистолярного жанра для путешественников. С этой точки зрения можно сказать, что открытка, то есть бланк почтовой карточки с иллюстрацией, была придумана и создана специально для путешествий. Массовый рост доли путешествующих, заставивший заговорить о туризме не только как об интересном и захватывающем виде отдыха, но об образе жизни, вызвал необходимость в отсылке кратких сообщений по ходу следования о благополучном достижении следующего пункта. Это было характерно не только для России, но и для стран Европы, Америки, Азии, поскольку в XIX столетии происходило настоящее открытие мира для всех и каждого.

Открытка становится для путешественника своеобразным маркером его пути, обозначая лишь его краткие остановки. Таковы, например, посланные литератору Ф.Д. Батюшкову сестрами-художницами А.П. и В.П. Шнейдер открытки из их заграничных путешествий в период 1906–1909 годов⁴. Они становятся весточками из путешествия, которые могут отсылать к имевшим место ранее разговорам о той или иной местности. Освоение чужих пространств здесь всегда сопровождается необходимостью в оставленной дома константе человеческих отношений, связь с которой осуществляется именно через открытку. Она становится знаком «наличия всегда», в любую минуту, малой родины, является своеобразным универсальным (используется во всем мире) стабилизатором в абсолютно новом для путешественника мире, где наличествуют совершенно другие культурные нормы и правила, а характер повседневной жизни путешественника резко меняется в отличие от устоявшейся в его жизни традиции.

Во время длительных остановок в гостиницах, лечебницах и т.п. открытка используется значительно реже. Появляющееся в эти моменты у путешественника время для размышлений от увиденного в совокупности с возможностью в спокойной обстановке изложить их на бумаге способствует

обращению к эпистолярному жанру письма. Именно поэтому почтовая бумага с фирменным штампом гостиницы или пансионата, как и в XIX столетии, в начале XX века благополучно продолжает существовать.

Таким образом, открытки отправляются «из пути», письма же – из конечной точки путешествия, и они имеют совершенно разные цели своего отправления. Хотя и те и другие маркируют географию поездки, открытые письма из попутных точек на пути к цели несут иные смыслы. Они скорее «сообщают» о том, что путешественник в данный момент времени является таковым.

Открытка путешественника – это в первую очередь видовая открытка. Она была не просто востребована обществом, оно в ней нуждалось. Видовая открытка – почти ровесница собственно открытого письма. Первая серия немецких почтовых карточек с видами датируется 1872 годом, то есть появилась спустя два года после введения в почтовое обращение собственно открытого письма. Известно, что первым издателем подобных открыток был Дж. Х. Лошер, издавший серию видов Цюриха⁵. Вскоре это нововведение было заимствовано владельцами гостиниц и ресторанов, издававшими до этого почтовую бумагу с рисунками, изображавшими в рекламных целях здания, в которых располагались эти учреждения. Популярности и широта распространения этого жанра открытых писем были так велики, что некоторые правительства государств подумывали об обложении таких писем особой пошлиной⁶. Немецкий исследователь открыток Хорст Хилле так объясняет популярность видовой почтовой карточки в конце XIX – начале XX веков: «Мотивы родины или места отдыха, которые часто посылались друг другу, возник в середине 1870-х годов внутри исконного чувства новизны, и в этих мотивах издатели правильно разглядели выгодное средство массовой коммуникации. Отправить знакомым дружеский привет о своем месте пребывания оказалось так же просто, как совершить ознакомительную поездку, и одновременно благодаря этому с легкостью стало возможно узнать жизненный статус человека»⁷.

Интересно проследить эволюцию видовой открытки, которая даже в свой короткий период «Золотого века» видоизменялась. В конце XIX столетия повсеместное распространение получили мультимедийные открытки, получившие в филокартии специальное наименование – «Gruss aus...», дословно переводимое на русский язык как «Привет из...», по часто встречающейся на них надписи, например, «Привет из Москвы». На этих открытых письмах, используя принцип монтажа нескольких изображений, обычно помещалось несколько фотографических или рисованных (раскрашенных по фотографии) видов одного города или местности, объединенных легким флоральным или орнаментальным узором. Современный московский филокартист А. Шестимиров полагает, что источником этого «стиля» были германские банкноты, принцип оформления которых был близок дизайну почтовой карточки, или иллюстрации в европейских журналах, компоновав-

шиеся в целые серии рисунков с единым художественным обрамлением.⁸ Совершенно очевидно сувенирное предназначение этих карточек.

В России, где Почтовое ведомство разрешило выпускать частным издателям иллюстрированные открытки лишь в середине 1890-х годов, открытки этого типа встречаются очень редко. Более того, многие из них были отпечатаны специально для российского рынка в Германии, поэтому часто их надписи содержат орфографические ошибки. Нужно особо подчеркнуть также и тот факт, что до 1904 года на адресной стороне открытых писем разрешалось писать только адрес. Текст послания, если он был, помещался на рисуночной стороне. В виде исключения Всемирный почтовый союз разрешал на адресной стороне поздравительные надписи нейтрального характера без обращения к конкретному лицу. Чтобы это неудобство устранить, издателям приходилось выпускать рисунки на полбланка со специально отведенным местом для послания.

Когда в 1904 году адресная сторона была разделена на две половины – для адреса и для послания, – картинка стала занимать всю поверхность открыточного бланка, хотя уже в начале XX века появляются открытки с изображением одного конкретного вида и значительным уменьшением площади для письма, которая сводилась к узенькой полоске по нижнему краю. Очевидно, что сувенирное назначение открытки к началу XX века было утрачено. На смену сувенирной открытке для случайного, любопытствующего путешественника пришла открытка путешественника любопытного и целеустремленного, который приобретает не первую попавшуюся сувенирку, а тщательно подходит к выбору наиболее интересных видов тех памятников, которые особенно поразили только его, личное впечатление.

Анализируя характер использования открыток, можно сделать заключение об отношении человека к своей поездке. Использование иллюстрированной открытки для послания подразумевало под поездкой именно путешествие, которое понималось как открытие для себя лично новых мест. В моменты путешествия ему необходимо было делиться зрительными впечатлениями со своими родственниками и знакомыми. Поэтому видовая открытка становится непременным атрибутом такого путешествия. Естественно, ею не пользуются в деловых поездках, и она почти полностью отсутствует в деловой переписке. В этих случаях использовали так называемые почтовые карточки без иллюстрации, которые были в ходу параллельно с иллюстрированной открыткой. Их также пересылали по почте в открытом виде, и стоили они дешевле открытых писем. Таким образом, использование иллюстрированной открытки для послания характеризовало поездку именно как путешествие, особо выделяя ее из ряда других поездок.

Открытка часто сопутствует культурным и образовательным поездкам, особенно в художественной среде. Во время своих турне по России и, в основном, по странам Европы художники и историки искусства часто пользовались ею как учебным пособием, посылая оставшимся на родине това-

рицам недоступные тем изображения памятников искусства. Например, упоминания о подобной пересылке можно встретить в переписке искусствоведов и художников П.М. Дульского и Г.К. Лукомского, особенно много в письмах, относящихся к их ученическим годам⁹. Здесь открытка была призвана заменить альбомы по искусству, которых на русском языке почти не было, и стать, как о ней часто говорили, своего рода «справочной книгой». И открытка здесь становится своеобразной визуализацией зрительных впечатлений. Однако не всегда она могла им соответствовать. Так, в сообщениях на открытых письмах деятелей культуры начала XX века иногда можно встретить замечания о том, что они не нашли в продаже открыток с фотографиями, которые бы передавали истинное содержание и характер памятника архитектуры.

Если проанализировать хранящуюся в архивах переписку начала XX века, в которой от четверти до половины единиц посланий составляют именно открытки, то можно отметить, что своим знакомым путешественники отправляли открытки с изображениями наиболее поразивших или интересных для них достопримечательностей с характерными авторскими приписками о своем непосредственном впечатлении от увиденного. Это может быть восхищение, разочарование, меткое наблюдение, но оно всегда окрашено личностью путешественника. Однако этот рассказ о путешествии, даже дополненный личными замечаниями, всегда заведомо будет отрывочным. Открытка дает фрагментарное представление о посещенном месте, причем эта фрагментарность по сравнению с другими следами путешествия (дневники, письма) предельно максимальна. По ней можно проследить путь, но не установить все частные моменты и события этого путешествия. Она представляет собой эмоциональный рассказ, относящийся каждый раз к каждому конкретному моменту времени.

Подобные «открытки из путешествия» для человека, далекого от искусства, могли восприниматься как своеобразное творчество. Если художник мог совершить живописное путешествие, оставить себе на память рисунки с видами посещенных им мест, которые, конечно, при этом могли носить характер штудий, изучающих особенности природы того или иного края, то обычный человек до конца XIX столетия мог в этом отношении рассчитывать только на свою зрительную память. Фототехника еще не была столь совершенна, чтобы ею мог воспользоваться абсолютно любой путешественник, и открытка становится неким символом творческого подхода путешественника к своей поездке. Благодаря многочисленности выпускаемого ассортимента можно было составить свой «рассказ» о поездке, поэтому видовое открытое письмо воспринимается как своеобразный эквивалент жанру живописных путешествий.

Путешественник мог использовать открытку и как «фотографию на память», составлять из открытых писем по возвращении целые альбомы, как сейчас практикуется с фотоснимками. Открытки с фотографическими изоб-

ражениями тех или иных мест быстро стали любимейшим объектом коллекционирования. Подобные иллюстрированные карточки были на первом месте по популярности у собирателей среди других жанров открытых писем. Известно, например, что открытки с фотографическими изображениями достопримечательностей собирал В.В. Кандинский и использовал их наряду с собственными фотоработами для создания своих будущих композиций¹⁰. Поэтому многие дожившие до настоящего времени иллюстрированные видовые почтовые карточки не имеют не только отметок о прохождении почты, но и даже каких-либо посторонних надписей. Таким образом, приобретение открытки делается с целью дальнейшего воспоминания о поездке, а присутствие рядом изображенного на ней объекта является дополнительной возможностью выбора наиболее удачного снимка, передающего его характерность с наиболее выгодной для этого точки зрения. Понятно, что в этом открытом письме предшествует массовой доступности фотографии.

В ходе путешествий домой обычно посылались открытки местного производства, приобретенные в ходе поездки. Знакомым, обретенным в результате путешествия, по возвращении домой посылались открытки, выпущенные в своем родном городе и с его видами. В свою очередь, новые знакомые не всегда знали эти места, поэтому открытка становилась способом межкультурной коммуникации. Этому способствовал и выпуск не просто видовых открыток, но открыток-«типов» той или иной местности. Таким образом проходил своеобразный культурный обмен визуальным опытом, который, в свою очередь, граничил с обычной практикой общения (или этикета) воспитанного человека.

Парадоксально, но главенствующий жанр открытки – поздравительный, из которого собственно она и возникла, – получил гораздо меньшее распространение, чем видовая открытка. В России, например, всегда наблюдалась нехватка открыток к праздникам, выпускаемых отечественными издателями. Немецкие издатели, снабжавшие российский, да и весь европейский рынок открытки в целом, выпускали поздравительные открытки, символика которых не соответствовала православной традиции. Поэтому открытки любой другой сюжетной принадлежности воспринимались обществом как поздравительные и часто использовались по этому назначению, хотя на них мог быть помещен снимок какой-либо местности или воспроизведена картина какого-либо художника. Собственно открытка, в том числе и обычная видовая, стала синонимом поздравительной карточки. Обращение к ней в своем послании также служило целью выделить его, подчеркнуть свое индивидуальное отношение к конкретному адресату. Этот же характер ее использования можно проследить и в открытках, посланных из путешествий.

Для путешественников выпускаются и специальные оригинальные открытки с рисунками, созданными художниками специально для этой цели.

Весьма характерны в этом отношении рисунки открыток Елизаветы Бем «Помолись, да и в путь пушись! Смелому Бог в помощь!» (издание Общины св. Евгении), «И холодно, и голодно, и до дому далеко!» (два варианта рисунка: издание Э. Сванстрема и издание И.С. Лапина), «Издалека путь держу, три короба вестей несущу!» и «Три дороги, три пути, по которому идти? Вправо, влево или вперед?» (издание «Ришар»).

Интересна серия открыток «Поездка на воды», исполненная по специальному заказу «Контрагента печати» Е.П. Самокиш-Судковской, популярным книжным иллюстратором начала XX века изданий для массовых библиотек. Серия не только раскрывала тему путешествий, но и была предназначена непосредственно для распространения на железнодорожных станциях. На рисунках из серии последовательно развивается история любовных отношений двух пар, случайно встретившихся и познакомившихся в поезде при поездке на лечение. Художница с тонким юмором показывает, как по мере улучшения их здоровья возникает взаимный интерес, симпатия и, наконец, любовь. Идиллические картины жизни русской аристократии проходят на фоне живописных пейзажей Швейцарии.

Характер рисунков серии целиком заимствует стилистику западноевропейской открытки Ар Нуво, как и сама затронутая в них тема флирта во время лечения на водах. Кроме того, эта серия характеризует основную контингент путешественников по железной дороге и собственно определяет характер целей таких поездок.

Чтобы служить маркером или своеобразной картой путешественника, открытка должна была получить определенные преимущества своего распространения. Помимо установки киосков на главных городских площадях и улицах, их ставили на всех железнодорожных станциях и вокзалах, а также на речных пристанях. Продажа открыток на железнодорожных вокзалах была очень прибыльным предприятием. Широкую известность приобрели киоски Контрагентства А.С. Суворина и К^о. Долгое время даже считалось, что А.С. Суворин был монополистом в этом деле, получив от Министерства путей сообщения в аренду книжные и газетные киоски на всех железнодорожных станциях России¹¹, но при ближайшем рассмотрении это оказалось не совсем так, хотя к обретению монополии он всячески стремился¹². Контрагентство специализировалось на издании открыток с видами практически всех городов и местностей России.

Издание видовой открытки заведомо обеспечивало ее издателю коммерческий успех. Этим занимались как крупные столичные типографии (фототипия «Шерер, Набгольц и К», издательства «И. Дациаро» и А.С. Суворина), так и провинциальные писчебумажные магазины, аптеки, фабрики практически во всех населенных пунктах Российской империи. Естественно, что не всегда качество снимков и отпечатков было на высоте, но о том, что даже эти несовершенные работы пользовались спросом, свидетельствуют их многочисленные переиздания, а также история издатель-

ства при Общине св. Евгении, одного из крупнейших открыточных издательств конца XIX – начала XX века.

Когда в начале XX столетия в него пришли работать «мирискусники» во главе с А.Н. Бенуа, оно обратилось к широкому выпуску репродукционных образовательных открыток, которые, как впоследствии оказалось, пользовались незначительным спросом. В результате в 1905 году фирму постиг финансовый кризис, выбраться из которого помог один из ее сотрудников В.Я. Курбатов, который принял решение обратиться к изданию видовой открытки в массовом масштабе, что не только спасло фирму от разорения, но и позволило ей в скором времени начать книгоиздательскую деятельность, требующую более значительных единовременных вложений средств.

В стремлении познакомить публику «в самых глухих медвежьих углах»¹³ России с выдающимися произведениями искусства прошлых веков и творчеством современных художников, Общиной св. Евгении по аналогии с Контрагентством А.С. Суворина было задумано создание специальной сети киосков, которые устанавливались бы на вокзалах, узловых железнодорожных станциях и других людных местах во всех крупнейших населенных пунктах России. 2 мая 1903 года Попечительным комитетом Общины было получено особое разрешение от министра путей сообщения на «право установки на железнодорожных станциях в Санкт-Петербурге и Москве, в залах I класса витрин для продажи художественных открытых писем Красного Креста»¹⁴. Первый подобный киоск был открыт в конце 1903 года на Николаевском (ныне Московском) вокзале в Петербурге¹⁵. Известно, что продажа в нем открыток дала «хорошие результаты»¹⁶. Впоследствии такие киоски были устроены на всех петербургских и московских вокзалах, а также на многих узловых станциях.

Дело организации киосков продвигалось столь стремительно, что товарищ председательницы Попечительного комитета фрейлина графиня О.Ф. Гейден в своем письме заведующему изданиями Общины Ф.В. Богданову-Березовскому отмечала: «Не увлекаетесь ли Вы слишком большим количеством витрин в каждом городе, ведь для этого надо держать столько же продавцов и в общем это выйдет громадная сумма в расход... Предоставляю все на Ваше усмотрение, только высказываю Вам свое мнение»¹⁷. Один из своих киосков, расположенный в Алушке и имеющий оригинальное оформление в «восточном» стиле, Община даже своеобразно «прорекламовала», выпустив открытку с его фотоизображением.

В этих торговых точках можно было приобрести только издания со знаком Красного Креста. Интересно, что в 1908 году Община хотела получить исключительное право продажи открыток собственного издания на станциях железных дорог, но получила отказ в связи с уже имеющимися договоренностями с контрагентами по торговле произведениями печати¹⁸. По воспоминаниям основателя «евгениинского» издательства И.М. Степанова, со своей стороны, «Контрагентство Суворина, имеющее обширную сеть

газетных киосков, хотело видеть в нас конкурентов и приняло меры для устранения наших киосков. Оградило циркулярное распоряжение по казенным железным дорогам о том, что Красному Кресту дано преимущественное право»¹⁹.

Однако история повседневности заставляет посмотреть на эти киоски и под другим углом зрения. Оказалось, что положение продавщиц киосков было незавидное. В одной из газет начала XX века была помещена заметка, подписанная псевдонимом Нозль, под заголовком «Жертвы открыток», в которой говорится следующее:

На вокзалах, в особо выстроенных витринах-клетушках, вы всегда можете увидеть бледное, худое женское личико, склонившееся над грудой пестрых разноцветных открыток.

Это – продавщицы от Общины св. Евгении. Целые дни с небольшими перерывами часа по 2 – 2 ½ (смотря по расписанию поездов) и до 11-12 ч. вечера проводят они на вокзале.

Сживаются с этой вокзальной жизнью, рождаются...

Привыкают и к двусмысленным шуткам пьяных хулиганов, и к вечному страху перед внезапной ревизией (а вдруг не хватит?), и к вечной суетлоке и шуму.

Благотворительная Община св. Евгении оплачивает их труд «вполне прилично» – 10 рублей в месяц жалования и 10% с проданных открыток.

- Трудно, очень трудно, – жаловалась одна из этих несчастных, – на эти 10 рублей не только жить, хорошо одеваться надобно. Иначе кто же будет покупать у бедно одетой и некрасивой? Многие покупают эти открытки только в погоне за флиртом, за легкой победой... Да, и цены община ставит прямо невозможные. Те открытки, которые в магазинах стоят 4-5 копеек, у нас 10. При такой цене их много не продашь. Дай Бог, в хороший месяц рублей на 100-110, а больше на 80-90. Вот тут и живи как хочешь!

Зато контроль у этой общины отлично поставлен.

Контролеры на вокзале частенько бывают, и горе барышне, если она опоздает на 10-15 минут: и этого места лишиться может»²⁰.

Другая заметка, озаглавленная «Вокзальные барышни», – из петербургской газеты «Свет» от 13 июля 1913 г. – еще более детально описывает положение продавщиц в киосках Общины св. Евгении:

За малейший просчет или закрытие киоска раньше срока – увольнение без объяснения причин. За пропавшую открытку – вычеты из жалования. Зависимость от вокзального начальства полнейшая. А начальство на вокзале начинается с жандармского вахмистра»²¹.

Однако без труда продавщиц этих киосков открытка не смогла бы обрести своего покупателя, которым и становился путешественник. Более того,

открытки, продаваемые именно в киосках при железнодорожных станциях, быстро стали особым объектом коллекционирования. Так, собирателем подобных открытых писем являлся известный в начале XX века германист, преподаватель немецкого языка и литературы, близкий знакомый А.А. Блока Ф.Ф. Фидлер. Его спутник, известный писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк вывел его в одном из своих рассказов под именем «друг Фриц», который «...как сумасшедший, выскакивал на платформу, разыскивал киоск с газетами и неистово начинал отбирать открытки с видами Кавказа. Коллекционерство было его манией, и в его архиве в Петербурге хранились тысячи открыток, вывезенных им из разных путешествий. Он не обращал внимания на звонки, и мне приходилось ловить его на платформе и силой тащить в вагон. За мои материнские заботы вместо знаков благодарности друг Фриц угрожающе рычал на меня, как рычит собака, у которой отнимают самую дорогую кость... На мелькавшие по сторонам чудные виды он не обращал ни малейшего внимания и по десять раз принимался пересчитывать свои открытки, сортировал их, делал на обороте таинственные заметки карандашом и прятал, оглядываясь, в свой дорожный чемодан»²².

Такой тип собирательства, когда коллекция видовых открыток могла строиться на основе открытых писем, приобретенных путешественниками во время своих странствий, приобрел массовые масштабы. Поскольку почтовые отделения существовали при всех крупнейших узловых станциях железных дорог, то каждый путешественник стремился приобрести открытки с местными видами и, более того, отправить их себе же домой почтой, чтобы получить документальное подтверждение своего путешествия в виде штампея на адресной стороне.

Подобный характер коллекционирования, который нельзя назвать серьезным, а также сращение изображения и краткого эпистолярного жанра придают открытке особые смыслы, позволяющие характеризовать психологическое состояние общественного сознания того периода не только в России, но и во всем мире. Тяга к путешествиям, за редким исключением, лишь случайно связанным с реальным риском для жизни, к открытию для себя лично (это в подавляющем большинстве случаев уже общеизвестные места) чего-то нового, любовь к подтверждению слов иллюстрацией и стремление составить подборку каких-либо единообразных предметов, попадающих время от времени в руки, более характерны для детского сознания, с восторгом глядящего на окружающий его мир и предметы этого мира.

Поэтому не удивительно, что в годы Первой мировой войны страх перед будущим прекрасно скрашивался патристичными веселыми рисунками открыток, в которых главными героями выступали дети. Рисунки также снабжались юмористическими присказками или стишками, словесно иллюстрирующими изображение и добавляющими ему занимательности и бесстрашия. Многочисленны образы ждущих своих ушедших на фронт женихов девочек-невест, вносящих лепту в победу пошивом военной одежды или

получающих весточку от своего возлюбленного. Все эти разнообразные мотивы, обыгрывающие тему войны с весельем и большой долей патриотизма, несомненно, внесли свой, и возможно значительный, вклад в подъем духа в русском обществе в начале военных действий. С другой стороны, детские образы делали восприятие войны проще. Подход к ней с позиции ребенка сглаживал ужасы и тяготы военных действий, снимая вопрос о возможности гибели от рук противника совсем. Война становилась игровой, марионеточной, но не реальным событием.

Для военных различными благотворительными комитетами выпускались специальные открытки, распространявшиеся бесплатно. Однако они не всегда были украшены рисунками, да и участие в военных действиях не располагало к особому подходу к выбору материала для письма.

Естественно, что в военные годы путешествия в массовом масштабе почти прекратились. Для России же и впоследствии для советского пространства традиция посылать открытки из путешествий почти прекратилась, поскольку поездки стали носить вынужденный характер. Да и сама открытка сильно видоизменилась. Из всех открыточных жанров сохранился только поздравительный, остальные, в том числе и видовые, стали прерогативой только коллекционной открытки, выпускавшейся в комплектах. Открытка и путешествие в России потеряли прежде столь тесную взаимосвязь между собой, какой она была на рубеже XIX–XX столетий.

¹ Staff F. *The Picture Postcard and its Origins*. New-York–Washington, 1966. P. 61.

² К двадцатипятилетию Всемирного Почтового Союза // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1900. Июнь. С. 793.

³ Деоржак М. *История искусства как история духа*. СПб., 2001. С. 180.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 20. Оп. 2. Е.х. 55. Лл. 1–14.

⁵ Staff F. *Op. cit.* P. 50.

⁶ Открытые письма с видами // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1899. Ноябрь. С. 1214.

⁷ Hille H. *Sammelobjekt: Ansichtskarte*. Berlin, 1989. P. 7–8.

⁸ Шестимиров А.А. Самые первые // *Жук, журнал для коллекционеров открыток*. 2004. № 1 (март). С. 4.

⁹ ОР ГРМ. Ф. 109. Е.х. 68.

¹⁰ Турчин В.С. *Образ двадцатого... в прошлом и настоящем. Художники и их концепции. Произведения и теории*. М., 2003. С. 159.

¹¹ Тагрин Н.С. *Мир в открытке*. М., 1987. С. 53.

¹² Хильковский А.Е. Издавал ли Алексей Сергеевич Суворин открытки? // *Филокартия*. 2009. №1 (11). С. 14–17.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Е.х. 314. Л. 145.

¹⁴ Там же. Е.х. 314. Л. 4; Е.х. 2222. Л. 9.

¹⁵ Там же. Е.х. 2225. Л. 6об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Е.х. 873. Л. 361–361об.

¹⁸ Там же. Е.х. 1422. Л. 59-59об.

¹⁹ Степанов И.М. За тридцать лет. 1896–1926. Л., 1928. С. 29.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Е.х. 1639. Л. 33а.

²¹ Там же. Е.х. 1703. Л. 168.

²² Мамин-Сибиряк Д.Н. Погибельный Кавказ. (Из летних рассказов) // Мамин-Сибиряк Д.Н. Старинка и новинка. Сборник рассказов для детей школьного возраста. СПб., 1909. С. 198–199.

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ¹

Поскольку темой нашего сборника является «Путешествие как историко-культурный феномен», для начала хотелось бы прояснить вопрос, что же такое «путешествие»? Я предложил бы считать путешествием ограниченный обзримыми временными рамками значительное перемещение человека (или группы людей) в пространстве. «Обзримые временные рамки» – это такие, когда участники и/или окружающие более или менее отчетливо знают, когда их путь начался («отправились») и когда закончился («прибыли» или «возвратились»). А значительным – в отличие от рутинного, незаметного, неважного – перемещение может быть по разным измерениям: по расстоянию, по приобретаемому опыту, по цели, причине, по способу или каким-то еще особенностям передвижения; оно может быть значительным для самих путешественников и/или для других, и значительность эта может быть с разным знаком: путь может восприниматься как особенно интересный или трудный, или страшный, или удачный и т.д. по сравнению с пребыванием «на месте». В этом смысле, путешествие – сугубо субъективный феномен. В зависимости от опыта (как прежнего, так и приобретаемого в пути), каждому из участников и сторонних наблюдателей одно и то же перемещение может представляться в разном смысле и в разной степени значительным, вплоть до того, что кто-то может вовсе не воспринимать его как путешествие.

Дрейф на льдине – интересный в этом смысле пример. Перемещение при нем парадоксально: люди могут не замечать, как льдина движется относительно дна океана, они вообще могут жить стационарно в палатке или на судне, никуда далеко не отходя, и изо дня в день наблюдать один и тот же пейзаж, словно бы никуда и не перемещаясь. Значительность происходящего с ними они (и сторонние наблюдатели) могут в большей или меньшей степени осознавать и опыт могут приобретать самый разнообразный, но это не обязательно связано именно с перемещением их лагеря в пространстве: так, челюскинская эпопея в целом воспринималась, я думаю, большинством участников³ и наблюдателей как путешествие, но во время пребывания на льдине челюскинцы в своем понимании, наверное, не путешествовали в обозначенном выше смысле этого слова. Даже осознавая, что их льдина дрейфует, они субъективно «сидели на месте» – поставили лагерь, работали в нем, строили аэродромы и ждали, пока их оттуда заберут. В отличие от них, папанинцы на дрейфующей станции «Северный полюс-1» субъективно именно путешествовали: уделяли сугубое внимание движению своей льдины, используемой как средство

транспорта, и отдавали себе отчет (вместе со всей страной) в том, что их дрейф – весьма значительное в научном, политическом, экономическом и многих других смыслах перемещение.

Заговорив о челюскинцах, я подхожу к разговору о том, как не дрейф, а одно из других их перемещений – на взгляд многих участников и на мой взгляд, довольно значительное по расстоянию и трудоемкости и наверное сопряженное с эмоционально и физически значительным опытом, – весьма удивительным для меня образом вошло в личный и коллективный опыт. Можем ли мы говорить здесь о путешествии, как я его определил выше? И нет – потому что скорее можно говорить о части большего путешествия, и да – потому что налицо и хронологически ограниченное, едва ли не по всем статьям очень отличное от «до» и «после» перемещение, и субъективная значительность. Тут-то и скрыта интересная (пусть и не уникальная) проблема: судя по перипетиям, которые выпали на долю *рассказа* об этом пути, консенсуса относительно уровня и характера его значительности нет и не было. Причем отсутствие консенсуса в данном случае удивляет меня не потому, что речь идет о Советском Союзе 30-х и последующих годов – времени, как принято считать, наибольших успехов в насаждении единомыслия (и в биографическом опыте многих людей, и в историографии имеется достаточное число опровержений этого стереотипа). Удивился я потому, что именно в тех условиях консенсус по этому поводу – пусть официальный – был бы, как мне кажется, столь же легко достижим для властей и столь же идеологически плодотворен, как и консенсус по поводу значения челюскинской эпопеи в целом и других отдельных ее эпизодов. Попыткам разобраться в этом и посвящена данная статья.

* * *

Итак, из чего состояла челюскинская эпопея? Большинство людей в СССР знали и многие знают до сих пор основные ее темы: плавание ледокольного парохода «Челюскин» по Северному морскому пути в попытке пройти его за одну навигацию на обычном судне; гибель «Челюскина»; жизнь 104 челюскинцев в т.н. лагере Шмидта на льдине; их спасение с помощью самолетов; триумфальная поездка на поезде через всю страну; торжественный прием в Москве и награждение летчиков специально учрежденным по этому случаю званием Героя Советского Союза. Такая версия событий, с бóльшим или меньшим числом подробностей, растиражирована в прессе 1934-го и позднейших годов: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и другие газеты ежедневно публиковали многочисленные материалы о челюскинцах и их спасении, а потом возвращались к этой теме в годовщины ледовой одиссеи⁴. Повторяют эту версию и публицистика, и мемуарная литература советских лет: в качестве примера можно процитировать воспоминания

двух летчиков. Вот что говорится в мемуарах челюскинца пилота М.С. Бабушкина, опубликованных перед войной:

«Челюскинцы – сто четыре человека – находились на твердой земле. Все научные материалы, все имущество также были спасены. Мы ничего не бросили во льдах Чукотского моря. Гордый советский стяг развевался над остатками лагеря.

„Все спасены! Все спасены! Все спасены!“ – неслось в эфир с советской Чукотки. Эта весть мгновенно распространилась по всему земному шару. [...]»⁵ Счастливыми возвращались челюскинцы и советские летчики домой. Родина встречала их с распростертыми объятиями.

Ляпидевский, Леваневский, Молоков, Каманин, Слепнев, Водопьянов и Доронин первыми в стране получили высокое звание Героя Советского Союза.

Подвиг советских летчиков, спасших челюскинцев, навеки сохранится в истории и будет служить блестящим примером организованности советских людей.

Стойкость и храбрость были отличительными чертами коллектива челюскинцев. Эту стойкость, спокойствие и уверенность дали нам наша партия, наше правительство, наш советский народ.

Вот с какими мыслями и чувствами мы возвращались из Арктики домой, с Чукотки в Москву, где нас ждала незабываемая встреча с Иосифом Виссарионовичем Сталиным»⁶.

Сорок лет спустя почти то же самое опубликовано в интервью с А.В.Ляпидевским, вывозившим челюскинцев со льдины:

«... в конце концов все кончилось благополучно. 13 апреля⁷ операция по спасению челюскинцев была закончена.

16 апреля Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР принял постановление об установлении высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза. А 20 апреля 1934 г. звание Героя было присвоено Ляпидевскому, Леваневскому, Молокову, Каманину, Слепневу, Водопьянову и Доронину»⁸.

Операция по спасению челюскинцев, которой руководила специальная правительственная комиссия, стала символом заботы партии и правительства о советских людях, а поведение обитателей ледового лагеря – символом коллективизма и дисциплины, позволявших советским людям преодолевать такие невзгоды, в которых не выживали индивидуалисты и авантюристы – арктические путешественники из капиталистических стран. Эти два мотива – забота властей и жизнестойкость коллектива – стали главными в официозной версии эпопеи, растиражированной в публицистике.

Гораздо менее широко известно то, что происходило с челюскинцами после доставки их самолетами на берег. Как они попали в Москву? Поездом из Владивостока. Как они попали во Владивосток? Пароходом «Смоленск».

А как они попали на пароход? Он ведь пришел за ними не в Ванкарем – там были непроходимые для него льды. «Смоленск» сумел приблизиться, и то на расстояние нескольких километров, лишь к юго-восточному побережью Чукотки, к поселкам в бухтах Провидения и Лаврентия. От места же посадки самолетов до этих точек на берегу Берингова моря половину бывших обитателей лагеря Шмидта доставили по воздуху, но 53 человека проделали этот путь до поселка Уэлен⁹ (более 500 км по прямой), а частично и до Культбазы в бухте Лаврентия (еще почти 200 км по прямой), двое даже до бухты Провидения (еще ок. 300 км по прямой) по земле – точнее, по прибрежному льду и по зимней тундре, в основном пешком, малыми группами, в сопровождении чукчей-каюров и собачьих упряжек, транспортировавших главным образом вещи. Учитывая неровности льда, изгибы береговой линии и блуждания в буране, фактическая длина пути была гораздо больше, чем расстояние по прямой. Дорога заняла у групп от семи до пятнадцати дней. Температура воздуха была около -30°C , несколько раз случались сильные и долгие метели.

В принципе пешие переходы по льду и по зимней тундре на сотни километров не были в то время чем-то неслыханным. О таких случаях было известно. Например, с того же «Челюскина», когда стало ясно, что ему предстоит зимовка во льдах, ушла на берег группа из восьми человек – т.н. группа Муханова, – благополучно добравшаяся потом до Москвы. Эти люди, один из которых был серьезно болен, прошли по торосистому льду более 60 километров, а потом около 300 км по еще не полностью покрытому снегом берегу – правда, не только пешком, но частично на нартах. Об этом писали в газетах и книгах¹⁰. Позже пеший поход на берег рассматривался в качестве одного из первых вариантов спасения после того, как корабль затонул и люди оказались на льдине в 130-170 км от берега. Этот вариант был руководством очень скоро отвергнут, ибо среди потерпевших кораблекрушение были и женщины, и двое маленьких детей, и пожилые или физически не очень крепкие люди¹¹, так что движение с грузом вещей и провианта было бы, как сочли руководители коллектива челюскинцев, слишком трудным и опасным¹², но это мнение разделяли не все 104 обитателя лагеря Шмидта (хотя в итоге все ему подчинились¹³). Или вот еще два примера, не только непосредственно связанные с челюскинцами, но и опубликованные в центральной прессе в дни их спасения. Газета «Правда» 10 апреля 1934 г. опубликовала очерк о старшем радисте парохода Владимире Иванюке, где сообщалось, что в 1930 г. после гибели шхуны «Полярная звезда» он вместе с товарищами прошел пешком в полярных условиях 350 км за 7 дней. И это притом, что правая рука у него в результате ранения не действовала. В номере «Правды» от 13 апреля в статье «Авиация плюс радио» начальник радиослужбы ГУСМП А.В. Воробьев рассказывал, что на подмогу радисту мыса Северный Хаполайнену, долгое время работавшему круглосуточно в

одинокую (его станция была важнейшим передаточным пунктом на пути радиосообщений с Чукотки в Москву, поэтому дежурить нужно было постоянно), пришел радист Непряхин с зимовавшего во льдах парохода «Хабаровск». Ему пришлось для этого проделать в одиночку пешком путь по торосам длиной около ста километров.

Неоднократно рассказывается в публицистике и о том, как при строительстве аэродромов в лагере Шмидта людям с инструментами приходилось проходить по многу километров до подходящей льдины, преодолевая торосы и трещины. Кто-то даже подсчитал, что эти ходки в сумме составили расстояние большее, чем то, которое отделяло лагерь от берега.

Одним словом, о пеших походах по льду и тундре сообщали как об одной из составляющих повседневного героического труда людей в Арктике. В принципе рассказ о том, как челюскинцы добирались из Ванкарема к побережью Берингова моря, мог бы стать одной из самых героических страниц эпопеи. Но, как ни странно, не стал. О пешем переходе челюскинцев не узнал почти никто (знали, я думаю, несколько тысяч человек, но в масштабах страны с двухсотмиллионным населением – это почти никто), и вскоре словно позабыли те, кто знал.

Из этого эпизода вроде бы не делали специально тайны, но о нем почти не упоминали ни тогда, ни впоследствии, ни в газетных и журнальных статьях, ни в книгах, ни в фильмах, ни в телепередачах. События и переживания тех дней и километров не оформились в устойчивые отдельные рассказы, готовые для выдачи на публику, подобно, например, рассказам о лекциях Шмидта на льдине, о перевозке людей в парашютных ящиках или о собаках, вывезенных из лагеря с последним самолетом. Не только в интервью, мемуарах и выступлениях, но и в приватном кругу¹⁴, похоже, эта тема не пользовалась популярностью. Что-то помешало? Что-то лишало эти воспоминания то ли права на публичность, то ли даже и субъективной значимости «для внутреннего употребления».

Однако это не всегда было так, точнее – в свое время было не только так. Челюскинцам было что вспомнить о тех днях, и сначала они вспоминали о них как о чем-то значимом наряду со всеми остальными днями эпопеи. Пусть пресса и книги десятилетиями хранили почти полное молчание о событиях второй половины апреля 1934 г.¹⁵, но достаточно подробно было рассказано о них в вышедшем в конце того же года трехтомнике¹⁶, который был составлен из воспоминаний участников ледовой одиссеи, записанных по свежим следам: работу над ним челюскинцы начали еще в бухте Лаврентия, даже до того, как все они собрались на борту парохода «Смоленск», чтобы двинуться во Владивосток¹⁷. В опубликованной много позже книге челюскинца А. Миронова «Ледовая Одиссея»¹⁸ тоже есть страницы, посвященные этому эпизоду. Но, повторю, в подавляющем большинстве других публикаций и

фильмов – как в то время, так и до сих пор – спасение челюскинцев завершается их доставкой со льдины на материк 13 апреля 1934 г., а потом следует эпилог о награждении героев.

Почему же эти пешие переходы, которые сыграли важнейшую роль в спасении половины челюскинцев, а по драматизму во многом не уступали жизни на льдине, не вошли в героическую эпопею?

В исторической науке вопрос «**почему** это произошло?» очень часто ведет к спекулятивным объяснениям, а вопрос «почему это **не** произошло?» – тем более. И все же, помня о том, что мы «подгоняем решение под ответ», попытаюсь высказать некоторые предположения. Единственной причины я не знаю, да и редко она бывает. Скорее, можно искать вероятные факторы, под действием которых рассказ (или, точнее, закрепившаяся расхожая версия рассказа) об этом путешествии получился таким, а не иным. А исходя из этого уже строить предположения относительно того, какое значение придавали этой информации участники событий и их комментаторы.

Последовательность, в которой я буду говорить о предполагаемых факторах, можно рассматривать как случайную: я не выстраивал их в порядке значимости, ибо о том, какую роль какой фактор сыграл, у меня нет сколько-нибудь надежных сведений.

1) Можно с уверенностью предположить, что сыграла свою роль интерпретация событий руководством. Эта интерпретация по мере восхождения вверх по ступеням власти все больше изменялась в сторону, так сказать, окончательности. Так, 13 апреля и.о. начальника экспедиции Бобров и парторг Задоров отправили в Москву Сталину, Калинин, Молотову, Куйбышеву и в РОСТА радиogramму, в которой говорилось только об окончании «эвакуации челюскинцев с дрейфующего льда». Естественно, еще долго не считали законченным спасение капитан и помполит парохода «Смоленск», пробывавшегося с юга к Чукотке, чтобы забрать челюскинцев: почти месяц спустя они сообщали, что, «выполняя задания партии и правительства по спасению челюскинцев, [...] 7 мая прибыли в бухту Провидения. [...] Мы еще раз заверяем ЦК ВКП(б) и правительство, что дело спасения челюскинцев доведем до конца»¹⁹. А вот председатель чрезвычайной тройки по оказанию помощи челюскинцам Петров и член тройки Небольсин уже рапортовали Сталину, Молотову, Калинин, Ворошилову, Куйбышеву и Ягоде: «Доставкой последних шести человек спасение челюскинцев считаем **выполненным**²⁰. Форсируем переброску людей в Уэлен и бухту Провидения для посадки на пароход»²¹. Председатель комиссии Куйбышев и ее члены Каменев, Уншлихт, Янсон и Иоффе направили Сталину и Молотову телеграмму-рапорт, завершавшуюся словами: «Лагеря челюскинцев в Ледовитом океане

больше не существует. Операция по спасению челюскинцев **закончена**»²². Даже о «переброске» уже ничего не говорилось.

Понятно то гигантское облегчение, которое, по рассказам современников, и сами челюскинцы, и руководство страны, и народ, следивший за ледовой эпопеей по прессе, испытали после того, как последняя группа из шести человек и восьми собак была вывезена со льдины на материк. После этого все последующие передвижения, возможно, казались в тот момент заведомо менее опасными и как бы более комфортабельными, так как люди находились на твердой земле²³, и к тому же на советской земле, где им, как рапортовали в опубликованных телеграммах члены чрезвычайной тройки и правительственной комиссии по оказанию помощи челюскинцам, был по всему пути следования подготовлен прием²⁴. О том, что происходило после прибытия в Ванкарем, в те дни еще мало кто знал (по причине, которой я коснусь ниже). Все были спасены со льдины, а значит самое страшное, трудное и героическое осталось позади – таково, вероятно, было почти всеобщее впечатление в тот день. В следующие дни газеты выходили с триумфальными заголовками «Усилиями партии и правительства все челюскинцы спасены»²⁵, с поздравительными и благодарственными телеграммами, с сообщениями о наградах.

Таким образом, на нескольких уровнях, в том числе и на самом высоком, была подведена символическая черта под героической частью эпопеи, после которой все остальное было уже как бы техническими мелочами. Потом у кого-то могли быть и другие впечатления, но им было, наверное, трудно перебороть эти первые, мощно зафиксированные в прессе, в текстах от имени Сталина, в орденских книжках.

Подкрепляют это предположение такие пассажи из воспоминаний: летчик Пивенштейн, участвовавший в переброске части челюскинцев из Ванкарема в Уэлен и в бухту Провидения, писал о настроениях пилотов: «Со льдины перевезли, „героическая часть“ окончилась, остается черновая работа... Молоков руководил этими последними перелетами, всячески борясь с „почивающими на лаврах“»²⁶. А челюскинец Александр Миронов в своей книге «Ледовая Одиссея», опубликованной примерно через 30 лет после событий, приводит свои дневниковые записи тех дней, согласно которым «путь был труден, но не изнурителен, хотя и пришлось топать всю дорогу пешком»²⁷. Он всего «три дня с больной ногой провалялся в Джинретлене», потом «один кое-как доковылял» до следующего стойбища. Мы не знаем, действительно ли в то время Миронову все представлялось именно так или какие-то пассажи из дневника потом были отредактированы. Но факт тот, что по прошествии времени волей или неволей он, хоть и не скрывая факта пешего перехода, изображал его как нечто вполне будничное, не придавал ему значительности экстремального

опыта, подчеркивая скорее туристическую составляющую: впечатления от чукотского быта и т.п.

2) Эти группы во время почти всего перехода были лишены радиосвязи, фото- и киноаппаратов и прочих средств, которые бы позволяли тому, что с ними происходило, легко и быстро стать достоянием широкой общественности. После того, как они уходили из Ванкарема²⁸, следующий раз информацию о них могла передать только радиостанция в Уэлене, а она была перегружена и передавала только самые краткие общие сведения (количественные данные о том, сколько человек отправлено и сколько где находится). В те дни Москва не получала ни *от* этих партий, ни о них известий, сравнимых по регулярности и подробности с донесениями из ледового лагеря, из поселка в бухте Провидения или с пути следования поезда Владивосток-Москва. А впоследствии было очень мало визуального материала: кинооператор А. Шафран летел из Ванкарема самолетом²⁹ и заснял, если судить по воспоминаниям одного из челюскинцев, только отправление одной из партий. Соответственно, в средства массовой информации материала попадало ничтожное количество. Так что шансы стать «медиа-событиями» у этих пеших переходов были гораздо хуже, чем, например, у перехода группы Муханова. В той группе был кинооператор М. Трояновский. Он заснял поход на пленку, и после его возвращения в Москву эти кадры, где люди едут на нартах, вошли в документальный фильм «Челюскин», вышедший на экраны страны в середине марта 1934 г. и тут же «раздерганный на цитаты» печатными изданиями. Кроме того, в те самые апрельские дни, когда спасенные со льдины челюскинцы перебирались из Ванкарема в Уэлен, в «Красной газете» – одном из главных партийных и советских печатных органов Ленинграда – под рубрикой «Из дневника челюскинца» публиковались с продолжением записки Н. Стромиллова о переходе группы Муханова, где речь тоже идет о передвижении на собаках, хотя периодически и проскакивают «пешие» моменты³⁰. В сумме эти визуальные и текстовые материалы достигли, я думаю, достаточно большой аудитории и сформировали у многих людей представление о том, как происходила доставка челюскинцев в Уэлен: на нартах.

Вообще в газетах после середины апреля (и особенно в дни майских праздников) сообщений о челюскинцах стало меньше, они сделались короче и стали порой перемещаться с первых полос на вторые, четвертые или даже шестые. Почти ежедневно публиковались теперь сведения о пребывании О.Ю. Шмидта и Г.А. Ушакова в США, а также о продвижении ледокола «Красин» и пароходов «Смоленск» и «Сталинград», шедших за челюскинцами на Чукотку и преодолевавших трудности, сравнимые с теми, которые преодолевали суда в Северном Ледовитом океане: возможно, в Чукотском море наклеивалась новая героическая ледовая эпопея! О

челюскинцах же, помимо числа доставленных «на нартах», публиковались либо сообщения в триумфальном тоне (о том, как все они подписываются на заем или как празднуют 1 мая), либо изъявления восхищения и благодарности спасителям со всей страны и из-за рубежа. И только один-два раза прозвучали нотки озабоченности спасенных: например, тем, что им не сообщают ничего о здоровье О.Ю. Шмидта³¹ (а он, лежа с воспалением легких и плевритом в больнице на Аляске, тоже, в свою очередь, жаловался на отсутствие у него информации³²). В опубликованных³³ телеграммах руководящих лиц экспедиции (например, и.о. начальника экспедиции Боброва, его заместителя Баевского, Копусова) и председателя чрезвычайной тройки по оказанию помощи челюскинцам Петрова ничего не говорилось о том, что нарт на всех не хватало (по утверждению современного историка С.А. Ларькова, произошло это, в частности, потому, что Ванкаремская фактория загрузила нарты своей пушшиной³⁴), что фактически на них ехали вещи и наиболее уставшие люди, а остальные шли большую часть пешком³⁵. Только один раз, 23 апреля, сведения о пеших переходах попали на страницы центральных газет: была опубликована телеграмма от 22 числа, в которой Бобров сообщал в Москву председателю комиссии Куйбышеву и заместителю начальника Главсевморпути Иоффе, что «несмотря на трудности пешего пути, общее состояние здоровья прибывающих в Уэллен вполне хорошее»³⁶. В «Комсомольской правде» (но не в «Правде» и не в «Известиях»!) рядом с нею, под заголовком «580 километров на нартах» была опубликована еще одна телеграмма Боброва от 22 апреля, адресованная редакции этой газеты. Там сказано о партии, состоявшей «в большинстве из крепких, закаленных комсомольцев», которой предстояло совершить путь до Уэлена «в особо трудных условиях. Вследствие крайнего недостатка в собаках на каждую нарту приходится четыре человека. Весь путь придется проделать почти пешком при устойчивых морозах до 30 градусов»³⁷.

В целом можно сказать, что страна, узнававшая о доставке челюскинцев в бухты Лаврентия и Провидения по радио и из газет, узнавала почти исключительно про самолеты и собачьи упряжки. Про пешие переходы могли в 30-х гг. узнать только читатели трехтомника, а его тираж – 100 тыс. экз. – был во много раз меньше, чем совокупный тираж центральных и местных газет, цена же – примерно в 100 раз выше. О соперничестве с радио и вовсе говорить не приходится. Другие публикации, в которых хотя бы упоминаются пешие переходы, появились десятилетия спустя и не имели сравнимого общественного резонанса.

3) Можно предположить, что пеший этап замалчивали потому, что он не вписывался в общую картину эпопеи, ибо, во-первых, изменился сам структурный принцип организации челюскинцев: вместо единого коллектива, возглавляемого высокопоставленным³⁸ и известным всей

стране³⁹ человеком, которого назначило правительство, теперь мы видим разрозненные небольшие группы численностью от 2 до 15 человек, растянувшиеся по берегу и возглавляемые более или менее случайными людьми. Ими не руководили уже ни московская правительственная комиссия (ни напрямую, ни хотя бы в лице своего уполномоченного на Чукотке Г.А. Ушакова), ни начальники экспедиции, т.к. О.Ю. Шмидт в это время был болен пневмонией и сначала лежал в лагере на льдине с температурой 40°, большую часть времени проводя в полубессознательном состоянии, а потом находился в сопровождении Г.А. Ушакова на лечении в США; он не только не руководил, но скорее всего даже не мог следить за происходящим на чукотском побережье⁴⁰. Принявший у него полномочия А.Н. Бобров сначала был тоже на льдине, т.е. первые три пешие партии ушли 10, 11 и 12 апреля в его отсутствие. С 13 по 19 апреля он находился в Ванкареме, отправил две партии, а сам улетел в Уэлен самолетом⁴¹, но неделю спустя оказался с острым аппендицитом в больнице в бухте Лаврентия⁴². График движения групп и их «бригадиров» назначали по обстоятельствам заместитель начальника экспедиции И. Баевский или другие руководители второго-третьего уровня, а контролировать их движение можно было только в самых общих чертах: Бобров знал, сколько человек в каком пункте находятся и когда отправятся⁴³, но такого непосредственного руководства ими в пути, какое существовало на льдине, он осуществлять, конечно, не мог. Эти люди были разбросаны по огромным просторам и предоставлены сами себе, превратностям погоды и гостеприимству местного населения.

Во-вторых, упомянутые выше лейтмотивы – «забота руководства страны» и «коллективизм» – на этом этапе если и проявились, то... скажем так: совсем иначе, нежели прежде. Что касается заботы властей, то, во-первых, выяснилось, что никакого специально «приготовленного жилья»⁴⁴ на мысе Ванкарем нет, а имевшихся там небольшого двухкомнатного домика фактории и 13 яранг местных жителей совершенно недостаточно для размещения челюскинцев плюс летчиков и механиков. Об этом открыто написали в своих воспоминаниях не только участники пеших переходов, но и, например, радист «Челюскина» Эрнст Кренкель, летевший самолетом. Вот как у него описана ситуация на момент прибытия со льдины последней партии спасенных:

«Все на берегу! Ура! [...] Возникает сложная проблема расселения всей оравы. Единственный дом среди чукотских яранг – фактория Ванкарем не мог похвастать большими размерами. Не знаю его происхождения, но, судя по предельной разнокалиберности дерева, построили его явно из обломков какого-то судна. В домике всего две комнаты, одна из которых к тому же исполняет по совместительству еще и обязанности кухни. Помимо хозяев, здесь размещаются два члена Чрезвычайной тройки (обладатель квадратной белокурой бородки председатель тройки Г.Г. Петров и

пограничник А. Небольсин), а также двадцать человек летчиков и челюскинцев.

Плотность населения в Ванкареме была так велика, что спали в три смены, а питались за единственным кухонным столом в четыре. Даже при самом жгучем желании воткнуться в эту чащобу человеческих тел не было ни малейшей возможности. Нас троих определили на постой в одну из яранг около фактории»⁴⁵.

Далее автор переключается на другие сюжеты – рассказывает о быте чукчей, о Леваневском – и только значительно ниже лаконично пишет: «Из Ванкарема мы добрались до бухты Провидения».

В процитированном отрывке есть два момента, способных запутать или смутить исследователя. С одной стороны, после слов «**все** на берегу» сообщается, что в здании фактории находилось только 20 человек, еще несколько были расселены по ярангам, а когда и куда делись остальные – не говорится. Собственно, «сложной проблемой» с помещениями и была в значительной мере обусловлена необходимость челюскинцам двигаться дальше почти сразу после того, как их привозили со льдины. Но об этом сказано только в одной из статей трехтомника 1934 г.⁴⁶, а в изданной в 1973 г. книге Кренкеля о таком решении проблемы нет ни слова⁴⁷.

Во-вторых, опять же вопреки победным реляциям, заготовленного специально для челюскинцев продовольствия, равно как и корма для собак, на промежуточных базах оказалось слишком мало⁴⁸. В-третьих, нарт тоже не хватало на всех: только первая партия была ими обеспечена в достаточной степени, а в дальнейшем на одну нарту приходилось по несколько человек⁴⁹. К тому же упряжки после дальних переходов были уставшие – некоторые собаки даже умерли в пути. Поэтому людям и приходилось от половины до двух третей пути идти, а не ехать⁵⁰. Но на всем пути следования в прибрежных поселках идущим оказывали радушное гостеприимство и помощь как чукчи, так и работники советских учреждений – учителя, заведующие базами, пограничники. Они, самостоятельно принимая решения, выделяли продукты из подведомственных им запасов⁵¹, предоставляли упряжки, а пограничники в бухте Лаврентия – еще и уголь для отопления больницы, в которую шестнадцать челюскинцев, в том числе шестеро с тяжелыми заболеваниями⁵². Помогавшие челюскинцам должностные лица не просто действовали без прямых указаний из Москвы, на свой страх и риск. Фактически они компенсировали своими действиями недостатки в организации берегового этапа спасательной операции.

А если говорить о коллективизме, то и он в разных группах проявлялся по-разному. Одни участники переходов описывают свои группы как маленькие, но сплоченные коллективы, другие же рассказывают иное, например: «Впереди на расстоянии километра ото всех [...] маячила [...] фигура Саши Миронова. За ним ходко и хорошо шли Паршинский и

Бутаков. Я [т.е. Буйко] и Саша Ульев замыкали шествие: надо было смотреть, чтоб никто не отстал. В конце дня [...] Громов, шедший в кожаных сапогах, натер ногу. Он прихрамывал, качался из стороны в сторону. Наконец он не выдержал боли в ноге и сел на снег. Мы остановились, ждали, пока он передохнет и приблизится. Возвращаться к нему не имело смысла. Я верил в силы Громова и знал, что он не отстанет. Но Вася Бармин резко прервал ожидание:

– Ты, начальник, чего ты смотришь? Видишь, народ падает!.. Так что ж мер не принимаешь? – заорал он, обращаясь ко мне.

– Давай-ка, милый, поспокойнее. Громов отлежится и пойдет, ничего страшного нет.

Бармин не успокаивался:

– Что ж, по-твоему, народ будет падать, а мы плевать на это будем?

Я не отвечал ему.

– Братва, давайте двигаться. Я присмотрю за Громовым. В случае чего – вернем нарту и захватим его.

Ребята пошли. Через несколько минут поднялся и Громов. С искаженными болью губами, покачиваясь, он все же напористо заковылял вперед.

В одной из попутных яранг я оставил Петю Петрова, наказав ему предупредить Громова, чтобы он взял мои пимы с нарт и надел их вместо сапог»⁵³. Для верного понимания последней фразы надо иметь в виду, что попутные яранги встречались с интервалами в несколько десятков километров. В другой день у Александра Миронова случилось растяжение ноги и его оставили в той яранге, где группа ночевала.

Как видим, группы могли распадаться на более сильных и более слабых или травмированных, между их членами и бригадирами могли возникать открытые конфликты, не способных идти людей могли оставлять далеко позади и не возвращаться за ними, не посылать нарты. Все это никакой трагедией не кончилось, Громов и Миронов отлежавшись добрались до Уэлена, и второй, как мы видели выше, даже описывал потом этот эпизод без всякого драматизма. Но нельзя не заметить разительного контраста с описанием жизни на льдине, где – в значительной мере благодаря целенаправленным усилиям О.Ю. Шмидта – коллектив челюскинцев спланировался, а не раздроблялся, дисциплина и коллективистская мораль крепились⁵⁴, и нравственный авторитет руководителя был непререкаем⁵⁵.

Я понимаю, что этот тезис хромает: в официозной версии не обязательно было бы говорить неприятную правду. Факты, как говорится, не должны портить хорошую историю. Могли быть придуманы более красивые варианты. Но, видимо, умолчание почему-то показалось предпочтительнее.

4) Могло иметь место вытеснение пережитого в связи с тем, что опыт вступал в конфликт с усвоенным авторитетным мнением и проигрывал в этой борьбе за право на память. Дело в том, что условия, в которых оказались участники пеших переходов, во многом совпадали с теми, на которые в свое время указывали руководители экспедиции, выдвигая аргументы против пешего похода со льдины на материк. Шмидт, Баевский, Буйко и некоторые другие, как нам известно из трехтомника, после гибели «Челюскина» рассчитали, что пеший поход по льдам был бы слишком опасен и труден. Трещины, разводья, торосы, пурга, тяжелый груз и неодинаковая физическая кондиция членов коллектива, говорили они, привели бы к тому, что дорогу осилили бы только самые крепкие, а слабые либо не смогли бы ее преодолеть, либо должны были бы остаться в лагере, где они тоже не справились бы со строительством аэродрома⁵⁶. Вот как П. Буйко описал это воображаемое несчастье: при взгляде с самолета на разводья и трещины

«перед глазами проплывает возможная картина перехода по льду. Усталые, полуголодные люди карабкаются по ропакам, проваливаются среди торосов, утопают в снегу и в обманчивых, присыпанных снегом майнах... Все тело ноет... Выбившись из сил, люди в поту падают на снег... Мы не сумели бы протащить за собой нужное на весь этот неизмеримо долгий путь количество продовольствия. Мы физически не смогли бы тащить за собой теплую меховую одежду и палатки. Ночуя на льду под открытым небом в пургу и холод, питаясь впроголодь, изможденные, мы поневоле рассыпались бы на мелкие группы отстающих, заболевших в пути, и только 20-30% людей с железным здоровьем увидели бы солнце на берегу.

Прочь от „пешего ужаса“! Лучше не думать. Ясно: переход был бы кошмарным концом всей трагедии»⁵⁷.

А вот как он же буквально через несколько страниц описывает тот реальный пеший переход, в который отправился почти сразу прибытии на берег:

«Ветер проникает до костей. Люди жмутся, но идут, идут упорно... Мы продвигаемся вперед, точно лунатики. Чувство времени и пространства потеряно. Мы не знаем, по льду или по косе мы идем. Кругом бело. Не знаем, полдень или вечер. Солнце давно не светит. Мы бредем уже 14 часов, а конца пути не видно.

Изможденные, голодные, мы еле передвигаем ноги. Сон подступает к самому центру мозга, но ропаки под ногами гонят сон. Надо быть осторожнее. Поздно! Нога срывается в трещину ропака, ступня подламывается. Я приостановился, вытащил ногу... Ступать на нее больно до крика. Но надо идти и идти. Зубы стиснуты...»⁵⁸.

Можно привести и более душераздирающие описания, но я привел именно это потому, что оно почти непосредственно соседствует в

воспоминаниях Буйко с описанием воображаемого «пешего ужаса» и так паразитически его напоминает.

Конечно, реальные переходы были несколько легче: шли только мужчины⁵⁹ и притом самые крепкие, и им не приходилось нести на себе вещи, и время от времени они могли проехать некоторое расстояние на нартах, а ночевали они почти каждую ночь в теплых ярангах (хотя и спать в снегу, без палаток, тоже кое-кому пришлось). Им не приходилось обходить разводя, им не грозили ночные подвижки льдов, но все же им неоднократно приходилось то карабкаться на четвереньках на крутой берег, то идти по льду, проваливаясь в трещины и глубокий снег, и еды было недостаточно, и чукчи-каюры сбивались с дороги, и в пути идущих неоднократно застигала пурга, они натирали, подворачивали и растягивали ноги, делая переходы до 70 км в сутки... одним словом – понятно, почему кочегар Бутаков сказал по свежим следам: «Расстояние в 500 километров мы прошли за 12 дней. Эти 12 дней перехода из Ванкарема в Уэллен останутся навсегда у меня в памяти»⁶⁰.

Таким образом, мы можем предположить, что если бы в публицистическую версию эпопеи, где не фигурирует ни одного неверного или не оптимального решения руководства, было включено подробное описание этих пеших переходов, то могли бы возникнуть вопросы, способные поставить под сомнение авторитет руководителей: если идти было так тяжело, то почему руководство не перебросило всех более легким и безопасным способом на самолетах? А если все же не очень тяжело, то, может быть, и со льдины смогли бы пешком выбраться? На каждый из этих вопросов Шмидту, Боброву, Куйбышеву, Петрову и другим руководителям наверняка было бы что ответить, но официальную эпопею выстраивали не они, а тем, кто это делал, наверное, легче было не допустить возникновения этих вопросов.

Хочу подчеркнуть: я не обсуждаю здесь правильность принятых тогда решений. Вообще, по моему убеждению, не в том задача историка, чтобы судить, что было правильно, а что неправильно сделано в прошлом. Я только предполагаю, что информация о том, как проходили пешие переходы, могла скомпрометировать эти решения и, возможно, исходя из таких соображений на ней не акцентировали внимание.

5) Молчание по поводу пеших переходов может, далее, объясняться тем, что челюскинцы шли, оказывается, не одни. Как писал начальник чукотских пограничников Небольсин, «на мысе Северном были рабочие Дальстроя – народ такой, что без дела сидеть не привык. Они слышали, что подходят пароходы забрать челюскинцев, и сейчас же двинулись в путь (1200 километров!). Собралось их человек двадцать пять. Они пришли в Ванкарем, отдохнули и с челюскинцами пошли дальше»⁶¹. Современный историк С.А. Ларьков пишет⁶², что речь идет о группе заключенных с

кораблей, зимовавших во льдах, т.е. герои Арктики проделали свой пеший путь отчасти в сопровождении «врагов народа». Если это было в самом деле так, по понятно, что впоследствии об этом лучше было помалкивать.

6) Как установил тот же С.А. Ларьков, главные лица в экспедиции на этом этапе – Бобров и Баевский – в 1938 г. были расстреляны⁶³, хоть и не в связи со своей деятельностью весной 1934 г., но так или иначе, упоминать о событиях, связанных с ними, не упоминая при этом их имен, было в течение долгого времени (именно того времени, когда складывалась каноническая официозная версия эпопеи) невозможно. Поэтому весь период руководства Боброва было удобнее выкинуть, и сразу после вывоза со льдины наступал в упрощенном варианте официозной версии тот этап – прибытие в Москву, встреча и награждение, – в котором снова руководителем челюскинцев выступал Шмидт, никогда не подвергавшийся репрессиям или большой опале и потому не портивший своим участием историю.

7) О передвижении пешком могли не говорить потому, что огромное пропагандистское значение ледовой эпопеи было связано с ролью авиации в спасении челюскинцев. Не случайно из всех именно летчики получили звание Героев Советского Союза, и основная масса поздравлений и восторженных откликов в прессе была посвящена именно триумфу советской авиации и авиаторов. На этом фоне завершение спасения таким архаическим способом – на собаках и пешком – смотрелось бы, наверное, крайне невыигрышно, да и странно. Мог возникнуть вопрос, почему самолетами перевезли из Ванкарема дальше, к пароходу, только половину спасенных. Ответы на него мне встречались разные: где-то говорилось, что «самолеты вылетали норму»⁶⁴, причем не очень понятно, почему какие-то самолеты продолжали при этом летать над головами идущих, перевозя, как нам известно, не только больных⁶⁵. Где-то сказано, что не хватало горючего. Мешала летать и погода: те самые бураны, застигшие несколько пеших партий в пути. Если во время поиска лагеря Шмидта и эвакуации людей со льдины председатель правительственной комиссии В. Куйбышев требовал возобновлять полеты «при малейшей возможности», невзирая на неизбежный в Арктике «известный риск», то потом, когда челюскинцы уже находились на берегу, он предписывал летчикам «ни в коем случае не вылетать в пургу и при отсутствии видимости. Было бы нелепо, – писал он в телеграмме, – проведя блестящую операцию по спасению на берег, создавать на берегу новые точки, которым придется оказывать помощь. Не спешите. Операцию по перевозке спасенных челюскинцев надо провести без единой жертвы, без единой поломки самолетов»⁶⁶. Про четвертую партию известно, что она пошла пешком добровольно, отказавшись от перелета: «Вышли сверх плана, отказавшись от переброски на самолетах,

чтобы освободить их для больных, чтобы посмотреть берега Чукотки и поближе познакомиться с бытом чукчей, наконец чтобы просто „проверить свои ноги“, как говорит Саша Погосов»⁶⁷. Одним словом, версии разные, но все они плохо стыкуются с тезисом о самолетах как главном или единственном сработавшем – и блестяще сработавшем – способе спасения.

* * *

Не исключены и другие объяснения, связанные как с характером событий, так и с обстановкой в стране⁶⁸. Но остановимся. Я думаю, вывод можно сформулировать такой: под воздействием неких факторов – я надеюсь, что приведенные мною факторы правдоподобны, – значение путешествия пятидесяти трех челюскинцев из Ванкарема через Уэлен в бухту Лаврентия и бухту Провидения оказалось уже вскоре после событий и даже уже во время переходов под вопросом. Отрицалась ли значимость этого опыта вовсе или же рассматривалась как в некотором смысле «отрицательная» – мы не знаем, но похоже, что новая интерпретация вытеснила изначальную быстро и основательно. А между тем обращение к ранним рассказам об этом путешествии показывает, что челюскинская эпопея в том виде, как участники рассказали ее по свежим следам, была, как это ни удивительно, богаче героическими деяниями, нежели официозная ее версия. И поскольку сегодня большая часть описанных выше факторов утратила актуальность, то мы можем поставить вопрос о том, чтобы вернуть в рассказ страницу, незаслуженно выпавшую из него.

¹ За многочисленные рассказы о челюскинской эпопее и за предоставленную возможность познакомиться с уникальными источниками по ее истории я благодарен прежде всего Владимиру Оттовичу Шмидту (1920–2008) – старшему сыну руководителя экспедиции на «Челюскине» и хранителю большой коллекции архивных материалов, публикаций и реликвий, связанных с полярными путешествиями О.Ю. Шмидта. Владимир Оттович успел ознакомиться с первым вариантом этой статьи и сделать некоторые замечания с позиции современника описываемых событий. К сожалению, он не дожил до ее выхода в свет. Мне хотелось бы посвятить эту публикацию его светлой памяти.

² Дискуссия эта, начавшись во время конференции, разгорелась и продолжилась в кулуарах и затем в виртуальном пространстве – см. <http://www.odysseus.msk.ru/discussions/?id=64> (частично она опубликована в настоящем сборнике).

³ Резонно предположить, что Алла Буйко, которой было чуть больше года, еще не воспринимала ни перемещения, ни его значимости, равно как и Карина Васильева, родившаяся на борту «Челюскина», которая, к тому же, строго говоря, нигде не отлучалась из родного дома, пока корабль не затонул.

⁴ Количество книг, газетных и журнальных публикаций разных лет, более или менее подробно рассказывающих о челюскинской эпопее, мне не известно, но оно явно исчисляется сотнями, если судить хотя бы по подборкам, хранящимся в

домашних архивах сыновей начальника экспедиции – Владимира Оттовича и Сигурда Оттовича Шмидтов. Давать здесь библиографию этих текстов не представляется осмысленным ввиду их почти полной однотипности (с интересующей нас здесь точки зрения) на протяжении семи десятилетий. Проработав этот материал, смею заверить читателя: те цитаты, что приведены ниже в тексте, дают исчерпывающее представление о довольно однородной и статичной официозной версии ледовой одиссеи. Отклонения от этой версии будут отмечены особо.

⁵ Здесь я опускаю текст благодарственной телеграммы руководителям партии и правительства, о которой см. ниже.

⁶ *Бабушкин М.С.* Записки летчика М.С. Бабушкина. 1893-1938. М.; Л., 1941. Цит. по: <http://bookz.ru/authors/mihail-babu6kin/zapiski-168/page-7-zapiski-168.html>.

⁷ В этот день последняя партия челюскинцев была вывезена со льдины на мыс Ванкарем.

⁸ *Жадан О.* 30-й полет. Встреча с Героем Советского Союза А.В. Ляпидевским // Комсомольская правда. 1978. 23 марта. С. 2.

⁹ Сейчас принято написание с одним *л*, но в цитатах я сохраняю написание с двумя, более распространенное в 30-е гг.

¹⁰ Вот лишь один пример из многих: «3 октября на этих нартах была отправлена партия в составе восьми человек. Партия через 32 часа благополучно прошла 65 км по сплошному торосистому льду и достигла мыса Джинретлен» (Челюскинцы спасены! М., 1934. С. 27). О газетном отчете Н. Стромиллина об этом переходе см. ниже.

¹¹ Дело в том, что кроме экипажа судна на «Челюскине» находились члены научной экспедиции, зимовщики, направлявшиеся на остров Врангеля, и строители, которые должны были построить для них дом.

¹² См.: *Баевский И.* Почему мы не пошли пешком // Поход «Челюскина» / Под общ. ред. О.Ю. Шмидта, И.Л. Баевского, Л.З. Мехлиса. М., 1934. В 3-х тт. Т. 2. С. 201-210. Не исключено, что среди прочих факторов, заставивших О.Ю. Шмидта решительно отменить план спасения пешком, был и личный опыт. Перед отправкой группы Муханова он вместе с чукчами и еще одним челюскинцем лично сходил на берег, чтобы проверить дорогу. По возвращении на судно он сказал: «Путь до берега очень тяжел. Но дойти можно. Имейте в виду, что тем, кто уйдет, придется сделать не 12 километров, а 50... По берегу путь легче. Снега мало. Надеюсь, что первая отправленная партия успешно завершит свой путь. Еще раз имейте в виду, что он нелегок...» (*Стромиллов Н.* Шмидт ушел в разведку // Красная газета. 1934. 16 апреля). Но был у Отто Юльевича и худший опыт передвижения по льду. Во время экспедиции на «Седове» (1929) с ним имел место случай, о котором он впоследствии (в устном выступлении 1937 г.) рассказывал как о довольно опасном и в конечном итоге бессмысленном предприятии: «Я решил [...] через лед пешком вывести плотники со станции (имеется в виду свежелостроенная полярная станция на Земле Франца-Иосифа. – *К.Л.*) на судно. Казалось бы, 25 км – расстояние небольшое, но для передвижения по льду на это нужно два дня. Нагрузившись продовольствием, лодкой, отправились в путь. К концу первого дня мы сильно устали. Поднялся туман, и не успели мы отдохнуть, как слышим треск от передвижки льдов. Ветер

переменился, и лед начало взламывать. Между льдинами образовались разводья. Подошли мы к краю льдины, видим, что нам нужно спускаться на воду, а лодка у нас маленькая, может взять только двух человек. И вышло так, что пока один другого перевозил на другую сторону, канал все расширялся и расширялся. Лед уже раздвинулся настолько, что Иванов попал на одну льдину, Громов оказался на маленьком острове, а пока вернулся обратно, то льдину затерло и нас куда-то унесло. Мы оказались отделенными друг от друга. Нас постепенно несло в океан, и если бы вынесло из бухты окончательно, то тогда никакой ледокол не нашел бы. Значит, надо было выбираться хотя бы на самый последний островок перед океаном. Оставалось одно – прыгать со льдины на льдину. Надо было перебрасывать еще и наши вещи. Вот так передвигаясь, в самую последнюю минуту мы выбрались на самую крайнюю точку последнего острова. С ледокола заметили наше отсутствие, начали искать и нашли. Через несколько дней мы добрались к станции уже на ледоколе» (Отто Юльевич Шмидт // Юный техник. 1972. № 6. С. 43–47, здесь 45 сл.). Мне не встречалось упоминаний о том, чтобы Шмидт ссылался на эти два эпизода, когда на совещании после гибели «Челюскина» выступал против идеи похода со льдины пешком, но можно предположить, что он имел их в виду.

¹³ На кого-то подействовали рациональные доводы и расчеты, а кое-кто до самого конца не изменил своего мнения и от попыток спастись пешком воздерживался лишь в силу прямого запрета Шмидта и его угрозы стрелять в того, кто его нарушит. Например, печник Дмитрий Березин во время пребывания на льдине оставался активным сторонником похода к материку, хотя и подчинился решению начальства ждать самолеты. См.: *Ларьков С.А. Челюскинская эпопея – историческая мифология и объективность истории (попытка фрагментарного сравнения)* (http://www.ihst.ru/projects/library/Lib_4.pdf).

¹⁴ И сами челюскинцы, выступления которых мне довелось слышать в 1980-х гг., и их потомки, с которыми мне удалось побеседовать позже, почти никогда не заговаривали о том, что было после доставки в Ванкарем. В личных беседах родственники нескольких участников экспедиции, в том числе современники событий (я сознательно не называю имен этих людей; конечно, это снижает убедительность доказательной базы моих построений, но мне важнее соблюсти приватный характер наших разговоров: я не говорил собеседникам, что собираюсь предавать их слова широкой огласке, и мое исследование не претендует на принадлежность к жанру «устной истории»), не отказывались говорить на эту тему, однако поначалу даже не могли понять причин моего интереса к теме, вспоминали с трудом, очень мало и почти исключительно то же самое, что опубликовано в газетах.

¹⁵ Назовем несколько редчайших исключений. В вышедшей в 1935 г. и переизданной в 2003 г. детской книжке С.А. Могилевской «Лагерь на льдине» в нескольких строках сказано о пешем переходе, его причинах и его утомительности: *Могилевская С.А. Лагерь на льдине*. М., 1935; изд. 2-е, переработанное, под ред. В.О. Шмидта. М., 2003. С. 139. Далее, следует упомянуть две книги Игоря Дуэля, посвященные жизни и деятельности О.Ю. Шмидта. В обеих есть краткие пассажи, дословно совпадающие друг с другом: «... добирались остальные челюскинцы от мыса Ванкарем, куда их

доставлял самолет, 300 километров на собачьих упряжках к Уэлену...» (*Дуэль И.И.* Каждой гранью. Документальная повесть // Сибирские огни. 1976. № 10, 11, 12, здесь № 11. С. 154; Он же. Линия жизни. Документальная повесть. М., 1977. С. 64). Одна допущенная Дуэлем неточность очевидна: расстояние мог бы проверить по карте любой школьник! К тому же в Уэлене путешествие к пароходу не закончилось, так что путь был еще дольше. Вторая, менее очевидная неточность – в том, что люди в основном не ехали на собачьих упряжках, а шли рядом с ними. Об этом можно было узнать из их опубликованных воспоминаний, о которых речь чуть ниже. Еще одна публикация, где пусть с искажениями, но хотя бы упомянут пеший поход, появилась к 50-летию событий в «Правде» – газете, которая в свое время вовсе обходила этот эпизод молчанием. См.: *Чертков В.* Позывные челюскинцев. Взгляд сквозь годы // Правда. 1984. 10 апреля. С. 6: «С мыса Ванкарем, куда садились самолеты с „мужской частью“ экипажа „Челюскина“, путь спасенные к обжитым пунктам Чукотки продолжили на собачьих упряжках, пешком». Тут тоже две явных неточности: во-первых, в Ванкарем доставляли не только членов экипажа парохода, но и его пассажиров (членов экспедиции, строителей, зимовщиков). Во-вторых, челюскинцы шли к гаваням, а не к «обжитым местам»: ведь и мыс Ванкарем, и вообще берега Чукотки были вполне обжиты, просто не в современном европейском понимании этого слова, а в том, какое было у местного населения. Собственно, лишь благодаря наличию стойбищ чукчей и русских баз на побережье челюскинцы и могли найти в дороге еду, ночлег, помощь при травмах и корм для собак. И наконец, необходимо упомянуть книгу: *Ширшов П.П.* Дневники. Очерки. Воспоминания / Сост. [М.П. Ширшова]; Ин-т океанологии им. П.П. Ширшова РАН. М., 2005. В ней наряду с публиковавшимися ранее воспоминаниями знаменитого полярника, участвовавшего в челюскинской эпопее и, в частности, шедшего пешком из Ванкарема в Уэлен, опубликованы мемуары близко знавших его людей, в том числе его дочери Марины Петровны и челюскинца А.Е. Погосова. Таким образом, в этой книге содержатся три рассказа о пеших переходах, которые, правда, расходятся друг с другом во многих деталях.

¹⁶ Поход «Челюскина».

¹⁷ *Копусов И.* Челюскинцы пишут историю похода // Правда. 1934. 23 апреля. С. 4.

¹⁸ *Мионов А.* Ледовая Одиссея (Записки челюскинца). Документальная повесть. М., 1966.

¹⁹ Правда. 1934. 8 мая. С. 1.

²⁰ Выделение жирным шрифтом здесь и далее мое. – К.Л.

²¹ Правда. 1934. 14 апреля. С. 1; Известия. 1934. 14 апреля. С. 1.

²² Известия. 1934. 14 апреля. С. 1.

²³ Спецкор «Известий» челюскинец Борис Громов передал 14 апреля по радио из Ванкарема: «Даже странно, что можно ходить не присматриваясь к трещинам, скрытым снежным покровом, не опасаясь, что льды разверзнутся под ногами и проглотят неосторожного! [...] Сегодня погода снова испортилась. Но теперь это уже никого не печалит! День-другой мы можем и переждать, прежде чем пустимся дальше в путь – в Уэллен и в бухту Провидения» (*Громов Б.* Второй день на материке // Известия. 1934. 15 апреля. С. 1сл.). На тот момент, когда Громов передавал эти строки об испортившейся погоде, которая никого не печалит, одна

партия уже «пустилась дальше в путь», т.е. была застигнута в дороге пургой, которая, по информации той же газеты, не утихла три дня подряд на всем побережье от мыса Северного до Уэлена. См.: Известия. 1934. 17 апреля. С. 1.

²⁴ Например: «Уэллен. 11 апреля (по радио). На всем побережье, от Ванкарема до бухты Провидения, Чукотка готова к приему челюскинцев. [...] Для переброски людей имеются десятки нарт. Учитывая возможность ночевок на полпути между базами, чукчи и эскимосы гостеприимно готовят свои яранги» (Чукотка готова к приему челюскинцев (от собственного корреспондента «Известий») // Известия. 1934. 12 апреля. С. 1).

²⁵ Правда. 1934. 14 апреля. С. 1.

²⁶ *Пивенштейн Б.* В пургу // *Ляпидевский А.В. и др.* Как мы спасали челюскинцев / Под общей редакцией О.Ю. Шмидта, И.Л. Баевского, Л.З. Мехлиса. М., 1934 (под этим названием вышел третий том трехтомника). С. 210.

²⁷ *Мионов А.* Указ. соч. С. 220.

²⁸ 19 апреля, перед тем как отправиться самолетом из Ванкарема в Уэлен, радист «Челюскина» Эрнст Кренкель отослал со своего передатчика последнюю радиограмму, после чего действие передатчика было «за ненужностью прекращено», как сообщала «Правда» 19 апреля 1934 г. (С. 2). На мысе Ванкарем остался другой радист с передатчиком, но все же возможностей для передачи информации стало меньше.

²⁹ Известия. 1934. 19 апреля. С. 2.

³⁰ *Стромилов Н.* Люди и льды // Красная газета. 1934. 12 апреля; *Он же.* Шмидт ушел в разведку // Красная газета. 1934. 16 апреля. Вот некоторые цитаты, показывающие, каким запомнился автору этот поход: «Идем (еще по льду от «Челюскина» к берегу. – *К.Л.*) при легком южном ветре. ...Продовольствие на исходе. Да и вымотались основательно. Этот переход выльется пожалуй в слишком хорошую тренировку для сердца» (*Он же.* Путь на огни «Лейтенанта Шмидта» // Красная газета. 1934. 22 апреля); «Позади собак, изредка присаживаясь для отдыха на нарты, шагали 8 человек. Впереди было 300 километров», но ниже: «На нартах кроме нас сидели сгорбленные, меховые фигуры чукчей» (*Он же.* «Тагам», в Уэллен! // Красная газета. 1934. 28 апреля).

³¹ И.о. начальника экспедиции Бобров, сам только что вставший после операции аппендицита, радировал в Москву 22 апреля: «...Очень волнует всех челюскинцев отсутствие регулярной информации о здоровье т. Шмидта. До сих пор кружным путем через Москву получена только одна информация о состоянии его здоровья. Общая просьба всех челюскинцев к товарищу Иоффе наладить регулярную информацию в Уэллен о состоянии здоровья Отто Юльевича» (Правда. 1934. 23 апреля. С. 4).

³² Сопровождавший больного начальника экспедиции в США Г.В. Ушаков сообщал телеграммой руководителю правительственной комиссии Куйбышеву и заместителю начальника ГУ СМП Иоффе, что Отто Юльевич, у которого температура в этот день упала до 38°, просил «подробно сообщить постановление правительства о награждении челюскинцев, членов спасательной экспедиции, а также хотя бы коротенькую информацию о ходе работ в Арктике» (Известия. 1934. 17 апреля. С. 1).

³³ Подлинников я не видел.

³⁴ Ларьков С.А. Указ. соч. Можно было бы предположить, что меха отправили ради того, чтобы освободить помещение для людей, но больше никаких данных на эту тему в источниках или литературе я не нашёл.

³⁵ Здесь и далее – сведения из мемуаров в трехтомнике, если не указан иной источник.

³⁶ Правда. 1934. 23 апреля. С. 4.

³⁷ Комсомольская правда. 1934. 23 апреля. С. 1.

³⁸ Начальник Главного управления Северного морского пути по рангу был равен наркому.

³⁹ Всесоюзную славу О.Ю. Шмидту принесла экспедиция на ледоколе «Сибиряков» в 1932 г., когда впервые трасса Северного морского пути была пройдена за одну навигацию.

⁴⁰ Можно задаться вопросами, как осуществлялась бы доставка челюскинцев из Ванкарема к пароходу, если бы Шмидт был на месте и лично руководил эвакуацией, и как отнесся Отто Юльевич к известиям о развитии событий на Чукотке в его отсутствие; но ответа на эти вопросы получить уже неоткуда.

⁴¹ Комсомольская правда. 1934. 20 апреля. С. 4.

⁴² Спасение и.о. начальника экспедиции от смерти – операцию успели сделать, когда у Боброва уже начинался перитонит – заслуга хирурга Леонтьева и пилота Леваневского, который на неисправном самолете сумел вовремя доставить его из Уэлена. См.: Семенов С. В бухте Лаврентия // Поход «Челюскина»... С. 440-448. На мой взгляд, Сигизмунд Леваневский этим вполне оправдал только что полученное звание Героя Советского Союза, которое ему по неуставленной причине было присвоено вместе с шестью летчиками, летавшими в лагерь Шмидта, куда он не летал из-за аварии своего самолета.

⁴³ Например, он посылал в Москву сводки вроде: «Неослабно ведется переброска челюскинцев на нартах в бухту Лаврентия. Туда доставлены уже 35 человек. В пути находятся 24 человека. 20 готовятся к выезду из Уэлла. Из Ванкарема в Уэлла едут на нартах 18 человек. 24 апреля, к 18 часам, в Ванкареме оставалось только 9 челюскинцев» (Комсомольская правда. 1934. 26 апреля. С. 1).

⁴⁴ Ср.: Известия. 1934. 4 апреля. С. 1 (телеграмма председателя Чрезвычайной тройки Петрова, видевшего своими глазами, каково было «приготовленное» жилье); Комсомольская правда. 1934. 4 апреля. С. 1 (та же телеграмма Петрова и заметка: Фетисова И. Ванкарем готов к приему челюскинцев: «Имеются запасы продовольствия и одежды. Подготовлены помещения»); Правда. 1934. 12 апреля. С. 1: «На диком, безлюдном берегу у мыса Ванкарем в кратчайшие сроки сумели организовать спасательную базу, обеспечить ее средствами передвижения, горючим, продовольствием, жилищами». О том, сколько неправды было в этой фразе из передовицы «Правды», мог судить любой ее читатель на другой же день, прочтя в интервью с полярным капитаном Бочечком, командовавшим ледорезом «Литке» в навигацию 1933–1934 г.: «Ванкарем [...] – не пустынное место. Там имеются фактория и несколько чукотских яранг» (Правда. 1934. 13 апреля. С. 1). Та школа, о наличии которой в Ванкареме писала «Правда» 14 апреля (с. 2), представляла собой одну из таких яранг.

⁴⁵ Кренкель Э.Т. РАЕМ – мои позывные. М., 1973. С. 348 слл.

⁴⁶ Буйко П. Да здравствует материк! // Поход «Челюскина»... С. 401–415, здесь 405сл.

⁴⁷ Мне не довелось видеть рукопись книги, но по сообщению Т.Э. Кренкеля, сына автора, цензурой при публикации ничего из нее вырезано не было. Не исключено, что в 1969–1971 гг., когда радист работал над этими мемуарами, еще действовала внутренняя цензура... Но тогда непонятно, почему она позволила автору включить в текст столь скандально противоречащие официальной информации пассажи о большом недостатке жилплощади.

⁴⁸ См., например: Бутаков Н. Каюры зовут дальше // Поход «Челюскина»... С. 416–418. А.Е. Погосов писал в своих воспоминаниях, что продовольственная база в селении Нутепенмен, к которому четвертая пешая группа подошла на второй день пути, к огорчению путников, «оказалась опустошенной уже прошедшими группами. И это надо было ожидать, ибо наша группа была сверхплановой (но, как оказалось, не последней. – К.Л.). Двухдневный запас был уже съеден, а на этой базе оставалось лишь немного муки, которую нам предстояло растянуть до следующей базы на мысе Сердце-Камень». Эту муку люди смешивали со снегом, делая «лепешки» (Погосов А.Е. Ширшов в лагере Шмидта // Ширшов П.П. Дневники. Очерки. Воспоминания... С. 278–286, здесь с. 285сл.).

⁴⁹ Никитин К. Чем болели и как лечились челюскинцы // Поход «Челюскина»... С. 350–355, здесь с. 353сл.; Погосов А.Е. Указ. соч. *Passim*.

⁵⁰ Буйко П. Указ. соч. С. 414, 411. А. Погосов сообщает, что, пользуясь свежим полутным ветром, они соорудили на «дохлых упряжках» паруса, которые изрядно облегчили труд измученных собак. Этот эпизод, перекликающийся с установкой парусов на ледоколе «Сибиряков» двумя годами ранее, мог бы, на мой взгляд, украсить собой эпопею как свидетельство находчивости челюскинцев, однако и он нигде больше не упоминается (Погосов А.Е. Указ. соч. С. 286).

⁵¹ Там же. С. 415.

⁵² Семенов С. Указ. соч. С. 442.

⁵³ Буйко П. Указ. соч. С. 406 сл.

⁵⁴ См. Бобров А. Воспитание боевого коллектива // Поход «Челюскина»... С. 111–114, здесь особенно с. 114.

⁵⁵ См., например: Баевский И., Колусов И., Задоров В. Об Отто Юльевиче Шмидте // Поход «Челюскина»... Т. 1. С. 347–359, особенно с. 358сл. Об этом же пишут и многие другие авторы трехтомника.

⁵⁶ См. Баевский И. Почему мы не пошли пешком // Поход «Челюскина»... С. 201–210.

⁵⁷ Буйко П. Указ. соч. С. 404 сл.

⁵⁸ Там же. С. 412 сл.

⁵⁹ Женщин и детей доставили в Узлен на самолете. Оттуда обе маленьких девочки и почти все женщины, согласно обстоятельному сообщению одной из них, гидролога Параскевы Лобза, отправились дальше в бухту Лаврентия «каждая на отдельной нарте, запряженной 12 собаками. Для детей приспособили закрытые нарты» (Правда. 1934. 15 марта. С. 2).

⁶⁰ Бутаков Н. Указ. соч. С. 418. См. также Буйко П. Указ. соч.

⁶¹ Небольсин А. Чукотка в те дни // Ляпидевский А.В. и др. Указ. соч. Здесь цит. по: <http://www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=spaschel03>.

⁶² Ларьков С.А. Указ. соч.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Пивенштейн Б. Указ. соч. Цит. по: <http://www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=spaschel12>.

⁶⁵ Буйко П. Указ. соч. С. 415.

⁶⁶ Цит. по: Новиков В. Из истории освоения советской Арктики. М., 1956. С. 130.

⁶⁷ Ширшов П. Четвертая пешая // Поход «Челюскина»... С. 434–439, цитата – с. 434сл. В воспоминаниях дочери одного из участников пешего похода – М.П. Ширшовой – фраза «проверить свои ноги» приписывается самому П.П. Ширшову. Кроме того, мемуаристка пишет: «Четыре бригады решают идти на лыжах», в то время как согласно данным в трехтомнике пеших партий было пять и шли они без лыж. См.: Ширшова М.П. Поход «Челюскина» (16 июля 1933 г. – 13 февраля 1934 г.) // Ширшов П.П. Дневники. Очерки. Воспоминания... С. 13–17, здесь с. 16сл.

⁶⁸ Отдельную сложную проблему, которую здесь нет возможности разобрать, представляет собой роль лично И.В. Сталина в формировании этого мифа. На совещании в Кремле вскоре после возвращения челюскинцев в Москву вождь специально указал и им, и летчикам на необходимость написать о плавании «Челюскина» и о спасательной операции: изложить свои впечатления и свою точку зрения, причем как можно скорее, пока события были свежи в памяти. «Мы вам в этом поможем», – сказал он (Цит. по: Новиков В. Указ. соч. С. 131–134). Заклучалась ли эта помощь в обеспечении быстрой публикации, в гарантии неприкосновенности авторам или же в редакции и цензуре текстов – сказать трудно. Не исключено, что отношение Сталина к тем или иным участникам и эпизодам челюскинской эпопеи менялось со временем.

ДИСКУССИЯ

Разговор о путешествиях, завязавшийся на круглом столе, был затем перенесен в Интернет и продолжен в рамках дискуссии на сайте альманаха «Одиссей»¹. Ключевой вопрос для обсуждения мы сформулировали в соответствии с главной проблемой, вставшей перед участниками круглого стола, и звучал он так:

Как Вы считаете, можно ли объединить каким-то одним понятием участие в крестовом походе, учебную поездку молодого дворянина по разным странам, викингский поход, паломничество к святым местам и научную экспедицию? Годится ли для всех этих перемещений единый термин «путешествие»?

Материалы дискуссии, содержащие не только попытки ответить на этот вопрос, но и более пространные размышления о теме путешествий в исторических исследованиях и возможных стратегиях ее изучения, мы предлагаем вниманию читателей сборника.

К.А. Левинсон

О термине

Для сиюминутной цели нашей дискуссии можно «назначить» слово «путешествие» нейтральным родовым именем для разных видов перемещений, причем список этих видов оставить открытым, т.к. про каждое перемещение его участники и наблюдатели (современники, потомки, исследователи) могут иметь разные представления: вот например, уезжает семья N в Америку. Одни считают это, допустим, «переездом на новое место жительства», другие – «экономической миграцией», третьи (впоследствии, когда семья через год вернулась) – «американской одиссеей семьи N». Во всех трех аспектах это перемещение можно рассматривать по-разному, и интересно будет сопоставить его под шапкой «путешествия» с исследованиями, например, столыпинских переселений, современных гастарбайтеров и пуритан на «Мейфлаузере».

Но можно и какое-нибудь другое слово или словосочетание («перемещение», «пробывание в пути», «странствие») взять как родовое, а «путешествие» считать одним из видов наряду с «паломничеством», «походом» и т.п.

Про феномен

Тут хочу предложить на обсуждение одно краткое соображение: стоит, мне кажется, присмотреться к различиям между описаниями собственно пути и описаниями тех мест, куда путь привел. Часто эти описания соседствуют, но часто ведь и нет: может быть, сравнительная ценность «пути» и «цели» для тех или иных путешественников (и/или авторов текстов о путешествиях) – многообещающий историко-антропологический сюжет?

И.Г. Галкова

О круглом столе и далее

Мои рассуждения о путешествиях так или иначе восходят к той дискуссии, которая имела место на круглом столе, организованном в ИВИ РАН 14-15 мая («Путешествие как историко-культурный феномен»). Начав разговор о феномене, аудитория, как это часто бывает, обратилась к обсуждению термина: что можно и что нельзя назвать путешествием?

Можно ли назвать путешествием такое перемещение в пространстве, которое обусловлено внеположными ему целями (военный поход, торговое предприятие)?

Можно ли назвать путешествием подневольное перемещение (изгнание)?

Можно ли назвать путешествием такое перемещение, которое не подразумевает возвращения (эмиграция)?

Можно ли вообще говорить о путешествиях до того момента, когда оно было осмыслено как таковое в рамках культурной традиции (т.е. в Европе – начиная примерно с XVIII в.)?

То есть – о чем речь-то, собственно говоря?

Интересно, что ни одно из определений, которые предлагались докладчиками или возникали в ходе дискуссии, не могло удовлетворить всем изложенным ситуациям. Воспроизвожу по памяти:

«Путешествие – это перемещение в пространстве с мирными целями» (и из путешествий тут же выпадают завоевательные экспедиции скандинавов, крестовые походы и т. д., как бы далеко они ни заходили и как бы к ним ни относились сами их участники);

«Путешествие – это странствие, предполагающее возвращение» (и все «невозвращенцы» исключаются из ранга путешественников);

«Путешествие – это странствие, о котором составлен рассказ» (т. е. путешественник, не оставивший воспоминаний или путевого дневника, за такового не признается);

«Путешествие – это перемещение в пространстве, свершаемое по собственной воле» (и ссылка не признается путешествием даже при наличии путевых дневников, впечатлений и рассказов).

Это все не к тому, чтобы критиковать предложенные определения: в каждом из них есть зерно истины и стремление обрести твердую почву, без которой трудно о чем-либо рассуждать; но каждое из них неминуемо привязано к конкретике той или иной ситуации (точнее говоря, каждый пытался вписать в определение «путешествия» прежде всего свой случай). Из этого следует одно: пытаюсь определить, что такое путешествие, мы действуем скорее отталкиваясь от известных нам практик, а не обращаясь к какой бы то ни было эталонной модели, которая вряд ли существует. Потому всякая попытка жесткого определения обедняет явление, которое мы интуитивно

маркируем как «путешествие». Не пытаюсь дать свою формулировку, я бы выделила два момента, так или иначе присущие всему ряду затронутых ситуаций:

1. свершение пути (движение)
2. активное познание нового.

С ориентацией на эти два момента (а также с оглядкой на все то, о чем говорилось на самом круглом столе и во время его подготовки) у меня возникли следующие соображения относительно путешествий и культурных традиций.

Путешествие как феномен возможно только в рамках оседлой культуры. Прежде всего потому, что кочевники не в состоянии осмыслить его как явление: для них перемещение в пространстве – культурная норма. Кроме того, кочевая культура сильна как раз тем, что закрыта для коммуникации: когда кочевники-захватчики вступают в контакт с завоеванной ими оседлой (т. е. более развитой) цивилизацией, это становится началом конца их собственной культуры. Кочевники не настроены на контакт и познание – иначе они перестают быть кочевниками.

Итак, путешественник всегда принадлежит к оседлой культуре и осознает эту принадлежность. Однако, отправляясь в путешествие, он сознательно выходит за рамки культурной нормы. Путешествие – отрыв от привычного ритма и уклада оседлой жизни, выход за границы общепринятых правил бытия, и путешественник (в отличие от преступника или от мистика) переходит их в буквальном смысле, покидая географические рамки своей культуры.

Тем не менее, он сохраняет свою принадлежность к ней и в новой ситуации становится представителем своей культуры. Осваивая новое пространство, путешественник проецирует на него привычные для себя культурные стереотипы: так в рассказах арабского путешественника Ибн Фадлана описанные им реалии Восточной Европы обретают черты мусульманского мира². Проецирование может быть не только мысленным: миссионерские путешествия и культуртрегерские установки путешественников эпохи Просвещения – примеры прямого навязывания своей культуры с той или иной степенью агрессивности³ (самым агрессивным способом здесь будет завоевание с установлением цивилизационных норм завоевателей).

В то же время путешественники являются коммуникативным аванпостом своей собственной культуры, обогащая ее и расширяя ее рамки. Причем в определенный момент потребность в таком обогащении начинает осмысливаться на уровне государства, организующего исследовательские экспедиции (как экспедиция Лаперуза) и путешествия с образовательными целями (как отправка в Англию «детей боярских» при Борисе Годунове⁴).

При этом путешественник часто балансирует на грани своего культурного самоопределения: его открытость в познании нового ставит под удар стереотипы родной культуры, которые нередко оказываются скомпромети-

рованными. Иногда это приводит к отказу от собственной культуры, и тогда он перестает быть путешественником: ассимилировавшийся чужеземец – уже не путешественник. Здесь крайне интересен случай с тремя «детьми боярскими», которые все стали невозвращенцами, но при этом один из них осел в Англии и даже принял сан англиканского священника, а двое других стали английскими путешественниками, отправившись с экспедицией в Океанию (в то время как на родине их всех продолжали считать русскими подданными, пытаясь вернуть обратно вместе с накопленными знаниями и опытом).

Несколько иную ситуацию представляют собой те случаи, когда территория, куда отправляется путешественник, уже культурно освоена, и в ее отношении уже выработаны определенные стереотипы – как в путешествии юного графа Монтегю по Франции⁵. Здесь активность путешественника (если он истинный путешественник) реализуется не в столкновении культур (тем более что Англия и Франция XVII в. в культурном отношении являются скорее единым полем), а в противостоянии познавательной активности путешественника заданному стереотипу. И полем «битвы» (или его отображением) между юным графом и его наставником, воплощающим заданные культурные установки, почерпнутые из путеводителей, становится его путевой дневник. Таким образом, путешественник по отношению к своей родной культуре играет довольно специфическую роль: он плоть от ее плоти, но, находясь в путешествии, он ей внеположен и настроен на освоение нового (которое неминуемо сопоставляется со «своим»). Для культуры такая ситуация может обернуться как выгодой (возвратившись, путешественник обогащает ее новыми знаниями; кроме того, путешественники могут расширить поле своей культуры географически), так и опасностью (устой родной культуры в сравнении с иными могут не выдержать проверки на прочность в глазах путешественника). Для самого же путешественника трудности пути и трудности, сопряженные с познанием, становятся испытанием и в бытовом, и в культурном смысле, и не случайно возвращение на родину часто осмысливается как знак пройденного испытания.

К.А. Левинсон

По поводу тезиса И.Г. «кочевая культура сильна как раз тем, что закрыта для коммуникации: когда кочевники-захватчики вступают в контакт с завоеванной ими оседлой (т. е. более развитой) цивилизацией, это становится началом конца их собственной культуры. Кочевники не настроены на контакт и познание – иначе они перестают быть кочевниками». Тут я хотел бы возразить или, может быть, уточнить: сказанное может быть верно (хотя я слишком плохо знаю фактическую сторону дела) применительно к половцам, монголо-татарам или гуннам, но есть ведь множество других примеров кочевых культур, которые а) не занимаются завоеваниями, б) контактируют с оседлыми и в) не разрушаются сами от этих контактов. В Европе это

прежде всего цыгане. В Азии и Африке странствующие торговцы/прорицатели/лекари/артисты/и т.д. – это часто представители определенных этнических групп. Далее, номады-скотоводы – бедуины, например. В Австралии – аборигенные племена. Не знаю, как у кого из них с понятием «путешествия», но коммуникации, контакты и познание у них имеют место.

И.Г. Галкова

Да, согласна. Я не обо всех кочевниках подумала.

О.Е. Кошелева

Разношерстные соображения по поводу конференции о путешествиях

Прослушав все выступления на конференции о путешествиях, я не могла не задаться вопросом – сколь нужным оказалось для меня – историка, далекого от этого сюжета – данное мероприятие? Вопрос насущный, ибо затраты времени на посещение конференции должны окупаться.

Оказалось, что под «путешествиями» докладчики понимали самые разные ситуации, при которых человек покидал свой дом и отправлялся в путь. И лишь очень немногие задумались над понятием и социальным явлением – «путешествие». Как выяснилось в результате предварительной работы некоторых докладчиков, определения понятия «путешествие» в историографии уже существуют, другие коллеги, будучи с ними незнакомы, сами пытались его сформулировать, и получались в результате такой коллективной работы интересные варианты определения «путешествия». Мне представляется наиболее удачным определение того, что есть «путешествие», сказанное по этому поводу (к сожалению, в кулуарах) Ириной Кулаковой: обычная поездка отличается от путешествия тем, что сам человек, отправляющийся в путь, воспринимает свою поездку как путешествие. Пример: отец с юным сыном вместе едут в соседний город: для отца – это обычная, обыденная поездка, для сына – путешествие. Возможно, в дальнейшем самим организаторам в «call for papers» имеет смысл давать какие-то ориентации в понятиях, вынесенных в тему конференции. Но в данном случае показательным оказалось то, как под одним термином выступающие собрали разные практики «перемещения в пространстве», а затем стали думать, есть ли что-нибудь общего в том, о чем они говорят?

И действительно, что же общего в этих столь разных «путешествиях»? Общее, на мой взгляд, это – перемена собственной обыденной повседневности человека на иную повседневность, проходящую в пути, и, соответственно, переход к иному образу жизни (жизни путешественника) и иному образу мысли (поскольку к этому обычно и приводит столкновение с иным и чужим). Общее для любого человека в дороге – это трудности и неожиданности, его подстерегающие. Таково уж свойство дальней дороги.

Чтобы представить читателю все разнообразие материала, представ-

ленного на конференции, в какой-то более удобовоспринимаемой и осмысленной системе, возможны следующие пути:

1) выделить собственно путешествия, а к ним сделать так называемый «контрастивный фон» – т.е. все остальное, близкое к путешествиям, на котором собственно «путешествия» смотрелись бы особенно четко. Вот А. Сотиным, например, был представлен очень интересный, совершенно новый материал, но он не о путешествиях, а об эмиграции и колонизации;

2) можно перевернуть тему «путешествия» другой стороной и рассматривать «человека в пути» – тогда это более широкое понятие включит в себя и паломников, и изгнанников, и странников, и открывателей новых земель, и военный поход, и проч., и проч. Но в этом случае будет стоять несколько иной ряд проблем, чем в первом варианте, исходящий из такой постановки темы⁶;

3) представленный материал о путешествиях подразделяется на две большие группы: а) исследования конкретных путешествий конкретных лиц и б) исследования текстов, рассказывающих о путешествиях. Лично мне вторая тема более интересна.

На конференции мы увидели, что тексты о путешествиях могут попадать под категорию эго-документов (по форме – путевые записки, дневники, письма) и документов, рассказывающих о чужом мире, о его достопримечательностях, но не о себе.

Тексты, относящиеся к путешествиям, демонстрируют набор различных целей, с которыми они писались. Они обычно не совпадают с целями самого путешествия. Существовали практические цели (географическое и топографическое описание земель для тех, кто снова двинется по тому же пути), цель познавательная – описать новые земли и чужие нравы, благочестивые и морализаторские цели, желание дать политическую и страноведческую информацию (форма текста – посольский отчет), увековечить славу похода (путешествия), рассказать о себе, любимом, доложить «начальству» о прохождении намеченного пути, дать читателю развлекательное чтение, и многие другие. Эти цели формировали самостоятельные жанры, рассчитанные на «своего» читателя, и специфически отражали реалии конкретного путешествия. Иначе говоря, текст о путешествии далеко не совпадает с реальными событиями путешествия, и раскрыть стоящие за текстом авторские смыслы и реконструировать события путешествия – задачи суть различные.

К сожалению, незначительное место в конференции заняла тема повседневности (за исключением докладов С. Лучицкой и И. Галковой⁷, ее затронувших). Как обеспечивалась вся «индустрия», связанная с паломничеством, странничеством, «туризмом» просвещения? Это – и особая пища, питье, одежда, обувь, ночлег, транспорт, информация, обеспечении безопасности, переводчики и многое другое. Исторические практики решения этих проблем неисчерпаемы, но, как мне представляется, исследованы

мало. Однако в настоящее время эта тематика становится по ряду объективных причин весьма популярной, на ее исследование есть гранты.

Обратной стороной исследования «путешественнической» повседневности является ее символика, например символический образ Путешественника, Пилигрима, Паломника, Купца-гостя, Туриста и проч. С точки зрения исторической антропологии интересны ритуалы «путешественников» и их символизм.

Если посмотреть на путешествия как на специфический вид социальной практики, заставляющей человека пуститься в путь, то они оказываются необходимой практической деятельностью в религиозной сфере (странничество, паломничество, миссионерство), социо-культурной практикой, необходимой для образования, для приобретения определенного символического капитала личности, ибо до недавнего прошлого человек, много путешествовавший, считался как минимум интересной личностью (тут возникает тема – путешествие и личность, пример – доклад М. Парамоновой⁸). В какой-то исторический момент путешествие из полезного «дела» превращается в вид досуга, в туризм.

Мое представление о том, что «путешествие» – это вид социальной практики, выработанный эпохой Просвещения, целью которой было «просвещаться», «познавать», «с пользой проводить досуг» и проч. (см. выступление И. Кулаковой⁹ и др.) оказалось поколебленным: как выяснилось из докладов, и в другие эпохи некоторые из путешественников ставили себе подобные цели. Эта информация оказалась для меня наиболее новой и неожиданной, дающей возможность уйти от безоговорочной абсолютизации практик Просвещения. Впрочем, возможно, что исследователи приписывают средневековым текстам то, что более привычно для современных эпох. Я бы предложила не бросать тему путешествий после окончания конференции, о них еще многое можно сказать.

И.Г. Галкова

Мне очень по душе предложение Ольги Евгеньевны не останавливаться в нашем разговоре о путешествиях. Эта тема неспособна загнать нас в узкие рамки, т. к. сама по себе слишком глубока и разнообразна. У меня в свою очередь (или, скорее, в продолжение) возникли такие мысли насчет того, как нам можно было бы ее проблематизировать в рамках ремесла и развернуть.

1. Рассказы о путешествиях как историко-антропологический источник. Тексты, созданные путешественниками, могут представлять особую ценность в историко-антропологическом исследовании изучаемой культуры: любопытствующий взгляд путешественника отчасти совпадает с интенциями антропологически ориентированного историка (который тоже не принадлежит к изучаемой им культуре), и его заметки о нравах, обычаях, поведенческих привычках людей часто содержит ту информацию, которая отсут-

ствует в текстах, созданных внутри культуры или дает на них альтернативный взгляд, который очень ценен для адекватного отображения картины. При этом, конечно, нужно учитывать то, к какой культуре принадлежит сам путешественник и какие цели преследует его рассказ.

2. Путешествия и история личности. Путешествие так или иначе всегда сопряжено с усвоением большого количества новой информации и обретением нового опыта, и потому часто становится важной вехой в становлении личности и в ее раскрытии – интересно сопоставить, скажем, тексты одного и того же человека, написанные им до, во время и после путешествия, и прочие сведения о нем, проследив, как меняются его взгляды, оценки, отношение к событиям и т. п.

3. Повседневность путешественника. Этот аспект, затронутый Ольгой Евгеньевой, мне кажется крайне интересным, т.к. обычно история повседневности изучает людей в их оседлом состоянии, а путешественники из этого модуса выключены. Но у них тоже были свои повседневные реалии, о которых мы мало знаем (средства передвижения, снаряжение, почтовые станции, трактиры, стандартные ситуации, в которые им приходилось попадать и т. п.) – обо всем этом было бы крайне интересно поговорить подробно.

4. Путешествие как объект для микроисторического исследования. Это может быть очень интересным ходом не только с точки зрения микроистории, но и как перспектива сопряжения микро- и макроподходов: перемещаясь, путешественник мог оказаться причастным к «большим» событиям истории и культуры сразу нескольких стран и запечатлеть свой взгляд на них, свою оценку или даже внести свой вклад (вспоминаю доклад М. Альперовича¹⁰). Интересно, скажем, устроить круглый стол, где центральной темой был бы микроисторический сюжет (путешествие г-на N), предложив участникам обсудить макро-темы, на которые так или иначе выводят его записки. Только надо найти интересного путешественника.

К.А. Левинсон

Я тоже от души поддерживаю две идеи, высказанные Ольгой Евгеньевой, а именно: 1) прояснять понятия (до, во время, после или даже вместо докладной части конференций) и 2) не оставлять темы путешествий, она в самом деле несёт в себе огромный потенциал: тут и «свой-чужой», и «образ другого», и «иное», и «хронотоп», и много ещё чего. Во всяком случае, всемерно развивать это направление было бы перспективно.

А.Э. Афанасьева

Присоединяясь к дискуссии, хочу прежде всего отметить, что готовых ответов на вопрос о том, что такое «путешествие» (так же, как и «литература путешествий») нет не только у нас, но и в западной историографии, где изучение феномена путешествий продолжается уже далеко не первое десятилетие. Каждый предлагает свои дефиниции; мне представляется убе-

длительной формулировка известного британского специалиста в этой области Джеймса Бузарда, который считает путешествием передвижение, включающее опыт познания¹¹ (подобное определение даёт И. Г. Галкова на страницах форума). С этой точки зрения любая дежурная поездка имеет шанс превратиться в путешествие, если, скажем, у человека ломается машина, и он вынужден менять привычные способы передвижения, контактировать с другими людьми и преодолевать возникшие в пути препятствия. Очень удачной представляется и упомянутая О.Е. Кошелевой попытка привязать разграничение к собственному восприятию человеком этого перемещения – ведь именно от его точки зрения зависит, будет ли случай со сломанной машиной просто досадно неудачной поездкой или настоящим путешествием.

Продолжая эту мысль, мне хотелось бы обратить внимание на то, что представления людей, о том, что является путешествием, а что нет, изменяются во времени и зависят от циркулирующих в обществе идей на этот счёт. Так, в викторианскую эпоху возникает довольно жёсткая демаркация между путешествием и туризмом: туризм нёс в себе образ «проторённой дороги», что предполагало определение «туристического» пространства как места, в котором опыт всегда предсказуем, а турист огражден от любых неприятных неожиданностей. Гораздо выше ценился индивидуальный опыт путешественника, самостоятельного и вдумчивого. «Путешествие» было нагружено смыслом познания не только Другого, но и себя в процессе взаимодействия с Другим, расширения интеллектуальных и духовных горизонтов – в этой традиции, конечно, сложно не заметить влияние аристократических *grand tours* XVIII века¹². Путешествие несло в себе отпечаток непредсказуемости, определённого риска – в отличие от туристической поездки. Кроме того, оно предполагало непосредственный контакт с местным населением, «схватывание» особенностей того, что позже назовут культурой, и в этом смысле было, как отмечает Бузард, «протоантропологично».¹³ Для путешественников викторианской эпохи это разграничение было тем более значимым, что от того, соответствовала ли та или иная поездка критериям «настоящего путешествия», зависела востребованность рассказа о ней широкой публикой, избалованной в ту пору обилием томов о «пальмах, верблюдах и размышлениях о пирамидах», – т.е., в конечном счёте, от этого зависел коммерческий успех публикации.

Подобная демаркация, разумеется, существовала не всегда, и в другие эпохи понятие путешествия могло включать в себя иные характеристики. Эти характеристики, изменяющиеся во времени, и должны находиться в центре нашего внимания при попытке определить, чем является путешествие.

Переключаясь на проблематику изучения путешествий в историко-антропологическом ключе, я хотела бы поделиться собственным опытом исследования текстов викторианских путешественниц о поездках в Восточной Африке. Казалось бы, узкий сюжет, ограниченный хронологическими

(вторая половина XIX века), географическими (Восточная Африка), национальными (англичанки) и гендерными рамками (только женщины), даёт, однако, выход на массу исторических проблем.¹⁴

Прежде всего, поскольку путешествие по отдалённым территориям, которые традиционно маркировались как мужское пространство и требовали проявления качеств «настоящего мужчины» – решительности, активности, выносливости, физической силы, – вступало в противоречие с конвенциональным образом респектабельной женщины викторианской эпохи, путешественницам приходилось всячески доказывать собственное соответствие этому образу, подчёркивая женственность своего поведения или внешнего вида в пути. Тексты путешественниц в связи с этим служат поводом для рефлексии о возможностях взаимодействия индивида с дискурсивными ограничениями концепции «разделённых сфер» и в целом гендерной идеологии периода. Особенности производства и восприятия работ путешественниц в Британии выводят на размышления о месте женских текстов как в рамках литературы, так и в системе научного знания эпохи – т.к. литература путешествий является жанром пограничным, – а также о том, как преодолевались противоречия, связанные с проблематичностью статуса женщины как автора литературных и тем более научных текстов.

Изучение работ путешественниц позволяет выявить особенности материальных условий, инфраструктуры путешествий – той самой путевой повседневности, о которой говорилось на форуме. При этом важно, как представляется, не только и не столько реконструировать материальную реальность путешествия, хотя этот предмет тоже интересен, но выяснить восприятие и отношение к ней самих путешественников и путешественниц. Отвечая, например, на вопрос о том, зачем путешественники возили с собой массу, казалось бы, не самых практичных в дальней поездке вещей – от льняных скатертей и столового серебра до переносных ванн, – мы выходим на проблемы символических смыслов повседневных практик, их значения в чужеродной обстановке, и эти смыслы нередко сопряжены с вопросами сохранения собственной идентичности путешественника, с его стремлением противостоять расслабляющему влиянию «нецивилизованного» окружения и опасности «превращения в туземцев» (going native). Для женщин-путешественниц, выбиравших, кроме всего прочего, ещё и крайне неудобные в поездках традиционные викторианские костюмы – платья с корсетами, длинными тяжёлыми юбками и подступающими к горлу воротничками, – эти факторы были особенно значимы: одежда не только маркировала их принадлежность к европейской цивилизации, но и демонстрировала респектабельность её обладательницы, служила оружием против назойливости и оскорблений, с которыми путешественница могла встретиться в дороге.

Тексты путешественниц, кроме того, позволяют судить о социальной активности женщин в британских колониях и побуждают к размышлениям о

том, в какой степени путешествия по имперским территориям становились способом обретения женщинами властных позиций, прежде всего, в их качестве представительниц белой, главенствующей, расы.

Наконец, работы путешественниц могут быть рассмотрены как часть более широкого круга литературы путешествий, в рамках которой конструировались образы Африки и Востока – литературы, формировавшей отношение британцев к колониям и их народам и вносившей вклад в создание дискурса об империи. Женские тексты выступали в качестве основного источника информации о домашней жизни туземцев и о местных женщинах – в том числе и потому, что путешественницы в силу своей гендерной принадлежности имели возможность непосредственного доступа к домашней сфере, обычно закрытой для европейцев-мужчин. Тем самым опыт путешественниц приобретал уникальное значение в конструировании знания о колониальных народах.

Как можно видеть, спектр вопросов, которые могут быть подняты при изучении даже нескольких, единичных текстов о путешествиях, весьма широк. Не сомневаюсь, что отечественные учёные оценят богатство перспектив, предлагаемых исследованием литературы путешествий, и «*travel studies*» как исследовательское поле в самое ближайшее время оформится и у нас.

¹ <http://www.odysseus.msk.ru/discussions/?id=64>

² См. статью И.Г. Коноваловой в настоящем сборнике.

³ См. статью Л.А. Пименовой в настоящем сборнике.

⁴ *Сотин А.Б.* «Московиты среди «антиподов»: русский след в Океании XVII века» (доклад, представленный на круглом столе «Путешествие как историко-культурный феномен» 14-15 мая 2008 г.).

⁵ См. статью С.Е. Федорова в настоящем сборнике.

⁶ В сборнике мы предприняли именно этот способ репрезентации материала (*Прим. ред.*).

⁷ См. статьи С.И. Лучицкой и И.Г. Галковой в настоящем сборнике; к теме путевой повседневности примыкает также статья Н.А. Мозохиной (*Прим. ред.*).

⁸ *М.Ю. Парамонова* «Странствия Войтеха (Адальберта), епископа Пражского: благочестивые паломничества, миссионерские путешествия или «охота к перемене мест» неуживчивого церковного иерарха X в.?» (доклад на круглом столе «Путешествие как историко-культурный феномен»).

⁹ *Кулакова И.П.* Путешествия россиян по России: рождение новой культурной практики и жанра (по материалам конца XVIII – XIX в.) (доклад на круглом столе «Путешествие как историко-культурный феномен»).

¹⁰ *Альперович М.С.* Венесуэльский путешественник – предтеча испано-американской независимости: Франсиско де Миранда в Европе и Северной Америке (1783-1806) (доклад на круглом столе «Путешествие как историко-культурный феномен»).

¹¹ *Buzard J.* What Isn't Travel? / Unravelling Civilization: European Travel and Travel Writing. Ed. by H. Schulz-Forberg. Brussels, 2005. P. 54 – 56.

¹² О традиции «большого тура» см. статьи С.Е. Федорова и А.В. Лазарева в настоящем сборнике (*Прим. ред.*)

¹³ *Ibid.* P. 44. О разграничении между путешествием и туризмом в викторианскую эпоху: *Buzard J. The Beaten Track: European Tourism, Literature and the Ways to Culture, 1800-1918. Oxford, 1993.*

¹⁴ См.: *Афанасьева А. Э. Британские путешественницы в Восточной Африке во второй половине XIX в.: проблемы статуса и репрезентаций. Дисс. к.и.н. Ярославль, 2004; Она же. Зонт, булавки и блокнот. Викторианские путешественницы на территориях империи: обзор литературы. // Гендерные исследования. 2003. № 9. С. 321–325; Она же. Африканские «отчеты» британских путешественниц: женские тексты в системе научного знания (2-я пол. XIX в.). / От Елизаветы I до Елизаветы II: Проблемы британской истории в новое и новейшее время. Ярославль, 2008. С. 74–84.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Киоск по продаже открыток в Петербурге.
Фотография 1912 года. ЦГА КФД

Открытка типа «Gruss aus...» («Привет из...»). Иллюстрация из альбома «Привет из Москвы. Москва на старых открытках» (М., 2004).

Е.П. Самокиш-Судковская. В обратном пути. Открытка из серии «Поездка на воды» издания Товарищества «Контрагент печати». Из собрания автора.

«Страшно трясет. Еду хорошо. Целую тебя и Зику. Ростов – плохо! Не тот тон». Адресная сторона открытки Н.К. Рериха «Ростов. Кремль». Автограф, предположительно, Н.К. Рериха. Художник пишет о качестве воспроизведения открытки. Из собрания автора.

«Привет из Петрограда. Поклон Анне Ефимовне и Кошке. Целую, твой В. Ротенберг». Адресная сторона открытки С. Мюллера «Гостиница «Астория», Санкт-Петербург» с изображением фасада гостиницы. Из собрания автора.

Е.М. Бём. Помолись, да и в путь пулись! / Смелому Бог в помощь! Открытка издания Общины св. Евгении. Из собрания автора.